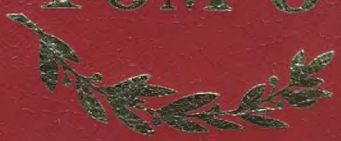
ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

Воспоминания о войне

Том 8



Академия исторических наук

ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

Воспоминания о войне

Том 8

Москва
Академия исторических наук
2007

УДК 82-92”1941/45”
ББК 84Р7-4
О-80

О 80 От солдата до генерала. Воспоминания о войне. Том 8. — М.: Академия исторических наук, 2007.- 681 с.

ISSN 1818-6688 (print)
ISSN 1818-6696 (on-line)

ISBN 978-5-903076-06-2 (т.8)
ISBN 5-903076-05-X

В настоящем томе публикуются воспоминания советских участников боевых действий Второй мировой войны, подготовленные ими в рамках целевой программы Академии исторических наук. В томе представлены в авторской редакции воспоминания 50-ти ветеранов войны, проживающих в Московской, Смоленской, Тамбовской областях и в Москве.

Эта книга является источником для научных исследований, бесценным материалом при подготовке новых учебных пособий и литературных произведений, а также полезной людям, интересующимся военной историей.

Многотомник является некоммерческим изданием и распространяется по установленному Академией перечню получателей. Первыми получателями являются 50 ветеранов-авторов статей и 50 их студентов-помощников, организаторы и преподаватели университета, а также библиотеки университетов, школ и организаций. По четыре экземпляра предназначены для передачи бесплатно в каждый регион России - по одному экземпляру в библиотеки музея, университета, ветеранской организации и главы исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Предусмотрены бесплатные экземпляры для библиотек руководителей государств и зарубежных университетов. 100 экземпляров передаются ветеранам для вручения музеям подшефных школ, а также студентам - для вручения музеям учебных заведений, в которых они еще учатся или уже закончили. Начиная с 7-го тома, книга издается в 1000 экземплярах.

Книга может быть приобретена по подписке на Web-странице **www.ainros.ru** Академии исторических наук, где размещаются все тома для бесплатного чтения и копирования из любой точки земного шара, в том числе в школе, университете, войсковой части, офисе, поезде, самолёте или квартире.

Издание тома осуществлено на средства
Аристархова Владимира Владимировича

УДК 82-92”1941/45”
ББК 84Р7-4

ISSN 1818-6688 (print)
ISSN 1818-6696(on-line)

ISBN 978-5-903076-06-2 (т.8)
ISBN 5-903076-05-X

© Академия исторических наук, 2007

Посвящается величию
Подвига Солдата
Великой Отечественной войны

Дорогой читатель!

Перед Вами книга солдатских мемуаров. Это волнующие, искренние, простые и правдивые рассказы опаленных войной защитников Отечества. С честью и достоинством они прошли через огонь и дым пожарищ величайших сражений, народ назвал их Солдатами Победы.

Никто не забыт! Ничто не забыто!

Оглавление

	Предисловие к изданию	7
	Предисловие к 8-му тому	12
1	**Аксёнов Николай Артёмович**	14
	Здесь у немцев была очень крепкая оборона	
2	**Алабичев Иван Ильич**	17
	С ног до головы в мазуте	
3	**Алексеев Александр Петрович**	30
	Я крикнул: «Стреляй!»	
4	**Балобай Зоя Дмитриевна**	42
	Монолог старшего лейтенанта	
5	**Богомолов Александр Фёдорович**	56
	Я был послан в разведку	
6	**Боднар Александр Николаевич**	65
	Спаслись на парашютах	
7	**Волкова-Музылёва Марина Васильевна**	76
	Девочка из села Мансурово	
8	**Галкин Борис Яковлевич**	92
	Фронтовик и художник	
9	**Гапеёнок Николай Иванович**	107
	Комсомол, на самолёт!	
10	**Герастовский Пётр Афанасьевич**	126
	Автоматчики вводились в бой последними	
11	**Дроздов Михаил Александрович**	134
	Он меня и слушать даже не стал	
12	**Ермаков Александр Алексеевич**	145
	Все погибли, а предателя не удалось вычислить	
13	**Жебит Александр Антонович**	151
	Наблюдательные пункты занимались на деревьях	
14	**Захарчук Евгения Васильевна**	167
	Внезапно небо заполнил гул самолётов	
15	**Зимин Николай Алексеевич**	171
	И решили взять «курошшупа»	
16	**Кагарманов Александр Фазылович**	177
	Их очень не любили наши лётчики	
17	**Казаков Михаил Иванович**	181
	Одна из пуль попала мне в грудь	

18	**Казимиров Григорий Харитонович** Письмо–жалоба на имя Сталина	186
19	**Катомина (Тимошкина) Анастасия Макаровна** Партизанская юность моя	202
20	**Кириллова Евгения Петровна** Я подняла руку	269
21	**Козлов Иван Григорьевич** Приходилось на себе носить мины 7 – 8 км по бездорожью	284
22	**Козлов Николай Петрович** Краснознамённый кавалерийский полк. Часть 1	300
23	**Кравец Николай Дорофеевич** Огнем и колесами, с кавалерией, с танками	325
24	**Краснов Александр Борисович** Взгляд, брошенный с неба. Часть 1	342
25	**Кузьмин Виктор Васильевич** Это был мой первый опыт наводчика	363
26	**Лилин Анатолий Васильевич** Война живет в воспоминаниях	376
27	**Миронов Иван Семёнович** Мы старались догнать врага хотя бы на его территории	394
28	**Моргунов Иван Иванович** Это было в 500 метрах	405
29	**Мясницин Виктор Александрович** На войне мне, можно сказать, повезло	411
30	**Нестеров Павел Иванович** Немецкий пулеметчик ударил по мне целой очередью	418
31	**Орлов Николай Николаевич** Отважный танкист	424
32	**Орлов Яков Никифорович** С зоркостью орла	430
33	**Пинтелин Алексей Павлович** Герои возвращаются даже с того света!	441
34	**Потаскаев Павел Леонтьевич** Пойдешь сегодня со мной в разведку?	446
35	**Рубанов Геннадий Андреевич** Вещевые мешки весили тридцать два килограмма	462

36	**Сафонов Серафим Георгиевич** В дуэли с танками противника	471
37	**Стародворцев Павел Сергеевич** Об огнях-пожарищах, о друзьях-товарищах. Часть 1	478
38	**Старостин Валентин Фёдорович** Через тернии войны к мощной державе. Часть 1. Бои на границе, борьба в плену	501
39	**Субачев Алексей Филиппович** Предвоенные годы и начало войны	534
40	**Татаринцев Николай Петрович** Дружба, испытанная войной.	542
41	**Ткачёв Александр Сергеевич** Расстрел солдата	551
42	**Тромлаков Михаил Павлович** Был преодет в немецкую форму	558
43	**Уланов Рем Иванович** Путь миномётчика	563
44	**Уткин Борис Павлович** Дивизион «Катюш» в Корсунь-Шевченковской операции	566
45	**Фомин Сергей Петрович** Поступок моей матери иначе как подвигом назвать не могу	574
46	**Хлынина Александра Петровна** У войны не женское лицо	589
47	**Швебиг Анатолий Петрович** О ратной доблести, мужестве и отваге инженерно-технического состава и воинов ремонтников	601
48	**Шипилов Владимир Федотович** Налетели сразу восемьдесят самолётов	613
49	**Шиян Иван Сильвестрович** И на Малой земле…	622
50	**Эпштейн Владимир Львович** И везде страшный запах гари	652
	Благодарность Оргкомитета издания	679

Предисловие к изданию

Во всемирной истории Вторая мировая война занимает особое место. Главным героем священной войны с фашизмом стал советский солдат. В грозный час смертельной опасности он не дрогнул, не пал духом, не склонил голову перед захватчиками. Не щадя себя в яростных и ожесточенных боях, сражаясь за каждый рубеж и высоту, он остановил врага у стен Москвы, обескровил отборные войска, покорившие Европу, а затем отбросил их на сотни километров, одержав первую историческую победу под Москвой.

Это он окружил и уничтожил крупнейшую группировку врага под Сталинградом, разгромил его хваленые танковые армады на Курской дуге, форсировал Днепр, освободил блокадный Ленинград, все наши земли, а затем и народы Восточной Европы, штурмом взял Берлин, водрузил Красное знамя над рейхстагом, Прагу и принес народам мира Победу. Она стала возможной в результате великого единения армии и народа, большой организаторской деятельности ВКП(б) и всех государственных органов, подвига солдата и труженика тыла, партизана и подпольщика. Эта слава на века, радость и гордость, слезы и горечь утрат, клятва помнить павших в боях, наука побеждать - урок недругам, зарящимся на чужие земли. Победа - это Знамя, которое объединяет всех людей Земли.

Выдающийся полководец и Маршал Победы Г.К. Жуков высоко оценил роль солдата в этой войне: «Кровью и потом солдата добыта Победа над сильным врагом. Он умел прямо смотреть в глаза смертельной опасности, проявил высшую воинскую доблесть и героизм. Нет границ величию его Подвига». Свой знаменитый труд «Воспоминания и размышления» прославленный маршал посвятил советскому солдату.

Всемирно-историческое значение Великой Победы в послевоенный период описано и доказано арсеналом фундаментальных военных трудов по истории, исследованию и изучению опыта Второй мировой войны.

Вместе с тем в военной мемуарной литературе преобладают воспоминания полководцев и видных военачальников. Даже мемуары командующих армиями стали появляться лишь в последнее десятилетие. Крайне редко издаются солдатские мемуары рядовых, сержантов, старшин, командиров взводов, рот, батальонов и им равных в различных родах войск и служб.

Не бывает армий без солдат, а боя - без бойцов. Именно они составляют основную массу непосредственных участников боевых действий, исполнителей замыслов и решений командиров и начальников. Лицом к лицу встречались они с врагом, смерть ходила рядом, но им выпало жить. Они - носители и первоисточники самой подробной, детальной, объективной и достоверной информации, интеграция и анализ которой позволяли командирам и штабам получить наиболее полную, правдивую и обоснованную оценку хода и результатов боя.

Первыми, кто пытался собрать и издать солдатские мемуары, были известные писатели С.С. Смирнов и К.М. Симонов. Их выступления по телевидению, радио и в печати пользовались большой популярностью, но по ряду объективных причин, таких, как значительная стоимость работ и недостаточный материально-технический уровень издательской базы, эта работа продолжения и развития не получила. Были и причины субъективные, к которым следует отнести недооценку значения солдатских мемуаров.

Память о войне неподвластна времени, интерес к героическому подвигу армии и народа продолжает возрастать. Открываются новые страницы патриотизма, геройства, стойкости, силы духа, верности долгу, мужества, чести и доблести. В них - ключи к решению многих задач, стоящих перед современным обществом.

Народная мудрость гласит: чтобы понять и оценить настоящее и предвидеть будущее, надо знать и помнить прошлое. Память о войне направляет наши мысли на патриотические дела в интересах народа и государства.

Празднование 60-летия Великой Победы подтвердило важное значение солдатских мемуаров как источников новых знаний о войне.

Редеют ряды ветеранов, и поэтому становится бесценной фронтовая, подлинная и достоверная, простая солдатская правда о войне. В этой связи потребность собрать, сохранить и издать воспоминания всех участников боевых действий стала еще более актуальной.

Большой размах и авторитет в стране приобрело ветеранское движение. Ветеранские организации вместе с учебными заведениями стали ведущей силой в решении задачи воспитания у молодого поколения высокого чувства патриотизма, долга и готовности к служению Отечеству.

Благодаря помощи и активному участию Московского комитета ветеранов войны проведена работа по созданию многотомной серии воспоминаний всех участников боевых действий Второй мировой войны - от солдата до генерала. Для оказания помощи в подготовке воспоминаний к каждому ветерану прикрепляется студент учебного заведения. Совместная работа ветеранов и студентов имеет огромное воспитательное значение.

Достигнутый уровень компьютеризации учебных заведений и современная полиграфическая база способствуют решению задачи издания воспоминаний всех участников войны. Стало возможным с высоким качеством и в короткие сроки издавать серию книг до 50 воспоминаний в каждом томе с фотографиями ветерана и студента. За счет спонсорской помощи предпринимателей и организаций предыдущие тома издавались в количестве 750-850 экземпляров. По просьбе ветеранов и студентов, начиная с 7-го тома тираж увеличен до 1000 экземпляров: безвозмездно по 2 экземпляра передаются ветеранам и студентам, а остальные 800 экземпляров в библиотеки ведущих университетов, музеев, ветеранских организаций и глав исполнительной власти всех регионов России, а также в библиотеки ведущих зарубежных университетов мира.

Опыт взаимодействия ветеранской организации 4-й гвардейской танковой армии, Московского комитета ветеранов войны в целом и факультета военного обучения Московского авиационного института (государственного технического университета) по подготовке воспоминаний ветеранов войны стал использоваться в 2003-2005 годах факультетами и кафедрами военного обучения еще четырнадцати российских высших учебных заведений:

- Московского авиационно-технологического университета,
- Московского государственного горного университета,
- Московского государственного лингвистического университета,
- Московского государственного строительного университета,
- Московского государственного технического университета им. Косыгина,
- Московского государственного университета природоустройства,
- Московского инженерно-физического института (государственного университета),
- Московского энергетического института (технического университета),
- Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
- Российского государственного технологического университета им. К.Э. Циолковского,
- Московского государственного агроинженерного университета им. В.П. Горячкина
- Кубанского государственного аграрного университета
- Кубанского государственного технологического университета
- Кубанского государственного университета

С октября 2003 года на кафедре истории Московского авиационного института была проводится работа по привлечению к этому движению студентов-первокурсников. Добровольная активность студентов кафедры превзошла все ожидания – только за один семестр они способны подготовить материалы на целый том. Их предыдущая работа представлена в 7-м томе.

Приобретенный опыт использован университетами и молодежными организациями Москвы, Московской, Смоленской и Тамбовской областей и Краснодарского края. Это вселяет уверенность в реальности девиза создания многотомных мемуаров «От солдата до генерала: воспоминания о войне» - «Никто не забыт, ничто не забыто».

Работа студентов с ветеранами продолжается, ее результаты будут основанием для издания следующего из очередных томов.

Шоль Евгений Иванович
Президент Академии исторических наук

Пархоменко Владимир Иванович
Председатель Совета ветеранов 4-й гвардейской танковой армии, генерал-майор в отставке

Предисловие к 8-му тому!

День Победы, 9 Мая - это дата, когда особенно остро проникаешься ощущением торжественности, гордости за наш народ и грусти. К сожалению, грусти с годами становится всё больше. Ветераны уходят от нас навсегда, и их жизнь постепенно становится историей.

Но пока они с нами, пока у нас ещё есть возможность сердцем прикоснуться к их Подвигу, так важно успеть познакомиться, узнать, услышать из первых уст о той страшной войне, выразить благодарность людям, сумевшим вынести все её тяготы и ценой своей жизни завоевавшим для нас Победу.

В подготовку воспоминаний каждого из ветеранов вложен труд двух человек: во-первых, самого ветерана, а во-вторых, юноши или девушки, которые помогали готовить материал к публикации. Мы благодарны нашей молодёжи за этот бескорыстный труд и мы вправе сказать: новое поколение видит смысл жизни далеко не в одних только материальных ценностях! Да, ребята понимают то огромное значение, которое имеет работа по сбору свидетельств доживших до наших дней героев войны - и мы гордимся такой сменой.

По традиции вместе с текстами мы помещаем фотографии авторов-ветеранов. А фотографии их молодых помощников опубликованы в конце каждой статьи.

В книге представлены воспоминания ветеранов Москвы, Московской, Смоленской, и Тамбовской областей, которые прошли свой боевой путь на разных фронтах Великой Отечественной войны.

До сих пор в России не издавалось ничего подобного. В этом издании есть биографические справки, но самое ценное в нём - воспоминания. Это живые фронтовые истории, на основе которых учёный может найти ранее неизвестные подробности и факты, а преподаватель может на реальных примерах проводить воспитательную и патриотическую работу.

Кроме того, это свежий, непредвзятый, не искажённый в угоду «единственно верному учению» взгляд на историю. В издании - личные воспоминания ветеранов от солдата до генерала, а не общеизвестные и отфильтрованные сведения о войне.

Это особая Народная Награда нашим ветеранам - реальное увековечение их Подвига и передача ветеранами ответственности за боевую славу России – молодёжи, той молодёжи, которая будет гордиться своим великим прошлым и строить наше с вами великое будущее.

Аристархов Владимир Владимирович,
депутат Московской областной Думы (фракция партии «Единая Россия»),
член Президиума политсовета Московского областного регионального отделения всероссийской политической партии «Единая Россия»

Аксёнов Николай Артёмович

Здесь у немцев была очень крепкая оборона

Я, Аксёнов Николай Артёмович, родился 9 мая 1924 года в селе Новосахотино, Красноармейского района, Казахской ССР. По национальности я русский. Был членом КПСС.

Школу окончил в 1941 году накануне начала войны. После окончания школы и до призыва работал инспектором нархозучета.

Узнал о начале войны 22 июня в городе Намангане Узбекской ССР, где на тот момент постоянно проживал.

В августе 1943 года я был призван для участия в боевых действиях. До призыва воинских званий у меня не было. Наше соединение было сформировано в городе Наманган и отправлено в селение Поныри (Орловско-Курская дуга). Туда мы прибыли 25 августа 1943 года.

Я начал боевые действия в звании рядового в составе 51 гвардейской Фастовской Ордена Богдана Хмельницкого танковой бригады 6-го гвардейского танкового корпуса 2-й гвардейско-танковой армии под командованием непосредственного начальника гвардии майора Молчанова - героя СССР, командира 51-й бригады подполковника М.С. Новохатько, командующего корпусом генерал-майора танковых войск М.И. Зенковича, командующего армией маршала Бронетанковых войск М.С. Рыбалко.

Боевой путь проходил так: село Григоровка (21 сентября

1943 г.), река Днепр (21 сентября 1943 г.), село Городище (21 сентября 1943 г.), река Висла (осень 1943 г.), города Орёл, Бруклин (осень 1943 г.), город Фастов (6 ноября 1943 г.), город Киев (7 ноября 1943 г.), Святошино (6-7 ноября 1943 г.), город Коростышев (17 ноября 1943 г.), город Проскуров (25 марта 1944 г.), город Львов (лето 1944 г.), город Перемышль (25 июля 1944 г.), город Сандомир (лето 1944), река Одер в районе населенных пунктов Эйзенау и Грошовиц (23 января 1944), город Гайнау (31 января 1944 г.), город Бунцлау (12 февраля 1945 г.).

За период войны особо запомнились следующие моменты.

Форсирование реки Днепр у села Григоровка. Здесь большую в проведении этого маневра помощь оказал партизанский отряд, который заранее подготовился к подходу войск и при форсировании помог нам заранее подготовленными средствами переправы (лодками, плотами и т.п.).

Когда 31 января 1945 года был взят под контроль Советской армией город Гайнау, где находится могила Кутузова, меня сильно поразил тот факт, что фашисты (именно фашисты, а не немцы!) очень хорошо к ней относились. Могила была хорошо ухожена и красиво украшена цветами.

В городе Фастов 51-я танковая бригада оказалась в окружении. Одну неделю мы не знали, что делать. Потом я вступил в связь с командующим армией маршалом М.С. Рыбалко, и он указал, как можно выбраться из окружения. Всё было сделано в точности так, как он приказал, и нам удалось выбраться из окружения.

Форсирование реки Нейсе. Этот бой запомнился тем, что он был очень тяжёлым, так как здесь у немцев была очень крепкая оборона. Наша задача усложнялась ещё и тем, что захват производился сходу. В этом бою погибло много солдат, но эти жизни были отданы за победу над фашистами.

Боевые действия я закончил на Тельтов канале в Берлине 5 мая 1945 года в составе того же соединения на должности радиста в звании сержанта. Командиры остались те же самые, кроме командира 51-й бригады, только командиром стал полковник Д.Г. Суховаров.

Возвращался с войны в течение мая месяца 1945 года через города Перемышль, Киев, Брянск.

Вследствие сокращения численности армии после оконча-

ния войны, в конце мая 1945 года я демобилизовался из Гороховецких военных лагерей под Горьким в город Наманган. В Намангане был трудоустроен на должность инспектора по кадрам и специальной работе областного управления сберегательных касс.

Награжден:

- медалью «За Отвагу» №1581638, за форсирование реки Днепр;
- орденом боевого Красного Знамени №2886057;
- орденом Отечественной войны I-ой степени №1640003.

Кроме этого был награжден девятнадцатью памятными медалями правительства СССР, которые были вручены после войны.

На войне в 1944 г. под Смоленском погиб мой отец.

Я сам получил осколочное ранение в голову на Орловско-Курской дуге в районе села Поныри. Один месяц лечился во фронтовом госпитале.

После войны в живых остались мать, сестра и брат.

Ноябрь 2002 года.

*В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Закиев Валерий Владимирович**, студент 1 курса, Московского авиационного института (Технического университета)*

Алабичев Иван Ильич

С ног до головы в мазуте

Родился 9 сентября 1923 года в деревне Анненка Мордовского района, Тамбовской области в крестьянской семье. Русский. Крещен как православный. В 1942 г. стал кандидатом в члены партии, а спустя полгода принят в ряды ВКП(б). В семье было еще два сына - Александр и Степан, а также дочери - Елизавета и Вера. Мать, Александра Григорьевна, умерла в 1935 году, а отец, Илья Миронович, погиб на фронте в 1943 году.

В местную школу пошел с девяти лет, где всегда был примерным учеником. По окончании с отличием Любовской неполной средней школы в 1939 году поступил без экзаменов в Тамбовское педучилище. В нем как один из лучших студентов возглавлял ученический профком, активно участвовал в организации досуга молодежи, в том числе и выпускного вечера у третьего курса, который проходил 21 июня 1941 года. Торжество закончилось за полночь, веселью не помешала даже неудача с традиционной прогулкой на лодках по Цне, так как к вечеру стал накрапывать дождик. После праздника все разошлись по домам, иногородние студенты вернулись в общежитие.

Утром я проснулся в десятом часу, собрался ехать домой, в деревню. Но перед отъездом зашел поговорить о профсоюз-

ных делах с сокурсницей. В магазине купил гостинцев племянникам. Время еще было, поэтому решил навестить хозяев квартиры на улице Московской, у которых жил раньше. И тут услышал позывные по радио: «Внимание! Внимание! Правительственное сообщение…». Говорил Молотов. Война…

Сразу отправился на центральную площадь города, где было полно народу. Сообразив, решил держать путь не домой, а на железнодорожную станцию в Избердей Петровского района, куда, судя по всему, должен был приехать старший брат. У него имелся вкладыш к военному билету – «красный листок», который обязывал в случае объявления войны немедленно явиться в военкомат. Но оказалось, что Александр пешком отправился в Тамбов. Так с ним и разминулись. И все пошло по законам войны…

Студентов педучилища вскоре собрали в Тамбове и с первого августа направили на уборку зерновых в деревню Татаршина Бондарского района. Вернувшись, многие заявили в райкоме комсомола: «Хотим участвовать в спасении Отечества!», - на что там ответили: «Пишите заявления». Я так и поступил.

Мой боевой путь прошел как через всю Россию, так и через другие страны: город Москва (декабрь 1941 г.), город Клин (декабрь 1941 г.), село Рамушево Новгородской области (март 1942 г.), село Эльхотово в Северной Осетии (сентябрь 1942 г.), города - Минеральные Воды, Невиномысск Ставропольского края (январь - февраль 1943 г.), город Кропоткин, город Кореновск, город Тимашевск, город Славинск-на-Кубани, город Темрюк Краснодарского края (февраль - ноябрь 1943 г.), город Керчь, город Феодосия, город Симферополь, город Ялта, город Севастополь (ноябрь 1943 г. - май 1944 г.), город Бакэу, город Клуш, Румыния (август - сентябрь 1944 г.), город Дербецен, город Сольнок, Венгрия (октябрь - ноябрь 1944 г.), город Брно, город Прага, Чехия (декабрь 1944 г. - май 1945 г.).

Боевой путь начал под Москвой в декабре 1941 года в составе войск 1-й Ударной армии Западного фронта, которым командовал генерал-лейтенант Кузнецов Василий Иванович.

В феврале 1942 года нашу часть перебросили на Северо-Западный фронт, под Старую Руссу Новгородской области. Я уже стал командиром взвода 46-й отдельной курсантской бригады в разведроте. Здесь же, 2 марта, получил первое ранение. Осколок повредил мягкие ткани кисти правой руки. Меня от-

правили на двадцать дней, до 15 апреля, в костромской госпиталь.

По выздоровлении был зачислен в 84-ю отдельную стрелковую бригаду морской пехоты. Ею командовал генерал-майор Козырь. С мая 1942 года мы находились в обороне. В это время нас передали в 11-ю армию под командование генерал-лейтенанта Морозова Василия Ивановича. В конце июля - начале августа 1942 года несколько бригад, в том числе и нашу, перебросили на Северный Кавказ. Эшелон проходил через Тамбов. Но долго насладиться духом малой родины, конечно, не удалось. Была возможность лишь выйти на перрон. По приезде в Астрахань нас переправили на теплоходе «Колхозник» через Каспийское море в Махачкалу. Оттуда и начались бои за Северный Кавказ. Потом мы вошли в состав 777-го стрелкового ордена Александра Невского Севастопольского полка 227-ой стрелковой дивизии. Полком командовал Волынский Иосиф Исаакович, подполковник; дивизией - генерал-майор Преображенский.

На Кавказе был дважды ранен в боях. 9 марта 1943 года солдат, шедший впереди меня, наступил на мину нажимного действия. Осколок повредил мне мягкие ткани правой ноги. Пришлось три недели до 2 апреля пролежать в медсанроте бригады.

Другое ранение, в грудь, а с ним и контузию, получил спустя полгода, в начале осени, что заставило покинуть боевых товарищей до седьмого октября 1943 года. Оправившись, возвратился в свой полк перед тем, как часть десантом переправилась в Крым в составе Отдельной Приморской армии, в которой служил до августа 1944 года. В конце ноября 1943 года меня назначили начальником штаба батальона.

Здесь, 11 февраля 1944 года, был ранен в четвертый раз. Осколок попал в правое бедро. Лечился в медсанбате до 22 марта 1944 года. Участвовал в освобождении Керчи, Феодосии, Симферополя, Ялты, Севастополя, после чего дивизию перебросили на 2-ой Украинский фронт, командовал которым Малиновский Родион Яковлевич. Там, как раз, проходила Ясско-Кишеневская операция. Освобождали румынские города - Бакэу, Онешти, венгерские - Дербецен, Сольнок, Будапешт, чехословацкие - Брно, Прагу, где и встретили день Победы. Но для нас война продолжалась до 11 мая 1945 года.

Затем через Чехию, Германию, Польшу, Белоруссию и Россию отправили в город Чойбалсан, что на территории Монгольской народной республики, где в составе войск Забайкальского фронта освобождали город Мукден в августе 1945 года. В это время я командовал стрелковой ротой.

Демобилизовался в сентябре 1946 года из города Красноярска, где остановилась наша часть, в звании капитана. Прибыл по месту рождения и был назначен заместителем директора Волчковской средней школы по военно-физическому обучению.

Имею боевые награды.

В июне 1943 года награжден медалью «За отвагу» (№667677).

В октябре 1943 года - орденом Отечественной войны II-й степени (№75912).

В мае 1944 года - орденом Красной Звезды (№616561).

В мае 1945 года - орденом Красной Звезды (№1506887).

15 мая 1945 года награжден медалью «За оборону Москвы» указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 мая 1945 года.

Представлен к награде медалью «За освобождение Праги» указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1945 года.

10 марта 1946 года награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 года.

6 августа 1946 года награжден медалью «За победу над Японией» указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 сентября 1945 года.

10 мая 1948 года награжден медалью «За взятие Будапешта» указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1945 года.

Награжден орденом Отечественной войны I-й степени (1425609) указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 года.

Награжден орденом «Знак почета» (№499605) указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 июня 1966 года, медалью «50 лет Вооруженных Сил СССР» (23 февраля 1968 года), медалью «За доблестный труд в ознаменование 100-летия

со дня рождения Владимира Ильича Ленина» (14 апреля 1970 года), орденом Трудового Красного Знамени (№677092) указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1971 года, юбилейной медалью «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (6 мая 1975 года), юбилейной медалью «60 лет Вооруженных Сил СССР» (20 февраля 1978 года), юбилейной медалью «Сорок лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (5 мая 1985 года), медалью «Ветеран труда» (10 июня 1986 года), юбилейной медалью «70 лет Вооруженных Сил СССР» (23 февраля 1988 года), юбилейной медалью «50 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», медалью Жукова, медалью «В память 850-летия Москвы».

Дорогами войны прошли и мои братья. Алабичев Александр Ильич, лейтенант, командир артиллерийской батареи, был на войне с первого дня до победного. Боевой путь: Смоленск - Москва - Белоруссия - Кенигсберг. Награжден орденом Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За оборону Москвы, «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией». Был ранен. Умер 5 июля 2001 года.

Алабичев Степан Ильич был призван в армию в 1940 году. Боевой путь: Южный фронт - Сталинградский фронт - 2-ой Украинский фронт. Во время войны с Японией служил на Забайкальском фронте. Награжден медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией», «За победу над Японией». Умер 31 августа 1982 года.

На войне погиб наш отец Алабичев Илья Миронович. Его призвали в начале 1942 года. Долгое время от него не было писем. На одно из наших писем пришел ответ от командира части, где служил отец: «Адресат выбыл. Доставить невозможно». Причина сразу стала понятна.

На поле брани погибли мои двоюродные братья Казинский Тимофей Сергеевич и Миленин Григорий Иванович, дядя - Алимов Иван Григорьевич.

После войны было необходимо устраивать личную жизнь. В 1947 году я женился на однокласснице Маше Андреевой; она проработала учителем около сорока лет. С ней мы вырастили двух дочерей и сына, которые окончили Избердеевскую

среднюю школу имени Героя Советского Союза Володи Кораблина в Петровке Тамбовской области с золотыми медалями. Смерть жены в 1990 году стала неизбывным горем для всей семьи.

В 1954 году окончил областную партийную школу, которая приравнивалась к учительскому институту.

В 1959 году с должности второго секретаря Волчковского райкома партии по настоятельной просьбе парторганизации местного колхоза и с согласия обкома КПСС был избран председателем колхоза имени Коминтера с девятнадцатью населенными пунктами и восемью тысячами гектаров пашни, где проработал шесть лет. В 1961 году заочно окончил Высшую партийную школу при ЦК КПСС. В 1966 году обком направил меня на должность директора крупного откормочного совхоза «Ким» Никифоровского района. Должность эта материально хорошо поощрялась, но кадрами распоряжалась партия, и в том же году меня избрали первым секретарем Петровского райкома КПСС, где зарплата стала на треть меньше.

Здоровье, подорванное фронтом и нелегким трудом в мирное время, значительно ухудшилось. Из-за длительной болезни стало не под силу исполнять должностные обязанности. Как-то секретарь Тамбовского обкома партии Василий Ильич Черный, человек добропорядочный, говорит мне: «Заботы ты обкому пять лет не давал, теперь мы обязаны о тебе позаботиться». И меня перевели в аппарат обкома на должность инструктора в отраслевой отдел. Год настойчиво лечился, здоровье несколько улучшилось. И в 1973 году меня утвердили членом партийной комиссии при Тамбовском обкоме партии. С этой должности и ушел на пенсию в 1988 году.

С ранней юности писал стихи, но не издавал их вплоть до 2004 года. Издаваться в порядке очереди всегда было непросто, а использовать служебное положение считал для себя недопустимым. Сомневался и в достоинстве литературных опытов, что не прошло в некоторой степени и до сих пор. Да и не хотел услышать насмешливые упреки: «Нашел, чем заниматься». В то время это было возможно. В 2004 году вышел мой первый сборник «Дорога длиною в жизнь». (Алабичев И. И. «Дорога длиною в жизнь.», Тамбов, ООО «Издательство «Юлис», 2004 г., 192 с.).

В одном из стихотворений я искренне говорю:

Извини меня, читатель,
Что объявился как поэт,
Когда стал уже прадед.

К печати готовится второй сборник стихотворений под названием «Однолюб», куда войдут произведения, написанные как в юности, так и сравнительно недавно. Есть мысль обратиться к прозе, где главное место займут, конечно, воспоминания о страшных днях Великой Отечественной войны, которые для каждого из ее участников священны.

А земля-то ведь наша!..

…Досталась дорого победа:
Жизнь отдавалась, а не чек.
Мог одолеть такую битву
Только свободный человек.
Жестокая битва.

Алабичев И.И.

К воспоминаниям о военных днях и годах я всегда отношусь очень осторожно. Во-первых, потому, что, как я написал в одном из стихотворений,

Все не скажешь о войне.
Ведь каждый в одиночку,
В грозной книге огневой
Одну лишь знает строчку.

Во-вторых, если воспоминания основаны не на документах или дневниковых записях ветерана, а только на том, что сохранила человеческая память, надо учитывать, что со временем многое забывается. Да к тому же война, как говорится, - не игрушка. Страх ее туманит и глаза, и разум. Поэтому обобщать и делать масштабные выводы о событиях военного времени я не хочу и не могу.

На войне, конечно, всякое бывало. В большинстве своем наши воины сражались беззаветно, в меру умения и сил, а по-

рой и сверх того. Но встречались и трусы, и предатели Родины, и бездарные командиры. Я могу это утверждать, потому что был на фронте три года и двести дней, и на западе, и на востоке. Большую часть все на переднем крае, да еще и в пехоте. Полагаю, что у пехотинцев больше других была возможность узнать правду о войне; тяжелее, чем им, никому не было. И я так говорю вовсе не потому, что «каждый кулик свое болото хвалит». Как-то сами собой у меня сложились стихи о пехоте:

Мы стрелки нашей армии грозной
Мы пехота – царица полей.
Бей врага пехотинец бесстрашный
Меткой пулею бей.

И чего только не пришлось пережить! Но почему-то есть эпизоды, которые всплывают в уме особенно часто, глубоко запали в душу и крепко держат память до сих пор.

Помню, дело было в феврале 1943 года. Наша воинская часть преследовала отступающего противника в районе станицы Кореновская (ныне город Кореновск, Краснодарского края). Тогда я был командиром взвода в радведроте 84-й бригады морской пехоты. Перед нами поставили задачу: выйти на соприкосновение с немцами и зафиксировать их местоположение. Задание, прямо сказать, для разведки простое, потому и шли мы без особого напряжения, да и погода была по-весеннему теплая. Мы и не заметили, как где-то сбоку проскочил и оказался впереди нас заместитель командира нашей бригады. Стоя в машине под прикрытием сарая, он смотрел в бинокль. Когда мы подошли к машине, он пренебрежительно сказал:

- Эх вы, разведчики! - а мне говорит: - Вон там, на пригорке, заметны немецкие окопы. Идите, возьмите языка и доложите об исполнении. Потом машина развернулась и ушла в обратном направлении.

Мы вышли на окраину селения, а впереди - абсолютно ровное поле с небольшим пригорком, на котором действительно виднелись окопы, но никакого движения не замечалось. Идти небольшой группой, а со мной было два отделения, белым днем, в открытом поле брать языка, конечно, было равно-

сильно самоубийству, речь шла о жизни не одного человека. Приказали, может, и сгоряча. Но приказ есть приказ.

Я обратился к ребятам, как это было у нас принято, с вопросом: кто пойдет первым? В ответ последовало гробовое молчание. Ведь все понимали гибельность нашего положения. Но вдруг рядовой Лисюнин, кстати, наш земляк из Знаменского района, и говорит:

- Ребята, а земля-то ведь наша! И кроме нас ее все равно освобождать некому. Я пойду, товарищ лейтенант. - И хор голосов:

- Все пойдем!

Оценив обстановку, я приказал изготовиться и подал команду: «Огонь!» Какие-либо другие действия были бессмысленны. В ответ на наши автоматные очереди немцы тут же начали ружейно-пулеметную стрельбу. Завязалась перестрелка. Вскоре подошли передовые подразделения бригады, а с ними и командир нашей роты старший лейтенант Агапов. Он сказал мне, что свое задание мы выполнили. А я сообщил, что есть приказ заместителя комбрига взять языка. Агапов ответил, что знает об этом, и что подполковник отменил свой приказ. Странно, но фамилия его почему-то забылась.

Разведчик Лисюнин в одной из последующих операций был ранен, выбыл из части и к нам не возвратился, но его слова: «А земля-то ведь наша!..» – мы всегда повторяли, когда оказывались в трудных ситуациях.

Часто с содроганием вспоминаю другой не менее яркий эпизод. В начале сентября 1943 года, когда наша рота находилась на Северном Кавказе, мы преследовали вдоль берега Азовского моря отступающих немцев. Рано утром я, как командир, отправился с двумя отделениями солдат уточнить расположение противника.

Мы двигались в направлении города Темрюка на юге Азовского моря. Обходным путем прошли первый укрепленный пункт немцев, убедились, что он пуст. И дали об этом знать нашим. Следом за нами незамедлительно пошел стрелковый батальон под командованием майора Козикова.

Приблизились ко второму укрепленному пункту. Проволочное ограждение немцы не сняли, как и у первого, уже пройденного нами. Думаем: оставили, чтобы нас задержать. Признаков присутствия противника мы не обнаружили. Я по-

слал дозор. Ребята подошли вплотную и подали сигнал на продолжение движения. Мы прошли десять - пятнадцать метров, и вдруг… Немцы открыли двусторонний кинжальный огонь, начали и минометный обстрел. И вдруг что-то стукнуло в грудь. Дотронулся – рука в крови… Дорого досталась нам эта ошибка.

На войне действительно всякое бывало. Иногда рядом уживалось грустное и смешное. Такое вот запомнилось при высадке десанта в Крым. Еще летом 1943 года нашу бригаду переформировали в 227-ю стрелковую дивизию, и я был назначен командиром отдельного взвода разведки 777-го стрелкового полка. После изгнания немцев с Северного Кавказа в ноябре 1943 года началась Керченская десантная операция. Наш полк форсировал Керченский пролив вторым эшелоном.

Взвод разведки сначала разместили в каком-то закрытом суденышке, а потом пересадили в открытую баржу, а наше место заняли саперы. Я еще посетовал, что в закрытой посудине было бы лучше - безопаснее. Она стала буксиром для нашей и еще одной баржи с боеприпасами, которую сопровождал только один младший лейтенант. Я его раньше не знал. Видимо, предполагалось, что разгружать ее будут саперы.

К нам на баржу перед отходом пришел заместитель командира полка по строевой части майор Анисимов. При десантировании командование полка предусмотрительно рассосредоточилось. Мы уже прошли большую часть пути. Ночь была лунная, и стали заметны очертания берега. И только майор Анисимов сказал, что не так страшен черт, как его малюют, как раздался сильный взрыв. Это наш буксир зацепил плавучую мину. Благо, что боеприпасы не сдетонировали. Когда столб воды, накрывший нас, спал, мы услышали крики небольшой группы уцелевших при взрыве. А от буксира остались одни обломки. Кто-то из тонувших особенно громко кричал: «Спасите, спасите!». Младший лейтенант, сопровождавший вторую баржу, ее волной прибило к нашему борту, скинул шинель, видимо, собрался прыгать, но потом понял, что прыгать некуда. Дрожа от холода или страха, утверждать не берусь, он тоже кричал: «Чего панику наводите?».

- Вот вам и храбрец! – с усмешкой сказал Анисимов. Скупо улыбнулись и другие.

Всех ли спасли, – затрудняюсь сказать. Но среди них был один матрос… Это невозможно забыть. С ног до головы в мазуте, глаза тоже им залиты. Он сам уцепился за баржу и, подхваченный руками наших разведчиков, опираясь ногами о борт, быстро вскочил в нее. Баржи, покачиваясь, медленно перемещались в сторону Черного моря. Возникло тягостное молчание. Но вскоре шедший за нами катер подобрал наши баржи и доставил до берега. Высадившись, мы с ходу вступили в уже шедший на плацдарме бой.

Говорю об этом вовсе не потому, чтобы рассказать о грустно-смешном случае, а потому, что Керченская десантная операция была крупнейшим десантом за всю историю Отечественной войны, а для меня вместе с последующей операцией по освобождению Крыма наиболее трудной во всей военной биографии. За мужество и героизм, проявленные воинами в этих сражениях, звание Героя Советского Союза присвоили даже большему числу воинов, чем за Московскую и Сталинградскую битвы (255 и 222 соответственно по официальным данным). Звание Героя получил и командир нашей дивизии полковник Преображенский, ставший вскоре генерал-майором.

В конце 1943 года, после третьего ранения, мы были в то время на Керченском плацдарме, меня назначили начальником штаба первого батальона нашего полка. Начальник штаба – громко сказано: весь штаб-то и состоял из начальника и писаря. Да и в штатном расписании эта должность называлась адъютант старший стрелкового батальона. С весны 1944 года командиром батальона стал капитан Серегин Сергей Александрович, москвич родом. Потом ему было присвоено звание майора. Мы были вместе практически до конца войны. Его последний раз ранили 28 апреля, а меня 5 мая 1945 года. После этого мы вместе не служили, но наша фронтовая дружба сохранилась на все время.

Сергей Александрович был действительно воином с большой буквы, что называется. О нем знали не только во всем нашем 777-м ордена Александра Невского Севастопольском полку, но и во всей дивизии. Как-то при встрече ветеранов - участников обороны Москвы, проживающих в городе Тамбове, оказалось, что есть среди нас и ветеран нашей дивизии, старший лейтенант медицинской службы Павел Семенович

Морозов. Когда я сказал, что из батальона Серегина, он воскликнул: «Как же, знаю! Боевой комбат Серегин!». Признаться, не был я таким воином-богатырем, как Сергей Александрович, но брать пример с него старался. Действовал наш комбат всегда смело и решительно, иногда горячился. Тогда приходилось советовать ему быть осмотрительнее. К этому я приучился за два года службы в разведке. Он обычно говорил: «Что ты опять держишь меня за штаны?» - а потом соглашался. Он был и умным человеком. А главным его достоинством, как считали все, кто воевал с ним бок о бок, было то, что он никого никогда не подставлял, даже и не пытался загородиться кем-то. Не ссылался на отсутствие приказа, когда надо было проявить инициативу, и не боялся ответственности за последствия. Поощрял все это и в действиях подчиненных. Вот с такими командирами, а при них и солдаты были такими, свершилась шестьдесят лет назад Великая Победа. Память о них живет и в моих стихах:

А достойным командирам
Всегда под стать солдаты.
И потому в боях везло
Всем таким ребятам.

В послевоенные годы, живя и работая в Москве, Серегин вел активную переписку с фронтовыми товарищами, офицерами и солдатами. А потом мы сорганизовались и создали при его активном участии Комитет ветеранов 227-й дивизии. Сергей Александрович был избран его председателем и оставался им до конца своих дней. В одном из писем в 1996 году, будучи тяжело больным, он с тревогой писал, чтобы мы не допустили разрушения фронтового братства. Призывал «оставаться верными патриотами своей Родины, за которую фронтовики проливали кровь, потеряли здоровье, чтобы День Победы всегда был символом славы, чести, верности принципам справедливости, равенства и братства».

По воле фронтовиков наше братство не будет разрушено никакими негативными общественными явлениями. Но вот время… Неумолимое время медленно, но неизбежно подталкивает его. Еще в начале девяностых годов я писал более чем в сорок адресов поздравительные открытки друзьям-

фронтовикам и получал их не менее в свой адрес. А сейчас переписываюсь только с одним из сослуживцев Иваном Александровичем Мамаевым. Большинство других ушло из жизни. Да и не мудрено: прожить дольше восьмидесяти лет отпущено не каждому. Но и мы, ветераны, живущие ныне, способны донести до наших детей, внуков и правнуков память о славных подвигах воинов-защитников нашей необъятной Родины – России. Об этом и ряд моих стихотворений, в которых находят отражение не только личный опыт, но и память народная.

Люди, птицы, камни, реки
Будут помнить их вовеки.
Кровью правый суд вершивших,
До победы не доживших.

Их вела не только смелость,
Им ведь тоже жить хотелось.
Их вела свободы эра
И в нее святая вера.

Январь 2005 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Аносова Светлана Владимировна,*** *студентка факультета журналистики Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина*

Алексеев Александр Петрович

Я крикнул: «Стреляй!»

Родился 24 декабря 1919 года. Место рождения: Ленинградская область, Красногвардейский район, село Большое Жабино. Национальность: русский. Вероисповедание: христианин («Меня крестили, но в церкви я никогда не бывал»). Партийность: 6 ноября 1942 года получил партийный билет. В дальнейшем был секретарём парткома.

В 1934 году я окончил семилетку. Потом уехал в Ленинград, где поступил в фабрично-заводское училище (ФЗУ) при Ленинградском металлургическом заводе (ЛМЗ) ФТУЗ имени И.В. Сталина. ФТУЗ - завод, который и по сей день вырабатывает самые большие гидравлические турбины. По окончании ФЗУ меня перебросили на Урал, в город Чусовая, на Чусовской металлургический завод, где и работал 2 года токарем. Там я жил обычной жизнью обычного молодого парня, там я стал взрослым, то есть получил паспорт в начале 1937 года.

Итак, 1937 год. Август. Я имею полное право уезжать на родину, так как моя двухлетняя практика закончена. Приезжаю в Ленинград, иду на большущую фирму труда - искать работу. Добрался до самого представителя того завода, где учился, объяснил ему ситуацию: так и так, мол, окончил двухлетнюю практику, вот мой паспорт. А он говорит: «У вас же уральский паспорт, дорогой! Вас в Ленинграде теперь не пропишут, так что больше трёх дней вам здесь находиться нель-

зя». Девушка на этой бирже посоветовала написать письмо Андрею Андреевичу Жданову. И вот мои положенные три дня кончаются, и я пишу письмо, в котором указал адрес квартиры в Ленинграде, а сам уехал в Новгород.

Гражданин Великий Новгород... Слыхали такое? Приехал я в Новгород, не успел оглянуться, а меня уже взяли работать токарем. Написал в Ленинград записку, что проживаю теперь в Новгороде, в общежитии, и успешно работаю. Дней через двадцать мне приходит письмо. Угадайте от кого? От Жданова! «Вам разрешается проживание и трудоустройство в городе Ленинграде». Я подумал: «Зачем мне куда-то ехать? В общежитии хорошо, в Новгороде есть хорошая работа. Тем более, в Ленинграде сейчас холодно, сентябрь, как-никак...». Написал отказ. И продолжаю работать, все предложенные мне работы выполнять.

В 1938 г. в начале декабря меня вызвали в контору, где сообщают, что я отправляюсь вербовать рабочих. Я еду со своим представителем в Ленинград, а там получаю само задание - вербовать рабочих в Курской и Брянской области на завод Путей сообщения. Вербую декабрь, январь, февраль, март. Сколько смог завербовать - всех отправили на завод. В первых числах апреля мне сообщили, что работа заканчивается, и я 11 апреля приехал с девчатами на завод. Там они устроились, а я продолжал работать на токарном станке. Снова настала спокойная, размеренная, тихая рабочая жизнь. В летнее время я организовывал игры, танцы. Было всё: и друзья, и танцы, и девушка. Так проходили дни. Но 24 ноября 1939 г. меня призвали в армию. В военкомат меня проводила девушка. Потом нас построили и повезли на вокзал, откуда я попал в Новоград-Волынск Житомирской области, Украина. Там я попал в полковую школу младших водителей колёсных машин. Автотранспортники. 35-й автотранспортный полк при 44-й отдельной танковой бригаде. В 1941 г. окончил школу, получив звание сержанта. Осенью 1941 г. у меня кончался срок службы, но в июне месяце нас застала война...

Идёт война народная

22 июня в четыре часа утра раздалась такая несусветная гроховень, что мы с испугу выбежали на улицу почти голыми,

в одних кальсонах. Выскочили и видим, что в районе железнодорожной станции всё взрывается и горит. И почти тут же в наше расположение сообщают: «Срочно собирайтесь! Война!» Никто ещё ничего толком не понял, но все быстро оделись, кое-как перекусили и бегом в парк - выгонять машины из гаражей, а затем - в поле, на танкодром. Там были вырыты ямы, идущие под наклоном вглубь на 2-2,5 метра. В них мы прятали машины - один только кузов торчал. Итак, время - около 10 часов утра, никаких команд. Вдруг над нами с северо-востока летят самолёты! Мы пригляделись - с красными звёздочками. Наши! Слава Богу, наши. И тут внезапно раздаётся взрыв и от здания нашей школы, я это отчётливо вижу, остались лишь торцовые стенки. Дело в том, что рядом со школой был огромный топливный склад. И чтобы всё это не взлетело на воздух, нам дали команду о срочной погрузке горюче-смазочных материалов. Большой толпой машины в склад не пускают, грузят по пять-шесть. Наконец-то все машины загрузили и приблизительно в 3 часа дня выехали на дорогу, ведущую в Житомир. В Житомир приехали поздно, а оттуда сразу, без перерыва и отдыха, нас направили в Киев.

Приехали в Киев поздно ночью, а там везде патрули стоят, ехать дальше нельзя. Мы выключили свет, а чтобы хоть как-то ориентироваться в кромешной тьме города, у нас на кузове был прямоугольник белого цвета. Так моя машина не могла столкнуться с впереди идущей. Уже начало светать, когда мы оказались на северной стороне города. В Броварях в туманном утреннем лесу разгрузились. Нам выдали долгожданный сухой паёк, мы покушали и тут же получили новое задание: срочно отправляться под Житомир, в двадцати километрах от которого находился огнесклад. Ехали мы за снарядами для дальнобойных орудий (от 125 мм и выше). Нас было много, около ста пятидесяти машин в колонне. Командир отделения автотранспортного взвода тогда сказал: «Если только услышите сирену, то немедленно выезжайте из склада, бросив, что бы то ни было!». Погрузив снаряды, мы уехали из Житомира, а по пятам за нами двигались немцы с танковой колонной. Я решил, что ехать по асфальту нельзя, и повёл свои колонны полевыми дорогами. Отъехали от склада мы всего пять километров и вдруг в складе - вой сирен, а вслед за воем - взрывы. Да такие страшные!

Поехали в Житомир и в Киев, где нас встретили и рассказали, куда везти боеприпасы. Так я выполнил первое боевое задание.

А дальше было так. Однажды мы получили задание - в Чернигов на эвакуацию складов продовольствия. Ехали мы через Прилуки (вторая половина июля 1941 года). В Прилуках мы загрузились боеприпасами, нам вверили представителя сапёрной части, и мы отправились в Чернигов. Подъезжаем и видим, что Чернигов уже вовсю обстреливают немцы. Наши солдаты даже подорвали водокачку, чтобы врагам не досталась наша вода. Что нам оставалось делать? Мы остановились в восемнадцати километрах от Чернигова, в Дубовязовке. Всю ночь просидели кто в машинах, а кто в близлежащих домах, где собрались бабульки и всё поют-поют... Рано утром, в 3:30 повезли груз. И вдруг, откуда ни возьмись, нашу колонну встречают немцы! Мы быстро разворачиваемся. Я ехал в середине колонны, поэтому сначала ничего не понял: что за стрельба? Почему машины идут навстречу? Бежали мы далеко, до самых Сум. И только в лесу, под Сумами, мы разгрузили эту взрывчатку. Вся загвоздка была в том, что сухой паёк был выдан нам всего на один день, а ехали-то мы уже почти двое суток! Переждали-переждали и отправились на Прилуки. Кручу баранку и вдруг вижу, что нам навстречу движутся машины, а на ветровом стекле у каждой - номер «35». Наши! Наши! Мы их тормозим, спрашиваем, что да как. Оказывается, немцы бросили танковый десант на Прилуки и всем дана команда: срочно уходить на восток, кто какой дорогой сумеет.

Итак, Ахтырка (июль 1941 года). Я в лесочке оставляю свой транспорт, который за мной шёл, а сам еду в Ахтырку, чтобы достать хоть что-то из питания. От леса, метрах в двухсот пятидесяти, есть дома, и я решил поехать туда. Смотрю, из-за угла выезжает... чёрная «Победа»! (А на «Победах» тогда только начальство разъезжало.) ко всему прочему, на ней написан номер «35». Останавливается, из дверки мне машет рука: стой! Да, точно. Полковник. Говорит, что наш полк в беде, и все движутся в сторону Ахтырки. Такое уж время - каждый бережёт себя. Возьмите, говорит, указатели, гвозди и дощечки. На дощечках написан только номер «35», больше ничего. Полковник приказал мне прибивать дощечки так, чтобы показать

дорогу: тащить весь полк ко мне в лес. Но кушать-то до сих пор нечего! Я заехал к коменданту города и попросил хоть что-то съестное. Он же мне ответил, что ничего, кроме сыра, у него нет. Хлеба нет, - зато сыра завались, представляете?! У нас у самих сыр тоже был - полмашины. Ну, что ж, делать нечего. Развернулся и поехал в лес, к ребятам. К вечеру появились первые машины нашего полка, ехавшие по нашим указателям. Подъезжает машина нашего старшины, я у него спрашиваю: «Хлеб есть у тебя?» Есть. Я сказал, чтобы он брал, сколько захочет сыра, а хлеб раздал ребятам. Тогда у нас появился хлеб, сыр и сахар. Всё.

Так как моего командира взвода убили, командир роты назначил меня командиром взвода. Какое задание получу - такое и выполняю. Поехали под Воронеж, в Рождественскую Хаву, но пока доехали до Воронежа, потеряли очень много машин. Поэтому остались в резерве тридцать седьмой отдельной автомобильной бригады.

В двадцатых числах декабря 1941 года со всего полка собрали 65 лучших машин и отправили в Новый Оскол, на обслуживание 21-й армии. Меня, как старшего по званию, здесь сделали старшиной роты, который, как известно, должен отвечать за пищевое снабжение, одежное обеспечение, за здоровье людей и прочее. Мне пришлось организовать кухню. В одном из домов мы нашли большую плиту и огромный котёл, который вмазали в неё. В этой «посуде» мы готовили первое, а на второе мы варили в кастрюлях. Лично я ходил на пункт обеспечения продовольствием. Там выдавали то, что было: хлеб, крупы, соль, рыбу, колбасу.

В конце декабря отправились в Астрахань, где 28-я армия проходила расформировку. 31 декабря 1941 года освобождали Элисту, 14 января - Дивное. Ростов я не брал, так как вблизи Маныча, на реке, у меня заглохла машина. Я заводил машину, стоя по пояс в ледяной воде, завёл и доставил груз. Капитан приказал выдать мне новые валенки, штаны, портянки. Было уже темно, часа три-четыре вечера. Я пришёл в гараж, где ремонтировали машины. Осведомился, как здесь мои «ласточки», закурил с ребятами по папироске, сделал две затяжки и чуть не упал. Солдаты испугались, подняли меня, отвели в дом. Я лежал, не мог подняться, была высокая температура, даже есть ничего не хотелось. Когда стало немного легче, я

отправился на склад в расположение батальона. Там было велено ещё полмесяца никуда не выезжать. Так я и провалялся до 16 апреля в госпитале. Только в мае я начал выезжать на задания.

В Новом Осколе мы прожили как раз до 16 апреля 1942 года. 16 апреля возвратились обратно в Рождественскую Хаву, расположение основной части. От полка осталось мало техники и людей, поэтому его расформировали, создав два батальона: 132-й и 37 ОТБ. В середине мая наш батальон №37 получил задание оказать помощь нашим войскам под Харьковом (Изюм-Барвенковское направление). Но там мы попали под ужасный обстрел. Патрули говорили, что дальше ехать нельзя, а я и мой друг Новиков Евдоким Ильич решили отъехать подальше от этой злосчастной дороги. Подъезжаем к оврагу, внизу которого виднеется ручей. Но овраг очень крутой, почти в 45 градусов, весь покрытый травой. Ильич включает первую скорость, не надеется на тормоза и спускает машину к ручью. Я за ним. Ручей внизу застлан хворостом, поэтому мы без особого труда переправились через него. Таким образом, мы переправили 14 машин. Всё это было под Изюмом.

Сталинград

В июле 1942 года мы погрузили штабы Юго-Западного фронта и перевезли через Дон, переправившись в Вёшенской. Здесь мы получили команду - ехать под Сталинград строить его оборону. Приходилось возить все: и оружие, и продовольствие, и древесину, и кирпичи. И вот мы находимся уже в самом Сталинграде. Во второй половине августа батальон получил приказ о том, что нужно отобрать двадцать лучших машин и загрузить горючим. Горючее предназначалось вести на большую излучину Дона, где на поле боя осталось одиннадцать танков без горючего. Погрузили довольно-таки быстро, но ехать темно: ночь, все-таки. Мы переправились, нас встретил танкист и уверенно повел первую машину по дороге. Когда мы добрались до расположения корпуса, то я отдал одиннадцать машин танкистам, которые повезли горючее - каждый к своему танку. Немцы стреляют, конечно, но как-то тихо, ровно, робко. Вдруг, откуда не возьмись, танкист: «Дайте мне новую машину - радиатор пробило пулей!» Мы поехали вме-

сте: я и танкист. Я привязываю буксир к пробитой машине, мы заправили танк; уже стало светать - дело к утру движется. Едем. Я, за мной - гружёная подбитая машина, а нас «охраняет» танкист. Приехали, дозаправили оставшиеся танки, и моих ребят командир отпустил в часть. Я, было тоже, засобирался, а меня не пускают, так как нужно отогнать машины с горючим в лес и ждать там, замаскировавшись. Кругом растут осины, берёзы, ольха; рядом поляна. Эти наши восемь машин мы упрятали в такую тень, что ни один фашист не увидел бы нас сверху. Мы вышли с ребятами на поляну и улеглись с личным оружием в траве. А вокруг нас летают самолёты, уже второй раз бомбят Сталинград. (Пробомбили, а пролетают через нас). Вдруг один опускается вниз, к нашей полянке, выпускает шасси, садится и видит нас - трава-то не очень высокая и густая там была. Видимо, стрелять ему уже было нечем, поэтому немец открыл боковую дверцу и злобно так грозит нам кулаком. Я крикнул: «Стреляй!» И все начали стрелять. Самолёт перевернулся и запылал огнём. Наши танкисты видели всё это дело и доложили в 62-ю армию. В два часа дня у нас забрали остатки горючего, и я поехал домой. А дома уже все знают, какую мы «петрушку» с немцами заварили!.. Посмеялись тогда...

6 октября 1942 года нас перевели на левый берег Волги, где мы обслуживали все артиллерийские части - от центра Сталинграда до Красной Слободы. В неё (Красную Слободу) мы возили снаряды, а особенно часто - «катюши». Везу я както свой взрывоопасный груз в середине октября и вдруг - неожиданный налёт немцев. Я выскочил подальше от своей машины, так как жить хочется всем и всегда. Нашёл какую-то пологую ямочку, лёг туда, полевой сумкой прикрыл голову, а он (немец) всё бросает и бросает бомбы, внутри которых разрывные гранаты. Эти гранаты взрываются на высоте тридцати метров от земли, и огромное количество осколков разлетается во все стороны. Немудрено, что при выполнении этого задания я был ранен в ногу одним из многочисленных осколков. Рана была неглубокая, но очень вредная. Осколком пересекло большую подкожную вену. Первую перевязку мне сделали в госпитале 62-й армии, а потом продолжали лечить в своей санитарной части. Часть у нас была очень хорошая, капитаном медицинской службы была Тормыгина, не помню имя-отчество, очень хорошая женщина. Неделю поперевязывали и

разрешили выполнять задания.

В первых числах ноября на Сталинградский фронт прилетел начальник генерального штаба - Василевский. Он курировал все действия всех крупных соединений Сталинградского фронта. Главным и решающим оказалось то, что немного западнее Дона, с юго-западного направления, наше главное командование решило отрезать группу немецких войск в Сталинграде. Думали так: через Волгу эту группировку никак не пропустят, с флангов всё было хорошо прикрыто. С юго-запада и с северо-запада продолжали продвигаться механизированные корпуса, скорость которых значительно увеличилась после приезда Василевского. 19 ноября в четыре часа утра у Волги поднялся такой артиллерийский обстрел, который даже в самых страшных снах сложно себе представить. С нашей стороны было 13500 орудий и миномётов, а с немецкой - 12200. шёл страшнейший обстрел немцев. За Мамаевым курганом всё просто горело, громыхало и гремело. Два наших механизированных корпуса за два дня сомкнулись, так как со стороны Сталинграда немцы ничего не могли сделать.

22 ноября 330-тысячная группа войск под командованием Паулюса была отрезана. Снабжение могло осуществляться только по воздуху, но наши самолёты, их было 11115, тут тоже крепко держали оборону. В итоге до немцев долетало меньше половины. В конце декабря Паулюс просит разрешения выйти из окружения у Гитлера. Гитлер не разрешил. Уже в январе Паулюс видит, что и для Германии он больше ничего не сделает, и его солдаты гибнут, поэтому он решил сдаться, сдать штаб, войско и себя самого. 2 февраля он вышел из подвальных помещений универмага, сдался и приказал всем сдаваться. Всех сдавшихся переправляли через Волгу и отправляли в разные места. Гитлер объявил по всей Германии, что битва под Сталинградом превратилась в величайшую трагедию для Германии. Так завершилась Сталинградская битва.

А затем понеслось! Таганрог, Мариуполь, Херсон, Каховку, Мелитополь взяла наша армия. Переправившись через Дон, взяли Николаев и приблизились к Одессе, но её брать не стали: решили отрезать так же, как и Сталинград. Нашу 28-ю армию погрузили на железнодорожные вагоны и повезли на Центральный фронт, на западную границу Брянской области.

В середине июня 1944 года началось генеральное наступ-

ление на Центральный фронт, и наша армия вышла в Слуцк, где встретилась с одиннадцатой армией, движущейся с Минска. В итоге с правой стороны остался Бобруйск, а с левой - Варшава и Брест, куда мы и пошли. На пути у нас встала река Птичь, а в то время у нас уже были американские машины - студебеккеры, сорок штук. На пятнадцати машинах я был предан сапёрной бригаде. Я вёз понтоны, пиломатериалы, доски - всё, из чего можно было сделать крепёж и настил моста. Едем по полю, а нас во всю обстреливают немецкие «тигры». Доехали до леса, разгрузились и меня под вечер отпустили. Оказывается, у нас пробили четыре машины. Но мы смекнули и сняли с целеньких студебеккеров по колесу, и все машины у нас теперь были на ходу. Добрались до расположения девятой сапёрной бригады и отправились домой. А позже началось настоящее наступление, и мы дошли до самой Варшавы.

В 1945 году нашу армию бросили назад и передали Прибалтийскому фронту, которым командовал Черняховский. Наш батальон был уже в пятнадцати километрах от нашей западной границы, на территории Восточной Пруссии. Наши войска вышли на побережье Балтийского моря и двинулись вправо - на Кенигсберг. 9 апреля 1945 года Кенигсберг был успешно взят. Нам был дан приказ - передислоцироваться в Германию. В начале апреля мы были уже на Одере. Началось грандиозное наступление, велись ожесточённые бои. К 16 апреля наш батальон был в 22 километрах от Берлина, в городе Бланкенфельде. И совершенно неожиданно через пару дней нам поступила команда - взять личное оружие, засесть в хорошее укрытие и следить за немцами. Мимо нас двигалась группа №150 немецких войск юго-восточного Берлина. Она двигалась на северо-запад, оружия у них не было. Они видели нас, но ничего не могли сделать.

Наша 28-я армия переписывалась с военным журналистом Ильёй Эренбургом. В письме от 2 мая Илья пожелал нам здоровья, успехов, разгромить «фашистское логово» - Берлин и прокатиться по его улицам на своих «боевых колесницах». И вот 2 мая. Мы оказываемся в Берлине, на площади перед Рейхстагом. Конечно, посмотрели на разрушение Рейхстага, на флаги, которые были вывешены 1 мая нашими героями, въехали на улицу Унтер дер Линден, по которой нам советовал прокатиться Эренбург, но там всё было настолько разрушено,

что не то, что кататься, но даже ехать нормально было невозможно. Мы вернулись домой.

4 мая наша армия получила приказ: срочно перебазироваться под Прагу, на уничтожение пражской группы немецких войск. Что ж?.. Погрузились и поехали.

8 мая, в девять вечера, мы оказались на границе Германия - Чехословакия. Ехать через границу ночью подобно самоубийству, поэтому мы остановились на ночёвку. Около двух часов ночи просыпаюсь от дикого шума: «Подъём! Тревога!» А вокруг стоит стрельба, ужас, ракеты, огня очень много. И тут: «Выходить, строиться, к штабу! Победа!» Победа. Неужели? По-бе-да! Ну, раз, думаю, победа, то обязательно будет салют, а у меня личное оружие - наган, а его каждый раз нужно перезаряжать. Рядом со мной стоял большой ящик, в котором лежали немецкие ракеты и ракетница. В штабе все уже строятся. 8 мая, в одиннадцать вечера, остатки фашистских прихвостней подписали акт о безоговорочной капитуляции. Трёхкратный победный салют! Я зарядил и запустил ракету. Столько огня вокруг было! «Ура! Ура! Ура!» Победа! 9 мая, утром, мы получили свои обещанные 150 грамм. Сидели, поминали, толковали... Днём решили проехать по Чехословакии, где нашли два совершенно новеньких автомобиля - семитонных «Бюхенга». Мы пригнали их к себе, и эти вездеходы ещё долго нас выручали. Их плюс был ещё в том, что работают они на дизельном топливе. Один немец в Пилау сделал нам кузова для этих машин.

Целый месяц мы работали по перевозке картофеля с немецких полей для населения Берлина. Повозили, повозили и через месяц приказ - домой. Пересекаем польскую границу, в десяти километрах от неё находится городок Конске. Подъезжаем к нему и видим - красивая арка, хорошая ограда: 20 метров в ширину и 30 - в длину. За ней работают немцы, организуют захоронения наших видных деятелей. Плиты - красный мрамор, на которой золотой краской выгравировано и написано имя погибшего. Смотрю - посередине кладбища стоит плита, которая выше остальных. «Здесь захоронено сердце великого русского полководца Михаила Илларионовича Кутузова». Удивительно, конечно, что во время войны этот памятник уцелел. Но уцелел же!

Проехали Конске, на нашем пути - Люблин. По приезде

нам сообщили, что в двенадцати километрах отсюда есть лагерь смерти - Майданек. Про Освенцим в Кракове-то все слышали, а вот про Майданек - нет. Сели в одну машину и поехали. Зрелище, я вам скажу, не из приятных. Одна камера чего стоит: круглая, восемь метров в диаметре, высотой около двух метров, по центру камеры есть люк, а во всю стену бронированное стекло. Нам рассказывали, как людей замучивали до полусмерти, а потом, еле живых, по 120 -130 человек загоняли в эту камеру. На люк сверху ставили посудину или дощечку с порошком «циклон», который, попадая на воздух, превращается в ядовитый газ. Из этой камеры смертников вытаскивали такие же смертники. Вы можете сказать, сколько получится пепла, если сжечь человека? Чуть больше спичечной коробки. А теперь вообразите кагат: семь метров длина, два с половиной высота, три метра ширина. Полный, доверху забитый человеческим пеплом! Вот где ужас. Показывали печи, где жгли людей, показывали деревянные бараки, полные детских вещей. Всё это было под Люблином. Вернулись в Слуцк, а оттуда 28-я армия выехала на восстановление Бреста.

В 1946 году меня перевели в Гродно. Я так долго служил, потому, как в части требовались хорошие специалисты - токари. Ещё в 1945 году я мог бы демобилизоваться, но командование не дало мне такого разрешения. Делал машины. В 1946 году у меня вновь открылась рана, мне дали месячный отпуск. Я поехал домой, к девушке Тамаре, в Жердевку, город Тамбовской области. Встретили меня там как родного. В Жердевке мы зарегистрировались браком. Я получил для Тамары разрешение и бесплатный билет для въезда на приграничную зону, и в конце мая она приехала ко мне в часть. В 1947 году она родила мне дочь. Уже в апреле 1947 года в часть прибыл специалист по изготовлению и реставрации автодеталей, и меня отпустили. Началась более спокойная жизнь...

После войны

Два года я проработал токарем по металлу, до 1961 года был главным инженером автоколонны. В 1964 году меня избрали секретарём парткома, в этой должности я пробыл до 1969 года. Затем 17 с половиной лет я работал заместителем директора сахарного завода, а затем ушёл на пенсию.

В годы войны у меня погибла старшая сестра Евдокия при охране объекта и отец. Он погиб под Смоленском в 1942 году. На данный момент из родственников у меня остались две дочери, племянники и внуки.

У меня 19 наград:

Орден Красной Звезды №1856317.

«За взятие Кенигсберга» - номер медали 060940 от 10 апреля 1945 года. Начальник отдела кадров управления тыла 28-й армии. Подполковник полит, ел. Ситчихин.

«За трудовую доблесть» № - 207598. указ от 23/V - 1966 г. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР - Георгадзе.

Орден Отечественной войны II степени. Номер ордена 651031 Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 г.

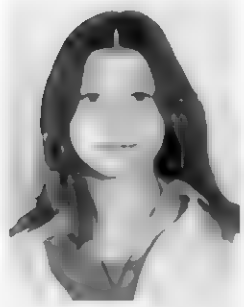
Медаль Жукова №049736 Президент РФ от 19 февраля 1996 г. Б.Н. Ельцин.

Медаль «За победу над Германией в ВОВ».

Медаль «За доблестный труд в ознаменование столетия со дня рождения В.И. Ленина».

Остальные - юбилейные.

Февраль 2005 года



В подготовке настоящих воспоминаний оказали помощь студентки 2 курса факультета журналистики Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина

Сафонова Маргарита Юрьевна

и

Провоторова Анна Юрьевна

Балобай Зоя Дмитриевна

Монолог старшего лейтенанта

Родилась 8 октября 1922 года в городе Верещагино Пермской области. Я выросла в семье железнодорожников. Со своей сестрой Верой часто ходили на работу к родителям. Любили встречать и провожать поезда. В мыслях я всегда уезжала с уходящим поездом и возвращалась обратно с прибывающим. Такая игра была у нас с сестрой.

С детства мечтала стать врачом. Верила в мамин медальон, который надела она мне на шею в день моих крестин. По словам моей мамы, крестили меня через две недели после рождения. Этот обряд проходил в небольшой церквушке за тридцать километров от города Верещагино. В самом городе церковь имелась, но она была закрыта, в то время запрещалось посещать храмы. Так мама устроила крестины и моей сестры, хотя отец и роптал. Подаренный мамой медальон был со мной всю войну. Может быть, он уберег меня от злой пули.

Закончила в городе Верещагино семь классов. В сентябре 1939 года поступила в Ижевскую школу фельдшеров. Мы, студенты, учили население азам медицинской подготовки, сами сдавали нормы ГТО (готов к труду и обороне), защищали звание "Ворошиловский стрелок". К своей мечте хотела идти ступенька за ступенькой. Но я была уже достаточно взрослой, чтобы понять - война перечеркнёт мои планы. Без

конца шли эшелоны с военной техникой, солдатами; чувствовалось напряжение. "Не обойдется", - говорили люди преклонного возраста, и все понимали, что они имеют в виду.

В июне 1941 года сдала государственные экзамены. Позади учеба, экзамены. Меня направили на работу в районный центр Игра, Кировской области. В то тревожное памятное июньское утро 1941 года я спешила домой, в город Верещагино. Как я соскучилась по родным краям! Весть о начале войны неожиданно и болезненно обожгла сердце.

Девятнадцатилетней, мне поручили больничку на десяток коек. Работала с утра до поздней ночи. Приём в амбулатории, осмотр больных в стационаре, вызовы к больным по округе. Однажды прибегает мужчина в панике и просит: "Спасите мою жену, умирает!". Около десяти километров шли быстрым шагом. Случай был тяжелый, я многого еще не знала, действовала, как умела. Ребенок не остался без матери. Через месяц тот же мужчина пришёл поблагодарить меня. Он оставил, как я ни сопротивлялась, кусочек масла. А тогда уже во все двери стучался голод.

Так, в заботах, пролетело полгода, а в декабре 1941 года прислали врача. Она приехала практически без вещей, без тёплой одежды. Местные жители сшили для неё тулуп, сваляли валёнки. А в марте 1942 года я получила повестку и не без слёз распрощалась со своими первыми пациентами.

"Вместо туфелек на каблучках - огромные сапоги и три пары портянок"

Нас везли в Москву, почерневшую от горя и пожаров. Только-только отогнали немцев. Резерв медицинских работников - вот куда я в этот раз попала. С собой в мешочке - туфельки и два платья: сатиновое и из белого батиста в горошек. Всё моё девичье богатство. Думала, может в Москве театр посчастливится посетить. Где там! Каждое утро построение. Приезжали из частей и забирали медицинских работников. Десять дней я пробыла в резерве. И в одно апрельское утро 1942 года на построении называют мою фамилию.

Теперь я оказалась в городе Звенигороде. Из 17-й особой курсантской бригады, которая защищала Москву, здесь формируется 264-я стрелковая дивизия, и я пополнила её ряды.

Попадаю в стрелковый полк 1060. Командовал полком капитан Геев. Мне "светило" быть на самом переднем краю боевых действий. Но ещё больше пугало, что я одна девушка-фельдшер среди мужского царства. Я и в кино с парнем за всю свою жизнь ни разу не сходила.

Обмундирование выдали: кальсоны, галифе, сапоги сорок третьего размера. Чтобы их умудриться носить, нужно было предварительно три пары портянок на худенькие ноги накрутить. Началась боевая подготовка. Как успеть, чтобы утром на построение не опоздать? Боялась насмешек. Придумала - с вечера оденусь, портянки бинтами закреплю и так сплю, а на построение первой прибегаю. Закончилась наша подготовка, и пришлось своими глазами увидеть страшное лицо войны.

Вновь сформированная 264-я дивизия свой первый бой провела под городом Козельском (июль 1942 года). Здесь фашисты готовили прорыв, чтобы опять пойти на Москву. Первые столкновения с врагом были самыми жестокими. С техникой у нас - совсем слабо, а враг вооружён до зубов. Немцы с автоматами, а мы зачастую с учебными винтовками, и то - одна на двоих... В отчаянии негодовали: "Где командование?! Куда смотрит?!" Иные не выдерживали, роптали, робко вопрошали: "Неужто измена!". Стиснув зубы, с болью в сердце мы теряли своих друзей. Немецкие самолёты сплошными тучами небо застилали. Земля напоминала ад. "Ну, хотя бы один наш самолетик появился", - говорили бойцы. Но чуда не случалось. За четырнадцать дней почти вся дивизия полегла. Сколько ребят молодых полегло - вспомнить страшно. Наступление немцев всё же сдержали, более того - отвоевали три населённых пункта: Гринь, Ожигино, Гаськово. С санитарной сумкой на боку мне приходилось быть в самых опасных местах. В тот момент не чувствовала ни страха, ни усталости. Делала всё, что было в моих силах.

Вспоминается один из боёв в летние дни 1942 года под Козельском. Тяжелым и неравным был тот бой. Плечом к плечу дрались в кровавой мясорубке простые парни с необыкновенным советским характером. Не один раз гвардейцы то наступали, то отступали. Не один раз переходили они в рукопашную схватку. Наши отступили. На нейтральной полосе я заметила, что кто-то остался лежать. Поползла. Вдруг

стали стрелять наши автоматчики. Слышу крики: “Военфельдшер, назад!”. Но повернуть я не могла. Оказывается, я ползла к уже мертвому гвардейцу с одной стороны, а немцы - с другой. Если бы не помощь наших автоматчиков, была бы я в плену. Но осталась большая обида, потому что командир дивизии дал мне выговор за эту вылазку. Он сказал: “Нам нужны живые, а не мертвые!”. Но всегда в душе теплилась надежда: "А вдруг живой?"

Так случилось и с командиром батальона Самоделовым Иваном Ефимовичем. Смотрю - бугорок, а из земли только сапоги видны. Раскопала, а он живой. Смотрит на меня, но ничего не слышит. Контузило его. Я ему говорю идти в санчасть, а он мне в ответ: “Ты пойдешь за меня воевать?” Помню рядового Урусова. Он был тяжело ранен в ногу. Перевязала я его, а он просит: “Только в санчасть не отправляйте, заживет быстро". И таких случаев не перечесть.

Обо что же споткнулись фашисты на нашей территории? Можно твердо сказать: о массовый героизм наших воинов, упорство, патриотизм, преданность знамени, под которым они шли в бой.

За бои под Козельском я получила первую правительственную награду - медаль "За отвагу" (август 1942 года). Вручал мне её командир дивизии полковник Моковчук. Здесь я получила и первую контузию.

Медсестра Зоя

Стройная, как лен, на чеканных ножках,
Глаза окутаны дивной улыбкой,
В суконном платье, яловых сапожках,
С желтоватой санитарной сумкой.

Волосы чуть прикрыты на макушке
Цвета хаки пилоткой пехоты,
Шагает по зелёной роще
Медсестра из санитарной роты.

Нет, не шагает, а согнувшись бежит
В гуще боевых порядков части,
То ползком поползет, то полежит,
Не зная ни страха, ни усталости.

Снаряды рвутся вокруг да около,
Пули свистят над бедной головой,
Снайпер поразил земного сокола,
Тяжело ранен сержант Баровой.

На участке полка не слава богу,
На позициях соседа тоже.
Замполиту оторвало ногу,
О господи! Боже ты мой, боже!

Тут шагом подбежит, на зло тирану,
К раненым бойцам в разгаре боя,
Душой согреет, перевяжет рану
Медсестричка по имени Зоя.

В часы передышки в землянке тесной,
Перед тем, как вновь двинуться в поход,
Зоенька, тут как тут, со своей песней,
Очередной совершает заход.

Однополчанин, капитан Эмир Асан Усаипович.

"Гвардейцы, ни шагу назад!"

После боёв под Козельском наша 264-я стрелковая дивизия была переименована в 48-ю Гвардейскую стрелковую дивизию. Как дорогую святыню, со слезами на глазах мы принимали Гвардейское знамя (осень 1942 года). Какой это почёт был для нас! Приказ "Гвардейцы, ни шагу назад!" воспринимали буквально.

Живем в землянках. Идет пополнение. Прибывает боевая техника, солдаты. На танках, на самолетах, на машинах надписи – "За Родину!", "За освобождение Родины!", "Громим фашистскую гадину!", "Ни шагу назад!".

Меня решили перевести в медсанбат, а бойцы - вопрос мне: "Ты что, лейтенант Зоя, испугалась?". Это я, комсорг роты, и испугалась?! Да что они такое говорят?! Только об одном попросила, чтобы в помощь санинструкторов прислали. И вот мы с Машей Гордеевой и Аней Тараканової снова там, где нужна наша помощь. В санитарном взводе была одна лошадь с повозкой. На ней возили медикаменты и другие необходи-

мые принадлежности. Тяжело раненных бойцов и больных мы оставляли в специальных местах. Оттуда их вывозили в тыл поэтапно: санитарная рота – медсанбат. А дивизия шла вперёд.

Весна и осень - это было самое трудное время для медработников. Дождь, грязь. Тянем раненого солдата по пояс мокрые, грязные. Часто слышали: “Доченька, оставь меня, погибнем вдвоем”. Но мысли были одни - вынести. Не один раз приходилось брать медработникам в руки автомат, спасая жизнь себе и раненому.

Много писем приходило нам из госпиталей с благодарностью. А сколько стихов посвящалось...

Сестричке

Дул холодный, порывистый ветер,
И во фляжке замёрзла вода.
Эту встречу и тот зимний вечер
Не забыть ни за что, никогда!
Был я ранен, и капля за каплей
Кровь горячая стыла в снегу.
Наши близко, но силы иссякли,
И не страшен я больше врагу.
Мне минуты казались столетием,
Шёл по-прежнему яростный бой.
Медсестра, дорогая Анюта,
Подползла, прошептала: “Живой?”.
Повернись, посмотри на Анюту,
Докажи, что ты, парень, герой!
Не сдавайся ты смертушке лютой,
Мы над ней посмеёмся с тобой.
И взвалила на девичьи плечи,
И во фляжке согрелась вода.
Эту встречу и тот зимний вечер
Не забыть ни за что, никогда!

В конце 1942 года обстановка на фронте сложилась для нас более благоприятно. Мы получали все больше боевой первоклассной техники. Создавались мощные резервы. Враг перешел к стратегической обороне, а мы захватили инициативу в свои руки.

Летом 1943 года идем в наступление. Тяжело передать словами, чего стоила битва в районе Курска. Она является одним из величайших сражений Великой Отечественной войны. На Курской дуге погибла наша медсестра Маша Гордеева. Зимой 1943 года с жестокими боями освобождали Воронежскую, Харьковскую, Белгородскую, Кировоградскую, Николаевскую области. Сутками не имели отдыха. Метель и вьюга ослепляли глаза, ноги проваливались в глубоком снегу, мороз обжигал лицо. Казалось, силы оставляют: не то, что воевать, – двигаться не было сил. Люди, случалось, падали на ходу. Но батальоны двигались на Запад, освобождая один за другим населенные пункты.

Вспоминаются жестокие бои под городом Будённым, Белгородской области. Морозы доходили до 40 градусов, враг упорно сопротивлялся, но и было немало раненых и обмороженных, сдающихся в плен немцев. Они дрожали, как зайцы, думая, что русские будут их расстреливать. Но мы им оказывали медицинскую помощь. На глазах немцев появлялись слезы, некоторые пытались даже отблагодарить.

Запомнила я разведчика 146-го стрелкового полка Павла Смирнова. Во время взрыва он прикрыл меня собой, получив тяжёлую контузию. А сколько таких случаев было во время боя!? Жалели они нас.

Мы шли по украинской земле. Наши ряды пополнялись на ходу местными жителями. Иногда это сказывалось отрицательно. Во время боёв эти люди уходили к себе домой. Оказывали нам помощь жители населенных пунктов и продуктами. В зажиточные дома мы старались не заходить. Там встречали нас не очень приветливо. В одной украинской хатке угостили нас принесенными из погреба солеными помидорами. Таких я больше в жизни не пробовала.

Продолжались ожесточенные бои. Немецкое главное командование, собрав дополнительные силы, организовало контрнаступление. Неся потери, наши войска отступили. И во второй половине марта 1943 года немцы вновь заняли Харьков. За рекой Северский Донец мы заняли оборону. Мы знали, что немцы продвигаются на Белгород. С болью в сердце узнали, что и Белгород немцы захватили.

К нам шло пополнение. В дальнейшем, как ни пытался противник одолеть наших гвардейцев, успеха он не имел.

Многократные попытки немецко-фашистских войск в конце марта прорвать нашу оборону не дали результатов.

Наступление на Харьков наших войск усиливалось. Чтобы избежать окружения, немцы в августе 1943 года начали отходить из Харькова. Жители освобожденного города восторженно встречали наших солдат.

В составе 2-го Украинского фронта (командующий генерал И.С. Конев) форсировали Днепр (сентябрь 1943 года). Гвардейцы проявляли величайшее упорство, храбрость, мужество. Не дожидаясь подхода понтонных мостов, солдаты пересекали Днепр на чем угодно: на бревенчатых плотах, самодельных паромах, лодках. Все, что попадалось под руку, шло в дело. На противоположном берегу шли бои за плацдарм. Не успев закрепиться, войска вступали в бой. И битва за Днепр была выиграна.

Повар Клава

При форсировании Днепра нас на плотах переправляли на берег, занятый немцами. Плоты чаще всего удавалось фашистам потопить, но наши солдаты бесстрашно плыли навстречу врагу. Мы с фельдшером Мишей Хаимовым перевяжем раненых и под обрыв тащим, а тут Мишу самого тяжело ранило. Я одна не справляюсь.

- Вы лейтенант Зоя?

- А ты кто, медик? - спрашиваю у молоденькой девушки.

- Нет. Я - повар...

Но перевязывать Клава умела. Догнала ёе злая пуля. У неё маленькая дырочка в плече образовалась, говорила, что не очень болит. Переправляя на наш берег раненых солдат, я приказала Клаве оставить поле боя. Она не захотела понять, что слепое ранение может оказаться самым коварным. Так и не послушалась, а через два часа … умерла. Вот такая маленькая трагедия - одна из миллионов.

А какое геройство проявляли наши миномётчики! Коля Зубенко, Василий Ильин. За форсирование Днепра они были награждены орденами Александра Невского.

Все тяжести освобождения Кривого Рога легли и на нашу дивизию (октябрь 1943 года). Немцы направили на наши войска бомбардировочную авиацию, которая наносила нам чувст-

вительные удары. Но противник не смог отбросить наши войска и перешел к обороне. Уже очень чувствовалось, что немцы настолько истощены, что не могут вести серьезных наступательных действий.

Говорили, будто именно нас имел в виду Сталин, когда сказал, что мир такой пехоты ещё не видел.

После этих боёв нашей дивизии было присвоено звание Криворожской.

За бои на 2-м и 3-м Украинском фронте я была награждена орденом Красной Звезды, вручал его мне командир дивизии полковник Корчиков Глеб Николаевич.

О 48-й дивизии

Теснее ряды, ребята!
Гвардейцы 48-й,
Дивизия наша рождалась
В жестоких боях под Москвой.

Гвардейской любые задачи
Бывали всегда по плечу,
Водил её в бой под Козельском
Суровый на вид Моковчук.

Под Горьковым храбро сражалась
С фашистскою чёрной ордой,
Собой прикрывала танкистов
И их прикрывалась бронёй.

Успешно врага разгромила
В полях средь днепровских равнин.
Повел её Корчиков дальше -
На Запад, на Брест, на Берлин

Но прежде, чем выйти к Берлину
И стать на фашистский порог,
Дивизия с честью отбила
Для нашей страны Кривой Рог.

Прошла по лесам Беларуси
И в Брестскую Крепость вошла,

Громила фашистов на Висле,
Форты Кенигсберга брала.

Почётный приказ выполняя,
Громила в Берлине врага,
Гвардейская 48-я
С победой к Рейхстагу пришла.

Стремительным маршем на Прагу
Свой ратный закончила путь.
Теперь по пути ветеранов
Друзья-следопыты идут.

«Земля белорусская от взрывов дрожала, а сердце радовалось - мы фашистов гоним!»

48-я дивизия с боями дошла до города Николаева. Здесь был сделан небольшой перерыв. И впервые за три года нас перевезли в товарных вагонах в город Новозыбков. Пополнив свои ряды, мы пешком двинулись под Гомель. Это была весна 1944 года.

В составе 1-го Белорусского фронта (командующий К. К. Рокоссовский) приняли участие в боях за освобождение Беларуси.

Командовал нашей 48-й дивизией генерал Корчиков Глеб Николаевич. Мы наступали. Армия была уже сильная, одни "Катюши" чего стоили. Земля дрожала, но не ужас охватывал сердца, а несказанная радость. Мы победим, обязательно освободим нашу Землю!

С боями освобождали каждый населённый пункт: Речицу, Заозерье, Любань, Старобин, Красную Слободу, Ганцевичи, Березу – Картузска, Кобрин…

На Беларуси попадали в болота. Солдаты плели мокроступы, наподобие широких лыж, чтобы болото преодолеть. На танках лежали по два-три бревна, чтобы можно было их подложить под гусеницы.

За форсирование реки Щара дивизия была награждена Орденом Красного Знамени (лето 1944 года).

И вот наших солдат приветствуют жители Бреста. Здесь у нас был трехчасовой отдых. Разведка в это время искала бро-

ды через реку Буг - мосты все были разрушены. Кстати, а вы знаете, что такое "живой" мост? Солдаты, стоя в воде, держат доски, а пехота быстро по ним пробегает. Было и такое.

"Только вперед – наша берет!" – под таким лозунгом и по Польше шли, Кенигсберг освобождали и Берлин брали.

За эти бои в восточной Пруссии и Берлине наша дивизия была награждена орденами Суворова и Кутузова 2-й степени.

"И смерть, и слезы, и любовь..."

Обидно было погибнуть в майские дни 1945 года, когда все дышало предчувствием Победы. И нужно было такому случиться. При форсировании в Берлине Тельтового канала наша санчасть попала под настоящую бомбёжку наших же самолетов. Они, наверное, считали, что в этом квадрате находится живая сила врага, а не наши войска.

Полковой врач Куатов, с которым я разговаривала, был убит. Когда я очнулась, то была вся в крови, ничего не слышала. Тут ко мне подбежал Лёня Балобай – шустрый такой парень. Он ещё в Польше на меня "глаз положил". Ему сказали, что на другой стороне канала санчасть разбомбило, что все погибли. Вот он и прибежал, чтобы в последний раз посмотреть на меня. К счастью, я осталась жива. Здесь я получила тяжелую контузию и легкое ранение в ногу (конец апреля 1945 года). Раны залечивала в своей санчасти.

После взятия Берлина нашу 48-ю дивизию направили в Прагу (3 мая 1945 года). С Берлина шли с приподнятым настроением. Лошадям колпаки с красными звездочками одели, ноги бинтами украсили.

Не дойдя до Праги, в Ческе Липа сделали привал. И тут услышали стрельбу со всех видов оружия. Со всех сторон неслось: "Победа! Победа! Конец войне!". Это было 9 мая 1945 года. Счастью, казалось, не будет предела. Такой радости в своей жизни я больше не испытывала.

В Ческе Липа наша дивизия пробыла месяц. Расположились мы в лесу. Шли учения, пополнение личным составом и вооружением. Ждали того дня, когда придет приказ о возвращении на Родину. Предполагали, что нашу 48-ю дивизию направят в Кривой Рог, однако постоянным местом дислокации выбрали город Лиду в Беларуси (командир дивизии Корчиков,

командир 146 стрелкового полка Савичев). Из Ческе Липа мы двинулись в обратный путь на Беларусь. Шли через Бреслау, Варшаву, Белосток. Эта дорога была прекрасной. Днем шли, а ночью отдыхали. Впервые за четыре длинных года войны солдаты спали спокойно. На привалах пели песни, танцевали. Радость переполняла сердца.

Когда перешли границу около Гродно, солдаты целовали землю. На реке Дитва сделали привал. Хотелось войти в город Лиду чистыми, отдохнувшими, подтянутыми. И в июле 1945 года жители на улице Варшавская встречали нас хлебом-солью. Мы зашли в город с лозунгами "Встречайте, мы – из Берлина!", "Родина! Приветствуем тебя!". Город был полностью разрушен. Дивизия расположилась в лесу, на север от города.

В мирном труде солдаты отдыхали от войны. Днем служили, а вечером все отправлялись на восстановление города. Высаживали в парках деревья, озеленяли улицы. Солдаты и офицеры дивизии многое сделали, чтобы город стал красивым. О собственном благополучии никто и не думал.

8 августа 1945 года сыграли свадьбу. Муж – Балабай Леонид Никифорович (март 1923 года рождения, командир стрелковой роты, капитан).

Демобилизовалась в звании лейтенанта 2 января 1946 года, приказ военкома Барановичского военного округа Зарембо №043 от 2.01.1946 г. по статье 43 пункт а.

3 февраля 1947 года родился сын Станислав.

17 ноября 1948 года поставлена на воинский учет Лидским городским военкоматом.

С ноября 1948 года работала в гарнизонном военном госпитале старшей медсестрой.

В 1959 году дивизию расформировали. Одни уехали на новое место службы, другие, демобилизовавшись, подались в родные места.

31 декабря 1972 года я была снята с воинского учета и ушла в отставку в звании старшего лейтенанта.

Посвятив сорок лет своей любимой профессии, в 1988 году ушла на заслуженную пенсию. Сколько солдат вылечила, сколько спасла жизней!

К сожалению, рано осталась вдовой, жизнь посвятила сыну.

Станислав закончил Ленинградское высшее военное инженерно-строительное училище. В этом училище остался и преподавать. В настоящее время он подполковник в запасе. Имеет сына и дочь. Живут все в Санкт-Петербурге. Зовут и меня туда. Внучка Анечка осуществила мою мечту - стала врачом.

После войны, кроме меня, в живых осталась и моя сестра – Максимова Вера Дмитриевна. Жила в городе Лиде. Воевала она в артиллерии. Имела звание лейтенанта медицинской службы. Награждена медалью "За боевые заслуги" и "За Победу над Германией". В 1981 году её не стало.

Полковник Растовцов организовал в нашем городе патриотический клуб. И я уже более двадцати лет занимаюсь общественной работой.

У кого еще есть здоровье и силы, собираются, и каждый год едут на встречу с однополчанами. Чем дальше уходит от нас война, тем меньше в живых остаётся её свидетелей.

Сегодня в городе осталось 7 ветеранов славной дивизии: Владислав Андреевич Адамсон, Зоя Дмитриевна Балабай, Василий Ананьевич Задорожкин, Алексей Гаврилович Иванов, Михаил Борисович Корнилов, Василий Петрович Зырянов, Нина Васильевна Лямяновская.

Награждена:

- медалью "За отвагу", № 281301, указ секретаря Президиума Верховного Совета СССР А. Горки от 23 октября 1946 года, орденская книжка А № 325722. Вручена за бои под городом Козельском в августе 1942 года, командир дивизии генерал Моковчук;
- орденом Красной Звезды, № 1025822, указ секретаря Президиума Верховного Совета СССР А. Горки от 23 октября 1946 года, А № 325722 орденская книжка. За бои на 2-м и 3-м Украинском фронте, командир дивизии полковник Корчиков Г. В.;
- медалью "За боевые заслуги", №2638671, указ секретаря Президиума Верховного Совета СССР А. Горки от 23 октября 1946 года, орденская книжка А № 325722 . За бои на 1-м и 3-м Белорусском фронте, командир 146 полка подполковник Савичев;
- орденом Отечественной войны II-й степени, №3105356,

указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1985 года, орденская книжка А № 319360, вручал военком города Лиды в 1985 году.

А также награждена медалями: "За взятие Кенигсберга", "За взятие Берлина", "За Победу над Германией"

Были опубликованы статьи в газетах обо мне:

Левы Б. "Камандзір санітарнага узвода", "Лідская газета" № 57(9979) от 8.05.1999г., стр.2;

Левы Л. "Наша Зоя", газета "Гродзенская прауда" № 146(12467) от 8.05.1999г., стр.2

Масян Н. "Да Дня пажылых людзей", "Лідская газета" № 122(10044) от 30.09.1999г., стр.1;

Владимиров Е. "По долгу памяти", газета "Ветеран" № 41(706) 2002г., стр. 5;

Осипенко Т. "Они сражались за Беларусь", "Лідская газета" №99(10067) от 3.07.2003г., стр.4;

Бельский И. "И помнит мир спасенный", "Лідская газета" № 114-115(10946-10947) от 2.07.2004г., стр.1;

Ступакевіч Т. "Не старэюць душой ветэраны", газета "Гродзенская прауда"» № 159(14558) от 17.08.2004г., стр.2 .

Декабрь 2004 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Войтович Александр Александрович,*** *студент 1-го курса факультета энергетики и электротехники, Московского энергетического института (технический университет)*

Богомолов Александр Фёдорович

Я был послан в разведку

Я родился 6 мая 1925 г. в селе Ильинском, Кольчугинского района, Владимирской области в семье рабочего-электрика. Когда наша семья переехала в город Кольчугино, я поступил учиться в начальную, а затем среднюю школу № 6, где в 1940 году вступил в комсомол. Член ВЛКСМ, с марта 1944 года – кандидат в члены КПСС, член ОСОАВИАХИМ. Имею 2 значка БГТО. По вероисповеданию атеист.

После начала Великой Отечественной войны наша семья вместе с частью кольчугинского завода имени С. Орджоникидзе переехала в г. Каменск-Уральский, Свердловской области, где я окончил 9-й и экстерном 10-й классы в средней школе № I. В августе 1942 г. поступил учиться в Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова на философский факультет, который в это время находился в г. Свердловске.

Узнал о войне 22 июня 1941 года, когда в Доме Культуры г. Кольчугина проходил пленум горкома комсомола. В 12 часов сказали, что началась война. В июле 1941 года принят добровольцем в первый кольчугинский истребительный батальон, в котором пробыл до начала февраля.

10 января 1943 г. был призван в ряды Советской Армии и направлен во 2-ю гвардейскую учебно-минометную бригаду (г. Москва). По окончании курсов в августе 1943 г. был на-

правлен в 126-й отдельный гвардейский минометный дивизион, в составе которого я участвовал в боях с немецко-фашистскими захватчиками на 1-м и 2-м Украинских фронтах.

В мае 1944 г. по решению Военного Совета 2 гвардейской танковой армии был направлен на курсы младших лейтенантов, по окончании которых в сентябре 1944 г. был направлен на должность комсорга полка 6-го отдельного тяжелого танкового полка 2-й гвардейской танковой армии, в составе которого я участвовал в боях с немецкими захватчиками на 1-м и 2-м Белорусских фронтах.

Боевой путь проходил через город Умань (март 1944 года), город Вапнярка (март 1944 года), город Бельцы с форсированием реки Днестр и выходом на государственную границу – реку Прут (март 1944 года), город Демблин (июль 1944 года), города - Седлец, Минск-Мазовецкий и Луков (июль 1944 года), города - Влоцлавск и Иновроцлав (январь 1945 года), город Варшава (январь 1945 года), города - Сохачев, Скерневице и Лович (январь 1945 года), города - Лодзь, Кутно, Томашув, Гостынин и Ленчица (январь 1945 года), города - Влоцвек, Бежесьць-Куявски и Коло (январь 1945 года), города - Хоэнзальц (Иноврацлав), Александров, Аргенау и Лабишин (январь 1945 года), город Быдгощ (Бромберг) (январь 1945 года), города - Шенланке, Лукатц, Крейц, Вольденберг, Дризен (январь 1945 года), город Штаргард (прорвав сильно укрепленную оборону немцев и выйдя на побережье Балтийского моря в районе города Кольберг), города - Бервальде, Темпельбург, Фелькенбург, Регенвальде и Керлин (март 1945 года), города - Штаргард, Наугард и Польцин (март 1945 года), города - Бельгард, Трептов, Грайфенберг, Каммин, Гюльцов и Плате (март 1945 года), город Альтдам (ликвидировав сильно укрепленный плацдарм немцев на правом берегу реки Одер восточнее Штеттина (март 1945 года), город Берлин (май 1945 года).

За достигнутые успехи награжден орденом Красной Звезды (№1274073 № удостоверения 118088), орденом Отечественной войны II-й степени» (№578553 № удостоверения 118088), двумя медалями «За боевые заслуги» (без номеров), орденом Отечественной войны II-й степени» (№1060100 № удостоверения 852653). Награжден военными, юбилейными и иностранными медалями в количестве 25 штук (не считая двух медалей «За боевые Заслуги»). Все награды были вручены

майором Бугаенко.

По окончании Великой Отечественной войны был комсоргом полка в танковых частях 2-й гвардейской танковой армии. В сентябре 1945 г. в 71-м гвардейском тяжелом танкосамоходном полку, 12-й гвардейской танковой дивизии был принят в члены КПСС. В конце 1946 г. поступил учиться в Военно-политическое училище пропагандистов, по окончании которого работал секретарем комсомольского бюро, а потом пропагандистом танкового полка в Забайкальском и Приморском военных округах.

В августе 1955 г. принят в Высший военно-педагогический институт имени М.И. Калинина в г. Ленинграде. После того, как через два года Высший военно-педагогический институт имени М.И.Калинина был расформирован, с 1957 по 1958 гг. был пропагандистом танковой дивизии Уральского военного округа, а потом направлен на учебу на педагогический факультет Военно-политической академии имени В.И.Ленина, по окончании которой в 1960 г. был преподавателем философии и начальником Вечернего университета марксизма-ленинизма в войсковой части 03080.

В 1963 г. был принят в адъюнктуру кафедры марксистско-ленинской философии Военно-политической академии имени В.И.Ленина, по окончании которой и защите диссертации был направлен преподавателем философии на кафедру марксизма-ленинизма Военно-воздушной академии имени Ю.А.Гагарина в 1965 г. В мае 1967 г. назначен на должность старшего преподавателя кафедры марксизма-ленинизма в этой же академии, где служу и по настоящее время.

Активно участвую в научно-исследовательской работе кафедры и академии, а также в центральных издательствах. Опубликовал учебников, научных работ, учебных и методических пособий общим объемом более 192.8 печатных листов.

С 1968 года являюсь научным руководителем кружков слушателей по общественным наукам. Часть слушателей - членов военно-научного общества - на Всесоюзных конкурсах студенческих работ неоднократно награждались медалями, ценными подарками, дипломами и грамотами.

За высокую организацию и проведение научно-исследовательской работы со слушателями был отмечен благодарностью от Министра высшего и среднего специального

образования СССР, неоднократно награждался дипломами 1 степени Всесоюзного конкурса студенческих работ и грамотами начальника академии и Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Систематически читал лекции, выступал с докладами для слушателей, личного состава воинских частей и соединений, рабочих и служащих академии и района. Регулярно проводил Ленинские и общественно-политические чтения для слушателей 4-го факультета.

Являюсь лектором областного общества "Знание".

Коллективом кафедры в первичной парторганизации избирался ее секретарем и членом партийного бюро.

В ходе войны остались живы родственники:
Богомолов Ф.В. 1891 г. р. Умер 12 ноября 1961 г.
Богомолова П.М. 1892 г. р. Умерла 19 сентября 1975 г.
Богомолова Н.Ф. 1918 г. р. Умерла 21 апреля 1973 г.
Богомолов Ф.В. 1891 г. р. Умер 12 ноября 1961 года.
Богомолов С.Ф. 1927 г. р.
Богомолов Б.Ф. 1930 г. р. Умер 19 мая 1992 года.

Научные работы:

- Некоторые вопросы идеалистической диалектики в "Науке - логику" Гегеля.
- Методы военно-научного познания.
- Проблема истины в советской военной науке.
- Философия Гегеля.
- Роль военной практики в познании военного дела.
- Учение об истине и предмет советской военной науки.
- Истина и особенности её познания в условиях вооруженной борьбы.
- Особенности познания истины в процессе боевых действий.
- Революция в военном деле и ее социально-экономические последствия.
- Военная практика - основа и критерий истины в военной науке.
- Современная научно-техническая революция и её социальные последствия.
- Некоторые вопросы военно-теоретического наследия В. И. Ленина и современность.

- Курс лекций по диалектическому материализму.
- Курс лекций по историческому материализму.
- Курс лекций по истории философии.
- Курс лекций по проблемам диалектического материализма.
- Критика современной буржуазной философии.
- Курс лекций по проблемам исторического материализма.
- Критика современной буржуазной социологи и военно-психологических теорий империализма.
- «Философские тетради» В.И.Ленина.
- Характер и система законов войны и Вооруженной борьбы, принципов военного искусства.
- Критика современных буржуазных философских, социологических теорий и методологических основ буржуазной военной науки.
- Возникновение и основные этапы развития марксистско-ленинской философии.
- Великий знаток военного дела. (К 150-летию со дня рождения Фридриха Энгельса).
- Герои Советского Союза Военно-Воздушных Сил.
- Марксистско-ленинская философия и методологические проблемы военной теории и практики, ч.I
- Марксистско-ленинская философия и методологические проблемы военной теории и практики, ч. II.
- Марксистско-ленинское учение о войне и армии - методологическая основа военной теории и практики.
- Социальные проблемы формирования личности авиационного командира.
- Марксистско-ленинская философия и методологические проблемы военной теории и практики
- Актуальные проблемы истории и политики КПСС.
- Актуальные проблемы коммунистической морали и нравственного воспитания советских воинов.
- Основные формы военно-научной работы.
- Актуальные проблемы истории и политики КПСС, ч.III.
- Боевой потенциал Вооруженных Сил СССР.
- История Военно-Воздушной Академии им. Ю.А. Гагарина.
- НИР «Компания»
- Актуальные проблемы критики буржуазной философии.

- Очерки об участниках ВОВ академии.

- Не стареют душой и делом ветераны (очерки «Герои рядом с нами»).

- Пути повышения эффективности идеологической работы в подразделениях и частях.

- Содержание и основные направления воинского, нравственного и правового воспитания личного состава авиационного подразделения, части.

- Актуальные проблемы логики и её роль в развитии диалектического мышления.

- Методология и методы военно-научного исследования.

- Мораль и воинская деятельность.

- Религия и армия.

- Введение в историю философии.

- История кафедры общественных наук.

- История специального факультета.

- История военно-транспортной авиации ВВС гр. "Облмограф".

- Одно из основных сочинений современного социализма к 90-летию работы Ф. Энгельса "Происхождение семьи, частной собственности и государства".

- Методические указания по изучению курса марксистско-ленинской философии.

- Методические советы по подготовке и написанию рефератов по общественным наукам.

- Планы семинарских занятий по курсу марксистско-ленинской философии.

- Планы семинарских занятий по марксистско-ленинской философии и методологическим проблемам военной теории и практики.

- Методические советы по написанию рефератов по общественным наукам.

- Методическое пособие для слушателей 4-го факультета по философским произведениям К.Маркса, Ф.Энгельса и В.И.Ленина.

- Планы семинарских занятий и индивидуальных собеседований по марксистско-ленинской философии и методологическим проблемам военной теории и практики (для слушателей 4 факультета).

- Альбом схем по курсу «Марксистско-ленинская филосо-

фия и методологические проблемы военной теории и практики».

- Проблемно-практические задания, методические советы, планы семинарских занятий по курсу: «Марксистско-ленинская философия и методологические проблемы военной теории и практики».

- Реферат по общественным наукам. (Методические советы).

- Проблемно-практические задания, методические советы, планы семинарских занятий и индивидуальных собеседований по курсу: "Марксистско-ленинская философия и методологические проблемы военной теории и практики" (для слушателей 4-го факультета).

- Методические рекомендации по курсу: "Марксистско-ленинская философия и методологические проблемы военной теории и практики" (для слушателей факультета заочного обучения).

- Организация и методика самостоятельной работы слушателей для всех факультетов.

- Проблемно-практические задания, методические советы, планы семинарских занятий и индивидуальных собеседований по курсу: «Марксистско-ленинская философия и методологические проблемы военной теории и практики».

- Методическое пособие по диалектической логике.

- Нормирование политической и боевой активности у слушателей в процессе обучения.

- Планы семинаров индивидуальных собеседований и проблемно-практических заданий по курсу: «Марксистско-ленинская философия и методологические проблемы военной теорий и практики" (для слушателей спец. факультета).

- Роль системного подхода в формировании научного мировоззрения военно-авиационных кадров.

- Деятельность партии по укреплению Советских Вооруженных Сил (1921-1941 гг.).

- Планы семинаров и методические советы по актуальным проблемам М. -л. теории.

- Сборник дидактических материалов по работам В.И.Ленина (для слушателей спец. факультета).

- Самостоятельная работа как важнейший вид учебной деятельности.

- Методические указания и планы семинаров по актуальным проблемам Марксистско-ленинской теории для слушателей академии, курсов).

- К истории кафедры общественных наук.

- Методические указания и планы семинарских занятий по актуальным проблемам Марксистско-ленинской теории (для слушателей академических курсов).

- Методические указание и планы семинаров по комплексному изучению курса «Актуальные проблемы общественного развития».

- Методологические проблемы современной военной науки.

- История ВВС (1941-1945 г. г.) (2 период).

В боях под городом Умань

В начале марта 1944 года во время боев за г. Умань я был послан в разведку ночью в распутицу, когда даже танки могли с трудом продвигаться. Задача моя была установить, какие силы и средства противника находятся на переправе через небольшую речку для того, чтобы произвести залп «Катюш» дивизиона и разведать маршрут и огневую позицию для нанесения залпового удара. Эту задачу я выполнил и был поощрен командованием, а затем был принят кандидатом в члены КПСС.

В прорыве под Штеттином

В конце января 1945 в связи с быстрым продвижением 2-й гвардейской танковой армии в немецкой Померании, фланги и тыл армии были растянуты и не достаточно обеспечены в боевом отношении. Фашисты, собрав значительные силы в районе Лупатц, Крейц, Дриген стремились ударить в правый фланг армии, чтобы отсечь ее от тыла. Перед нашим 6-м отдельным гвардейским тяжелым танковым полком была поставлена задача удержать позиции и отразить контратаку превосходящих сил и средств противника, в составе которых было значительное количество «Тигров» и «Пантер». Я попросился у заместителя по политчасти полка в первую танковую роту майора Клейменова, которая должна была выполнять главную задачу - удержать деревню Гросшенфельд до подхода наших главных сил - мотопехоты и артиллерии. В течение двух дней, закопав

танки ИС-2 в землю по башню, первая танковая тяжелая рота успешно удерживала позиции. Из 9 танков – 5 были выведены из строя. Пришлось много работать с каждым боевым экипажем. Мне приходилось быть и пулеметчиком и заряжающим и даже командиром танка, когда старший лейтенант Антипов А., командир танка - командир роты был убит.

В Берлине

21 апреля 1945 года наш 6-й гвардейский тяжелый танковый полк, перерезав берлинскую окружную автостраду, ворвался на северную окраину Берлина. Перед нами лежал серо-черный полуразрушенный дымящийся город. Его улицы были завалены грудами битого кирпича и щебня. Танковая рота под командованием майора Н. Клейменова медленно продвигалась по правой стороне прямой широкой улицы Шарлотенбургер штрассе. В одном из танков был и я, в то время лейтенант, комсорг полка. Враг сопротивлялся упорно. Особенно досаждали нам фаустники.

- Вот что, комсорг, - обратился ко мне командир роты. - Будь другом, возглавь группу автоматчиков по уничтожению фаустников. Помоги роте. Видишь, как сопротивляются гады.

Сделать это было не так просто. Гитлеровцы сидели в домах, превращенных в сильные узлы сопротивления. 8 дней вместе с автоматчиками при поддержке танков мне пришлось с боями пройти до парка Тиргартен, где находились правительственные здания, в том числе и имперская канцелярия. Бои шли без передышки, днем и ночью. Наши войска наращивали удары по врагу. К вечеру 30 апреля большая часть Рейхстага была взята. Над Берлином затрепетал красный флаг - Знамя Победы.

Май 2003.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Кравченко Ярослав Викторович****, курсант 3-го курса кафедры военного обучения Московского Государственного Строительного Университета.*

Боднар Александр Николаевич

Спаслись на парашютах

Я родился в 1918 году на Украине в с. Горчична, Дунаевецкого района, Хмельницкой области. Украинец. Православного вероисповедания, бывший член КПСС.

В 1933 году закончил Горчичанскую семилетнюю школу, в 1938 году - Голозубинский Сельскохозяйственный техникум, а в 1940 году - Харьковское военное авиационное училище штурманов. О начале войны узнал 22 июня 1941 года во время прохождения службы в должности штурмана экипажа первого тяжело-бомбардировочного авиационного полка (в годы войны первого гвардейского авиаполка дальнего действия). Военное звание – лейтенант. Аэродром базирования – Шайковка, Калужской области. Командир полка – полковник Филиппов Иван Васильевич. Первый боевой вылет совершил на самолете ТБ-3 26 июня 1941 года на бомбардировку танковых и механизированных колон противника на шоссейной дороге Минск – Борисов.

Аэродромы базирования полка в годы войны были: Шайковка – июнь 1941 г., Юхнов – июль 1941 г., Добринское – Владимировская область – январь 1942 г., Ногинск Московской области – апрель 1942 г., Монино, Москва – июнь 1942 г., станция Никифоровка Тамбовской области – август 1942 г., Ново-Александровка Ставропольского края – май 1943 г., Выползово Тверской области – январь 1944 г., Смольный Ленин-

градской области – март 1944 г., Ротмистровка Черкасской области (Украина) – апрель 1944 г., Нежин Черниговской области – май 1944 года, Житомир – июнь 1944 г., Львов – январь 1945 г., Ясенки (Жешув) Польша – апрель 1945 г. до дня победы.

Полк входил в состав авиации дальнего действия (АДД), подчинялся Верховному Главному Командованию и действовал в интересах всех фронтов от Ленинграда до Кубани (Ново–Александровка). Командующий авиации дальнего действия – главный маршал авиации Голованов Александр Евгеньевич. Закончил войну на аэродроме Ясенки (Польша) штурманом эскадрильи первого гвардейского авиаполка дальнего действия, военное звание – капитан, командир полка – подполковник Филин Василий Петрович.

Ранение: 18 июня 1944 года при выполнении боевого задания по выброске листов над оккупированной территорией Польши в районе города Хели Люблинского воеводства, самолет ЛИ-2 был атакован немецким истребителем ночью и зажжен. Три члена экипажа, включая командира – капитана Маркина Н.Г., погибли, а три человека – летчик Марков А.И., борттехник Захаров Я. и я – спаслись на парашютах. В полете был ранен (40 осколков в ногах), лечился у польского крестьянина Константина Глещинского, в польских и советских партизанах. Возвратился в полк в июле 1944 года. После войны продолжал службу в 1-ом гвардейском авиационном полку дальнего действия (затем 194 гвардейский полк военно–транспортной авиации) на Дальнем Востоке – Приморский край, аэродром Галенки – 1951 год, а затем Белоногово – 1952 год и Средне–Белая, Амурской области до демобилизации в апреле 1960 года согласно сокращению ВС СССР на 1 млн. 200 тыс. человек, прибыл на постоянное жительство в Тамбов, работал старшим инженером Центра научно–технической информации и пропаганды. В 1962 году принят в союз журналистов РФ. Был внештатным корреспондентом газеты “Тамбовская правда” ныне “Тамбовская жизнь”. В годы войны совершил 300 боевых вылетов, демобилизовался с должности старшего штурмана полка в воинском звании подполковника.

Награжден:

Ордена: Ленина – указ Президиума Верховного Совета СССР от 25.03.1943 года; Красного Знамени – приказ АДД от

5.10.1943 года; Отечественной войны I степени – приказ АДД от 23.05.1945; Красной Звезды – приказ АДД от 30.09.1945; Красной Звезды – Указ Президиума Верховного Совета от 20.04.1954 года; Красной Звезды – Указ ПВС СССР от 4.06.1955 года; Отечественной войны II степени - Указом ПВС СССР от 11.03.1985 года.

Медали:

"За отвагу" Приказ Западного фронта от 6.01.1942 года; "За боевые заслуги" Указ ПВС СССР от 29.06.1949 года; "Партизану Отечественной войны первой степени" УПВС СССР от 28.03.1943 года; " За оборону Москвы, Ленинграда, Сталинграда".

В войну погиб брат Боднар Феодосий Николаевич весной 1944 года в районе города Дубко под Львовом.

В период с 1950 – 2004 год регулярно публиковались мои статьи на темы военно–патриотического воспитания в газетах: "Красная звезда", "Советская авиация", "Суворовский натиск" (орган Дальневосточного военного округа) и "Тамбовская правда" ("Тамбовская жизнь"). Издана книга воспоминаний "О времени и о себе" (300 стр., 50 фотографий) к 60–летию Победы Тамбовполиграфиздатом в 2004 году.

В течение всей войны служил в 1-м гвардейском авиационном полку дальнего действия. Летать штурманом приходилось со многими летчиками. Это были прекрасные, умелые специалисты своего дела, но среди них особо хотел бы выделить мастера полетов капитана Александра Николаевича Котелкова. Меня порой удивляло его поведение, выдержка, смелость. Он был поистине бесстрашным воздушным бойцом, стремился в любой, даже самой сложной обстановке полета, обязательно выполнить боевое задание.

Летали мы в то время на тяжелых бомбардировщиках типа ТБ-3 (кстати, это была одна из первых конструкций А.Н. Туполева). Это была громоздкая четырехмоторная машина, как сейчас принято называть, воздушный лайнер. Взлетать приходилось с огромных по размеру аэродромов, в полетах преодолевать мощную зенитную оборону врага, сложные погодные условия, хотя самолет не был оборудован антиобледенительной системой. В этих условиях от летчика требовалось большое искусство, и Александр Николаевич со своим экипажем из всех трудностей выходил победителем.

Некоторые задания были настолько сложными, что даже не приходилось рассчитывать на возвращение на свой аэродром. Кроме боевых заданий по бомбардировке промышленных объектов, железнодорожных узлов, аэродромов противника, экипажи привлекались для выполнения полетов с посадкой в тылу врага, для доставки партизанам оружия, боеприпасов, медикаментов, вывозки раненых и детей. Часто приходилось летать в Белорусские и Брянские леса, в отряды Г.М. Линькова, Д.Н. Медведева, С.А. Ковпака, А.Н. Сабурова, А.Ф. Федорова, В.А. Бегмы.

Расскажу об одном из таких полетов. Однажды в штаб полка вызвали командира экипажа Александра Котелкова и меня, его штурмана.

“Верховный Главнокомандующий Сталин прислал первомайский подарок генералу А.Н. Сабурову, - сказал командир полка подполковник Б. Чирсков экипажу Котелкова, - нужно доставить его на площадь Пуховичи возле озера Червонное в Белоруссии. Площадка ограниченных размеров. Справитесь?”. “Постараюсь”, - был его ответ.

Экипажу приходилось выполнять подобные задания и ранее, все же все было продумано до мелочей, как сейчас принято говорить: ”на случай нештатной ситуации”. Полет к цели проходил сравнительно спокойно. На маршруте встретились небольшие кучи облаков, но в целом погода благоприятствовала полету. Линию фронта пролетели тоже без особого сопротивления, если не считать нескольких случайных выстрелов зениток. Подлетаю к цели. Нужно найти площадку приземления, обозначенную условными сигналами из костров. Но костров в лесах оказалось множество, как потом мы выяснили, возле них грелись партизаны. Задача штурмана точно определить те сигналы, где нужно произвести посадку.

Иначе можно попасть в западню. И такой случай был, правда, в другом полку. Немецкие солдаты с воздуха определяли расположение наших сигналов, выкладывали ложные на своих площадках. Заманивали наши самолеты.

Впереди показалась линия из пяти костров. По всем признакам – это наша площадка. Для надежности обменялись с землей условными сигналами из ракет: самолет – красная, земля – зеленая. Котелков выполняет круг для захода на посадку. Самолет со снижением планирует, для подсветки пло-

щадки летчик зажигает под крыльями ракету "кольта" (посадочными фарами самолет не оборудован). Расчет оказался не точным, пришлось выходить на второй круг и совершить посадку уже без подсветки (ракета "кольта" только одна). Расчет точный. Самолет мягко касается земли. Но что это? Защитный козырек летчиков покрылся грязью, летящий от колес шасси. Впереди стало темно. Котелков мгновенно нажал кнопку аварийного включения зажигания двигателей, чтобы грязь не повредила воздушные винты. Небольшой пробег и самолет остановился. К самолету подошли партизаны, им передали подарок генералу. Оставаться у партизан нельзя, днем немцы сожгут самолет. Встал вопрос: как взлететь? Самолет хотя и выработал часть горючего, стало легче, но партизаны попросили взять на борт тяжелораненых. Мягкая, растаявшая почва усложняла взлет самолета. Котелков, чтобы увеличить длину площадки выруливает в самый ее край, чуть не задевая крыльями деревья. Наступает ответственный момент - взлеторазбег. Александр Николаевич сосредоточен. Всем четырем двигателям взлетный режим – полный газ. Машина медленно, словно нехотя трогается с места, секунды в это время кажутся вечностью. Уже половина площадки позади, а скорости для отрыва самолета от земли не хватает. Тут от летчиков требуется максимум мастерства: чуть раньше, чем можно поднимать машину – может свалиться на крыло и тогда конец. А спереди все приближается лес, ограничивающий площадку. Кажется, вот-вот врежемся в деревья.

Сколько нужно выдержки, особого чутья, чтобы оторвать самолет от земли не раньше, не позже. От напряжения лицо Котелкова покрылось потом. Летчик берет штурвал на себя – самолет в воздухе. Трудность преодолена. Котелков облегченно вздохнул. Погода благоприятствовала и полету домой. На рассвете экипаж совершил посадку на аэродроме Монино под Москвой. Командир полка поблагодарил Котелкова за успешное выполнение боевого задания.

О замечательном летчике А.Н. Котелкове хочется сказать особо: среднего роста, худощавого телосложения, с добрым улыбчивым лицом, всегда подтянут. После Энгельского военного авиационного училища летчиков имени М. Расковой, впоследствии базировавшегося в Тамбове, начал свою раннюю жизнь на ТБ-3 в 39-ой отдельной авиоэскадрильи. Зимой 1941

года, когда осажденный Ленинград переживал трудные дни блокады, он был одним из первых, кто прокладывал к городу на Неве "дорогу жизни". До предела загруженный ящиками с продовольствием самолет отрывался от взлетной полосы аэродрома Череповец, направлялся в осажденный город. Чтобы оставаться неуязвимым для вражеских истребителей и зениток, бомбардировщик летал на предельно малой высоте вдоль железной дороги к Тихвину и над Ладожским озером. Разгружали самолет нередко под артиллерийским огнем противника. Затем на борт корабля принимали пассажиров. Это были матери с малышами на руках и дети, осиротевшие в дни блокады. В это время Котелков спас от голода и холода 250 человеческих жизней.

С 1942 года экипаж Котелкова, записанный в 1-й гвардейский авиополк дальнего действия, выполнял наиболее сложные боевые задания. Боевой зрелостью А.Н. Котелкова, его летным мастерством объясняется то, что вражеские снаряды и пули не коснулись его, что не пришлось спасаться на парашюте, а самолеты, на которых он покрыл многие сотни тысяч километров, ускользали из-под обстрела противника. В годы войны Котелков совершил более 300 боевых вылетов. За боевые подвиги он удостоен трех орденов Красного Знамени, Отечественной войны I-й степени, Красной Звезды – свидетельства мастерства и мужества. Его ратные дела увенчаны Золотой Звездой Героя, врученной вместе с орденом Ленина. После войны он жил в Москве. Умер в 1985 году.

Запомнился мне последний боевой вылет на самолете ТБ-3 30 марта 1943 года с аэродрома Никифоровка под Тамбовом. Экипажи полка выполняли задание по бомбардировке скопления вражеских эшелонов на станции Орел. Готовясь к наступлению на Орловско–Курской дуге, немцы сильно прикрывали этот объект, сосредоточив большое количество зенитных средств и прожекторов. Экипажу командира эскадрильи майору Марку Лановенко (я был штурманом) была поставлена задача сфотографировать результаты бомбардировки. Летели мы последними, наблюдая работу экипажей. Как только отбомбился последний самолет, мы взяли курс на Орел, и здесь началось. Если раньше прожекторы и зенитки сосредотачивали огонь на нескольких самолетах, то теперь вся эта огненная лава была направлена на наш самолет. Десятки прожекторов

впились лучами в наш самолет и ослепили нас. В самолете стало светло, как в яркий солнечный день. Слева, справа, впереди появились черные шапки разрывающихся снарядов. Длинными цепями тянулись к самолету разноцветные гирлянды трассирующих пуль зенитных пулеметов. Сброшены фатабы (бомбы, дающие мощную вспышку света для освещения объекта). На пульте аппарата загорелась красная лампочка. Докладывал Лановенко, что фотографирование закончено. Марк Трофимович, резко маневрируя, бросает самолет влево, вправо, меняет курс, выполняет противозенитный маневр, старается быстрее выйти из зоны огня. Положение с каждой секундой становится все более критическим. По времени мы уже должны быть за городом, а огонь все усиливается. Увлекшись маневрированием, Лановенко не заметил, как сделал круг над городом, и самолет снова оказался над городом. Нужно принимать экстренные меры. Лановенко идет на хитрость – убирает газ всем четырем двигателям и резко планирует в одном направлении. Зенитчики видимо решили, что самолет постепенно падает, стали выключать прожекторы и уменьшать стрельбу. На высоте 300 метров, когда город был уже позади, взревели моторы, самолет взял курс на свой аэродром.

Конечно, пережить экипажу в этом полете пришлось много. Совершив посадку, мы с Лановенко пришли в штаб полка докладывать о выполнении задания. Каково же было наше удивление, когда, слушая доклад штурмана Ивана Воеводова, наблюдавшего за нашим полетом, услышали: "...Один наш экипаж над целью сбит. Долгое время его держали в лучах прожекторы и вели огонь зенитки, а затем он начал падать". Мы с Лановенко поняли, что речь идет о нашем самолете, дополнили доклад И. Воеводова, рассказали, как все это было.

Несколько слов о летчике М. Лановенко. Марк Трофимович принадлежал к когорте наиболее опытных и смелых летчиков полка. Как бы не бушевала воздушная стихия, и оказывали сопротивление зенитные средства противника, его экипаж смело шел к заданной цели и успешно выполнял задания. Начал войну 22 июня 1941 года и закончил Днем Победы. Экипаж Лановенко нередко возвращался с большими повреждениями от огня противника, но ни разу не был сбит. За годы войны Лановенко совершил более 300 боевых вылетов, удостоен звания Героя Советского Союза. После войны окончил

военно-воздушную академию им. Гагарина. Продолжительное время служил инспектором в штабе военно-транспортной авиации. Написал книгу воспоминаний "Эхо войны". Живет в Москве.

В начале 1943 года самолетов ТБ-3 в полку оставалось незначительное количество. Промышленность их не выпускала. А те, которые были: одни - выработали ресурсы, другие - сбиты при выполнение боевых заданий или повреждены при вынужденных посадках. Командованием дальней авиации было принято решение вооружить 1-й гвардейский авиаполк дальнего действия самолетами типа ЛИ-2.

Самолет ЛИ-2 – это американский транспортный самолет СИ-47 "Дуглас", конструкции Сикорского. Выпускался у нас по лицензии как "ПС-84" (пассажирский самолет). Размах крыльев у него 28.8 м, длина фюзеляжа – 19 м. На самолете были установлены два отечественных мотора воздушного охлаждения АГИ-62ИР – конструкции Шевцова. Самолет развивал скорость 240-250 км в час, высота полета 4.000 метров, дальность полета до 1500 км. Конструктором Лисуновым самолет был оборудован как ночной бомбардировщик. Под центропланом были установлены четыре балки – бомбодержатели для подвески бомб, был установлен электробомбосбрасыватель – ЭСБР-3. На самолете можно было подвесить четыре авиабомбы ФАБ-250 или две ФАБ-500 (фугасные). Имелось необходимое стрелковое вооружение – пулеметы для защиты от истребителей противника. В салоне фюзеляжа были установлены сидения для 16-18 пассажиров. Экипаж самолета состоял из пяти человек: командира экипажа, штурмана на пилотском сидении, бортового механика, стрелка-радиста и воздушного стрелка. Самолет имел более совершенное бортовое оборудование, закрытую кабину, антиобледенительную систему и автопилот. Летчики были в восторге от последнего. "Это чудо техники", - говорили они. Еще бы. После вылета летчик, добрав определенную высоту, включал автопилот, задавал ему курс и если нужно крен и высоту, и самолет летел без вмешательства летчика. Летчики часто пользовались им при полетах, он здорово помогал им.

Переучивание экипажей на самолеты ЛИ-2 происходило на аэродроме Кирсанов (100 км восточнее Тамбова). Освоение нового самолета шло быстро. Летчики, имея большой опыт

полетов на ТБ-3, помогали им в этом, тем более новый самолет в технике пилотирования был прост. А штурманам и вовсе переучиваться было еще проще – главное привыкнуть к своему новому месту – пилотскому сидению и помогать летчику в пилотировании самолета.

Пилотировать самолет я научился еще при полетах на ТБ-3. Первый полет на самолете ЛИ-2 выполнял в составе экипажа капитана П.Губина, зимой 21 января 1943 года. В эту ночь мы выполнили два вылета на бомбардировку аэродрома "Питомник" под Сталинградом, на котором немцы по "воздушному мосту" оказывали помощь окруженным войскам генерала Паулюса. Цель была хорошо обозначена, на аэродроме постоянно принимали немецкие самолеты, горели стартовые огни, посадочные прожекторы, удобно было по ним прицеливаться и сбрасывать бомбы. Однако при возвращении из второго полета над аэродромом Никифоровка начался сильный снегопад. Посадка затруднялась. "Бери штурвал и пилотируй, - сказал Губин, - а я буду наблюдать за землей, чтобы не потерять аэродром". Пришлось строить маневр для захода на посадку, к чему я, естественно, был готов, хотя возможно не все у меня получалось четко. "Если сидишь на пилотском сидении, - сказал мне после посадки Петр Федорович, - обязан помогать летчику".

К слову скажу, что некоторые штурманы: В.Глазун, М.Орлов, Г.Мосунов, в совершенстве пилотировали ЛИ-2 и даже производили взлет и посадку, естественно, при участии инструктора – командира экипажа.

Мне самостоятельно подниматься в воздух на самолете пришлось значительно позже, уже в мирное время, в период службы на Дальнем востоке, городе Белогорск (Амурская область).

А было это так. Командиром звена управления 1-й дивизии военнотранспортной авиации, в котором я служил заместителем старшего штурмана дивизии, был летчик Григорий Максимов. До службы в авиации он работал инструктором Вязниковского (Владимирская область) аэроклуба, многим дал путевку в небо. Григорий был опытный летчик, с ним было приятно и интересно летать. " Саша, - однажды сказал он мне, - ты прекрасно пилотируешь самолет, а самостоятельно не летаешь. Давай я научу тебя взлету и посадке на учебном само-

лете ПО-2". В начале я не соглашался, но он меня убедил. Полетели с ним на запасной аэродром Орловка. Там мы были сами себе хозяева. Я совершил с Максимовым несколько провозных, самостоятельных полетов из передней кабины. "Нормально! – подбодрил он меня. – Теперь давай один". Пожелал удачи. Взлетный режим двигателя и самолет побежал по полосе. Отрыв от земли, набор высоты, дальше стандартная "коробочка" – маневр для захода на посадку. Впереди посадочная полоса. Планирование, касание земли, пробег и полет завершен. Максимов пожал мне руку, поздравил. "Теперь ты не просто авиатор, а настоящий летчик", - сказал он. Выполнив еще несколько самостоятельных полетов, мы возвратились на свой базовый аэродром.

Это произошло 24 июня 1952 года, в день моего рождения. Тогда мне было 34 года. Такой вот подарок. Об этом сделана соответствующая запись в летной книжке. Память!

В дни, когда стояла ненастная, нелетная погода, экипажам хотелось развлечься, повеселиться, разрядиться от суровых боевых дел. Некоторые авиаторы посещали клуб станции Никифоровка, танцевали с местными девушками, другие не против найти разрядку в спиртном. Но найти его было сложно. В этих случаях находились, как их называли – "ловкачи", которые находили выход из этих сложных ситуаций. На стенке казармы висело кожаное пальто, как его называли "реглан". Хозяином его был командир экипажа Евгений Мельниченко. Летом нужды в такой одежде нет. Воспользовались отсутствием хозяина "реглана", его друзья взяли его и пошли обменивать в поселок на водку. Сделка состоялась быстро. По возвращении домой в столовой прихватили закуску. Перед началом трапезы разыскали Мельниченко.

- Женя, хочешь выпить? – предложили ему.

- А есть? – вопросом на вопрос ответил он.

- Раз предлагаем, значит есть.

Выпили, через несколько дней Мельниченко хватился "реглана". Друзья ничего не стали скрывать:

- Ты водку с нами пил?

- Пил, ну и что?

- Ты думаешь мы тебя даром угощали. Это же мы пропивали твой "реглан".

Жалко было хозяину хорошей вещи. Но дело не попра-

вишь – уже сделано. Безнадежно махнув рукой, Мельниченко смирился: “Быть по сему”.

В период переучивания на самолетах ЛИ-2 в городе Кирсанове также происходили курьезные случаи. В свободное от полетов время было желание повеселиться, развлечься. Вспомнили, что в Кирсанове существовало отделение Военторга, где есть водка. Но как ее достать?

Штурман Борис Грачев, весельчак по натуре и находчивый парень, предложил добавить к своим орденам награды товарищей. Вся грудь оказалась в орденах – почти герой. В таком наряде он отправился к начальнику военторга. Увидев офицера в таком иконостасе, тот опешил.

- Чем могу служить? – спросил он.

- Отпустили на несколько дней домой на побывку к родственникам, - ответил Грачев. – Сами понимаете, что за встреча без выпивки, а достать негде. Не выручите?

- Сколько нужно?

- Литра хотя бы три.

Вскоре необходимое было получено. Уплатив и поблагодарив начальника, Борис довольный успешно проведенной “операцией” ушел. В казарме его уже ждали друзья. Повеселиться было чем.

В годы войны экипажам приходилось преодолевать много трудностей при выполнении боевых заданий. Подчас экипажи не возвращались домой, естественно, это отражалось на настроении авиаторов.

Июнь 2005 года

*В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Платицына Олеся Анатольевна**, студентка 5 курса факультета журналистики Тамбовского государственного университета имени Державина*

Волкова-Музылёва Марина Васильевна

Девочка из села Мансурово

Я родилась 25 июля 1922 года в селе Мансурово, Истринского района, Московской области. По национальности я русская и по вероисповеданию – православная. С 1943 по 1991 была членом Коммунистической партии, потом я разуверилась в ней: они своими руками отдали нашу страну. В комсомоле я не состояла, потому что, во-первых, не было времени, а во-вторых, возраст не подходил. В училище я поступила после седьмого класса. Левка Демин всегда говорил мне: «Вступай в комсомол, а то группу назад тянешь». А для того чтобы вступить в комсомол, надо было нести большую общественную работу, а я работала. С 9 до 14 часов занималась в техникуме, а с 16 часов работала на кондитерской фабрике «Рот Фронт». Мне необходимы были деньги, так как стипендия была маленькая всего 78 рублей, а я жила только на свою стипендию, причем и маме, которая жила в селе, умудрялась посылать хлеб и сахар за 3 рубля 90 копеек.

Школу я окончила в 1938 году в селе Мансурово. В этом же году поступила в Москву в механико-элеваторный техникум, закончить который я смогла лишь после войны в 1946 году. Одним из моих любимых предметов в техникуме было военное дело. Преподавал его полковник. Вместе с ним мы ходили в клуб «Ворошиловский стрелок» и сдавали зачетную норму. Между прочим, за стрельбу я получила значок «Воро-

шиловский стрелок». Также изучали санитарное дело, по окончанию курса я получила значок «Готов к санитарной обороне» и значок ГТО («Готов к труду и обороне»). Таким образом, перед войной я была подготовлена в санитарном деле и умела стрелять.

Война

21 июня 1941 года у 4-го курса был выпускной, и нас, третьекурсников, пригласили участвовать в этом гулянии. Помню, ставили постановку «Платон Кречет». После постановки были танцы до 3-х часов ночи. Метро не работало, и мы группой студентов пошли от Баумовского училища до Белорусского вокзала, а затем разбрелись по Москве в разные стороны. Войдя домой, я на лестнице сняла туфельки, чтобы мама не услышала. Но я все равно разбудила ее, и она проворчала: «Ну, гулена, проходи, проходи… Иди, попей чай, чайник на плите еще не остыл».

Утром меня разбудил шум. Моя мама и брат собирались на дачу, они всегда выезжали летом. Только они уехали, я отправилась к Зое Крупинниковой, жившей в смежной квартире. Захожу, а она спит. «А, ну, лентяйка, вставай, а то твоя мама уже скоро придет», - поторопила ее я. Она сонным голосом ответила: «Да не придет! Она в Чесмино к бабушке уехала». Мы остались одни и начали крутиться и беситься. Вдруг сильный стук в дверь (время было около 12-ти часов дня):

- Что вы разбесновались!

Мы открываем, а это Маня – глухая, ее фамилия – Бесфамильная. Дело в том, что когда проводили перепись по Москве, спросили у ее бабушки: «Как твоя фамилия?» Она отвечает: «Не помню». Так ее и записали Бесфамильная. «Маня, ты чего стучишь?» - возмущенно спросили мы. А она: «Вы чего беснуетесь? Включите радио – война!» По радио звучит голос Молотова. Мы замерли и затем выскочили на улицу. Из репродуктора раздавался голос Молотова: «Враг бомбит наши города и села…»

Мы с Зоей побежали в техникум, а там мальчишки сидят на столах, обсуждая новую весть. Левка Демин говорит: «Пошли все в военкомат!» Мы побежали по Вакуменской улице, военкомат был на Басманной, и там очередь тянулась на целый квартал. Все ребята писали заявление добровольно и их брали.

Когда очередь дошла до нас, я, Нина, Тося и Галя, у девчонок приняли заявление и сказали придти позднее. Я подаю заявление. Хотя я училась уже в техникуме, но выглядела младше своих лет.

- Девочка, ты что здесь делаешь?

Протягиваю ему заявление.

- Иди домой, малышка, а то «Пионерскую зорьку» проспишь.

Каждое утро в 9 утра передавали «Пионерскую зорьку» для малышей.

Я говорю, что хорошо, но заявление возьмите. А он больше разговаривать не стал, выпроводил за дверь. Пришла на следующий день, и опять потерпела неудачу.

22 июля, ровно через месяц, налетели самолеты и начали бомбить Москву. Когда по радио раздался клич: «Воздушная тревога, воздушная тревога!» - никто не придал этому особого значения, все решили, что это тренировочная тревога. Ведь никто из нас не мог поверить, что немцы будут бомбить Москву. Мои родители не доехали до Можайска, начались тяжелые бои. Дети снова стали ходить в садик. В то время как моя мама пошла в садик за племянником, начался налет, а я тайком собирала вещмешок: складывала зубной порошок, штаны. Я была уверена, что обязательно попаду на фронт, однако очень переживала, как к моему решению отнесется мама. Она как бы говорила мне: «Брат воюет, сестры неизвестно где, и ты меня покидаешь. Дочка, что же ты оставляешь меня одну?». Я очень беспокоилась за маму. Но во время налета немецкой авиации, когда мама была в детском саду, она погибла. Я бежала и кричала на всю улицу. Но с другой стороны, у меня было некоторое облегчение, ведь я могу пойти на фронт, не расстраивая своей мамы.

Первая разведка

Пошла опять в военкомат – заявление не приняли. Тогда я взяла свой вещь мешок, который приготовила еще при жизни мамы, и на попутных машинах доехала до станции, а с попутками доехала до Истры, потом дальше, к Ануфрево, туда, где шли бои. Меня приняли за местную девочку и попросили сходить в Сорокино узнать, где располагаются немцы. Я узнала,

что немцы идут не на Истру, а на Рузу, в обход нашей обороне. Тем самым я дала ценные сведения нашей разведке. Наши войска переместились и устроили оборону от Ануфрево, Петрово, через Мансурово и Кострово на Истру.

Практически в тоже время послали разведчиков в этом же направлении. Группа в маскхалатах дошла до Воскресенок, где проходит река Истра. Не переходя реку, она решила дождаться темноты. А я иду из Воскресенок, перешла овраг, шпарю по полю, слышу голос разведчиков: «Сюда, сюда!» Разведчики забрали меня и привели в штаб. Командир увидел их добычу: «Да вы что, ребята, мы же ее в разведку отправили!» Я доложила, что немцы в Воскресенках и направляются в сторону Рузы. Когда немцы стали подходить к Мансурово, командир говорит: «Все, садитесь, уходим». А мне:

- Девочка, молодец, выполнила задание.

А я думаю: «Что вы мне молодец на словах? Дайте мне хоть какую-нибудь записку, что выполнила задание, ходила в разведку, перевязывала раненых во время бомбежки, а то кто мне поверит». И мне дали бумагу со штампом, что такая-то, такая-то ходила в разведку, принесла ценные сведения о противнике, оказывала первую помощь раненым. Меня высадили на Волоколамском шоссе, и я на попутных машинах добралась до Москвы. Приехала в Москву, дома уже никого не было, и я отправилась в военкомат. Там говорят: «Товарищ майор, эта девчонка опять пришла к нам!» А я им и отвечаю: «Я уже не девчонка, я солдат!» - и подаю записку. Они посовещались между собой, и старшина и говорит, что прибыла 78-я дивизия, командир дивизии Белобородов, они понесли большие потери. «Направим-ка мы тебя туда». И военкомат отправил меня в 78-ю дивизию санитарным инструктором - это было 12 октября 1941, именно тогда началась моя служба в регулярной армии.

Мои родные

Моя мама, Пелагея Герасимовна, погибла во время налета на Москву. Она не воевала. Шла по Москве и погибла.

Дядя, Степан Герасимович, был подполковником, он погиб при освобождении Белоруссии. Он командовал конным корпусом и у реки Березина перед самым Минском дал команду: «Вперед!» и во время боя погибает.

Мой брат, Николай Васильевич, как только началась война, ушел добровольцем на фронт. До войны он учился в танковом училище. Во время боев под Сталинградом был тяжело ранен в ногу и контужен. После госпиталя военкомат не отправил его на фронт, а оставил в Москве в нестроевой части. Брат стал работать шофером, возил генерал-полковника Большакова. Умер 4 июля 1978 года.

Мои две сестры, Полина и Анастасия, не принимали участия в боевых действиях. Полина вышла замуж, а муж служил в Белоруссии, недалеко от Брестской крепости. Умерла в 1954 году. Анастасия также была замужем за военным и жила на границе с Эстонией. Умерла в 1993 году.

Мой отец, Василий Алексеевич, был участником Первой империалистической войны, после ранения вернулся в наше село, а затем уехал в Москву, где работал управляющим у лесозаготовителя. Умер в 1938 году.

Мой дядя, Алексей Алексеевич, попал в плен в Германию, где жил у одной немки 3 года. Затем вернулся домой и все расхваливал немецкое житье и их культуру, а русских больше свиньями называл. Говорил: «Бросят бумажку и не поднимут». Когда началась война, я забегаю к нему и говорю: «Дядя Алексей, уходите, фашисты наступают, они расстреливают, издеваются». А он мне отвечает: «Что ты мне говоришь, я в Германии 3 года прожил – это культурная нация, нам у них еще поучиться надо. Они не будут воду ведрами таскать, у них все механизировано. Даже срубит дерево, все в дело пойдет, везде чистота». Да и, правда, когда мы вошли в Германию, у них везде дороги, а когда американцы спрашивали, какие у нас дороги, чтобы прислать машины, правительство ответило, что в Советском Союзе дорог нет.

Первая разведка на Курской дуге

Это был 1943 год, я находилась в 92-й разведроте 184-й стрелковой дивизии. Был сплошной тиф даже в медсанбате. Хирург Ольга Герман делала операцию, и сознание потеряла, температура 40 и у нее обнаружили тиф. Наложили карантин на медсанбат, затем в нашу разведроту пришел приказ сделать всем прививки. Я построила и отвела своих разведчиков в медсанбат. Леня Власов первый снял гимнастерку, остальные

жались у порога. Вошел Григорьев, увидел шприц и выскочил из палатки. Я и еще несколько разведчиков настигли Григорьева, он неистово отбивался: «Лучше под пулю, чем уколы!» Мы ему говорим, как же ты за «языком» пойдешь. Григорьев только отмахнулся.

Этой ночью раздалась команда: «В ружье!». Рота быстро построилась, тут же были поданы машины. Надо было уточнить передний края противника, у нас на карте нанесено, что передний край траншеи немцев проходит как раз по краю этой лощины. С нами всегда был радист, который передавал сведения о нашем месте нахождения, а в ходе разведки установили, что немцы перенесли свой край на самый бугор. Для того, чтобы уточнить передний край, нам надо было подползти к самой траншее, открыть автоматную очередь или бросить гранату, если в ответ нас обстреливали, следовательно, немцы находятся в этой траншее и не переменили место своего расположения. Когда немцы начинали вести огонь, мы засекали, ведут ли они его из автоматов или из пулеметов, и наносили на карту огневые точки противника. Самое ценное было взять немца живым, но для этого надо было переходить через оборону.

С заданием мы справились, но когда вернулись в часть, то обнаружили, что Григорьева нет. Мурчик, командир роты, оглядел вернувшихся с задания разведчиков и сказал: «Назад и не возвращайтесь, пока не доставите мне Григорьева живого или мертвого». Старшина Половинкин пытался что-то возразить, но тщетно. Нам всегда давали приказ вытаскивать раненых или мертвых солдат из боя, так как были случаи, когда немцы фальсифицировали сведения и говорили, что мертвые разведчики предали нас.

Они вернулись и обнаружили тело Григорьева. Он лежал в густой траве, и были видны только его стриженый затылок и плечи. Мы доставили его в часть. Увидев труп, все сразу помрачнели. Мурчик посмотрел на Половинкина и горестно сказал: «Хиба ж вы не бачили. Какая же бесова сила вас понесла в ту сторону! Я ж вам сказал, что тут минное поле», но видно было, что он говорит это только для того, чтобы отвести душу, а сам, конечно, понимает, что в суматохе ночного боя не так-то легко удержаться намеченного на карте направления.

Поднять пехоту

Это было 1 февраля 1945 года. Наши пехотинцы находились на переднем плане, и им дали задание занять фольварк (немецкий хутор). Пехотинцы с криками «ура!» двинулись вперед, а немцы открыли перекрестный огонь. Впереди хутора стояла большая конюшня, которая была разделена на три части, и на крыше каждой стояло по пулемету. Нашим солдатам снова скомандовал «вперед!». В ответ немецкий огонь, пехотинцы залегли. И тогда нам дали задание: «Поднять пехоту». В то время я была помощником командира взвода. Командир взвода лейтенант Еговкин вызывает меня и говорит: «Марина, давай-ка подберем с тобой двенадцать человек». Мы выбрали двенадцать лучших разведчиков: Коткович, Павлов, Прохоров, Иванов, Зазуля, Королев, Романов – остальных не могу вспомнить. Ну, как же ты будешь поднимать пехоту? Не будешь же стучать каждого по заду, и говорить «Встань!»? Мы ползем впереди пехоты метров на пять-шесть. И рассредоточиваемся по одному человеку, расстояние между нами было от пяти до десяти метров. У нас было по несколько гранат. У меня лично четыре гранаты справа и четыре слева, два диска по 70 патронов и диск в автомате. Нам дали приказ: «По сигналу красной ракеты с криком «ура» бежите вперед». Лежим пять, десять, пятнадцать минут в снегу, и вдруг взвиваются три ракеты. Мы бежим вперед, пехотинцы за нами. Немцы открывают огонь из пулеметов. Мы-то в белых маскхалатах, а пулеметчики видят из далека, 300-400 метров от нас, поэтому замечают лишь серые шинели пехотинцев. Пехотинцы залегли, а мы проскочили и добежали до хутора. У нас в живот ранили Иванова. Однако мы сумели занять среднюю половину постройки, а в правой и левой находятся немцы. Он все время просит воды, а я ему говорю: «Миленький, потерпи, потерпи». Немцы очухались и начали окружать нас. Еговкин говорит мне: «Бери право, а я лево». Павлов был в центре. Коткович кричит: «Марина, иди сюда! Смотри корова идет вдоль сарая! Да присмотрись у коровы вместо четырех еще ноги отрасли». Тогда он открыл огонь, корова бросилась в сторону. «Юра, ты, что в корову?», а он говорит: «Нет, она еще пригодится, мы ее еще подоим». А немца-то он убил. Затем они в окошко стали кидать гранаты, как яйца розовенькие и с хвостиком. Кто-то рядом со мной

схватил гранату и выбросил ее обратно в окно, она там и разорвалась. Он кричит: «Маринка, ты не бойся, выкидывай!» Затем полетела другая. Тут и я не растерялась: схватила и выбросила вон, она разорвалась за стеной. Фрицы гай устроили, поняли, что мы эти гранаты обратно выбрасываем. Иванов кричит: «Немцы, немцы доски отрывают!» Глядим, сверху свисает рука с немецким автоматом. Тогда Павлов дал автоматную очередь и убил его: «Ну что, брат, отстрелялся?». Зазуля и Королев справа: «Что делать, немцы ползут?» «Да что делать, стрелять!» Тут Романов говорит: «Надо вызывать огонь на себя. Я побегу». А сам весь дрожит, ведь это верная смерть. Он выскочил и говорит: «Ребята, прикройте меня!» Разведчики окрыли огонь, он проскочил. Тут мы увидели, что в шести метрах от конюшни стоит пушка. Еговкин говорит: «Кто у нас артиллерист?» Кто-то ответил: «Да я был в артполку». Открываем огонь по чердаку. Они развернули пушку, зарядили, выстрелили по правой стороне, пробили стену. В это время Романов добежал до наших и сообщил, что мы находимся в средней части, кругом немцы, и что мы вызываем огонь на себя. Когда дадут красную ракету, пусть артиллеристы открывают огонь на них. У нас никто не пострадал от снарядов. Но как только начался обстрел, немцы повыскакивали из постройки, а мы, с криком «Ура!» заняли правую и левую части. Я с Павловым вскочила в правую часть, а там немцы еще остались. Павлов кричит: «У, гад, сейчас застрелю!» А я и говорю: «Стоп, нам еще язык нужен». Немцы прижались друг к другу, а Павлов вынул финку и грозит им: «У, гады, прирежу!» А они хором: «Найн, найн! Гитлер капут! Сталин гуд!» Пехотинцы уже заняли фольварк. К нам подбегает Сидоров - командующий пехотными войсками: «Дочка, живы, дочка!» В это время командир нашей дивизии был на самой передовой. Обнимает нас, целует и восклицает: «Ну, разведчики, молодцы! Заняли фольварк, заняли и языков взяли». А адъютанту говорит: «Записывай. Наградить Еговкина орденом Александра Невского, Павлова орденом Отечественной войны, Котковича орденом Красной Звезды. Подходит ко мне: «А тебя красавица, чем награждать будем? Орден Красной звезды у тебя есть, «Отечественной войны» тоже. Дадим мы тебе орден Славы и начнем с третей степени». Наш бой продолжался с девяти утра и до четырех часов вечера. И это только один бой из мно-

гих, а они были каждый день.

Ранения

Первое мое ранение было под Вязьмой в феврале 1942. Нас перебросили на Можайское направление и направили на Юхнов. Перебросили сначала из 16-й армии в 43-ю армию, которой командовал Голубов, а потом дали приказ нашему командиру дивизии идти в 33-ю армию к Ефремову с заданием занять Вязьму. После подмосковных боев начались очень сильные снегопады. Я числилась санинструктором в инженерной разведке, но все время ходила в разведку вместе с саперами. Проходила через линию обороны уточнять, где находятся минные поля противника, снимать эти мины, а, если ездили немецкие самоходы по дороге, то на этой дороге ставить мины ЯМ-5 (ЯМ-5-это ящичная мина, 5 кг тола). И мы эти ящики таскали за собой и несколько взрывателей. Вырывали углубление, ставили мины, вставляли взрыватель и уползали. Подъезжали немецкие танки или машины, нажимали на взрыватель, и мина взрывалась. Именно в боях под Вязьмой я и получила ранение в бедро.

Второе ранение у меня было под Сталинградом. Мы шли из-под Харькова, пересекли Оскол и шли вдоль Дона. Дивизия уходила, немцы наступали, и командование говорило, что мы должны сменить место расположения и занять более выгодную позицию. На берегу Дона нас оставили 10 человек. Отдали приказ, что пока дивизия отступает, надо держать оборону, не пускать Паулюса. Гитлер приказал Паулюсу во что бы то ни стало взять Сталинград. И наша дивизия 38-й армии под командование Москаленко держит оборону. Однако нас отодвигают все дальше и дальше. Людей убивают, присылают новых. Тут отдают приказ, что пока дивизия отходит на новое место, нам надо взорвать мост через реку Оскол и вести бой пока наша дивизия не займет оборону. А что означает занять оборону? Надо выкопать траншеи, ячейки. В это время я перебинтовывала раненых, вытаскивала убитых. Мы отступали - река Чир, Богай, Хутор. Шли тяжелейшие бои, немцы пробирались все дальше и дальше. Командир Белобородов только и успевал кричать Бронникову: «Михаил, открой огонь! Танки слева! Танки справа!» Затем немцы выпустили целое полчище

мотоциклистов. Они разделились на две команды и начали окружать нас. Я в это время перевязывала лейтенанта Сыровыкина и меня ранило. Помог какой-то высокий, по-видимому, нерусский человек, как я потом узнала башкир Сераджидинов. Он вытащил меня, как я уже говорила, из-под Сыровыкина, которого я перевязывала. Немцы прошли совсем рядом, толкнули уже мертвого Сыровыкина ногой, а меня не заметили. Сераджидинов оттащил меня в камыши и оказал первую помощь. Ночью мы вышли к железной дороге, а под утро встретили нашу часть, и он доложил комиссару: «Марина ранена, ее надо срочно доставить в госпиталь». А я отвечаю: «Как в госпиталь? А мои вещи?» «Какие вещи! – возразил он. – Немцы все окружили! Голова при тебе? Ну и ладно. Вытаскивайте ее, пока голова на плечах».

Третье ранение я получила под Витебском – в голень.

Четвертое – в восточной Пруссии: осколок попал в коленный сустав.

Таким образом, я имею два тяжелых и два легких ранения. Тяжелые – это ранения с повреждением кости, а легкие – с повреждением мягких тканей.

Сейчас у меня вторая группа инвалидности по ранениям.

Отпуск

После каждого ранения я всегда возвращалась в свою разведроту. Как-то, когда я лежала в госпитале, к нам приехал генерал и спросил: «Где ваша отважная разведчица?» А ему ответили: «А она ранена и находится на лечении в госпитале» «Что это, я как ни приеду – а она все ранена и ранена! Она что, одна у вас воюет?» - упрекнул он солдат. – «Все, если еще вернется к вам – даю ей отпуск на месяц!»

«Марина, ты чего здесь слоняешься?» - услышала я знакомый голос. – «Прогуливаешься? А дивизия же уйдет!» «Да я в госпитале лежу» - сказала я, посмотрев на красивое здание. «Собирайся, поехали со мной, а то не найдешь потом свою дивизию!» А у меня в голове пронеслось: «Из госпиталя не отпустят, и шофера упущу» А я очень боялась потерять свою разведроту: ведь там я уже завоевала авторитет, люди знали, на что я способна. Села в машину и приехала с шофером в часть.

Первым встретил повар. Когда я вошла на территорию подразделения, он поднял свой черпак на длинной рукоятке и закричал: «Рота, смирно!» Все выскочили и встали смирно, ведь «смирно» подают, когда приезжает командование. Повар объявляет: «Марина вернулась!» Такой у нас был ритуал приветствия.

Разведчики очень обрадовались, что я вновь приехала. Они мне и говорят: «Слушай, иди к начальнику разведки – тебе генерал отпуск дал!» «Сейчас не первое апреля, не шутите надо мной», - не поверила я, а сама пошла к начальнику разведки и отрапортовала: «Товарищ майор, Марина Парфенова из госпиталя прибыла!» «Молодец-то какая! А тут без тебя генерал приезжал и отпуск дал. Упрекнул нас, что ты у нас одна в разведку ходишь. Иди сейчас в отдел кадров и выписывай его». Прихожу, и мне выписывают отпуск с 28 ноября. Оттуда сразу же к старшине, взяла булку хлеба, банку тушенки, кусок сахара, схватила вещмешок и на попутной машине доехала до железной дороги.

Там стоял товарный поезд, и я вскочила на первую половину платформы. Поезд тронулся.

Часть платформы со стороны паровоза была накрыта брезентом, и там ехали какие-то тыловые солдаты. По разговору понимаю – подхмелевшие. Один из них заметил меня и говорит: «Идем к нам под брезент, там не так холодно». Но было у меня какое-то недоверие к ним, потому что слегка хмельные и вульгарно разговаривают. Я говорю «нет». А тот идет к группе и, отвечая на вопросы друзей, говорит: «Да девчонка какая-то…». «Ну тащи ее к нам!»

Этот разговор мне еще больше не понравился. Когда тот человек снова направился в мою сторону, я схватила свои вещи и, недолго думая, спрыгнула с платформы, кубарем покатившись под откос. Придя в себя, я отряхнула снег и пошла по шпалам в сторону Минска.

Сколько я шла, далеко ли это было – не помню. Единственное, что помню: в Минске я оказалась утром. Меня направили в кассу, где продают билеты женщинам и детям, но когда я пришла туда, кассирша объяснила, что билеты выдаются лишь беременным женщинам. Я возмутилась: «Кто-то живет с командиром (ППЖ – походно-полевая жена), ордена ни за что получает – им потом еще и билеты бесплатно дают! А я воева-

ла-воевала, отпуск дали, да еще и уехать не могу!» Отправляюсь к командиру вокзала и требую билет.

Благодаря его содействию, я оказываюсь на поезде, следующим в Москву.

В Москве

У меня был паренек, Николай Зуев, из Ярославля. Его родителей арестовали, и он жил у тети в Москве. Когда я училась в техникуме, мы познакомились с его сестрой Ангелиной – она работала на элеваторе. А она, в свою очередь, познакомила меня с Миклушей. Дело было еще до войны. С сорок первого года он воевал, дошел до Днепра и был ранен. Лечился в госпитале в Омске и там познакомился с Владимиром Васильевичем Волковым-Музылевым.

Владимир Васильевич с первых дней войны был направлен в Тамбов в артиллерийское училище, затем в Пензенское. Проучились там около трех месяцев, и их направили под Москву. В то время правительство издало указ о создании Подольской курсантской бригады, и его посылают в Подольск. Подольская курсантская бригада обороняет Москву. В сорок втором году, когда немцев отогнали от Москвы, Владимира Васильевича, так как он окончил десять классов, направили в Саратов, где он и окончил артиллерийское училище, в звании лейтенанта участвовал в боях. Воевал под Сталинградом, Харьковом, а затем на Курской дуге, в 69-й дивизии под командованием генерал-майора Кузавкова Ивана Александровича, в составе 65-й армии под командованием Батова. После Курской битвы они направлялись к Киеву – в это время шли бои за Днепр. Не доходя до Днепра, Волков-Музылев был ранен и отправлен в госпиталь в Омск, где он и познакомился с Колей Зуевым.

За время войны Владимир Васильевич Волков-Музылев был награжден медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», орденами Красной Звезды и Отечественной войны I степени.

Из госпиталя их с Зуевым отправили на запасной пункт. Туда же приехал представитель московской академии полковник Березовский. Поговорил с ними и зачислил их в академию имени Ворошилова, на артиллерийский факультет.

По прибытии в Москву Коля и говорит: «Пойдем, сходим на улицу Грузинскую, у меня там одна знакомая девочка живет». Они пришли, а брат ответил: «Она воюет». И в доказательство подает газету, где на обложке фотография: я стою с автоматом в руках, на груди бинокль и при орденах. Он очень удивился. А в это время и я добралась до Москвы. Захожу к брату, а он и говорит: «Тут к тебе лейтенанты приходили, Коля Зуев и его друг. Завтра суббота, они снова придут – мы с ними теперь друзья». И они действительно пришли. Коля познакомил меня с Волковым-Музылевым Владимиром Васильевичем, моим будущим супругом. Месяц прошел неожиданно, и мне надо снова собираться на фронт. Брат меня отговаривал: «Скоро новый год, куда ты поедешь?» Но была и другая причина.

Мой брат, Николай Васильевич Парфенов, был ранен и контужен под Сталинградом и признан нестроевым, и его, как нестроевого, оставили в Москве шофером, и он возил генерала Большакова. Когда брат сказал, что я приехала, генерал и говорит: «Приезжай в штаб, познакомишь нас со своей сестренкой. Пусть расскажет нам, как там дела на фронте». И брат меня привозит.

Входим в комнату, а там накрыт огромный стол. Я вошла, а генерал встал и обратился к товарищам: «Помните, я рассказывал вам про сестру моего шофера, разведчицу. Воевала под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге, а сейчас уже воюет в Германии». Он представил меня своему личному составу. «Ну, расскажи, как там на фронте, как ты ходишь в разведку – ты же маленького роста». А я отвечаю, что потому и хожу, что маленькая. Ведь я могу пролезть через любое проволочное заграждение. «Мне легче ходить, чем крупным солдатам». Все были удивлены также тем фактом, что я одна девушка в разведроте, и после каждого ранения возвращаюсь в свою часть. Также было немаловажно, что генерал дал мне отпуск, ведь на фронте отпусков не давали, лишь в виде огромного исключения. Это немцы - провоюют три месяца – и в отпуск. Генерал после встречи сказал: «Хорошо, что она вернулась с ногами и руками. Повоевала – и хватит! А теперь я ее возьму в свой штаб. В часть напишем, что зачислена к нам». А я не представляла, кем я буду в этом штабе, что я там буду делать: печатать не умела, писала с ошибками. Кем я буду, официант-

кой, чай генералам подавать? Я была недовольна, а брат рад.

Все-таки мы решили ехать на вокзал. Билетов не оказалось, пошли к коменданту. Я говорю, что у меня отпуск заканчивается через три дня, и надо ехать. Он достает штамп и на отпускном билете ставит «Отсутствие мест». Теперь я могла с полным правом находиться в Москве два-три дня.

Однако прихожу на следующий день – опять «отсутствие мест». На перроне стоял поезд до Минска. Я принимаю внезапное решение, обнимаю брата и его жену. Поезд тронулся, и я вскочила на подножку. Проводница меня не впустила, и я встала между вагонами. И не только я – еще два солдата вскочили, им тоже надо было в срок до Минска доехать.

Мороз. Снег. Вьюга. Невестка кричит: «Сумасшедшая, ты же свалишься!» Поезд набирает скорость. Солдаты пытаются ногой открыть дверь, а проводница бревном подперла дверь, чтобы мы даже в тамбур не смогли зайти. Поезд качался, полено отскочило – и мы вошли.

Там ехала группа летчиков, где-то около пяти человек. Проводница кричит: «Я сейчас высажу вас на следующей станции!» А летчики в ответ: «Да вы что! Они же у нас вписаны! Вот эта девушка и два парня». Летчики усадили нас и напоили чаем.

Приехали в Минск, а от Минска в товарном вагоне доехали до Вильно, затем в Кауне, а оттуда – до Германии и своей роты.

Приехала и прихожу к начальнику разведки Галкину: «Товарищ майор, старшина Парфенова из отпуска прибыла!» Все ахнули. Никто не думал, что я вернусь. Разведчики говорили, что любой из них не вернулся бы. Прибились бы к любой части и прокантовались бы до окончания войны.

Послесловие

Я прошла войну…

1941 год – 9-я гвардейская дивизия, Западный фронт. Должность – санинструктор-разведчик, сапер инженерной службы.

1942 год, февраль – 9-я гвардейская дивизия, Юго-Западный фронт. Должность та же.

1942-1943 гг. - 184-я дивизия, Калининский фронт, работа

в медсанбате.

1943 г. - Воронежский фронт.

1943 г. - Центральный фронт, 92-я разведрота, была разведчицей.

1944 г. – 3-й Белорусский фронт (освобождение Белгорода), командир отделения 92-й разведроты.

1944 г. – 1-й Прибалтийский фронт, помощник командира, второго взвода 92-й разведроты.

1944-1945 гг. – 3-й Белорусский фронт, командир второго взвода 92-й разведроты.

1945 г. – 1-й Дальневосточный фронт.

Мои награды

Орден Красной Звезды (№378225).

Орден Красной Звезды (№191036).

Орден Отечественной войны II степени (№238802).

Орден Отечественной войны I степени (№ 7426803).

Орден Славы III степени (№ 161444).

Медаль «За оборону Москвы» указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 мая 1944 года.

Медаль «За оборону Сталинграда» указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 года.

Медаль «За взятие Кенигсберга» указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1945 года.

Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне» указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 года.

Медаль «За победу над Японией» указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 сентября 1945 года.

Медаль «За освобождение Монголии».

Но больше всего я ценю знак «Отличный разведчик», им я была награждена приказом по 92-й отдельной разведроте за №952 от 22 апреля 1944 года.

Публикации обо мне

1.Сабельников М.И. Здесь мы стояли на смерть, защищая и город Курск, и всю страну / Боевые подруги на Огненной дуге. Изд. «Везелица». Белгород 1995, стр. 4

2.Стрехнин Ю.Ф. На полях Подмосковья. Изд. «ДОСААФ», Москва 1971, стр. 279

3.Верниковская М. Дочери южного Урала. Изд. «Южно-Уральское», Челябинск 1968, стр. 143

4.Гаращенко Не зарастают солдатские тропы. Изд. «ДОСААФ», Москва 1970, стр. 176

5.Турунтаев В. Не верь тишине. Изд. «Удмуртия», Ижевск, 1971

6.Турунтаев В. Марина/Истра 1941, Изд. «Московский рабочий», 1975, стр. 103

7.Фридлянский А. Нам дороги эти позабыть нельзя / Советская торговля, 5/80, стр.8

8. Кондратьева Р. Солдатский подвиг /Тамбовская правда, 5 окт. 1974

9.Пятаков В. В пламени боев – разведчики /Тамбовская правда 10 сентября 1980

10. Становов А. Разведчица Марина Парфенова/Известия «Неделя» 24/87, стр.1

Неопубликованные произведения

У меня есть рукописи с воспоминаниями о детстве, отрочестве, боевых действиях, послевоенном времени.

Январь 2005 года

*В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Распопова Анастасия Александрова**, студентка 2-го курса факультета журналистики ТГУ им. Г.Р. Державина*

Галкин Борис Яковлевич

Фронтовик и художник

Я родился 23 марта 1926 года в деревне Александровка, Урицкого района, Орловской области в бедной крестьянской семье. По национальности я русский. До войны в партии не состоял. Прокормить большую семью было очень трудно, поэтому всем приходилось много работать. В 1940 году окончил семь классов средней школы в Богдановском сельском совете Орловской области. Учился я хорошо, особенно любил точные науки. В августе 1940 года поступил работать в Нарышкинский заготовительный пункт, который занимался заготовкой зерна в Орловской области. Там работал до октября 1941 года в качестве курьера. Я занимался доставкой различных квитанций со складов в бухгалтерию.

О начале Великой Отечественной войны я узнал 22 июня 1941 года. Был обычный июньский день. Я тогда находился на станции Нарышкино, как всегда занимался своей работой - мне было поручено доставить квитанцию на склад. Было почти двенадцать часов дня. На станции постоянно работало радио. И вот в полдень я услышал слова, которые заставили меня остановиться и прислушаться. По московскому радио выступал Вячеслав Молотов. Я практически дословно запомнил ту страшную речь Молотова: «Сегодня, в четыре часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без

объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбёжке со своих самолётов наши города». Это были слова призыва, призыва к защите Родины. Реакция людей была различной: одни стояли в оцепенении и не знали, что делать дальше, другие выражали возмущение, ругали Германию и Гитлера, кто-то в испуге бросился домой. В мою голову приходили различные мысли, но я попытался справиться с собой, ведь тогда для меня было главным вовремя выполнить поручение. Уже после, вспоминая то время, я думал о своей наивности и беспечности. Конечно же, уже тогда у меня возникало желание бросить всё и пойти защищать свою Родину, но мне тогда было всего 15 лет.

С октября 1941 года по август 1943 года я проживал на оккупированной немцами территории по местожительству в Орловской области. Большую часть времени приходилось скрываться, чтобы не угнали в Германию. Наш дом был занят немцами, а нам отделили только маленький уголок у печки, там же мы держали и телёнка. Вообще, немцев, которые постоянно были в нашей деревне, мы не очень боялись, потому что знали, что если они без причины застрелят человека или будут заниматься мародёрством, то им грозило наказание от командования. То есть в немецких войсках была дисциплина. А боялись проезжих немцев, которые постоянно не дислоцировались в нашей деревне, а только останавливались на ночлег. Эти не боялись ничего, так как понимали, что на следующий день покинут это место, и никто их искать не будет.

Однажды мать испекла хлеб, это было даже трудно назвать хлебом, потому что кроме муки, которой почти не было, он состоял из картофельной шелухи и травы, но мы были рады и этому. И вот в дом зашли два проезжих немца с целью мародёрства. Когда они рылись в семейном сундуке и искали тёплые вещи, все молчали, но когда один из них забрал наш хлеб, мать не выдержала и закричала на него, тогда он выхватил из кармана пистолет и, нацелив на неё, выстрелил два раза. Мать спасло только то, что она зацепилась за порог и упала, пули пролетели прямо над ней. Вдруг немцев позвали с улицы, и они быстро ушли.

Пять раз меня вместе с другими деревенскими ребятами пытались угнать в Германию, но родителям каким-то образом

удавалось меня спасать. Однажды мы даже использовали едкий лютик. Цветки укладывали по всему телу и обвязывали руки, на следующий день появлялись волдыри и язвочки, таким способом удавалось сделать вид больного человека. На медицинском осмотре немцы и полицаи не знали, что с нами произошло, считали больными и не забирали в Германию. А вот на шестой раз этого сделать не удалось, родители не смогли меня откупить, так как дать полицаям уже было нечего. Нас посадили в поезд и повезли в сторону Брянска. Вагон, в который я попал, был очень грязный и тёмный, с маленькими окошечками. Он был непригоден для перевозки людей. И вот в эту коробку загнали около ста детей из нашей и соседних деревень. Это было летом, поэтому в вагоне было очень жарко и душно. Некоторые дети просили пить, но фашисты даже и не думали давать воду. Если кто-то начинал возмущаться или громко плакать, то его били прикладом автомата или верёвкой. Как известно, туалетов в таких вагонах не было, поэтому мы находились в антисанитарных условиях, но тогда на это мало обращали внимания. Все думали о том, что их ждёт впереди, в чужой враждебной стране. Как я позже узнал, поезд шёл в концлагерь Освенцим. Я сидел в вагоне и через открытую дверь с грустью смотрел на мелькающие стволы деревьев. На ступеньках стояли двое высоких немцев с автоматами и постоянно курили. Мне очень не хотелось покидать Родину. И вот в моей голове промелькнула мысль о побеге. Немного подумав, я решился выпрыгнуть из поезда. Я неожиданно рванул в двери, быстро прошмыгнул между ногами немцев и спрыгнул с поезда на всём ходу. Никто не мог и подумать, что кто-то решится на такой дерзкий поступок. Враги даже не успели открыть огонь. Мне чудом удалось не разбиться насмерть, я долго кувыркался по мокрой траве, и, наконец, упал в ров. Несколько минут я не мог прийти в себя, наверное, у меня был сильный шок, но потом всё прошло и, сориентировавшись, побрёл домой. При падении я сильно расшиб локоть, и тут пригодились бабушкины рассказы о целебных свойствах подорожника. Приложив мокрые от росы листочки к ране, я продолжил путь. До моей деревни было километров двадцать. Нельзя забывать, что я находился на оккупированной территории, поэтому по дороге идти было слишком опасно. Немного подумав, я решил пойти вдоль леса. Первое время всё было

хорошо, я гордился своей смелостью и думал о том, как обрадуются родные, когда увидят меня живым и невредимым. Но вот на моём пути появилось огромное болото. Чтобы не делать километровый крюк я всё-таки решился перейти болото. Оглядевшись по сторонам, я нашёл длинную палку, которая вполне годилась для переправы через болото. Прежде, чем поставить ногу на какую-нибудь кочку, я проверял её палкой. Так мне удалось преодолеть и эту преграду.

Пройдя несколько километров, я оказался на знакомой мне территории. До войны мы с отцом часто ездили в соседние деревни по разным делам. Мне очень хотелось есть, но зайти в деревню я боялся. Приходилось питаться ягодами и пить воду из реки. К вечеру я добрался до своей деревни. Моей радости не было предела. И вдруг на окраине, около старой сгоревшей избы я увидел трёх немцев и полицая, который хорошо меня знал и участвовал в отправке детей в Германию. Они были заняты ремонтом мотоцикла. Мне ни в коем случае нельзя было попадаться им на глаза. Пришлось ползком пробираться по грязи через кусты, чтобы остаться незамеченным. И всё-таки мне удалось это сделать. Вот так я добрался до дома. Родные не верили своим глазам, они думали, что я уже никогда не вернусь.

Когда в 1943 году деревню освободили, буквально на следующий день всех уцелевших мужиков и парней призывного возраста стали забирать в армию.

Я трижды пытался уйти с маршевой ротой на фронт - дважды возвращали домой по малолетству, в третий раз я всё же умудрился добраться до сборного пункта. Там начальник, сжалившись, разрешил мне остаться у него, в качестве коневода. Перезимовав, я снова стал проситься на фронт и вскоре оказался на Смоленщине, станция называлась Красный Бор. И вот, построили нас, пополнение, приблизительно две тысячи человек. Я самый крайний на левом фланге - росточка во мне было всего 149 сантиметров, потому что в оккупации было очень тяжело с питанием и, видимо, организму не хватало питательных веществ. Впереди играл оркестр, мне было всё интересно и я постоянно забегал вперёд, пытаясь ничего не пропустить. Тут ко мне подошли какие-то люди в военной форме и спросили, хочу ли я в разведку. Я сразу же, не раздумывая, согласился. Тогда они спросили, сколько у меня классов обра-

зования. Я зачем-то сболтнул: «Восемь!» (хотя было всего семь). Всё хотелось старше казаться. Они сунули меня под плащ-палатку и увели к себе на передний край в траншею.

Немцев я не боялся, их у нас в избе битком набито было, и по деревне они ходили не таясь. А здесь в окопах прячутся. Вот тут-то я и ощутил, что нахожусь на переднем крае.

Через неделю начались бои. Мне достали танковый автомат ППС - маленький, складной, нашли шинель, длинные полы которой, чтобы не пачкались, обрезали ножом, и она стала похожа на куртку. Вскоре меня отправили наводчиком в миномётную батарею. Там я стал командиром расчёта 120-миллиметрового миномёта, но когда разведчиков выбивали, меня частенько возвращали обратно.

С августа 1943 года по 15 мая 1944 года я служил в 28-м запасном артиллерийском полку в должности наводчика орудия. С 15 мая 1944 года по 15 декабря 1945 года служил в 247-м миномётном полку в должности командира отделения разведки, писаря штаба полка и завделопроизводством хозяйственной части. Воевал на 3-м Белорусском, 1-м и 2-м Прибалтийских фронтах и на Ленинградском фронте.

Боевой путь проходил через много городов и сёл, все и не вспомнишь, но особенно запомнились следующие города: Брянск (зима 1943 года), Минск (июль 1944 года), Гродно (июль 1944 года), Борисов (июль 1944 года), Броды (июль 1944 года), Кёнигсберг (зима 1945 года), Либава (весна 1945 года). В составе 3-го Белорусского фронта принимал участие в освобождении городов Орша (27 июня 1944 года) и Каунас (1 августа 1944 года) и др. В составе Ленинградского фронта - город Таллин (22 сентября 1944 года). Также я никогда не забуду форсирование реки Березины весной 1944 года.

Однажды, как самому младшему, мне подарили трофейные немецкие сапоги. Как известно, в таких сапогах узкий подъём и поэтому они никому не подходили, а мне в них было очень даже удобно, моя старая обувь к тому времени пришла в негодность. Впоследствии эти сапоги мне очень сильно помогли. Дело было летом 1944 года, уже на территории Латвии. Во время жесточайшего боя я получил осколочное ранение ноги. Снаряд попал в наше миномётное орудие, производившее обстрел немецких позиций. Все мои товарищи погибли. Меня спасло дерево, мимо которого я проходил. Очнувшись, я

увидел, что лежу на убитых, чувствовалась резкая боль в левой ноге. Мне показалось, что ногу оторвало, но я попробовал пошевелить ею и понял, что нога на месте и только ранена. Один осколок попал мне в голень и, как я уже после узнал, отбил мясо от кости, чем вызвал сильную гематому. А вот второй осколок попал прямо в массивный немецкий каблук и не прошёл дальше, чем спас мою ступню. Ко мне сразу же подбежала медсестра и пара солдат. Медсестра туго забинтовала ногу, а солдаты попытались снять сапог с истекающей кровью ноги, но у них это не получилось. Оказалось, что когда осколок попал в каблук, гвозди вошли прямо мне в пятку. Когда бой закончился, меня на машине доставили в медсанбат, который находился в трёх километрах от огневых позиций. Там мне прописали лечение и постельный режим, но я даже и не думал оставаться в больнице. Я очень боялся, что если отстану от своих, меня переведут в пехоту, а из разведки попадать в пехоту мне очень не хотелось, так как пехотинцам приходилось очень много ходить пешком, а мы ездили на машинах. Нередко пехотинцы даже сами просили, чтобы мы их взяли к себе. Поэтому, не долго думая, на следующий день я сбежал на костылях из медсанбата в свою часть, но меня вернули лечиться. Затем я опять повторил попытку, но меня снова вернули, и только на третий раз командир полка Иван Завидонов разрешил мне остаться в своей части.

Вообще, за то, что после ранения солдат оставался на поле боя, давали орден Славы. Но так как я долгое время проживал на оккупированной территории, награду я не получил. Я сильно об этом и не сожалею, обидно конечно, но мы же воевали за свою землю, за Родину, а не за медали и ордена.

Об окончании войны я узнал 11 мая 1945 года, в звании ефрейтора. Наша часть добивала курляндскую группировку противника. Окружённые отборные дивизии СС и власовцы сопротивлялись отчаянно, потому что терять им было уже нечего.

Фашистская армия в Курляндии капитулировала. Наступила непривычная тишина. По дороге Лиепая – Приекуле, вблизи которой разместился наш наблюдательный пункт, потянулись колонны пеших немцев, пересекая передний край. Враги сдавались в плен, оставляя на переднем крае оружие и военную технику.

Шли, понурив головы, фашистские завоеватели – грязные и оборванные. Генералы, офицеры и солдаты – в одной колонне. Наши войска по-прежнему сохраняли боевую готовность, не снимаясь с боевых порядков.

До позднего вечера шли колонны немцев. А с наступлением темноты наши войска ликовали. Ликовали безумно. Пришла долгожданная победа. На переднем крае и в ближайшем тылу люди стреляли в зенит из всех видов оружия трассирующими снарядами и пулями, а из ракетниц – осветительными ракетами. В темноте справа и слева обозначилась линия фронта. Люди до хрипоты кричали «У-р-а!»…

После окончания Великой Отечественной войны я остался служить в 247-м миномётном полку до декабря 1947 года. Потом получил отпуск и отправился домой. Дома я не был около четырёх лет, за это время я подрос и возмужал. Путь домой был нелёгким, приходилось добираться на попутках, а иногда и пешком. Путь проходил через города Вильнюс, Минск, Борисов, Оршу, Смоленск, Брянск и, конечно же, через десятки деревень и сёл. И вот наконец-то я добрался до своей родной Александровки. Дома было всё по-прежнему. На улице я увидел отца, коловшего дрова, на крыльце стояла мать, но они меня сразу даже не узнали. Но вдруг из-за угла выбежал брат Василий и закричал: «Это же Борис вернулся!» От радости мать упала в обморок, а на глазах отца появились слёзы. К счастью, в войну никто из моих родственников не погиб. Остались в живых все члены семьи: отец, мать, братья и сёстры. Это была очень большая редкость, если в войну в семье никто не погиб.

За военные заслуги я был награждён различными медалями и орденом Отечественной войны II степени.

За форсирование реки Березины я был награждён медалью «За отвагу», номер медали: 1874339, номер приказа 489446, приказом от 27 марта 1946 года.

Также по этому приказу я был удостоен медали «За боевые заслуги» (без номера), за освобождение города Орши.

Вообще, на войне солдат совершал подвиги практически каждый день, а медаль или орден давали не сразу, поэтому иногда трудно сказать, за что именно была дана та или иная медаль. Представление о награждении того или иного человека подписывало и посылало вышестоящее начальство.

Мои документы часто возвращали назад - давали о себе знать годы, прожитые на оккупированной территории, то есть государство выражало недоверие к таким людям.

Также я был награждён и другими медалями: «За безупречную службу» II степени, «За воинскую доблесть в ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», «XXX лет Советской Армии», «40 лет вооружённых сил СССР», «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне», «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «Медаль Жукова», «За доблесть и отвагу лет в Великой Отечественной войне», «Ветеран труда», «50 лет вооружённых сил СССР». Знак ВЦСПС «За достижения в самодеятельном искусстве».

За храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, и в ознаменование 40-летия победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов награждён орденом Отечественной войны II степени.

Очень интересная статья обо мне была написана Валерием Тизиком в моей любимой газете «Вдохновение» (Тизик В. Мастер инкрустации// Вдохновение. № 8. Август 1995г., стр.2,3).

Владимир Аникеев также написал обо мне статью в газете «Вдохновение» (Аникеев В. Стол для президента// Вдохновение. №1(123). Январь 2001г. Стр.2), в которой рассказывается о моей жизни, о воинском пути, а главное о моём увлечении – о резьбе по дереву.

Кроме того, известный смоленский поэт и мой хороший друг Владимир Борисович Простаков посвятил мне одно из своих стихотворений. Оно называется «Художник».

Художник.
Взгляд задумчив и ласков
Душой весельчак.
Ни холста, и не красок,
Вместо кисти резак.
И работа, работа,
И работа опять,-

До 20-го пота
Он привык рисовать.
И своими руками
Властно чудо творить.
Города перед нами,
Женской радости нить,
И сраженье под Брестом,
И Смоленский пейзаж,
И жених, и невеста,
Море, солнечный пляж,
И болгарские дали,
И российский восход,
Где для точной детали:
На Днепре пароход.
Рихорд Зорге и Батов,
И скорбящая Мать,
Что душевным набатом
Нас звала воевать!
Я стою у картины,
Не могу отойти…
Три солдата, по глине,
Тащат пушку в пути,
Рядом рвутся снаряды
И багровый рассвет…
Вася Теркин тут рядом,
Это бюст – не портрет.
Будто всё тут, как в сказке,
Да и просто всё так!
Ни холста – и ни красок,
Вместо кисти – резак!

В сентябре 1944 года я был принят в члены ВЛКСМ Политическим отделом двадцатой миномётной бригады. С 1945 года по 1948 год – секретарь комсомольского бюро батареи. С 1948 года по 1949 год – секретарь комсомольского бюро 163 гвардейского миномётного полка. В ноябре 1950 года я был принят кандидатом в члены ВКП(б) политотделом 28 гвардейской механизированной дивизии, кандидатская карточка №9249932. Вёл партийную общественную работу. В 1956 году окончил артиллерийское училище. В 1963 году, после указа

Хрущёва о сокращении вооружённых сил на два миллиона человек, попал под сокращение, но был оставлен в танковой дивизии. Затем до мая 1972 года служил в ракетных войсках стратегического назначения. Был на пусках ракет на полигоне Капустин Яр. Это были последние ракеты, которые заправлялись кислородом. Одна из них в настоящее время стоит у входа в московский музей вооружённых сил. В 1966 году окончил заочную Высшую Партийную школу при ЦК КПСС. В Советских Вооружённых силах прослужил до 1972 года. Уволен в запас в звании подполковника. После демобилизации судьба привела меня на Смоленщину. За моими плечами был большой опыт работы с людьми, специальность фотокорреспондента армейских газет, в том числе и такой, как «За Родину» Прибалтийского военного округа. Освоил навыки мастера-оформителя, реставратора. Я работал руководителем начальной воинской подготовки в средней школе №20 города Смоленска. Сейчас работаю художником-оформителем в смоленском экономическом колледже. Есть задумка организовать при колледже производственную мастерскую, подготовить смену, чтобы достойно продолжалось начатое мной дело, которому я посвятил свою жизнь. Любимое занятие – работу с деревом – я унаследовал от своего деда Василия Прохоровича, который делал буквально всё и даже двухдонные дубовые бочки.

Мою квартиру называют музеем в миниатюре. Наверное, это правда. У меня практически нет мебели, которая была бы куплена в магазине. Расписные столы, шкафы, кровати, кухонная мебель, люстры, светильники и всё, что необходимо в быту, сделано своими руками. На стенах панно, посвящённые Смоленску, Пскову, Орловщине и Кавказу. Особенно я люблю вырезать портреты родных и знакомых. Используя более семидесяти пород деревьев, я работаю по методу техники маркетри. Она сродни живописи, но не подменяет, а идёт как бы параллельно. Второй метод работы – это интарсия, известная многим мастерам. Меня даже приглашали на выставку в Америку. Предлагали выставить на продажу один из моих столов. Он был оценён в несколько тысяч долларов, но я отказался. Такая красота должна оставаться в России. Я вообще не продаю свои работы, хочу, чтобы они были в семьях детей и близких родственников. С большой любовью были выполнены портреты жены, сына Виталика и внучки Лиды. Некоторые

изделия я безвозмездно подарил школьным музеям.

Кроме того, ни одного «живого» дерева я не спилил и не использовал в своей работе. В основном применяются различные отходы производства – куски фанеры, досок, картон. Кусты вырезанной чёрной смородины на своём дачном участке, причудливый сучок сосны, орешника и многое то, что другим кажется просто мусором.

Погоня

Во время войны, с той и с другой стороны пытались заполучить так называемых «языков», то есть пытались захватить в плен солдата, чтобы выпытать у него какую-либо информацию о расположении орудий, о количестве солдат в данной части, о расположении постов и т.д.

И вот однажды ночью у нас пропал командир взвода. Произошло это очень неожиданно, и мы не сразу заметили пропажу. Поняв, что произошло, мой товарищ разведчик Александр Серов, 1918 года рождения, предложил мне отправиться в погоню за немцами и перехватить их, потому что командир взвода исчез совсем недавно, и ещё была надежда его вернуть. Александр очень хорошо знал эту местность, и ему было легко найти короткий путь. Чтобы сократить расстояние и сэкономить время, мы решили перейти реку вплавь. Александр был крепкого телосложения, высокого роста, его даже называли Волкодавом, ему ничего не стоило перебраться через реку, а я был худой, маленького роста, но тоже не отставал от Серова. Перейдя реку, мы вышли на лесную поляну, и вдруг услышали два немецких голоса неподалёку. Оценив обстановку, мы спрятались в кусты и стали ждать, пока немцы не поравняются с нами. И вот из-за деревьев показались два немца, ведущие пленного командира. Они даже и не догадывались, что на них может быть устроена засада, они курили и что-то рассказывали друг другу. Как только они поравнялись с кустами, в которых мы прятались, Сашка резко выпрыгнул с автоматом и нацелил ствол на немцев. Они дернулись назад, но там уже стоял я. От неожиданности враги даже не успели выхватить оружие и, подняв руки вверх, быстро сдались. А мы вернулись в расположение части с командиром и двумя пленными фашистами. При допросе от немцев была получена важная информация.

Разведка

Особое внимание при наступлении на вражеские позиции уделялось проведению разведки. Мне часто приходилось выдвигаться на передний край обороны наших войск, где я находил места, с которых хорошо просматривались позиции противника. В частности, для наблюдения я выбирал высокие деревья. Находясь на дереве, я смотрел, откуда ведётся стрельба, затем наносил на бумагу координаты вражеских огневых точек и виды оружия, а затем передавал данные командованию. Другие разведчики также передавали информацию об огневых точках, данные обрабатывались и сравнивались в штабе подразделения. А при наступлении наших войск эти огневые точки подавлялись. После подавления смотрели, «оживёт» точка или нет. Если около неё замечали какие-то движения или действия, то наносились повторные выстрелы для полного уничтожения врага. Иногда немцы не открывали огонь, и поэтому было практически невозможно обнаружить их местоположение. В таких случаях приходилось специально провоцировать врага, для этого миномётному расчёту давалась команда произвести не более двух выстрелов в сторону противника, так как если производилось большее число выстрелов, противник мог засечь и уничтожить миномётный расчёт. Враг начинал отвечать на выстрелы и тем самым выдавал себя.

Иногда мне приходилось вести корректировку огня наших орудий. Видя, что снаряды ложатся не точно в цель (перелетали или не долетали), я менял координаты стрельбы, тем самым добиваясь того, что наши орудийные расчёты поражали вражескую цель. Ведя разведку или корректировку, мне часто приходилось находиться под шквальным огнём противника, я слышал, как пули свистели над моей головой, попадали в стволы деревьев, обрубали ветки. Немцы любой ценой пытались помешать мне точно установить место расположения своих огневых точек и передать данные командованию.

Однажды меня даже попытался «выбить» немецкий снайпер, но я вовремя заметил отблеск линз и успел спрыгнуть с дерева. Смерть подстерегала солдат каждый день. Мы защищали свою Родину.

Нелёгкая задача

Перед главным контрнаступлением на Киреевском плацдарме сосредотачивалось огромные количества советских войск, которые готовились к нанесению массового удара по основным огневым точкам и живой силе противника. Наш полк, занявший огневые позиции для участия в артиллерийской подготовке наступления, должен был, по всей вероятности, произвести пристрелку своих огневых позиций. Противника тоже интересовало, где располагаются наши войска. Для того чтобы произвести пристрелку своей огневой позиции, ночью, по указанию командования, мы перетащили 120-миллимитровый миномёт на передний край. В кустах миномёт привели в боевую готовность, зарядив его миной. Моя задача состояла в том, чтобы утром подползти к орудию и сориентировать колиматор прицельного приспособления с точкой наводки и произвести выстрел. Это было очень опасно, потому что противник был совсем близко, примерно в семидесяти метрах от меня. К счастью, мне удалось незаметно добраться до миномёта. Отползая, я дёрнул за шнур, в результате произошёл выстрел. Я благополучно дополз до траншеи, где находился наш наблюдательный пункт. Вскоре немцы открыли шквальный огонь, в результате были получены данные для «привязки» своих боевых позиций.

Форсирование реки Березины

Было это весной 1944 года. Мы получили приказ, во что бы то ни стало форсировать реку Березину и перебраться на противоположный берег. Задача была не из лёгких. Времени на подготовку практически не было. Тяжёлую технику пытались перевезти по мосту. Солдатам было приказано перебираться вплавь или при помощи понтонов, но их катастрофически не хватало, и мы использовали брёвна и другие подручные средства. Немцы всячески пытались помешать нам это сделать. Фашисты на противоположном берегу вели непрерывную стрельбу из различных видов оружия. С неба атаковали немецкие самолёты. Я видел, как соседняя рота попала в засаду. Немецкий пулемётчик, засевший в кустах, неожиданно начал по ним стрелять, были перебиты практически все тягловые

лошади. Затем послышались выстрелы артиллерийских миномётов. Мы спустили на воду приготовленные брёвна и начали плыть. Я успел уцепиться только за конец бревна, держаться было крайне неудобно, руки были разодраны до крови, но отступать было нельзя. До сих пор у меня на руках остались шрамы, напоминающие о том страшном времени. А вокруг, в воде, плыли сотни людей, среди них уже были и мёртвые. И всё-таки мы смогли добраться до берега. Это был настоящий ад, стрельба не прекращалась ни на секунду. Точными попаданиями снарядов три вражеские огневые точки были уничтожены. А в это время, воспользовавшись ослаблением огня, на правый берег переправились подразделения полка, которые закрепились, обеспечивая переправу основных сил. Артиллеристы отражали атаки танков. Двумя снарядами был подбит головной танк, следующими – ещё два.

Во время этой переправы погибло очень много солдат, но боевые позиции всё-таки были взяты.

Вагон с деньгами

В конце июня 1944 года мы вошли в Оршу. Это был небольшой белорусский городок, который долгое время находился под контролем немцев, он был практически полностью разрушен, на улицах не было видно гражданского населения. Большинство людей пряталось в подвалах разрушенных домов. В городе ещё были слышны одиночные перестрелки, но было понятно, что город будет освобождён.

И вдруг мы увидели клубы чёрного дыма со стороны железнодорожного вокзала. Я и несколько товарищей получили приказ отправиться на вокзал и узнать, что горит. Когда мы подошли к зданию вокзала, то увидели недалеко от него горящий состав. Подбежав ближе, мы стали пытаться открывать двери горящих вагонов. В одном из них оказались странные мешки, некоторые из них уже начинали гореть. Вскрыв один мешок, мы обнаружили в нём советские деньги. Было принято решение спасать деньги. Нам удалось вытащить несколько мешков, в это время крыша вагона начала рушиться, и стало понятно, что мы уже не сможем спасти ни одного мешка. И тут один из моих товарищей бросился в горящий вагон. Несколько секунд его не было видно. Мы подумали, что он не

сможет выбраться из пылающего вагона, но вот у дверей показался солдат, одежда на нём горела, а в руках он держал два дымящихся мешка. Как только он спрыгнул, горящая крыша вагона резко наклонилась и обрушилась прямо на мешки. Мы бросились к товарищу и накрыли его своими плащами, чтобы сбить пламя. К счастью, он сильно не пострадал, получив лишь лёгкие ожоги. Спасённые деньги мы доставили командованию, за что нам была объявлена благодарность.

Декабрь 2004 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Сомов Сергей Юрьевич****, студент 1 курса факультета компьютерных технологий Московского энергетического института (филиал в городе Смоленске)*

Гапеёнок Николай Иванович

Комсомол, на самолёт!

Родился я 17 апреля 1919 года в небольшой деревне Глинище Городокского района, Витебской области Белоруссии. В деревне было около двух десятков дворов на одной улице, вытянувшейся с запада на восток вдоль векового лесного массива. С северной стороны деревни протекала речка, впадавшая в большое красивое озеро Березнянское. Хозяйственный уклад был в ней полунатуральный. Обходились продуктами собственного труда - свой хлеб и другая пища, наполовину своя обувь и самотканая одежда. Деньги, вырученные за крестьянскую продукцию, тратились только на праздничную одежду, сахар, керосин. Отец, Иван Яковлевич Гапеёнок, и мать, Анисия Ермолаевна Евсеенко - выходцы из больших трудолюбивых семей.

В 1924 году в нашей деревне было решено создать начальную школу, и искали для школы помещение. Наиболее удобным помещением, по мнению приехавшего районного начальства и учительницы, оказался наш дом. Мои родители согласились отдать половину дома для школы. В другой половине дома стали жить наша семья и учительница. К началу занятий в школе мой возраст по тому времени еще не был школьным. Однако с разрешения учительницы я стал посещать занятия в школе. Сидел в уголочке спокойно и никому не мешал. Внача-

ле посещение школы не было постоянным, но вскоре стало регулярным. Как и все ученики, я уже имел школьные принадлежности и без труда выполнял все, что и другие первоклассники. Так постепенно за три года я освоил программу трех классов. К этому времени в деревне была построена большая настоящая школа, где я учился в четвертом классе. В пятый класс надо было ходить за 22 километра от нашей деревни, и мне пришлось, чтобы не терять время даром, еще один раз окончить четвертый класс.

Отца пригласили работать на швейной фабрике в Ленинграде. К концу лета 1931 года мы всей семьей уже жили в Новом Петергофе на улице Володарского, 23. В этом доме мои родители прожили до начала войны. Здесь прошли мои школьные годы. С 5-го класса я учился в Петергофской средней школе имени В.И. Ленина. Моими одноклассниками были, в основном, те, кто с детства учился в русской школе, а я учился в деревенской школе на белорусском языке

Когда мне исполнилось 16 лет, меня приняли в комсомол. Пионером я стал еще в деревенской школе. В 1937 году я успешно окончил 9 классов и летом был отправлен в комсомольский лагерь 9-х и 10-х классов города Ленинграда. В лагере в районе станции Вырица мы отдыхали, занимались военной подготовкой и спортом. На одном из спортивных соревнований по бегу я занял второе место. Еще не успел отдышаться, как ко мне подошли три молодых человека в полувоенной форме, познакомились и задали ряд вопросов: комсомолец ли я и из какой школы, сколько мне лет... В это время, в 1936—1937 годах, молодежные газеты пестрили призывами, зовущими молодежь на штурм неба: «Комсомол, на самолет!». Мне мои собеседники предложили поступить в летную авиашколу. От предложения я отказался, так как собирался окончить 10-й класс школы.

Вскоре после возвращения из лагеря меня вызвали в райком комсомола, напомнили о важности призыва «Комсомол, на самолет!», вручили направление на медицинскую комиссию. За советом, как мне быть, я обратился к своим учителям. Совет был один — выполнить поручение комсомола. Они считали, что мое «богатырское телосложение» не окажется годным к авиации. Поручение я выполнил. Прошел медкомиссию с заключением «годен». Попытка еще раз отказаться от посту-

пления не удалась. Мне напомнили, что я могу лишиться комсомольского билета, а это меня не устраивало. Так я по путевке комсомола был направлен вместе с такими же комсомольцами в 3-ю авиашколу гражданского воздушного флота города Балашова.

В 1939 году после успешного окончания авиашколы был переведен в Балашовскую военную школу пилотов, в ноябре 1940 года окончил ее и стал военным летчиком. В звании младшего лейтенанта был откомандирован в Ленинградский военный округ, город Кингисепп, где формировался 202-й скоростной бомбардировочный авиационный полк.

В ноябре 1940 года был издан приказ Народного Комиссара Обороны о создании 202-го скоростного бомбардировочного полка пятиэскадрильного состава в военном городке Каскаловка Кингисеппского района Ленинградской области. На формирование полка отводилось два месяца. Днем рождения полка считается 1 января 1941 года. В качестве материальной части был определен скоростной бомбардировщик СБ (АНТ-40).

Однако к началу Великой Отечественной войны он уже не имел преимуществ перед самолетами-бомбардировщиками не только нашими, но и бомбардировщиками противника

Полк комплектовался молодым летным составом, окончившим авиационные школы ВВС Красной Армии в 1940 году. Значительное количество авиаторов были выпускниками Балашовской и Энгельской школ летчиков, Харьковской и Мелитопольской школ штурманов.

Начало войны

Заканчивался предвыходной день 21 июня, не предвещавший тревог. Все семейные офицеры уезжали к своим семьям. Большая группа военнослужащих выехала в Гатчину на дивизионные спортивные соревнования. Лагерь сразу как-то опустел, остались дежурные подразделения и те, кому некуда было уезжать. Хороший теплый июньский день обещал солнечную погоду и спокойный отдых.

К сожалению, спокойный отдых не состоялся. Ранним воскресным утром 22 июня 1941 года в лагере прозвучал сигнал боевой тревоги. По тревоге все оставшиеся в лагере собра-

лись в установленном месте. По первой команде нас направили к стоянке самолетов. И вот мы на стоянке, где, как на параде, выстроены в одну линию белокрылые бомбардировщики. Все самолеты зачехлены и опломбированы. Почти у каждого аккуратно уложено несколько небоевых цементных бомб для тренировочных полетов на бомбометание. Впереди, недалеко от стоянки самолетов, виднелся зеленый массив и яркое восходящее солнце, еще не успевшее высушить покрытую росой траву. Кругом тишина, которую нарушали только птичьи голоса.

Собравшись под крылом одного из самолетов, мы стояли и молчали. Я думал о том, что подарит нам это воскресное утро.

Вскоре от дежурного по лагерю поступила команда маскировать самолеты ветками деревьев и ближайших кустарников. Два похода в лес за ветками по глубокой росистой траве превратили нашу одежду в такое состояние, будто в ней мы искупались в реке. Потом всех нас направили на подвеску бомб. Приближалось время завтрака.

Не понимая происходящего, мы выдвигали различные версии. Никто, конечно, не предполагал, что тревога настоящая, боевая, пока не прибыли с зимних квартир в Каскаловке офицеры. Они-то и принесли печальную весть о войне.

К полудню в лагере собрался весь личный состав полка и служб обеспечения. Начался митинг. Командир и комиссар полка объяснили сложившуюся в стране обстановку. На рассвете 22 июня гитлеровская Германия вероломно, без объявления войны напала на Советский Союз, обрушив на нашу страну мощные удары авиации, артиллерии и танков. Внезапное вторжение поставило наши сухопутные войска, военно-морской флот и авиацию в тяжелое положение. Советская авиация вынуждена была начать боевые действия.

На митинге личный состав поклялся Коммунистической партии, правительству и советскому народу бить врага до полной победы. Затем полк занялся подготовкой к выполнению боевых задач.

К концу дня все самолеты были приведены в боевую готовность. Летный состав получил карты различных масштабов вплоть до Берлина. Но на Берлин нам пришлось летать только в 1945 году. Так как самолетов в полку хватало только на половину летного состава, боевые вылеты экипажи должны были

выполнять поочередно - через день.

Первый боевой вылет

30 июня 1941 года звено бомбардировщиков СБ под командой заместителя командира эскадрильи старшего лейтенанта А.И Руденского, штурмана лейтенанта Я.Н. Сеятненко, стрелка-радиста сержанта Зайцева вылетело для нанесения бомбового удара по танкам в районе озера Суури-Раут-Ярви на территории Финляндии. Правый, ведомый - командир звена лейтенант В.А. Кузнецов, штурман - лейтенант Реут, стрелок-радист - сержант Панин, левый ведомый пилот - я, младший лейтенант Н.И. Гапеенок, штурман - младший лейтенант Тарасенко, прибывший в полк из запаса, и стрелок-радист сержант П.Г. Нолегач. Предполагалось, что до цели и обратно бомбардировщиков будет прикрывать звено истребителей.

Звено истребителей взлетело на маршруте полета к цели в районе Ленинграда. В это время наши стрелки-радисты открыли по ним огонь. Истребители ушли из-под огня и через короткое время повторили пристраивание, стрелки-радисты опять открыли огонь, чтобы не допустить их на близкую дистанцию с бомбардировщиком. Не поняв таких наших действий, истребители ушли на свой аэродром.

Произошло это недоразумение потому, что перед вылетом на боевое задание стрелки-радисты получили от начальника связи указание открывать в полете огонь по любому самолету, который будет заходить бомбардировщикам в хвост. К тому же была налажена радиосвязь. Хорошо, что никто из наших истребителей не пострадал, и при дальнейшем полете к цели и в районе цели истребителей противника мы не встретили.

Выйдя в район цели, танков мы не обнаружили, и удар наносили по запасной цели. Находясь на боевом курсе с открытыми бомболюками, все внимание я сосредоточил на ведущем. Я ждал начала отделения первой бомбы из его бомболюков, чтобы по этому сигналу тоже начать бомбометание. В момент отделения бомбы из бомболюка ведущего, я увидел, что под самолетом ведущего произошел черно-красный взрыв, после которого ведущий самолет круто перешел в пикирование. Я пытался найти ведущего, не меняя высоты и курса. Стрелок-радист передал, что самолет ведущего далеко под нашим са-

молетом и, видимо, загорелся. Потеряв ведущего, я тщетно попытался пристроиться к самолету командира звена лейтенанта Кузнецова.

В воздухе, на высоте бомбометания и в окружении разного цвета «одуванчиков», которые увидел впервые, я понял, что «одуванчики-бутончики», знакомые по рассказам бывалых летчиков, смертельны, и пытался маневрировать, как умел. Получалось плохо, так как эти «одуванчики» меня не покидали. Только крутое снижение до бреющего полета на озеро и болота помогло выйти из зоны огня зениток.

Пролетев на малой высоте несколько минут, успокоился и запросил у штурмана курс на обратный маршрут. Он показал свою рваную карту, на которой сидел и, облокотившись на турель пулеметов, спокойно наблюдал за красивой природой Финляндии, а через маленькое окошечко дал понять мимикой, что он ничего не знает. Я штурмана понял, и обижаться на него не стал, так как он был призван на сборы перед самой войной и не успел еще освоиться с обстановкой. Поэтому пришлось решать и исполнять все самому. С трудом, восстановив ориентировку, взял курс с расчетом выйти на Ленинград, а там уже все было известно. Ведь не зря мы детально изучали район в радиусе 300 км.

При полете на малой высоте произошла ошибка. Вместо выхода на Ленинград оказались над Кронштадтом. Там нас приняли за противника и открыли огонь из всех возможных зенитных средств. Пришлось боевым разворотом уйти на территорию Финляндии, затем через Карельский перешеек на Ленинград, где было спокойно, а чтобы еще и самому успокоиться, сделал вираж над Исаакиевским собором. По «компасу Кагановича», как в то время называли железные дороги, вышел на Кингисепп и свой аэродром. При планировании на посадку остановились оба винта. Не хватило горючего. Посадка произошла на западной окраине аэродрома. Встречал нас почти весь полк. На вопрос, где два других самолета, точно ответить не смог.

Однако, что же произошло с другими экипажами?

Старший лейтенант А.И. Руденский в результате разрыва зенитного снаряда под бомболюками был тяжело ранен, но сумел вывести подбитый самолет на свою территорию и произвести посадку. Экипаж был госпитализирован. По состоя-

нию здоровья Руденский больше в полк не вернулся.

Самолет командира звена лейтенанта Кузнецова также оказался подбит огнем зенитной артиллерии, однако, летчик довел самолет до Ленинграда и произвел посадку на Комендантском аэродроме, а после оказанной медицинской помощи экипаж вернулся в строй и продолжал выполнять боевые задачи.

Этот мой первый боевой вылет в Великой Отечественной войне со всеми его приключениями запомнился на всю жизнь.

Боевой путь

Боевой путь 202-го скоростного бомбардировочного авиационного полка (СБАПа) 41-й смешанной авиационной дивизии на фронтах Великой Отечественной войны начался 22 июня 1941 года под командованием полковника Ефимова Николая Федоровича.

При наличии в полку 22 самолетов активные боевые действия велись на выборгском, кексгольском, псковском, двинском, лужском, кингисеппском и красногвардейском направлениях. Основными объектами ударов были наступающие войска и вражеская боевая техника, мосты и переправы, самолеты на неприятельских аэродромах. Кроме того, велась воздушная разведка. Боевые задачи приходилось выполнять при сильном противодействии истребительной авиации и зенитной артиллерии. И в этой обстановке были успехи и потери.

В ходе боевых действий приходилось часто менять аэродромы базирования, которые, по сути, были временными площадками без средств обеспечения для посадки и взлета самолетов. Уже через две недели после начала войны мы были вынуждены оставить аэродром базирования Керстово и перебраться на аэродром Сумск, а еще через две недели на аэродром Торосово Волосавского района. Только на аэродроме Готчино мы задержались больше месяца и ждали отставшие подразделения и семьи, эвакуированные из Кингисеппа. Последним местом базирования полка на Ленинградском фронте был аэродром Сорожа в Тихвинском районе.

Вследствие больших потерь (до 60% материальной части) при защите подступов к Ленинграду за период боевых действий с 22 июня по 28 августа распоряжением Верховного Главного Командования 202-й сбап был выведен из боевых действий в Тихвинский район на аэродром Сорожа. Остаток мате-

риальной части мы передали в 10-й СБАП 41-й сад.

В начале сентября 202-й СБАП из пятиэскадрильного состава был преобразован в двухэскадрильный по штату № 015/173 военного времени на самолетах Пе-2. (Для дневных действий и бомбометания с пикирования в 1939-1940 годах был построен фронтовой пикирующий бомбардировщик Пе-2 конструкции В.М. Петлякова, который по скорости мало уступал истребителям и превосходил немецкие бомбардировщики Хе-111 более чем на100 км, а Ю-88 - на 75 км. Эта быстроходность позволила ему действовать днем в течение всей войны.

5 сентября 202-й бомбардировочный авиаполк нового штатного состава под командованием подполковника С.П. Сенникова выбыл с фронта на переучивание в 18-й запасной авиаполк (ЗАП) Северо-Кавказского военного округа в город Новочеркасск, куда прибыл железнодорожным эшелоном 13 сентября 1941 года.

В связи с приближением линии фронта к Новочеркасску полк срочно покинул город и вместе с 18-м ЗАП 18 октября 1941 года пешим порядком стал уходить за реку Дон, а затем таким же порядком добираться в город Сальсц, где появилась возможность начать летную подготовку.

Однако уже 15 декабря было приказано 18-му ЗАП и 202-му СБАП для продолжения летной подготовки перебазироваться в город Буденновск. В Буденновске из-за плохих погодных условий и в связи с недостатком материальных средств летная подготовка затянулась до 8 апреля 1942 года. 8 апреля полк перебазировался на аэродром Архангельское вблизи от Буденновска и приступил к продолжению летной подготовки.

7 июля 1942 года 202-й бомбардировочный авиаполк и 18-й запасной авиаполк выбыли из состава Северо-Кавказского военного округа (СКВО) и были направлены железнодорожным эшелоном в город Чистополь в распоряжение 8-й запасной авиабригады.

Вскоре в июле были получены новые самолеты Пе-2 с завода города Казани до полного штатного состава полка (22 Пе-2). К этому времени в 18-м ЗАП кончилось горючее, и, чтобы не затягивать дальше переучивание, наш полк приказом командира 8-й авиабригады переподчинили 9-му запасному авиаполку города Казани и направили на аэродром Самосырово для отработки боевого применения.

12 сентября 1942 года, полк в составе 22 самолетов вылетел на фронт.

Настал день 22 октября 1942 года и 202-й бомбардировочный авиаполк под командованием подполковника С.П. Сенникова перебазировался на аэродром 3-й воздушной армии Калининского фронта Большое Ильино.

В конце 1942 г. на Калининском фронте началась Ржевско-Сычевская операция с целью овладения Ржевом и ослабления натиска противника на сталинградском направлении. Бои за Ржев приняли затяжной характер. Противнику был нанесен большой урон.

14 декабря стояла холодная зимняя погода, шел снег, была низкая облачность при плохой видимости. В середине декабря снизились темпы наступательных действий войск в направлении города Белый. В это время успешно велось наступление войск на Великие Луки.

Дважды в этот день вылетало звено младшего лейтенанта А.Л. Лопаткина для удара по крепости города Великие Луки в условиях сильного противодействия зенитных средств и истребителей противника. Командование полка и дивизии постоянно отмечало это звено, его хорошую слетанность, отработанные маневры в воздушном бою и умелое выполнение боевых задач с пикирования в составе звена. Длительное время командование полка не меняло состав этого звена. Командиром звена был младший лейтенант А.П. Лопаткин, штурманом звена лейтенант С.Г. Яшин, стрелком-радистом сержант Е.Е. Быковский, левым ведомым был я, штурманом сержант А.А. Погорелый, стрелком-радистом П.Г. Нолегач, правым ведомым пилотом сержант Масляков, штурманом лейтенант Н.Т. Чередниченко, стрелком-радистом сержант Н.С. Матийченко.

Успехи звена сами по себе не приходили, а доставались трудом и, прежде всего, учебой и тренировками на земле, на которые уходило все свободное время между боевыми вылетами. Никто нас не заставлял это делать, хотя и рекомендовали. Выполнялись тренировки по личной инициативе, как в каждом экипаже, так и в составе звена по принципу «пеший полетному». В этих тренировках отрабатывались действия каждого члена экипажа в воздушном бою при выполнении боевой задачи одиночным экипажем и в составе звена. Как это было?

Экипаж садился на свои места в самолете, включалось переговорное устройство. Затем шли вводные от стрелка-радиста и штурмана о воздушной обстановке, прежде всего в задней полусфере, так как обзор летчика в задней полусфере ограничен. По вводным летчик оценивал обстановку, принимал решение, информировал об этом экипаж, заслушивал решение на действия штурмана и стрелка радиста. При необходимости летчик демонстрировал приведением в действие рулей управления самолетом.

В таких тренировках вырабатывалось пространственное представление о положении в задней полусфере при любой вводной и реакции на действия противника в воздушном бою.

Наступил январь 1943 года. 2 января 1943 года Совинформбюро сообщило: «В результате решительного штурма наши части овладели городом и железнодорожным узлом Великие Луки».

Прорыв блокады Ленинграда (Волховский фронт).

С 1 февраля 1943 года 202-й бомбардировочный авиаполк в составе 263-й бомбардировочной авиадивизии, 1-го бомбардировочного авиакорпуса резерва Верховного Главного Командования вошел в состав 14-й воздушной армии Волховского фронта с базированием на аэродроме Мякишево для содействия войскам фронта в прорыве блокады Ленинграда.

Прорыв блокады Ленинграда — наступательная операция войск Ленинградского и Волховского фронтов во взаимодействии с КБФ, проведенная 12-30 января 1943 года. Цель операции - разгромить группировку противника южнее Ладожского озера и восстановить сухопутные коммуникации Ленинграда со страной.

Прорыв блокады Ленинграда явился переломным моментом в битве за Ленинград. 27 января Президиум Верховного Совета СССР учредил медаль «За оборону Ленинграда». 21 февраля 202-й бомбардировочный авиаполк выбыл из состава 14-й воздушной армии и вошел в состав 6-й воздушной армии Северо-Западного фронта.

На Северо-Западном фронте. Преобразование 202-го СБАП в 81-й гвардейский бомбардировочный авиаполк.

В конце 1942 года и в начале 1943 года на великолукском и старорусском направлениях наша авиация стала нести значительные потери от истребителей противника. В это время,

кроме известного нам истребителя Ме-109, на Калининском и Северо-Западных фронтах появился истребитель Фокс-Вульф-190. а затем и истребитель Хе-113. Наибольшую активность проявляли вражеские истребители, базировавшиеся на аэродроме Гривочки. Все это очень беспокоило наше командование воздушных армий. В целях ослабления активности боевых действий авиации противника, командующий 6-й воздушной армии решил бомбовым ударом бомбардировщиков 1-го бомбардировочного авиакорпуса под прикрытием истребителей уничтожить самолеты противника на аэродроме Гривочки.

По данным фотоконтроля на аэродроме Гривочки было уничтожено не менее 20 фашистских самолетов. После этого бомбового удара активность действий авиации противника значительно снизилась, а самолеты Хе-113 в последующих боевых вылетах вообще больше не встречались.

После выполнения спецзадания боевая работа 202-го бомбардировочного авиаполка на Калининском, Волховском и Северо-Западном фронтах была закончена.

Распоряжением Ставки ВГК 1-му бомбардировочному авиакорпусу было приказано всем составом в период с 19 по 27 февраля 1943 года перебазироваться на Бутурлиновский аэродромный узел Воронежского фронта в состав 2-й воздушной армии (командующий генерал-лейтенант С.А. Красовский). Перебазирование полка выполнялось наземным эшелоном, а также летным эшелоном с посадкой на аэродроме города Тамбова.

При перелете полка на Воронежский фронт 19 марта 1943 года на маршруте полета вблизи Москвы летный состав услышал по радио сообщение, что за успешные боевые действия на Калининском, Волховском и Северо-Западном фронтах, за неоднократные боевые отличия в боях по освобождению города Великие Луки, при прорыве блокады Ленинграда, ликвидации Демянского плацдарма и нанесенный большой урон в живой силе и боевой технике противника приказом народного Комиссара Обороны СССР № 128 от 18 марта 1943 года преобразованы: 263-я бомбардировочная авиадивизия (командир гвардии полковник Ф.И. Добыш) — в 1-ю гвардейскую; 46-й, 202-й и 321-й полки этой дивизии (командиры майор Н.А. Рыбальченко, подполковник С.П. Сенников, майор С.П. Тюриков) — в 80-й, 81-й и 82-й гвардейские; 56-я отдельная рота связи (ко-

мандир лейтенант В.Н. Новиков) - в 11-ю гвардейскую роту связи.

Курская битва

Рано утром 5 июля свой первый боевой вылет в Курской битве произвел и наш 81-й гвардейский бомбардировочный авиаполк. Две эскадрильи - 17 самолетов Пе-2 - под командованием командира полка гвардии подполковника В.Я. Гаврилова взлетели для нанесения бомбового удара по войскам и боевой технике противника в районе населенного пункта Пушкарное.

Участвуя в боях по разгрому белгородско-курской группировки противника, 81-й гвардейский СБАП совершил 229 боевых вылетов с налетом 437 часов и сбросил на головы врага 109 тонн бомб, расстрелял 5600 патронов. В результате было уничтожено и подбито 52 танка, 473 транспортных средства с войсками и боевой техникой, взорвано 5 складов с боеприпасами, уничтожено и подавлено 8 артиллерийских и минометных батарей, 17 огневых точек, взорвано 2 железнодорожных эшелона и 7 бензомашин. Полк потерял 4 самолета и экипажи летчиков Шевелева, Шигильдеева и Арбекова. Произвел вынужденную посадку на подбитом самолете вне аэродрома летчик Губин. За активное участие в успешном разгроме белгородско-курской группировки противника всему личному составу полка объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего, 9 человек летного и технического состава награждены орденами и медалями.

На Степном фронте

Распоряжением Ставки ВГК 1-й бомбардировочный авиакорпус под командованием полковника И.С. Полбина вышел из состава 2-й воздушной армии Воронежского фронта и перешел в оперативное подчинение командующего 5-й воздушной армии генерал-лейтенанта С.К. Горюнова, активно продолжая вести боевые действия в контрнаступлении на белгородско-харьковском направлении (3-23 августа 1943 года).

В августе 1943 года я был награжден орденом Красного Знамени. В боевых действиях за освобождение городов Белго-

рода, Харькова, Полтавы и Кременчуга и за завоевание плацдарма на правом берегу Днепра 81-й гвардейский бомбардировочный авиаполк произвел 675 боевых вылетов с налетом 1197 часов, сбросил на врага 325,8 тонн авиабомб, расстрелял 6200 патронов. Уничтожено и подбито 50 танков, 590 автомашин с войсками и боевой техникой, 3 железнодорожных эшелона и 70 вагонов, 5 артиллерийских и минометных батарей, около 100 огневых точек противника.

За успешное выполнение боевых задач, мужество, отвагу и героизм личный состав получил три благодарности от Верховного Главнокомандующего, четыре благодарности от командующего Степным фронтом, благодарности от командующего 7-й гвардейской армии.

20 октября 1943 года Степной фронт был переименован во 2-й Украинский фронт. Командовал фронтом Маршал Советского Союза И.С. Конев. 1-й бомбардировочный авиакорпус под командованием генерал-майора авиации И.С. Полбина продолжал вести боевые действия в составе 5-й воздушной армии.

Авиационные части и соединения 2-го гвардейского авиакорпуса содействовали наземным войскам в выполнении боевых задач. Наряду с непосредственной поддержкой войск бомбардировщики наносили бомбовые удары по железнодорожным объектам, срывая планомерный отвод и перегруппировки вражеских войск, а также наносили большой материальный ущерб противнику. Действия по железнодорожным объектам приобретали все большее значение, так как в период осенней распутицы железные дороги становились основным видом транспорта. 81-й авиаполк широко привлекался для нанесения ударов по железнодорожным объектам. В этом виде перевозок железнодорожный узел Знаменка являлся главным пунктом снабжения войск противника. От Знаменки расходились дороги на Смела, Николаев, Кременчуг. Узел имел две большие станции. Здесь сконцентрировалось большое количество воинских составов, шедших к фронту с запада. На территории узла и в его районе сосредоточились армейские и фронтовые склады боеприпасов горюче-смазочных средств, продуктов питания и медикаментов.

Вскоре на КП 81-го авиаполка поступила боевая задача на нанесение пикирующего удара эскадрильей снайперов-

пикировщиков гвардии капитана П.Я. Гусенко под прикрытием двух пар истребителей

На КП полка был вызван капитан Гусенко вместе со штурманом старшим лейтенантом Сеньковым, где командиром полка была поставлена боевая задача: 4 декабря в период 13.00-14.00 всем составом под прикрытием двух пар истребителей нанести пикирующий удар по железнодорожному узлу Знаменка с целью уничтожения скопления эшелонов и прекращения движения на длительное время.

Эскадрилья вошла в пикирование с высоты 3000 метров, вывод был осуществлен на высоте 1500 метров. В своей книге «Пикирующий удар» И.О. Полбин писал: «Первое звено — командир гвардии старший лейтенант Гапеёнок— нанесло удар по выходным стрелкам и горловинам путей, идущих на запад и юго-запад. Второе звено — командир гвардии лейтенант Смирнов — ударило по эшелонам, складам и путям. Третье звено — командир гвардии лейтенант Бондаренко — атаковало входные западные пути и составы с материальными ценностями, приготовленными к отправке в тыл противника. Почти одновременно с бомбовым ударом произошел взрыв громадной силы, которого не приходилось наблюдать даже таким опытным бомбардировщикам, как летчики группы Гусенко. Пламя пожара и густые столбы дыма охватили всю территорию узла. Узел оказался закупоренным со всех сторон. Служащие и охрана сбежали, так как непрерывные взрывы уничтожали один за другим склады, подвижной состав и здания. После освобождения Знаменки, по самым скромным подсчетам, произведенным на основании опроса местных жителей и служащих узла, мы установили, что было уничтожено до 50 пульмановских вагонов с артиллерийскими снарядами, три паровоза, 20 цистерн с горючим для автотранспорта. Разрушена железнодорожная рамка и горловины путей, сожжено несколько штабелей угля и лесоматериалов. Кроме того, была уничтожена вместе с прислугой батарея МЗА. В течение суток немцы хоронили своих солдат и офицеров, трупы которых были разбросаны по всей территории узла».

С конца декабря 1943 года до середины апреля 1944 года на огромных просторах от Полесья до Черного моря, от Днепра до Карпат развернулась одна из крупнейших битв Второй мировой войны по освобождению Правобережной Украины.

В этой битве 2-му Украинскому фронту было приказано не позднее 5 января 1944 года нанести главный удар на Кировоград, Первомайск, а вспомогательный - на Шполу, Христиновку и соединиться с войсками 1-го Украинского фронта.

На 1-м Украинском фронте (6 июля 1944 гола - 9 мая 1945 года).

Львовско-Сандомирская операция

81-й гвардейский авиаполк в составе 1-й гвардейской Кировоградской авиадивизии 2-го гвардейского авиакорпуса снова вошел во 2-ю воздушную армию. На 1-м Украинском фронте с 6 июля 1944 года полк базировался на аэродроме Долгалевка.

24—26 июля шли упорные бои за Львов. В них участвовала вся бомбардировочная авиация. Бомбовые удары, в том числе и 81-го гвардейского авиаполка, были направлены по войскам и огневым средствам противника, оборонявшим город, а также по подходящим резервам. В результате согласованных действий войск и авиации 27 июля был освобожден город Львов, важный узел дорог и крупный промышленный центр Украины. В тот же день войска 3-й и 1-й гвардейских танковых армий ночным штурмом взяли город и крепость Перемышль. Группа армий «Северная Украина» понесла тяжелые потери и была рассечена на две части с промежутком до 100 километров. Создалась выгодная обстановка для стремительного наступления к Висле, для захвата плацдарма на ее западном берегу в районе Сандомира. В конце июля войска фронта вышли к Висле, захватили в районе Баранова плацдарм до 12 километров вдоль линии фронта и 8 километров в глубину, продолжали его расширять, наращивая силы.

Весь август проходил в ожесточенных боях за Сандомирский плацдарм, который в ходе 30-дневных боев был расширен до 75 километров по фронту и 50-60 километров в глубину. Он имел крупное оперативное значение для войск фронта при последующем наступлении на силезском и краковском направлениях. 29 августа немецкие войска перешли к обороне. На этом и закончилась Львовско-Сандомирская операция. На всем протяжении операции командиры, партийные и комсомольские организации проводили большую работу, разъясняя

личному составу поставленную задачу: в кратчайший срок завершить освобождение Украины и перенести боевые действия за пределы Родины, чтобы начать освобождение союзной Польши.

Большое внимание было уделено мобилизации личного состава на успешное выполнение боевых задач и на показ высокого воинского мастерства, истинного героизма, мужества и отваги в боях за Родину.

В Львовско-Сандомирской операции командование, политорганы полка и дивизии отметили мой 100-й успешный боевой вылет. Тогда я был гвардии старшим лейтенантом, заместителем командира эскадрильи.

Висло-Одерская наступательная операция, осуществленная силами 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов при содействии войск левого крыла 2-го Белорусского и правого крыла 4-го Украинского фронта началась 12 января 1945 года, хотя в начале планировалась на 20 января

Наступил апрель последнего года войны. Военные действия охватили значительную часть Германии. 15 апреля наш полк перебазировался с аэродрома Бриг на аэродром Заган. Это был последний аэродром базирования полка в Великой Отечественной войне. К этому времени на аэродроме разместился штаб 1-й гвардейской бомбардировочной авиадивизии и истребительный авиаполк под командованием подполковника Кривякова, с которым взаимодействовал наш полк, После перебазирования полку была поставлена боевая задача на участие в массированном ударе авиакорпуса 16 апреля 1945 года

Берлинская операция (16 апреля - 9 мая 1945 года)

16 апреля 1945 года началась Берлинская наступательная операция, проведенная войсками 1-го и 2-го Белорусских, 1-го Украинского фронтов, частью сил Балтийского флота, авиации дальнего действия, войск ПВО страны, Днепровской военной флотилией и соединениями Войска Польского. По количеству привлекаемых сил и средств, по достигнутым военно-политическим результатам это была одна из крупнейших стратегических операций Второй мировой войны. Боевые действия развернулись в полосе от Балтийского моря до Судетских гор.

24 апреля наш 81-й гвардейский бомбардировочный авиа-

ционный полк нанес свой первый бомбовый удар по Берлину. К этому дню мы шли долго, об этом думали, мечтали и к этому готовились. Перед первым боевым вылетом в полку была проведена большая работа, направленная на мобилизацию личного состава для успешного выполнения поставленной боевой задачи.

В первом боевом вылете на Берлин участвовали две эскадрильи - 18 самолетов Пе-2: 2-я эскадрилья под командованием Героя Советского Союза гвардии капитана Плотникова (он же ведущий всей группы) и 3-я эскадрилья под командованием гвардии капитана Мулюкина. Командир полка Герой Советского Союза гвардии подполковник Гаврилов с большим подъемом ставил боевую задачу летному составу этих двух эскадрилий.

Это тоже вселяло уверенность в успехе. Нам предстояло составом 18 самолетов Пе-2 уничтожить войска и технику на юго-восточной окраине Берлина. Точки прицеливания (номера целей) были обозначены на фотосхеме Берлина, которую имел каждый экипаж. В полет нас провожал весь личный состав полка, представители дивизии и корпуса. На старт было вынесено боевое Красное Знамя полка. Всё было торжественно. Стояла ясная солнечная погода, и только изредка на горизонте появлялись отдельные кучевые облака.

В хорошо отработанном варианте взлета звеньями обе эскадрильи произвели взлет, сбор над аэродромом и взяли курс на Берлин. После пролета реки Нейсе впереди по курсу обозначились кучевые облака на высоте 1500 метров. Чем ближе мы приближались к облакам, тем больше уменьшалась их высота. Ведущий опасался, что дальнейший полет под облаками на малой высоте и к тому же на Берлин может плохо кончиться. Ведущий принял решение выйти за облака и выполнить бомбометание из-за облаков, используя возможные просветы. За облаками на высоте около 4000 метров просветов не наблюдалось. Пришлось снижаться опять под облака, высота которых оказалась 800 метров, а впереди по курсу — Берлин. Трудно представить наше положение и, конечно, настроение в сложившейся обстановке. Важно было то, что при пробивании облаков вверх и вниз все экипажи не нарушили боевой порядок общей группы и в заданное время точно вышли на цель, выполнили бомбометание с высоты около 800 метров. Резуль-

таты бомбометания сфотографировали. Упорство, настойчивость и мастерство в этом боевом вылете победили.

3 мая с разрешения командования летный состав полка посетил Берлин. Город еще был в дыму и развалинах. В окнах домов были вывешены белые флаги. Мы побывали в Рейхстаге, в этом большом мрачном здании, расписались на его стенах и колоннах. На площади перед Рейхстагом было много наших солдат и офицеров, гремела музыка, танцевали, веселились. Были тут и жители города из ближайших домов.

После взятия Берлина в тылу наших войск продолжала держаться сорокатысячная группировка гитлеровской армии в городе-крепости Бреслау.

5 мая в 13.15—13.30 74 самолета Пе-2 под командованием командира 6-го гвардейского бомбардировочного корпуса генерала Никишина нанесли мощный бомбовый удар по войскам и технике окруженной группировки противника в Бреслау. После массированного удара бомбардировщиков противник прекратил безнадежное сопротивление и капитулировал.

С 6 мая 81-й гвардейский полк вел боевые действия на дрезденском направлении в Пражской операции 1-го Украинского фронта.

На параде Победы

Вскоре после победы пришел приказ отобрать самых лучших, больше других отличившихся в боях для участия в Параде Победы. Таких было много, и командование отбирало строго от полка не более четырех человек.

В Москве наш сводный полк 1-го Украинского фронта разместился в Лифортовских казармах при кремлевском военном училище, а все тренировочные занятия по строевой подготовке проводились почти каждый день на плацу дивизии КГБ имени Дзержинского.

Я хорошо помню, как ранним утром 24 июня 1945 года нас разбудил сигнал горниста. После сытного завтрака, одевшись в парадное обмундирование, наш сводный полк 1-го Украинского фронта выстроился на плацу, вышла рота знаменосцев, и полк направился на Красную Площадь.

В июне 1945 г. был удостоен звания Героя Советского Союза.

После войны продолжил службу в Военно-Воздушных си-

лах командиром эскадрильи.

Издал книгу воспоминаний «Дороги победы. Боевой путь 81-го гвардейского полка бомбардировочного авиационного полка. Книга памяти».

Август 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Грязных Павел Владимирович****, студент Московского государственного строительного университета (МГСУ)*

Герастовский Пётр Афанасьевич

Автоматчики вводились в бой последними

Родился я 24 мая 1922 года в поселке Покровском, Темирского района, Актюбинской области, Казахстан. Вера – христианство (православие), национальность – украинец, партийность – комсомолец, беспартийный. Папа и мама мои родом из Молдавии. Их привезли в Казахстан в возрасте 10 лет. Жили вместе с бабушкой и дедушкой по отцовской линии в северном районе Казахстана. Занимались крестьянством. Отец воевал в Красной Армии. В 30-м году деда признали кулаком. Все отобрали и ему с бабушкой сказали – идите, куда хотите. Отец, по настоянию матери, чтобы не вступать в колхоз, уехал в г. Чимкент к сестре и собирался увезти нас, но заболел и умер в том же 30-м году. Когда я учился во втором-третьем классе, мы все же вступили в колхоз. В пятом классе поступил учиться в Темировскую среднюю школу. Там учился до 40-го года.

Это было время перелета Чкалова через Северный полюс. Все мечтали стать летчиками. Я хотел поступить в училище Военно-морской авиации им. Леваневского в г. Николаеве, но не приняли по состоянию здоровья. Осенью призвали в армию. Привезли нас под Брест в 212-й Стрелковый полк 49-й Краснознаменной Стрелковой дивизии. Командующий дивизией – Коваленко. Весь офицерский состав и младшие командиры – участники войны в Финляндии и освобождения Западной Бело-

руссии. В основном мы строили оборонительные сооружения на правом берегу Буга. Жили в землянках. Желающим предложили поступать в военные училища. Я поступил в Алсуфьевскую Военно-Авиационную школу стрелков-бомбардиров.

Школа наша находилась между Брянском и Рославлем. Занятия начались 1 января 1941 года. Изучались аэронавигация, бомбометание, воздушная стрельба и радиосвязь. С апреля к нам на аэродром садились самолеты и по утру улетали на запад. Становилось тревожно. Помню воскресенье 22 июня 1941 года. Шел теплый дождик. В 12 часов объявили тревогу. "Пронырливые" курсанты уже говорили о начале войны. На построении слушали выступление Молотова. До 29 июня не было перемен. Утром же этого дня во время завтрака столовая закачалась – немецкие самолеты бомбили летное поле. Тогда погибло 30 человек. Бомбежки были еще несколько раз, но потерь больше не было, т.к. были созданы укрытия. Готовились к эвакуации. Встречали летчиков, еще недавно перелетавших через наш аэродром к границе. Они рассказывали, что все самолеты погибли, причем, даже не взлетев (не было ни бензина, ни боеприпасов). Эвакуировали нас в Тюмень. А там местные самолеты садятся на воду, т.е. место для полетов было неподходящим. Переэвакуировали нас в Славгород – Алтайский Край. Доучились – был уже январь 1942 года. Нас собрал начальник школы - полковник Юков, начальник штаба Бесчастных. Говорят самолетов нет, продолжаем учебу. 18 августа 1942 года бригадный комиссар из СибВО привез приказ ВГ о переобучении на наземных командиров.

Передислоцировали нас в г. Омск, во 2-е Омское пехотное училище имени Фрунзе со сроком обучения 3 месяца. С первого ноября занятия прекратились и до шестого ноября мы на практике изучали сооружение ротного района обороны.

Шестого же ноября в 6 утра прозвучала тревога. Под звуки военного оркестра шли на вокзал. Сели в эшелон и поехали на фронт. Перед отъездом нам дали сухой паек. Ехали мы очень быстро, почти без остановок, в товарном вагоне с 2-х этажными нарами. Так мы добрались до Куйбышева. Оттуда ехали дальше, но уже медленнее. На станции Ртищево Саратовской области проходило переформирование 1-й Гвардейской армии, в которую входила 38-й Гвардейская Краснознаменная Стрелковая дивизия, созданная на основе 4-го Воздушно-десантного корпу-

са. Командовал генерал Жадов.

Если брать наше классное отделение, то примерно половина его попало в первую роту автоматчиков старшего лейтенанта Колосова 312-го Гвардейского стрелкового полка (командир Карнаухов). Другие же попали в 3-й батальон 312-го стрелкового полка. Это то, что мне известно. В отделении примерно 2 человека было из воевавших, 2-3 человека из Алсуфьевской школы и 2 из какого-то Тульского училища. Если же смотреть со стороны, то первая автоматная рота сильно отличалась от второй автоматной роты (в Сибири и кормили сытнее, нежели в Туле, да и возрастом мы были на пару лет постарше). Командиры взводов были не офицеры. Помнится, числа 19 ноября нас погрузили в эшелон и довезли до Филоново. Оттуда мы пешком добирались до переднего края (Замостья в районе Богучара). Наши стрелковые роты сменили роты дивизии, стоявшей там в обороне. Разместились в окопах на левом берегу Дона. На дворе – декабрь, холодно. А автоматные роты разместились в каком-то селе. Жители были эвакуированы. Наш первый взвод помещался в одной комнате дома, во второй помещался командир автоматной роты, политрук роты. Было голодно. Тылы дивизии размещались в Филоново. Автотранспорта почти не было, а на лошадях много не увезешь. Посредине села была церковь, где находился склад пшеницы. В первую же ночь (народ-то "пронырливый") обнаружили эту пшеницу, потом таскали ее, варили в котелках. Жили почти как в вагоне.

16 декабря пошли в наступление. Автоматные роты не прорывали первую линию обороны. Там действовали стрелковые роты, автоматчики вводились в бой последними. Из деревни мы вышли еще ночью, было еще темно. Фактически на передний край пришли затемно.

Причем самое интересное, что снаряды пробивают лед, а рядом можно спокойно идти по льду - не проваливаясь. Просто за несколько дней до этого (когда лед был еще тонким) специальные саперные части посыпали лед сеном, травой, поливали водой, таким образом наращивая лед.

Получилось так, что мы попали под обстрел, и я в роте был первым раненым. Было часов 11 утра. То ли разорвался снаряд, может была мина, осколок попал под правый глаз. Перевязал меня санитарный инструктор роты (наш же курсант) Поспелов и говорит, поедешь, мол, домой и дал наказ, чтобы автомат и все

диски обязательно донес до санитарного поста на берегу Дона. Если не донесешь, перевязку делать не будут. Донес. Сделали мне перевязку. Сказали идти в какую-то деревню, где лежало много раненых. Погрузили в машину и привезли в Калач-Воронежский, там погрузили в эшелон и привезли в Тамбов, где был госпиталь ЭГ-1981. В госпитале два отделения – "ухо-горло-нос" и "глазное". Меня лечил начальник госпиталя майор Ростовцев. Пролежал до марта 1943 года. Я там был "самый счастливый раненый", т.к. глаз мой был цел, а были абсолютно незрячие, без одного глаза.

После госпиталя отправили на военно-врачебную комиссию. Есть такая статья - 98В-Г-1 – годен к нестроевой службе в тылу. Слово же "тыл" понимается по-разному. Он может быть вне фронта и на фронте. В одной книге говорится, для того, кто находится на переднем крае, место, где находится командир роты – уже тыл. Попал я в госпиталь. Санитаром. Он относился к 40-й армии. Командующий – Москаленко. Размещался на южном скате Курской дуги в районе Обояни. В это время, говорят, вышел приказ, авиаторов вернуть в авиационные части. Со мной разговаривать на эту тему не стали, сказав, что летать не годен. Госпиталь ППГ-635. Причем госпиталь был не для раненых. Терапевтический. Тиф, другие инфекционные болезни.

Есть такие камеры – перевозятся на телеге, метра 2 в высоту, оборудована печкой. Предназначена для обработки вещей – "вошебойка". Однажды сгорела камера. Или износилась, или что-то я неосторожно сделал. Направили на Пересыльный пункт (ПП) отдела комплектования войск 40-й армии. Начальник отдела – полковник Сигульев. Начальник ПП – капитан Кох. Здесь мне предложили остаться на ПП, т.е. вводить пополнение на передний край.

В отделе комплектования личного состава есть пересыльный пункт и запасной полк. Из запасного полка вводят крупные формирования: роты и т.д. На ПП поступают люди из полевых госпиталей – легко раненые. Когда набирается человек 10-15, дают группу, и я должен был отвести их на фронт. Как правило, приходишь в дивизию и сдаешь документы на людей. Оттуда в полк, из полка в батальон, а может даже и в роту. ПП движется вслед за армией. Так я водил пополнения на фронт на Курскую дугу, затем через Белгород, Харьков, Киев, Белую Церковь, Винницу, Каменец-Подольский, Брычаны, Липканы (это уже

Молдавия). И тут уже граница с Румынией. Это уже апрель 1944 г.

Задачей ПП было вводить бывших раненых на передний край, а когда начали освобождать Украину, там было много солдат и мужчин, годных к военной службе (скрывавшихся от немцев и подросших). ПП проводил их мобилизацию.

Когда дошли до границы, ПП был ликвидирован. А я вместе с другими попал в 240-ю Стрелковую дивизию Тараса Уманского, полк майора Богданова, 9 роту 3-го батальона, которым командовал старший лейтенант Кочерга П.Е. Мы находились в предгорье Карпат недалеко от Ботошан и Кымпулунга. Сплошного фронта не было. За местом дислокации начинались горы. Нейтральная полоса была 5 километров или больше. Внизу речушка, потом перевал пустой, а немцы располагались на следующем за ним перевале. Через день ходили в "боевое охранение" (располагается впереди переднего края - может быть в 200-300 метрах, там вырываются окопы. Все это создается для того, чтобы раньше предупредить о появлении противника).

Здесь переформировали дивизию в горно-стрелковую. В горно-стрелковой дивизии очень увеличивается численность разведки, где-то до 1/3 ее состава. Спросили, кто хочет добровольно в разведку. Я вызвался. Наш 3-й взвод 9-й роты был как раз разведывательным. Прослужил здесь месяца 3. Почти каждый день (редко через день) ходили в разведку по нейтральной полосе. Необходимо было знать расположение немцев. Давался наказ: "Возвращаться всем – живыми или мертвыми – неважно. Если теряется хотя бы один, то лучше не возвращаться всем". Часто зам. командира полка по оперативной части майор Орлянский ходил с нами. Только один раз вместе с нами ходил и его взвод полковой разведки, а все остальное время мы ходили одни.

Был апрель-май 1944 года. Как раз все расцвело. В лесу, как сейчас говорят в Чечне – "зеленка". Разведчики ходят парами. Один идет впереди и смотрит только вперед, а тот, кто сзади – по бокам. Однажды майор Орлянский подходит и говорит: "Сегодня пойдешь со мной". Самое интересное, не спросив ни моего имени, ни фамилии. Но я ему до сих пор благодарен, что он выбрал именно меня. С этого времени я начал ходить с ним в паре. Когда идем домой, наши возвращаются в наш батальон, а мы вдвоем в расположение штаба полка. Обычно он давал мне

письмо, пароль и я возвращался к себе в роту. Были стычки, бои с немцами местного значения. Постепенно оборона становилась сплошной, строились минные поля с обеих сторон. Хотя до самого нашего наступления сплошного фронта так и не было, особенно у немцев.

Вспоминаю, как-то раз прошли нашу линию обороны, забрались на какую-то сопку, бродили целый день. Домой я, как всегда, шел с майором, а наши возвращались к себе в роту. Иду к себе в роту, а там меня ищут. Оказывается, у нас человек 10 ранены. Мы ушли, саперы заминировали, а утром нам ничего не сказали о том, что будут минировать. Минировали "подпрыгивающими" минами.

Еще раз, когда майор с нами не ходил, я вынес с боя на нейтральной полосе Саливона Ивана из Ахтырки. Шла борьба за "нейтральный" перевал. Немцы начали выдвигаться на его сопки, устраивали наблюдательные пункты и постреливали иногда (наши-то тылы им хорошо видны). Мы слышим, разговаривают, окружаем верхушку. В горах важно, чтобы не было разговоров. Треск сучьев замечательно слышен. Нужно передвигаться очень осторожно. Получилось так, что нас там обнаружили, началась перестрелка. Если начался обстрел, то задача - оторваться от противника. Получается: кто первый увидел, тот и победил. Мы начали уходить. Ивану попала разрывная пуля где-то в пятку. Первым его взялся тащить ординарец командира роты Иванченко, потом передал его мне. Немцы стреляют, а он кричит: "Больно, давай отдохнем". Нес его километра два. Притащил его в расположение части. Еще несколько человек были ранены.

Однажды, когда мы помогали освобождать высоту, занятую накануне немцам, начался обстрел: то ли артиллерийский, то ли минометный, шут его знает. Меня ранило в ухо. Подбежала сестра, перевязала. Утром в санчасти полка на перевязке спросили, почему я здесь – "Потому, что на фронте бывают такие моменты, когда нужны все, кто может стоять, может держать в руках винтовку". Написали мне направление в медсанбат. Оттуда - на военно-врачебную комиссию. Опять та же статья – годен к нестроевой службе в тылу. Поехал в 167-й запасной полк 40-й армии. А туда приезжают из воинских частей набирать. Мы их называли "покупателями". На 2-й или 3-й день приехал капитан в пограничной форме и ищет людей, удовлетворяющих следующим требованиям: не было осужденных среди родителей,

не был в окружении и плену, не жил на оккупированных территориях. Таких нашлось всего двое: я и еще один парень. Капитан говорит: «Поедем в приемный пункт военнопленных (ППВ) НКВД 40-й армии - не пожалеете". Поехали. Был уже июль 1944 года. Начальник этого пункта – капитан Давыдов. Я там занимался тем, что переписывал военнопленных. Нужно было спрашивать (с каким-то знанием моего школьного немецкого) год рождения, место рождения, в каких частях воевал, чем занимался… На ППВ был один еврей - Чернобров. Говорят, что иврит и немецкий очень похожи. Когда я не мог что-то спросить, звали его, и он мне помогал.

Путь лежал таким образом: Ботошаны, потом Кымпулунг. Здесь 40-я армия разделилась на две части: один корпус перешел через Карпаты и вышел на Банска-Быстрицу, другие два обогнули горы с юга. Соединились в районе Дебрецена (Венгрия). Направление в начале было на Будапешт, потом повернули на север и вышли на Мишкольц (Чехословакия), далее опять на запад и дошли до Брно (Чехословакия). Был май 1945 года. На этом кончилась война.

Награды не сохранились. Из тех документов что есть – "Медаль за боевые заслуги" (вручена после войны), "Медаль за победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945" – вручена 8 апреля 1945 года капитаном Петрухиным, "Медаль за участие в героической обороне Сталинграда" от имени Президиума Верховного Совета СССР. Получил 27 марта 1990 года орден Отечественной войны I степени от 11 марта 1985 года.

Домой возвращался в эшелоне. Когда кончилась война, сначала съездил с группой в Вену, отвозили какие-то документы через Братиславу. После возвращения из Вены началась процедура демобилизации. Возвращался через Братиславу, Винницу, Киев, Куйбышев, Оренбург, Актюбинск. В первое время после демобилизации оказалось, что нужно искать место в жизни. Поступил учиться в Алма-Атинский электро-техникум связи по специальности радиоприемные устройства на 3-й курс. Получил диплом техника радиоприемных устройств с отличием, поэтому место работы выбирал сам. Поехал в с. Дурмень на Приемный Радиоцентр № 1 Ташкентской дирекции радиосвязи. Там же поступил в филиал ВЗЭИ (Всесоюзный Заочный Энергетический Институт). Сдав все нерадиотехнические предметы, пере-

ехал в пос. Романцево Московской области, где, продолжая учиться, устроился на работу в приемный радиоузел №1. В 1954 году окончил ВЗЭИ. Поступил в аспирантуру. В 1961 году ВЗЭИ переименовали в МИРЭА. В 1964 году защитил кандидатскую диссертацию. Преподавал "Курс радиоприемных устройств" и занимался научно-исследовательской деятельностью по договорам с ОНИИП'ом и МНИИРС'ом. Работал на ВПК и Правительственную связь. В 1992 году ушел на пенсию.

Мой младший брат, Герастовский Федор Афанасьевич, в 1942 году окончил второе Московское авиационно-техническое училище, эвакуированное в Абдулино (Башкирия). Воевал в истребительном полку, аэродромы которого неоднократно бомбились. Прошел "путь" от Москвы (Ватутенки) до Берлина. В одной из таких бомбежек был контужен. После войны окончил Горьковское военно-политическое училище (для танковых и артиллерийских частей), служил в Германии. Оттуда поступил учиться в Военную краснознаменную инженерную академию связи (ВКИАС) в г. Ленинграде. Служил в частях наземного командно-измерительного комплекса, обеспечивающих управление полетом космических аппаратов, начиная с первого искусственного спутника Земли. В Военной инженерной академии им. Ф.Э. Дзержинского защитил кандидатскую диссертацию. К сожалению, после неудачного полета космонавта В. Комарова, брат в 1971 г. трагически погиб в автомобильной катастрофе.

Публикации обо мне:

Куприянов Н.В. "С верой в победу". Военно-исторический очерк. ГМРИП "Левша", Тула, 1993 год, 288 страниц.

Ноябрь 2002 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Герастовский *Алексей Вячеславович***, *студент 3-го курса Московского авиационного института (Технического университета)*

Дроздов Михаил Александрович

Он меня и слушать даже не стал

1926 год рождения, уроженец Алтайского края, город Барнаул.

С раннего детства проживал в одном из совхозов Яшкинского района Кемеровской области. Там учился в средней школе. В 1940 году окончил семь классов. Учиться в те времена было некогда, тогда началась Финская война, затем Великая Отечественная, приходилось в таком возрасте работать за мужиков, которые уходили на фронт. Работал там же, в животноводческом совхозе. Коровы голодные, надо было за лето наготовить очень много корма, а зимой 35-40° мороз, я запрягал две лошадки, и три раза за день надо было съездить, привезти шесть возов сена, чтобы накормить коров.

О начале войны узнал на следующий день, т.е. 23 июня 1941 года. В это время, когда я услышал, что началась война, я работал в совхозе.

Начинал участвовать в боевых действиях по призыву в армию. Когда мне исполнилось 17 лет (27 июля 1943 года), был призван в ряды Красной Армии. Дата призыва 11 ноября 1943 года. Первое время служил в городе Багатол, Красноярского края около трех месяцев. Там кормили очень плохо. Поэтому был направлен в батальон выздоравливающих в Красноярск для поправки. Где тоже не давали норму продуктов, но

там много госпиталей было, в которых находились раненые: кто-то не хочет есть, кто-то не может, и вот за счет этого нас подкормили немножко. Я там служил месяца два, после чего нас направили в Омск.

В Омске была школа Долгерева, в этом здании мы и размещались. Привезли солому, матрасы, все разложили там. Это здание не отапливалось, было холодно. Кормили там тоже неважно. Пробыли мы там тоже месяца два, а с марта 1944 года служил в поселке Черемушки Омской области в 39 Омской запасной бригаде, (это дай бог, если сейчас такая Армия есть…, там и танки были, и что только не было), а называлась всего лишь бригадой. Я находился во втором учебном батальоне, в роте ПТР (противотанковые ружья) - нас там учили на сержантов. Нам выдавали на два человека одно противотанковое Симоновское ружье (пятизарядное). Там я учился около шести месяцев. Командиром отделения у меня был сержант Фадеев, который вскоре убыл учиться на офицера в военное училище, а меня назначили на его место командиром отделения. Не знаю, чем я отличался от своих сверстников. Я командовал отделением из 10-12 человек. И меня хотели оставить на постоянную службу командиром отделения, потому что в это время начинался новый призыв, новобранцев тоже надо было готовить, но пришел приказ от командующего Сибирским Военным Округом генерал-лейтенанта Курдюмова, (приказ был примерно такого плана):

– Никого не оставлять, никому сержантов не присваивать, всем присвоить звание ефрейтора и отправить на фронт. Так требовала обстановка.

В августе 1944 года прибыл на фронт и участвовал в боевых действиях в составе 5-го танкового корпуса, 5-й мотострелковой бригады на территории Латвии. Корпус вводился в прорыв, и боевые действия осуществлялись, в основном, по тылам противника.

7 сентября на участке 10-й гвардейской армии после рейда по вражеским тылам наш усиленный мотострелковый батальон 5-го танкового корпуса вышел к своим. Когда фронт наступал, это подразделение вырвалось далеко вперед. На станции Эргли наш батальон разгромил роту гитлеровцев и несколько тыловых учреждений, взорвали эшелон с боевой техникой,

захватили много оружия, боеприпасов, горючего и продовольствия. Несколько суток мы удерживали станцию, успешно отбивая вражеские атаки. И только когда противник подтянул свежие части, майор Дитюк отошел и повел батальон на север. К нему присоединилось несколько групп наших стрелков, оказавшихся во вражеском тылу.

Боевой путь проходил через: Багатол (ноябрь 1943), Красноярск (январь 1943), Омск (февраль 1944), Черемушки, Омская обл. (март 1944). Далее населенные пункты в Латвии: Зиелупе (август 1944), Нерза (август 1944), Лудза (август 1944), Бурзава (август 1944), Виляны (сентябрь 1944), Кукас (сентябрь 1944), Крустпилс (сентябрь 1944), Даугава (сентябрь 1944), Кокнесе (сентябрь 1944), Яняварти (25 сентября), Рига (3 октября 1944), Карклыни (конец марта 1945).

Участвовал в освобождении города Риги и населенных пунктов Рижской области.

Военные боевые действия закончил 5 мая 1945 года. Как раз после окружения Курляндской группировки – мы вышли из боя 1 мая, а через два – три дня у меня поднялась очень высокая температура. Меня сразу отправили в санроту, а затем в медсанбат. После того, как мне сбили температуру (как раз в это время собирались разбить Курляндскую группировку), меня хотели уже выписывать и направить опять в свой полк для дальнейшего прохождения службы, но раз война уже закончилась, меня сразу направили в госпиталь долечиваться до конца. Я им говорю:

- Что вы делаете, куда вы меня отправляете, у меня в моем родном полку боевые товарищи, друзья, с которыми я воевал… Я же их всех потеряю. Тем более радость такая - победа, а вы меня - в госпиталь.

Но начальник медсанбата подполковник, а я только сержант, что я, спорить с ним буду? Он меня и слушать даже не стал.

В госпитале я лечился очень долго. Помню, там было поле, на котором мы гуляли. У меня была температура, слабость, есть не хотелось. На этом поле рос хрен. Его терли, и давали на обед. Можно было съесть две порции.

Был ранен в боях за освобождение города Риги. — Рижский городской оборонительный обвод готовился в течение нескольких месяцев. Он состоял из двух полос. Первая, к которой вышли наши войска, проходила по левобережью рек Гауя, Криевупе, Маза-Югла, через станцию Саласпилс, Кекаву и далее, круто поворачивая на север, упиралась в Рижский залив. Вторая тянулась в 6—12 километрах за первой.

Мы находились километрах в 35 от города, а может быть и меньше, меня ранило около четвертого октября. Был ранен в ногу и в левый глаз. Ранение получил, скорее всего, осколком мины, или артиллерией противника. Был направлен на излечение в госпиталь №4173 г. Торопец. Боялся я больше всего за глаз, но когда сделали операцию, доктор сказал, что видеть буду, рана не серьезная, просто задело осколком верхнее веко.

В госпитале я пробыл около месяца. Рану так мне и не залечили…(тогда особо не долечивали). Ведь в каждом батальоне есть свой медсанвзвод, вот и сказали, чтобы ходил туда на перевязку. Ходить к тому времени я уже мог, поэтому после излечения, в ноябре 1944 г. я был направлен для продолжения боевых действий в 94-й гвардейский стрелковый полк 30-й Гвардейской Стрелковой Рижской Дивизии.

В то время, пока я находился в госпитале на излечении от ранения, 13 октября войска 3-го Прибалтийского фронта почти повсеместно вышли к Даугаве, а еще спустя три часа вся правобережная Рига и предместья были полностью очищены от гитлеровцев. Свою задачу войска 3-го Прибалтийского фронта выполнили. Теперь мы готовились оказать помощь в освобождении западной части города и левобережья Даугавы.

Возвращался после войны из госпиталя по излечении от малярии. Был поход из Латвии в Эстонию – около 500–600 км. Это все надо было пройти пешком, своими ногами. Но у меня была знакомая медсестра – Люся, она подошла к командиру артиллерийского дивизиона и попросила, чтобы они взяли меня с собой. Она сказала, что я слабый, только что сильно переболел, что мне такой переход может отразиться на здоровье. И я поехал с ними. Там можно было то на пушку сесть, то на лошади ехать - все же легче, чем пешком. А в пехоте в основном были наши военнопленные, которых освободили. Их

сформировали и пополнили те части, в которых не хватало народу.

После того, как прибыли на место, меня определили в 10-й запасной стрелковый полк, откуда все увольнялись. Там я прослужил 8 месяцев, затем был направлен обратно в 30-ю дивизию в 96 гвардейский стрелковый полк. Там я пробыл с ноября 1945 года до начала апреля 1946 года. Затем нас направили под Ленинград на разминирование. Как раз в это время земля начала оттаивать, туда мог проходить щуп. Нас придали 33-му инженерно–саперному Двинскому полку, который занимался разминированием Ленинградской области (Колпино, Ораниенбаум, Синявино, и др.) и самого Ленинграда. Меня, в воинском звании сержант назначили комсоргом батальона. Дислоцировался я в одной из рот, которой командовал старший лейтенант Федотов. Он нас очень хорошо подготавливал к разминированию. Каждый день начинался с тренировок на каком-нибудь поле. Мы повторяли, как надо пользоваться щупом и миноискателем, что надо сначала семь раз проверить, а потом только наступать на то место, где уже проверил. И добавлялись вчерашние недостатки, если таковые имелись. Но были и бестолковые молодые ребята: один нашел мину, размахнулся и кинул ее в березу, этого парня очень сильно ранило.

А был еще такой случай.

Служил у нас такой старший сержант Гаврилов. Ему завтра увольняться, и он говорит: «Я пойду еще разок схожу с ребятами». Командир роты ему говорит: «Да не ходи ты, завтра тебе уезжать…». «Нет, - говорит, - я пойду». И пошел, проволоку не заметил, пнул ее, фугас взорвался, и только одна голова в воронке лежит… Но это все несчастные случаи, а в других ротах было очень много подрывов. Так что эти тренировки, которые проводил с нами старший лейтенант Федотов, пошли нам на пользу.

По окончании разминирования был направлен для прохождения дальнейшей службы в 26-й гвардейский танковый полк 2-й гвардии Тацинской танковой дивизии, где прослужил до августа 1953 года.

По окончании 7-летней срочной службы в сентябре 1950

года мне было присвоено воинское звание младший лейтенант.

В августе 1953 года решением Главнокомандующего войсками ПВО страны был направлен в 1-ю армию ПВО особого назначения, г. Москва, а затем в Главный штаб войск ПВО.

За время прохождения службы на офицерских должностях окончил военное училище и командную академию ПВО – город Калинин (сейчас называется Тверь).

Демобилизовался в июне 1974 года в возрасте 48 лет, по личной просьбе, был уволен в запас по статье 59 пункт «б» - по болезни.

После увольнения из рядов Советской Армии с августа 1974 года по июль 1986 года работал начальником отдела кадров Сбербанка СССР.

Награжден:

- Медаль «За отвагу», № 1813074, № удостоверения 432750 от 8 апреля 1946 года, вручена секретарем Президиума Верховного Совета А. Горкиным.

- Орден «За безупречную службу I степени», выдан 22 февраля 1964 года, выдал командир ВЧ 52159 генерал-майор Щеткин.

- Орден «За безупречную службу II степени», приказ Министерства Обороны СССР № 53 0т 17 января 1959 года, выдал полковник Кульбаков, ВЧ 0360.

- Медаль «Жукова» № 0331359, № указа 205 от 19 февраля 1996 года, выдана Президентом Российской Федерации.

- Медаль «25 лет победы в Великой Отечественной Войне», № 18631, вручена Министром Обороны СССР Маршалом Советского Союза А. Гречко, вручена за доблесть и отвагу в Великой Отечественной Войне.

- Орден Отечественной войны I степени, выдан указом Президиума Верховного Совета от 14 марта 1985 г.

- Орден «30 лет Советской Армии», выдан указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 февраля 1948 года, выдан 7 июля 1948 года, вручил командир 26 танкового Ельненского Краснознаменного Ордена Суворова полк, вручил командир полка Титов.

- Медаль «За боевые заслуги» № 1813074, выдана 8 апреля 1948 года.

И многие другие военные награды, включая юбилейные.

Хотелось бы вспомнить один из моих боев.

Это был конец марта 1944 года. Начались настоящие фронтальные бои. Противник был силен и одержим. Это были власовцы и кулачье со всей Латвии. Терять им было нечего. Потери у нас были огромные. Это был один из последних моих боев – бой за населенный пункт Карклыни. К этому времени выпал снег, ударил в меру морозец. Мы вышли на открытое поле протяженностью около 600 метров. Где-то метров 120 - 150 траншея к траншее – немецкие и наши. Около 400 метров надо дойти до наших траншей. Непонятно как выдвигаться, если даже находясь в лесочке, наше подразделение несло потери от немецких снайперов. Нам выдали маскхалаты, ночью мы заняли исходные позиции. Через два дня начали наступление. До нас это делали уже другие, но все безуспешно. Решили проверить, можно ли выдвинуться на исходные позиции днем?

Начали выдвижение с моего отделения. Я пошел первым. Поставил задачу своему отделению смотреть как я буду выдвигаться, и затем по моим следам действовать точно также.

Я прополз метров 20 – 25, потом смотрю, впереди бугорок или воронка с насыпью от снаряда, который изрыл землю. Там можно было спрятаться.

Пробежал еще метров 20 и упал. Залег за бугорок – спрятался и начал наблюдать, как теперь мои подчиненные будут выдвигаться. Первыми пошли мои лучшие солдаты - это пулеметчики (в каждом отделении было по два пулеметчика – один ходит с пулеметом, а второй носит диски для пулемета, заряжает его и т. д. У него имеется при себе автомат). Начали они выдвигаться, проползли около 10 метров, и их обоих ранило. После чего прекратили выдвижение.

Командир взвода мне кричит: «Дроздов, иди сюда, теперь вечером будем выдвигаться!» Я ему отвечаю: «Нет, дорогой, сейчас я уже не пойду, немцы сейчас как раз наблюдают за этим участком поля, и если я сейчас пойду назад, то меня обязательно подстрелят. Уж лучше я здесь замерзну, но назад сейчас не поползу, дождусь, пока не стемнеет». Так я пролежал на снегу примерно с 11^{00} до 17^{00}, только после чего я смог вернуться назад. Конечно, я весь продрог до костей: я был в шинельке, в маскхалате, в валенках, но все равно это не очень спасало. Я до сих пор с огромной благодарностью вспоминаю,

кто хоть шерстяные портянки придумал? Они очень спасали в таких ситуациях. Когда ноги немеют от холода, пальцами пошевелишь, потрешь о портянки, глядишь, почувствовали, потом согрелись…, а потом начали байковые давать, они раскрутятся, и ноги все равно ничего не чувствуют...

Затем, когда в следующий раз наступали – в нашей сводной роте, которую собрали из батальона, было 18 человек. Пришел старший сержант Ибрагимов. Он очень громко и красноречиво выступал: «Мы тоже с вами в атаку пойдем, тоже свои шкуры спасать не будем! ...». Немного постреляли из 45-миллимитровых пушек и из 82-миллимитровых минометов, (это не нанесло практически никаких потерь противнику) и мы пошли в атаку. Когда захлебнулась эта атака – никого нет. Посмотришь – там никого нет, там никого нет. А впереди - разбитый блиндажик… даже не блиндажик, а бревнышки накиданы, немножко землей присыпаны. И только подумал, что до него можно добежать и за ним спрятаться, как чувствую, что по мне стрельнули – пуля свистнула надо мной. Я упал и претворился убитым. Полежал около десяти минут. Уже весь мокрый, в тот день ведь изморось была. Думаю – надо дальше пробираться к бревнам. До них оставалось метров 30. Я приложил все силы, вскочил, пробежал еще немного, и опять по мне выстрелили. Я снова упал. Пролежал около получаса, как слышу, справа мне кричат: - «Дроздов, живой?». Я отвечаю: - «Живой». Два командира взвода – мой командир и еще Ермачков – командир другого взвода. «Иди к нам, - говорят, - у нас курить есть. Ты ведь там без курева, лежишь под дождем, мокнешь». Я говорю: - «Ребята, меня сейчас два раза чуть не шлепнули. Если я к вам сейчас пойду, даже поползу, меня точно убьют. Я теперь буду здесь лежать до вечера, пока не стемнеет». Вдруг падает со мной рядом командир этой сводной роты. «Кто у тебя справа?». Я ему отвечаю: - «Справа всего-навсего два командира взвода – один лейтенант, второй младший лейтенант», называю их фамилии. «Ну, тогда, - говорит, - будьте здесь, я пойду влево поднимать в атаку!» Я ему говорю: - «Вы за полем боя наблюдали? Там никого нет. Кого я видел в последний раз – это старший лейтенант Ибрагимов. Его в атаку поднимать не надо – он старше вас по званию – вы лейтенант, а он старший лейтенант. И парторг батальона – он старше вас по должности и еще моих годов парнишка – еврей,

со снайперской винтовкой. Я видел, как они упали, а живые они там или нет, я не знаю. Тогда давайте мы в атаку пойдем, теперь с вами нас четверо, пусть нас добьют...». «Нет, я поползу». Только отполз он от меня, ему в голову вошла пуля. Убили. Шепчу командирам взводов: вот так и так, убили. Они мне говорят, а что ты его за ноги не схватил? Я отвечаю: «Как я буду хватать его за ноги, если он лейтенант, командир сводной роты с наганом в руке. Чего я его за ноги буду хватать? Я ему объяснил ситуацию…». - «Да ладно, мы так это говорим…».

Вот мы и пришли всего четверо: два командира взвода, я и киргиз Ашакаев. До сих пор его не забуду – у него кисет кожаный был, в нем табак не промокал. Вот мы все, насквозь промокшие, курили его табак. Кормили нас только один раз в сутки – ночью. Правда, мы могли брать еды про запас, чтобы и днем перекусить. Ведь приносили еду на все 18 человек, а нас после боя осталось только четверо. Еще приносили сто грамм, но я не пил, я свои сто грамм всегда кому-нибудь отдавал. Вначале у меня был пулеметчик Задера – хохол. Такой здоровый. Я ему отдавал. Он 200 грамм выпьет, так по нему и не заметно. А я в основном чаю набирал в фляжку.

Наша попытка атаковать противника тоже не увенчалась успехом, как и все предыдущие. Так в своей траншее промокшие до костей мы находились еще три дня.

Были и другие бои, например.

Наступали. Наша рота была почему-то в резерве. Потом капитан повел нашу роту через лес. Смотрим, заблудились. Я, значит, раздвигаю ветки, гляжу, немецкие танки стоят. Ну, определил по свастике.

Я ему, значит, говорю, что так мол, и так, товарищ капитан, давай назад.

Пришли на боевые позиции батальона. Поступил приказ окопаться. Единственное, что, там ведь как, в Курляндии-то, лопаткой капнешь землю, и вода тут же выступает.

Командир батальона - старший лейтенант Макаров, я не знаю, что-то я ему приглянулся. Он не долго командовал, но я его хорошо запомнил. Он меня Миша звал. Ну, мне не удобно его по имени отчеству так называть. Он с 23-го года, а я с 26-го, тоже был очень молодой.

Ну, командир взвода говорит: «Пришли мне Дроздова сюда с отделением, на охрану командного пункта". Там командный пункт двух батальонов: нашего и другого, еще одного.

А я говорю командиру взвода: «Елки-палки, вон, Лобачев ходит со своим отделением, и еще даже не окопались. Я уже расположил отделение, окопались все, готовы к бою". Он сказал: «Лично, чтоб ты пришел с отделением". Я же не могу ослушаться: ну, вот, пошел. Выкопал я себе окоп. Ну, он вышел. Я, ему, значит, говорю: "Вот, я расположил свое отделение. А сам вот здесь, не далеко от ваших дверей". Выкопал себе окоп, выкопал ямку внизу, и все время надо котелком воду вычерпывать, чтобы там сухо было. А сколько сидеть – сутки, другие. Задремал – весь по уши в воде. А это все было, по-моему, в конце марта, но вода все равно еще холодная была.

Дня через два рядом с моим окопом поставили 152-миллиметровую самоходную артиллерийскую установку. Они как грохнут выстрелом…(там ведь как, в танке - они едут, раздается команда – «выстрел» и они все должны рот открыть, чтобы не оглохнуть). А у меня окопчик рядом, мне как наверпет, меня оглушит. Там бывало, когда из боя выходишь – полу-глухой, пройдет дней десять, пока походишь – вроде оклемался. Следующий бой пройдет, и опять то же самое.

Где-то в конце апреля – в начале мая наступления уже закончились. Видимо, был разговор уже в верхах, чтоб прекратить все наступления. Наверное, уже чувствовали, что вот-вот парламентеры приедут. В Берлине уже разговоры о капитуляции шли, к нам слухи доходили. Уже больше боев не было.

Когда я служил еще в пятом танковом корпусе, старший лейтенант Захваткин мне говорит: «Слушай, Дроздов, возьми с собой одного солдата, и сходите, здесь взвод ушел, если лесочек справа обойти, там, по-моему, деревня взятая, немцы выбиты. А взвод чего-то не возвращается». Я пошел через лесочек. Смотрю, впереди два немца копаются, чего-то делают. А у меня автомат наготове. Я им говорю: «Руки вверх!», а они сразу за автоматы хватаются. Ну, я их и убил обоих. До сих пор жалко.… Когда подошли, оказалось, что это парнишки нашего возраста. У них что-то было завернуто в одеяло. Когда мы развернули, там оказалась булка хлеба, на которой значился 1936 год. Скорее всего, это хлеб испечен из муки 1936 года помола.

Мы же в Германию все везли, когда был подписан уже договор о ненападении. Когда мы пришли назад, взвод уже вернулся. Я доложил командиру о том, что произошло. А когда мы возвращались, встретили двух танкистов, видимо разведчиков. Они нам говорят: «Как вы оттуда идете? Мы только сунулись в лесочек, нас там обстреляли». Я им говорю, можете теперь идти спокойно, тех, кто вас обстрелял, мы уже убили. Там больше никого нет – дальше находится деревня». А немцы, может, растерялись, а может, отстали. Если бы руки вверх подняли, взял бы их в плен, привел к своим, может быть до сих пор живы были бы.

Один раз наше отделение досыта наелось мяса. Дело было так. Мое отделение послали разведать местность. Я был командиром отделения. Прошли километров около трех-четырех. Затем появился хутор, следом – другой. За ними находился лесок. Прошли по леску, вышли на поляну. На этой поляне мы увидели недавно убитую лошадь. Она еще была теплая.

У меня в отделении был казах. Он мне говорит: - «Командир, давай мяса сварим!». Я ему говорю: - «Ну, давай». Он нарезал мяса, положили в котелок, сварили. Сидим, едим. Мясо оказалось очень вкусным, тем более что в те времена кормили очень плохо. Через некоторое время появилось предложение еще отварить мяса. Я спросил у отделения, кто хочет мяса. Желающих оказалось много. Я тогда говорю: - «Так берите, отрезайте, сколько вам нужно и наедайтесь досыта, пока мясо парное». Я этот эпизод очень хорошо запомнил. Наелись мы тогда до отвала. Солдаты тоже были сыты и очень довольны.

Декабрь 2003 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Бакин Валентин Сергеевич****, студент 2 курса кафедры военного обучения «МАТИ – РГТУ им. К. Э. Циолковского»*

Ермаков Александр Алексеевич

Все погибли, а предателя не удалось вычислить

Родился я 15 февраля 1922 года в небольшом селе Первая Малиновка, недалеко от г. Тамбова. Кроме меня у мамы было ещё пятеро детей, в семь лет я пошёл в школу в соседнем селе Селезни. До неё было пять километров ходьбы. Света в доме не было: уроки при лучинке учили. Тяжёлые тогда были времена... Поэтому я её не закончил, проучился всего шесть классов. Пришлось осваивать какую-нибудь профессию. Так я стал учеником слесаря на Тамбовском вагоноремонтном заводе. Проработал там до 1939 г. В трудовом коллективе и познал, что такое рабочая смена, взаимовыручка, локоть наставника. Потом я уехал работать на завод № 59 ст. Петровенки Ворошилоградской области. Там я и прожил до злосчастного 41-го.

Вскоре я надел военную форму. 22 июня 1941 года Краснолучским военкоматом был призван в ряды Советской армии в пятую воздушно-десантную бригаду, которая позднее была преобразована в тридцать третью гвардейскую дивизию. Свой боевой путь я начал в городе Калач Сталинградской области. За оборону Сталинграда у меня даже медаль есть и удостоверение прямо на передовой выдали.

Потом нас переправили за Дон, шли по направлению к

Ростову. Заняли оборону. Фашисты шли маршем в три колонны: танки, бронемашины и машины с пехотой. Начался бой. Гитлеровцы бросали всё новые силы, моя дивизия отступала к Дону. Подошли с боями к переправе Калача. Нашу роту оставили прикрывать отход дивизии. Немцы рвались на переправу, но им не удалось прорваться. Нас «отрезали», и мы остались в тылу у противника, где пробыли восемь дней. После боя от нашего взвода осталось четыре человека. С нами был командир взвода Юрьев. Нам надо было попасть на другой берег. А как, вода-то в реке ледяная? Командир приказал доски оторвать, на них всё наше снаряжение привязать, а по краям - руки. Кто с правой стороны стоял - правую, кто слева - левую. Я сначала не понимал, зачем? А когда в воду зашёл... ноги сразу судорогой свело. Переправились мы, никто не утонул. А вот другая часть в сто человек выплыть не смогла. Можно сказать, что командир нам жизнь спас. Я так скажу: толковый командир - выживут солдаты, а нет - так и гибель всем. Вот ещё один случай. Были мы в зоне, оккупированной немцами. Командир приказал пробираться по непроходимому лесу: немцы туда не совались, предпочитали воевать на открытой местности. А другая часть не знала этого, или не догадались ребята, только от них и живого места не осталось. Вот как много от командира зависит.

Полки соединения упорно защищали позиции в районе Ейска, Темрюка, Анапы, но под давлением превосходящих сил противника отходили в глубь Кубани. Наша дивизия в составе 62-й армии вела оборонительные бои с фашистами. Изматывая силы противника, защищая каждый метр нашей родной земли, мы с боями отступали, но фашисты несли огромные потери. В 1943 году под городом Шахты я был первый раз ранен - пуля задела бедро. Пришлось лечь в Саратовский госпиталь. Как от болезни немного оправился, меня направили на учёбу в Саратовское пехотное училище. Но окончить его не пришлось. Обстановка на фронтах складывалась тяжёлая: отозвали.

Меня направили на фронт в 270-ю стрелковую дивизию на Смоленско-Белорусское направление и предложили служить в разведке. Теперь я, сержант Ермаков, стал разведчиком. Первая моя операция - освобождение литовского города Шауляй. Перед разведотделением была поставлена непростая задача - незаметно пробраться к траншеям противника и завязать бой.

Первый этап прошёл удачно. Мы расположились на опушке леса в непосредственной близости от вражеских окопов. Ждали условного сигнала. Вскоре наша артиллерия основательно обработала передний край немцев, затем перенесла огонь в глубину их обороны. Вот тут-то и пошли в атаку мы. В грохоте артиллерийской канонады команд не было слышно. Бойцы ориентировались на мою фигуру. Я первым пополз к вражеским окопам, забросав их гранатами. Спустя считанные минуты, которые тогда казались часами, нам на помощь пришли пехотинцы. Буквально на плечах неприятеля ворвались в Шауляй, освободив очередной город. Дальнейшее наступление, однако, было приостановлено - требовалось подтянуть тылы. В эти редкие дни затишья командование дивизии решило отметить отличившихся. Мне было присвоено очередное воинское звание «старший сержант» и вручён орден Славы 3 степени.

Всё же лучшей наградой для солдата на войне были махорка и обед. Еды на фронте всегда не хватало. Сытыми не были, но и от голода не умирали. А иногда и так бывало: идёт повар, несёт за спиной в бочонке суп. Тут вдруг снаряд взрывается, и осколок, как назло, прямо в этот бочонок попадает. Вот так и оставались без долгожданного обеда. Ещё выдавали обычный паёк, там немного хлеба. Находились и такие «молодцы», что едой спекулировали - меняли хлеб на табак. Иногда для курящих махорочку приносили. Но некоторые некурящие её тоже брали. Курильщики соглашались, свой хлеб на папиросы меняли, не думали, что бой впереди, силы будут нужны. А эти... совести у них не было.

Встречались на фронте и предатели. Случилось это, когда я ещё парашютистом был. Радиосвязь тогда с самолётами отсутствовала. Сигнал о выбросе парашютистов давали зажжённые на земле костры. Так вот предатель сообщил фашистам время и место операции. Они-то хитрые. Зажгли свои костры на четыре минуты раньше. Парашютисты выбросились, а они прожекторы направили и расстреляли их. Все погибли, а предателя не удалось вычислить. Я бы его своими руками задушил.

Впрочем, затишье продолжалось недолго. Немцы не хотели мириться с потерей важного стратегического рубежа, каким был для них Шауляй. 19 августа 1944 года, перегруппировав

свои ряды и получив подкрепление, они предприняли попытку контрнаступления. Но враг встретил решительный отпор. Мои бойцы отстояли позицию с честью. А несколько недель спустя появился приказ командующего 6-й гвардейской армии о моём награждении орденом Славы 2 степени. Этот орден за № 3834 был вручён в торжественной обстановке, перед строем всех отличившихся солдат и сержантов. Тогда же меня «нашла» ещё одна награда орден Красной звезды, за то, что сумел в тяжёлой ситуации пробраться в расположение противника и взять «языка».

Освобождая шаг за шагом в ожесточённых боях литовскую землю, наши войска продвигались на запад, к фашистскому логову - Берлину. Однажды командир дивизии вызвал к себе группу разведчиков, в которую входил и я. Задачу объяснил предельно коротко: нужны данные о противостоящем противнике. Нужен «язык», и желательно в чине. И ещё добавил: «Проникнув в немецкий тыл, завяжите бой». Нам, солдатам, понятно, что значит горстке бойцов из 12 человек оказаться в немецком тылу, дать себя обнаружить. Смертники. Но приказ армии не обсуждают, его выполняют. И группа из двенадцати разведчиков, в которой старшим был офицер, а замес-

тителем, на случай чего, я, ночью скрытно проникла в деревню, где располагался вражеский полк. Едва забрезжил рассвет, и стали видны цели, мы обрушили на врага шквальный пулемётный и автоматный огонь. В стане гитлеровцев поднялась паника: смерть пришла, откуда её не ждали - с тыла. Попытки немцев организовать оборону, вступить в бой тут же подавлялись нашей разведгруппой. Финал этой истории: в штаб дивизии было доставлено пятьдесят растерявшихся немецких артиллеристов. В дополнение к этому коллективному «языку» «прихватили» и штабной автобус, в котором оказались документы с ценнейшими секретными данными, так важными для нашего командования. За этот рейд в тыл врага всех бойцов представили к государственным наградам. Меня наградили орденом Славы I-й степени. Указ Президиума Верховного Совета СССР был подписан 24 марта 1945 года. Правда, этот орден я получил только через два года в своём райвоенкомате. Так уж сложилась фронтовая судьба.

В боях под Лиепаей я был тяжело ранен в плечо. Начались скитания по госпиталям. Последним, кстати, был госпиталь №

5355, который в то время располагался на улице Карла Маркса в Тамбове. Подлечили врачи основательно, да на фронт возвращаться не рекомендовали... Попал я после этого в запасной полк, расквартированный в Ртищеве. Оттуда и был демобилизован инвалидом 3 группы после пяти ранений и контузии. А вот брат мой младший, Иван, с войны этой так и не вернулся, погиб в 44-ом. Похоронили его в Венгрии в селе Буде, даже на могилу сходить нельзя...

В Тамбове снова для меня начались трудовые будни. Сначала работал на строительстве завода «Пигмент». А с 1959 года до ухода на пенсию двадцать восемь лет проработал заведующим складом на маслосырбазе. Вместе со своей женой Зинаидой Ксенофонтьевной воспитал троих сыновей. Все они по моему примеру честно служили Отечеству, ныне являются офицерами запаса.

Награды

1. 23 марта 1976г.: награждён орденами Славы I, II, III степени.

Награждение произведено орденом Славы III степени приказом 270 стрелковой дивизии №08-Н от 1.4.44г. № ордена 101904.

Награждение произведено орденом Славы II степени приказом 6 гвардейской армии №222-Н от 15.9.44г. № ордена 3834.

Награждение произведено орденом Славы I степени указом президента Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 г., № ордена 1865.

2. Орден Красной звезды, № 500912.

3. За храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, и в ознаменование 40-летия победы Советского народа в ВОВ 1941-45 годов, указом президента Верховного Совета СССР от 11 марта 1985г. награждён орденом №142-6829 Отечественной войны I степени.

4. Указом президента Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 г. награждён медалью «За победу над Германией в ВОВ 1941-1945 г.».

5. Медаль Жукова, указ от 19.02.96г. №0912588.

6. Удостоверение за участие в героической обороне Сталинграда, указом президента Верховного Совета СССР от 22 декабря 1942 г. награждён медалью «За оборону Сталинграда» №00650.

Июнь 2005 года

*В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Зайцева Светлана Борисовна**, студентка 2 курса факультета журналистики ТГУ им. Г.Р.Державина*

Жебит Александр Антонович

Наблюдательные пункты занимались на деревьях

Я родился 4 ноября 1923 года в деревне Листвин, Хойникского района, Полесской (ныне Гомельской) области, республики Беларусь, в семье крестьянина. По национальности белорус, православный, с 1942 года член Коммунистической партии Советского Союза.

Учиться в школе начал в 1929 году, мне не было шести лет. Закончил, среднюю школу в 1939 году в городе Хойники. В июне месяце родители переехали в Сибирь и обосновались в деревне Павловка, Купинского района, Новосибирской области, где жили до 1948 года. В 1948 году переехали в город Купино. В сентябре месяце я закончил педагогические курсы в городе Купино. 1939-1940 учебный год работал учителем начальных классов в деревне Тюменка на острове озера Чаны, 1940- 1941 учебный год в деревне Алексеевка, Купинского района.

Находясь в районном центре, утром 23 июня, проходя по центральной площади, по радио услышал голос Левитана, который передал о том, что 22 июня в 4 часа немцы, без объявления войны, бомбили наши города, что в приграничных районах страны идут ожесточенные бои. Трудно было поверить в происшедшее. Жители городов и деревень собирались груп-

пами, стояли у радиоточек в ожидании очередного сообщения. Сообщения повторялись неоднократно. Началась война, которую потом назвали Великой Отечественной. Это был поворотный момент в моей жизни. В декабре месяце 1941 г. я был призван в ряды Красной Армии и направлен в школу младших командиров в г. Барабинск Новосибирской области, а оттуда в г. Томск во 2-е Томское артиллерийское училище, которое закончил в мае месяце 1942 г.

В звании младшего лейтенанта я был направлен в Горьковское зенитно-артиллерийское училище на переквалификацию и одновременно для охраны города от налета вражеской авиации. Я и мои товарищи, прибывшие в город Горький, не согласились с данными условиями. Через некоторое время нас направили по частям, которые готовились для отправки на фронт. Меня направили в Гороховецкий лагерь, где формировался 368-й истребительно-противотанковый полк. Это был август месяц 1942 г. Я был назначен на должность командира взвода. 10 ноября 1942 г. 368-й истребительно-противотанковый полк переименован в 200-й истребительно-противотанковый полк Резерва Главного Командования (РГК). Командиром полка был майор Распопин Николай Аполлонович, участник боев на Халхин-Голе. Командир батареи старший лейтенант Гайман. Перед отправкой на фронт в ноябре месяце я вступил в ряды Коммунистической партии Советского Союза.

В январе месяце 1943 года в должности командира взвода, в звании младшего лейтенанта в составе 200-го истребительно-противотанкового полка под командованием подполковника Распопина Н.А. направлен на Северо-Западный фронт, которым командовал Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко. В дальнейшем я принимал участие в операциях: Демьяновской, Орловско-Курской, Киевской, Житомирско-Бердичевской, Корсунь-Шевченковской, Кировоградской, Уманьско-Ботошанской, Проскуровско-Черновицкой, Львовско-Сандомирской, Висло-Одерской, Восточно-Померанской и Берлинской.

Участвовал в освобождении городов и других населенных пунктов: деревни Извоз (15 февраля 1943 г.), Годилово, Пустошка, Зафьновка (18-19 февраля 1943 г. Северо-Западный фронт во главе с Маршалом Советского Союза Тимошенко), г.

Орел (12 июля – 1 августа 1943 г., Брянский фронт во главе с генерал-полковником Поповым М. М.), г. Белгород (3-5 августа 1943 г., Степной фронт во главе с командующим генерал-полковником Коневым И.С.), г. Полтава (20-21 сентября 1943 г.), г. Кременчуг (27-28 сентября 1943 г.), форсировании реки Днепр (12 октября 1943 г.), освобождал г. Пятихатки (17 октября 1943 г.), г. Кировоград (7-8 января 1944 г.), деревни Каховка, Баландино, Оситняжка (19-21 января 1944 г.), 2-ой Степной и Украинский фронт под командованием генерала армии Конева И.С., г. Киев (6 ноября 1943 г.), г. Черновцы (29 марта 1944 г.), 1-й Украинский фронт под командованием генерал-полковника Ватутина Н.Ф., форсирование рек Южный Буг, Днестр и Прут, г. Ботошани (17 марта - 7 апреля 1944 г.), 2-й Украинский фронт под командованием генерал-полковника Конева И.С., г. Варшава (17 января 1945 г.), г. Лодзь (18 января 1945 г.), г. Познань (25 января 1945 г.), г. Берлин (26 апреля – 8 мая 1945 г.), 1-й Белорусский фронт под командованием Маршала Советского Союза Жукова Г.К. В боевых действиях в 1943-1944 годах я участвовал в составе 200-го истребительно-противотанкового полка, под командованием подполковника Распопина Н.А., 42-й легко-артиллерийской бригады, под командованием полковника Скородумова, входивших в состав 13-й артиллерийской дивизии РГК, под командованием генерала Краснокутского. Боевые действия в Висло-Одерской операции по освобождению городов Польши и овладению городами и другими населенными пунктами Германии, осуществлялись в составе 200-го пушечно-артиллерийского полка 197-й легко-артиллерийской бригады 1-й Гвардейской танковой армии. 200-м полком командовал подполковник Распопин Н.А., 197-й бригадой командовал полковник Караичев. Командующий 1-й танковой армии генерал-полковник Катуков М.Е.

Войну я закончил в Берлине в мае 1945 года в составе 200-го полка 197-й бригады 1-й Гвардейской Краснознаменной танковой армии в должности командира батареи, в воинском звании капитана.

В ходе боевых операций я был ранен 28 декабря 1943 г. Ранение легкое. Лечился 30 дней в медсанбате. Прибыл в 200 полк 29 января 1944 г. Второе ранение я получил 5 марта 1944 г. Лечился 20 дней в 544 отдельной медико-санитарной роте

13 дивизии. Прибыл в 200-й полк 25 марта 1944 года. Третье ранение 18 июня 1944 г. Лечился в 544 отдельной медико-санитарной роте 13 артиллерийской дивизии 2 месяца. Прибыл в 200-й полк 15 августа 1944 г.

Награжден.

Орденом Ленина, № 55743. За мужество и отвагу проявленных в боях на Кюстринском плацдарме и в боях по овладению г. Берлином в составе штурмовых групп.

Орденом Красного Знамени, № 181632. За мужество и отвагу, проявленную при отражении танковых атак противника, и обеспечение боевых действий 206 стрелковой дивизии в районе города Тыргу – Фрумос (Румыния) 7 мая 1944 года. Орден мне вручил начальник политотдела 42 бригады во время лечения в 544 медико-санитарной роте 13 артиллерийской дивизии.

Орденом Красной Звезды, № 606033. За успешное выполнение боевой задачи при отражении контратак противника при освобождении г. Белгорода, проявленную смелость и отвагу. Орден вручил командир полка подполковник Распопин.

Орденом «Отечественной Войны 1 Степени» № 185473. За успешное выполнение боевой задачи и проявленную смелость в разгроме немцев при освобождении города Полтавы в сентябре 1943 года. Орден вручил командир 42 бригады полковник Скородумов.

Орденом «Отечественной Войны I степени» № 1275624. За храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и ознаменование 40-летия Победы Советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. Указ от 14 марта 1985 года. Орден мне вручил полковник Винник. Военком.

Медалью «За отвагу» № 1585342. За проявленное мужество и отвагу в боях при освобождении населенных пунктов Извоз, Годилово, Пустошка в районе города Демьянска 3-5 марта 1943 г. Медаль мне вручил командир полка подполковник Распопин.

Медалью «За боевые заслуги». За успешное выполнение боевых задач в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Медали: «За взятие Берлина», «За победу над Германией», «За освобождение Варшавы». «За Победу в Великой Отечественной войне». «30 лет Победы в Великой Отечественной

войне». «40 лет Победы в Великой Отечественной войне», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне», 55 лет Победы в Великой Отечественной войне». «За воинскую доблесть», «30 лет Советской армии и флота», «40 лет Вооруженных сил». «50 лет Вооруженных сил», «60 лет Вооруженных сил», «70 лет Вооруженных сил», «За безупречную службу I степени», «За безупречную службу 2 степени». «Ветеран Вооруженных сил», «В Память 1500-летия Киева». «50 лет армии Монголии», «Медаль Жукова», «850 лет Москвы».

По окончанию Великой Отечественной войны полк в составе 197-й легко-артиллерийской бригады выехал из Берлина 11 мая 1945 года. 13 мая полк прибыл в военный городок Нойзе - лагерь возле города Кенигсбрюк, 28 километров севернее города Дрездена. В сентябре - декабре 1945 года и в январе-феврале 1946 года учился на курсах усовершенствования офицерского состава в городе Потсдаме, Германия. По окончанию курсов прибыл в 200-й полк. В ноябре месяце 1946 года полк и бригада были расформированы. После расформирования полка продолжил службу в 20-м механизированном полку (командир полка полковник Таначаков) 8-й механизированной дивизии. Командир дивизии полковник Чиж. Меня оставили кадровым офицером Красной Армии. Я продолжал службу на должностях: командира батареи (1946-1948 гг.), начальника штаба дивизиона (1950-1953 гг.), командира дивизиона (1954-1958 гг.), учеба в Ленинградской артиллерийской академии (1959-1960 гг.), командира части оперативно-тактических ракет (1961-1968 гг.), начальника штаба, заместителя командира бригады оперативно-тактических ракет (1968-1971 гг.), начальника ракетных войск и артиллерии дивизии (1971-1973 гг.).

В 1973 году вышел в отставку в звании полковника.

После увольнения из армии работал начальником отдела на заводе «Красная Звезда» в городе Кировограде (1975-1977 гг.), начальником отдела кадров службы быта в городе Кировограде (1977-1979 гг.).

В 1980 году работал ведущим инженером Оргкомитета «Олимпиады-80» в городе Москве.

1980-1987 гг. - ведущим инженером 2 отдела Министерства лесного хозяйства РСФСР в городе Москве.

1989-1999 гг. работал в Совете ветеранов секретарем, по-

том председателем Совета ветеранов 1-й гвардейской Краснознаменной танковой армии.

Первое боевое крещение

Разгрузившись на железнодорожной станции Черный Дор, совершив марш, 7 февраля мы заняли боевой порядок. На пути движения увидели разрушенные и сгоревшие дома в населенных пунктах. Кругом было пустынно. Вдоль дороги стояли плакаты, на которых были написаны слова «Папа, убей немца», «Что ты сделал для фронта?» и другие, вызывающие душевный трепет. В коллективе молчание. Иногда кто-то произносил слова «изверги рода человеческого» и другие, выражающие презрение к немецкому солдату. Увиденное не могло не сказаться на дальнейших делах и поступках воинов. Условия на Северо-Западном фронте были тяжелые. Болотистая местность не позволяла оборудовать позиции в инженерном отношении, наблюдательные пункты занимались на деревьях, укрытия для личного состава сооружались с деревьев, чтобы защититься от осколков снарядов и мин. На дорогах сооружались настилы. Тыловые подразделения находились далеко от позиций. За продовольствием старшина батареи уходил утром, и только во второй половине дня солдаты приносили продукты. В отдельных местах при смене позиций, орудия и тягачи перекатывались орудийными расчетами. Нужно было видеть, как героически вели себя солдаты 10 февраля, когда немецкие войска пытались прорвать оборону наших частей. Командир батареи старший лейтенант Гайман, находясь на дереве, наблюдая за движением противника, руководил орудийными расчетами при отражении атаки танков и пехоты. В этом бою было уничтожено два орудия, уничтожен один танк и несколько немецких солдат. Атака немцев захлебнулась. Наша пехота и артиллеристы заставили противника вернуться на занимаемые позиции. В этом бою был ранен командир батареи старший лейтенант Гайман. Вместо него прибыл старший лейтенант Козубец С.Г.

Через 5 дней наши войска начали наступление на обороняющегося противника с целью окружить его в районе города Демьянска. Были приложены большие усилия, смекалка и мужество солдат, чтобы одолеть противника, заставить отсту-

пать. Боясь окружения, немцы оставили город Демьянск.

В этом бою были освобождены деревни Извоз, Годилово, Пустошка, Залучье. Преследуя противника, мы дошли до деревни Овчинково. Это было 5-8 марта. В этих боях понесли потери и мы. Кроме командира батареи, были ранены два солдата и сержант, поврежден один автомобиль. За проявленное мужество, отвагу и героизм многие из нас были награждены правительственными наградами. Я был награжден медалью «За отвагу». В конце марта нас выводят из состава Северо-Западного фронта. С большим трудом, перемещаясь по несколько сотен метров в день, мы добрались до реки Ловать. В ходе перемещения настроение у личного состава было хорошее. В батарее был младший лейтенант Кирпичев, москвич. Он обладал чувством юмора и хорошим голосом. С его уст звучали отрывки арий из опер и современных песен. Он был любимцем нашего коллектива. Очень жаль, что при занятии боевого порядка в районе города Орла, он был тяжело ранен и отправлен в госпиталь. Дальнейшая судьба его неизвестна. Отличались своей веселостью и шутливой остротой сержанты-командиры орудий Майстренко и Каленюк.

Встреча с «тиграми»

На Орловском направлении противник сосредоточил 37 дивизий армии «Центр» под командованием генерала Моделя. В этой группе состояло 600 тысяч солдат и офицеров, около 1200 танков и самоходных орудий, около 1100 самолетов. Оборона немцев была глубоко эшелонирована и сильно укреплена в инженерном отношении. Но главное для противотанкистов было неожиданное известие о том, что в составе танковых войск противника появились новые танки Т-6 «тигры» с прочной лобовой броней. Распространились слухи и о том, что не исключено применение немцами химического оружия. Было над чем задуматься. Наши орудия не могли эффективно вести борьбу с этими танками. Необходимо было найти новую тактику ведения боя. В этих условиях позиции хорошо оборудовались в инженерном отношении и маскировались, орудия размещались на различном удалении от рубежа обороны наших войск (шахматным порядком). Это обеспечивало возможность вести огонь по бортовой и ходовой части танка, вклинившегося в нашу оборону.

От личного состава орудий требовалась выдержка и уверенность в уничтожении танка. Мужество, отвага и героизм солдат противотанкистов, умелое боевое мастерство были проявлены в ходе наступления наших войск с 12 июля по 16 августа 1943 года. Только за 2 дня наступательного боя батареи полка уничтожили 6 танков, в том числе 2 танка Т-6 «тигр». Кроме этого было уничтожено до роты пехоты противника, 3 орудия и несколько пулеметных точек. В этом бою отличились многие воины, в том числе капитан Козубец, старший лейтенант Колесов, Корженевский. Особое мастерство в ходе боя проявили солдаты орудийного расчета старшего сержанта Каленюка, поразившие танк Т-6 с первого выстрела. Этот результат мгновенно распространился по батареям полка, что придавало большей уверенности в борьбе с танками противника. Многие воины были представлены к боевым наградам. Выработанная тактика ведения боя с «тиграми» оправдалась.

Мужество воина

При перемещении на новые позиции, орудийный расчет батареи попал под минометный огонь противника. В составе расчета было 6 человек, из них, три брата-туркмена, один украинец и двое русских. Старший из трех братьев был командиром орудия. Одна мина разорвалась у орудия. Один из братьев по имени Давлет, получил 12 осколочных ран. Нужно было видеть, передать это невозможно, как держал себя Давлет, превозмогая боль. Пока ему делали перевязки, собрав бинты у каждого из нас, он не проронил ни малейшего звука. Иногда слышен был вздох. Его забинтовали с ног до головы, положили в машину и отправили в ближайший медсанбат, а оттуда его госпитализировали. По выздоровлению его отправили домой. Для него война была закончена. Это был август 1943 года. Месяца через три Давлет написал письмо братьям на фронт, в котором сообщил, что приехал домой, встретили его хорошо. Главное о чем писал Давлет, что не может смириться с тем, что на фронт больше не попадет, что не может помочь братьям в их боевых делах. Воины 1-й батареи помнили Давлета и восхищались его характером, смелостью и мужеством. Глядя на него со стороны, было такое впечатление, что он не обращал внимания на разрывы бомб и снарядов, на зло-

вещий лязг металла, спокойно выполнял свои обязанности заряжающего орудия при ведении огня. Таких воинов артиллеристов-противотанкистов у нас было много.

Освобождение города Кировограда

В ходе осеннего наступления войск 2-го Украинского фронта по освобождению Украины в 1943 г. противник оказывал упорное сопротивление. Наши войска перешли к обороне. Продолжение наступательной операции по освобождению Украины, в том числе города Кировограда, началось 5 января 1944 года. 200-й артиллерийский полк, в котором я проходил службу, на время операции придавался 27 стрелковому корпусу для оказания огневой поддержки в ходе наступления. В ожесточенных боях на пути к городу Кировограду батареи полка уничтожили 3 танка, 2 бронетранспортера, 1 миномет, 2 артиллерийские батареи и несколько десятков солдат противника. Обойдя город Кировоград с севера и юга, наши войска 7 января подошли к городу. 8 января Кировоград был освобожден.

В ходе дальнейшего наступления 1-я батарея 200-го полка с передовыми отрядами 204-го стрелкового полка освобождает деревни: Баландино, Каханивка, Оситняжка. 10 января на пути продвижения 1 батареи находились 2 танка, артиллерийская батарея, до роты пехоты противника. 1-й взвод батареи лейтенанта Федоенко П. С., обойдя позицию батареи немцев с фланга, нанес огневой удар. В результате 2 орудия и личный состав расчета были уничтожены. Это была неожиданность для немцев. 2-й взвод 1-й батареи открыл огонь по пехоте и танкам. Не выдержав шквального огня, пехота и танки противника отступили, оставив на поле боя 7 убитых солдат. В боях отличились: младший сержант Юшков, сержант Барыкин, ефрейтор Лесков. Батарея тоже понесла потери. Ранены 2 солдата и сержант.

В результате ожесточенных боев Кировоградская группировка была уничтожена. Город Кировоград был освобожден.

В городе Кировограде в период с 1962 по 1968 год я проходил службу в должности командира дивизиона оперативно-тактических ракет. Здесь семья проживала до 1979 года. Я вернулся в Кировоград в 1973 году.

О награждении орденом Красного Знамени

После ликвидации Корсунь-Шевченковской группировки 17 февраля 1944 года, с 5 марта по 18 апреля проводилась Уманско-Ботошанская наступательная операция с целью освобождения Юго-Западной части Украины. Наступление началось 5 марта. На 3-й день в ходе боев наши войска, преодолели оборону противника, форсировали реку Южный Буг, начали преследовать отступающие войска немецкой Группировки. Батареи 200 артиллерийского полка 42 артиллерийской бригады 13 артиллерийской дивизии обеспечивали боевые действия 748 стрелкового полка 206 стрелковой дивизии, участвовавшей с 10 по 15 марта в освобождении городов Умань, Тульчин, Христиновка.

В ходе наступления наши части вышли к реке Днестр. 1-я батарея 200 артиллерийского полка в составе передового отряда 748 стрелкового полка 206 стрелковой дивизии 17 марта форсировала реку Днестр, отражая атаки пехоты и танков противника, обеспечила переправу основных сил полка южнее города Могилев - Подольский.

В результате проведенной операции, наши войска освободили города Могилев-Подольский, Черновцы, форсировали реку Прут и 28 марта вступили на территорию Румынии. В ходе наступательных боев личный состав 1-й батареи проявил стойкость, смелость и отвагу по обеспечению выполнения задач 748 стрелкового полка. В этих боях уничтожено 3 танка, 1 самоходная артиллерийская установка и несколько десятков солдат противника.

Продолжая наступление, к середине апреля наши части овладели городами Ботошани, Хэрлэу, Чаплинцы и вышли к реке Сирет. 7 мая 1944 года противник крупными силами атаковал части 206 стрелковой дивизии в районе Тыргу-Фрумос. Это была попытка отбросить наши войска с предгорья Карпат. Угрожающее положение сложилось на левом фланге дивизии, где занимала огневые позиции 4 батарея 200 артиллерийского полка. Батарее нужна была срочная помощь. Сменив занимаемый боевой порядок, 1-я батарея, которой я командовал, вступила в бой с атакующим противником. Своими действиями личный состав батареи помог 4 батарее и 748 стрелковому полку удержать занимаемый рубеж. В этом бою батарея унич-

тожила 2 танка, 4 пулеметные точки. Общими усилиями наступление противника было остановлено.

В боевом отзыве командира 206 стрелковой дивизии в числе отличившихся по обеспечению боевых действий дивизии в ходе наступления, названа моя фамилия - командира 1-й батареи старшего лейтенанта Жебита А.А.

Немецкое командование продолжало готовиться к очередной попытке наступления. Напряженным оказался июнь месяц.

1 июня в 1.30 ночи командир 13 артиллерийской дивизии генерал Краснокутский приказал 200-му артиллерийскому полку занять противотанковую оборону в полосе обороны 33 стрелкового корпуса в районе Ларга, Епурени. После бомбовых ударов по позициям наших войск, немецкая пехота и танки пошли в атаку. Личный состав батарей полка не дрогнул. Отступать было некуда. Орудийные расчеты, презирая смерть, вели меткий огонь по танкам противника. Пехота была отсечена и залегла. В результате противник был остановлен и отброшен. Замысел его был сорван.

Очередной удар противника был перенесен в район Типилешти, куда в срочном порядке переместился 200-й полк.

Утром 4 июня противник группами 25-30 самолетов бомбил позиции наших войск, а затем, после артиллерийской подготовки, перешел в наступление. Когда танки немцев подошли на расстояние 700 метров, орудийные расчеты открыли шквальный огонь. Уничтожено 4 танка. Пехота противника залегла, а затем, не выдержав огня артиллерии, танков и пехоты наших войск, отступила.

В этом бою мужество, отвагу и героизм проявили офицеры, сержанты и рядовые солдаты батареи. Отличились командиры орудий сержанты Каленюк, Буровцев и орудийный мастер старший сержант Скударнов.

В ходе ожесточенных боев при отражении атаки танков, я был ранен и отправлен в госпиталь.

За умелое выполнение боевых задач и проявленное мужество, отвагу и героизм многие воины 200-го артиллерийского полка были награждены боевыми орденами и медалями. Я награжден орденом Красного Знамени. Вручение ордена состоялось в госпитале начальником политотдела 42-й артиллерийской бригады.

Неожиданные сражения

На завершающем этапе Великой Отечественной, части, соединения и объединения готовились заранее - с августа по декабрь 1944 года. С учетом проведенных операций под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге, при освобождении города Киева, форсировании реки Днепр, ликвидации блокады Ленинграда и других, Верховное Главнокомандование, Генеральный Штаб определили, кто будет действовать на каких направлениях. Так, в этом перечне оказались генерал Чуйков, Рокоссовский, Конев, Катуков и другие. Главная роль отводилась 1-му Белорусскому фронту под командованием Маршала Советского Союза Жукова Г.К.

Части и соединения пополнялись более совершенным вооружением, в некоторых происходили штатные изменения. Так, в составе 1-й гвардейской танковой армии появилась 197 артиллерийская бригада, в которой 200 полк был вооружен 100 мм пушками БС-3 образца 1944 года, которые были предназначены для борьбы с тяжелыми танками и самоходными установками противника. Полк стал называться 200 пушечно-артиллерийский полк.

1-я танковая армия на этом этапе Великой Отечественной войны, должна была действовать на острие главного удара.

После прорыва обороны противника 8 армией генерала Чуйкова, 1-я Гвардейская танковая армия под командованием генерала Катукова М. Е. вводилась в сражение по 4 направлениям. Передовые части армии и 200 артиллерийский полк под командованием подполковника Распопина Н.А. в высоком темпе, обходя узлы сопротивления противника, продвигались на Запад. 1-я батарея часто придавалась 1-й танковой бригаде полковника Темника и частям 11 танкового корпуса. Маршруты передовых частей 1-й танковой армии часто пересекались с маршрутами отступающих частей противника. Возникали неожиданные бои. 20 января 1945 года форсировав реку Варта в районе города Слупца, танкисты попали под огонь зенитной батареи противника. Повреждено 2 танка, погибло 4 десантника. Прибывшая 1 батарея была приведена в боевое положение, несколькими залпами уничтожила готовящуюся к отходу зенитную батарею. Это было также внезапно, как и поражение

танков. Уцелевшие немецкие солдаты убежали, оставив на позиции убитых и раненых, разбитые орудия и машины с боеприпасами.

4 марта батареи полка вышли в район города Шифельбайн и заняли боевые порядки в ожидании дальнейших задач. Утром 5 марта колонна немцев двигалась по дороге, где недалеко была позиция 5 батареи. Самоходные орудия немцев открыли огонь по батарее. Батарея вынуждена была отходить. Батареи полка, расположенные в стороне от дороги, огнем прямой наводки уничтожили 2 самоходных орудия противника. Немцы пошли в атаку на 2 батарею старшего лейтенанта Чиканова. Группа мотопехоты немцев начала атаковать штаб полка. Заместитель командира полка, майор Садов, собрав личный состав батареи управления полка тыла, штаба полка. Вступил в бой с противником. Остальные батареи также вступили в бой с атакующим противником. В короткой схватке группа майора Садова отбросила атаковавшую пехоту от штаба полка. 2-я батарея была захвачена немцами. Огнем самоходных установок было разбито 2 орудия, смертельно ранен командир батареи старший лейтенант Чиканов. Группа майора Садова пополнилась солдатами и сержантами взводов управления батарей, пошла в атаку на немцев, захвативших 2-ю батарею. На группу Садова обрушился шквал огня. Сраженный осколками снаряда падает майор Садов Александр Степанович. Совместными усилиями полка позиция батареи была очищена от немцев. Противник не выдержал отважных действий личного состава полка. Часть из них разбежались в неизвестном направлении, часть сдалась в плен. В результате боя противник потерял: самоходных орудий - 16, 3 батареи 105 мм орудий, орудий разных калибров - 10, убито свыше 500 солдат и офицеров, взято в плен 280 человек. Потери полка: убито офицеров - 4, сержантов и солдат - 13, ранено - 52 человека, разбито орудий - 2, автомобилей - 2.

Неожиданность для противотанкиста

18 марта 1945 года 11-й танковый корпус 1-й Гвардейской танковой армии и 200-й пушечно-артиллерийский полк были направлены в район городов Гдыня и Данциг. Мне была поставлена задача занять позиции на берегу Балтийского моря

для ведения огня прямой наводкой. Остальные батареи занимали позиции для стрельбы по Гдыне и Данцигу. Утром 19 марта разведчики доложили, что немецкие корабли покидают порты и уходят в сторону косы в Балтийском море. Для ведения огня по отходящему противнику необходимо было определить расстояние до кораблей. Для меня это было первое испытание по определению дальности до цели на морской глади. Я, конечно, ошибся, так как первые снаряды упали на половине расстояния до цели. Помогли девушки зенитной батареи, которая находилась почти рядом с нами.

Своим 2-х метровым дальномером они определили дальность до кораблей и передали нам. После нескольких залпов 100-миллиметровых орудий один корабль был поврежден и потоплено 4 баржи, что явилось неожиданной радостью для личного состава батареи. После получения письменного подтверждения штаба зенитного полка я доложил командиру бригады о результатах боя. Связь с полком была прервана. На следующий день командир бригады полковник Караичев прибыл на позицию батареи. Результатом он был доволен. Расспросил, как все происходило. Личному составу объявил благодарность и выразил всем нам добрые пожелания на предстоящие бои. На берегу Балтийского моря батарея находилась до 28 марта.

От десятидневного пребывания на берегу Балтики в памяти осталось здание кафе, находившееся недалеко от позиции батареи, морская гладь, голубое небо и стоящие на горизонте боевые немецкие корабли.

Штурм Берлина

О том, что близок конец войне, мы почувствовали в декабре месяце 1944 года, когда войска 1-й гвардейской танковой армии, в том числе 200-й полк 197-й артиллерийской бригады, сосредоточились перед Магнушевским плацдармом и вошли в состав 1-го Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза Жукова Г.К.

Оборону на Магнушевском плацдарме осуществляли войска прославленной 8 армии под командованием генерала Чуйкова В.И.

Войска, входившие в состав 1-го Белорусского фронта в

августе-октябре 1944 года, прошли тщательную подготовку к предстоящей Висло-Одерской операции. После прорыва обороны немцев войсками 8 армии, 1-я гвардейская танковая армия под командованием генерала Катукова М.Е. вводилась в прорыв по 4-м направлениям с задачей разгромить противника и выйти к реке Одер. Преодолевая сопротивление противника, войска 1-й танковой армии через 2 дня начали развивать высокий темп наступления, доходивший порой до 70 км в сутки. Это свидетельствовало о значительном превосходстве наших войск над силами противника. Это вселяло уверенность в нашу скорую победу. Мы жили этой мыслью, этим желанием и делали все от нас зависящее в битве с врагом.

И вот перед нами река Одер, Кюстринский плацдарм, Зееловские высоты, река Шпрее, пригород города Берлина Улинхор.

Берлинский оборонительный район включал в себя 3 оборонительных обвода - внешний, внутренний и городской. Город был разбит на 9 секторов. Наиболее тщательно был подготовлен центральный сектор, включавший в себя основные государственные и административные учреждения, включая Рейхстаг и имперскую канцелярию. Все оборонительные сооружения, позиции соединялись ходами сообщения. Для маневра силами широко использовалось метро. Дома города были превращены в неприступную крепость. Основу боевых порядков наших войск составляли штурмовые группы, куда входили пехота, танки и артиллерия для стрельбы прямой наводкой. В состав штурмовых групп от 200 полка выделялись три батареи: 1-я батарея, которой командовал я, 3-я батарея - командир батареи старший лейтенант Садовой и 5-я батарея - командир батареи старший лейтенант Киселев. Бои в Берлине были сложные, тяжелые. В домах, переходах, траншеях находились снайперы, пулеметчики, фаустники. Передвигаться было очень опасно. Невозможно было предвидеть, откуда будет выстрел. Огонь с орудий велся быстро, не задерживаясь на виду. Для обеспечения передвижения и безопасности наших войск, разрушались дома. Перемещение орудий производилось в темное время. Продвижение в день было 100-200 метров. Малейшая неосторожность приводила к потерям. Боевые расчеты выходили к орудиям в сокращенном составе. Личный состав взводов управления батарей находился в переходах,

подъездах домов в готовности вступить в бой с противником. Иногда борьба доходила до рукопашной схватки. 25 апреля шел бой по очищению Трептовштрассе и Визерштрассе.

При перемещении орудия 5-й батареи сержанта Лихачева на новую позицию, противник выстрелом из фауст-патрона вывел из строя весь орудийный расчет. Погиб командир батареи старший лейтенант Киселев.

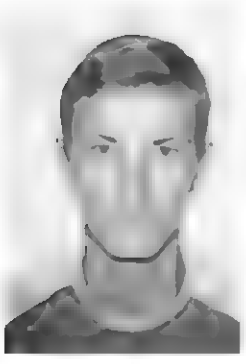
26 апреля был очищен район Урбанштрассе. Наши подразделения овладели Ангальским вокзалом. В этом бою у железнодорожного моста был смертельно ранен командир 3-й батареи старший лейтенант Садовой.

27 и 28 апреля продолжались бои в кварталах парка Тиргартен.

В последние дни наши штурмовые отряды, группы продвигались быстрее. 2 мая противник прекратил сопротивление. Берлин пал.

Потери боевых друзей Николая Садового и Киселева в канун завершения Великой Отечественной войны я перенес с глубокой болью. Они и сегодня перед моими глазами. Невозможно забыть и санинструктора батареи Женю Толмачеву - любимицу полка, оказывавшую нам помощь при ранениях. Прошли годы. В составе Группы Советских войск я прослужил 11 лет, бывал во многих городах ГДР, в том числе и Берлине, но и сегодня перед моими глазами Берлин - это разрушенные дома, горы камня и обломков разрушенных домов и очищенные от завалов проезжие части улиц.

Март 2003 г.



В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Обозов Алексей Александрович,*** *студент 1-го курса, Московского авиационного института (Технического университета)*

Захарчук Евгения Васильевна

Внезапно небо заполнил гул самолётов

Я родилась в 1926 году на Украине в городе Житомире. По национальности – украинка. Христианского вероисповедания. Была членом комсомола. Я прошла всю Великую Отечественную войну от 1941-1945 годов.

До войны окончила школу в 1938 году. Затем поступила в медицинское училище, которое окончила в 1941 году. Узнала о начале войны в 1941 г. от беженцев западной Украины, перебиравшихся с семьями и имуществом в глубь страны. Затем начались массовые бомбардировки города Житомира и Киева.

Начала участвовать в боевых действиях добровольцем. Пришлось прибавить себе три года, чтобы попасть на фронт, так как на начало войны мне было лишь шестнадцать лет. Прибыла в 1941 г. в 9-й дорожно-эксплуатационный полк, который был сформирован как запасной. Почти сразу же полк принял участие в боевых действиях в связи с быстрым продвижением немецкой армии в глубь страны. Из-за нехватки медицинского персонала выполняла функции медицинской сестры и фельдшера. Следила за качеством пищи и питьевой воды. Прослужив в полку полгода, получила звание лейтенанта. Затем полк был расформирован, после чего была переведена на службу в авиационную часть 12-го полка. Там же была разжалована до звания рядового.

Проходила службу под командованием полковника Бошко, затем командира дивизии Богданова, далее полковника Трубина, после полковника Рассказова.

В 12-м авиационном полку выполняла обязанности медицинской сестры, а также рядового солдата, охраняла боевой пост, ангар и взлетную полосу. Также, имея десять боевых вылетов, выполняла обязанности радиста и пулеметчика на бомбардировщике. Получила звание гвардии сержанта. До конца войны оставалась в летных войсках.

Боевой путь проходила через город Житомир (1941 г.). Город Сталинград (1942-1943 г.). Город Монино (1943 г.). Город Минск (1943 г.). Город Орша (1943 г.). Город Злинка (1944 г.).

Вела освободительные бои на 1-м и 2-м Украинских фронтах, затем на 1-м и 2-м Белорусских фронтах, в Польше, в Австрии, в Эстонии (Прибалтийский фронт).

Участвовала в сражениях на территории Германии при взятии города Гамбурга.

Военные боевые действия закончила в Германии 9 мая 1945 года в городе Гамбурге, в звании гвардии сержанта.

В начале 1944 года в Польше получила боевое ранение в левую руку из пулемета при авиационном обстреле авиабазы, находясь на посту. Была задета надкостница левой руки. Ранение перенесла на ногах при амбулаторном лечении, не покидая свой полк.

Возвращалась с войны в 1945 году эшелоном через страны: Австрию, Польшу, Эстонию, Украину, Россию.

Была награждена орденом Отечественной войны II степени за исполнение воинского долга, орденом Красной Звезды, Гвардейским значком за участие в боевых действиях, Медалью за окончание войны. Также имеются все юбилейные медали.

В войне погиб родной брат Захарчук Петр Васильевич 1924 года рождения, в боях под деревней Прохоровка на Курской дуге. Сгорел с экипажем в танке, был водителем танка. Это был его первый бой. Осталась в живых мать, участница войны, Захарчук Александра Трифоновна. Она занимала должность машинистки штаба.

По окончании войны вышла замуж за летчика Валерия Ивановича Челознова. После его смерти написала о нем статью, в которой рассказывалось о его подвигах, в частности, о

том, как в Талине был подвергнут ночной бомбардировке театр, где собралась немецкая, латышская и эстонская элита с женами. За эту операцию муж получил орден Красной Звезды. Статья была опубликована в местной мытищинской газете, после отказа в публикации ее в военной газете «Красная Звезда».

В девятом дорожно-эксплуатационном полку

Когда я только начала службу, дорожно-эксплуатационный полк наводил переправу через реку Дон. За ночь была полностью наведена переправа, и под утро начался переход военных сил. Внезапно небо заполнил гул самолетов. Немецкая эскадрилья начала массовую бомбардировку переправы и близлежащих районов. Так повторялось несколько дней. Было очень много убитых и раненых.

1. Умерший герой

После ожесточенных воздушных боев на взлетную полосу базы приземлился самолет с тяжело раненным пилотом. Мы бросились к самолету для оказания помощи пилоту. Открыв кабину пилота нас потрясло то, что мы увидели. Пилот оказался уже мертв. После этого у каждого из нас было очень тяжело на душе, ведь все мы бежали к самолету, надеясь на лучшее. Геройский поступок пилота не мог не запасть в душу и, по моему мнению, он достоин восхищения, ведь пилот посадил самолет ценой своей жизни.

2. Не взлетевший самолёт

После окончания войны с аэродрома в Альпах самолеты переправляли советских военных с семьями в Советский Союз. На одном из этих самолетов хотела улететь и я, но не попала на него из-за нехватки мест. После взлета самолет не успел набрать нужную высоту, так как был перегружен, и врезался в скалу. Весь экипаж и пассажиры, 28 человек, погибли. Я отчетливо помню, как на посадку на этот самолет мимо меня проходил счастливый молодой офицер со своей беременной женой. После увиденного, я должна была благодарить Бога,

что не попала на этот самолет и в результате осталась жива, но вместо этого в горле стоял горький ком.

В Сталинградской битве принимала участие как радист. Имею медаль «За оборону Сталинграда».

Погибшему брату, Захарчуку Петру Васильевичу, сгоревшему живьем в танке Т-34 во время боя, было всего 18 лет. Он числится в списках погибших во время сражения на стелле-памятнике и в поминальной книге церкви под городом Курском, построенной на земле, политой кровью и искореженным железом танков.

Проезжая мимо этого побоища, поезд замедляет ход и объявляют о подвиге воинов, сражавшихся на этом плацдарме.

В Белоруссии жила вместе с мамой на территории бывшего концентрационного лагеря, где немцы содержали всех военнопленных. В этой «гостинице» было неимоверное количество блох, от которых мы спасались растущей на поле полынью. Представляю себе, как эти насекомые съедали военнопленных, которые не могли выйти за дверь за спасательной растительностью.

В составе 196 Гвардейского полка была участницей боев на Прибалтийском фронте, который тщательно охранялся немцами и на земле и на небе, в частности, в воздухе были поставлены дирижабли, наполненные взрывчаткой, соединенные между собой тросами-невидимками, ночные бомбардировщики попадали в ловушки, когда летали на г.Турку, г.Хельсинки.

Участие принимала в обороне г. Киева. Видела воздушный бой наших и немецких ассов (1942 г.), в этом бою и мою машину зацепила немецкая пуля, пробив бензобак, а я ехала за пополнением медикаментов. Воздушный бой длился минут 15, и был сбит немецкий стервятник.

Апрель 2003

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Нагих Роман Николаевич****, курсант 3-го курса, факультета ТЭС/кафедры военного обучения Московского Государственного Строительного Университета.*

Зимин Николай Алексеевич

И решили взять «курошшупа»

Я родился в 1923 году в селе Ложникого, Балейского района, Читинской области.

Вероисповедание: православный.

С 1938 г. член комсомола, с 1943 г. – член КПСС

В 1940 г. окончил фабрично-заводскую школу по специальности электротехник. В январе 1944 г. окончил Военно-политическое училище.

В 1951 г. закончил Военно-политическую школу МГБ.

Находился в золотодобывающей шахте, когда поступила команда выключить все оборудование и подниматься на поверхность; шахту затопило, и поднимались по ходкам (лестницам). Наверху сообщили, что началась война. В это время занимал должность электротехник горизонта (этаж в шахте).

Попал в армию по призыву. На место призыва - 77-й разъезд Борзянского района Читинской области - прибыл 2 марта 1942 г.

Соединение отправили на фронт в конце июня 1942 г. В этот момент был в звании рядовой красноармеец 321-й стрелковой дивизии (82-й Гвардейской дивизии – переименована после Сталинградской битвы) 242-го полка подразделения пешей разведки. Командир взвода - Савчук (погиб). Подчинялись непосредственно командиру полка Епанчину Александру Дмитриевичу (в дальнейшем – командир дивизии).

С места призыва поездами ехали до Сталинграда. Не доезжая 200 километров (станция Грязи, узловая, развилка на Воронеж) эшелоны подверглись массированной бомбардировке – дальше ехать было нельзя, и 18 эшелонов (16 тысяч человек) вынуждены были пешком идти до Сталинграда. В это время Сталинградский фронт имел протяженность 700 километров, и было принято решение разделить его на три фронта: Юго-Западный, Сталинградский и Донской (организован 4 августа 1942 г.). Наша дивизия отошла к Донскому фронту в 5-ю армию. Рокоссовский приказал Юго-Западному и Сталинградскому фронтам двигаться дальше, а Донскому – уничтожить окруженную группировку немецких войск.

Заняли станицу Клетскую, станцию Лихую, село Гуково, областной город Ворошиловград (Луганск), город Изюм (на реке Северский Донец), большую станцию Барвенкого (12 сентября 1943 г.), Запорожье (14 октября 1943 г.).

Дальше дивизия совершила марш бросок на 1-й Белорусский фронт (1944 г.). Меня же после взятия Запорожья вызвали в штаб и отправили в Военно-политическое училище (январь 1944 года). После (в ноябре 1944 года) я был направлен на 3-й Белорусский фронт (Восточная Пруссия); участвовал во взятии города Гумбенина (Гусева – переименован в честь генерала Гусева, погибшего при взятии) – зима 1945 года; Инстенбурга (Черняховска – назван в честь гибели маршала); Кенигсберга: сильные укрепления противника, подземные предприятия, воинские расположения (около 25 апреля 1945 года). Тут погибли Ватутин, Чернявский – командующий фронтом. Далее дивизию перевели на Дальний Восток, я же остался в Кенигсберге.

Дальнейшая служба (после училища) проходила в составе 57-й дивизии НКВД (задача – охрана тыла действующей армии). Мы взяли под охрану железную дорогу, ведущую на Кенигсберг, и все тылы нашей армии, потому что многие немцы оставались в лесах и нападали на войска обеспечения (кухни, обозы). Военные действия закончил в звании младший лейтенант под командованием капитана Терентьева.

В 1947 году был переведен в Литовскую республику в отряд по борьбе с бандой Сметоны (бывшего руководителя Литвы – после присоединения Литвы к нам в 1940 году бежал в Англию, во время войны организовал банду для борьбы за не-

зависимость Литвы). В Литве я прослужил до 1950 года, после чего (осенью) уехал в город Саратов в Военно-политическую школу имени Ворошилова при МГБ (годовой курс). Оттуда направили в Германию в войска МВД по охране оперативных секторов, после чего два года охранял шахты по добычи урановой руды.

Оттуда в 1956 году переведен в Москву, где поступал в Военный институт МВД – не приняли с контузией, поступил на заочное обучение. В это время в Германии расформировали воинские части, всех офицеров уволили, а меня, так как поступил в институт, направили с понижением в 1-й стрелковый полк, в специальный батальон по охране особо важных объектов. Оттуда в 1960 году был переведен в город Реутов во 2-й стрелковый полк дивизии имени Дзержинского.

Демобилизовался в мае 1963 года – уволен по болезни. Был трудоустроен на 46-ю базу в воинскую часть №52249 на должность заместителя начальника военизированной охраны.

Основная задача взвода нашей разведки – давать данные о противнике, захват языка. Много уделяли внимания расположению обороны противника (траншей, дотов, дзотов, установок пулеметов, артиллерии, стыков между подразделениями). С этой целью выставляли наблюдателей. Службу они несли днем и ночью. По нашим данным командование полка хорошо знало оборону противника. Когда противник отступал, а наши части иногда двигались колоннами, взвод разведки на удалении 10-15 километров шел впереди, выставляя по флангам и впереди дозоры, и как только обнаруживалось, что противник засел в оборону, сообщали своим, и они развертывались в боевой порядок.

Был у нас такой случай: на окраине одной деревни мы зашли в школу. Было примерно 24 часа. Затопили железную печку. Жители сказали, что все немцы еще днем село покинули. Выставили два поста охраны (нас было двадцать человек). Стали сушить портянки и одежду. Вдруг на дворе началась стрельба. Мы раздетые стали выпрыгивать кто в окно, кто в дверь, а на дворе зима, снег. Видим: лежат немцы и ведут стрельбу по нашим часовым, наши отвечают. Мы немедленно открыли огонь, хотя были почти голые. Их было пять человек. Всех убили, у нас потерь не было.

Много раз нам приходилось вести открытый бой в период ликвидации окруженной под Сталинградом немецкой группировки. Кроме того, мы сопровождали на сборные пункты большие группы военнопленных.

Взвод в полку пользовался большим авторитетом, особенно командир взвода старший лейтенант Савчук. Когда он погиб в одном из боев, для нас это было большое горе.

Курьезный случай, произошедший во время войны. Станица Клетская занята нашими войсками, а село Мала Клетская – немцами. Каждую ночь наши войска проводили разведку боем. Получалось так, что ночью немцы оставляли станицу, и ее занимали наши, а утром – наоборот, и так было двенадцать раз, и лишь один раз захватили раненого немца, правда, он мало что дал. И вот однажды, вернувшись в Клетскую, мы обнаружили, что одного из наших нет.

Следующей ночью было решено найти его тело и перенести в расположение наших войск. Тело не нашли, но когда вернулись в Клетскую, обнаружилось, что он среди нас. Выяснилось, что в ночь, когда он пропал, он, зайдя в сарай, провалился в подвал и потерял сознание.

Когда очнулся, в селе уже были немцы, и выбраться не было ни малейшей возможности. До наступления темноты привел в порядок оружие, форму, и ночью, услышав наше «Ура!», выбрался наружу.

А так как живым его никто уже увидеть не надеялся, и искали тело, то и обнаружили его, только вернувшись в Клетскую.

Еще помню случай, когда я сильно испугался. Послали нас – двенадцать человек – взять языка. А с передовой захватить человека очень трудно, и решили взять «курошшупа» – то есть пробраться за линию фронта и поймать немца, пошедшего за молоком или едой. Три или четыре дня сидели в укрытии и наблюдали за передовой. Заметили, что линия фронта не сплошная, а есть как бы стык: метров 300-400 пространства между расположениями противника, которое охранялось с флангов.

Ночью решили в этом месте пересечь линию фронта. Передвигаясь уже по территории противника, один из нас услышал немецкую речь. Все одновременно тут же упали в траву и

затаились – рядом проходила рота немецких солдат. Отчетливо помню, что лежал и боялся, что немцы услышат стук моего сердца, так сильно оно колотилось: стоило одному из них отойти на несколько метров в сторону по нужде, и нас бы заметили, а нас всего было двенадцать человек.

Медалью «За отвагу» №491011 награжден 17 июня 1943 года за переправу через реку Северный Донец (под Ворошиловградом): переправа через реку была осложнена тем, что берег противника возвышался над нашим.

Семь наших лодок были сразу же потоплены прямыми попаданиями.

В каждой лодке было примерно по двадцать человек. Тем, кто пробрался к вражескому берегу (он представлял собой крутой обрыв, и немцы сверху не могли вести огонь по подножию обрыва), требовалось питание.

Перевезти провизию лодкой не представлялось возможным (ночью река освещалась ракетами) и было решено доставить на тот берег канат, чтобы потом перетянуть еду под водой. Выбор пал на меня, так как я был из Сибири и плавал хорошо.

Мне привязали к руке канат, я разбежался и прыгнул в воду, но проплыл под водой всего метра три и вынырнул, сразу попав под обстрел противника. Ближе к вражескому берегу стреляли меньше, но я все равно старался держаться под водой как можно дольше и вынырнул уже у самого берега, где меня ранило осколками разорвавшейся рядом мины.

И тут же второй миной меня контузило. Я пролежал без сознания в окопе двое суток. Когда меня перевезли на наш берег, меня тут же наградили и сразу же отправили в госпиталь.

Медаль «За боевые заслуги» (без номера) я получил в сентябре 1943 года. Нашей разведгруппе была поставлена задача: установить расположение огневых точек противника, наличие его личного состава. Награда выдана за выполнение задачи.

Медаль «За боевые заслуги» №836648 была выдана в ноябре 1947 года за выполнение специальных боевых заданий по борьбе с бандитизмом. Медаль заменена в 1954 году.

Медаль «За участие в героической обороне Сталинграда» №39011 вручена 28 июня 1943 года.

Статьи:

- «Прошли сквозь огонь пот и кровь». Литературный аль-

манах №8, «Ступенька», Москва, 2000 г., стр. 62.

- «Живая память. Встреча через 58 лет». Литературный альманах №9, «Ступенька», Москва 2000 г., стр. 117.

- «Помним грохот орудий». Газета «РЕУТ» от 19 января 2001 года.

- «Выстояли и победили». Журнал «Ситуация», №25, 1999 год.

Статьи обо мне:

- Тамара Логинова «О доблестях, о подвигах» // Вестник «Радио-информ», 22 февраля 2001 год

- А. Ярцева «Братья-забайкальцы – защитники отечества» Литературный альманах №12, «Ступенька», Москва, 2002 г., стр. 77

Май 2003 года.

*В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Афонин Илья Анатольевич,** курсант 3 курса факультета военного обучения Московского Энергетического института*

Кагарманов Александр Фазылович

Их очень не любили наши лётчики

Я родился 8 сентября 1926 года в селе Усть–Буконь Восточно–Казахстанской области. Ныне это село находится на дне Бухтумского водохранилища. Национальность - татарин. Не верующий. Беспартийный.

В 1934 году поступил в школу в селе Кумашкино Курчумского района.

О начале Великой Отечественной войны я услышал, зайдя домой с улицы, где мы играли с ребятами, по радио из выступления Молотова В.М. вечером 22 июня 1941 года. И тут же сообщил родителям, находившимся на улице. Это было время летних каникул после окончания седьмого класса.

В 1943 году окончив девятый класс, по предложению первого секретаря райкома комсомола Мануйлова (за точность фамилии не ручаюсь), мы, пять школьников, окончивших девятый класс: Гусынин Василий, Кагарманов Александр, Светочев Николай, Фесенко Василий (мой друг детства) и Шевляков Иван изъявили желание поехать в военно-морское училище. Это было в конце июля 1943 года.

Однако нам не суждено было поступить в военно-морское училище, так как нам по прибытии в город Усть-Каменогорск (он к тому времени уже был областным центром) сообщили, что мы опоздали на один день. Но предложили поехать в воен-

но-авиационное техническое училище. Это училище имело имя Селищенское и находилось в городе Петропавловске (Казахстан). Из нас пятерых после медицинской комиссии осталось только двое: я и Светочев Николай.

Не помню, когда это было, но точно знаю, в конце 1943 года мы приняли присягу. В мае сдал государственный экзамен на должность механика - авиационного, с присвоением звания «сержант».

Примерно в июне - в начале июля, мы, группа окончивших Селищенское военное авиационно-техническое училище, прибыли в 25 запасной авиационный полк, дислоцировавшийся в городе Лебедине, под Киевом. Оттуда в июле 1944 года был направлен на фронт в штурмовую дивизию, которой командовал генерал-майор Витрук, в в/ч 10287 — т.е. истребительный полк сопровождения, которым командовал майор Мусатов. Полк дислоцировался на аэродроме города Тернополя. Это было во время завершающегося этапа Сталинского удара на Львовско-Станиславском направлении.

Участвовал в составе 2-го и 3-го Украинских фронтов. 3 – им Украинским фронтом командовал генерал-полковник Толбухин.

Вскоре началась Ясско-Кишенёвская операция. И так как наша дивизия находилась в ставке Верховного главнокомандования, нас перебросили (примерно в августе 1944 года) для участия в этой стратегической операции. Боевые вылеты наших самолётов происходили с аэродрома Унгены на берегу реки Прут.

Да, после завершения Львовско-Станиславской операции нашему истребительному полку было присвоено гвардейское звание под №168. Мы давали гвардейскую присягу. После Ясско-Кишенёвской операции были боевые действия наших самолётов на полях сражений под Тиссой и Дунаем. Командовал нашей частью, после гибели Мусатова, майор Калинин.

Останавливалась наша часть в городах: Плостоши, Бухарест, Турнусеверин, Белоцерковь, Белград (аэродром Зимун). Участвовали в освобождении столицы Югославии города Белграда.

Когда нашу часть перебросили на аэродром города Нови Сад, к нам прикрепили югославских лётчиков и техников. Вместе с ними мы принимали участие в сражениях на озере

Балатон.

Это были наши последние боевые действия в Великой Отечественной войне, так как по приказу Верховного главнокомандования мы передали наши самолёты обученному нами лётно-техническому составу югославских войск.

В мае 1945 года после окончания ВОВ мы были перебазированы в Венгрию. Оттуда нас должны были перебросить на Дальний Восток. Однако окончание войны с Японией застало наш эшелон на станции Крюково (Украина). В связи с изменившейся ситуацией мы были переброшены в город Ленинакан (Армянская ССР) на Советско-Турецкую границу. Там мы приняли самолёты Як-3, которые вскоре заменили на Кингкобры — «утюги», в приёме которых я участвовал в городе Кубинка и Ярославле.

Их очень не любили наши лётчики. Несколько молодых, вновь прибывших лётчиков, разбились на этих «утюгах», из-за выхода из строя моторов.

Демобилизовался из армии в 1950 году. Город Ленинакан. Прибыл в село Кумашкино, Курчумского района в 1950 году. Поступил на работу счетоводом райсобеса. В том же году поступил в вечернюю школу в 10 класс, который окончил в 1951 году. В том же году поступил учиться в Московское Высшее техническое училище (МВТУ) им. Н.Э. Баумана.

Особо запомнившимися эпизодами войны были: сражение под Балатоном, освобождение Белграда и первый ремонт самолёта Як-6. Не помню сколько я возился с ним, но он был подготовлен к боевым действиям. Первый полёт мой лётчик Волынский совершил на нём на передовую с разведывательной целью. Так началась моя фронтовая жизнь.

Больше особо запомнившихся событий выделить не могу, так как многое стёрлось из памяти.

Награждён:

1. Орден Отечественной войны II степени. №2618779. Указ президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 года. Орден был вручён в Химкинском РВК.
2. Медаль «За победу над Германией». Награждён в 1945 году в в/ч №10287.
3. Медаль «За освобождение Белграда». Награждён в 1945 году в в/ч №10287.

Далее юбилейные медали:

4. Медаль «30 лет Советской армии». Награждён в 1948 году.

5. Медаль «20 лет победы в ВОВ 1941-45 гг.». Награждён в 1965 году.

6. Медаль «30 лет победы в ВОВ 1941-45 гг.». Награждён в 1975 году.

7. Медаль «60 лет Вооруженных сил СССР». Награждён в 1978 году.

8. Медаль «40 лет победы в ВОВ 1941-45 гг». Награждён в 1985 году.

9. Медаль «70 лет Вооруженных сил СССР». Награждён в 1988 году.

10. Ветеран труда. Награждён в 1978 году.

11. Медаль «50 лет победы в ВОВ 1941-45 гг.». Награждён в 1995 году.

12. Медаль Жукова. Награждён в 1996 году.

Награждён Гвардейским знаком; знаком «Фронтовик 1941-1945 гг.».

В ВОВ пропал без вести двоюродный брат Гимаш - приёмный сын моей родной тетки.

Участвовал в войне мой дядя, Кагарманов Фейзрахман Ганиевич, рядовой кавалерийской части. Принимал участие в захвате города Кенигсберга, ныне Калининград. Умер в 1985 году.

Декабрь 2002 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Кагарманов Александр Александрович****, курсант 3-го курса ФВО Московского авиационного института (Технического университета)*

Казаков Михаил Иванович

Одна из пуль попала мне в грудь

Я родился 21 ноября 1922 года в д. Липовка, Мосальского района, Калужской области, русский, православный, член КПСС с января 1944 года, принят политотделом курсов младших лейтенантов Западного фронта.

До войны окончил Луневскую среднюю школу. В 1944 году окончил курсы младших лейтенантов Западного фронта. В 1952 году экстерном за полный курс Гомельское военное училище. Узнал о начале войны 22.06.1941 года в 12.00 по радио, работал в конторе материального склада завода «Электросталь» бухгалтером приходной группы.

Участвовал в боевых действиях - добровольно призван 26.07.1941 года Электростальским ГВК. Из областного ОВК эшелоном прибыл в Гроховецкий лагерь. Примерно через 2-3 недели походом прибыли в город Арзамас, 1 и 7.11.1941 года приняли военную присягу 206 отдельного лыжного батальона добровольцев-москвичей, направились в тыл к немцам, где разгромили штабы, захватили документы и прибыли 5.02.1942 г. в штаб нашего полка, номер которого не помню.

Наш боевой путь проходил через леса и болота в районе Ленинграда, Белоруссии. Боевые действия закончил 10.10.1944 г. в составе 1106 СП 331 СД командиром пулеметной роты лейтенантом; в районе г. Сувалки (Польша) был ранен в лицо, после чего прибыл в г. Вильно в ЭГН. Команди-

ром дивизии был генерал-майор Берестов П.Ф., командиром полка - майор Смоляр В.Н.

Эпизоды войны: в составе 331 СД, 1106 СП. Примерно около 7-9.03.1944 г. наша дивизия решила улучшить свои позиции, т.е. занять у немцев часть траншей, в которых не было воды. В этот период артиллерист Павел Недоборов подбил 7 танков. Под этими танками на нейтральной полосе два моих пулеметных расчета оборудовали огневые позиции. Примерно 6 марта 1944 года мы с командиром взвода В. Мининым, проверяя живы ли солдаты в расчетах под танками, оставили им газеты «Красную звезду», «Правду».

Когда мы с комсоргом, командиром взвода старшим лейтенантом В. Мининым пошли обратно в полк, застрочил немецкий пулемет. Одна из пуль попала мне в грудь. Я почувствовал сильную боль и сказал Минину, что ранен. Когда пришли в блиндаж, я разделся. Шинель была пробита, в области сердца был синяк, а гимнастерка цела. Когда потом я из кармана шинели вынул газету «Красная звезда», вместе с ней выпала обычная столовая ложка из нержавеющей стали с зажатой пулей (фото ложки прилагаю). Подлинник ложки находится на хранении в музее Советской Армии, зал № 16.

Награжден:

Орден Красного знамени № 117535. Из наградного листа № 151: активный участник Отечественной войны 1941 г. За время боев с немецкими захватчиками имеет два боевых ранения. Во время прорыва обороны противника на Оршанском направлении Казаков, будучи командиром пулеметного взвода, находясь на левом фланге батальона, оттуда вел огонь по огневым точкам противника и живой силе. В это время выбыл из строя командир 3 стрелковой роты. Товарищ Казаков принял на себя командование 3-й стрелковой ротой и своим взводом вместе ворвался в 1,2,3-ю линию обороны. За умелые действия теперь назначен командиром пулеметной роты. Удостоен правительственной награды - Ордена Красного Знамени. Командир 1106 сп майор Смоляр достоин награждения Орденом «Красного Знамени». Командир дивизии гв. генерал-майор Берестов. Командир 71 стр. корпуса Герой советского союза генерал-лейтенант Кошевой. Приказом войска 31 армии № 0104 от 8.8.1944 г. награжден орденом Красного Знамени.

Орден Красная Звезда № 800758. За время боев с немец-

ко-фашистскими захватчиками имеет одно тяжелое ранение. В период форсирования реки Березина и взятия города Борисов, тов. Казаков показал себя храбрым и находчивым. Под бомбежкой вражеских самолетов руководил переправой своего взвода и без потерь переправил личный состав и мат. часть. В бою за Борисов первым ворвался в город, выполнив поставленную боевую задачу. Удостоен награды - ордена Отечественной войны II степени. Командир 1106 сп майор Смоляр. Удостоен награды - ордена Красной Звезды. Командир дивизии генерал-майор Берестов. Приказом № 0330 от 15.08.1944 г. награжден орденом Красной Звезды № 800758. Орден Отечественной войны I степени» № 1509071.

Медаль «За отвагу» № 1081054. 7.11.1975 года Постановлением Президента Советского Комитета ветеранов войны награжден «Почетным знаком СВВ» подписал генерал армии Батов П.И., секретарь Маресьев А.Б.. Награжден Почетным знаком ЦК ДОСААФ, Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ. Кроме того, ЦК ДОСААФ награжден именными часами за большой личный вклад в становление ветеранской работы парткомом Машиностроительного завода и администрацией завода награжден дипломом почета и многими грамотами и за работу в медсанотделе № 21 награжден грамотами почета.

В январе 1962 года на Машиностроительном заводе был организован Совет ветеранов войны - на заводе работает 1925 участников войны, среди них Герой Советского Союза Морозов Г.А., Тремасов Д.Е., Песков И.Ф. Я был избран заместителем председателя Совета, а с 1975 года по 1990 год возглавлял Совет завода.

1984 год на общегородской конференции избран был председателем городского СВВ; из-за тяжелой болезни в 1990 году переизбран заместителем председателя городского совета. Сегодня возглавляю комиссию по ВПР в городском совете ветеранов. Более 40 лет работы в совете ВВ завода и города ветераны войны независимо от погоды 22 июня выезжают в лагерь отдыха «Ракета» для проведения урока мужества детям.

1985 год на конференции Московской областной организации ветеранов я был избран в состав ревизионной комиссии 20.12.2000 года решением Совета депутатов г. Электросталь Московской области от 23.11.2000 г. № 214/3 мне присвоено

звание «Почетный ветеран города Электросталь».

После лечения в госпитале № 671 по поводу ранения в лицо, я прибыл в 63-й отдельный полк резерва офицерского состава в пригороде г. Вильно, затем г. Инстербург, ныне Черняховск. 63-й ОПРОС был расформирован, и я был назначен начальником общей и секретной части штаба БТ и МВ БВО г. Минска. После работы в штабе округа по моей просьбе был переведен в 347-ю корпусную арт. бригаду начальником секретной части. Примерно через год - помощник начальника штаба бригады по строевой части; позднее (помню начальника штаба по моб. работе в звании капитан) – в 1956 г. арт. бригаду расформировали, и я был назначен начальником 3-го отделения Вилейского горвоенкомата, Молодеченской области в звании капитана.

В 1957 году по состоянию здоровья был переведен в распоряжение Одесского ВО. Прибыл в Старо-Крымский ОВК Крымской области на должность начальника 3-го отделения - звание капитан. В 1959 году райвоенкомат был расформирован, и я был назначен старшим офицером Судакского РВК - в звании капитана.

В 1960 году приглашен в Крымский ОВК на беседу по вопросу увольнения. В ноябре 1960 г. уволен из армии по ст. 59 п «В» с правом ношения военной формы одежды. 20.01.1961 г. приглашен на беседу к начальнику медсанотдела № 21 Минздрава СССР на должность зам.начальника по кадрам. Проработал в МСО № 21 30 лет, уволен по болезни - инвалид войны 2-й группы. Освобождая города - Дубровно Витебской области, гор. Борисов Минской области, столицу Белоруссии - г. Минск - наш 1106 СП имеет наименование Минский - командир дивизии генерал-майор Берестов П.Ф., командир полка Смоляр В.П., командир батальона - герой Советского Союза - Клепач П.Ф. - я был командиром пулеметной роты ст. лейтенант.

Живые родственники - жена Казакова Анна Николаевна 1921 года рождения врач-инфекционист высшей категории старший лейтенант медицинской службы. Награждена медалью «За доблестный труд» в ознаменовании 100 лет со дня рождения Ленина В.И.; медалью «Ветеран труда»; знаком «Отличнику здравоохранения» 1955 г. №52358; сын, Казаков Валерий Михайлович, 1947 г., окончил училище имени Вер-

ховного Совета и убыл для прохождения военной службы в группу Советских войск в Германии. Затем - на Дальний Восток на границе с Кореей. В этот период закончил заочно высшее Львовское военно-политическое училище и был направлен в Белоруссию, а оттуда выехал в Афганистан, был парторгом мотострелкового полка. Был контужен. Награжден медалью «От благородного Афганского народа», орденом «За службу Родине» 3-й степени.

Внук, Казаков Александр Валерьевич, 1972 г. рождения, закончил Калининградское высшее военно-морское училище, капитан 3-го ранга. Награжден знаком «За дальний поход». Проходит военную службу на атомной подводной лодке «Орел» на Северном Флоте.

Других близких родственников - участников войны я не знаю.

О ранениях:

1. На Ленинградском фронте был ранен в правую руку.

2. Сквозное пулевое ранение правой половины грудной клетки. В марте 1942 года в районе г. Юхнов Калужской области. Прибыл в г. Москву, затем направлен в г. Владимир ЭГ № 3089.

3. В районе г. Каунас - в левую ногу, лечился в медсанбате 331 СД.

4. В лицо: выбило 6 зубов, поломало челюсть 10.1944 г. в ЭГ-671 г. Вильнюс (ранен в районе г. Сувалки - Польша).

Март 2004 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Кузютина Евгения Сергеевна*** *студентка 2-го курса, Профессионального училища №5, города Москвы.*

Казимиров Григорий Харитонович

Письмо–жалоба на имя Сталина

Родился: 18 февраля 1921 года.

До войны окончил Ольшанскую семилетку, а в 1941 году – Смоленский техникум физической культуры.

Узнал о начале войны: 22 июня 1941 года в Смоленске, когда шли отдыхать.

Начинал участвовать в боевых действиях добровольцем. 26 июня явился в пункт формирования соединения. 26 июня отправились в Минск под командованием капитана Красной Армии.

Боевой путь проходил через: г. Воронеж (апрель 1943), г. Новый Оскол (июль 1943), г. Белгород (июль–август 1943), г. Харьков (23 сентября 1943), г. Полтава (ноябрь 1943), г. Кременчуг (январь 1944), г. Кировоград (февраль–март 1944), г. Умань (апрель 1944), г. Стрымба (июль–август 1944), г. Яссы (сентябрь 1944), г. Сибиу (ноябрь 1944), г. Арад (декабрь 1944), г. Кечкемет (январь–март 1945), г. Будапешт (апрель 1945), г. Братислава (весна 1945).

Освобождал: г. Белгород (июль–август 1943), г. Харьков (23 сентября 1943) и другие.

Военные боевые действия закончил в Братиславе (май 1945) в составе 511-го отдельного разведывательного авиационного Ясского полка под командованием подполковника Бер-

Бермана.

Возвращался с войны через города: Одесса (июль 1945), Первомайск (июнь 1946), Харьков (июнь 1946), Сумы (июнь 1946), Брянск (июнь 1946), Рославль (июнь 1946), Смоленск (июнь 1946).

Демобилизовался в г. Первомайске в июне 1946.

Награжден: орден Отечественной войны, медаль «За победу над Германией», медаль «За боевые заслуги», медаль «За взятие Будапешта», медали «За взятие Вены», «Георгий Жуков 1896-1996», «Ветеран Карельского фронта», ДОСААФ СССР - почетный знак, юбилейный знак XXX лет СКВВ, как участнику войны: «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «25 лет Победы в войне 1941-1945 гг.», 1941 Ясский 1991, «50 лет, 70 лет вооруженных сил СССР 1918-1988», «Ветеран труда», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне», Всероссийская организация ветеранов почетный знак «50 лет вооруженных сил СССР».

Мои публикации: Кавалер Красной Звезды//Сельская правда. 28 ноября 1967г.; Солдатская шинель//Сельская правда. 28 января 1969г.; Высокий долг учителя//Сельская правда. 1970. 15 января 1970г.; Воспитание общественных интересов//Сельская правда. 12 января 1971г.; Человека красит труд//Сельская правда. 25 февраля 1971г.; Следуйте славным традициям//Сельская правда. 18 мая 1972г.; Сорок лет на тракторе//Сельская правда. 13 июня 1972г.; Хлеб – это жизнь//Сельская правда. 16 сентября 1972г.; Электросварщик со Знаменки//Сельская правда. 4 сентября 1973г.; Краеведение в школе//Сельская правда. 6 сентября 1973г.; Кавалер ордена Славы//Сельская правда. 5 сентября 1974г.; Семья Латышевых//Сельская правда. 29 сентября 1974г.; Слово о ветеранах//Сельская правда. 8 мая 1979г.; Ради жизни на земле//Сельская правда. 5 мая 1981г.; Новь земли талашкинской//Сельская правда. 7 ноября 1981г.; Рождение радости//Сельская правда. 26 января 1982г.; Воспитывая на славных традициях//Сельская правда. 27 февраля 1982г.; Кавалер серебряных крестов//Сельская правда. 9 мая 1982г; Ради жизни на земле//Сельская правда. 12 февраля 1983г.; Воспитатель патриотов//Сельская правда. 2 февраля 1984г.; Династия Киселевых//Сельская правда. 4 февраля 1984г.; Командир грозного

Т-34//Сельская правда. 18 сентября 1984г.; Батальон освобождает Талашкино//Сельская правда. 24 сентября 1984г.; Они исполнили свой долг//Сельская правда. 23 февраля 1985г.; Имени Руссиянова//Сельская правда. 14 января 1986г.; Земля в наследство//Сельская правда. 3 ноября 1988г. (Совхозу «Талашкино» – 70 лет).

Другие публикации о ветеране: Беляев И.Н. Подвижники земли Смоленской. Библиографический справочник об исследователях родного края.– Смоленское областное книжное издательство «Смядынь». 2003.–454 с. – с. 196-197.

Начало войны

На войне как на войне. И если ты не ходил в атаку, то всегда были случаи, которых забыть нельзя, даже если уже прошло шестьдесят лет. О них сказ.

Мне в жизни повезло в том, что я к войне был нормально подготовлен. Первое: окончил в Смоленске техникум физической культуры. Мне знакомо было стрелковое оружие, рукопашная борьба, в том числе и с винтовкой, походы пешие и лыжные и многое другое. Второе: одновременно окончил областную школу ПВХО – противовоздушная химическая оборона, где также были военные дисциплины. Третье: по окончании Смоленского аэроклуба получил военную специальность «бойца–парашютиста». И с таким багажом знаний я получил направление на работу в сельскую школу. Но наступил день 22 июня 1941 г. Уже на второй день войны, т.е. 23 июня, всех курсантов, окончивших аэроклуб, созвали в наше основное помещение, Вознесенский монастырь, и поставили задачу: отправиться навстречу наступающим фашистам. Так как мы – 39 человек – все были членами ВЛКСМ, то написали заявления о добровольном уходе на фронт. Вечером того же дня мы были на железнодорожном вокзале. Все мы были налегке и никакими грузами не были обременены. Быстрей туда, куда зовёт Родина! В вагонах заняли верхние пустующие полки и в путь – дорогу дальнюю.

С особым воодушевлением мы исполняли патриотические песни: «Любимый город может спать спокойно…», «Дан приказ ему на Запад…» и другие. Июньская ночь коротка, и вряд

ли кто из нас уснул. Все были в ожидании непредвиденного, которое и обрушилось с рассветом следующего дня, жаркого и драматического. Когда на пассажирский поезд налетели девять немецких бомбардировщиков, вагоны горели, женщины кричали, кто сильнее и моложе - подальше отбежали от железнодорожных путей. Это впоследствии на фронте с бомбежками смирились, но эта – первая – надолго осталась в сознании.

Деревни и железнодорожная станция «Смолевичи» горели, начинался жаркий 27 июньский день. Руководитель группы в 39 юношей, член военного Совета Белорусского военного округа, оставляя нас, сказал: «Мы должны быть в Минске, я туда направляюсь, ждите меня».

В такой суматохе, когда кругом выстрелы и взрывы, огонь и дым, ребята что-то нашли из продуктов, быстро позавтракали и собрали Совет – «Что делать»? Большая часть отряда ушла на восток по шоссе Минск – Москва, а меньшая часть осталась ждать. Кому повезло – неизвестно, но автор этих строк опишет свои похождения с утра до позднего вечера этого дня.

Около десяти часов утра там, где мы временно располагались, совсем неожиданно появились немецкие транспортные самолеты и сбросили воздушный десант, который перекрыл железную и шоссейную дороги. Все происходило, как в кино, только без улыбок, на полном серьёзе. Нас обещали обмундировать и вооружить в белорусской столице, а сейчас мы были, как в доме отдыха: кто в рубашке, кто в соколке, иные в ботинках, а другие совсем в тапках.

Вот в таком затрапезном виде я и предстал перед немецким десантником, который был моего возраста, но полностью экипирован и с автоматом. Он остановился в пяти метрах от меня, посмотрел, улыбнулся и убежал дальше. Это была первая встреча с живым немцем, которая для меня обошлась благополучно.

Был полдень, кругом зловещий гул, самолеты противника свободно летали, как в своем небе. В сосновом лесу все больше и больше накапливалось людей: беженцы из Минска – женщины, мужчины, дети, местные и иные прохожие. Что ж, хорошая мишень и тренировка для фашистских летчиков. Когда началась бомбежка, люди метались от дерева к дереву, кто выбегал на опушку, тех расстреливали истребители, одно спасение – сесть возле толстой сосны и ждать своей участи.

Не только толстые суки, но и срезанные осколками верхушки деревьев падали вниз, придавливая людей к земле. Так получилось и с приезжим добровольцем, т.е. со мной, который был накрепко вмят в землю тяжелой верхушкой. Возможно, час, а может и больше, я лежал на песчаной почве; возникшая тишина привела меня в чувство, а людей уже не было, лежали только мертвые. Боль и кровь, смешалось все вместе. Кое-как поднялся и побрел на восток. Было под вечер, часов пять.

Чистое поле, по сторонам рожь, ни одного кустика для укрытия, и вдруг «Мессершмитт». Все же решил доконать уже искалеченного человека. И надо же на одно живое существо тратить время, расходовать бензин, чем-то рисковать. Ну что же, для тренировки пригодится. Три раза клал он свою жертву на пыльную дорогу, три пулеметных очереди истратил. И пока самолет делал круг – маневр, живая мишень поднималась, бежала и все приближалась к лесу, в котором можно найти спасение от пули. Так начиналась война с легкой прогулки у нас на земле и в воздухе.

Вечер, солнце на заходе, медленно темнеет, но еще светло. В сторону Смолевич по дороге торфяного поля собралась большая группа людей человек сто, а возможно и больше - тоже беженцы. И вдруг сзади раздался гул моторов, сразу показалось, что это наши танки, но это были немцы, они открыли пулеметный огонь и врезались в людскую толпу. Мне ничего не оставалось, как залечь в торфяную канаву, в зону недосягаемого огня. Этот день канул в лету.

Не много ли «подвигов» на один день? Пора возвращаться на Смоленщину, правда, теперь без песен. Пришлось отступать, как и многим, кто был в солдатской форме.

До железнодорожной станции Крупки пеший переход, до Орши добрался на платформе из-под каменного угля. От Орши до Гнездова - на крыше вагона, привязавшись к вытяжной трубе, все вагоны были заполнены заключенными из Средней Азии. Всего несколько дней я не был на своей малой родине.

Диверсант

Дорога шла через деревню Пронино, я не шел, а бежал, как и ранее в своем техникуме, но с опухшими ногами, босиком, в рваной и грязной одежде, а главное – в шляпе, а это что-то по-

дозрительное. И вдруг крики, шум по деревне: «Стой! Остановись! Стрелять будем!» - а я еще шире шаг. Все, сил нет, я окружен мужчинами и женщинами, все с орудиями труда: косами, вилами, граблями. Шел сенокос. Война. Бдительность. Подозрительность. Начался самосуд, крики со всех сторон: «Да что с ним разговаривать! Что не видно, контра! А, морда избита – это специально! Маскировка! Шляпу натянул! Интеллигенция!». А вот и председатель колхоза едет, сейчас разберемся. Главный колхозный начальник спокойно спросил, кого из местных деревень «диверсант» знает. Я внятно назвал приметных мужиков с торфяной разработки «Красный бор», из деревень Соколово, Романенки, Ольша. «Отпустите его, что, не видите, он под Минском был». После такой «амнистии» бег продолжался до родимой деревни. А шляпу я потом выкинул.

Путь к Победе

И чем ближе к отчему дому, тем становилось страшнее за бесцельное возвращение в родные места. В хату входил не через парадную дверь, сквозь оконце – отец был на сенокосе. Когда Харитон Федорович полез в печку за обедом, то догадался и полусерьезно изрек: «Наверно, с фронта вернулся, хоть бы медаль показал». Трое суток я набирал бодрости на чердаке, но среди деревенских пошел слух, что вернулся Гришка Харитоненок невредимым. В этой местности война двигалась во всех направлениях, поистине ошеломляющее движение, как в 1812 году, так что д. Шеломец имеет давнюю историю. Через несколько дней поехал в техникум, истребительный батальон и Красноармейский РВК с отчетом и оправданием. Там, в военкомате, мне, добровольно пришедшему, вручили призывную повестку – 13 июля 1941 г. явиться с котелком и зубной щеткой. В этот же день посетил Красный Крест и на правах постоянного донора сдал 400 гр. крови, дали мне 200 рублей и обед. В день воскресный 13 июля 1941 г. уходила последняя группа молодежи, а через два дня в городе уже были немцы.

Путь наш шел по Ельнинскому большаку и мимо Талашкина, не знать тогда было, что здесь мне придется жить и работать с 1953 года. С Дорогобужа и до Гжатска по Старой Смоленской дороге, а потом Калуга, Тула. 8 августа 1941 года

юноши смоленские, московские, тульские были посажены в вагоны и отправлены на Урал в Чебаркуль Челябинской области.

72-й запасной артиллерийский полк. Это был резерв молодежи для пополнения военных заведений.

С ноября 1941 года и по май 1942 года я курсант аэрофотограмметрического училища. С июня 1942 года и до конца этого года – Толмачево – Новосибирская запасная авиабригада. Здесь от нашей группы поступило письмо–жалоба на имя Сталина, что мы, офицерский состав, используемся не по назначению, и мне, как инициатору письма, начальник Новосибирского гарнизона наложил взыскание и пригрозил штрафной ротой.

Но все же наше письмо повлияло на обстановку, и нашу группу в двадцать два человека (большинство москвичи и смоляне) перебазировали ближе к фронту – в Саратов. В Челябинске нашему эшелону предстояло ожидать более шести часов, и по согласованию с друзьями я отправился по этому пути следования на пригородном поезде в город Троицк к старшей сестре, которую не видел уже десять лет. Патруль... Проверка билетов, документов. Меня признали дезертиром и перевели в вагон с решетками. Узник поневоле. Однако же повезло – один из милиционеров сам из Троицка, был знаком с моим зятем, то есть мужем моей сестры, которая со своими малышами уже ждала меня на железнодорожном перроне. Мои друзья обрадовались моему освобождению и усиленно начали грызть сухари, среди которых попадались белые.

В первом квартале 1943 г. в Саратове (Петровске) формировался заново наш 511 отдельный разведывательный авиационный полк, в мае мы уже были на Воронежском фронте в действующей 5-й воздушной армии.

В июле – августе этого года Курская битва, освобождали город Белгород, Харьков и другие, это был уже Степной фронт. В конце 1943 года фронт наименовался Вторым Украинским – Полтава, Кременчуг на Днепре. 1944 год – Кировоград, Умань. Четыре месяца (все лето) стояли на одном аэродроме возле гор. Бельцы в Молдавии.

Эпизод. Случилось и еще раз мне отвезти разведывательные данные в город Рыбницу в штаб своей воздушной армии. Заняли кабины в ПО–2, летели низко, но немецкий истреби-

тель все же выследил нас и дал длинную очередь из пулемета. С крыльев нашего почтового самолета обильно полетели хлопья, и так как второго захода немецкий пилот не сделал, то мы благополучно долетели до Днестра и выполнили свою задачу. А возможно, и на этот раз был тот же истребитель, который старался расстрелять меня еще три года тому назад, то есть под Минском в 1941 году. Что ж, и подобные встречи случаются, фронт – дело непредвиденное.

С августа 1944 года наш 2-й Украинский фронт, в состав которого входила 5-я воздушная армия и непосредственно 511 отдельный разведывательный авиационный полк, проводили Ясско-Кишиневскую операцию. Освобождены были Румыния, Болгария, Венгрия. В это время мы часто меняли аэродромы, большей частью дислоцировались в городах этих государств.

А почти половину зимы и весны 1945 года стояли в городе Кечкемете, недалеко от Будапешта, на Дунае. Война подходила к концу. Настрой уж был победный. Но «не говори «гоп», пока не перепрыгнешь».

...Ранней весной на аэродром, на котором базировался наш полк и самолеты ПЕ-2, немцы выбросили воздушный десант с целью уничтожения самолетов-разведчиков. Личный состав части был поднят по тревоге. Десантники были рассеяны, пленены или уничтожены. Мы втроем из нашего подразделения не хотели стрелять в убегающего немца, а решили его пленить. На нашу гуманность он ответил коварством: двое было ранено, один серьезно от осколков брошенной гранаты. Одного положили в госпиталь, а мне командир полка разрешил долечиться в полковой санчасти. Если тот немецкий десантник 27 июня 1941 года под Смолевичами меня не тронул, то этот поступил наоборот, хотя, видимо, прекрасно осознавал, что германцы русским войну проиграли.

Последнее наше базирование за границей состоялось в Братиславе – столице Словакии. И еще год дослуживал на Украине, в Одессе и Первомайске. Служил в РККА и воевал ровно пять лет (июль 1941 – июль 1946 года).

Первая половина войны пошла на передислокацию, учебу в военной школе и на формирование в запасных частях, а вторая – фронтовая жизнь - май 1943 – май 1945года.

Первые дни войны

Воскресенье 22 июня – выходной день. В колхозе весенние работы закончены – это период межсезонья, мужчины уже готовили косы, трава выдалась на славу, да и зерновые своим видом радовали хлеборобов. В этот день после вечеринки молодежь была на речке: загорали, купались в Ольховом виру – любимое место для всех желающих понежиться.

Студенты и рабочие, кто уже был связан с городской жизнью, пошли на 405 железнодорожный переезд. Здесь по пути мы и услышали печальную весть. Война!!! Защитники Родины уже многие часы сдерживали натиск врага, а по радио сообщили только в 12-00.

В тягостном настроении мы ехали в вагоне, и кажется колеса не так стучали, и гудки паровозные были особенно тревожными. Людей много, а спросить некого, боялись напороться на неприятность. Такой вопрос или ответ мог квалифицироваться как распространение вражьих слухов. Жизнерадостность и улыбки с лиц смолян мгновенно были сняты, все стали мрачными и неразговорчивыми. Казалось, что люди думали только о себе, но это не так – беда общая объединяла советских людей. В Смоленске появилось много военных, на заводах проводили митинги. Все думали над вопросом: «Как это все могло случиться? Почему отступаем?» В понедельник 23 июня началась первая мобилизация, а мы – студенты тяжелыми лопатами долбили упругую твердь земли, рыли щели, а девушки заклеивали крест – накрест полосками бумаг стекла в обширных рамах родного техникума. Во вторник немецкие самолеты уже бомбили железнодорожный вокзал, появились с фронта раненые; но заводы, фабрики выполняли свой план. Шла запись студентов в истребительный батальон, но оружие пока не выдавали, все дни проходили в напряженном ритме. Из государственных учреждений началась эвакуация документов и людей. В военкоматах стояли очереди добровольцев на фронт, иные уходили тихо, негромко, а более зажиточные устраивали прощальные обеды. Но у всех были слезы и прощальные песни и, конечно, напутствия: «Быстрей гони Гитлера в шею».

Подготовка к войне

Восьмого августа мы погрузились в железнодорожный состав, который направлялся на Урал. Ведь не всех брали в бой – думали и о резервах, которым хватит еще времени и места на фронте. А вот и Чебаркуль в 80 км от Челябинска: сопки, озера, леса. 72-й артиллерийский запасной полк. Сюда и влилась эта огромная полураздетая, полуголодная армия юношей с запада. Артиллерийскому делу здесь не обучали, главное дело – заниматься обслуживанием: строили постоянные землянки (рубили, пилили, носили), работали на кухне, грузили военную технику и отправляли на фронт; проходили медицинскую и мандатную комиссии, к концу октября месяца все призывники были поделены на команды для отправки в военные школы и училища. Эти три месяца многому практически научили нас в жизни, которая была суровой: мы не были обмундированы, жили в палатках – холодно, в землянках – сырость, умываться – на озерный лед, а в столовой тарелки мыть не надо. Дисциплина военная, и мы понимали, что здесь с нами никто шутить не будет – идет война, и трудно всем. В этом лагере уральские мобилизованные прощались с мирной жизнью, и каждый день полками уходили в заснеженную Подмосковную даль. А мы только что пришли оттуда, чтобы заменить вас – уральцы на других фронтах. В наш полк часто приезжали вербовщики: «А ну, ребята, кто из вас желает быть сапером, три шага вперед «Марш»». Старшина у нас был строгий, любил строевую подготовку и патриотические песни и этого же добивался от нас.

Гостями в лагере мы были не особенно желанными, попробуй ответь на наш надоедливый вопрос: «А когда Вы отправите нас под Москву, там же решается судьба Родины?» В конце октября 1941 года наша команда в составе 125 человек прибыла в авиационно-техническое училище в городе Давлеканово Башкирской АССР. Нас, курсантов, помыли, переодели в форму. Мы приняли присягу, и началась интенсивная ускоренная подготовка специалистов для фронта. Здесь был собран опытный преподавательский состав.

В общежитии жили скученно (когда-то здесь был городской клуб), кровати – койки стояли в три этажа. Учитывая, что время военное, положение наше было нормальное. Занимались и общественной работой – помогали в колхозе убирать под-

солнечники, участвовали в художественной самодеятельности. Смоленщина уже вся была оккупирована, и письма писать некому было, а самая главная забота – выстоит ли Москва.

Зима 1941 – 1942 гг. стояла лютая, снежная, часовым приходилось стоять при тридцатиградусном морозе.

После разгрома немцев под Москвой у курсантов прибавилось сил и уверенности. К середине мая 1942 г. сданы выпускные экзамены, и мы, конечно, думали, что предстоит столбовая дорога прямо на фронт. И каково же было наше огорчение, когда нас, курсантов, специалистов, через Сибирь доставили в Новосибирск.

Нам объявили: «Не волнуйтесь, ребята, сейчас вы между Германией и Японией, последняя может объявить войну Союзу ССР, потерпите немного, вы еще навоюетесь». И мы, 22 человека, терпели до конца года. И здесь мы не выполняли своих прямых обязанностей. Работали на аэродроме, наполняли железнодорожные составы техникой, выполняли задачи гарнизонной службы.

Осенью 1942 года началась Сталинградская битва, и мы посчитали, что наше место на берегах Волги. Думали мы про себя: «А возможно, там, в столице нашей Родины, и не помнят о нас, разведчиках, что здесь ребята – смоляне и москвичи – занимаются не своим делом». И на такой патриотической волне пишут письмо товарищу Сталину, что было запрещено по Уставу, и как не странно, из Генерального Штаба РККА пришел ответ, но через командование военного округа; нас наказали гауптвахтой – в письменной форме жаловаться нельзя. О, радость! Мы едем на Запад, в Саратов. А что нашему брату собирать, все наше имущество вмещалось в один вещевой мешок. Все мы разместились на самых высоких полках вагона – там же теплее – и нам не привыкать. Проезжая через город Троицк, будущий фронтовик встретился со своей сестрой и узнал новости о родственниках. Из Саратова направили в Петровск, где была расположена авиационная бригада. При ней формировались эскадрильи штурмовые и истребительные и наш отдельный авиационный разведывательный полк № 511. К фронту готовились зиму и весну 1943 года. В мае выехали на Воронежский фронт.

Фронт

А что такое фронтовые города и железнодорожные станции? Здесь размещались запасные полки, госпитали, эвакуированные заводы. Так в Петровске изготовляли мины, патроны и другие боеприпасы. На железнодорожных станциях стихийно создавались базарчики, где можно было поменять вещи на продукты или купить: один литр молока 30 руб., стакан самосада 40 руб., буханка хлеба свыше ста рублей. На вокзалах множество людей: военные и гражданские, инвалиды войны и прочие. Пели походные песни под гармошку, инвалиды войны пели и плакали. Все суровые и молчаливые, тощие и плохо одетые.

Все спешили, торопились, в руках мешки и чемоданы, и хотя до конца войны было еще далеко, но у людей появилась надежда на праздник и на нашей улице. И чем ближе к фронту, тем картина становилась конкретнее, свежее. В майский теплый, солнечный день мы прибыли в Воронеж, который год тому назад был город, а сейчас – скелет. На аэродроме еще с нами стоял женский истребительный полк ПВО, к нам прибыло пополнение из Московского неба, летный состав осваивал новый тип самолетов – ПЕ-2. Через две недели из Воронежского фронта мы перелетели в Левую Россошь Степного фронта.

Наше подразделение готовило для штаба фронта разведывательные данные, полученные от экипажей самолетов. Были в нашей роте и недочеты, специалисты еще не имели достаточного опыта, но все это было наживным. Лето было сухое, жаркое, а поэтому боевые машины базировали на полевых аэродромах. Началась Курская битва, и мы перелетели ближе к фронту в Чернянку. На выступах огненной дуги продолжались танковые сражения за Прохоровку и Обоянь; за каждым шагом немцев наша воздушная разведка наблюдала пристально и докладывала командованию. Работы было невпроворот, с утра до позднего вечера. Советская армия перешла в наступление, и работы нашему полку прибавилось – за отступающими нужен глаз да глаз: сколько, куда ушли и с какой техникой? В Яблокове Белгородской области мы задержались на месяц до первого сентября. Мирные жители и мы – солдаты – были уже иными, чаще просматривались улыбки, а вечерами молодежь собиралась с гармошкой. А чего ей унывать, как говорят: «Ни

кола – ни двора». Где ночь застала – там и дом твой, а у фронтовиков – «Шинель – постель твоя, вещевой мешок – скатерть самобраная».

По сравнению с Воронежем Харьков выглядел значительно внушительнее, но тоже сильно пострадавшим от бомбежек и уличных боев. Смотря на развалины, видя, в каких условиях живут люди и как они самоотверженно работают, сам загораешься желанием и новым энтузиазмом на своем доверенном посту, как русские говорят: «Каждый кулик на своем болоте велик». Полк наш 551 многонациональный, молодежный, немного было людей старше 40 лет, девушек было около десяти человек. Летчики, стрелки (большинство были новичками, т. е. заступила новая смена защитников Родины) и мы, «добровольцы», стали понимать, почему еще раньше наши командиры берегли и накапливали стратегические резервы. Началась осень, шли дожди, самолеты уже не могли базироваться на полевых аэродромах, и одно спасение – стационарная бетонка в Основе под Харьковом. А в Полтаве на аэродроме сосредоточились многие десятки штурмовиков, истребителей, бомбардировщиков и разведчиков, а это живая мишень для немецких налетчиков. И тогда начинался ночной бой наших зенитчиков с налетевшими немецкими самолетами, и так много часов без перерыва. Прожекторы, зенитные орудия и пулеметы постоянно были в действии. На этом аэродроме стояли и американские крепости со своими экипажами, но они совершали «челночные» полеты до Неаполя в Италии. Ясно, что для них эта война была по принципу «Раз рубашка не моя, то она к моему телу не прилипает». В свободное дождливое (нелетное) время мы посетили места Полтавской битвы 1709 года. Чтобы приблизиться к наземным войскам, в декабре 1943 года наш полк перебазировался в Большую Кахновку. Новый 1944 год встречали в Кременчуге на левом берегу Днепра. Погода нелетная, туманная, изморось, условия самые несанитарные, гражданское население и мы, военные, ютились в каких – то трущобах, а на правом берегу русско-украинской реки села и города были в сохранности. Такова тактика немецких захватчиков – отсидеться на правобережье Украины. Хорошо, что здесь мы постояли не более полумесяца. Несколько воспоминаний остались в памяти об этой местности, и притом горькие.

Из одной деревни в наше подразделение пришла женщина

и попросила оказать помощь в похоронах ее отца, выбор пал на меня. Деревня сгорела дотла, стояли одни печи с высокими, как обгорелые деревья, трубами. Что раньше где было, не разберешь. Женщины с малышами были похожи на вечерние тени. Все начали искать строительный материал и инструменты: доски, топоры, пилы, молотки, гвозди, лопаты, веревки. Всем, кто был здесь, хватило работы. Кто пилил, кто тащил обгорелые доски, кто копал могилу. Гроб, конечно, не получился, но на ящик был похож. Где-то сварили кутью из зерна на пресной воде и на холмик положили по одной обугленной картошине. Все молчали, никто не брал слово, не видно было слез, их не было вообще, все уже выплакано, выстрадано. Похороны – дело хлопотное, сколько их было за период военных действий, но такое остается надолго в памяти...

Наш разведывательный авиационный полк рассредоточили: кто остался на берегу Днепра, кто перелетел в Федоровку, а иные в Кировоград. Много печальных дней пережили наши разведчики, не было случая, чтобы на каждой точке нашего базирования мы не прощались с летным составом; так однажды в Полтаве одновременно мы опустили в могилу шесть гробов. Особенно много самолетов было сконцентрировано в Кировограде, в том числе истребительная дивизия Героя Покрышкина А.И. Из-за погоды главные военные действия второго Украинского фронта под командованием генерала Малиновского проводились на земле, шло уничтожение немецких войск под Корсунь–Шевченским, требовалась помощь. Наше командование из авиационных специалистов создало отряд из 30 человек, им выдали автоматы, валенки, паек на три дня. Им предстояло перекрыть одну из дорог и не дать выйти немцам на Запад для соединения со своими силами. Мы изучали обстановку данной местности и были готовы к действию, но прибыл наземный офицер и дал «отбой», однако, поблагодарил нас за солидарность с пехотой.

Украина! Край изобилия, снежная зима закончила свое господство и передала эстафету Солнцу и теплу. В апреле месяце наш полк собрал свои звенья и эскадрильи и перебазировался в Умань со своими старинными парками, в которых когда-то господствовали польские магнаты. Отрадно было видеть уцелевшие крупные населенные пункты. Мы так уже привыкли к смене мест, что только и ждали того момента,

чтобы двигаться дальше. «Только вперед!» Все, безусловно, зависело от темпов продвижения сухопутных войск. Умань и Тростинец были промежуточными пунктами, отсюда путь лежал в солнечную Молдавию, где голубое, прозрачное небо, без кучевых облаков и туч.

Наш полк старался не иметь соседей, то есть других самолетов, чтобы не привлекать внимание немцев, которые в первую очередь охотились именно за ПЕ-2 (Самолет Петлякова). Полк входил в пятую воздушную армию (командующий генерал – лейтенант Сергей Горюнов). Первое знакомство с новыми людьми произошло в Лунге, а потом все лето до конца августа в Стрымбе, что недалеко от города Бельцы.

Это большое молдавское село. Все домики в садах, кругом вишня, слива, черешня, абрикосы, арбузы, кукуруза. Было впечатление, что здесь не было войны, вернее не было сражений. Теперь мы жили не в землянках на аэродромах, а в избах. Обычно летный состав обосновывался в помещениях, в которых проживали летчики германских ВВС – Люфтваффе. Стены комнат в них были разрисованы романтикой, за которой гонялась молодежь.

Если не было видно, то война была слышна – гул артиллерийских залпов, постоянные полеты самолетов, ночные обстрелы и бомбежки нашей взлетной полосы. Шла интенсивная подготовка наших войск второго Украинского фронта к наступлению. Никогда в нашем подразделении после Курской битвы не было такого напряжения, как летом 1944 в Молдавии. Решалась судьба Балканских государств, в результате победы второго Украинского фронта должны были выйти из войны Румыния и Болгария. До румынской границы рукой подать и для командования нужны достоверные данные о немецкой стороне: где и сколько самолетов и танков, состояние железнодорожных станций, резервы в тылу противника, укрепление оборонительных линий и еще многое другое. И на второй день эти сведения лежали в штабе на столе, а если срочно, то кодом по телефону.

Был и такой случай: Начальник разведки дал задание проверенному товарищу (они и сейчас переписываются между собой) отвезти на полуторке разведматериал в штаб пятой воздушной армии. Немецкие самолеты – охотники часто прогуливались по нашим тылам и объектом атаки выбрали именно

нашу машину. С первого облета он обстрелял ее, а со второго – сжег, но задание было выполнено, и мы без потерь вернулись в часть. Подготовка к наступлению нашего фронта продолжалась и день, и ночь до 20 августа 1944 года, подтягивалась техника, доукомплектовывались подразделения, еще раз шла разведка наземная, агентурная и воздушная. Известно из истории, что разведка – глаза и уши армии, командования. Уже к сентябрю этого года крупная немецко-фашистская группировка в результате Ясско-Кишиневской операции была разгромлена. Советская Армия вступила на территорию Румынии и Болгарии с разницей в том, что в Болгарии боев не было, и армия сдалась советскому командованию без сопротивления. Город Яссы – румынский железнодорожный узел, нашему полку было присвоено почетное наименование «Ясский» и награда - орден Богдана Хмельницкого.

Уже после войны по музейным данным стало известно, что село Стрымба (в котором мы стояли летом 1944 года) было названо Ледовенями в честь нашего штурмана Лядова Григория, Героя Советского Союза, который погиб на молдавской земле и был похоронен в этом селе со всеми воинскими почестями.

Ноябрь 2004 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Головкин Константин Иванович,*** *студент 3 курса группы ЭП-02 факультета энергетики и электротехники Филиала ГОУВПО «МЭИ (ТУ)»*

Катомина (Тимошкина) Анастасия Макаровна

Партизанская юность моя

Посвящаю родным и близким.

Я родилась 23 февраля 1924 года в селе Сосновое Болото, Выгоничского района, Орловской (ныне Брянской) области. Русская, православная. В детстве - пионерка, в юности – комсомолка, с 1945 года - коммунист.

Моя родословная: по линии матери - в семье деда «Муравья» (прозвище за трудолюбие) Никиты Митрофановича и бабушки Анны Васильевны Черненковых было 8 детей: 7 дочерей: Анисья, Христина, Матрона, Александра, Агрипина, Пелагея, Елизавета и любимый сын Тимофей. Жили они на хуторе, имели огромное хозяйство, большой сад, Все трудились от зари до зари. И на девичьи плечи ложился весь груз работ крестьянских: пахать, косить, дрова рубить, молотить и т.д., так что погулять девицам некогда было. Моя мать, Христина, была второй дочерью в семье, и её не вправе были выдавать замуж раньше старшей сестры. И жениху Макару (отцу моему) пришлось выкрасть невесту бесприданницу и привести в дом родителей Тимошкиных Дмитрия Антоновича и Татьяны Даниловны в село Сосновое Болото. Оставив молодую жену в родительском доме, муж ушёл воевать. Шла гражданская война.

По рассказам ещё живой тёти Мани (90 лет), сестры отца, мой прадед Данила (по линии отца), кудрявый, чернобровый красавец, родом из города Трубчевска, под старость промышлял торговлей. Из Трубчевска в Почеп возил на телеге горшки продавать. Однажды налетел на деда сам Григорий Котовский с отрядом. Вскочил на телегу, перебил все горшки. Дед так и ахнул от такого разбоя. А Григорий Иванович достал из кармана пачку денег, даёт их деду Даниле и говорит: «Возьми, дед, деньги эти за разбитые горшки, поезжай домой, купи коня, корову, хату и начинай новую жизнь, за которую воюем, и больше не торгуй горшками». Так дед и сделал. Всё купил на «получку» от Котовского, переехал со своей бабкой Верой – красавицей в «Уткин Лог», недалеко от Соснового Болота, обустроились. Было у них трое детей, одна из них - моя бабушка Татьяна, мать отца моего. Помню я свою прабабушку (по линии матери) Татьяну Никифоровну. Она жила долго. Говорили, что у неё «лошадиное сердце». Была крепостной. Свою волю выкупила рекордной победой - восхождением на гору и обратно с пудовыми гирями в обеих руках, без отдыха. Ни один из мужчин «гору» не взял, и волю из крепостной неволи не выкупил. В памяти народной сохранилась легенда «О Бабиной горе», в районе города Почепа.

В дружной крестьянской семье Тимошкиных Макара Дмитриевича и Христины Никитичны я была третьим ребёнком. Кроме меня, были ещё четыре сестры и два брата. Жили все девять человек в небольшой деревянной избушке с двумя окошками, вровень с завалинкой, под соломенной крышей. Лишь к 1940 году была построена пятистенка, жить в которой не пришлось.

Счастливым, радостным, безоблачным было наше босоногое детство. С весны и до поздней осени мы на просторах русской природы: ватагой босиком на лугу убегали за щавелем, чесноком, кислицей, явором, лечебными травами; в лес за ягодой, грибами, орехами, желудями, за вениками для бани, дубовыми листьями для выпечки хлеба в русской печи. В саду-огороде тоже надо трудиться, помогая родителям копать, сажать, полоть, поливать, убирать. В жару сбегать на «сажелки» искупаться. Вечером поиграть в русскую лапту, в «горелки». Любила я помогать отцу заниматься прививками в свом питомнике, экспериментируя по-мичурински делать прививки

помидоров на кустах картофеля, многосортовые плоды яблонь на одном дереве.

Родители, живя в любви и согласии, являли собой пример и нам жить дружно, любить друг друга, помогать друг другу, быть внимательными к младшим, уважать старших, родителей. Отец мечтал видеть своих детей всесторонне развитыми людьми. В основе воспитания – труд. Занимались музыкой. У каждого из нас был свой музыкальный инструмент: у Василия – гармонь, у меня и Василисы – гитара, у Тамары – мандалина, у Раисы – балалайка.

С семи лет пошла учиться в семилетнюю школу, построенную отцом, первым колхозным председателем в селе. Моя первая учительница - Кузнецова Анастасия Макаровна - дала мне «путёвку» в учителя, а директор школы - Елена Семёновна Николаева, преподаватель русского языка и литературы, определила в дальнейшем и факультет. Училась я охотно. С Похвальной грамотой окончила Сосново-Болотскую семилетку и без экзаменов поступила в Почепское педучилище, которое окончила в июне 1941 года. На воскресенье 22 июня был назначен выпускной вечер, и в субботу я поехала домой за нарядным платьем, которое сшила мама будущему педагогу. С радостью меня встретили сестрёнки: Тамара, Рая, 3-х летняя Тоня и полугодовалый любимый братик Вовочка. После ужина забрались на русскую печку, где любили спать, да так и уснули.

- Вставайте дети, - война…тревожным голосом разбудила нас мама, войдя утром в старенькую хатку после хлопот по хозяйству... Отец заведовал Ловатским детдомом. В зимнее время мама с 4-мя детьми жила с отцом при детдоме, помогая в воспитании осиротевших в финскую войну детей, проявляя материнскую любовь и заботу о каждом ребёнке. Там же работала воспитателем старшая моя сестра Василиса с мужем Сергеем. Ждал отец к себе на работу и меня, дипломированного учителя. На лето мама с детьми приехала домой поработать с ними в саду-огороде, встретить меня, дочь-учительницу…

И вдруг… война… Она вихрем ворвалась в наш дом, в каждую семью, перепутав все планы, разрушив мечты юности...

Я поспешила в педучилище. По пути, как всегда, зашла за другом-однокашником Лёней Антоновым, жившим в д. Богдановке. Долгим показался 4-х километровый путь сосновым

лесом до станции Красный Рог. Вдруг Лёня вспомнил, как весной 1941 года, идя по этой же прямой лесной дороге на водокачку - к станции, нам вещунья-кукушка отсчитывала годы: Лёне 1 год, а мне – до бесконечности куковала… «Пророчество» сбылось: весной 1942 года мой добрый, верный друг Лёня, белокурый, голубоглазый, спокойный, умный, трагически погиб, а я – живу, дышу, пишу…

Актовый зал педучилища. В суровом молчании собрались здесь выпускники огненного 1941 года. Предельно кратко прошла церемония вручения дипломов (аттестатов), направлений на работу - путёвок в жизнь. «А путёвка у вас, дорогие дипломированные учителя, одна, - наставляли нас директор Сорокин и завуч Захарова, - защищать Родину!» В ответ прозвучал чей-то пророческий голос: «После войны, друзья, встретимся в этот день - 22 июня, - на этом месте. А сейчас все уходим на фронт защищать родную землю, свою любовь, свое право жить достойно, учить детей так же, как учили нас в советской школе наши учителя!»

И все ушли воевать за Родину до полной Победы, и многие не вернулись с полей сражений. А те, кто живым вернулся с войны, встретились спустя 40 лет.

22 июня 1981 года… пятница… В районном доме культуры г. Почепа (здание педучилища разбомбили) необычное оживление. «Девочки!», «Мальчики!» в объятия друг другу бросаются - поседевшие, постаревшие - те, кого разлучила война. Это мы! Вчерашние выпускники 41-го, ныне герои минувшей войны. В строгих костюмах, на груди - боевые награды – немые свидетели ратного подвига народного учителя.

Импровизированный урок. На сцене — учительский стол, парты, классная доска. Звенит «звонок». На классной доске «всплывают» один за другим годы учёбы в педучилище: 1938, 39, 40-й и под мелодии довоенных песен, сменяя друг друга, поднимаются на сцену выпускники довоенных лет. Зал рукоплещет. Молодые, красивые, нарядные, весёлые, с живыми цветами в руках — это выпускники 1981 года школ города Почепа. Тревожно, набатно «всплыл» год I94I. Под мелодию песни «Вставай, страна огромная!» на сцену поднимаются его выпускники. Это — Мы! Зал вздрогнул, зарыдал, когда поимённо назывались погибшие. С корзиной цветов отправились к памятнику погибших. Это незабываемо.

На той памятной встрече — «выпускном бале… через 40 лет» со мной был младший сын Олег (в то время моего юношеского возраста). А спустя 22 года, 19 июня 2003 года, на выпускном вечере 17-летнего внука Михаила (сына Олега) в Пушкинской средней школе №5 я поведала собравшимся в актовом зале о своём выпускном… прошлого века… об огненном выпуске 1941 года! Сейчас Миша – студент Московского областного педагогического университета (МОПУ), который в 1955 году окончила я, его бабушка. А в 1975 году МОПИ им. Крупской окончил сын Володя.

Но вернусь в июнь 1941... 22 число… День клонился к вечеру, когда мы с Лёней после «торжества» возвращались домой. Простившись с другом у его дома, я продолжала путь полевой дорогой, по обе стороны которой колосилась рожь. И столько в ней васильков! Давай собирать любимые цветы — синеглазки и плести из них венки. Так, увешанная венками с охапкой в руках васильков я вошла в село. Взору моему предстала потрясающая картина: вдоль села в сторону запада идут и идут в серых шинелях солдаты, идут на фронт...

«Эй, чернявая с васильками, пошли с нами!» — приглашает молодой командир на коне.

«Подари на память васильки», — вторят ему пешие...

Все цветочки-василёчки раздала я солдатам, а командиру — венок на шею. Привал… Женщины-матери угощают родимых, чем Бог послал: молоко, творог, сало, яйца, хлеб, сухари в дорогу трудную, опасную, с пожеланием живым, с победой поскорее вернуться домой…

В августе 1941года трое моих однокурсников: Миша Козлов, Петя Михаленко и Лёня Антонов — приехали на велосипедах проститься со мной перед отправкой на войну. Мама угостила ребят яблоками, дала в дорогу, по-матерински благословив на ратный подвиг в борьбе с врагом. Я проводила друзей до дубовой рощи, в тревожном молчании лесной дорожкой дошли до могучего дуба, где тепло простились. Лёня с Петей, вскочив на велосипеды, быстро умчались, оставив нас вдвоем с Мишей. Навсегда запомнился мне стройный высокий юноша в коричневом костюме с вьющимися каштановыми волосами, карими глазами, излучавшими таинственный свет взволнованной души... Среди вековых дубов в тиши лесной Миша в смущении тихо произносит слова признания в любви, слова

клятвы: «Жив буду - разыщу на краю света!» - и, взяв с собой горсть земли, помчался догонять верных друзей... Но… Михаил Козлов - лётчик-истребитель погиб в воздушном бою за Сталинград в ноябре 1942 года. Леня, Алексей Антонов, трагически погиб весной 1942 г. И лишь Петя, Пётр Михайлович Михаленко, живым пришёл с войны и был на встрече огненного выпуска 22 июня I98I г. в ДК г. Почепа...

16 августа 194I г. последними уходили на войну мои земляки–односельчане, в их числе - Николай Боровиков, студент Кокинского сельскохозяйственного техникума. 4О лет считался он без вести пропавшим. Столько же лет юный партизан - разведчик Толя, Анатолий Запорожец, вёл поиск родных своего партизанского комиссара, чтобы передать последнее слово его: «Толя, передай родным, как все было».

Разыскав сестру Николая, Марию, Анатолий Васильевич, на руках которого скончался тяжело раненый 20-летний партизанский комиссар отряда им. Дзержинского на Кировоградчине, поведал ей подробности гибели брата, место захоронения.

В своей документальной повести «В 12 мальчишеских лет» Анатолий Запорожец описывает события, участником которых он был. Другу Николая Боровикова, Сергею Тишкину, вместе с ним ушедшему на фронт, посчастливилось живым, но изрядно покалеченным в боях под Курском и Сталинградом, на костылях вернуться домой до Победы, излечиться, жениться на фронтовичке, дочери полка – Тамаре Тимошкиной, обзавестись хозяйством, потрудиться ветврачом в колхозе, воспитать трудолюбивых 5-х детей, стать дедом, оставив добрую память о себе. В тот же августовский день проводила я верного друга юности Жору Пуршина. Этот простой скромный деревенский парень с первого и до последнего дня воевал за Победу, участвуя в боях, претерпев горечь поражения, окружения, отступления… Участник Сталинградской битвы, будучи раненным, возвращался в строй, храбро сражаясь до конца. С боями дошёл до Берлина, и с победой гвардии рядовой Георгий под стать Георгию Победоносцу вернулся домой - статный, бравый, вся грудь в боевых наградах. После освобождения родного села Сосновое Болото - сентябрь 1943 г. я получила первую весточку от Жоры. Он писал родным и мне. Но моей семьи не было, как и не было родного дома. До конца

войны шла эта волнующая, полная оптимизма, переписка, вселяя в сердца бойцов, надежду, любовь и веру в Победу. Одно из них в стихах я сохранила, как храню и фотографию из Берлина в день Победы.

Вот она, фронтовая (1944 год, п/п 22034 Пуршину Георгию Михайловичу):

Сейчас идет сильный дождь…
В этот день, дождливый и туманный,
Тяжело и грустно мне одному...
Где же ты, моя желанная?

Я верю, и жду, и тоскую…
Я знаю - вернусь, и тогда
Ты меня, родная, поцелуешь,
Как еще не целовала никогда.

Знаю, настанет тихий вечер,
Так ли?
И луна засветит огонек.
Этот вечер будет нашей встречей.
Этот вечер, знаю, недалек.

Отшагаю дни и ночи быстро.
И с Победой солнце встретит нас.
Помни ты, что каждый долгожданный
Приближает нашей встречи час!

И поверь, тебя не позабыл, я.
Ты всегда, всегда в душе моей.
Я люблю тебя, как прежде,
Нет, неправда, я люблю сильней!

Ничего нет писем твоих краше.
Ничего нет лучше для души.
Так пиши же, милая, почаще,
Если любишь – пожалей, пиши!

Жора

XXX

И в ответ:

И подруга далекая
Парню весточку шлет,
Что любовь ее девичья
Никогда не умрет.

Наля

Ныне солдат России, защитник Отечества, Г.М. Пуршин возглавляет в родном селе Совет ветеранов. В живых ныне только трое, с ним, фронтовиков: Н. В. Матвеев и Т. М. Тишкина, дочь полка. Все они — инвалиды Великой Отечественной войны.

Рвалась и я на фронт. Но не могла же я оставить маму с 4-мя младшими детьми. И начала свою военную службу с рытья окопов в Выгоничском районе. (Уткин Лог, Киселёвка, Малфа): июль- август – сентябрь 1941 года. Еще летом отец заскочил на пару дней домой, чтоб подготовить семью на случай эвакуации вместе с детдомом. В саду под сливами подготовил убежище от бомбежки. В конце лета прислал зятя Сергея на подводе забрать семью. Я отказалась ехать, заявив, что уйду на фронт… Мама с младшими детьми не решилась без отца ехать в неизвестность: «Будет, что будет, что людям, то и нам», - сказала мама. И мы остались в селе.

7 октября пал Брянск. 14 октября 4 верховых конников въехали в село. Вскоре появился немецкий обоз. Солдат расквартировали. Я впервые увидела «завоевателей», когда в хате появились четверо рослых, с белокурыми чубами, голубоглазых солдат арийской крови. Все с губными гармошками. Вели себя развязно, безудержно хохотали, выкрикивая: «Хайль, Гитлер! Москва капут!» Я стояла у книжной полки, когда один из них подошел ко мне, взяв учебник немецкого языка, стал громко читать, хохотать.

Мать с полугодовалым сыном Вовой на руках, с тревогой наблюдавшая за происходящим, стояла у печки. И когда немец, взглянув в мои черные глаза на смуглом лице, черные косы, произнёс: «иуда» (еврейка), мама быстрым движением сорвала со своей головы старый платок, повязала мою голову,

передав на руки мне Вову, вытолкнула меня за дверь. С братишкой на руках я скрылась в саду, в окопе, где спрятались мои три сестренки. Наутро немецкий обоз потянулся к Брянску.

Мы в оккупации… В полной неизвестности о делах на фронте… А с войны вдоль села в сторону Брянска всё идут и идут с поникшими головами солдаты – «окруженцы» в телогрейках. С утра до вечера к нам в хату заходили «служивые» обогреться, подкрепиться. И каждого мама накормит, напоит и в дорогу соберёт узелок с продуктами…

«Новый порядок» давал о себе знать: на сходке назначен староста - Толстопятов А.А., бывший председатель колхоза «Путь к социализму», встречавший с хлебом - солью новых хозяев. В помощниках - его племянник Толстопятов Константин, что заведовал почтой, по прозвищу «лузик». Распущен колхоз, растащено колхозное хозяйство, разделена по живым душам колхозная земля, колхозный скот. Поборы с населения: млеко, яйца, куры, гуси, хлеб, мясо, мука и пристреленные в хлевах колхозников коровы, свиньи - увозились на машинах в райцентр Выгоничи.

В начале ноября 41-го навестил нас дедушка «Муравей» с Малаховки. Он принес письмо от отца с Урала с точным адресом эвакуированного им детдома. «Чкаловская область, Кувандыкский район, Краснознаменский сельсовет, Ловатской детдом» «В письме отец сообщил причину, почему на его письма к нам не было ответа». «Да на почте же «лузик» из ненадёжных, таких надо остерегаться», - предупреждал отец. 7 ноября с той же Малаховки подружки – одноклассницы: Галя Гультаева и Катя Несмачная - принесли радостную весть: за рекой Десной в дубраве лесной появились партизаны, приглашают к себе в отряд. «Надо решать!» - предложила Катя… Завели патефон. Послушали наши советские песни: «Если завтра война..», «Дан приказ ему на запад»… Разошлись… В селе стали появляться незнакомые люди. Однажды такой незнакомец в немецкой форме пожаловал к нам в хату. «Хайль, Гитлер! Гутен таг», - отрапортовал «фриц» и, подойдя ко мне, по-русски спросил: «На кого работаем, комсомолочка?» Узнав во «фрице» своего однокашника Ивана Хакина, не скрывая гнева, от всей души влепила русскому Ивану по–русски пощечину: «Предатель!» - говорю. – «Ясненько!» - ответил тот. И, при-

ложив руку вместо козырька, к покрасневшей щеке, простившись: «Ауфидерзейн», поспешил за дверь. «Что ты натворила, безумная, что теперь с нами будет?» - взволнованно проголосила мама, окруженная детьми.

21 ноября, пятница, в селе престольный праздник - Михаилов День - вновь зашёл к нам Иван, но уже в русской форме. «Прошу прощение за столь суровую проверку на верность Родине», - подойдя к маме, сказал он: «Тебе же, Наля, от партизанского командира – важное задание», - тихо сказал Иван. И выйдя в сенцы, объяснил задачу: что и как сделать.

5 декабря, в День Сталинской Конституции, - моя первая партизанская разведка в районный центр Выгоничи, в райуправу. Ее возглавлял Крохин, бывший партактивист, знакомый моего отца (потому и выбор пал на меня).

Ранним морозным утром, в пятницу, в старом зимнем пальто, в старых валенках с галошами, повязав шалью голову и надев теплые варежки, с кошелкой в руке, отправилась я в дальний путь, 25 километров от села родного. Дул холодный пронизывающий ветер. На обочинах дороги валялась разбитая военная техника. Вот и огромное село Лопушь… Районная больница… Недалеко дом связного. К счастью, он был дома. Передав ему «пакет» с листовками, направилась в центр. Вечерело, когда я постучалась в дом Крохина. На стук вышла хозяйка. Узнав меня, она ахнула: «Что случилось?», - не дожидаясь ответа, поспешила проводить в дом, упрятать на русскую печку. Накормила, напоила и приказала молчать до её «распоряжения». Согревшись, я уснула. Как вдруг, не то во сне, не то наяву, слышу немецкую речь, хохот, возгласы под губную гармошку: «Москва капут! Хайль, Гитлер!» В ужасе проснулась: действительно, в горнице веселье… Ужасная лихорадка трясла меня всю ночь, которая казалась вечностью. В голове плясали тревожные мысли: неужели правда? Не может быть… Народ верит Москве и отстоит столицу! Утром, по «распоряжению» домохозяйки, собрав нужные для отряда сведения, отправилась в обратный путь и к вечеру была дома. Тревога, переживания, слёзы матери позади…

Впереди - связь с партизанами из села Уручья по организации опорных групп самообороны, целью которых было: вести разъяснительную работу среди населения о непобедимости Красной Армии; собирать оружие, оставленное нашей армией

при отступлении, проводить разведку на железных и грунтовых дорогах, следить за движением вражеских эшелонов к линии фронта: разведывать место нахождение складов с горючим, боеприпасами и т. д. С декабря в нашем селе действовала такая группа самообороны. Ее возглавлял Семён Голяков, местный житель. В нее входили комсомольцы, «окруженцы» - земляки: Артём Тимошкин, Ф. Савкин, М. Грибанов, Ф. Юнкин, А.Колесников, Н.Федоров, Пуршин, Терешонков, Басурин, и др. девчата: Мария Боровякова, Шура Семененкова, Галя и Катя из п. Малаховский, Сестры Антоновы - Анна Сергеевна, Евдокия и Мария Алейникова из п. Ивановский.

1942 год… Январь... Набирает силы наша группа самообороны. 13 числа приезжали на подводах партизаны из Уручья, провели собрание, прочли сводку Совинформбюро… Прошли слухи, что был сильный бой партизан с немцами на р. Десне. Вскоре слух подтвердился: 8 февраля через село в сторону Уручья двигалась карательная экспедиция под предводительством предателя Ильи Говорушкина, «жидка», по прозвищу. Немцы на лыжах, полицаи в обозе вооружены.

18 марта неожиданно в селе появилась Выгоничская полиция во главе с бургомистром Крохиным: 30 человек, 9 подвод, вооружены, заготовка мяса - 15 коров назначено на убой (в их числе и наша Буренушка).

19 марта прибыли вооружённые партизаны из Сталинской бригады. Ими пущен под откос немецкий эшелон. А в ночь на 9 марта группа партизан в составе: Матвеенко, Рыбакова, Уткина, Шпинькова, Гомонова, Воробьёва и Баздерова во главе с Катоминым - взорвали водокачку на станции Красный Рог. 30 марта партизаны отправились в разведку и в ночь на 31 марта выбили полицию из Богдановки.

Вскоре наша опорная группа, насчитывавшая более 100 человек, преобразовалась в партизанский отряд им. Чапаева. Выгоничский подпольный райком партии назначил А. Катомина командиром отряда. Боевыми помощниками командира были вырвавшиеся из окружения солдаты и командиры подразделений: Голяков С.П., Грибанов М.Г, Юнкин Ф.Т., Ульянов Г.И. , Пуршин И.М.. В пулемётный расчёт вошли: Фёдоров Н.Я., Тимошкин А.Д., Колесников А.И., Савкин Ф. (местные жители). Чапаевцы в составе партизан других отрядов вступили в боевые действия по разгрому вражеских гарнизо-

нов. Так, в ночь на 4 апреля в составе отряда им. Щорса под командованием В.А. Рысакова участвовали в бою с карательным гарнизоном в с. Красный Рог, спасая от неминуемой гибели советских патриотов. В бою погиб командир Рысаков В.А.

18 апреля на собрании односельчан командир зачитал Указ Советского правительства о военном займе 1942 года. Сам проводил заём, подпись прошла успешно. В сводке СОВИНФОРМБЮРО сообщалось о боевых действиях партизан Брянских лесов. Это вселяло в наших сердцах уверенность в победе!

На первомайском митинге в селе командир обратился с пламенной речью к молодежи: «Мы молодцы! Но вот пришло нечто большее, чем личная судьба каждого из нас - нависла смертельная опасность над Родиной, - и каждый должен ответить для себя: Кто ты? С кем ты?» И когда грянул бой на рассвете 29 мая 1942 года, на защиту родного, села Сосновое Болото - частицы Родины - встали чапаевцы во главе со своим 22-х летним командиром Катоминым из Подмосковного Курникова.

Уроженец д. Курниково, Лопасненского (Чеховского) района, Московской области, с 1939 года призванный в армию, Александр Николаевич Катомин курсант школы младших командиров 445 корпусного артполка Киевского особого военного округа встретил войну на Украине. С июня по ноябрь 1941 года был командиром взвода артполка на Юго-Западном фронте. В бою под Полтавой попал в окружение. Из окружения выходил осенью 1941 года. Достиг брянских лесов, где к этому времени формировались первые партизанские отряды... И вот он, молодой лейтенант, командир организованного им в тылу врага партизанского отряда им. Чапаева, вступил в неравный бой с карателями. В те решающие минуты он и впрямь походил на лихого Чапая: строгий, подтянутый, взор устремлен в предстоящий бой; в тёмно-карих глазах - решительность и смелость. Бой разгорался… Жарким был бой на участке взвода И. Пуршина, где находился командир. Опасность нарастала, есть раненые. Поникло на миномёте тело комсомольца Саши Корнеенкова. Озверели фашисты. Как ядовитые змеи, поползи они к пулеметному расчету Сергея Певнева схватить его живьём. Но Сергей, надвинув пилотку на лоб, сдвинув су-

ровые брови, стиснув до крови зубы, поднялся во весь рост и пустил одну за другой две гранаты в стан врага. Дымкой заволокло статную фигуру отважного бойца. Сжимается вокруг него кольцо фашистов в зелёных мундирах. И тогда смелый партизан бросает гранату у пулемета своего. Тем самым взрывает себя вместе с «Максимом», прихватив с собой недобитых ползучих гадов… Тяжело ранен командир Катомин: осколком снаряда угодило в поясницу, пулеметной очередью прошило обе ноги, разрывной пулей вышибло зуб, разворотив губы… Роковая случайность: ранен командир на том месте, где в августе 1941 г. прощались мы с однокурсником Мишей Козловым…

Окровавленного, но живого, в полном сознании, вынесли на руках с поля боя боевого командра его верные друзья, уложили на повозку на КП. Сопровождать Катомина подвязался «лузик» из местных партизан. Как выяснилось впоследствии, предатель «лузик» имел задание по пути «убрать» командира. Я помешала. Получив от связного приказ командира спасти документы, я направилась в Уты, где стоял отряд им. Баумана. Мама с детьми укрылась в окопе. Садом–огородом мимо Мордасовского кладбища я направилась к лозняку, как над головой вдруг пронеся снаряд, ухнув впереди. Взрывной волной меня отбросило в кусты лозняка. Очнувшись, услышала грохот колес, затем знакомый голос: «Налюша, сестричка, помоги, спасай!»… На повозке, вниз лицом, лежал окровавленный командир отряда. В правой руке - пистолет наготове. В его глазах мелькнула искорка надежды на спасение: «лузику» приказывает не оборачиваться, иначе - пуля в лоб. Шепотом предупреждает об осторожности и меня. В руке у меня тоже пистолет.

Кругом рвутся снаряды, звенят пули, на бреющем полёте, стервятник поливает нас свинцовым дождём. Улучаю момент оказать первую помощь: хоть как-то остановить кровь… Оглянувшись назад, увидела пожарище: горит, горит село родное, горит вся Родина моя. Где мама с детьми и что с ними??? Вот и село Уты, медпункт. На встречу вышли медработники, подъехали боевые командиры: Аркадий и Володя. Врач, осмотрев раненого, стала укорять меня: «Что ж ты, медсестра, не смогла оказать командиру умелую помощь?» на что раненый ответил: «Это не медсестра, а жена моя!» - «Вот те на,- удиви-

лись его друзья, - вчера, кажись, Сашка, ты был не женатый, а ныне … женат».

«Да, друзья, сегодня мы повенчаны с Налей «проливным пулемётным дождем». Не будь ее, неизвестно, увиделись бы мы сейчас и здесь живыми», - таков был ответ командира.

Потрясенная первым боевым крещением и "венчанием" с тяжело раненным партизанским командиром, с грустной думой о семье, под обстрелом и бомбёжкой, в сопровождении партизан, продолжала я путь через реку Десну в партизанский госпиталь Брянского леса, увозя на повозке человека, не зная, не ведая (да и откуда мне, 17-летней девчонке, было знать), что спасла жизнь своему будущему мужу...

Вот и госпиталь – землянка-«пятистенка» с двумя окошками вровень с землёй, расположенный в «Глухом ельнике». Справа от двери лежит животом вниз диверсант Сергей Чернов, раненный 22 мая в бою на станции Хмелёво. Как сейчас, вижу его распластанную спину с дышащими легкими. У окна положили командира Катомина. На третьи сутки был доставлен полуживой Коля Уткин. В 16 лет юный разведчик в бою получил 16 пуль. При отступлении отряда укрылся в мелколесье. По кровавому следу каратели обнаружили партизана в копне сена, вытащили оттуда и в упор из автомата дали очередь. Он потерял сознание… Лишь на третьи сутки разведчики обнаружили боевого друга и доставили в лесной госпиталь. Вскоре Колю Уткина, родом из села Красный рог, удалось отправить самолетом за линию фронта, на Большую Землю. Катомин же от эвакуации наотрез отказался. «Вот поправимся, ребята, и будем бить врага здесь до полного изгнания фашистов с родной земли, до Победы!» - утверждал он.

Дни и бессонные ночи проводила я в госпитале, оказывая помощь раненым. В землянке душно, донимали комары. Не хватало перевязочного материала и медикаментов. Без заморозки врачи проводили операции. Лечили травами и добрым словом. Наши милые, добрые люди в белых халатах: Л.И. Унковская, Н.И.Тодорцева, С.П. Шиленкова, М.Ф. Кривенко, ветврач М.В. Тарасов, А.И. Каничева, Ф.М. Федорковская – Вам низкий поклон.

1 июня приходили в госпиталь ребята из отряда, доложили командиру, что отряд под командованием комиссара М. Грибанова с боем отступил в с. Уты и влился в отряд им. Баумана.

Командир П. К. Попов. Каратели, ворвавшись в село, сожгли его дотла, 5 человек повесили возле кузницы. Жители укрылись в лесу, некоторые в погребах попрятались. В их числе моя подруга Мария Боровикова. Вот что поведала она мне, спустя многие годы после войны: «Перепуганные, мы сидели в нашем погребе, плотно прижавшись друг к другу, как вдруг на русском языке, ругаясь и матерясь, приказывают нам вылезать… Мы замерли… пулемётная очередь… стоны… раненые стали выползать. Остервеневшие звероподобные существа схватили меня и потащили в сарай на допрос… «Где командир Катомин и его (бранные слова), твоя подруга, её семья?» - «Молчишь, (бранные слова) сейчас заговоришь»… и до потери сознания били шомполами… Истерзанную, осквернённую, в разодранном платье, выбросили в огород. Ночью меня подобрала мама, упрятала и, как могла, приводила в сознание, исцеляла…» После войны уехала к сестре в Крым… долго там жила. Вернулась в родные края, обзавелась семьей... и вот, через 40 лет встреча! Она состоялась в год, когда Мария узнала о брате Николае.

Всю ночь Мария рассказывала мне тайны души своей и, обнажив спину, показала следы пыток фашистских извергов. На память подарила мне шёлковую косынку, где на чёрном фоне (война) – алые розы (кровь).

2 июня пробралась в госпиталь моя младшая сестра Тамара, ставшая связной отряда. Она рассказала об ужасах, причинённых карателями, но семья пока цела. Тамара по возможности приносила в госпиталь бельё раненым, перевязочный материл, приготовленный мамой из простыней. Мама с детьми поселилась в д. Яковске на высоком берегу р. Десны.

21 июня, в воскресенье, в торжественной обстановке сурового Брянского леса мы принимали присягу красного партизана.

КЛЯТВА ПАРТИЗАНА

«Я, гражданин Великого Советского Союза, верный сын героического советского народа, красный партизан /Ф. И. О./ даю партизанскую клятву перед своими боевыми товарищами, красными партизанами, что буду смел, решителен и беспощаден к врагам; не выпущу из рук оружия, пока последний гад на нашей советской земле не будет уничтожен.

Я клянусь, что никогда не выдам своего отряда, своих командиров, комиссаров и товарищей-партизан, всегда буду хранить партизанскую тайну, если бы это даже стоило мне жизни.

Я обязуюсь беспрекословно выполнять приказы своих командиров, начальников, строго соблюдать воинскую дисциплину.

Я клянусь всеми средствами помогать Красной Армии. Уничтожать бешеных гитлеровских псов, не щадя крови и самой жизни.

За сожжённые города, села, за смерть детей наших, за пытки, насилия и издевательства над моим народом я клянусь мстить врагу жестоко, беспощадно и неустанно! Кровь за кровь! Смерть за смерть!

Я клянусь, что скорее погибну в жестоком бою с врагом, чем отдам себя, свою семью и весь советский народ в рабство коварному врагу.

Я буду до конца жизни верен своей Родине, партии… Сталину. Если же по своей слабости, трусости или по злой воле я нарушу эту клятву и предам интересы народа, то пусть меня постигнет суровая кара, как врага Родины и народа».

(подпись кровью)

Июль 1942 года

Враг предпринял второе мощное наступление на парти-

занские села вдоль правобережья реки Десны и потеснил партизан за реку, где в лесных землянках нашли приют и местные жители, покинувшие свои хаты. Весь лес забит мирными жителями: плач, стоны женщин и детей… В одном из заболоченных мест расположился лагерь с мирными жителями под охраной партизан. От Трубчевска до Выгоничей занято врагом правобережье. Ежедневно обстреливается наша оборона по левому берегу Десны-реки. Штаб партизанского отряда находился в п. Гавань: командир – Попов П. К., комиссар Герасин Ф. В., начальник штаба – Катомин А. Н. Приказом командования наш госпиталь переведен в другое место, ближе к базе партизанской.

Вскоре возле госпиталя появился «лузик», но, при виде меня, исчез, о чём через связного я сообщила в штаб.

22 июля, улучив свободную минутку, написала письмо сестре на Урал.

23 июля после бомбёжки и обстрела в госпиталь доставлены 4 раненых мирных жителя, одна из них - Саша Пуршина, младшая сестра друга моего Жоры. Она ранена в обе ноги. От сильной потери крови скончалась. В конце августа с высокой температурой привезли Катомина, а с ним сводку Совинформбюро: «Наши войска наступают на Западном фронте".

Наступила осень 1942 года. Сентябрь, в лесу много черники, брусники, осенних грибов. Хорошая подмога в питании раненых и жителей.

Заработала партизанская почта. Получила письмо - ответ с Урала от сестры Василисы (Вали) от 20 августа 1942 года.

Копия письма от 20 августа 1942 г. от сестры Вали с Урала

«Добрый день, дорогая сестра Наля! С приветом к тебе твоя сестра Валя.

Дорогая сестра, я, когда получила твоё письмо, так я не знала, что делала: и плакала, и радовалась. Я уже потеряла все надежды с вами встретится. Куда я только не писала? И всё приходил ответ: вас нет. Но когда получила письмо, да к тому же - все живы, так я была рада, что не могу описать. Наля, теперь я ожидаю с вами встречи и быстрой, и желаю вам всем скорее ехать ко мне. Я про себя сейчас не буду писать, а ты мне напиши, как вы узнали мой адрес? Как вы там? Как доб-

рались до Ельца? И если вы решили ехать ко мне, то быстрей, пока тепло, и я вам советую - нигде не останавливайтесь. Наша семья большая и нужно много хлопот, дорогая сестра, постарайтесь как можно быстрей!

Я вам вышлю денег, только напиши - куда? Отбей телеграмму.

Теперь опиши мне про маму и про сестёр, и братишку, которому досталось больше всех. А вас Шура не дождётся, теперь каждый день говорит: «Когда придет бабушка?»

Дорогая мама, все мы жили вместе до марта месяца, а потом 9 марта ушел Сергей, а 15 марта – отец, и я осталась с Шурой. Мне было очень грустно, но я переживала и всё писала в розыски. Мама скорее приезжайте ко мне. Я теперь ночами не сплю и мечтаю, как бы встретиться. Если вас будут направлять куда-нибудь, то говорите к дочери.

Мой адрес: «Чкаловская область, Кувандыкский район, Краснознаменский сельсовет, Ловатской детский дом, Тимошкиной В. М.»

Теперь опишу про отца. Он находятся недалеко от вас. Я ему тоже пишу письмо и высылаю ваш адрес, а вам посылаю его адрес:

«Полевая почтовая станция № 1676, 685 ст.п. 76 м/м батарея - М.Д. Тимошкину»

Целую вас крепко: маму, Налю, Раю, Тоню и Вову, а также и Шурик всех вас целует. Сейчас он спит.

С приветом ваша дочь Валя. Желаю вам всего хорошего. Жду встречи.

Какие нужны документы, пишите скорей».

Озверелые фашисты в неистовстве своём сжигают занятые ими населённые пункты, готовят наступление на лесной массив.

21 сентября. На рассвете послышались орудийные и пулемётные выстрелы: враг наступал с Никольска на Боровень, Гавань… Весь день мы с больными бродили по лесу. Вечером вернулись в госпиталь, затопили печь, обогревшись, улеглись спать. В полночь ушли к отряду.

Началась блокада северо-западных участков Брянского леса, где днём и ночью, утопая по горло в болотах, не оставляя раненых и больных, пробираясь под перекрестным огнём, мы

уходили от преследования карателей с собаками. Несколько раз враг поджигал со всех сторон наш дом лесной, чтоб голодом, огнём и мечом задушить непокорённых народных мстителей. Мы выстояли тогда, благодаря умелому руководству наших верных командиров. Но мирных жителей не уберегли. На их долю выпали тяжелейшие испытания. Об этой трагедии народной узнаю я, спустя многие послевоенные годы, из уст моей сестры Тамары, живой свидетельницей которой она была. «В сентябре мы с мамой, как и другие партизанские семьи, оказались за р. Десной, в лесу, в Трусовом болоте. Начались бои. Каратели, прочёсывая лес, обнаружили нас. Всех забрали, вывели на большак Гавань-Сытенки, выстроили вдоль дороги, поставили на колени, нацелили пулеметы. Так простояли мы: женщины, старики, дети - целые сутки. Думали постреляют… Нет… Немецкие обозы все это время двигались по большаку в ограждении живыми людьми, обеспечив себе надёжную охрану от партизан. Утром нас погнали на Навлю. Конвоиры ехали верхом на конях. Шли трое суток без воды, без еды… В Навле погрузили все семьи в закрытые вагоны, повезли дальше. Остановились в г. Дмитрове, оттуда направили в г. Севск. Поселили в бараки, огороженные колючей проволокой. Рядом была тюрьма.

Фашисты, облив её горючей смесью, сожгли вместе с живыми людьми. В концлагере от голода и холода гибли люди. По ночам околицей увозили на повозках трупы на Варваринское кладбище, где сбрасывали в открытую большую ямумогилу… 4 декабря 1942 года, на праздник «Введения Богородицы», суждено было скончаться и нашей маме Христине Никитичне Тимошкиной. «Вечная ей и всем узникам фашизма - память».

«Октябрь уж наступил»… Октябрь 1942 года… в лесу затишье… временное, конечно, относительное, давно не читали сводок и газет. Что там на фронте? Первая октябрьская ночь под открытым небом, усеянным яркими осенними звёздами, на мхово-листовом ковре… Прохладно. Согреваемся, прижавшись друг к другу. Слышен гул самолётов. Наш быт: кушаем, что придётся, пьём какую-то болотную жидкость, ей же и умываемся, если позволяет обстановка; ни постирать, ни помыться… нормальный быт - на время забыт…

3 октября на комсомольском собрании подвели итоги сен-

тябрьских боёв. Комиссар отряда Ф. В. Герасин зачитал сводку Совинформбюро, где, в частности, говорилось о «партизанском» фронте в Брянских лесах, куда враг бросил несколько дивизий и 12 батальонов «СС» для борьбы с партизанами. Ковпак со своим отрядом уничтожил 2 дивизии врага, и 2 батальона эсэсовцев со всем вооружением захвачены в плен. 800 немцев уничтожено под Глинном, не считая потерь врага, нанесённых отрядами северо-западного массива.

Группа подрывников во главе с П. Ивакиным возвратилась с задания: ею пущен под откос эшелон противника с живой силой. Перед строем им объявлена благодарность командования, представлены к награде. Семён Голяков, побывавший в Сосновом Болоте ночью 5 октября, рассказал, что наша усадьба опустошена, а «лузик» - К. Толстопятов – ушел в полицию, участвовал с карательным отрядом в сентябрьских боях.

17 октября прибыли девчата - радистки из Москвы, а 18 мы уже слушали голос Москвы. Вскоре самолётом сброшено 3 парашюта с боеприпасами и продовольствием. Впервые пьём сладкий чай с бутербродами. Читаем газеты с Большой Земли: идут бои в районе Сталинграда и на Северном Кавказе, в районе Моздока. Жестокие бои, кровопролитные...

29 октября на комсомольском, а 30 числа на общем собрания отряда, решили подготовить подарок матери - Родине в честь 25 годовщины Великого Октября. Группа подрывников отправилась на боевое задание, а мы, девчата, взялись вышивать Красное Знамя отряда.

Красное Знамя над партизанским Моздоком

В начале ноября 1942 года разведка донесла, что каратели готовят крупное наступление на партизан, и по первому снегу грозятся переловить как зайцев, живыми всех, до единого, и уничтожить.

Командование разрабатывало свой план по уничтожению врага. Завершилось строительство круговой обороны лагеря. А мы в землянке при свете коптилки под песню «В тёмной роще густой» заканчивали Знамя отряда. На алом шёлковом полотне белой тесьмой из парашютных строп вырисовывались слова: «Да здравствует 25-я годовщина Великой Октябрьской Социалистической Революции! Смерть немецко-фашистским за-

хватчикам! Партизанский отряд им. Баумана. Брянский лес. 6 ноября 1942 года. Лена. Тоня. Наля. Надя»

Любимая песня Брянских партизан. На мотив «Там вдали, за рекой…».

Её хорошо знали партизаны Украины и Белоруссии, смоленских, калининских, ленинградских лесов.

В темной роще густой
Партизан молодой
Притаился в засаде с отрядом.
Под осенним дождём
Мы врага подождём
И растопчем фашистского гада.
Ни жена, ни сестра
Нас не ждут у окна,
Мать родная на стол не накроет.
Наши семьи ушли,
Наши хаты сожгли,
Только ветер в развалинах воет.

Он летит над страной
Этот ветер родной
И считает он слёзы и раны
Чтоб могли по ночам
Отомстить палачам
За позор и за смерть партизаны
Ночь упала темна,
Не светила луна,
Лишь у рощи костёр разгорался
Там немецкий обоз
Полетел под откос
И на собственных минах взорвался...

У дороги большой возле рощи густой
Золотистая зорька вставала.
Дождь и ветер утих, и на листьях сухих
Груда мертвых фашистов лежала.

Утро 6 ноября 1942 года… Неузнаваем вчерашний лес: всё

кругом белым-бело! Ночью выпал первый снег и одел в белые маскхалаты макушки могучих деревьев, покрыл крыши землянок и холмики дотов и траншей, что окружали партизанский лагерь. Морозно. Просыпается наш городок. Заклубился дым из землянок. Захлопали двери, застучали вёдрами у колодца. Из землянок выскакивают по пояс обнажённые ребята и ну умываться, обтираться снежком, играть, как в мирное время, в снежки… засновали туда и обратно лесные жители. Зачалась боевая жизнь лагеря, зорко охраняемая недремлющими часовыми днем и ночью в любую погоду…

К 12 часам до лагеря донеслись одиночные выстрелы, пулеметные очереди... Тревога!... По команде партизаны отряда отрядов Выгоничского объединения: им. Щорса, им. Лазо, им. Баумана, 26 бакинских комиссаров - заняли круговую оборону.

Огромный отряд карателей двигался на наши позиции. Вот они - завоеватели Европы... Самонадеянные, хмельные, в полный рост, с криком, беспорядочно стреляя, пошли в психическую атаку. Первыми приняли бой щорсовцы: застрочили пулемёты, из траншей полетели гранаты. Первая цепь, как подкошенная, повалилась на снег у траншей. Поднялась в атаку вторая, за ней третья цепь фашистов, встречая свинцовый огонь на пути. Несмотря на большие потери, они рвутся в траншеи. Батальон Н. Кузнецова в упор расстреливает наседавших. Пошли врукопашную. На подмогу подоспела группа комиссара Т. Жиляева. На соседнем участке сражается группа во главе с командиром отряда Николашкиным. Опасность нарастает… Отбив несколько атак, отряд вынужден отойти в оборону к «бакинцам», где находилось командование бригадой им. Щорса: Н.Д. Тарасов - командир, В.И. Колесов - комиссар, Б.Ф. Власов - начальник штаба. Сюда же переведены «лазовцы».

Карателям на время удалось прервать связь штаба с отрядом им. Баумана и ворваться в угловую землянку (где находились тяжело раненная мать партизанки-пулеметчицы Нади Филатовой; лихая разведчица Лена Дёмина, раненная в обе ноги в канун праздника при выполнении задания, другие раненые бойцы), автоматной очередью уничтожить раненых, зверски замучить мать Филатовой. Чудом удаётся спастись Лене: она успела выкатиться из окна и, как «перекати-поле» под ог-

нём добраться до нашей траншеи. Здесь ей оказали помощь и укрыли в дот Бауманцы во главе с командованием (П.К. Попов – командир, Ф.В. Герасин - комиссар, А.Н. Катомин – начальник штаба) продолжали удерживать оборону на своем участке. Опасность нарастала. Враг перенес минометный огонь на головной отряд. Бауманцы вынуждены были отойти в оборону «бакинцев». Началась очередная атака: из-за кустов поползли, как змеи, фашисты, уже не в полный рост и не такой лавиной…

Могучие деревья, принимая на себя удары мин, снарядов, пуль, спасали нас, помогали нам, защищали нас. О, Брянский лес! Друг земли, друг небес. Стойкий воин и верный, верный защитник Родины! Легенды скажут о тебе!

До поздней ночи бились партизаны. Отбивая одну атаку за другой, дрались самоотверженно, по примеру бойцов героической Красной Армии, сражавшихся на Северном Кавказе, в районе города Моздок, защищая родную землю, отстаивая в кровопролитных боях завоевания Великого Октября.

Наши вожаки объединения: Тарасов, Колесов, Власов – на самых ответственных участках обороны, в тесном взаимодействии с командирами отрядов и подразделений, умело руководят ночным боем, личным примером вдохновляя бойцов-партизан.

Четверо братьев Черненко: Николай, Алексей, два Ивана вместе с отцом Никоном Т. - героем гражданской войны - уроженцы п. Богдановский, зашли в тыл врага, и, посеяв панику в стане фашистов, помогали громить их. Лихо мстит за гибель матери отважная пулемётчица Надя Филатова, в союзе с другом Егором Федорковым, поливая свинцом, угощая непрошенных гостей. Пулеметный расчёт Бауманцев: Тимошкин – Федоров - Колесников и отважный смельчак Фрол Юнкин в упор расстреливали наседавших на траншеи оккупантов. Храбро сражаются бойцы и командиры: К. Селенскяй, П. Волков, И. Евсеев, Н. Макиенко, по прозвищу «Тарас Бульба», А. Карзыкин, И. Хакин, Б. Ильин, А. Зуев, Попков... Смертельно ранен Сергей Рыбаков. Застыла кровь на пулемете у Жоры Шадричева, косившего вражьи цепи с начала боя. Ранен А. Калинин, начальник штаба «бакинцев», геройски погиб Ванюша Черненко...

7 ноября 1942 года партизанский Моздок праздновал 25-ю

годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. И свою победу над коварным врагом - предвестницу Великой Победы! Над штабной землянкой в Брянском лесу реяло Красное Знамя! Над дверью – портрет Сталина, обрамлённый венком из хвои. Идет митинг. Командир Тарасов поздравляет всех собравшихся с праздником Великого Октября, с победой в бою. Комиссар Герасин зачитал принятый по радио приказ Сталина, где он поздравлял весь советский народ с 25-й годовщиной Великого Октября, призывал усилить борьбу с врагом в тылу противника, вселял уверенность в победу: «И на нашей улице будет праздник!» И отныне, заканчивая выступление, комиссар сказал - это место будем называть - Партизанским Моздоком». В приказе объединения начальник штаба Власов зачитал благодарность всему личному составу партизан, участвовавшему в ночном бою и одержавшему внушительную победу над врагом. Зачитал имена отличившихся. Минутой молчания почтили память погибших...

Усилилась разведывательная и подрывная работа: небольшими группами уходили партизаны на задание, прихватив с собой свежие листовки с текстом приказа Сталина, отпечатанные Федей Милениным. Слова, что выстрел, несли людям правду о положении на фронте, вселяя уверенность в победу.

8 ноября при минировании подходов к лагерю ранены командир отряда Попов и командир подрывной группы – И. Маринский, еще 4 человека. Попова удалось отправить на Большую Землю. Маринский умер от гангрены. Комиссар Герасин с группой в 80 человек в ночь на 9 ноября отправился на задание… Тревожит всех вопрос, почему долго не возвращается группа Каперзова. Комиссару удаётся выяснить причину: Каперзов, ценой предательства группы, убийства Семёна Голякова, сбежал в полицию… Это он указывал путь карателям 6 ноября. Как выяснилось, на партизан наступало тогда до двух с половиной тысяч карателей, в том числе, фашистов из полка «СС». Отступали с большими потерями, увозя на подводах трупы «завоевателей», в их числе, командира их батальона в белой папахе… Враг беснуется. Пытается взять реванш за поражение, и в ночь на 17 ноября вновь двинулся на наш лагерь… Заминировав не только все подходы, но и сам лагерь, ночью по приказу, мы оставили его. К рассвету добрались до Пролысова. Расположились в лесу за Пашеньками. Похолода-

ло. Днем жгли костры, обогреваясь и питаясь печеной рябиной. Ночи проводили – спали на еловых ветвях-лапниках, разостланных на золе от костров. Часовой охранял наш сон. Через час другой подавал команду повернуться на другой бок… Небольшой курьез: у врача Шиленковой С.П. загорелась шинель. По тревоге поднялись спящие, потушили «костер» и снова спать.

21 ноября, 1942 г. Ранним утром, в праздник Михаила Архангела, вернувшись в свой лагерь, увидели жуткую картину: землянки взорваны, а на деревьях болтаются внутренности карателей–завоевателей…

Ушли к «бакинцам», где по тревоге всю ночь держали оборону, а на рассвете, ушли покинув лагерь, добрались до Дрогачей. Обогревшись у костров, подкрепившись, чем могли, после двух дневного «отдыха» на снегу под открытом небом, отправились в путь. К вечеру прибыли в отряд им. Котовского. Усталые, голодные, после ужина расположились в землянках на ночлег. Узнали хорошие новости о наступлении сталинградцев.

27 ноября утром помылись в бане, а вечером в поход на операцию в Глинное, в оборону за Вздружным. Сильный ветер, холодно. Всю ночь с Марией Алейниковой в маленьком окопе, продрогшие мы сидели в обороне, а поутру начался бой… И лишь к вечеру вернулись в лагерь.

30 ноября из сводок узнали, что наши войска продолжают наступление на Сталинградском направлении. На Ржевском, Вяземском и Центральном направлениях прорвали линию обороны. Радостная весть придает нам силы. И еще радость – узнала, что моя верная подруга – по педучилищу – Валя Кащеева находится рядом, в отряде им. Жданова, бригады «Смерть немецким оккупантам», с нею Шура Трофименко. Передала им записку… Пришло письмо с Урала от сестры… Выдали по 400 г. хлеба… Подкрепились: несколько дней без хлеба…

Копия письма с Урала от сестры Вали от 5 октября 1942 г.

«Добрый день, дорогая сестра Наля!

Кода я получила твое второе письмо, то долго плакала, что вы не можете вырваться из зверских фашистских лап, но ниче-

го, наверное, на вашу долю выпало защищать родную страну.

Дорогая сестра, я очень много переживаю сейчас, что я не с вами, а вы не со мной. Дорогая сестра, я, конечно, не поняла вашего адреса, но я так готовилась к вашему приезду. Заготовила продуктов на зиму. Одеждой я вас бы своей снабдила: ведь я все свое мягкое взяла с собой. Теперь я опишу про свою жизнь: я живу хорошо, работаю в детдоме воспитательницей. Шура со мной тоже. Только одна на мне еще забота, что у меня к ноябрю будет второй ребёнок, но ничего. Советская власть детей снабжает хорошо. Питаемся мы все хорошо. Но только я теперь каждый день думаю о вас… Ведь наступает зима. Как мама будет с детьми, особенно с Тонечкой и Вовой? Ведь это малышки, за что они страдают? Папа наш тоже на фронте, но от него 2–ой месяц тоже не получаю письма. Он сейчас в боях. Сергей пока еще не на фронте. Он у меня давно был и так обрадовался, что вы приедете. Он мне помог заготовить продуктов. Мне помогает и детдом, и райисполком… Дорогая сестра Наля, я из-за слез не могу даже сообразить, что писать. Наля, пиши мне про маму, Томочку, Раечку, Тонечку, Вовочку. Как их здоровье и вообще подробнее опишите. Но у нас особых новостей нет. Работаем по фронтовому. Как живут жители нашего села, дедушка и тети? Где они? Дорогая сестра, пиши, пожалуйста, чаще мне письма, и я тебе буду писать. Пускай и они мне хоть по маленькой записочке пишут. Еще я тебя прошу, чтобы ты мне разъяснила, можно ли вам выслать что-либо, например, теплые носки, перчатки и т. д. Ведь я здесь могла бы купить или деньги тоже нужны. Опиши мне всё, хотя тебе и нет времени. Я буду часто писать письма и вы мне, а то от нас часто не попадают. Папа в каждом письме спрашивает, не нашла ли семью, всегда беспокоится. Он последнее время так переживал. Голова его стала белая. Насчет Васи пока неизвестно. Мне в Чкалове сделали портрет с пятиминутки. Вас ещё не сделала. Фото высылаю: своё, Сергея и папину, а Шурика фото заказала. Как сделают, так пришлю. Я много отдала папе, когда уходил на фронт. Теперь, сестра, опиши насчет своего товарища: кто и откуда родом, как зовут. У нас здесь много москвичей.

Передает привет всем, всем наш коллектив детдома, особо маме, особенно Антонина Васильевна и Дуся Дроздова… Привет боевому другу, всем товарищам-друзьям, что бьют

фашистов-оккупантов. Берегите друг друга, помогайте в тяжелых условиях друг другу. Пишите нам почаще!

Сестра Валя».

Вот и декабрь – последний месяц уходящего 1942 года. Первая декада ознаменована тем, что 5 декабря, в день Сталинской конституции, представитель фронта провел беседу «о положении на фронте и задачи партизан».

Встретились с И. В. Гуторовым, бригадным комиссаром. Шутник и балагур, Иван Васильевич, пришел в отряд им. Щорса из окружения, в ноябре 1941 года. В совершенстве владел немецким языком, с ребятами ходил в разведку в немецкой форме, не раз приводил «языка», был переводчиком. Под свою спутницу – гармонь пел свои частушки, песни:

Немец сам себя хвалил, что дотла Москву спалил.
Он спалил ее раз двести, а она стоит на месте.
Наши хаты разбомбили. У детей отняли кров.
Матерей и жён убили – Смерть за смерть и кровь за кровь.
Партизаны, партизаны, партизаны – молодцы!
В партизанах наши братья, деды, жёны и отцы.

Беспощадно бьют фашистов курские и брянские,
Бьют их с тыла, бьют их с флангов
Группы партизанские.

Оккупанты приходили, брали масло для блинов,
Приходила в полной форме, удирали - без штанов.

Полицаи, полицаи, уходите дале. –
Вы за пачку сигарет Родину продали.

Полицаи, полицаи, а что тебе надо?
Пуля в лоб, тело в гроб - вот тебе награда.

Заварили фрицы кашу, расхлебают жидкий суп.
На земле советской нашей – поломаешь, Гитлер, зуб.

Фриц воскликнул: «Нам капут!»
«И в германии и тут», -

Так в ответ ему сказал
Старый батька партизан.

Ты играй, моя гармонь,
Играй, шестипланка.
На моём счету, гармонь,
Три подбитых танка.

Понапрасну на морозы фрицы обижаются:
Не морозы, а колхозы с фрицами сражаются.

Фрица оторопь взяла, в страхе стонет, хмурится
Полетел он из Орла щипаною курицей…

Отправка больных и раненых на Большую землю. У Катомина открылись раны, и врачи настояли отправить и его… Но через несколько дней Катомин появился в отряде. «Сбежал», - говорит, - «нечего мне там делать!». Его вызвали в штаб бригады, перевели в отряд им. Лазо начальником штаба. В отрядах - реорганизация на армейский лад: батальоны, роты, взводы. По решению командования наша рота во главе с командиром Т. Костиным утром 12 декабря уходит на строительство зимних «квартир». Идем вдоль опушки леса. На посту девушка в зелёном пальто с винтовкой, спрашивает пароль: «Семь?» И по голосу я узнаю подругу – Валю Кащееву. «Валя, родная!» - и бросаюсь к ней в объятия. «Шура! - зовёт Валя подружку, - скорее смотри, кто идёт с отрядом». Та вмиг примчалась. «Наля, дорогая! Есть хочешь?». «Да!» - отвечаю. Девчата принесли хлеб, картошку, сало, «тошнотики» (лепёшка из перемёрзшей картошки). Пока мы обнимались, целовались, слезами обливались, ротный объявил привал… Дивятся ребята, радуются, а мой дядька Артём всплакнул даже.

Новый 1943 год – «переломный» год войны - встречаем в «зимних квартирах» - землянках среди дремучего Брянского леса, вдали от домашнего очага, своего дома, родных и близких. Тихо задушевно, с болью и грустью напевая: «Наши хаты сожгли, наши семьи ушли, только ветер в развалинах воет» - каждый по-своему вспоминал свою жизнь в мирное время, нарушенную войной, а потому в сознании каждого ещё ответст-

веннее звучали слова клятвы партизана: «…буду смел, дисциплинирован, решителен и беспощаден к врагам…» На Рождество, 7 января, отправила письмо на Урал.

В ночь на 11 января с группой А. Черненко отправилась в засаду. Сытенки. Село сожжено, жители угнаны. В уцелевших землянках нашли приют некоторые партизанские семьи, которых враг в эти сильные морозы выгнал в лес за своими мужьями, сыновьями... Пуще русских морозов лютуют озверелые фашисты. Отобранный у населения скот для отправки в Германию был сконцентрирован в сёлах: Уты и Сосновое Болото. Трое суток в засаде. Ребята принесли замёрзшие кочаны капусты и узелок лаврового листа. «Свари щи, сестричка» - просят ребята, оставив меня в землянке. Я им такие щи сварила, что когда, вернувшись с задания, сели есть из своих котелков, во рту всё жгло... стали отплёвываться. И мне стало горько, глядя на них, и я заплакала. «Не огорчайся, сестрица, не плачь, — утешал меня Лёня Черненко, - Вот прогоним фрицев, сваришь настоящие щи, даже борщ с мясом, солью». Надо же было мне в ведро с капустой высыпать весь лавровый лист: думала лист заменит и соль, и мясо...

В канун 1943 года на базе Выгонических партизанских отрядов была создана партизанская бригада им. Щорса: комбриг – Ромашин М.П., комиссар – Колесов В.И., начальник штаба - Власов Б.Ф. Приказом командования двух бригад: им. Щорса и «Смерть фашистским захватчикам» была проведена боевая операция по разгрому противника в сёлах: Уты, Лбы, Сосновое Болото...

Вспоминаю бой в ночь под старый новый год. Зима... 40-градусный мороз. Снежные заносы. Прямо с засады с группой А. Черненко отправляемся вместе с отрядом на задание. Утопая по пояс в сугробах, мы идём в родные, сожженные дотла сёла, чтобы в боях с карателями отбить у врага подготовленный к угону в Германию скот, спасти молодежь… И спасли! И отбили, и отстояли, и сохранили наше народное добро. На рассвете возвращаемся в лагерь.

После ночного новогоднего боя возвращаемся в свой дом лесной. К рассвету мороз усилился. Изнуренные боем и трудным переходам по снежным завалам, без отдыха, мы шли и шли, поддерживая друг друга. Перешли реку Десну. Далее путь лежал через сожженные врагом деревни. Мы шли с Ма-

рией Алейниковой из пос. Ивановский. Нет, не шли, а плелись, не заметив, как оказались позади всех, и остались совсем вдвоем. Силы на исходе. Решили отдохнуть. Свернули с Пролысовской дороги к колодцу-журавлю, где виднелась занесенная снегом корыто-комяга, где некогда поили колхозных лошадей. С трудом расчистив от снега себе местечко, мы с Марией уселись рядком и, прижавшись друг к дружке, быстро уснули. Чудным казался предутренний сон: тишина, тепло и сытно… А проснулись, к счастью, в партизанской землянке-госпитале с обмороженными лицами и пальцами рук и ног. Доставил нас сюда С.И. Толстых, начальник особого отдела, на лошади. Врачи Л.И. Унковская, С. П. Шиленкова, медсестра Валя Стеганцова исцелили: примерзшие к сапогам портянки отрывали вместе с волдырями, слезала кожа. Но обошлось без ампутации, а вот Марии Верениной, из Саловой Сосновки пришлось ампутировать пальцы ног.

В том бою погиб мой земляк Петя Бруенков, Федя Ковалев из Утов.

19 января... Крещенские морозы... Партийно-комсомольское собрание. Комиссар Герасин сообщил радостную весть: прорыв блокады Ленинграда, соединение фронтов: Волховского и Ленинградского. Координацией действий руководит Жуков, Ворошилов.

21 января - митинг памяти В. И. Ленина. Заветы Ильича свято выполняем: очищаем родную землю от фашистского сапога. Группами - на задание. Наша группа снова в засаду на трое суток: стакан ржи, хлеба 1,5 кг.

Февраль-вьюговей, кривые дороги..., но в лесу относительное затишье. И радостная телеграмма о наступлении Брянского фронта.

Но с Урала сестра сообщила в письме печальную весть: брат Василий погиб под Львовом, отец погиб в боях под Воронежем. Как пережить???

Копия письма с Урала от сестры Вали. Январь. 1943 г.

«Добрый день, дорогая сестра Наля!

Сообщаю, что я жива, здорова, того и вам желаю. Письмо я твоё получила, за которое очень и очень благодарю. Дорогая сестра, узнав о том, что нет вести от матери, я не могла даже

читать дальше письмо и долго плакала. Здесь ведь все эвакуированные, и у всех родные – там... Ты пишешь, что я не пойму ваших трудностей. Это обидно читать. Я всё, дорогая сестра, понимаю и переживаю, несмотря на хорошие условия нашей здешней жизни. Сколько я искала вас! Сколько писала везде! Наконец, настал долгожданный день, когда я получила радостную весть от вас, что вы живы. Из газет я знаю как вы живёте. Нам в каждом номере газеты пишут о брянских партизанах и их боевых делах. И вообще, интересуемся новостями фронта и своей области. Дорогая сестра, не могу этого горя пережить, что нет мамы, сестёр, братишки. Теперь пока мы с тобою остались в живых. Хотя бы встретиться с тобой. Когда дождёмся мы этого дня?

Ещё сообщаю, что живут здесь все хорошо, работают и помогают всеми силами Красной Армии, чтобы скорее разгромить врага. Колхозники вносят в фонд обороны свои личные сбережения, буквально все, начиная от одной тысячи и до ста тысяч рублей наличными.

Дорогая сестра, я как прочитала в газете, что немец выслал несколько дивизий на партизан брянских лесов, содрогнулась, подумала ужасное, что всех уничтожат, а тут от вас не дождалась письма. Но, Слава Богу! И письмо пришло, и страх рассеялся, и надежда появилась у меня и у всех в коллективе.

Передай привет всем партизанам брянских лесов от коллектива Ловатского детского дома. Наши пожелания - выстоять и победить! ждем с Победой!

Сестра Валя. Январь 1943 год».

23 февраля 25-годовщина Красной Армии. Мне - 19 лет… На митинге зачитали приказ Сталина в честь этой даты. Наша задача - усилить борьбу с врагом: диверсии, диверсии, диверсии и разведка...

Вечером в гостях были «бакинцы», «щорсовцы», «лазовцы». Под русскую гармошку отдохнули немножко, разрядились…

В конце февраля удалось в бане помыться, в снегу поваляться, а вечером быть на комсомольском собрании, вернее – партийно-комсомольском. Повестка дня: «Задачи партизан в связи с наступлением Красной Армии». Избрана делегатом на Первую подпольную межрайонную конференцию комсомола.

И месяц март, и день восьмой 1943 года вошёл в летопись Великой Отечественной Войны 1941–1945 гг., знаменитой боевой операцией «Голубой мост», что находится в районе станции Выгоничи.

Над серебристой Десной, как входные ворота в лесной массив Брянского леса, с ажурными сплетениями и чёткими узорами величаво стоит Голубой мост. По этому мосту днём и ночью зимой 1943 года шли и шли немецкие воинские эшелоны в сторону фронта. Бои шли под Севском. Командующий Центральным фронтом К.К. Рокоссовский обратился в Центральный штаб партизанского движения с предложением: поставить задачу брянским партизанам - взорвать Голубой мост. На имя командира объединённых партизанских бригад Емлютина и зам. начальника областного штаба Горшкова пришла радиограмма:

«Приказываю бригаде им. Щорса совместно с отрядом Ворошилова - первый под командованием Ромашина взорвать ж/д мост через Десну в районе Выгоничи.

Матвеев. 2 марта 1943 г.»

Подготовка к операции готовилась тщательно и в большом секрете. По ночам подрывники «репетировались».

Операцию назначили в ночь с 7 на 8 марта 1943 года. В ней задействованы 4 партизанские бригады. У каждой своя задача: им. Щорса: командир Ромашин, комиссар – Жиляев, начальник штаба – Власов. Основная задача - взрыв моста, ликвидация гарнизона противника. В помощь - 2 бригады: им. Кравцова (командир Дука), «Смерть немецким оккупантам» (командир Понуровский). Бригаде им. Ворошилова под командованием Покровского - атаковать Выгоничи и Кресты, парализовать противника в селе Лопушь. Нашему отряду им. Баумана под командованием Н. Черненко с группой в 60 человек занять оборону в пункте Выгоничи - Клинок на дороге Брянск - Почеп. Нашей группе в 30 человек под командованием Н. Воробьёва, начальника штаба, взорвать железнодорожное полотно в районе Хмелёво - Бородино и уничтожить телефонно-телеграфную связь, заминировать грунтовую дорогу Брянск-Почеп...

По данным разведки в Выгоничах и Крестах расположен немецкий гарнизон 250 - 300 человек, в Лопуши 2 роты, в По-

лужье – 1 рота. Подступы к мосту заминированы, обнесены густым проволочным заграждением с подвешенными консервными банками.

Пароль: «Десять!»

Пропуск: «Ты куришь?» -

Отзыв: «Огня нет!»

На рассвете 7 марта по лесным дорогам и просекам, занесённым глубоким снегом, с юга на север потянулись партизанские колонны и обоз. Шли спокойно, неторопливо - путь далекий и тяжёлый. После 30-ти километрового пути – отдых. И снова в путь, в сторону Залядки. Деревня сожжена карателями, жители расстреляны, а уцелевших - угнали в Германию.

Вот и последний привал… В полночь взвилась ракета - сигнал для штурма. Быстротечный бой… от Полужья до Бородино вдоль железной дороги, на грунтовых дорогах, в сёлах и посёлках: Выгоничи, Кресты, Лопушь… Голубая ракета оповестила об отходе. Задание выполнено: мост взорван. И прокатилось эхо над Брянским лесом о победе партизан.

Отошла ночь... Рассеялась серая дымка. Заблестало утро. До предела уставшие, укрыв в санях тяжелораненых, длинными колоннами возвращались партизаны в свои отряды. С правого берега Десны били пушки, минометы и крупнокалиберные пулемёты. Два звена «юнкерсов», с визгом разворачиваясь над полем и лесом у сожжённого посёлка Дрогачи, бомбили лагерь, где размещался штаб бригады им. Щорса. Не все живыми вернулись в дом лесной, партизанский. Погибли, в числе других, комиссар наш боевой – Т.В. Жиляев, подрывник Володя Алексеев, ленинградец. Мученической смертью погибла Таня Савченко. Раненая в обе ноги на мосту, она провалилась на лёд реки, и, незамеченная ни кем, осталась на поле боя... При утреннем обходе места боя каратели обнаружили Таню в ящике для песка, куда она смогла доползти и укрыться… На допросе её пытали. Не добившись показаний, вывели раздетую на мороз, поливали из шланга ледяной водой, пока не превратили в ледяную глыбу… Об этой трагедии после войны поведала нам мать Тани, единственная свидетельница казни дочери...

Рядом с мужчинами в ту мартовскую ночь отмечали мы - девушки и женщины, свой женский праздник - 8 марта. Это – Антонины: Ряжкина и Мокрогузова; Марии: Алейникова, Ве-

ренина, Сергеева, Сорокина, Низикова; сёстры: Мария и Надежда Кучерявенко; сёстры: Анна и Евдокия Антоновы; Софьи - Амельченкова и Фискова; Лены - Дёмина и Кулешова; Александры Филимонова и Иванечкина; Зинаида Дегтярёва и Тамара Арсёнова, Нина Шарикова и Таня Савченко. Наши славные медики: Любовь Тодорцева, Л. Унковская, А. Мосина, С. Шеленкова, В. Стеганцова, М. Кривенко, Аня Илюхина и Катя Будакова...

На митинге 8 марта, после отдыха, нас поздравили с Международным Женским Днем, объявили благодарность, представили к наградам.

Радист Юра Савченко из уцелевшей штабной землянки комбрига Ромашина радировал:

«Штаб партизанской бригады им. Щорса.

8 марта 1943 года. 12.30. Брянский лес.

Матвееву, Пономаренко, Емлютину.

Боевое донесение № бд 0803

Ваш приказ о взрыве ж/д моста через р. Десну, парализация грунтовой дороги Брянск – Почеп – выполнен 8.03.43 в 2.20.

Мост взорван. Движение эшелонов приостановлено. Взорвано 3 деревянных моста на грунтовых дорогах Брянск - Почеп. Гарнизон охраны Выгоничского моста: 143 человек немцев уничтожен. 3 захвачено в плен.

Ромашин – Власов».

(Из боевого дневника Власова)

Алексей Черненко, командир разведки п./о. им. Баумана, партизанский поэт-песенник, посвятил операции своё стихотворение «Взрыв Голубого моста».

Взрыв Голубого моста

Пурга без жалости крутила,
Бросалась снегом, как попало.
Порой смеялась и шутила,
На помощь ветры себе звала

В снегу глубоком увязая,
Спешили к цели партизаны.

Идут, усталости не зная,
Пылает тело, ноют раны.

Мороз трескучий им не страшен.
Пурга от вражьих глаз скрывает
Ведёт отряды в бой Ромашин.
-Вперёд! - На подвиг призывает…

Густая мгла плотней сгустилась,
Все вокруг покрылось пеленой.
Позёмка вихрями клубилась.
Нависли тучи над Десной.

Фашисты сильно охраняли
Железный мост через реку,
Все взоры к лесу направляли,
Держали пушку начеку.

Колючей проволкой рядами,
К мосту подходы преградив,
Деревья, росшие годами
Спилили, в пепел превратив.

Враги, как в крепости, зимою
В бетонных крепостях живут...
Отряды, скрытые пургою,
По льду реки на штурм идут

Они одеты в маскхалаты,
Взрывчатку тащат за собой.
В руках сжимая автоматы,
Подходят к цели, рвутся в бой.

- За нашу Русь! За мной, вперед! –
Звучит, как колокол набата,
Жиляев в бой отряд ведет:
«Громи захватчиков, ребята!»

И в эту ночь, под вой метели,
Раздался грохот над Десной:

Стальные фермы вверх взлетели,
Упали, скрылись под водой.

(Алексей Никонович Черненко, командир разведки п./о. им. Баумана, участник взрыва «Голубого моста». Брянский лес)

Вскоре после боя 8 марта по приказу командования, я вместе с медработниками сопровождала раненых в партизанский госпиталь Смелиж. Санный обоз под охраной автоматчиков медленно двигался партизанской дорогой, минуя вражеские заслоны. Путь был опасным, особо при переправе через скованную льдом р. Навлю.

Не слышен храп лошадей, притихли бойцы. И вдруг среди ночной тишины до моего слуха доносится знакомая мелодия «Иволги», любимой песни моего отца. Я замерла. Осторожно пробравшись к задушевно исполнявшему бойцу, спросила: «Откуда вы знаете эту песню?» - «То ж песня нашего замполита М.Д. Тимошкина», - ответил ворошиловец. «Тимошкина? Это ж мой отец!» - обрадовалась я, - но его нет в живых: он погиб в боях под Воронежем летом 1942 года, как сообщила сестра с Урала». – «Не может быть!» – возразил он. «Мы с ним недавно виделись, вместе были в бою при взрыве Голубого моста, где меня ранило. Штаб наш - в Чухраях, недалеко от Смелижа, куда вы нас везете в госпиталь для отправки самолётом».

Благополучно переправившись через р. Навлю сделали привал. С нами под охраной ехал плененный 8 марта немецкий генерал, которого живым надо было доставить на Большую Землю. Он был страшно удивлен, когда с глаз сняли повязку: «Найн, найн, партизаны... Москва гут, Гитлер – капут!» в испуге залепетал генерал в очках... Брянский лес молчал, головой качал... наш путь продолжался...

Вот и Селиж, госпиталь. Ночью должен прилететь самолёт... Я поспешила в Чухраи в надежде увидеть отца. В этих местах карателей не было, потому всё в сохранности: и хаты, и постройки, и скот, и птица. Люди заняты своими домашними делами. В Чухраях навстречу мне бежит цыганка с ребенком на руках: «Постой, молодая, красивая, куда спешишь? Дай погадаю». И взяв правую руку мою, предсказала: «Бежишь на

встречу с кровным королём, брюнетом. Но ты не встретишься с ним сейчас; путь твой лежит обратно, откуда прибыла. Там тебя ждут два короля - кровный и сердечный. С кровным встреча будет недолгой, а с сердечным живыми выйдете с войны. Дай бинтика для перевязки цыганёнка».

Действительно, в штабе отца не было, т. к. ещё не вернулся, как сообщил дежурный по штабу, с боевого задания-операции «Голубой мост». Казалось, быстрее птицы по лесной дороге я пролетела те 5 километров до Смелижа. Поделилась с боевой подругой Зиной Джуромской своей радостью и планом «дезертировать» утром из госпиталя. К счастью, ночью не было самолета, которым мы с Зиной по приказу командования должны сопровождать раненых. С вечера пошли на кухню помогать готовить. Запасли в дорогу необходимых продуктов. И на рассвете без пароля-пропуска, по бездорожью лесному, рискуя жизнью, отправились в обратный путь, ещё более опасный, чем в Смелиж. К вечеру добрались до заставы отряда им. Александра Невского, где нас после проверки, отдыха обнадёжили переправить с диверсионной группой через реку Навлю к своим. Лишь на третью ночь под усиленным обстрелом, на дрейфующих от взрыва мин и снарядов льдинах, нам удалось переправиться на другой берег. Ребята указали нам путь к своим. Промокшие, промёрзшие, обледеневшие, как весенние сосульки, - такими задержаны были часовым на посту Ждановского отряда и доставлены в дежурную землянку. «Ба, Наля, родная, дорогая, откуда ты явилась в таком виде?» - узнав меня, бросилась в объятия удивлённая Валя - однокашница по педучилищу. Тогда нас в шутку называли мама с дочкой: обе чернявые, строгие, мы были всегда вместе. Вот и сейчас Валя-мать обогрела, накормила нас конскими котлетами, расспросила обо всём, не забыв сообщить о гибели Шуры Трофименко. После обеда Валя с друзьями проводила нас с Зиной до нашей заставы... Незабываемая встреча!

«Как? Вы не на Большой Земле?» - с удивлением встретил нас в штабе бригады И.С. Мажукин - секретарь подпольного Выгонического райкома партии, друг отца. Нет, «дезертирами» нас не сочли, а по-отцовски, пожурив немного, обрадовал меня, что виделся с отцом моим, которому сказали, что дочь улетела на Большую Землю… Скорее в путь, к отцу!

Ранним утром, получив пропуск, 25 марта 1943 года я от-

правилась на поиск Ворошиловского отряда. Весна входила в свои права: на проталинах - синие, голубые подснежники, бобриками у нас называются... Забыв об опасности, о войне, бросилась собирать цветы... Да так с букетом синеглазок, была доставлена часовым в штаб Ворошиловского отряда для проверки, оттуда - в землянку. Она была освещена светом ярко пылавшей печи.

В центре на бревне в окружении бойцов сидел седовласый мужчина лет 45-ти с будёновским усами. Шла оживлённая беседа. «Могу я видеть Макара Дмитриевича Тимошкина?» - взволнованным голосом спросила я. И в ответ слышу родной голос: «Дочка! Настенька!» И, перепрыгнув через бревно, стал обнимать-целовать. Это был отец. По его лицу катились скупые солдатские слёзы, слёзы радости встречи и горечи о семье. «Ну, зачем не улетела на Большую землю, дочка? Хоть бы одна уцелела?». «Там мне делать нечего, отец. Будем вместе сражаться с врагом, здесь, на Малой Земле, в Брянских лесах», - решительно заявила я. Ворошиловцы наперебой поздравляли замполита с радостью встречи. За скромным партизанским застольем спели любимую «Иволгу»…

«Иволга»
(любимая песня моего отца М. Д. Тимошкина)

В этой роще березовой
Вдалеке от страданий и бед,
Где колеблется розовый
Немигающий утренний свет,
Где прозрачной лавиною
Льются листья с высоких ветвей
Спой мне, иволга, песню пустынную
Песню жизни моей.

Но ведь в жизни солдаты мы,
И уже на пределах ума
Содрогаются атомы
Белым вихрем, взметая дома.
Как безумные мельницы,
Машут войны крылами вокруг.
Где ж ты, иволга, леса отшельница

Что ж ты смолкла, мой друг?

Окруженная взрывами,
Над рекой, где чернеет камыш,
Ты летишь над обрывами,
Над руинами смерти летишь
Молчаливая странница,
Ты меня провожаешь на бой,
И смертельное облако тянется
Над твоей головой.

Над великими реками
Встанет солнце, И в утренней мгле
С опалёнными веками
Припаду я, убитый, к земле,
Крикнув бешеным вороном,
Весь дрожа, замолчит пулемёт,
И тогда в моём сердце разорванном
Голос твой запоёт.

25 марта 1943 г. Брянский лес.
Партизанская землянка ворошиловцев.
Встреча с отцом М. Д. Тимошкиным.
Голос отца «Иволга»
А. М. Катомина-Тимошкина, дочь.

До заката гостила я у отца. Он проводил меня до нашей заставы. Тогда из уст отца я узнала о легендарном Н. Щорсе, красном командире Богунского полка, под командованием которого партизанил отец в годы юности своей. С войны в память о любимом командире принес домой шкатулку с дарственной надписью «Красному партизану от Н. Щорса г. Унеча, 1918-1919 гг.» И песню «Иволга». Мог ли тогда предположить отец, что спустя почти четверть века, он встретит дочь-партизанку бригады им. Щорса в Брянских лесах?! И что из семерых его детей, вместе с отцом, будут сражаться с фашистами за Победу: двое – Василий и Тамара - на фронте, а третья, Анастасия (это я) - в партизанах. Отец поведал мне о тех трудностях при эвакуации детского дома, о причине по которой не смог сам приехать за семьёй, о том, как попал на фронт

и в бою под Воронежем оставлен раненым на поле боя, а после излечения местной старушкой ушёл в партизаны. На прощанье он подарил мне на память, градусник, военную гимнастерку, фотографию своих трех дочерей, которую взял с собой на фронт. Пообещал перевести меня к себе в отряд Ворошилова. В перерывах между боями урывали мы с отцом счастливые мгновения для встреч.

Апрель 1943 года.

Весна воды: снег почти сошел, сильно разлилась река Десна. В ночь на 2 апреля отправились на операцию в район станции Синезёрок на подрыв железной дороги и связи. Проклятые «дроги» не дают покоя: 3 раза в день «угощают» фугасками. Задание выполнено…

5 апреля мы с Сашей навестили отца в отряде. Отправила письмо сестре Вале на Урал с подробным описанием встречи с отцом.

Копия письма сестре Вале на Урал , 18 апреля, 1943 г.

«Партизанский привет из лесов брянских родной сестре Валюше и племянникам: Шуре и Лоре!

Валя! Не так давно, числа 12 апреля 1943 г., второпях я написала тебе письмецо, и в такой поспешке ничего подробного не написала. Ты не обижайся - такова наша жизнь, такова обстановка, в которой мы находимся. Прежде всего, дорогая сестра, я получила такую радость, что нет слов для описания восторга - это встреча с отцом. Ты сообщила, что он погиб, вернее - из боя не вернулся 26 июля 1942 года, сражаясь за Воронеж. Будучи в Смелиже, нашем освобожденном партизанами районе, 11-19 марта 1943 года, я написала тебе два письма, где сообщила о полученном известии про отца. Но я его тогда ещё не встречала. Отправив самолётом раненых на Большую землю, я вернулась в расположение своих отрядов, хотя имела полную возможность улететь, сопровождая раненых на Большую землю.

В отряде партизаны наперебой рассказывали об отце: он приходил в моё отсутствие, интересовался, где я, очень был доволен, что я, сопровождая раненых, улетела на Большую землю. Об этом мне рассказали Саша и дядя Артём. Хоть одна, говорят, из семьи уцелеет.

Мучительно долгой показалась ночь. А наутро, получив пропуск, я помчалась к ворошиловцам, чтоб увидеть живым из боя вернувшегося из-под Воронежа родного отца. И вот я в одной из землянок отряда им. Ворошилова, где замполит, как сказали в штабе, проводит политинформацию. Незабываемая встреча! Отец, конечно, не ожидал такого. От неожиданной радости и волнения по суровому лицу покатились непрошенные слёзы. Посыпались вопросы: почему не улетела с семьей? Где мои дети, жена, мать??? Как он изменился... Сколько пережил за всех нас. Весь белый. Пока мы обнимались, целовались с отцом, в землянке воцарилась тишина: бойцы замерли на своих местах, боясь нарушить счастливое, неповторимое мгновение радости жизни, во имя которой идёт сражение. И если погибнет кто из нас, то знай, Валюша, погибнем за великое дело нашего непоколебимого народа, партии, честь и свободу Отчизны родной. Останемся в живых - встретимся на родной земле, всем поделимся, всё расскажем… Не уйдут от расплаты подонки-предатели: толстопятовы, зуевы.

Теперь вместе с отцом до полного разгрома заклятых врагов и их пособников будем помогать фронту освобождать родную землю брянскую, всю советскую.

Позднее отец снова навестил своих земляков в нашем отряде, познакомился с Сашей. Он сейчас начальником штаба в нашем отряде, но, как бывший командир отряда им. Чапаева, рассказал отцу, как воевал в родном селе Сосновое Болото, как в бою 29 мая 1942 года был тяжело ранен, как познакомился со мной, и как я спасла ему жизнь в том страшном бою, иначе его пристрелили бы. Дядя Артём рассказал о нашей и своей семьях, но какова их судьба - неизвестно. Ты, Валюша, посылай розыск семьи, тебе это легче сделать.

Валя, уже весна. Наш родной дом-лес оживает, трава зеленеет, вода спадает. С питанием по-партизански неплохо: «тошнотики», скоро пойдёт чеснок, щавель, грибы… глядишь - и доживём до дня освобождения...

На этом кончаю. Пишу после тревоги. Даже чернилами. Привет от отца, дяди Артёма, Саши, от всех - партизанский привет!

Пиши о своей жизни, о детях, о детдоме, обо всех! Обнимаем, целуем, ждем!

Крепко целую тебя и деток.

Сестра Наля. 18 апреля, 1943 года».

11 апреля 1943 года. Первая подпольная межрайонная комсомольская конференция. Представитель ЦК комсомола сделал доклад об истории и боевых традициях комсомола, о задачах подпольной комсомольской организации в настоящее время. Саша Карзыкин 1-й секретарь нашего, Выгонического РК комсомола, познакомил меня с В.А. Андреевым, одним из руководителей партизанского движения в наших краях.

Василий Андреевич Андреев с весны 1943года командовал 1-м молдавским соединением партизан. В документальной повести «Народная война», выпущенной в 1948-52 гг., В.А. Андреев отразил события начального периода партизанского движения Выгоничского района, участником которых он был.

25 апреля - ПАСХА. Со 2-й группой Воробьёва Н.И. и П. Якушева идем на задание... До конца месяца готовимся к 1 Мая: это и диверсии и выпуск «Боевых листков» на бересте, а на земле у землянок из камешков выкладываем слова майских призывов. Я — редактор...

Май 1943 года.

1 мая встречали в бою на большаке Глинное - Вздружное. Всю ночь лил дождь. К рассвету добрались до места. Вот и вражьи дзоты. Фрицы выбиты. Занимаем вражьи дзоты. Бой продолжается. В одном из дзотов через крышу к нам с Марусей Алейниковой проваливается вооружённый фриц, за ним с автоматом - Сергей Шелевёрстов, и тут же прикладом прикончил его. Отбой... Есть убитые и раненые у нас. Навстречу бежит Шура Филимонова, раненая в грудь - кровь фонтаном... Помощь.

2 мая. Праздничный вечер. Художественная самодеятельность: партизанские песни и частушки под русскую гармонь, танцы и наш коронный номер – цыганский танец с Лёней Черненко, его куплеты, стихи...

После войны из Алма-Аты партизан Сергей Шелевёрстов напишет: «Ты помнишь, Лёня, тот майский вечер, редкий вечер из нашей партизанской жизни, и тот задорный танец «цыганочка» с Налей, и твои куплеты».

5 мая 1943 года. Отец в гостях у нас, своих земляков-«бауманцев». С нами дядька Артём, брат отца. Под густой

раскидистой ёлкой идёт задушевная беседа. По-отцовски наставляет отец Сашу – беречь друг друга: друзья познаются в беде. С болью вспоминаем о семьях: где они???

7 мая - отправка раненых в Смедиж.

12 мая - прибыл с диверсии командир Черненко с группой: взорвано 3 автомашины врага с живой силой и горючим.

13 мая - 23 года командиру, ныне - начальнику штаба отряда им. Лазо, А. Катомину. День рождения отметили у отца. Сходили на базу «бауманцев». Нашли место, где хранился комсомольский билет и дневник, извлекли из-под корча. Всё промокло; чернила расплылись. Но какая радость, что всё сохранилось. Сберегу его для истории…

16 мая – перехожу в отряд «Лазо». Не хочется, но что делать? С отрядом уходим на задание: на берегу много немцев. Гроза. Ливень.

17 мая получила 3 письма от Вали. Саша - 4 из дома, от сестры Аси из Курникова. Очень интересные письма с Большой Земли...

До 21 мая по тревоге в обороне. Где-то в лесу бомбят. Дождь. Противник в Андреевском хуторе. Движется по большакам. Град…

Диверсии партизан вынудили врага бросить на борьбу с ними многочисленные силы регулярной армии, тем самым очистить свой тыл перед Орловско-Курской битвой.

Замысел врага был известен объединённому командованию партизан, потому было решено по-бригадно занять круговую оборону для отражения вражеских атак, по примеру «Моздока», лишь в другом месте - это район Дрогачей, Пашенского поля, Сидоровки, Голубичи.

21 мая 1943года. С утра начался интенсивный огонь противника: снаряды и мины ложились по лагерю. Заработали наши пулеметы. Ползком, короткими перебежками приближались к лагерю фашисты и тут же окапывались. С шумом, криком и выкриками русского «ура» немцы пошли в атаку.

«Танк!» - пронеслось по всему лагерю: со стороны Сидоровского большака шёл немецкий танк, за ним - пехота... В панике, сорвавшись с обороны, партизаны, как сумасшедшие, помчались в противоположную сторону, где напоролись на засаду противника, попав под перекрёстный пулеметный огонь. Начальник особого отдела Рожкевич с отрядом, выско-

чив из траншеи, выбежал навстречу бегущим, остановил основную часть, повернул, занял вторую линию обороны, и со всеми вместе продолжали оборону до ночи. Наша группа продолжала безумный «кросс» до «Лубяных болот», потеряв несколько ребят, в том число, врача Шиленкову С.П.: кустом задело очки, и пока она их искала, её схватили немцы.

Блокада… Мы в железных вражеских клещах под прицелом танков. И снова на выручку партизан приходит русская природа. Как мартовская дымка прикрывала при взрыве Голубого моста, так майское, туманное утро обеспечило незаметный переход через открытое Пашенское поле, всего в нескольких метрах от вражеских танков. До полного рассвета нам предстояло пересечь два большака: Пролысово - Дрогачи и Гололобово - Пролысово. Преодолев препятствие: болота и вброд речушку Волковка, стремительного перехода 2-х большаков, мы сделали привал…

7 часов утра… Мертвецким сном повалились ребята на росистую травушку. Тишина…лишь изредка глуховатый кашель её нарушал. Все ещё спали, как в стороне оставленного лагеря послышалась односторонняя стрельба из пулемётов, миномётов... затем сильные взрывы... и снова затишье. Видимо, враг повёл наступление на - пустой партизанский лагерь... и взрывы наших мин, что оставили завоевателям.

В жесткой схватке с врагом 21 мая погибли: разведчик Малько Архип, ранены комбриг Писарев, минеры: Сапин, Лапшин, а комиссар нашей бригады Н. Курнявцев с группой пропал без вести...

В конце войны удалось узнать подробности трагической гибели Н. Курнявцева с группой в 20 человек на рассвете 22 мая 1943 года.

До конца мая нам удавалось без боя укрываться днём в топких болотах, а ночью по кочкам выбираться из «окружения», промокшие, но не терявшие присутствия боевого духа и веры в победу, мы шли и шли за своими командирами. В небе рыскал вражий самолёт-разведчик «рама», на земле по пятам — каратели с собаками...

Июнь 1943 года.

О сложившемся катастрофическом положении партизан командование сообщило на Большую Землю. И в ночь на 28

мая прибыл груз с продовольствием и боеприпасами: на одной из полян партизаны разожгли костры - сигнал для принятия парашютов. В ночь на 3-е июня вновь встречали нашего «Дугласа» с ценнейшим грузом. Радости не было конца: впервые поели мясные консервы (правда американские), попили чай с сухарями.

В ночь на 9 июня, выйдя за р. Рёвны, при принятии очередного груза с Большой Земли, были обнаружены противником. Завязался бой за каждый парашют, за каждый мешок. Приняв последний груз в ночь с 15 на 16 июня, мы укрылись в одном из болот. Враг продолжал преследовать. Нависла угроза окружения. Дан приказ: выйти в массив за р. Навлю, южный массив лесов брянских. В одном из болот вынуждены были оставить группу раненых под присмотром двух медсестер: Ани Илюхиной и Кати Будаковой. Их предали. Каратели пристрелили раненых. Девушек, с дощечками на груди «партизанка», под конвоем провели родными их сёлами до штаба в с. Красный Рог. После допросов и пыток их казнили…

В другом болоте в то же лето рождается новая жизнь. «И под ёлкой родилась партизанка Галочка», - споёт про себя после войны дочь партизанских супругов: лихой разведчицы — Лены Дёминой и командира разведки — Михаила Ильинского из Рыбинска, трагически погибшего до рождения дочери.

В короткую июньскую ночь с 16 на 17, предстоял 30-ти километровый марш-бросок по открытому полю к переправе на р. Навле. Трудность ещё состояла в том, что большинство партизан были настолько изнурены переходами и голодом, что еле передвигали ноги. Ослабленных поддерживали товарищи. Врач Унковская Л. И., обессиленная после тифа, не желая быть обузой в пути, умоляла ребят прикончить её. Но мы с Марией Алейниковой, подхватив врача под руки, буквально дотащили её до реки. И вместе со всеми бойцами, прямо сходу, в одежде, с оружием, бросились форсировать водный рубеж. И не оставили врача.

Требовалась передышка… Замертво попадали на росистую родную землю-матушку... Предрассветная тишина… Как вдруг - тревога!

Разведка донесла – «мы в смертельном треугольнике»: впереди - железная дорога Брянск – Киев под охраной бронепоезда, справа - большак Алтухово – Салтановка под охраной,

позади - всё та же река Навля, где вражья засада с пулеметами и бронетранспортёрами ждет нас…

Вот в этом смертельном треугольнике и решили покончить со «сталинскими бандитами». В полдень над нами закружился вражеский стервятник-разведчик, затем появились бомбардировщики, «угощая» нас начинённой фугаской. После массированного орудийно-миномётного обстрела немцы начали тщательную прочёску «треугольника»… Завязалась жестокая схватка. Появились убитые, раненые. Нас троих: меня, Тоню Ряжкину и комиссара «Лазо» Тишина В. А. - оглушило снарядом, засыпало землёй. На помощь подоспели Дуся Ивакина и Миша Горбулин.

Стемнело. Всё стихло. Только слышно оживлённое движение на железной дороге и большаке, да прерывистые пулемётные очереди на реке Навле. Разведчики бригады Дука в поиске места прорыва кольца.

20 июня. Ночь... Короткая июньская ночь… Железнодорожный переезд. Именно здесь решено прорвать кольцо блокады.

Впереди автоматчики бригады Дука, за ними - остальные, в том числе щорсовцы, лавиной двинулись на прорыв… В это время на полных парах мчится немецкий бронепоезд, и с ним несколько товарных вагонов, и на пути нашего перехода остановился. Заработали автопушки, крупнокалиберные пулемёты... интенсивный огонь открылся по лесу... Пушки с башен бронепоезда бьют прямой наводкой термитными снарядами... «Кто хоть однажды видел это - тот не забудет никогда». Всё в огне, стонах, криках, дыму. Команд не слышно: весь лес содрогался от громовых ударов. Мы залегли у бровки железнодорожной насыпи и до рассвета не могли поднять голову… Рядом А. Катомин. У него открылись и кровоточат старые раны, полученные в бою 29 мая 1942 года. Ранен в руку комиссар Герасин. Рискуя собственной жизнью, медсестра Любовь Бельченко спасает ему жизнь. Фельдшер Валя Стеганцова ухитряется подползти к раненной в ногу Марии Алейниковой перевязать ногу. Рядом Сергей Иванович Толстых и Коптев (впоследствии оказался шпионом) предлагают свои услуги - глоток ржавой воды...

Светает... Пролетел над головами «стервятник», сбросил листовки с призывом сдаваться. И пропуск: «Бей жидов - спа-

сай Россию!»...

Зловещая тишина... Что делать? Решаем - мелкими группами: 2-3 человека, самостоятельно искать выход из окружения, пробираться к своим…

Мы вдвоём с Катоминым уползаем от железной дороги к лесу…

На пути – вывороченная с корнями вековая сосна. Под корнями - лужа с ржавой водой. «Вот наша крепость», - шепчет командир. И мы по горло заползаем в лужу-крепость. Усаживаемся друг к другу спиной, вооружаемся. У каждого в правой руке – пистолет, за поясом – граната. «Жаль, что никто не узнает, где могила наша, какой смертью придется погибать…, но живьем не сдадимся», - продолжает Катомин… Ведем наблюдение и держим круговую оборону… Не так долго – но чего это стоило!

С восходом солнца – ещё прореска лесного массива… Слышны одиночные выстрелы и стоны раненых. К полудню блокада полностью снята… Мы – живы! Но, до неузнаваемости постаревшие, поседевшие, вышли из «крепости своей», не зная, не ведая, куда путь держать, что ждет нас впереди… Питаемся ягодами, грибами-сыроежками, травами…

Лишь на третьи сутки по лесному неведомому бездорожью – голодные, опухшие, отёкшие – мы добрались, доплелись, поползли до своей бригады им. Щорса в южном массиве Брянского леса. Понадобилось еще несколько суток, чтоб вывести нас из обморочного голодного состояния. А рядовой Ваня Черненко (брат которого, тоже Ваня, погибший в «Моздоке») так и скончался здесь от голода. Перед смертью просил: «Дайте корочку хлеба»… Многих очень боевых друзей не досчитались в бригаде за эти «чёрные 33 дня». Погиб и мой отец…

Неделя относительного отдыха на новом месте. Небольшая речушка Соля проходит через сплошной лес, богатый ягодами, грибами. До 12 часов дымятся костры по всему лагерю, а после 12-ти в лагере тишина: почти все уходят к ручейку, где в кристальной воде стираем бельё, обливаемся, а кое-кто отыскивает и ловит под корчами раков. Иные уходят в лес и возвращаются с полными кузовками ягод, грибов. К вечеру снова дымятся костры в лагере: готовят обед — ужин…

Июль 1943 года.

Доставлен груз с Большой Земли. Получила письмо от сестры с Урала. Из сводок Совинформбюро узнали о наступлении наших войск на Орловско-Курском и Белгородском направлениях. А немецкое радио передавало свою информацию: «Немецкие части в трудной лесистой местности ведут ожесточенные бои с крупными силами партизан до полного их уничтожения»… Бои в лесу продолжаются, но уже не с частями регулярной немецкой армии (они отозваны на фронт), а с карательными отрядами «РОА», батальоном мадьяр. В районе п. Пролетарский мы держим заставу, т. к. в с. Мальцево находится противник. Наша разведка вернулась из-за Навли: противник возводит оборону по р. Рёвны, Переторги, Синезёрки; восстанавливает мосты, дороги...

Снова приказ: возвращаться в северный массив леса и своими боевыми действиями помогать Советской Армии изгонять врага с родной земли. И значительно поредевшая партизанская колонна, ведомая комбригом А. Т. Писаревым (вместо выбывшего в центральный штаб М. П. Ромашина) и начальником штаба Б. Ф. Власовым с присоединёнными бригадами им. Кравцова, «Смерть немецким оккупантам», диверсионно-подрывной группой штаба южной группировки, в ночь на 21 июля 1943 года с боем форсировали все ту же реку Навлю и вышли в район Юрково Поле

На востоке слышна канонада. Но путь к победе далёк и труден... На марше мы, девчата, поочерёдно, от привала до привала, несли рацию. Ночь, дождливая июльская ночь. К рассвету очередь дошла до меня... «Привал», - тихо пронеслось по цепи. Все повалились на мокрую траву… уснули. Когда я проснулась – ни рации, ни партизан: я оказалась одна, без рации (за кустом проспала никем не замеченная). Что делать? Куда идти? Из-за туч показалась луна, осветив путь следования по примятой траве... Иду... «Стой! Руки вверх!» - вдруг оглушил меня русский голос: из-за кустов выскочили трое с пулеметом. «Ложись! Гады!», - и, взметнув гранатой, заставила их лечь. «Да ты, что сдурела? Мы же свои. Отстали от бригады на привале», - услышала я в ответ. Объяснились. И пошла я с пулемётным расчётом отряда им. Щорса вдоль опушки березняка, собирая ягоды. Навстречу шла наша разведка искать пропавших. Пришлось объясняться в штабе отряда «Лазо». По-

отрядно расположились на отдых. Выставлены дозоры… А кругом столько грибов, ягод. И мы вчетвером: я, Тоня Ряжкина, Лена Шпакова и её отец Шпаков, начальник особого отдела, с разрешения командования пошли за дарами природы недалеко от отряда в лес. Строгий наказ: рядом друг с другом. Никаких «ау!». И снова со мной приключение: я одна, рядом никого. Туда-сюда - никого, и я помчалась вперёд с котелком черники, в санитарной сумке — грибы... Выскочив на трассу, окунулась в кусты с малиной. Давай ломать ветки с ягодой и в охапку. Как вдруг слышу: «Комэн зи» - и вижу, недалеко на пне сидит фриц, обнаженный по пояс, отмахиваясь ветками от комаров. Не то от испуга, не то от удивления, свернув вправо, полетела меж деревьев и кустов, теряя грибы, ягоды… и прямо… к своим! Что тут было! Тревога! «Под арест!» - говорит комиссар Тишин. «Товарищ комиссар, потом под арест, там немцы!». Вскоре разведка донесла, что «там» немецкая засада. И вместо ареста мне объявлена благодарность перед строем отряда... Снова в поход…

И пошли боевые будни партизан: диверсии, разведка, хозоперации…Рельсовая война: весь июль-август 1943 года мы в боях, засадах, диверсиях.

Наряду с боевыми операциями проводились и хозяйственные, по заготовке продуктов. Губительный, всепожирающий смерч огня и металла пронёсся над лесным массивом. Никто из мирных жителей не предполагал такого ужаса, потому с весны проводили на колхозных своих полях посев зерновых, посадку овощных и картофеля.

В августе 1943 года, по заданию командования мы повзводно под охраной, ежедневно отправлялись на заготовку картофеля. Настала очередь идти нашему взводу. Командир – Фрол Юнкин, в охране - пулеметный расчёт: Федоров-Колесников-Тимошкин. Утренняя тишина. Набрали в вещевые мешки картошки, гуськом возвращаемся обратно. По настилу переходим болото, по обе стороны - густой кустарник. И вдруг кусты зашевелились и из болота, как черти, с криком, без стрельбы стали выскакивать вооруженные полицаи, стараясь схватить живыми. Вот сзади за мой вещевой мешок вцепился «черт» и тут же с мешком шлепнулся в болото. К счастью, мешок не был связан на груди. И я помчалась догонять своих… В отряде - тревога: отправились бить «чертей».

Сентябрь 1943 года.

9 сентября 1943 года… Брянский лес. Район Думчи, Дрогачей, Юркова поля… Счастливая, незабываемая, долгожданная осенняя ночь!!!

После многих долгих, тревожных дней и бессонных ночей в лесной болотной глуши, в трепетном ожидании чего-то волшебного, в ночную тишину врывается вдруг шум, гам, крики: «Ура! Красная Армия!»

Казалось, все разом сорвались с болота и наперебой, толкая друг друга, кричат, свистят, обнимаются, целуются, кувыркаются…

Свершилось! Час соединения с родной Красной Армии настал!

10 сентября, в 12 часов дня, на одной из живописнейших полян Брянского леса, вблизи Сидоровского лесничества состоялся митинг в честь исторического события - долгожданной встречи двух фронтов: Красной Армии и лесного партизанского Брянского!

Выстроились мы полукругом не в парадной форме, а в изрядно потрепанной, повседневной боевой. На ногах изношенная обувь. Но какие лица! Не смотря на их бледность, утомленность изнурёнными жестокими боями и трудными переходами, бессонными ночами, лица оживлены улыбками, глаза сияют. И каждый, крепко сжимая перед собою боевое оружие, готов бить врага до полной победы. С затаённым дыханием слушаем своих командиров, верных товарищей; представителей – освободителей - Красной Армии. Минутой молчания почтили память погибших боевых друзей.

Своеобразным партизанским салютом из пистолетов, винтовок, автоматов закончился митинг в Брянском лесу. Партизанский салют, как эхо первого победного салюта в Москве 5 августа 1943 года в честь освобождения городов: Орла и Белгорода, - как предвестник победы 1945 года. Пройдут года, и партизанка Валя Кащеева напишет:

И нас, живых, становится все меньше,
Стареем мы под бременем годов.
Но было время – каждый был увенчан
САЛЮТАМИ в честь взятых городов!

После митинга часть партизан вступила в ряды Красной Армии и продолжала воевать до полного разгрома фашизма, до ПОБЕДЫ.

Оставшаяся часть 16 сентября 1943 года во главе с комбригом Писаревым, начальником штаба Власовым отправилась по маршруту Брянский лес – Орел на митинг, состоявшийся 19 сентября 1943 года.

С освобождением Брянщины руководство Выгонического района во главе с секретарём райкома партии И. С. Мажукиным и председателем райисполкома Н. Д. Тарасовым прибыли в район Выгоничи. Задачи, поставленные перед активом района: восстановление советской власти и разрушенного войной хозяйства, помощь фронту.

А.Н. Катомин — заведующий военным отделом РК партии, я – 2-й секретарь Выгонического райкома комсомола, 1-й секретарь - Карзыкин А.А. Как уполномоченные РК партии, направлены в населённые сёла для проведения митингов по случаю освобождения области, выполнения поставленных задач, оказания помощи пострадавшим, помощи фронту.

И вот я в родном селе, откуда ушла воевать, Сосновое Болото, дотла сожженное фашистами. На месте отчего дома - пепелище: ни родных, ни друзей. В центре села провожу митинг... Из подвалов и погребов выползают уцелевшие земляки… Слёзы радости и скорби… неутешного горя и страданий людских… Тот день забыть невозможно, как невозможно предать забвению каждый день, каждый час, каждый миг военного лихолетья и каждого его участника, павшего и живого… И мы их помним.

Из семерых детей Тимошкиных М.Д. и Х.Н. в живых осталось четверо: Я (Анастасия), Тамара, Раиса, Антонина. С первого дня освобождения и поныне я веду поиск родных сестёр и братьев... Первой откликнулась Тамара, 1926 года рождения. После освобождения Севского концлагеря в августе 1943 года была подобрана солдатами армии генерала Батова и после долгих мытарств зачислена дочерью зенитного артполка №994, участвовала в боях при форсировании реки Днепр, за освобождение Украины.

В апреле 1944 года ко мне в Выгоничи прибыла на побывку дочь 994 артполка, в серой шинели, в керзовых сапогах, с

вещмешком за плечами, да так и осталась в родном селе на постоянное место жительство, где живет и поныне на месте отчего дома фронтовая «Кнопка», сельская «Пчёлка», инвалид ВОВ 2-й группы: Тамара Макаровна.

Вскоре из Рязанской области привезли Раю, 1931 года рождения. Живет в Липецке.

Спустя четверть века после войны, отыскалась меньшая сестра Тоня, 1938 года рождения. Всем селом, даже областью, встречали ту 4-х летнюю девочку, в поисках которой помогла газета «Брянский рабочий»… Живет ныне наша Антонина, с придуманной фамилией – Бесфамильная и отчеством – Васильевна, за «границей», на Украине, в г. Макеевке…

И лишь меньшего братика Вовочку, рождения 23 февраля 1941 года, продолжаем разыскивать с помощью передачи «ЖДИ МЕНЯ» Ждём! Ждём!

Июнь 1944 года.

Война продолжается, гибнут солдаты в боях за освобождение других народов. В Новозыбковском пединституте мы встречаемся с Валей Кащеевой и попадаем под бомбёжку: 22 немецких самолёта ночью наносят удар по скопившимся на станции санитарным эшелонам, а утром мы спешим на помощь раненым. Наш долг…

Победную весну 1945 года мы встречаем с мужем А.Н. Катоминым, однополчанами, земляками в Выгоничах.

ПОБЕДА

Пришла ПОБЕДА! Кончено с войною!
Неслось неудержимо, будто шквал.
И кто-то плакал, надрываясь, воя
А кто-то пел, смеялся и плясал.

Природа тоже буйно ликовала.
И в этот майский день передо мной
Страницы книги грозные листала
Лесная повесть жизни боевой.

Победы свет нам виделся в чащобах,
В болотах ржавых осенью, весной,

Когда каратели нас уничтожить чтобы,
Накатывались огненной волной.

Чего скрывать, при этом страх изведав,
Порой хотелось «МАМА!» закричать,
Но слышалось дыхание ПОБЕДЫ,
И продолжали насмерть мы стоять.

Она вела нас к Голубому мосту,
И он был взорван мартовской весной.
Победа множила фашистские погосты
С крестами, с неободранной корой.

Победа грезилась, когда со мною рядом
Стояла смерть, пытаясь обнимать.
А я о свадебных мечтала о нарядах...
И очень не хотелось умирать.

Мечтала я, хотя совсем не знала,
Что буду матерью двух славных сыновей.
И крепче автомат в руках сжимала...
А до ПОБЕДЫ было много, много дней.

Передо мною - прожитые были:
Тропинки партизанские, друзья...
Подчас которых наспех хоронили,
Но мы их помним: их - забыть нельзя!

С тех пор полвека пронеслось,
И я благодарю судьбу свою
За то, что до Победы мне пришлось
Дожить! И вспомнить молодость мою.

Валя Стародубец, партизанка Брянских лесов, г. Клянцы, Брянской области 9 мая, 1995 года.

В победном году – 2 августа - у нас родился сын-первенец Саша. В 1949 году всей семьей переезжаем в подмосковное Курниково, родина командира. Работаем: он – в РК партии, я –

литературным работником редакции радиовещания диктором...

Но всей душой рвалась я в школу. В 1950 году перевелась с мужем из Новозыбковского пединститута в МОПИ им. Крупской: он - на исторический, я - на филологический факультет. Стала работать в школе. Учить детей, училась заочно сама. В 1955 году окончила с отличием. В 1975 году тот же институт закончил мой средний сын Володя. С 2003 года – студент МОПУ (университета) мой внук Миша Калинин.

Свой педагогический труд начала с поисковой работы в Добрыниховской школе. Опыт патриотического воспитания школьников с переходом с 1962 года в систему школ-интернатов пополнился такими формами, как, «уроки мужества», «костры отваги», сборы-встречи с героями минувшей войны, шефство над ветеранами войны и труда, походы и экскурсии по местам боевой славы, парады октябрятских и пионерских отрядов, «вахты памяти». Велась переписка со школами Брянска, Минска, Мурманска, Кишинёва, д. Поды, Курской области, со школьными музеями, партизанами.

6 октября 1964 года от ран и болезней умирает командир Катомин, оставляя в наследство сына Сашку, а ныне уже и внука Сашку, и правнука Даниила… Жизнь продолжается… Благодарные потомки из Соснового Болота на месте памятного боя установили скромную доску. Память гласит: «Остановись, прохожий! Низко склони голову перед мужеством героев-партизан. Здесь на рассвете 29 мая 1942 года отряд им. Чапаева под командованием А. Н. Катомина вел неравный бой с карателями за нашу Победу. Вечная память погибшим!» Здесь всегда цветы… от школьников уцелевшей от войны семилетней школы, построенной моим отцом, 1-м колхозным председателем в 30-е годы Тимошкиным Макаром Дмитриевичем.

НОЯБРЬ 1966 года.

Экскурсия с восьмиклассниками-матросовцами школы-интерната МПС № 1 станции Барыбино в город партизанской славы Брянск – как награда за успехи в поисковой работе. Напутствуют – директор Н.И. Юдин участник войны, врач Л.А. Грушецкая – партизанка Белоруссии. С нами Е.А. Знаменский, участник войны, режиссер и постановщик будущего кинофильма «По следам брянских партизан», его помощник – 8-

классник Володя Коновалов, пионервожатая – Зоя Павловна Шлыкова.

За 7 дней автоэкскурсии в сопровождении партизан: П. К. Попова – командира, Е. Е. Дёминой – разведчицы, И. Елисеева – диверсанта – мы побывали на месте боев и стоянок партизан. Особый день – 6 ноября – «Глухой Ельник». У костра возле землянки-госпиталя слушали следопыты непридуманные рассказы живых участников далёких тех событий. День 7 ноября 1966 года отметили в Брянском лесу. А 8 ноября в Брянске, на Площади Партизан при вручении комсомольских билетов П.К. Попов дал наказ: «Беречь и защищать Родину, приумножать славу отцов!» - «Клянемся!» - прозвучало над площадью в ответ.

В Брянском ДК был дан концерт. На импровизированном сборе партизаны были приняты в почётные пионеры отряда им. А. Матросова и приглашены в гости на 9 мая 1967 года на премьеру кинофильма «По следам брянских партизан» по адресу: М. О. школа-интернат МПС №1 ст. Барыбино.

9 мая 1967 год. Год 50-летия Великого Октября. Величаво-торжественно выглядит школа-интернат №1 МПС. На трибуне вместе с руководством – почетные гости – брянские партизаны во главе с командиром Поповым. Идет парад юнармейцев – сейчас – это – партизанские отряды со своим командиром. У каждого отряда – своя партизанская песня. Каждый командир держит рапорт. Вот рапорт матросовцев: «Слово сдержали, 5-летний «Поход боевой славы» завершён созданием кинофильма «По следам брянских партизан». Всех приглашаем в кинозал на премьеру хронико-документального кинофильма «По следам брянских партизан».

С 1972 года живу в Подмосковном Пушкине. Судьбе угодно было объединить наши вдовьи судьбы: мою и Б. Ф. Власова. Это придало прилив творческих сил, и мы с удвоенной энергией взялись за работу. Он стал штурмовать под спудом лежавшие боевые дневники для будущей книги «В лесах непокоренной Брянщины», я — продолжать любимую работу в школе-интернате по военно-патриотическому воспитанию молодёжи. Обобщенный и распространённый среди школ-интернатов и детских домов Московской области опыт работы в этом направлении стал известен не только району и области,

но и стране. Особенно после торжественного сбора- встречи с Героем Советского Союза - В. С. Гризодубовой и брянскими партизанами в честь Дня Победы. «Помним тех, кто легендой овеян» девиз сбора, как магнит, притянул в зал кинотеатра «Пушкино» тех, кого отыскали следопыты. Потрясающей была личная встреча легендарной лётчицы с начальником штаба бригады им. Щорса Б.Ф. Власовым (до этого они были знакомы по боевым операциям). С помощью М Е. Горбулина, бывшего юного партизана-разведчика-ворошиловца, затем работника ЦТ, сбор транслировался по Центральному телевидению.

Собранный материал поисковой работы стал достоянием Центрального музея Вооружённых сил в Москве.

23 февраля 1974 года на торжественном пионерском сборе в Зале Победы ЦМВС СССР в Москве в честь 50-летия со дня рождения Александра Матросова - Героя Советского Союза - по акту №843 за подписью старшего научного сотрудника ЦМВС - П. Г. Ракк - были переданы экспонаты для музея; журнал «Народное образование» за 1975 год в обзорной статье отдал должное моему скромному труду в деле военно-патриотического воспитания молодёжи.

Последние 10 лет перед уходом на пенсию я продолжала работать в этом же направлении в Пушкинской санаторно-лесной школе №1. Там же работал и Власов Фёдор Андреевич (Борис Фёдорович), где скоропостижно скончался как солдат, на трудовом посту заместителя директора СЛШ.

Безвременная смерть Власова помешала осуществлению заветной мечты всей жизни — издание книги. В настоящее время подготовленная им рукопись «В лесах непокорённой Брянщины» находится в Российском Комитете ветеранов войны. Надеюсь - к 60-летию ПОБЕДЫ книга увидит свет.

С уходом на пенсию не ушла на покой, а продолжаю трудиться на ниве просвещения, сея в душах молодёжи разумное, доброе, честное…

Конец 80-х годов: работа в «ИЛО» (историко-литературное объединение при институте Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС), секция Брянских партизан – участвую в подготовке сборника «В лесах непокоренной Брянщины».

90-е годы. Работа в музее Н. Островского в Москве. Зал Великая Отечественная. У стенда «Комсомол Брянщины в бо-

ях за Родину» веду беседы о героях-партизанах, их борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в тылу врага на оккупированной Брянщине. Молодежь Кубы, Болгарии, Венгрии, Чехословакии и др. соцстран вместе с советской молодёжью Москвы, Подмосковья, других городов СССР с затаённым дыханием слушают непридуманные рассказы о героизме советского народа, молодежи, сопереживая и восхищаясь их подвигом в борьбе с врагом за Родину!

…И вдруг, как гром среди ясного неба, «перестройка» с её разрушительными, грабительскими реформами… В результате – нет могучей Державы СССР, за которую сражались и погибали миллионы советских людей, которые жили в дружбе и согласии. Нет КПСС. Отменены ветеранам завоеванные льготы и праздник Великого Октября. В паспорте упразднена графа – национальность. Победители в своей стране не чувствуют себя хозяевами. Живем в постоянном страхе от бесконечных терактов и «горячих точек», где бесцельно гибнут наши люди… ребята…

Под нож перестройки попала санаторно-лесная школа, где я работала последние 10 лет, откуда ушла на пенсию; где скоропостижно скончался, как солдат на посту заместителя директора школы, мой муж и соратник по партизанской борьбе Ф.А. Власов - один из организаторов и руководителей партизанского движения в Курской, Орловской и Брянской областях. С 1943 года в СЛШ лечились и учились осиротевшие в войну дети, после войны — обездоленные дети Московской области. В 2002 году школу закрыли, земельку продали. Бульдозером снесли сараюшки ветеранов труда и войны, в том числе, и мою лесную, вдовью, бревенчатую избушку под железной крышей с двумя окошками. Уничтожено все «дачное» хозяйство, приобретенное с мужем на свои трудовые сбережения по советским законам, т. е., с разрешения администрации и МК СЛШ №1… Тщетно было обращаться к властям за справедливостью по защите прав защитников Отечества, вдовы, ветерана педагогического труда…

В дни потрясений от «перестройки» партизанка – однополчанка Валя Кащеева-Стародубец написала стихи:

ОТЧИЗНА что с тобою?
Лишь о тебе молюсь.

С протянутой рукою
Пошла по свету РУСЬ.

Пошла просить подачки...
И под вороний крик,
на джинсы и на жвачку
Меняя гордый лик.

Всё лучшее приемлю,
Но спрашиваю Я:
За что в сырую землю
Легли мои друзья?

Валентина Стародубец (Кащеева)
город Клинцы на Брянщине

После всех потрясений в войну и «перестройку» я обратилась за помощью к Богу-Творцу и Спасителю, уверовав, что Бог есть Любовь и Истина! И жить надо по закону Божьему, соблюдая заповеди Его! С тех пор в корне изменилось моё отношение к происходящему в мире.

С благословения священников: благочинного Иоанна Монаршека, Иоанна Клименко, Андрея Дударева - в 2002 году я отправилась по святым местам Православной России, а осенью 2003 года память позвала по местам партизанской юности моей. Из подмосковного Пушкино — на Украину, в Киев с центром Православия — Киево-Печерской лаврой. Там меня встретил и в дальнейшем пути сопровождал Николай Власов, сын полка ветеран Вооружённых Сил СССР.

Преодолев препоны двух бессмысленных «кардонов» Украины с Россией, попадаем в д. Поды, Курской области. Здесь над Подовской школой 26 января 1942 года был поднято Красное Знамя борьбы против оккупантов. Здесь был сформирован 1-й Ворошиловский партизанский отряд под руководством Ковалёва (командир), Зайцева (комиссар), Власова (начальник штаба). 21 месяц сражались с врагом ворошиловцы на территориях Сумской, Черниговской, Курской, Орловской, Брянской областей взаимодействуя с легендарным Ковпаком, потеряв в боях 486 человек…

Путь памяти зовет дальше… Вот он, легендарный Брян-

ский лес! Немцы жгли его, вырубали целыми полянами и увозили корабельные сосны в Германию. А он стоит и красуется и утверждает ЖИЗНЬ на земле! 17 сентября к полудню мы попадаем в Брянск, на Площадь Партизан, где принимаем участие в торжествах по случаю 60-летия освобождения Брянщины от немецко-фашистских захватчиков…

Это незабываемо!

И вот юбилейная дата… 23 февраля 2004 года – мне 80 лет!

В добрые Советские времена День 23 февраля был особо значим и торжественен. Работая в школе, в этот день я проводила парад юнармейских войск. Было время, когда парад принимали Герои Советского Союза: Жабин и Старостин. Присутствовали почетные гости…

А вечером, в кругу семьи и друзей-однополчан, отмечали день рождения мой и младшего сына Олега. Памятным был день рождения Советской Армии и Военно-Морского флота… Проводить на пенсию в этот день приезжали друзья-однополчане во главе с командиром партизанского отряда - П.К. Поповым и комиссаром – Герасиным Ф.В., директором школы-интерната №1 МПС – Юдиным Н.И. Дети с интересом слушали наши воспоминания и наши песни. А песни наши спеты в лучшем виде – наши песни спеты на войне!

Увы, в свои 80 лет уже не было со мной друзей-однополчан, не пелись наши песни… Но были за праздничным столом мои сыновья со своими семьями, племянники, внуки и правнук Даниил Катомин, родные. В искренних пожеланиях счастливого долголетия – неподдельная признательность и любовь.

Не забыли поздравить Совет ветеранов и газета «Подмосковное Пушкино» своей статьей «Брянские леса Анастасии Катоминой», а также земляки-брянцы. Газеты «Брянский рабочий» и «Российская Нива» прислали мои статьи «Иволга», «Память за собою повела», «Дорогами партизанской юности», «Клятву верности сдержали», «Кнопка».

Своеобразное, как всегда, поздравление в стихах подруги юности, подруги по войне – Вали Кащеевой-Стародубец:

Подруге юности, подруге по войне – НАЛЕ - 80!

На срезе лет – вся жизнь как на ладони. Дружбе нашей 66

лет.

И вот юбилейная дата
Ступила тебе на крыльцо.
Она содержаньем богата,
И всей твоей жизни лицо.

Тот факт подтвержден многократно
Событьями разных времён.
Души твоей клад благодатный
В дела и поступки внедрен.

Была ты отличницей в школе
Учителем стала потом.
Россия жила в не покое
В преддверии встречи с врагом.

Война… Оккупация… Вскоре,
Вступив в партизанский отряд,
Громить чтоб фашистскую свору,
Ты в руки взяла автомат.

И множество троп протоптала
С друзьями в чащобах лесных,
И мост «Голубой» ты взрывала,
Немало объектов иных.

В Сосновом Болоте атаки фашистов
Отряд ваш не раз отбивал,
А соловей голосисто
Вам гимн в час затишья певал...

Сентябрь сорок третьего года
В край Брянский Победа пришла
И ты прошагала со взводом
По площади главной Орла.

Сменив автомат на указку
Ты стала у школьной доски.
Уроки твои были сказкой,
Текли, как весной, ручейки...

Меж тем время мчит неустанно
Как воды поточные с гор,
Но снятся тебе неустанно
Друзья, партизанский костёр…

И послевоенные годы,
Когда появилась семья,
Не ждёшь ты лазурной погоды
Такая натура твоя.

Ты детям и внукам в дорогу
Весь опыт житья отдала,
Чтоб шли они с временем в ногу,
И жизнь их достойной была.

Тебе мы желаем здоровья,
Прожить ещё множество лет.
И дом твой светился чтоб новью,
Как раннего утра рассвет!

С искренним уважением и любовью Валя и Ваня Старадубцевы. 23 февраля 2004 года. г. Клинцы, Брянской области.

А дотошный непоседа, говорун Даня, пробравшись под столом от отца на колени прабабушки, повязывая шелковый платочек – подарок, сказал: «Это тебе, баба, в церковь ходить». И пересчитав на груди бабушкины награды, добавил: «А что, бабушка, этот металл порохом пахнет?» - «Да! Родная, порохом и кровью твоего прадедушки – партизанского командира Катомина, пра-пра-прадедушки, моего отца Макара», - ответ.

Мои награды, их 12, это самое дорогое богатство, что осталось от войны. Его не купишь ни за какие доллары. И ещё – мой партизанский дневник, порохом пропахший, по скупым строкам которого я написала свои воспоминания… - горькую правду пережитого.

Из 12 правительственных наград самые дорогие для меня - это:

Партизанская медаль, медаль «За отвагу», орден Отечественной войны, медаль «За участие в ВОВ», медаль «За доблестный труд в ВОВ 1941-1945 гг.»

Позади 80 лет – это 28.800 дней земной жизни, из них 600 тревожных дней и бессонных ночей, проведенных с боями и в болотах сурового Брянского леса, сражаясь за Победу в Великой Отечественной войне 1941 – 1945гг. Это вехи Памяти, что в рубцах и ожогах …

Жизнь на земле прожита не зря: она посвящена и мирному труду, и борьбе со злом и несправедливостью, патриотическому воспитанию молодежи. Воспитала троих сыновей, добрых молодцев. Не для войны – для мира!

Три сына!

Три сына – три богатыря!
Три жизни, три юности, три вечности!
Три сына – три мирных голубя под крышею моей,
Как гимн победе мира над войной!

Ох, как трудно было воевать,
В боях кровопролитных победу добывать!
Не легче о войне писать
В боях за Родину погибших вспоминать…
Трудно, но надо! Во имя павших и живых – надо!
Во имя мира на земле – надо!

Перечень моих боевых и трудовых наград за участие в военных действиях в тылу врага и работу после войны.

1. Орден Отечественной войны II степени (ж № 0472114, указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1983 г.)

2. Орден «За храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, и в ознаменование 40-летия Победы Советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» Секретарь Президиума Верховного Совета СССР (№2670428)

3. Медаль «За отвагу» (№ 3438672 г № 542360). Указом Президиума Верховного Совета СССР за доблесть и мужество,

проявленные в партизанской борьбе против немецко-фашистских захватчиков в период Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин 24 августа 1950 года. Вручена Председателем исполкома областного Совета депутатов трудящихся А. Староторским.

Секретарем Обкома ВКП(б) А. Егоровым (№793) 3 августа 1949 года. Город Брянск.

4. Медаль «Партизану Отечественной войны» II степени. Награждена приказом Центрального штаба партизанского движения № 3 от 10 мая 1944 г. за доблесть и мужество, проявленные в партизанской борьбе против немецко-фашистских захватчиков.

5. Медаль «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.» Начальник Орловского штаба партизанского движения вручал И.С. Мажукин – секретарь Выгоничского РК ВКП(б) – 2 августа 1944г.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945г.

6. Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945гг.» От имени Президиума Верховного Совета СССР медаль вручена 22 января 1946г. Выгоничским райвоенкомом, ст. лейтенантом Липашниковым.

7. Медаль «За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны 1941-1945гг Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июня 1945 года. Вручена 21 декабря 1945 г. председателем Выгоничского райисполкома Н. Д. Тарасовым.

Почетная грамота ЦК ВЛКСМ комсомольцу-партизану Тимошкиной Анастасии Макаровне за активную борьбу в тылу противника против их захватчиков.

Секретарь ЦК ВЛКСМ Михайлов. (На обложке – «смерть немецких оккупантам! Нашим партизанам и партизанкам слава!»)

Юбилейные медали:

«Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945гг»,

«Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945гг»,

«Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941 -

1945гг»,
«50 лет Победы Великой Отечественной войне 1941 - 1945гг»,
«50 лет Вооруженных Сил СССР»,
«60 лет Вооруженных Сил СССР»,
«70 лет Вооруженных Сил СССР»,
медаль Жукова (Указ от 19.02. 1996 года);

Знаки: «25 лет Победы в Великой Отечественной войне» за подписью Министра обороны СССР Маршала Советского Союза А.Гречко;

«Фронтовик 1941 – 1945» от 9 мая 2000 года за подписью Заместителя Председателя Российского оргкомитета генерала армии В.Л.Говорова;

Юбилейный знак ЦК ВЛКСМ «70 лет ВЛКСМ»,

Медаль «Ветеран труда» за долголетний добросовестный труд от имени Президиума Верховного Совета СССР по решению исполкома Пушкинского горсовета от 13/XII – 1979г.

Медаль « 80 лет Вооруженных Сил СССР» - (к 80–летию Советской Армии и Военно–Морского Флота в соответствии с Постановлением Постоянного Президиума Съезда народных депутатов СССР от 10 декабря 1977г. за подписью Председателя Постоянного Президиума Съезда народных депутатов СССР С. Умалатовой);

Медаль «80 лет Великой Отечественной Октябрьской Социалистической революции» (от 25 сентября 1997г. в соответствии с Постановлением Постоянного Президиума Съезда народных депутатов СССР за подписью Председателя С.Умалатовой).

Медаль «120 лет И.В.Сталину» (от 15 августа 1999 г. в соответствии с Указом Постоянного Президиума Съезда народных депутатов СССР за подписью Председателя С.Умалатовой).

Имею большое количество собственных публикаций в газетах – воспоминания о партизанской борьбе в тылу врага на Брянщине.

Список №1 статей прилагается.

Список №1

Название статей	Газета, автор	Дата

1.	Катомин из Курникова /Катомина А.	«Чеховский вестник»	28 мая 2002
2.	«Партизанский командир» /Катомина А.	«За коммунистический труд»	22 мая 1990
3.	«Бой на рассвете» /А. Катомина	«Чеховский вестник»	11 нояб. 2003
4.	О чем поведала старая фотография. «Тот памятный бой» /А. Катомина	«Российская нива» Выгоничи	29 мая 1998г
5.	«Нашей памяти боль» /А.Катомина	«Чеховский вестник»	1995г
6.	«Первый победный салют» /А.Катомина	«Подмосковное Пушкино»	2002г
7.	«Вступили в бой партизаны» /А. Катомина	«За ком. Труд» Чехов	7 дек. 1987г
8.	«А сердце помнит» /А. Катомина	«Красное знамя» Руза	Дек. 2002г.
9.	«Суровые годы войны»/В обработке редакции	«Свет Октября»	29 мая 1990г
10.	«Память об отце». Рассказы – быль. А. Катомина	«Свет Октября». Выгоничи.	23 нояб. 1998г
11.	«Мама – совесть моя». /А. Катомина	«Подмосковное Пушкино»	8 марта 2003г
12.	«Жди меня» /А. Катомина	«Подмосковное Пушкино»	22 нояб. 2003г
13.	«Не встретишь там гладь и покой» /к 75 – летию /	«Маяк» А. Ярский	22 нояб. 1999г
14.	«Выпускной бал через 40 лет» /А. Катомина	«Пушкинский вестник»	21 июня 2002г
15.	«Любимая профессия – учитель» /А. Катомина	«Подмосковное Пушки-	31 авг. 2002г

		но»	
16.	««Вписались» ли в историю Новой России ветераны?» /А. Катомина	«ПП»	26 окт. 2002г
17.	«Я люблю эту землю». /А. Катомина	«Подмосковное Пушкино»	24 авг. 2002г
18.	«В июле это было» /А. Катомина	«Подмосковное Пушкино»	13 июля 2002г
19.	«В тот памятный сбор» /А. Катомина	«Пушкинский вестник	31 мая 2002г
20.	«24 дня в санатории «Правда»». /А. Катомина	«Подмосковье»	20 февр. 1999г
21.	«Я помню этот день» /А. Катомина	«Российская нива». Выгоничи.	5 сент. 2003г
22.	«Партизанская юность моя» /А. Катомина	«Маяк» 22 июня 1991г	22 июня 1991г
23.	«Дорогами партизанской юности» /А. Катомина	«Пушкинский вестник	12 апр. 2002г
24.	«Партизаны в Брянских лесах» /А. Катомина	«Пушкинский вестник	22 февр. 2002г
25.	«Они были первыми» /А. Катомина	«Пушкинский вестник	14 марта 2002г
26.	«И клятву верности сдержали …» /3 статьи/ /А. Катомина	«Выгоничи», «Российская нива»	Сентябрь 2003г
27.	«Шумел сурово Брянский лес» /А. Катомина	«Маяк» Н Федоров /ст. моя/	28 июня 2001г
28.	«Память за собою повела» /А. Катомина	«Российская нива»	20 февр. 2004г
29.	«Отзовись, солдат» /А. Катомина	«Подмосковное Пушки-	

		но»	
30.	«Верните мою дачу» /А. Катомина	«Подмосковное Пушкино»	21 июня 2003г
31.	«Спасите обездоленных» /А. Катомина	«Пушкинский вестник	15 февр. 2002г

Декабрь 2004 года

*В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Калинин Михаил Олегович**, студент 1 курса, Московского областного педагогического университета*

Кириллова Евгения Петровна

Я подняла руку

Родилась 17 декабря 1920 года в селе Мучкап, Мучкапского района, Тамбовской области

Воинское звание - старший лейтенант. Награждена орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, орденом Дружбы народов, Сталинский Орден получен 20 декабря 2000 года и 16 медалями, в том числе «За боевые заслуги», «За победу над Германией 1941-1945 г.», «За освобождение Варшавы», «За доблестный труд в ознаменование столетия со дня рождения Ленина», «60 лет битвы за Москву 1941-2001 гг.», «За освобождение города Орла 60 лет. 1943-2003 гг.» и 5-ю Почетными знаками СКВВ (Советского комитета ветеранов войны).

Учиться я начала очень рано, мне до 6 лет не хватало 3 месяца. Помню, однажды к нам из Уварово приехал какой-то начальник. Он просил дедушку предоставить самую большую комнату нашего дома для учебы первоклассников. В селе в то время не было школы, дети ходили учиться на станцию Обловка за 6 километров от села. Дедушка согласился и я, конечно, первая села за парту, которую он изготовил. Первой моей учительницей была Любовь Владимировна Ланьшина. В нашем доме мы прозанимались два года, а к началу учебы в третьем классе была построена недалеко от сельской церкви добротная начальная школа. В ней я проучилась еще два года.

Чтобы учиться дальше, бабушка повезла меня на станцию

Обловка. Школа называлась фабрично-заводская семилетка (ФЗС). Эта школа до 1932 года называлась школой рабочей молодежи (ШРМ). Она готовила специалистов с сельскохозяйственным уклоном. Там я проучилась всего лишь три месяца. Практичные люди порекомендовали нам оставить восьмой класс и перейти в зооветтехникум, который находился тогда в г. Тамбове.

Еще во время учебы в техникуме я, как и вся молодежь нашей страны, увлекалась авиационным спортом. Это увлечение привело меня в аэроклуб. После окончания аэроклуба мне вручили удостоверение с присвоением звания «Пилот запаса пятого класса» и значок парашютиста.

В конце моей учебы в техникуме серьезно заболела моя мамочка – единственная опора семьи. Тогда я обратилась в обком комсомола за помощью, и меня приняли в отдел учета комсомольских документов. При партийной школе начали работать курсы комсомольского актива и меня командировали в них, а по окончании перевели в отдел обкома физкультуры при облисполкоме на должность заведующей отделом кадров. В декабре 1940 года партийная организация облисполкома перевела меня из кандидатов в члены партии.

Для нынешней молодежи начало войны с фашистской Германией воспринимается 1941-м годом. Для старшего поколения тревожное предчувствие войны появилось значительно раньше. Первые ее раскаты мы услышали в июльские дни 1936 года, когда в далекой Испании генерал Франко поднял военно-фашистский мятеж против республиканского правительства, и там началась гражданская война.

Несмотря на то, что 27 европейских государств подписали соглашения о невмешательстве в испанские дела, фашистские государства Италия и Германия начали оказывать всестороннюю, в том числе военную, помощь мятежникам.

Могло ли в это время наше государство быть безучастным к этим событиям? Как-то незаметно и тихо для соседей из некоторых семей выехали в неизвестном направлении военные.

Позже мы узнавали, что они были в Испании и сражались с фашистами на Арагонском фронте, на реке Эбро, на подступах Барселоны, Гвадалахары и Мадрида.

17 сентября 1939 г. в нашей семье родился первенец - сын Геннадий. Но отец не мог увидеть его, так как за несколько

месяцев до начала войны с Финляндией его, как опытного летчика, призвали в армию и после окончания боевых действий вместе с войсковой частью перевели для прохождения дальнейшей службы в город Житомир.

В мае 1940 года немецко-фашистские войска вторглись во Францию и уже 14 июня маршировали по улицам Парижа.

Эти события тревогой отзывались в наших сердцах, и все же мы ждали мужей домой и нам казалось, особенно после заключения мирного договора с Германией, что война обойдет нас стороной. Но этого не случилось.

22 июня 1941 года немецко-фашистские орды вероломно, без объявления войны вторглись от Балтийского до Черного моря на территорию нашей страны. Молодежь осаждала военкоматы с просьбой направить на фронт, и каждый из нас думал, что именно от его участия в войне зависит исход боевых действий.

О том, что началась война, я узнала 22 июня 1941 г. задолго до того, как В.М.Молотов в 10 часов утра выступил по радио.

На улице Куйбышева, где я жила в это время с мамой и моим сыном Геннадием, квартировали офицеры военных училищ. Они первые узнали эту страшную весть и передали ее нам, когда возвращались на рассвете с дежурства.

Утром я побежала в облисполком. Председатель облисполкома Иван Трофимович Козырьков вывел нас во двор здания, где собрались сотрудники всех отделов, и после короткого митинга спросил: «Кто добровольно пойдет защищать свою Родину?» Все стояли обеспокоенные, но руки никто не поднял. Я подняла руку. Рядом со мной стояла Зоя Денисовна Киселева - технический секретарь И.Т. Козырькова. Она укоризненно посмотрела на меня, пыталась опустить мою руку. Впоследствии я несколько сожалела об этом скоропалительном решении. Но дело было сделано. Присутствующий из редакции корреспондент дал заметку о нашем митинге в областную газету. Соседка по квартире Полина прибежала к моей маме с этой газетой. Прочитав статью и узнав, что ее единственная дочь добровольно идет в пекло, упала в обморок.

Она-то, родная моя, понимала, что я натворила. У меня ведь был маленький ребенок. Когда на следующий день я пришла в военкомат, прося направить меня на фронт летчицей,

знакомый по аэроклубу бывший наш инструктор Оводов сказал мне: «Иди отсюда и воспитывай своего ребенка». Вскоре был объявлен призыв обкома, горкома комсомола и военкомата «Женщины в санитарные дружины!»

Я вновь обратилась в военкомат с просьбой, и меня, как имеющую определенную подготовку, назначили командиром пятой санитарной дружины, в которой было 36 человек женщин комсомольцев-добровольцев.

Нас наскоро учили, как оказывать первую помощь раненым, ползать по-пластунски, и мы отрабатывали этот прием до изнеможения по нашим не мощеным улицам. Нас также учили стрелять из винтовок. Мне вспоминается одна героическая женщина - Мария Васильевна Розова, работница связи. Она ползала вместе с нами по-пластунски, подбадривая нас своим примером. Провожая каждый эшелон, идущий на фронт, она кричала: «Дети, возвращайтесь с победой!». Эта замечательная женщина была согбенной старушкой 80 лет. Ее единственный сын в возрасте 50 лет ушел добровольцем в ополчение.

19 июля 1941 года газета «Тамбовская правда» за № 169 под заголовком «Дружинницы» поместила мою заметку об окончании занятий и нашей готовности к отправке на фронт.

День отъезда на фронт для меня и для других стал не только торжественным днем, но и тяжелым испытанием. Мы шагали по затемненной Интернациональной улице. Впереди колонны со своим духовым оркестром шел капельмейстер Кондаков. За оркестром шла моя 5-я санитарная дружина, замыкали колонну несколько рядов мужчин, призванных в армию. Недалеко от вокзала я увидела свою мамочку с моим ребенком на руках, которая бежала за нами по тротуару. Она так и не простила меня за самостоятельное решение идти на фронт и не подошла проститься, когда мы были на сборном пункте. После короткого митинга на вокзале, на котором выступил Федор Иванович Полянский (в 1941 г. он был председателем Ленинского райисполкома), была подана команда: «По вагонам». На первом пути стоял военно-санитарный поезд № 175. До этого он прошел ремонт на Тамбовском вагоноремонтном заводе, так как был серьезно поврежден во время выездов во фронтовую полосу.

В самую последнюю минуту, когда прозвучал сигнал отправки эшелона, моя мамочка не выдержала и бросилась с ре-

бенком к вагону. Мы обнялись, заливаясь слезами, и на несколько мгновений реальность обстановки для нас перестала существовать. Поезд тронулся, и я уже на ходу вскочила в вагон.

Хмурым сентябрьским вечером наш санитарный поезд № 175 покинул станцию Тамбов и, отбивая чечетку на стыке рельс, шел без остановок даже в таких крупных городах как Мичуринск и Рязань в сторону притихшей Москвы, которую уже огромным полукольцом охватили немецкие армии.

Начальником санитарного поезда № 175 был назначен присланный из Москвы военный врач Саркисьян, комиссаром - Николай Абрамов, который был мобилизован в армию в день отправки нашего поезда, а до этого он работал помощником председателя облисполкома.

В задачу санитарных поездов входило: вывозить тяжелораненых из медсанбатов, прифронтовых госпиталей, других санитарных пунктов в тыл. Эти поездки были не из легких. Санитарные поезда, как правило, задерживались на станциях и полустанках. Поезд иногда загоняли в тупик, где он сутками мог стоять, а сам рейс проходил более 2-х недель. Во время движения поезда с ранеными зачастую не хватало перевязочного материала, медикаментов и даже продовольствия. Ночами мы стирали уже использованные бинты.

Первым рейсом наш санитарный поезд на ст. Бологое принял около 400 раненых Северо-Западного фронта, которых мы вывезли в город Курган, в то время Челябинской области. За две недели пути до Кургана мы хорошо уже знали друг друга, и каждый из раненых воспринимался нами как близкий и родной человек.

Мужчины среднего возраста и совсем безусые юнцы - наши сверстники, у них были разные судьбы в довоенной жизни, но всех их теперь объединило тяжелое ранение, полученное в сражении с фашистами под Новгородом, Демянском, Старой Руссой...

Я сдавала своих раненых эвакуаторам: врачам, сестрам и санитарам по списку и документам и невольно слезы душили меня.

«Сестра Женя, - обратился ко мне тяжелораненый в ногу политрук, - до конца войны еще далеко, и если вы будете оплакивать каждого из нас, то выведите из строя свое сердце.

Вам надо сдерживать свои нервы - это война не на жизнь, а на смерть».

При этом он снял с себя гимнастерку и повернулся ко мне спиной. Какой ужас! Я увидела ленты вырезанной кожи на его спине. Так издевались над ним фашисты за короткое время, пока он до своего побега находился в плену.

В декабре 1941 года наш поезд был переброшен из Бологое под Москву. Этот рейс я и мои два санитара пятого вагона не забудем до конца наших дней. Положение под Москвой было ужасное. Медсанбаты были все переполнены. Раненые лежали на открытых площадках. Когда мы загрузили свой вагон, то оказалось, что большая часть из них были без рук и без ног.

Несмотря на то, что на каждом вагоне санитарного поезда имелся знак «Красный крест», признанный всем миром, как знак величайшего гуманизма, фашистские «мессершмитты» на бреющем полете обстреливали эти поезда. Когда немецкие летчики обстреляли из пулеметов наш поезд, я очень испугалась и заплакала. А мои тяжелораненые солдаты нашли в себе силы успокаивать меня: «Сестричка Женя, не плачь, мы все равно победим, мы с тобой еще и станцуем».

И когда уже после войны я услышала песню композитора Давида Тухманова «Позабыть нельзя», я узнала в ней и себя и своих искалеченных раненых.

Фронтовой санбат у лесных дорог,
Был прокурен и убит тоскою,
Но сказал солдат, что лежал без ног:
«Мы с тобой, сестра, еще станцуем!».

Эта песня стала неким символом моего песенного репертуара. Она напоминала мне мою судьбу. И я впоследствии исполняла ее с особым вдохновением.

В мае 1942 года я была отозвана фронтовым эвакопунктом (ФЭП) № 36 в город Ярославль, где формировался армейский полевой эвакогоспиталь № 1899 и назначена туда методистом лечебной физкультуры с присвоением звания «техник-интендант II ранга», но потом наши звания переименовали в «лейтенант».

Причиной моего отзыва из санитарного поезда и направ-

ления в полевой госпиталь послужила имеющаяся запись в личном деле об окончании 6-ти месячных курсов лечебной гимнастики в Тамбове.

Большинство медицинского персонала госпиталя было из Ярославской области.

В 1942 году полевой госпиталь № 1899 находился в распоряжении Северо-Западного фронта. В начале 1943 года был переброшен на Брянский фронт. С середины февраля того же года переведен на только что созданный Центральный фронт, расположенный между Брянским и Воронежским фронтами, нацеленный на Курский выступ. Нас присоединили к 65-й общевойсковой армии, которой командовал генерал-лейтенант Павел Иванович Батов.

После боевых действий на Курской дуге он лично прибыл в наш госпиталь и вручил награды медперсоналу, в том числе мне орден Красной Звезды. Павел Иванович был хорошо знаком с нашим начальником госпиталя.

Госпиталь развернулся возле поселка, если не ошибаюсь, с названием - Каменка. На опушке леса, недалеко от железнодорожной линии, и уже 25 февраля начал прием раненых.

С начала 1943 года и до конца войны моя фронтовая жизнь связана с боевыми дорогами 65-й армии. В эту армию в разное время входило 3- 6 корпусов в составе 3-4 дивизий в каждом, с общей численностью 60-100 тысяч солдат и офицеров, что составляет население среднего города.

Фронтовые дороги военного госпиталя № 1899 проходили через Северо-Западный, Брянский, Центральный, 1-й Белорусский, 2-й Белорусский фронта.

Куда шла армия, в том направлении и перемещался госпиталь. В летнее время, как правило, он размещался вблизи лесного массива в палатках, а зимой - в разбитых зданиях с выбитыми окнами и сорванными дверями, которые мы в спешном порядке очищали от щебня и мусора и утепляли. Иногда госпиталь размещался в деревне, если ее избы не сожгли отступающие фашисты. Наше местоположение трудно установить на географических картах. Мы только знали, на каком мы фронте и что, безусловно, мы в полосе наступления 65-й армии. У меня сохранился перечень населенных пунктов, вблизи которых размещался наш госпиталь. Таких населенных пунктов 32, в том числе на территории Белоруссии, Польши и Гер-

мании.

Поразительно, с какой жестокой методичностью разрушались немцами наши города, сжигались поселки и деревни!

Порой при перемещении хозяйства госпиталя мы не могли проехать через тот или иной город, улицы которого были завалены огромными валунами кирпичной кладки и в некоторых местах заминированы.

Деревни встречали нас одинокими печными трубами, стоящими на том месте, где когда-то были дома, а города - скелетами многоярусных зданий и их развалинами на целые кварталы.

Иногда мне начинало казаться, что время перенесло меня в иной мир, где только что произошли великие катаклизмы, изуродовавшие до неузнаваемости некогда цветущие города.

Мне неоднократно приходилось видеть нашего командующего фронтом, прославленного генерала Константина Константиновича Рокоссовского. Его любили на фронте все от солдата до генерала за доброжелательное и чуткое отношение к подчиненным.

В своей работе я уже следовала совету того политрука, с которым рассталась в городе Кургане: старалась меньше переживать и плакать, хотя обстановка порой была невыносимой.

После первичной обработки тяжелораненых мы отправляли их на санитарных поездах в тыл. Легко раненых оставляли в своем госпитале. Впоследствии из выздоравливающих бойцов при госпитале были созданы две роты обслуживания, которые вели охрану госпиталя и выполняли хозяйственные работы. Первый ротой командовал Саша Гогия, уроженец Грузии, второй - Саша Афанасьев из Свердловской области. Федя Тужитинов, уроженец Московской области, иногда подменял командиров рот.

Главным врачом и начальником госпиталя был москвич Петр Васильевич Соболев, комиссаром - Исмат Садулаев из Душанбе. Оба они были в возрасте и относились к нам по-доброму. К сожалению, спустя 2 года Соболев заболел, а вместо него из Москвы к нам прибыл на должность начальника госпиталя Давид Исаакович Бахрах.

Во вновь сформированном госпитале впервые был создан кабинет по лечению контрактур и тугоподвижностей суставов,

образовавшихся после ранений, и особенно пальцев правой руки.

Штат нашего госпиталя составлял 36 человек, с ротами более 100 человек. А штат кабинета лечебной гимнастики состоял из 6 человек: старший методист - это я, методист, две массажистки и два санитара. При поступлении больного я заполняла специальную медицинскую карточку, измеряла угол контрактуры: будь-то фалангов пальцев или суставов: лучезапястного, локтевого и плечевого, голеностопного или коленного, после курса лечения через каждую неделю я вновь повторяла измерение и так до полного выздоровления раненого.

До конца войны мною было заполнено и обработано более 2-х тысяч карточек на раненых, восстановивших свое здоровье и вернувшихся в строй.

Особенно мне памятны бои на Курской дуге. Когда наша колонна машин, перевозившая имущество госпиталя находилась в предместьях Курска, мы попали под сильную бомбежку. Все небо было заполнено немецкими бомбардировщиками и нашими истребителями.

Помимо бомб и фугасок немецкие летчики сбрасывали на землю пустые бочки с отверстиями, которые при падении издавали ужасный звук, казалось - все крутом было объято пламенем. Осколки сыпались на палисадники домов, издавая резкие хрустящие звуки. Это был какой-то кромешный ад.

Я не думала выйти из этого пекла живой. Рядом с дорогой я увидела воронку от бомбежки, бросилась в нее и закричала нашему дневальному: «Дядя Миша, прикрой меня!». Позднее я часто вспоминала этот эпизод, осуждала себя, считая, что поступила неправильно. Мне хотелось остаться в живых. А дядя Миша разве не хотел жить?

Недалеко от воронки я заметила старушку, которая несла в руках небольшой деревянный сундук, обитый железом. Она также спряталась в мою воронку и плача стала просить меня пойти с ней к ее снохе, дом которой находился недалеко от ее разрушенного дома, под горой.

Дом снохи не был разрушен, в нем было много народа. Все они были испуганы этой страшной бомбежкой, а маленькие дети громко плакали. Я и сама была не в лучшем состоянии, но вида не подала. Я была в военной форме, стыдно.

Когда был дан отбой, мы вышли со старушкой из дома, и я

спросила ее: «Куда теперь?». Она ответила: «В мой дом». Хотя вместо ее пятистенки остались одни развалины и уцелевшая собачья конура вместе с живой собакой. Как же она обрадовалась, что ее единственный друг Полкан остался живой! На прощание я спросила свою спутницу, что у нее в сундуке, который она так заботливо охраняла. Она ответила, что в нем находятся вещи, которые она приготовила на смерть: наволочка на подушку с крестиками, сорочка, пара чулок, суконные тапочки, две простыни и прокрывало из гипюра на гроб. Она была рада, что самые дорогие для нее вещи сохранились.

Боевой путь 65-й армии можно прочитать в одноименном сборнике, изданном под редакцией председателя совета ветеранов армии генерал-майора Н.М. Горбина, который он вручил нам на встрече ветеранов 18 мая 1980 года в Москве, а тогда, в войну, мы следовали за армией, зная только общее направление - на Гомель, на Минск, на Варшаву, на Берлин.

Обычно наш госпиталь развертывался недалеко от линии фронта. Начальник госпиталя участвовал в оперативных совещаниях командного состава армии, на которых рассматривался вопрос о сроках наступательной операции, и мы готовились к этому дню.

По гулу выстрелов из тяжелых орудий, доносившихся с линии фронта, пролету над нашими головами краснозвездных самолетов, мы знали «началось!».

Окровавленные и измученные, в грязи, пропитанные пороховой гарью, они поступали к нам со всех сторон и занимали не только госпитальные палатки и здания, но и все подсобные помещения и даже открытые площадки. Их привозили на машинах, повозках, а некоторые добирались до госпиталя самостоятельно. В состоянии аффекта они еще продолжали как бы вести бой и находиться где-то под Шосткой, Городней... В период между боями в госпиталь иногда доставляли пацанов, подорвавшихся на минах от неумелого обращения с другими взрывоопасными предметами. Порой в госпиталь для оказания медицинской помощи доставляли пленных немцев.

Во время наступления армии нам приходилось по несколько суток работать без сна и отдыха. Мы буквально валились с ног от усталости.

Во время передислокации и отдыха армии в начале 1944 года наш госпиталь остановился в Горочицах (Белоруссия).

На мой рапорт о выезде в г. Тамбов повидать сына, которого я не видела с начала войны, мне был дан положительный ответ, и я получила десятидневный отпуск.

К этому времени Тамбов неоднократно подвергался бомбардировке. Мама мне рассказала о наших знакомых, которые жили на ул. Катина и Кузнецова, где в своем саду они вырыли щель и все трое: муж, жена и ребенок прямым попаданием бомбы были убиты. Мама, напуганная бомбежкой, с первого дня моего приезда, боясь за сына, говорила: «Бери его куда хочешь».

На второй день моего пребывания к нам приехал на велосипеде молодой мужчина и отрекомендовался работником КГБ. Он был в гражданской форме и попросил меня прибыть к начальнику управления госбезопасности полковнику Лещуку. Когда я пришла, начальник управления был очень ко мне внимателен, усадил в кресло и стал расспрашивать о фронтовой жизни. Мы долго с ним беседовали, но вот он встал, налил стакан воды, подвинул мне и сказал: «Товарищ лейтенант! Вы прошли нелегкий путь по фронтовым дорогам, закалились, я Вам должен сообщить, что Ваш муж»... Я, не дослушав его, встала и направилась к выходу. Я слышала, как он сказал своему секретарю: «Машину». Я повернулась к нему, поблагодарила и, сказав: «Не надо», быстро вышла из здания в каком-то забытье. Очнулась только тогда, когда услышала голоса идущих за мной мужчин:

«Такая красивая баба, а напилась как»... Это было около здания на Советской улице, где ныне находится областной департамент культуры, а тогда там была вторая аптека. Я заплакала, они подошли ко мне, стали извиняться и расспрашивать, что случилось? Я, почувствовав сострадание совсем чужих людей, рассказал им о гибели мужа. Володя погиб, испытывая английский самолет, не выведя его из штопора. Вернувшись домой, я ничего не сказала ни своей мамочке, ни моим родным.

Я выехала с сыном к месту расположения госпиталя. Около 3-х месяцев мой ребенок был любимцем всего персонала госпиталя. Где-то на чердаке заброшенного дома бойцы нашли старый меховой тулуп и из него сшили для Гены полушубок.

Мы жили с ним в землянке, на окраине леса. Однажды на рассвете недалеко от нашей землянки в поселке двое пожилых

мужчин врыли в землю три высоких столба. Мужчины выглядели очень хмурыми и, как мне показалось, озлобленными.

Когда я спросила у них, для чего предназначены эти столбы, они выругались и ничего не ответили. Примерно в полдень мы увидели три грузовые машины и несколько всадников на конях, ехавших к месту врытых столбов. Это оказался военно-полевой суд. На каждой машине везли по одному предателю, приговоренному к смертной казни через повешение. Осужденные лежали на полу машины, прикрытые соломой. В начале первый всадник, не сходя с коня, зачитал приговор суда, и каждую машину подогнали задом к своему столбу. На осужденных накинули петли, а когда машины тронулись вперед, осужденные остались висеть в воздухе. На груди повешенных висела табличка с обозначением, сколько советских граждан он загубил.

Три дня повешенные висели на столбах, а потом на рассвете их сняли и куда-то увезли. Все эти дни я старалась уберечь сына от испуга, не выпускала из землянки, чтобы он не увидел эти виселицы с повешенными.

Время пребывания со мной сына пролетело незаметно. В середине июня к нам в землянку пришел начальник госпиталя вместе с представителем штаба армии. Они объяснили, что через два дня армия уходит в наступление. Начальник госпиталя сказал: «Мы вам даем одного солдата из обслуживающей роты, который отвезет вашего сына на Родину, в Тамбов».

Операция по освобождению Белоруссии от немецко-фашистских войск называлась «Багратион». Моя родная 65-я армия начала действовать 24 июня 1944 года. При поддержке авиации 18-й стрелковый корпус в первой половине дня прорвал все пять линий траншей противника, к середине дня углубился на 5-6 километров, овладев сильными опорными пунктами Раковичи и Петровичи. Это позволило генералу П.И. Батову ввести в прорыв 1-й гвардейский танковый корпус М.Ф. Панова, который стремительно двинулся в тыл парической группировки немецких войск. Используя успех танкистов, пехота 65-й армии к исходу дня заняла рубеж Грачи, Гамза, Секиричи.

Враг был жесток и коварен. Там, где ступала нога фашистского солдата, оставались виселицы, смерть и пепелища.

Особенно зверствовали фашисты на территории Белорус-

сии. В одном селе, где стоял наш госпиталь, местные жители рассказали нам о трагической гибели пятилетнего мальчика Сережи.

До прихода наших частей в селе располагались немцы. В доме, где жил Сережа, на постое находился немецкий офицер.

Однажды Сережа достал из ящика комода фотографию отца. Немецкий офицер спросил его: «Кто это?». Не подозревая ничего плохого, Сережа ответил:

«Этой мой папа. Он капитан и бьет фашистов». «Ты хороший мальчик, - сказал офицер, - подойди ко мне, я дам тебе конфетку». Когда Сережа подошел к нему, офицер выстрелил из пистолета в лобик мальчика.

Об этой кровавой расправе писала и местная газета. Эту статью я, будучи секретарем партийной организации 1-й роты, зачитывала перед строем наших двух рот.

В селе Старые Дороги немцы за то, что местные жители не выдали партизан, собрали детей в возрасте до года и посадили на колья частокола. Эти зверства фашистов воспламеняли ненависть в наших сердцах.

В населенных пунктах Белоруссии нам приходилось общаться с местным населением и даже обращаться к ним за помощью. Они не были шумливы, как украинцы, а больше молчаливы, но их доброжелательное отношение к нам чувствовалось во всем.

Выполняя свой интернациональный долг, 65-я армия приняла участие в освобождении Польши. Это было в конце 1944 года и начале 1945 года. Армия особенно быстро с боями продвигалась вперед. И мы, в полном смысле этого слова, бежали следом за ней. Не успеешь развернуть госпиталь на одном месте, как поступает команда о переезде в другое. Так, первого октября 1944 года мы принимали раненых в деревне Гвиздалы, а десятого октября в поселке Бачки.

Уже перед Одером чувствовался какой-то иной психологический настрой раненых солдат и офицеров.

Все норовили как можно быстрей покинуть больничную койку, и пока не поздно найти свою часть. Каждый из них, прошедший с боями многие километры, стремился теперь принять участие в завершающем этапе грандиозной битвы.

Счастливым днем для всех нас был день 20 апреля 1945 года, когда наконец-то армия форсировала второй Одер (Вест)

и вступила на исконную землю врага. Мы знали, на каком направлении наступает наша армия, а поэтому у всех нас на устах были радостные слова: «Ура! Швец, Германия!».

Во время штурма одерских укреплений госпиталь работал сутками с большим напряжением. Немцы дрались отчаянно, как обреченные, зная о том, что это последний рубеж перед Берлином, но и наш солдат знал, что дело идет к концу войны.

На фронтах Великой Отечественной войны сражались 12 человек из рода Горновых-Кирилловых. Не было среди них ни героев, ни чинов высокого офицерского звания, но не было среди них ни трусов, ни изменников Родины.

Все честно тянули свою нелегкую фронтовую лямку, часть из них погибла, часть калеками вернулась домой, а часть здравствует и в настоящее время. Недолго была счастлива и семья младшего сына моего дедушки - Василия.

Сельский активист и спортсмен, он в первые дни войны добровольцем ушел на фронт, а в 1944 году вернулся домой сильно покалеченным. Его жена - моя первая учительница - Любовь Владимировна, с тремя сыновьями была вынуждена выехать на постоянное местожительство в Кронштадт, где жила и работала директором школы ее сестра Серафима Владимировна, которая помогала ей вырастить сынов. Своей семьи она не имела.

В конце октября 1945 года, наш госпиталь перевели в небольшой, но уютный, как и большинство городов Германии, Ораниенбург, расположенный недалеко от Берлина. Как мы узнали позже, на северной окраине города находился один из самых зловещих лагерей фашистской Германии - Заксенхаузен.

Вскоре нас пригласили к начальнику госпиталя, где был представитель штаба армии. Они предложили нам остаться служить сверхсрочно в армии.

Некоторые работники госпиталя изъявили желание продолжить службу, а мы с боевой подругой Шурой Фатеевой и частью медперсонала из Ярославской области решили возвратиться домой.

На дорогу нам каждому дали по 6 тысяч рублей, 10 килограммов сахара и несколько метров вискозной ткани. Накануне в госпитале мы организовали прощальный вечер. Расставаться с подругами, с которыми столько пережито, было тяже-

ло. Но мы все были очень молоды, нельзя было скрыть нашей великой радости и дальнейшая жизнь представлялась нам в каких-то радужных красках. И мы поехали домой. На каждой станции не только нас, но и все составы войсковых частей, которые следовали из Германии, начиная с Бреста, встречали музыкой и цветами.

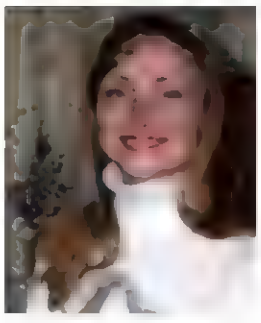
Мы чувствовали себя победителями. Пусть у каждого из нас был скромный вклад в Победу, но общими усилиями мы одолели такого мощного и коварного врага и освободили от фашистов пол-Европы.

В 2003 году тысячным тиражом вышла моя автобиографическая повесть «Исповедь». Она написана на одном дыхании, с большой любовью ко всем тем, с кем вместе училась, была на фронте, трудилась в облисполкоме и отделе ЗАГС, областном и городском Совете ветеранов. Сейчас я принимаю активное участие в общественной работе, пишу статьи для газет. Среди них такие: «Первый рейс» («Тамбовская жизнь», 17.09.2003), «Встреча врагов и друзей» («Тамбовская жизнь», 06.07.2004).

Прошедшие годы прожиты честно. Была доверчива, общительна, ценила дружбу. Всю жизнь стремилась помочь людям и на добро всегда щедро отвечала добром.

Дарить человеку счастье – это высшая степень нравственности, и если вы хотите прожить жизнь достойно, не скупитесь делать людям добро.

Июнь 2005 года



В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Мусорина Евгения Сергеевна,*** *студентка 3 курса факультета журналистики ТГУ им. Г.Р.Державина*

Козлов Иван Григорьевич

Приходилось на себе носить мины 7 – 8 км по бездорожью

Я родился в крестьянской семье 26 января 1923 г. в деревне Елизарьево, Медынского (Дзержинского) района, Калужской области.

Мама - Козлова Евдокия Кирилловна, работала в колхозе, отец – слепой, от газовой атаки немцев в Первую мировую войну, не работал.

Две сестры: Нюра, старше меня, работала, и Настя, младше меня, не работала

Русский. Состоял членом ВЛКСМ и КПСС. Окончил 7 – летнюю школу в поселке Мятлево в 1937 году. В этом же году подал заявление и документы на поступление в Московский техникум связи, но меня не вызвали на сдачу экзаменов и я не был принят.

Собранием колхозников избрали меня счетоводом колхоза, но в 1938 году, осенью я был принят студентом Московского текстильного техникума и стал жить в общежитии техникума на Красной Пресне в Москве.

Еще шли занятия в техникуме, когда 22 июня 1941 года Германия напала на Советский Союз, о чем Молотов сообщил по радио. Начались военные тревоги, огонь зенитных батарей, в небе свет прожекторов, строгая светомаскировка, налеты

немецкой авиации на Москву. Сообщения по радио, газетам, о храбрости наших летчиков–истребителей, отражавших воздушные нападения и даже таранивших немецкие бомбардировщики (Талалихин и другие), и т. д.

Я познакомился с войной лично: 1 июля 1941 года я из общежития техникума поехал в техникум на Большой Калужской улице сдать книги в библиотеку и в этот же день уехать к маме, в Калужскую область.

В техникуме я был заместителем комсомольской организации сырьевого отделения техникума. И когда меня увидели в техникуме, объявили: «Ты мобилизован в трудовую армию молодежи и назначаешься политруком роты, выезд назначен на 2 июля с Киевского вокзала». Я запасся продуктами, и с Киевского вокзала 2 июля в теплушках мы поехали на юг: Подольск, Калуга и повернули на запад к Вязьме. Думаю, увижусь с сестрой – едем через станцию Мятлево, где она живет, на этой железной дороге. Увидев меня, обрадовалась и перепугалась, узнав о наших планах. Едем дальше, и вдруг вижу, возвращаются женщины колхоза домой и среди них моя мама. Кричу: «Мама, я твой Ваня». Она услышала, но не увидела, ведь из теплушек смотрело много народа.

На станции «Чуй» или «Буй» нас выгрузили и походным маршем направили на бег реки Десна строить окопы, доты. Народу на строительстве очень много, питание плохое.

В воздухе немецких самолетов очень много. Их истребители охотились даже за одним человеком. Нас они не трогали.

25 или 26 июля утром часа в 4 мы поднялись, чтобы достроить ДЗОТ. И вдруг из-за леса вылетает наш двухмоторный самолет, у которого один мотор дымит, и за ним 2 истребителя со свастикой, и над нашими головами начинают стрелять по нашему самолету. Наш самолет ударяется о землю и разваливается по частям. Народ бежит к нему, побежали и мы: 2 летчика обгорели, мертвы, а третий еще дышал, но и он, не приходя в сознание умер, им было лет по 20 – 25.

К нашим окопам стали подходить наши войска и занимать их.

Нас перебросили на другую реку, километров за 70 от Десны, где мы так же делали такие же окопы и укрепления, так же по берегу реки.

Студентов, которые должны заканчивать учебу в технику-

ме (последний курс), понемногу стали отпускать. Так и меня посадили в автомашину и повезли в Москву по Варшавскому шоссе. Доехали до Мятлево, иногда съезжая с шоссе, чтобы не попасть под бомбежку.

Отпросившись у старшего по команде, я 7 дней был дома в деревне Елизарьево, у мамы. И вот снова я в Москве. Начались занятия в техникуме и практика в цехах техникума с 15 августа. Защиту диплома заменили на государственный экзамен, который я к 2 сентября сдал на «отлично». Была разлука со студентами, которые уезжали на фабрики по распределению.

Из Москвы сплошным потоком шли, ехали в глубь страны беженцы. Было страшно. Городской транспорт загружен до отказа: на подножках, крышах трамваев, троллейбусов висели, лежали люди. В магазинах давка за продуктами, в банках громадные очереди за деньгами.

В октябре 1941 года я получил диплом без распределения на работу. А 16 октября сообщили по радио, что немцы прорвали фронт под Москвой. Потом радио перестало работать. Я занимался во всеобуче, и мне приходилось, чтобы попасть на квартиру к родственникам, шагать почти через всю Москву, так как транспорт уже не работал.

На вокзалах: Ярославском, Казанском, Ленинградском - давка чудовищная из машин и людей, стремящихся уехать из Москвы. Склады разбирались рабочими, бумаги жглись, и все тротуары были покрыты пеплом.

20 октября мне была прислана повестка от Краснопресненского военкомата о призыве меня в армию. 21 октября нас, призывников, обмундировали и отправили пешком в тыл, в 99 запасный стрелковый полк, находившийся на станции Мордовщик-Навашино под Муромом, в который мы пришли пехом 6 декабря 1941 года, через Балашиху, Ногинск, Петушки, Владимир в Муром.

Весь путь вдоль шоссе и населенные пункты были заняты военными. Жители, видя наши страдания, плакали. Обучали нас как стрелков.

Потом был объявлен набор в авиароту, куда направили и меня, обучить на авиатехников. Занятия военным делом не прекращались. Стали проходить медкомиссию, и оказалось, что я дальтоник - не различаю цвета. Меня отчислили и вновь направили в 99 запасный стрелковый полк.

Прихожу туда, а казармы пустые. Оказывается, что моих сослуживцев отправили на Дальний Восток. Меня отправили в минометную школу, обучили за 10 дней, обмундировали и в ночь 29 декабря отправили на фронт.

Едем в теплушках: Москва, Тула, Алексино, Калуга. У Калуги железнодорожный мост через Оку взорван, и мы по льду переправлялись через реку. Вокзал и многие дома в Калуге тоже взорваны. На саперов, восстанавливающих мост, при нас налетели немецкие бомбардировщики.

Нашей авиации мы не видели.

В пути нас 2 суток не кормили, а в Калуге дали колбасу и концентраты. Только сели покушать, команда «стройся в поход». Нас быстро, около батальона безоружных солдат (вооруженных среди нас не было), ночью повели к передовой. На привале мы почти все спали: уставшие, голодные, шли по дорогам, занесенными снегом, в темноте. В Воротынске, в каком-то совхозе, - привал, уснули, просыпаемся мы, человек 15 оказались одни. Решили переночевать здесь: постучались, нам открыли. Было это часа 4 утра. Хозяева засуетились, приготовили пожрать картошку с салом и наш концентрат. Уснули, проснулись вечером и решили нагнать свою группу, которую в следующей деревне встретили. Были слышны выстрелы. Сказали нам, что бой с окруженной группировкой немцев. А из этой деревни стреляли по ним из минометов.

В этой деревне нас повсюду выгоняли, и я потерял свою группу. Было еще много приключений (помощь раненым и т. д.). Но надо было искать штаб дивизии. Говорят, что они в следующей деревне. Подхожу к ней, а зайти в нее боюсь: кто там, ходят какие-то люди. Подождал, но ведь надо идти. Подошел - наши. Много убитых. Мне дали винтовку, гранаты. Отпустили. Днем пришел в штаб дивизии. Она находилась в другой деревне - Глухово. Хожу один, боязни уже меньше. Меня направили в отдельный минометный дивизион 217 стрелковой дивизии. Закончилась неизвестность: в начале меня взяли ординарцем к замполиту, потом поставили к 120 миномету: вначале подносчиком мин, потом заряжающем, и потом наводчиком. Заряжающим, подносчиком для моего возраста было тяжело, так мины весили 16-19 кг. Усталость давила. Отстрел осколочными и фугасными минами велся на поражение большими порциями, вплоть до нагрева стволов до

красноты: до 200 мин за один бой.

Немцы бомбили нас до 50 самолетов. Убитые и раненые с обеих сторон. Так мы освобождали населенные пункты в Калужской области от Калуги до Юхнова, в котором осталось только три дома. Наш дивизион закрепился севернее Юхнова (он на Варшавском шоссе и не далеко от реки Угры), примерно в 30 километрах вверх по реке Угре.

Здесь я впервые увидел наши «Катюши». Это было фантастическое зрелище: рев реактивных снарядов, огненные трассы, взрывы, сразу десятков снарядов. Отстрелявшись, «Катюши» срывались с места и покидали свои места. За ними очень тщательно охотились.

Нас поставили в оборону, в лесу, по всему берегу реки Угры, напротив деревни Павловка на правом берегу. Пришлось много копать, терпеть артобстрел немцев по площади, ведь нас в лесу не видно.

Здесь мне посчастливилось быть дома, увидеть маму и старшую сестру. Нас с командиром отделения Филипповым и моим другом Чекулаевым послали в Мятлево (станция) за продуктами для дивизиона. Зима была очень снежной и морозной, а март месяц очень грязный и мокрый, отчего воинским частям было тяжело: транспортные пути были непроходимыми (танки из грязи вытаскивали автомашины, повозки). Появились ручьи от талого снега. Лошади (наш транспорт) и мы голодали. Нам дали задание: привезти на 2-х лошадях из Мятлево продукты для дивизиона и телегу. Поехали. По пути заехали в мою деревню Елизарьево (от нее осталось только 3 дома, в каждом из них жили 8 семей, в том числе моя мама и сестры). В нашей деревне и в соседних немцы были месяца полтора. Всех мужиков угнали в Германию.

И здесь не обошлось без происшествий.

Получив на станции Мятлево повозку для лошадей и загрузив ее продуктами для дивизиона, мы поехали вечером по Варшавскому шоссе в часть. Доехали до следующей деревни Кононово и погрузились в сон. Ночью по шоссе шел какой-то отряд пехоты. Рано утром проснулись, надо покушать. Хватились: нет ни хлеба, ни сала, все утащили.

Утром подъехали к Угре, развели костер. По обеим сторонам шоссе из-за разбитого моста стояло много автомашин с солдатами. Это было 19 марта 1942 года.

Слышим, летят «Юнкерсы» - немецкие бомбардировщики - по направлению к Мятлеву. Их было 5. Слышим, 2 возвращаются обратно. И вдруг, по обеим сторонам шоссе начинается свист падающих бомб и взрывы. Люди побежали в поисках укрытий. Мы кричали: «Не бегать! Пропадешь!» Я сидел на пне около костра, упал на землю. На нас посыпались камни, комья земли, падающие деревья.

Потом стало тихо, встаем: у меня сгорела пола шинели (попала в костер), не могу поднять ногу от удара камней. Видим, один конь лежит на земле весь в крови, бьется. В трех шагах от нас – дыра в земле. Поглядели, видим стабилизатор от бомбы – не взорвалась. По шоссе идет шофер, которому мы кричали «ложись», весь в крови и без одной руки.

Командир отделения Филиппов меня отправил за лошадью в дивизион, и взять в полку для нас продукты, а сильно раненую нашу лошадь пристрелил. Мне все это дали, и я вернулся. Мы собрались, поехали 25 км по такой грязи и добрались до дивизиона только на 8 сутки.

Нам приходилось на себе носить мины 7 – 8 км по бездорожью, чтобы создать себе необходимый запас, оборудовать 3 запасные огневые позиции и массу блиндажей в нашем лесу. Питались щавелем. Людской состав наш изменился: кого послали на курсы (политруков, младших лейтенантов). В такой ситуации меня всюду тыкали, где плохо. Взяли слово с меня, что я буду знать все обязанности командира взвода. На партсобрании меня выбрали секретарем парторганизации батареи и зам. секретаря дивизиона.

14 июня 1942 года комиссар батареи вызвал меня к себе и предложил ехать в Лепельское минометное военное училище, находящееся в городе Барнауле. Я согласие не дал. Но меня убедили мои друзья в батареи, и я согласился. Штаб дивизиона, кроме меня, направил в училище еще 4 человека, впоследствии ставшие моими друзьями в училище: Французова Володю, Лисицина Яшу, Иванова, Мишу Чекалина. До станции Мятлево мы доехали на автомашине, заехали на 6 часов в деревню Елизарьево (она от стации 4 км) к маме. Она уже сумела построить себе маленький домик. И мы поехали в Барнаул.

Лепельское военное минометное училище.

Прибыли в Барнаул. Нас поместили в карантин на 8 дней. Выпустили из карантина, и меня определили в 14 батарею, 4 взвод лейтенанта Сульгина. Начальник училища генерал майор Резниченко и начальник штаба полковник Борисенко.

Не начиная занятий, весь дивизион отправили на сенокос в Павлово (60 км от Барнаула), куда мы шли пехом всю ночь и утро. Курсанты, которые не были на фронте, стали хныкать, и ст. политрук Остафьев грозил им пистолетом, чем вызвал нарекания курсантов, прибывших с фронта. На место прибыли в 9 утра, отдохнули и начали косить траву, строить палатки и крыть их парусиной. Повар плохо сготовил, и у многих заболели животы. Потом все уладилось. Появились скирды сена.

Подполковник Соколов, командир дивизиона, дней 5 спустя, вызвал меня и предложил обмеривать стога сена, если я умею. Я согласился, и мы с инженером-строителем Корбутом, эти стога обмеряли до конца сезона. По окончании уборки меня, Корбута и Колчина оставили охранять имущество и сделать переучет стогов. А всех курсантов отправили пешком в училище.

Потом за нами пришла автомашина, и мы с имуществом уехали в училище. Помню первый доклад полковника Жиленкова: «Артиллерия и война в развитии с ранних пор и до наших дней». Мне все это было знакомо.

Учился я с отметками «отлично», так как в то время среднее образование было редкостью. Наш помкомвзвода – старший сержант Пивоваров имел образование 3 класса, как и многие другие.

Окончил училище на «отлично», после 6 месяцев учебы мне присвоили звание лейтенант, а другим - мл. лейтенант. Окончивших училище со званием мл. лейтенант откомандировали на фронты, а нас, человек 40 лейтенантов, отправили в главное управление артиллерии в Москву в январе 1943 г.

240 отдельный минометный полк

Главное управление артиллерии (Москва, Китайский проезд) направило меня в январе 1943 г. в Гороховецкий лагерь под Горьким (сейчас Нижний Новгород) в 240 отдельный ми-

нометный полк. Прибыв туда, я увидел отсутствие солдат и техники (120 мм минометы, автомашины, кухню и т. д.).

Нам офицерам приходилось стоять в охране, работать на кухне, заниматься другими хозяйственными делами.

Началось формирование полка: прибывали в основном пожилые люди и в основном из Сибири. Я в это время командиром, капитаном 1 батареи Крутиковым был назначен командиром взвода управления батареи (радиосвязь, телефонная связь; выбор наблюдательного пункта и иногда корректировка огнем, разведка и т.д.). Обучаю своих солдат практике данной войны, исходя из своего опыта.

После формирования наш отдельный минометный полк был включен в 6 мех. корпус 4-ой танковой армии (ТА) и направлен в лес под город Загорск Московской области. В этом полку я пробыл до тяжелого ранения, полученного на Сандомирском плацдарме (Польша).

Брянский фронт (07.1943 г. – 09. 1943 г.). Курская дуга

В июле месяце 1943 г. наш полк в составе 6 мех. корпуса 4-ой танковой армии был послан на Брянский фронт. Выехали на автомашинах из Загорска по направлению к Курску. Прибыли в лес около г. Белев на Курской дуге. Началась битва.

Пехотные части для танковой армии прорывали фронт, чтобы она гуляла по тылам немцев и там их громила. На нашем участке быстрый прорыв не получился, и меня послали на передовую, чтобы с левой стороны фронта поддержать огнем пехоту и в случае прорыва не дать немцам его вновь сомкнуть. Я выбрал подход к фронту через овраг и овес, росший на его левой стороне к более высокому месту, где и надо организовать наблюдательный пункт. Помочь огнем нашей пехоте.

Вышел из оврага и пополз по овсу, не поднимая головы, разглядывал местность через 4-х кратный перископ. Запасся с самого начала немецким пулеметом и обвязался стальной пулеметной лентой. С этим пулеметом не расставался всю войну до убытия в госпиталь с тяжелым ранением (30.09.1944 года).

Со мной по овсу ползли мои солдаты, тоже не поднимая головы. Выполз на самое высокое место и через перископ тщательно осмотрел местность для выбора наблюдательного пункта.

И вдруг по мне ударил танковый пулемет (по звуку фронтовики знают, какое оружие сейчас в работе у противника). Сильные толчки по спине. Говорю ребятам: «Берите меня за ноги и вытаскивайте в овраг». Тянут меня за ноги, а лента пулеметная разматывается по кускам. Вытянули меня в овраг, снял рубашку, а у меня синяки на спине. Говорю моим ребятам: "Значит, немецкая пулемётная лента спасла мне жизнь".

И тут по связи мне передают, что меня зовут прибыть на батарею. Пришли. Командир батареи мне говорит: "Фронт прорвали в другом месте, мы туда отправляемся в тыл немцам. Собирайся".

Собрались. Поехали. По дороге обдумывал случившееся. В результате установил себе законы:

Первое. Противник не должен замечать (обнаруживать) меня с моими ребятами при выборе наблюдательного пункта, не видеть суеты в готовом НП. Мы должны быть "невидимыми". А по ситуации один НП может обеспечить корректировку огня целого дивизиона. Мне иногда приходилось это делать.

Второе. При обнаружении НП немедленно его покинуть, не дожидаясь огня противника на поражение. Покинуть втихую.

Прибыли на место прорыва, меня с моим взводом послали в ряды пехоты. Место было открытым на многие километры вправо и влево, без леса. Были организованы 5 рядов пехоты с сопровождающими её представителями артиллерии и минометных частей на случай огневой поддержки. Мы их сопровождали в их рядах. По нашим рядам немцы открыли пулемётный огонь, слышу "паф" и мой командир отделения разведки, прибывший с Дальнего Востока, падает: мгновенная смерть. А он шёл в трёх метрах от меня по левой стороне.

Встретив жёсткое сопротивление немцев, они ведь с этой стороны собирались наступать и взять Москву, мы выкопали себе укрытие, и что тут началось - страшенный артиллерийский огонь со стороны немцев по нам и наш по немцам. Немецкие штурмовки делали линейные бомбардировки по нашим позициям, самолётов по 50 и более. Сделали одну, затем вторую, третью и т.д.

Одна из линейных чуть до нас не дошла метров 50. Если был бы ещё один штурмовик, то это была бы наша смерть.

Мы до того уставали, что при бомбометании спали - нем-

цы при бомбёжке до нас не доходили. Станет тихо, мы просыпались и смотрели: не дошла ли до нас немецкая пехота.

В небе находилось одновременно примерно по 150 немецких и наших самолётов, танковые встречи немецких с нашими, заградительный огонь наших зениток против немецких самолётов, горящие танки с обеих сторон.

Мне пришлось открыть огонь по немецкой колонне танков, шедшей навстречу с нашей колонной, командира батареи почему-то на НП не было. Подбил один танк.

Мне почему-то не было страшно в этой битве - надо было учитывать всё до мелочей, чтобы не создавать трудности в данной обстановке другим.

Так мы находились в битве на Курской дуге до середины августа 43 года.

Первый Украинский фронт (март 1944 г. - август 1944 г.)

После Курской битвы 4-я ТА была в резерве Верховного главнокомандующего, и только в марте 1944 года 4-я танковая армия вошла в состав 1-го Украинского фронта. Наш полк из района Караче Брянской области передислоцировался на 1-ый Украинский фронт. В Киев не заезжали, а пересекли Днепр по понтонному мосту севернее Киева.

В походе в тылу немцев на грязном поле немецкий танк, выскочивший из оврага, из двигавшейся автоколонны нашего миномётного дивизиона, выбрал автомашину из моего взвода и, выстрелив, разбил её. Я ехал на другой автомашине моего взвода (случайно). Танк взял в плен моего солдата, как языка, и удрал. Разбитая машина была в середине автоколонны.

После выстрела колонна автомашин дивизиона бросилась вперёд врассыпную и осела в следующем овраге. Командир дивизиона кричит: "Лейтенант Козлов! Вы начальник противотанковой обороны. Все ПТР-ы дивизиона в твоём подчинении. Нас нагоните". И они уехали.

Расположив солдат с противотанковыми ружьями по краю оврага, дав им соответствующие инструкции и убедившись, что немцев здесь нет, я с моими солдатами подъехал к разбитой машине, взял спрятавшихся в бороздах картофеля своих солдат, имущество и солдат с противотанковыми ружьями и к вечеру догнали колонну нашего дивизиона.

Боевые действия на 1-ом Украинском фронте в сравнении с Курской дугой отличались друг от друга, как небо и земля.

Ворвавшись через сделанный другими частями проход через линию фронта, 4-я ТА гуляла по тылам немцев, окружала их и передавала уничтожать их другим частям. Иногда она это делала и сама.

Вот некоторые эпизоды.

В одной такой ситуации окружённая нами группировка немцев перегородила нам путь, взяв обратно городишко Славута. Наше командование собрало некоторые подразделения, находившиеся под рукой, и подразделения, которые ещё не успели пройти этот городишко, решило взять его и восстановить разорванный немцами наш путь.

Меня с моими ребятами послали в порядки пехоты, находившейся около окраины городишка, чтобы при необходимости поддержать их огнём, если потребуется. Порядки пехоты находились метров 300 от крайних домов. Туда ушла их разведка. От солдат я узнал, что началом атаки на город определяет залп "Катюш", который они ждут. Пришла разведка, слышу, они докладывают: «Немцев в городе нет с нашей стороны". Начальство пехоты по телефонной связи просит, чтобы отменили залп "Катюш", чтобы войти в город, что немцев они не заметили. Радиосвязь в пехотных частях была редкой. Я по телефонной и радиосвязи тоже сообщил своим, что немцев нет в городе. Командуют пехоте: "Вперёд!". Пехота встала, и вдруг команда: "Ложись!". Слышу залп "Катюш", смотрю в небо - снаряды летят прямо на нас. Но снаряды летят в промежуток между нами и домами, в этих 300 метрах, не задевая домов. Мы вошли в городишко, немцев там не было.

Я организовал НП на чердаке школы с видом на все четыре стороны. Видим малочисленные части немцев, окапывающихся недалеко от городишка.

Колонна нашего полка двинулась дальше.

Другая, почти такая же ситуация сказалась в другом месте. Нам тоже перегородили путь окружённые немцы. В населённом пункте, где дома не в ряд, как найти место для наблюдательного пункта, это сложный вопрос. Выбрал на окраине, куда мы только что вошли, дом был с соломенной крышей. Сделал себе маленькую дырочку в ней. Оглядывал окрестности. Места для НП нигде больше нет. В огород соседнего населён-

ного пункта, который ниже нашего, зашли два немца. Один смотрит в бинокль и рукой показывает другому в нашу сторону. Ушли. Я нацелил нашу батарею на то место, где были эти два немца, предполагая, что они что-то задумали. Смотрю дальше: на правой стороне нашего населённого пункта подошла самоходная пушка и начала бить по нашему населённому пункту, выбрасывая пустые гильзы на землю.

Что делать? И я решил перенацелить наши миномёты на неё. Сделал большую ошибку: пока перенацеливали: это почти 90 градусов, в огород, где были два немца привезли малокалиберную пушку и нацеливают в нашу сторону.

И здесь начали стрелять, и один из снарядов попадает в наш НП и меня ранит в руки, ноги. Меня посадили в автомашину (огневая позиция была в саду этого дома) и повезли в тыл, в эвакогоспиталь. По обеим сторонам шоссе были небольшие рощи. Выезжаем, видим человек 50 немцев, которые бегут к шоссе. Увидев нашу автомашину, начинают стрелять в нас из автоматов. Скорость у нас была приличная, и в нас не попали.

В следующем населённом пункте оказался медсанбат, куда меня и сдали. Пробыв там и в госпитале, после изъятия осколков, я снова вернулся в свой полк. Освободили Тернополь, Львов. Переправились по понтонному мосту на Сандомирский плацдарм в Польшу.

Сандомирский плацдарм (Польша)

Надо выбирать НП. Наш полк остановился в населённом пункте недалеко от реки Вислы. От этой реки километров 4-5 низина, и только вглубь плацдарма находилась высота. Туда я и направился со своими ребятами. Это был хуторок, от него в глубь плацдарма был лес. На три четверти с высотки пространство было открытым. Хуторок был небольшой, и только один дом кирпичный, за ним недалеко пруд и начало леса 100-200 метров от пруда.

В этом доме я и открыл НП, сделав в кирпичных стенах амбразуры для пулемётов и автоматов на случай неожиданных атак пехоты. Из командиров я был один, и мне надо было при необходимости корректировать огни всего дивизиона. До огневых позиций было очень далеко, около 4-х, а может и боль-

ше километров, при дальности огня миномёта 5300 метров. Наблюдение округи на 20-30 километров не выявляло какой-либо серьёзной цели.

Однажды рано утром начался бой: из леса стала выходить наша пехота. Наши танки, пятясь по лесу задом, стреляли в лес. Я удивился: ведь это немцы по лесу, ночью, вели наступление. Такого ещё не бывало.

У меня встал вопрос: ведь, если наши отступают вразброд, то кто же будет впереди нас, ведь НП должен быть защищён.

Смотрю, из леса выходит наш полковой взвод разведки. Меня взяло бешенство. Я выхватил пистолёт и подбежал к ним. Закричал: "На кого вы оставляете НП первого дивизиона? Ложись в канаву идущую из пруда, не то стрелять буду". Расположил их напротив леса в этой канаве.

Вдруг взрывается напротив меня мина. Меня обсыпало осколками. Я падаю. Солдату разведвзвода почти оторвало руку. Разведвзвод полка убегает, оставив меня одного раненного. Такой подлости за всю войну я ещё не встречал. Я еле поднялся на ноги и пошёл на НП. Мои солдаты меня увидели, подбежали, привели на НП, сообщили о случившемся в полк. Меня оглядели, увидели ранения справа и слева живота, ноги, руки, голова, я весь в крови. Самостоятельно идти не мог. Меня стали тащить, прижимаясь к моим ранам живота. Кричу: "Стой! Не могу!" Стоим, и я оцениваю: как я могу выжить в такой ситуации. Надо быстрее в медсанбат. Говорю ребятам: "Вон до того места дотащите и остановитесь передохнуть». Несмотря на мои приказы, они так не делали, несмотря на мою страшенную боль и крики спустились с высоты.

Вдруг мчится санитарная машина. Ребята кричат: "Стой, стой!". А она мчит, не останавливаясь. Тогда ребята справа и слева от автомашины дают очереди из автоматов. Санитарка останавливается. Меня в кабину, а сами в кузов. Прибыли в село, где наш полк стоит. Мои солдаты пошли искать огневые позиции. Нашли. Пришли с носилками, меня взяли, а там разгружают автомашину, и меня в кузов. Шофёру приказывают прямым ходом в медсанбат. Он так и сделал: по картошке привёз в медсанбат, где я был первым. Меня сразу на операционный стол. Разрезали живот справа и слева, сверху и донизу в трёх местах, сшили кишки в пяти местах, обработали другие раны и на койку.

Через три дня вошёл в палатку генерал, осмотрел. Ему сказали, кто с чем. Подошёл и ко мне, ему пояснили, что со мной. Он покачал головой, ушёл. Моих соседей эвакуировали, меня оставили.

Дня через три меня повезли на аэродром, втолкнули в бочку под крылом самолёта У-2 и отвезли во Львов в госпиталь. Затем поездом в Киев, потом в Красноярск, где пробыл 11 месяцев. Не закрывались раны, которые пробили "таз" и застряли в ягодицах с кусками рубашки и брюк. Таких операций было 7, и одну операцию (последнюю) сделали показательной для студентов медтехникума, гнили кости "таза". Вычистили - за неделю раны закрылись.

В июне 1945 года меня выписали и направили в резерв в город Новосибирск. А в июле 1945 года отчислили из армии: "В мирное время к военной службе не пригоден".

Работа на гражданке

Отдел кадров Минтекстильпрома направил меня на Мошинский камвольный комбинат под Москвой, 3 февраля 1946 года приняли мастером, затем исп. обязанности начальника сортировочного цеха, а с 03.08.1947 года шерстоведом (оценка и прием шерсти от поставщиков).

Затем загранкомандировки (в основном по закупкам шерсти):

- Австралия с 30 апреля 1950 года по 04.07.1951 года (разрыв дипломатических отношений - сбежал консул, попросив политического убежища).
- Монголия и Китай с 20.07.1951 года по 24.02.1954 год, приём шерсти.
- Аргентина 26.03.1954 по 21.08.1958 год - старшим товароведом и уполномоченным "Союзхимэкспорта".

С 18.08.1958 г. по 15.04.1960 г. товаровед шерстяной конторы ВО "Экспортлен" Минвнешторга. Комиссия Минвнешторга в начале 1959 года не дала разрешения на загранкомандировку в Уругвай: "мало был в Союзе". Поэтому решил, раз не пускают получить высшее образование и перейти на комбинат: начальник сырьевого цеха, мастер классировки, старший экономист, начальник вновь организованного производства (фабрики) первичной обработки шерсти.

Требования Минвнешторга, откомандировать меня к ним, чтобы послать за границу, отклонялось постоянно руководством Монинского камвольного комбината, для них знание английского и испанского языков роли не играли.

В такой обстановке мне пришла мысль: 1) организовать встречи однополчан, что я и сделал на 30-летие и 35-летие Победы в пионерском лагере комбината. Фотографировались на память, собирали адреса однополчан, - их остались единицы; 2) получить высшее образование, что и сделал, закончив Московскую Ветеринарную Академию за 4 года, вместо 6 лет (заочно).

Изменил привычную для фабрик первичной обработки технологию обработки-промывки шерсти. И фабрика за 3 года увеличила выпуск шерсти с 8400 до 12012 тонн в год. Это дало комбинату дополнительную прибыль, за счёт чего комбинат строил жильё в большом количестве. А мне "Знак почёта".

Награды: медаль "За отвагу" № 1170152, орден Красной Звезды № 25966963, удостоверение В № 711064 от 3 января 1947 года, орден Отечественной войны I степени № 2612470 удостоверение № 127836, орден Знак почёта № 1323070 12 мая 1977 года удостоверение № 124342. Медали: "За оборону Москвы", "60 лет битвы за Москву", и множество других памятных медалей.

P. S. Ещё раз: встреча со смертью

Битва за Москву:

Освободили Юхнов (Калужская область). Огневую позицию обосновали в лесу 200-300 метров от окраины, где в крайнем доме, кирпичном, обосновали НП. За НП также метров 300-400 проходил овраг, а с левой стороны дома проходило Варшавское шоссе. Через овраг был мост. Я пошёл с огневой позиции на НП. Надо перейти шоссе. Только зашёл на шоссе, вдруг "Пах" - пуля ударила около правой ноги об асфальт.

Я прыгнул в кювет, не шевелюсь, не поднимаю головы. Размышляю: это видимо снайпер, за оврагом на дереве. Подождал, потом вскочил, бегом через шоссе и снова падаю в кювет. Были два выстрела и снова промах. Думаю: что надо сделать, чтобы он меня не убил, ведь прицел он, наверное, на мне держит. Пополз по кювету ближе к НП. Подождал, потом

вскочил и в дом. Снова выстрелы и снова промах.

Передислоцировались на Угру под деревню Павловка, находящуюся за рекой, на правом берегу реки Угра. Выкопали землянки. Как-то сидим мы, человек 5, и чистим своё оружие. Солдат напротив меня говорит: "Если бы ты был немцем, то тебя легко можно было расстрелять". Я инстинктивно бросился на пол, ведь он навёл на меня винтовку. Прозвучал выстрел. Все побледнели, в том числе и он, в патроннике винтовки был патрон. Находясь на задании, мы всегда патрон загоняли в патронник, но, находясь не на задании, мы его вынимали. А он это не сделал.

На 1-м Украинском фронте. Там равнина, и нет никаких высоток. А надо выбрать НП и так, чтобы быть незамеченными немцами. Я полз, не поднимая головы, оглядывал окрестности через 4-х кратный перископ. Впереди был бруствер, сделанный с начала войны и ещё не заселённый, подполз к нему, и вдруг из пулемёта по мне огонь: комья земли, пыль на меня. Как приполз, так и уполз тихо, также не поднимая головы. А полз по засеянному полю.

Находясь в Елизарьево, на Родине, в моей деревне, я расстрелял все мины и снаряды, оставшиеся после освобождения целыми, чтобы ребятишки на них не подорвались.

Ноябрь 2002 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Никитина Ольга Владимировна****, студентка 2-го курса профессионального училища № 5, города Москвы.*

Козлов Николай Петрович

Краснознамённый кавалерийский полк

Часть 1

22 июня 1941 г. в 12.00 ч. из выступления М. Молотова я узнал о вероломном нападении фашистской Германии. На митинге призывали: быстрее осваивать новые самолеты СБ-3, ПЕ-2. Все учебные полеты мы выполняли на учебном самолете У-2 и боевых в то время Р-5, Р-10 и Р-3ет, хотя учившие нас летчики, штурманы, участники финской военной компании говорили, что воевать нам придется на самолетах СБ-3 и ПЕ-2. Так и произошло, два боевых задания в роли штурмана я выполнял на самолете ПЕ-2 под Сталинградом 9 октября 1942 г. Самолет ПЕ-2 хороший. Вооружен пятью пулеметами (три-12,7 мм, два -7,62 мм), скорость до 540 км/час, мог бороться с атакующими истребителями Ме-109 и др.

Боевое крещение

Утром 9.10.42 г. в 9.30 ч. командир звена, мл. лейтенант Г. Островерженко подошел к самолету и довел до нас боевое задание: “Произвести разведку скопления немецких войск в Котельниковском». При заходе для фотографирования жд.ст. Котельниково на нас обрушился шквал зенитно-артиллерийского

огня, при выходе попали под атаки пары Ме-109. Отбиваясь, экипаж продолжал выполнять боевое задание - полет на Уманцево. В 16.00 ч. вылетели на повторную разведку Уманцево. Удачно проведя фотографирование, развернулись на обратный курс и были атакованы двумя парами Ме-109. Командир выжимал из родной «Пешки» все: максимальную скорость с пикированием, прижимаясь к земле, огонь из всех пяти пулеметов - не защитили. При непрерывных атаках «желтолобых» удивительная выдержка, мастерство, самообладание, и боевой опыт на истребителях командира помогли. Пешка дотянула за Волгу, в расположение наших войск, при посадке не взорвалась. Появились наши истребители, мессеры ушли. Выскочив из дымившей машины, командир и я перенесли тело Бузаева, убитого пулей в голову, от самолета в сторону. Подъехала аэродромная команда и занялась самолетом, а нас и тело радиста доставили в часть. Так я стал «безлошадным» и попал в резерв 8 ВА, откуда меня ранее и взял в экипаж командир.

Из авиации в артиллерию

30 октября на построении всего резерва 8 ВА общевойсковой генерал в присутствии авиационного генерала сказал: «Вы здесь сидите, летный паек жрете, а там, в Сталинграде, решается судьба Родины. Кто готов защищать ее с винтовкой в руках два шага вперед!». Большинство летчиков, штурманов инженеров и техников, в том числе и я, команду выполнили. Отделили справа две команды по 50 человек, во вторую попал и я. Строем повели для перевооружения и экипировки, затем к Волге, окопались. Вскоре поступила команда на посадку в автомашины, подвезли к незаметному полустанку, выдали сухой паек на трое суток, посадили в две теплушки с нарами по 25 человек в каждую и повезли. На четвертые сутки поступила команда выходить для приема горячей пищи и получения сухого пайка. Выхожу и вижу – Свердловск. Все требовали объяснений, военный комендант станции сказал: «Конечный пункт Красноярск, больше ничего не знаю». Движение продолжилось, прибыли в Красноярск. Построили по-вагонно, я оказался во второй группе. Пройдя 6 км, подошли к воротам с аркой и надписью «1-е Киевское Краснознаменное артиллерийское училище» под эту арку нас и провели, первая группа

проследовала дальше в «Киевское училище связи», так нас надули. Мы забастовали, требуя отправки на фронт. Буза длилась более двух недель. В первых числах декабря нам приказали быть всем в расположении, т.к. приедут генералы из Сибирского военного округа и будут решать нашу судьбу. Начальник училища полковник рад был избавиться от нас. Прибыли авиационный и артиллерийский генералы. Собрали всех, первым говорил артиллерист, он сказал примерно следующее: во-первых, за такие действия можно угодить в штрафную роту, во-вторых, фронту нужны артиллеристы, для выбивания танков, а вас можно в короткое время переподготовить, в-третьих, когда будет много самолетов, вы сможете вернуться в авиацию. Вторым говорил авиатор, он сказал, что очень сожалеет и сочувствует нам, однако положение на фронтах требует такого решения. Кто действительно захочет вернуться в авиацию, он этого добьется, а мы поможем. Забегая вперед, замечу, осенью 1943 г. командир полка довел до меня, под расписку, Приказ Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина о возвращении всех авиационных специалистов по назначению, то есть в авиацию. Тогда я им не воспользовался, прижился в полку. После общего сбора генералы беседовали с каждым в отдельности, все просили направить в авиацию или отправить на фронт. В результате переговоров пришли к компромисному решению: каждому из Новосибирска привезут только что изданный новый «Курс боевой стрельбы артиллерии». Три месяца на самостоятельную подготовку, сдача экзаменов по теории, практические артиллерийские стрельбы и на фронт.

На Юго-Западном, Воронежском

16 марта 1943 г. 22 лейтенанта, в том числе и я, старший команды, получили приказ убыть в распоряжение командующего артиллерией Юго-Западного фронта. Из Красноярска отправлялись два вагона, прицепленных к пассажирскому, наш и вагон девушек-связисток, окончивших там же училище связи, ст. назначения – Харьков. После долгих поисков, с помощью военных комендантов, на попутных транспортных средствах мы прибыли к месту назначения.

56 гв. Краснознаменный кавалерийский полк. 76-мм полковая пушка, образца 1927/43 годов

Мне и А. Петрову вручили предписания убыть в распоряжение командующего артиллерией 7 гв. кавалерийского корпуса (резерв Ставки Верховного Главнокомандующего) в район Павловска-Воронежского. В начале мая я прибыл в 56 гв. Краснознаменный кавалерийский полк, 14 гв. Краснознаменной кавалерийской дивизии, 7 гв. орденов Ленина и Красного Знамени кавалерийского корпуса. Полк был расквартирован в Алекандровке-Донской на берегу Дона. Командир батареи 76-мм полковых пушек гв. ст. лейтенант Прокофий Павленко определил меня на должность командира взвода управления. Батарея формировалась, взводы совершенствовали свои знания и профессиональные навыки. Взвод управления осваивал приемы ориентирования на местности, правила артиллерийской стрельбы с открытой и закрытой ОП, пользование приборами (стереотрубой, бусолью и пушечным панорамным прицелом). Связисты осваивали средства связи и тренировались в установке телефонной и радиосвязи ОП–НП.

Усиленно изучал я 76-мм полковую пушку образца 1927/43 годов. Пушка оказалась очень хорошей, легкая, с подрессоренным лафетом, главное очень высокая точность стрельбы прямой наводкой из закрытых огневых позиций (ОП). При стрельбе фугасными снарядами: начальная скорость 365-387 м/с, дальность до 7710 м, дальность прямого выстрела при высоте цели 2 м–470 м. Боекомплект 58 снарядов, тягаупряжка-шестерка лошадей. До меня взводом управления командовал пом. комвзвода гв.ст.сержант И. Калачев, награжденный двумя медалями «За отвагу». Командир отделения связи сержант Е. Ильиных, прибывший добровольно из заключения. Ординарцем стал казах Василий (Султан) Карменов, коноводом М. Алтухов. Я подобрал себе легкую, быструю, горячую, ахалтехинской породы серую кобылку Атаку. В июне, ночью, полк подняли по тревоге и двинули к Курской дуге.

От Дона до Днепра. Первый орден Красной Звезды. Убит коновод Михаил Алтухов

Продвигаясь практически без боев, батарея в составе пол-

ка 23 сентября подошла к реке Снов и втянулась в село Бегач. На рассвете 24.09 батарея готовилась в составе головного полка дивизии форсировать реку и войти в прорыв для действий по тылам противника в направлении Чернигова. Этого не произошло из-за налета вражеских бомбардировщиков. Я находился в доме, слышу гул самолетов, вой и разрывы тяжелых бомб, дом закачался, посыпались оконные стекла, я упросил старичков залезть под печку, а сам выбежал во двор и увидел страшное, мой коновод М. Алтухов ползет к дому, живот распорот, внутренности растянулись по земле, и просит пристрелить. Я крикнул: «Подожди, приведу санинструктора», и побежал. Быстро возвратился. Поздно. Он, сидящий спиной к стене, был мертв. Дотянувшись до своего автомата, стоящего у стены, прижав ствол к груди, разрядил почти весь диск. До сих пор виню себя в том, что не отбросил его автомат, маловероятно, но М. Алтухов мог выжить, на фронте всякое бывало. Люди, а за ними и кони бежали к лесу по открытой поляне, стервятники вторым заходом ударили по убегавшим. Огневые взводы понесли значительные потери. Это был горький урок, научивший меня «Не метаться!» ни при каких обстоятельствах. Оказалось, на колокольне церкви был шпион-корректировщик, его стащили и растерзали.

В ночь с 24 на 25 сентября форсировали р. Снов и двинулись в образовавшийся прорыв к Днепру, уничтожая мелкие очаги сопротивления противника. Обойдя Чернигов с севера, полк подошел к Любичу и завязал бой. Я до прибытия комбата, находясь в боевых порядках эскадрона, с разведчиками и телефонистами разведывал огневые точки противника, определял места для НП и ОП батареи и организацию связи между ними. Однако, комбат приказал выкатить все четыре орудия, на открытые ОП, к эскадронам для ведения огня прямой наводкой. Перекатывая орудия за эскадронами, наступающими в пешем, боевом порядке, батарея подавляла пулеметные и минометные огневые точки и сопротивления пехоты, при этом командиром каждого орудия был офицер, я - у третьего. Лобовой атакой г.Любичь был освобожден, жители радушно встречали нас. За умелое руководство боевыми действиями батареи, взвода при освобождении г.Любечь и проявленные при этом мужество и отвагу комбат и я были награждены орденами Красной Звезды.

От Днепра до Буга.
Первая контузия. Лоев, Короватичи, Мозырь, р.Турья

18 октября батарея переправилась через Днепр в районе Лоева, освободили Козероги (первая контузия) и заняли оборону фронтом на Восток в сторону Днепра. Со мной взвод управления и второй огневой взвод. Орудия поставили у дороги на окраинах села: гв. л-нт Н. Мельников у правого, по фронту, я у левого. Кавалеристы заняли оборону ближе к Днепру, внизу, в нашей видимости. Жителей никого, попрятались в лесу. Разведчики добыли сала шпик, капусты, огурцов, картофеля и всего необходимого для трапезы. Мой ординарец В. Карменов (за главного повара) с помощью других готовил ужин. Редко весь взвод собирался вместе. Обычно кто-то на связи в штабе полка, кто-то на связи у комбата или командира эскадрона. Только расселись за сдвинутыми столами, вбежал посыльный от командира орудия гв. сержант В. Ломако, кричит: «Немцы утащили орудие!». Командую «За мной!» И бегу к орудию, мысли всякие…, готов ко всему. Но со мной 20 человек, это сила. Подбегаю к дому и вижу, на фоне костра возню, драку и русскую брань. Что такое? Свои что ли дерутся? Услышав мою команду: «Разойдись!» Часть дерущихся бросилась бежать от орудия и скрылась в темноте. Спрашиваю у командира орудия «В чем дело?». По его словам, чтобы подогреть еду, рядом с пушкой развели костер. В темноте послышались разговоры и перебранки русских, которых и приняли за своих кавалеристов. А те, видя на фоне костра у орудия всего шесть человек, видимо решили завладеть орудием, стрелять боялись, зная, что мы недалеко. Я не стрелял сам и не дал команды подчиненным стрелять по убегающим, т.к. принял их за своих. Кто они? Бандеровцы? Власовцы? Местные жители, пожелавшие вооружиться? Занимались этим представители СМЕРШ.

Тяжелые бои за Короватичи. Первое ранение

19 ноября 1943 г. утром мы ворвались в с. Короватичи и практически без боя заняли его. В полдень противник, вероятно опасаясь нашего выхода к крупному ж.д. узлу Василевичи,

перерезая ж.д. дорогу Гомель-Брест, подбросил крупные силы. Завязались ожесточенные бои нашего полка и полка СД с наступающим противником. Пользуясь большим превосходством, немцы теснили наши полки, заняв половину села. Я с частью взвода (семь человек) оказался отрезанным, попытались прорваться к батарее, не получилось. Часть автоматчиков развернулась и двинулась на нас, отступая, отстреливаясь из ручного пулемета и автоматов, мы вышли к ОП одинокой батареи 82-мм минометов нашего полка. Комбат гв. капитан Лапин предложил участвовать в отражении атакующих автоматчиков. Шквальным огнем прямой наводки 12-ти минометов, трех ручных пулеметов, двух десятков автоматов и стольких же примерно карабинов удалось устоять и удержать часть села до подхода дивизии. Бой был тяжелым, нам досталось, были потери: убитые и раненые. В том числе и я получил осколочное легкое касательное ранение в голову. Досталось и немцам. За героизм и мужество, проявленные личным составом батареи в окружении, за то, что практически одной батареей противник был остановлен, гв. капитану Лапину было присвоено звание Героя Советского Союза. К сожалению гв. капитан Лапин не дожил до получения высокой награды. Он был убит в бою за с. Прудок и похоронен в Гомеле в парке. Ходатайствовал он о награждении и меня.

Замостье, оборона. Концерты немцев. 2 залпа «Катюш»

2 декабря комбат приказал мне следовать в район н.п. Замостье, что западнее Нахова, и выбрать места для расположения и оборудования НП и ОП батареи в системе обороны сменяемого нами стрелкового полка, и подготовки к принятию обороны. Встретившись с комбатом СП (стрелкового полка) и осмотрев боевой порядок батареи, я решил НП и ОП оставить прежним. Прибывший комбат с моим мнением согласился. Заняв НП, я как всегда, начал изучать впередилежащую местность, рисовать панораму, изучать переданные нам пристрелочные данные по реперам и целям.

В один из таких дней комбат прибыл на НП с незнакомым мне майором. Майор представился командиром дивизиона «Катюш» и сказал, что ему приказано подавить идеологическую агитацию немцев, проводимую перед фронтом через

громкоговорители. После долгих обсуждений и расчетов решили выдвинуться в боевое охранение эскадрона для определения пути решения поставленной задачи. Громкоговорители то замолкали, то оживали. Решили: мне с разведчиками остаться с боевым охранением, оборудовать укрытие, организовать телефонную связь с КП комэска и продолжать наблюдение. Неожиданно меня вызвали к командиру полка, как оказалось, вызов был связан с разъяснением мне оперативности и важности боевого задания. «Катюши» находятся в укрытии, быстро выдвигаются на подготовленные ОП, производят два залпа (первый расчетный, второй скорректированный) и немедленно снимаются с ОП. Огневой налет «Катюш» должен подавить громкоговорители, что во многом зависит и от меня.

В 9.00 ч. громкоговорители заработали, я об этом доложил комбату. Приказано наблюдать и определять направления и цикличность движения громкоговорителей во времени. Слушаем «музыку», рисую на бумаге направления и циклы движения громкоговорителя во времени, используя педантичность немцев, и все докладываю комбату на НП, там же и комдив «Катюш». К полудню комбат по телефону мне приказал «Быть готовым! Объект выдвигается, следить за целью и действовать, как решили вчера, команда «Цель!». Наконец, громкоговорители оказались на слух против нас, и я крикнул в трубку «Я БО, цель!». Комбат повторил «Я ОП, есть цель!», затем слышу: команду «Огонь!», характерные звуки выстрелов «Катюш», шипение приближающихся и шлепки мин по болоту вокруг нас и впереди разрывы. Еще в шоке, передаю «Ближе, (недолет) 200 м!». Второй залп оказался удачнее – сплошные разрывы в обороне противника. Громкоговорители замолчали или по программе, или побоялись попасть под огненный смерч, или им все-таки досталось. Мы пережили неприятные секунды подлета и шлепков мин в болоте вокруг нас. Боевое задание выполнено, командир полка благодарил.

Освобождение Мозыря. Второй орден Красной Звезды

С 8 января участвовал в боях за г. Мозырь: разгром гарнизона н.п. Ремезы, форсирование р. Припять, рейд по тылам, разгром гарнизона н.п. Прудок. Ожесточенный бой в н.п. Козенки, где полк был неожиданно атакован двумя ротами про-

тивника, поддерживаемыми шестью танками «Пантера» и САУ «Фердинанд». В этом бою решающая роль принадлежала трем полковым батареям: нашей - 76-мм пушек, 45-мм орудий и 82-мм минометов (комбат Лапин убит). Батареей, огнем прямой наводки, остановили атакующих и заставили перейти к обороне. Батарея потеряла 3 человека убитыми и 6 человек ранеными. 13-14 января тяжелые бои за Загорыни и освобождение Мозыря. Дивизии присвоено почетное звание Мозырская.

За боевые действия в Замостье и Мозыре я был награжден вторым орденом «Красной Звезды».

Симановичи, рейд в тыл противника. Дезертирство комвзвода 45-мм пушек

Продвигаясь с боями по Полесью (н.п. Крахмальное, Холички и др.), батарея к 16 января вышла в район Злодичево, Симоновичи и оборудовала НП и ОП в системе обороны полка. Зима, снег, холод, вши; нижнее белье не сдавали на обмен, а сжигали. Люди, греясь у костров, засыпая, прожигали полушубки, шинели и плащ-накидки.

В двадцатых числах комбат, придя от командира полка, сказал, что готовится отряд в составе: группы полковых разведчиков, одного эскадрона, взвода 82-мм минометов, взвода 45-мморудий и нашего взвода 76-мм пушек. Командир отряда – командир эскадрона. Мне подобрать необходимое количество разведчиков с подчинением 2-го огневого взвода (командир мл. лейтенант Н.Кудрявцев) возглавить группу от батареи. Задача отряда - разведка возможности наступления по гати через Припятьские болота, р.Припять, к Турову и Петрикову. При благоприятных условиях захватить Туров и удерживать до подхода полка и главных сил дивизии. Уточнив боевую задачу отряда и каждой группы, компполка сказал, что по данным дивизионной разведки и партизан с нашей (Южной) стороны болота немцев нет, готовность к выступлению 23.00ч. Возвратившись в нашу землянку (комбата и мою), я скрупулезно изучил по авиационной привычке, по карте, маршрут движения и характерные ориентиры. Подобрали состав группы, проверили вооружение, конский состав, амуницию и т.д. Готовились основательно, отряд шел на выполнение важного боевого зада-

ния, возможна «Разведка боем», и чем закончится, никто не мог предположить. Поступил приказ: «Отряду построиться в 23.00 ч. выступить в 24.00 ч. на рассвете ворваться в Туров». Движение началось в полночь, моя группа замыкала колонну отряда. Я во главе группы, со мной комвзвода Н.Кудрявцев, разведчики: Г.Коротенко, Н.Котляров, Л.Аверьянов, командиры 4-го и 3-го орудий с боевыми расчетами и пушками, замыкал группу комотделения связи Е.Ильиных со связистами. По колонне передали - соблюдать строжайшую тишину, впереди оборона немцев. Вошли в дремучий лес, справа и слева вековые ели. Преодолев оборонительную линию немцев, примерно через полтора часа вышли к мосту через приток р. Припяти на грунтовую улучшенную дорогу Тенеж-Туров. Около 4 ч. колонна остановилась, и прошла команда «Спешиться, выставить боевые охранения. Командирам групп в голову колонны!». Комэск (командир отряда (эскадрона)) сказал: «Впереди большая река, приток Припяти и мост, за ним в 5 км. Туров. Выезжаем на рекогносцировку, впереди разведчики, немцев нет». Проехав метров 200, спешились и вышли на опушку леса, впереди открытая местность и огоньки, это Туров. Выслушав комвзвода разведки, обменявшись мнениями, решили, в конном строю на галопе проскочить мост и ворваться в Туров, пока немцы спят. Возвратились к голове отряда, Комэск скомандовал: «По коням!», а нам «По местам!». И в это время началась и усиливалась стрельба из стрелкового оружия позади отряда. Прискакал вестовой от замыкающего комвзвода кавалеристов и крикнул, докладывая Комэску: «Немцы с тылу!». Я шпоры в бока своему скакуну «Мурату» и карьером к пушкам, слышу пушечный выстрел и разрыв снаряда, это Н. Кудрявцев, сняв 4-е орудие с передков, выстрелил по огням колонны немцев. Соскочив с коня, подбежав к нему, крикнул: «Бей!», а командиру 3-го орудия гвардии старшему сержанту И.Борисову: «Разворачивай обе упряжки и орудие для движения назад!». Как потом выяснилось, это эсесовцы возвращались в Давид Городок из карательной операции против партизан.

Прискакал Комэск, за ним два взвода кавалеристов, спешились, развернулись в цепь левее и правее дороги и пошли в наступление, стреляя из пулеметов, автоматов и карабинов. Развернулись и открыли огонь минометчики, стреляли сорокапятки и наши 76-мм пушки. Такого мощного огня карател не

выдержали и начали отступать, а потом и побежали. Комэск вел отряд ускоренным маршем по пути, указываемым проводником. Линию обороны немцев пересекли в другом месте без боя и прибыли в полк. Убитых не было, были раненые, но пропали комвзвода 45-мм орудий Кобзарь и его ординарец. Комполка подполковник Дорофеев решил послать разведгруппу на поиски Кобзаря и коновода, командиром группы назначил меня. Он сказал мне, что поскольку пропали артиллеристы и ты артиллерист, к тому же знакомый с маршрутами движения отряда туда и обратно, пойдешь во главе группы. К вечеру на своих конях, с коноводами, мы прибыли в Симоновичи и разместились в подобранном для нас доме. Поужинали, кто хотел, принял «наркомовские» 100 гр. и отдохнули: хорошо после холодной землянки в теплом доме. В 3.00 ч. подъем, завтрак, по коням и вперед. В темноте, ползком по глубокому снегу, благополучно преодолели оборону немцев и вышли на лесную дорогу - обратный маршрут отряда. Разведчики пожелали нам удачи и пошли обратно. Теперь задача, пройти весь маршрут движения туда и обратно, всего более 50 км. Определил боевой порядок при движении: два дозорных в 20-25 м впереди, два на таком же расстоянии сзади, в середине я и со мной четверо. Автоматы в готовности к стрельбе на боевом взводе, стрелять только по команде. Итак, вперед! Вышли к дороге Тенеж-Туров. Кругом тихо, прошли метров двести вдоль дороги справа, тихо. Отошли от дороги метров на 15 и расположились под огромной елью на перине из хвои, как в шалаше, длина нижних ветвей более 2-х м. Отдохнув, продолжили движение, к полудню приблизились к конечной точке маршрута отряда. Вышли на опушку леса, впереди большая поляна, просматривается река и мост. Взобравшись на дерево, вижу впереди слева Туров, вблизи никого нет. Возвращаясь, решил сделать привал, подал сигнал, и вдруг впереди - лай собаки, подумал, что собака местных жителей или охотников, но меры предосторожности принял. Уходя в сторону от дороги, лапником заметали свои следы. Уже слышны крики немцев и слово «Партизан». Подал сигнал «за мной» и повел группу от дороги в лес. Лай собак не прекращался, становился громче, началась стрельба в нашу сторону из автоматов, лес густой, мы немцев не видим и они нас, наверное, тоже. И все-таки неприятно - свист пуль, и падение сбитых веток и хвои. Пробе-

жали по ручью метров 200 в воде, углубились в лес. Продолжая движение, наткнулись на реку, направление течения которой параллельно нашему движению. Река с характерным изгибом изображена и на карте, что помогло мне определить наше местоположение. Двигаясь в выбранном правлении, натолкнулись на опорный узел обороны немцев, опять удача - немцы нас не заметили. При полной темноте ползком, врываясь до земли в снег, друг за другом благополучно преодолели немецкую линию обороны, а свои встретили пулеметным огнем, к счастью пулеметчик оказался плохим стрелком. Прибыв в расположение полка, я доложил комбату все, как было. Кобзаря нет ни живого, ни мертвого доложили и комполка. Он приказал подробно изложить в рапорте, а к вечеру вызывал опять, подозвав к карте, потребовал еще раз подробно рассказать с показом на карте. Выслушав, сказал, что комдив приказал еще раз пойти по прямому маршруту движения отряда; выход завтра в ночь. На следующий день вечером снова вызов к комполка, прибыв, я опешил, перед ним стоит ординарец Кобзаря и рассказывает, как все было. Оказалось, во время боя отряда с карателями Кобзарь струсил, дал команду ординарцу: «За мной», и галопом в лес, далее в Мозырь. Там, оставив ординарца, куда-то ушел и не вернулся. Ординарец ждал, а потом на двух сменных лошадях скакал, торопясь доложить своему комбату о пропаже командира взвода. Позже труса Кобзаря поймали в Минске, там он снимал деньги с книжки, судили военным трибуналом и расстреляли.

Млынек Симановский. Убит коновод Петр Калин

Сдав оборону и двигаясь на Запад, приблизились к р. Стырь, завязали бой за Млынек Симановский. Эскадроны противником остановлены и залегли. Комбат приказал мне выбрать место для боевой позиции батареи (НП и ОП). Место для НП в боевом порядке эскадрона я подобрал быстро, а ОП проблема, кругом болота. Наконец-то, я увидел небольшую тропу, ведущую в лес от дороги. Двигаясь по тропе, метров через 100-150, я выехал на небольшую поляну, огороженную по периметру жердями. Спешившись, сказал коноводу П. Калину: «Будь тут, а я поищу возможный путь проезда боевых расчетов с пушками». Отошел на 30-40 м и вдруг сзади разры-

вы мин. Оглянулся, и Петр, и оба коня на земле лежат, подбегаю к Петру, лежит между конями весь в крови, глаза открыты немигающие. Разрываю рубашку, ухо к груди, сердце не бьется, в руке пульса нет, закрыл глаза. Встал, снял фуражку, сказал: «Прости», и не мог удержать слез. Отвлек храп, оборачиваюсь и вижу, мой скакун «Мурат» подняв голову, смотрит на меня жалобно, описать невозможно. Это может понять только тот, кто бывал в таком положении. Вынул из кобуры пистолет, направил в висок коню, закрыв глаза, разрядил всю обойму. Какой-то рок, второй коновод погибает. Заменив обойму, с пистолетом на изготове к стрельбе иду по лесу к батарее. На пути ручей шириной 1,5-2,0 м с перекинутыми двумя березовыми жердинами, иду по ним, одна прогнулась, и я падаю в воду, глубина больше метра. Выбрался и продолжаю движение ускоренным шагом (зима, февраль, одежда: фуфайка, свитер, шаровары, сапоги, всё – мокрое). Подхожу к комбату, он смотрит на меня как на приведение, сбежались все из моего взвода и спрашивают, ранен я что ли? Оказалось, кроме того, что я весь мокрый, я еще и в крови. Доложив обо всем, взял санинструктора, разведчиков, связистов, повозку, шансовый инструмент отправился к месту трагедии. Тело Петра Калина привезли в батарею и в сопровождении санинструктора отправили в медсанэскадрон. Коней захоронили там же на опушке поляны. Пока вышеописанное происходило, Млынек Симановский был взят, в нем не было ни одного дома, только печки с трубами. Одну из таких печей растопил и хорошо прогрел ординарец Василий. Забравшись в печку, я хорошо пропотел, переоделся во все сухое, чистое и в догон батареи. После отдыха, пополнения людьми и конским составом из Монголии 06.04. двинулись в направлении Ковеля. Движение затруднено - весенняя распутица, грязь.

Турья-Овлочим-Турья. 2-е ранение. Гибель 19-ти батарейцев

Головной, усиленный батареей, эскадрон 6 апреля подошел к р. Турья и завязал бой, в результате освободил с. Ягодное, захватил мост, обеспечив продвижение полку за реку. Полк, тесня противника, освободил с. Овлочим и занял оборону по юго-западному склону высоты 209. Я с двумя разведчи-

ками и телефонистом находился на НП батареи, в передовой линии эскадронов. 16 апреля к 10.00 ч. туман рассеялся, и я увидел впереди слева на опушке леса массу танков, самоходных орудий, бронетранспортеров и мотопехоту, готовых к наступлению, о чем немедленно доложил комбату. От комбата получил приказ: "Быть готовым к управлению огнем батареи с НП". С ОП скопление, готовой к броску группировки противника, не просматривалось.

Ровно в 11.00 ч. после мощной авиационной и артиллерийской огневой подготовки вся армада двинулась на соседа слева 54 гв. кавалерийский полк. Полк, не выдержав натиска врага, отступая назад, влево, открыл левый фланг нашего полка. Враг, воспользовавшись этим, развернулся, ударил по левому флангу нашего полка. К ОП батареи приближалась лавина бронетехники. Головной танк подбит, на ОП обрушился шквал минометного, артиллерийского, танкового огня и бомбометание пикирующих юнкерсов. Связь с ОП еще действовала, комбат приказал: «Пробивайся в полк!». Одновременно из села, расположенного перед нами появилась и двигалась на нас цепь немецких автоматчиков. Эскадроны дрогнули и начали отходить. Укрывшись в замаскированном окопе с разведчиками и телефонистом, я подождал продвижения немцев мимо нас. В сумерках, маскируясь в кустарнике, мы добрались до ОП батареи. Картина, даже в темноте, нам предстала ужасающая: одно орудие перевернуто, другое на боку, третье искорежено без щита, трупы родных дорогих нам батарейцев. На высоте закреплялись немцы.

За ночь вчетвером (Л. Аверьянов, Г. Коротенко, А. Сердюк) под обстрелом и немцев и своих, просочившись через боевые порядки, преодолев в брод р. Турью, мы пришли в полк. Не смотря на мое ранение осколком мины в голень правой ноги, военные следователи затаскали, обвиняя меня в потере орудий и гибели людей.

Батарея геройски дралась с превосходящими силами врага и погибла, до конца выполняя боевую задачу не пропустить врага. Разбиты все 4 орудия, погибли командир батареи, гв.ст. лейтенант П. Павленко, комвзвода гв. младший лейтенант Н. Кудрявцев, три командира орудия, наводчики и другие из боевых орудийных расчетов, всего 19 героев. Благодарные жители с. Овлочим поставили им на том месте Памятник. Коман-

дир взвода управления являлся фактически (не формально по штату) заместителем командира батареи и поэтому ответственность за гибель батареи пытались возложить на меня, хотя я был на передовой с кавалеристами. Заведенное на меня, для передачи военному трибуналу, дело дошло до командующего артиллерией 7 гв. кав. коруса гв. генерал-майора артиллерии Изумрудова. Меня вызвали к нему. Беседуя со мной, генерал попросил подробно рассказать, как было, и вспомнил учебно-боевые стрельбы под Луцком. Тогда отдельные батареи (от полков, дивизий, корпуса), выполняли стрельбы с закрытых ОП, подошла и наша очередь. Комбат спустился в окоп НП и начал готовиться к стрельбе, но генерал его остановил и сказал: "Вас нет, кто заменит?» Комбат ответил: "Командир взвода управления". "Вот пусть он и стреляет". Я не ожидал, заволновался, но надо не подвести батарею и себя. Спустился в окоп НП, подошел к бусоли, приказал разведчику наблюдать в стереотрубу, телефонисту слушать и передавать мои команды на ОП. Генерал указал цель: "Пехота в траншее". Стрельба получилась по оценке генерала отличной, и он сказал командующему артиллерией 14 гв. кав. дивизии гв. полковнику Сворцову, чтобы меня поощрили. Мне он пожелал также стрелять и по реальным вражеским целям, я обещал постараться. Подробно описал я это потому, что решался судьбоносный для меня вопрос, быть ли штрафником? В заключение генерал сказал: "Возвращайтесь в полк. Вашей вины нет, дело будет прекращено".

В действительности виноват был лично комполка гв. подполковник Дорофеев, потерявший управление полком и не разрешивший смену ОП хотя бы одного взвода. Дорофеев был отстранен. Полк просто бежал, оставив батарею один на один с наступающей пехотой и бронетехникой врага. Батареи не стало… Вскоре, по заданию гв. полковника Скворцова мною была сформирована новая батарея из остатков личного состава прежней и нового пополнения. В начале выделили одно орудие от 52 гв.Х.К. кав. полка, через месяц, четыре новых орудия. 11 мая я сдал НП и ОП комбату стрелкового полка. Совершив пятисуточный марш прибыли в с. Копилье Волынской области. Там отдыхали, пополнялись. С 14 по 20 июля совершали марш к с. Рудно.

В последующем, фактически командуя батареей год, я так

и не был утвержден, числился командиром взвода, хотя в боях на Украине, в Польше и Германии батарея под моим командованием выполняла боевые задачи. Об этом указывалось в характеристиках командиров полков (гв. подполковника Сацюк, гв. полковника Кобякова, гв. подполковника Максимова). А вот особисты и прибывший нач. артиллерии полка Андриенко, которому я не отдал свою Атаку, помнили и мстили.

И только в апреле 1945 г. перед боями за Берлин меня назначили командиром такой же батареи 76-мм пушек 52 гв. Хорезмского Краснознаменного ордена Суворова 2 ст. кавалерийского полка (командир Максимов).

От Буга до Вислы. Хелм, Люблин, Стенжница.
Третий орден Красной Звезды.

21 июля, форсировав р. Буг, вышли на территорию Польши. Встречали нас очень хорошо с цветами, фруктами. Продвигаясь, сбивая мелкие группы противника, 22.июля вышли к Юго-Восточной окраине г. Люблин и завязали встречный бой с вырвавшимися из окружения немцами. Местность ровная, посевы ржи, проса, трав и на этом желтом фоне идущие без огневой поддержки, только с автоматной и винтовочной стрельбой, темные наступающие цепи врага. Массированный огонь кавалеристов из стрелкового оружия, разрывы снарядов батарей 45-мм орудий, 82-мм минометов и наших 76-мм пушек остановили и заставили залечь врага. Темнело, я, заняв НП на стоге ржи, оттуда хорошо просматривалась впереди, справа и слева местность, решил пристрелять пару реперов перед залегшими цепями противника. Со мной разведчик с бусолью, телефонист у аппарата и ручной пулемет. Внизу у стога четверо разведчиков и три телефониста готовились к бою стрелковым оружием (рытье окопов, маскировка). ОП батареи сзади - 1,7 км, старший на батарее лейтенант Кедров доложил о готовности. На рассвете разбудила сильная стрельба, в темноте чуть заметны перебегающие и стреляющие немцы и как раз там, где я с вечера пристрелял отдельно стоящее дерево. Скорректировав дальность, скомандовал: "Репер один! Меньше пятьдесят! Веер параллельный! Батареею, четыре снаряда беглый, огонь!". Разрывы ложились хорошо, немцы залегли. Стрельба прекратилась. Немцы начали вставать с

поднятыми руками и сдаваться. Я хорошо запомнил место, где залегла группа примерно из 10 человек, соскочив со стога бегом туда, вынув из кобуры пистолет. Подбежав к стоящей ржи, крикнул: «Deutsch soldaten! Kommen Sie hert! Schnell! Hand nach oben!" И только теперь заметил, что я один. Из ржи, поднялись и направились ко мне семь фрицев с поднятыми руками с оружием на ремнях. Приказал руки на голову, а сам мондражу. Наконец-то подбегают мои разведчики и начали отбирать у них оружие. Полегчало, спрашиваю здоровенного немца, по-немецки: «Кто ты?», отвечает, капельмейстер, и, показывая в рожь, говорит, что там офицер. Осторожно иду в том направлении и вижу двоих сидящих, солдата с автоматом и офицера, раненого в голову и руку с перевязками. Подхожу, солдат встал, забираю автомат. Показываю знак офицеру оберлейтенанту встать. Встав, офицер отдал мне пистолет «Вальтер», 10-кратный бинокль и карту. Всех отправил в штаб, а я был награжден третьим орденом Красной Звезды.

Висла, оборона. Стенжица, Бжесце, Осины

7 августа полк вышел к р. Висла (Стенжица). Комполка гв. подполковник Сацюк собрал командиров эскадронов, батарей провел рекогносцировку выделенной полку полосы обороны по берегу. В середине полосы, по фронту около 10 км, расположено с. Стенжица, там и разместилось командование полка и штаб. Мне поставлена задача обеспечить огневую поддержку по всей линии обороны. Место для НП выбрал я правее с. Стенжица на самом берегу реки, ОП сзади, слева в 2 км, у с.Бжесце, пушки под деревьями посадки вдоль дороги. Хорошо оборудованные и замаскированные НП и ОП обеспечили живучесть батареи, подавление и уничтожение огневых точек противника. Лимит расхода снарядов четыре на сутки, поэтому приходилось выбирать наиболее важные цели, тщательно готовить данные для стрельбы по ним, накапливать 16-20 снарядов и внезапный, поражающий огневой налет. От НП ближе 100 м ни вправо, ни влево никого не было, линия обороны отдельными опорными узлами, поэтому наблюдение противника (из окопа через амбразуру в береговой круче и с корзины, сплетенной из веток и закрепленной на сосне) велось кругло-

суточно. Я все время находился на НП, изредка выезжая на ОП и в хоз. тыл.

Наблюдая с дерева, разведчики выделили один из домов хутора тем, что его часто посещали военные. Я попросил поднять на дерево стереотрубу, поднявшись, наблюдая, пришел к выводу, это или штаб, или узел связи, который надо разрушить, снаряды накоплены. Взяв телефонную трубку, передал команду: «Батарея к бою! Репер № х! Правее хх! Прицел хх! Фугасным! Первому один снаряд, огонь! Прицел хх! Бтареею! Ввеер сосредоточенный! Один снаряд, залпом, огонь!». Наблюдаю, над домом дым, крыша провалена, залп удачный.

Перед НП на противоположном берегу Вислы ДЗОТ с пулеметом, иногда постреливающим в нашу сторону, опасаясь за наблюдателя в корзине, я решил подавить его. Сижу в окопе у стереотрубы, наблюдая через амбразуру в береге, слышу, разведчик-часовой докладывает тов. подп….Комполка спрашивает: «А где комбат?». Выскакиваю из окопа и докладываю обстановку, в частности, по ДЗОТу, сказав, что снарядов нет, Спустившись в окоп, понаблюдав, он спросил: «А попадешь?», я ответил: «Постараюсь». - «А сколько надо снарядов?» - «По нормативам двадцать». - «Действуй!» Взяв буссоль и бинокль, я поднялся на дерево и открыл стрельбу. Стрельба получилась удачной - семью фугасными снарядами ДЗОТ был разрушен. Комполка, математик, знающий теорию вероятностей, удивился, поблагодарил и сказал: «Когда потребуются снаряды, обращайся прямо ко мне». Так был решен вопрос по лимиту выстрелов. Я этим не злоупотреблял, но немцев беспокоил частенько и не напрасно, как потом показали пленные. Управлять огнем батареи при стрельбе с закрытой ОП большое искусство, я старался овладеть им постоянно тренируясь, тщательно готовясь к стрельбам. Результат – эффективное подавление (уничтожение) огневых средств и живой силы противника.

Первая разведгруппа, за Вислу.
Гибель 1-й группы, неизвестность?

В конце сентября, сидя в саду на берегу ручья, позади НП в 40 м вижу, к мостику через ручей приближаются, разговаривая несколько человек, впереди комполка. Выслушав мой доклад, представил начальников разведки корпуса и дивизии, при

этом сказал, что приказано добыть «языка» и наиболее подходящее место здесь, из-за острова. Затем попросил меня ознакомить их с местностью. На следующий день приходит Комполка и с ним три комбата 146 артмин. полка, батареи которых, как и наша, должны прикрывать разведчиков. Надо было определить ОП всех батарей, выполнить расчеты и пристрелять, что могло насторожить противника. Я предложил установить все орудия трех батарей рядом с нашими орудиями и использовать пристрелочные данные мои, так и решили. Прибыл комдив генерал Коблов, с нач. артиллерии и нач. разведки дивизии. Идем, генерал высокий, толстый, беспокоюсь, пройдет ли он по траншее к НП. К счастью, Комполка предложил поговорить в укрытии у ручья, а потом посмотреть из окопов, и смотровой амбразуры. Полковник Скворцов попросил меня показать остров и заречное пространство противника. Пройдя в окоп с амбразурой и посмотрев, сказал, что глубина не просматривается, я ответил, что глубина хорошо просматривается с дерева. Я дал ему панораму местности, изображенной на бумаге с указанием всех характерных строений, ориентиров и пристрелянных реперов, и он по веревочной лестнице поднялся на дерево. Спустившись, подойдя к генералу, что-то сказал, тот кивнул ему головой в знак согласия. Полковник Скворцов, отвел нас четверых комбатов в сторону, сказал, что операция сегодня в полночь. Затем развернул мою бумажную панораму и пригласил всех к обсуждению возможных вариантов заградительных огней для разведчиков от противника. Я доложил вариант, который мы с комбатами уже обсудили, подумав, он утвердил и приказал, готовить и занимать ОП с наступлением темноты, готовность 23.00 ч. Все ушли, кроме нач. разведки дивизии, пом. начштаба полка по разведке, комвзвода разведки и 4-х командиров батарей. Договорились о сигналах взаимодействия. Вечером опять все собрались на НП. Генерал с двумя «медсестрами» укрылся в блиндаже, остальные кто в окопах, кто у окопов. К 23.00 все готово: команда из 14 разведчиков во главе пом. комвзвода разведки, две лодки, спущенные на воду, связь и 4 батареи к стрельбе (по пристрелянным данным и целеуказаниям разведчиков).

В 24.00 ч. разведчики поплыли к противоположному берегу. Через полчаса слышны разрывы гранат и треск автоматных очередей и все…тихо, никаких сигналов. Совсем светло, на-

блюдатель на дереве Г. Коротенко крикнул: “Голый человек на острове!”. Все бросились по окопам, чтобы увидеть. Я - в окоп к амбразуре, к стереотрубе, вижу, идет по острову в нашу сторону совершено голый человек, узнаю, разведчик. Выскочил из окопа, кричу, и другие кричат: “Подожди, лодку пришлем!” Он не реагирует, входит в воду и плывет к нам. У берега сильное течение, его понесло, и вскоре он скрылся под водой, унеся тайну с собой. В течение всего дня мы следили за той стороной реки никаких признаков происшедшего ночью.

Вторая разведгруппа за Вислу

Спустя неделю все повторилось за исключением того, что не приехал комдив и задача - добыть «языка» и сведения о первой группе. Во главе этой разведгруппы комзвода разведки Орлов. Учитывая прошлый опыт, подготовка проводилась без спешки, заранее подвезли еще 2 маленькие лодки, ночью протянули канат между берегом и островом, протянули телефонный провод и установили полевой телефон на острове. Я с разведчиком и телефонистам ночью, пользуясь канатом вместо весел, переплыл пролив и обследовал остров, который представлял собой сырой песок, заросший кустарником, оборудовать окоп невозможно. Утром пришел Комполка, проверил готовность и сказал, что он будет во время операции на острове.

Приказ «Убыть в Москву, в Академию» не состоялся

Все готово и я решил поспать в блиндаже, телефонист передает мне трубку телефона и говорит из штаба дивизии, представляюсь и слышу невероятное: «Примите телефонограмму Н.П. Козлову: Распоряжением генерала Изумрудова, Вам надлежит 25 сентября прибыть в штаб артиллерии корпуса для убытия на учебу в Академию, в Москву. Приказ в полку будет завтра, готовьтесь». Подписал начштаба артил. дивизии. Записав телефонограмму, я опешил, настолько это было неожиданным. Телефонист смотрит на меня, спрашивая, что случилось? Отвечаю, шутка. Сон пропал, мысли в голове разные, встал и пошел к ручью. С кем посоветоваться? В полку, в батарее прижился. И не верится, решил позвонить в штаб арт.

дивизии знакомому Мише Султанову. «Миша, здравствуй!» «Коля, знаю, поздравляю!». «Миша, посоветуй?» «Ты еще и раздумываешь? За тебя все болеют, завидуют и желают счастливого пути, из корпуса только двое, не раздумывай!».

Тут же позвонил старшине, попросил организовать баню и подать к НП лошадей, а и.о. комвзвода управления И.Калачеву прибыть на НП и быть за меня. По пути в хозтыл заехал на ОП, пройдя по окопам, проверил готовность к ночи, поговорил со старшим на батарее гв. лейтенантом В. Кедровым о встрече 3-х батарей 146 артмин. полка. У старшины А. Руцкого, хлопотами Василия, помылся, переоделся в лучшую одежду, хорошо пообедал и даже попросил и выпил полрюмки «Наркомовской», чем их очень удивил. На обратном пути к НП Василию сказал, чтобы он привел в порядок и уложил мои личные вещи, я завтра уеду, сказал куда, а пока попросил молчать.

Бой и гибель 2-й разведгруппы за Вислой

В 22.00 ч. прибыл Орлов с разведчиками и сказал, что будут прямо против НП переправляться на остров, используя и маленькие лодки. Переправились, Орлов с разведчиками и я с разведчиком и телефонистом. Все три лодки привязали к канату.

Орлов проверял, уж не первый раз, экипировку и готовность холодного оружия и автоматов у разведчиков, особенно сигнальные средства, а я готовность батарей.

К 23.30 ч. на лодке подплыли Комполка и нач. разведки дивизии, который приказал: «Вперед, удачи вам ребята» и пожал всем руки. Комполка и я также пожелали им удачи. Орлов скомандовал: «К лодкам, на воду, вперед». Мы все их провожали, пока в сапоги не затекла вода. Мы вернулись к телефону. Я расстелил свою казачью бурку и предложил комполка и нач. разведки сесть. Оба отказались, продолжая наблюдать стоя. Я сел, взял телефонную трубку и поочередно предупредил всех старших на батареях о готовности.

Минут через 20 мигание зеленого огня, что означало «Причалили, идем на захват». Через 30 мин. автоматная стрельба, разрывы гранат, сигналы ракет указывают вправо вперед. Я в трубку: «3-му! НЗО огонь!», 16 снарядов полетели, разрывы. Там бой, сигналы ракет указывают влево, я в трубку:

«1-му! НЗО огонь!» полетели еще 16 снарядов, разрывы. Сигналы ракет (двойные) указывают вперед и дальше, я в трубку: «2-му, 4-му! НЗО дальше 200 огонь!». Комполка мне: «Давай, бей!». Я в трубку: «Всем НЗО, огонь!» Полетело 64 снаряда, сплошные разрывы. Даю команду «Всем стой! Записать НЗО!». Тихо, вероятно прорвались в глубь, нам этого очень хотелось.

Сидим, ждем. Я обращаюсь к комполка и говорю, что это последний мой привет фрицам, он спрашивает почему? Отвечаю, сегодня поступит приказ о моем откомандировании в Москву в Академию. Кто сказал? Отвечаю, что это распоряжение генерала Изумрудова, вчера получил телефонограмму из штаба артиллерии, подписанную начштаба арт. дивизии. Подумав, он сказал примерно следующее: «Сынок (так он меня называл), тебе учиться не надо, у тебя знаний достаточно и опыт есть, ты умеешь организовать, а главное стрелять, а это важнее для победы, чем учеба. Я сделаю тебя человеком, ты будешь героем, ты этого заслужил. Пусть учат неучей». Я думал, что этот разговор не имеет значения, оказалось, я ошибался. Он сам ученый, кандидат физико-математических наук, начальник кафедры знал, что значило окончание Академии. А пока язык мой, враг мой.

Уместно обратиться к боевой характеристике на меня от 30.12.44 г.:

«Козлов в бою решителен, смел, храбр, поставленные перед ним задачи выполняет честно, добросовестно. Свое дело любит и хорошо знает, умеет в боевой обстановке поднять дух бойцов своего взвода, батареи, воодушевить подчиненных на подвиги, отвагу, пользуется большим авторитетом и доверием среди личного состава, положителен, как офицер исключительно тактичен, вежлив.

В офицерской этике примерен, и влиятелен на подчиненных, в характере скромен, честен. Артиллерийскую службу знает в совершенстве, теоретически грамотен отлично.

Выводы: Должности комвзвода управления 76-мм батареи вполне соответствует».

Командир 56 гв. кав. полка Гв. подполковник /Сацюк/

30.декабря 1944 г.

1. Почему старший лейтенант? Я им еще не был. 2. Почему не выдвигает на комбата?

Артиллеристы свою задачу выполнили, обеспечив прорыв разведгруппы из окружения, но об этом стало известно позже. Прорвались не все, часть группы в бою погибла, Орлова с перебитыми ногами, оставшиеся в живых, унесли с собой в лес, но и там их обнаружили немцы. А пока мы ждали…

В раздвоенных чувствах, как поступить? Я позвонил начштаба полка и спросил о приказе, он ответил, что ничего не знает. Звоню Мише. Он сказал, что Комполка звонил Комдиву, а тот Изумрудову, поедет один. Миша, посочувствовав, посоветовал пойти к Комполка и попросить отпустить меня. Что делать? Звоню, прошу, он отвечает, что я не пожалею, все будет хорошо, воюй. Однако, все сложилось не так, его скомпрометировали разведчики Армии Краева (Лондонского антисоветского польского праительства), выкрав у пом. начштаба полка по разведке карту с оперативной обстановкой. Агентом была Дануся, красивая полячка, жена летчика, погибшего в боях с немцами в сентябре 1940 г. Комполка не раз брал меня с собой при поездке к ней в гости. Она жила в красивом двухэтажном особняке, окруженном садом, в стороне от Стенжица на берегу Вислы. Приезжали мы на фаэтоне, в упряжке два серых в яблоках конях, без ездового. Встречала она очень хорошо, бутылочка хорошего вина, фрукты. О второй шпионской стороне жизни Дануси он мне рассказал в ноябре, когда сдавал полк полковнику Кобякову.

Спустя какое-то время разведчик-наблюдатель (на дереве) доложил, что немцы что-то строят. Из окопа из-за дамбы не видно. Я поднялся на дерево и вижу, десятка два немцев, кто в мундире, кто в белых (нижних) рубашках что-то в кустарнике копают. Цель заманчивая, звоню Комполка, как всегда в обход Андриенко, докладываю и прошу 16 снарядов. Он только сказал, что если потратишь не напрасно, бей. Еще раз запишу любимую мной команду, артиллеристы полевой артиллерии меня поймут, а не артиллеристы познакомятся. Даю команду: «Батарея, к бою! По живой силе! Цель №1! Правее ххх! Прицел ххх! Веер сосредоточенный! Осколочным! Батареею четыре снаряда, беглый, огонь!» Цель поражена удачно, где копошились фрицы сплошные разрывы, все смешалось, на душе радостно. Дым рассеялся, там трупы в мундирах и нательных ру-

башках. По показаниям пленных там строилась ОП для зенитной 75-мм пушки с прожектором, которые находились рядом, для нас из-за кустов не наблюдаемы. Результат артналета: убитые и раненые, разбит прожектор и повреждена пушка. Пушка с прожектором готовились для «встречи» наших разведчиков ночью. Участились полеты «рамы».

Уничтожение, пленение роты противника на Висле

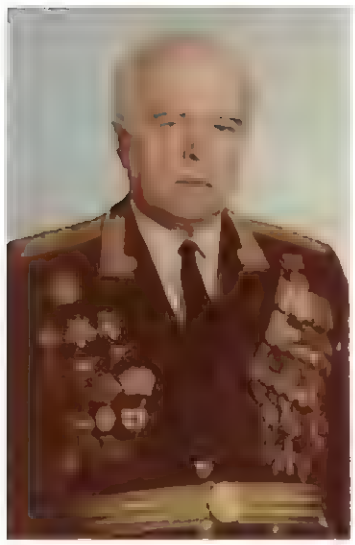
В одну из ночей, на рассвете, лежа в блиндаже, слышу автоматную очередь, и крик: «Немцы плывут!». Вскочив, схватил ручной пулемет, телефонисту: «Батарея к бою!», «Взвод к бою!» Сам в окоп, вижу, плывут, барахтаются в воде между косой и нашим берегом немцы, бью из пулемета в упор (отбил эмаль с ордена), разведчики из автоматов, фрицы уходят под воду, некоторые выскочили на отмель перед крутизной берега, подняв руки вверх, кричат по-русски: «Мы свои без оружия, не стреляйте!». Один рослый, совсем рядом у кручи кричит: «Мы сдаемся!». Вижу, без оружия, прекратил стрелять сам и кричу многократно: «Не стрелять!». Здоровяку крикнул, что бы он поднялся ко мне, остальным стоять. Подошедший представился командиром роты туркестанского батальона. Я опешил, своих перебили. Оказалось, перед нами находился в обороне батальон, сформированный из военнопленных среднеазиатских республик. Командование батальона немецкое, командиры рот и взводов русские, унтеры и солдаты из Среднеазиатских республик. Комроты рассказал о том, что пошел в батальон, для того чтобы перейти к нам. Приняв роту, уговорил плыть и сдаться, он знал, что мало кто переплывет, но сознательно шел на это. Рассказал он о разрушении дома (штаба) и ДЗОТа, поврежденных зенитной пушки и прожектора, убитых и раненых у противника и многое другое…. Командование их батальона считало, что у нас зарыт танк, который так точно поражал цели, поэтому и летала над нами «рама».

В отношении первой группы наших раведчиков сказал, что их при причаливании забросали гранатами немцы, заменившие их роту накануне, зная о готовящейся нашей разведывательной операции. Как все происходило в действительности, он не знал, им не доверяли. По второй группе он рассказал, что они попрятались и пропустили, однако группа наскочила

на часового штаба немца, который и начал стрелять, а дальше бой, хорошо работала ваша артиллерия, говорили, что там был ваш корректировщик. По разговорам, были убитые и раненые с обеих сторон, больше он ничего не знает. За хорошие вести о результатах стрельбы батареи я хотел его угостить, но прибывшие из СМЕРШ не дали. Всего из роты уцелело 17 человек, умеющих хорошо плавать, и просто им повезло. Все командиры хотели остаться у нас рядовыми, говоря, что смоют позор плена кровью, если это потребуется, но им отказали, сказав, что решаться этот вопрос будет не здесь. Мне почему-то их было жаль, если бы позволили, я взял бы их в батарею.

3 марта 2007 года

Продолжение в следующих томах



Кравец Николай Дорофеевич

Огнем и колесами, с кавалерией, с танками

Я родился 19(16) декабря 1917 года в селе Мазуровка Тульчинского района, Винницкой области, Украинской ССР. Украинец. Из семьи крестьянина, с 1929 года - колхозника. Отец - Кравец Дорофей Кондратьевич 1872 г.р. из села Крищенцы. Умер 15.01.1956 г. Мама - Кравец (Роха) Варвара Стефановна 1882 г.р. из села Ицка (ныне Тарасовка) Брацлавского уезда, умерла 18.01.1962 г. Их дети: Анна, Яков, Петр, Вера, Екатерина, Евгения, Николай, Мария. Основное занятие родителей - хлебопашество.

С весны 1930 г. вместе с родителями трудился на разных работах в колхозе им. Г.И. Петровского села Мазузровка.

В декабре 1932 г. правлением колхоза направлен на Всеукраинские курсы подготовки работников лесного хозяйства при Киевском Облесхозе. По окончании, с апреля 1933 года работал в Вапнярском лесничестве, затем в Тульчинском лесхозе, одновременно в 1935 г. закончил 4-й курс вечернего рабфака при Винницком пединституте и поступил на заочный лесохозяйственный факультет Воронежского сельскохозяйственного института. До этого, в голодном 1932 году, закончил 1-ю фабрично-заводскую семилетку в г.Тульчине.

С апреля 1936 г. по сентябрь 1938 г. в Тульчинском рай-

коме КП(б)У в должности помощника секретаря райкома партии. Член ВЛКСМ с 1934 года, кандидат в члены КП(б)У с января 1937 г., член ВКП(б) - КПСС с апреля 1939 года. Состоял также членом ряда общественных организаций: профсоюза, комсомола, осоавиахима и др., принимал активное участие в движении по сдаче норм ГТО 1-й и 2-й ступеней (Готов к труду и обороне), «Ворошиловский стрелок», ПВХО, ГСО, «Парашютист».

Это было время созидания, строительства нового общественного строя в условиях сложной международной обстановки. Государство проявляло отеческую заботу о молодежи. Под руководством старшего поколения и самой атмосферы созидания молодежь становилась патриотами, надеждой и опорой государства, готовилась принять на свои плечи укрепление и вооруженную защиту Отечества.

Воинская служба являлась священным долгом, святой обязанностью каждого гражданина нашей Родины.

В сентябре 1938 года с добровольного согласия родителей-инвалидов Тульчинским райвоенкоматом (военный комиссар-полковник Ерофеев) я был призван в ряды РККА и направлен курсантом взвода вычислителей полковой школы 126-го корпусного артиллерийского полка (командир - подполковник Михайлов, комиссар - полковой комиссар Чумиков) в г. Свердловск, УралВО.

Шла напряженная боевая учеба, осваивались новые артиллерийские системы, совершенствовалось воинское мастерство в полевых условиях, проводились боевые стрельбы, уделялось большое внимание слаженности подразделений, постоянной готовности полка к выполнению боевой задачи.

11 мая 1939 года Квантунская армия Японии с территории Манчжурии напала на территорию единственно дружественной нам Монголии, захватила на востоке страны в районе реки Халхин-Гол плацдарм в 73 км по фронту и около 40 км в глубину. Началась необъявленная война. Советский Союз по просьбе правительства МНР пришел на помощь, заявив, что границу Монголии мы будем защищать как свою собственную.

С мая по октябрь 1939 года в качестве вычислителя, помощника командира взвода разведки, заместителя политрука 3 батареи (командир- капитан Павел Манерных) 1-го дивизиона

(командир - подполковник Еремин) 126 кап РГК армейской группы (командующий - комкор Г.К.Жуков) принимал участие в боях с японскими захватчиками у р.Халхин-Гол в МНР. По окончанию боев, 126 кап разместился на 79-м разъезде (р-н ж.д.Борзя) и приступили к боевой учебе.

С октября 1939 года по май 1941 года - заместитель политрука, секретарь партбюро партийной организации полка, заместитель начальника полковой школы по политической части (начальник-капитан Трифонов) 126 кап ЗабВО. 20 апреля 1941 года приказом Командующего войсками ЗабВО №0221 присвоено воинское звание «младший политрук» и в мае 1941 г. уволен в запас. С мая 1941 по 22 июня 1941 г. работал инструктором в Тульчинском райкоме партии.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война советского народа за освобождение своей Родины, честь свободу и независимость. После проведенного митинга в селе Копиевка, прощания с родителями и близкими, вечером в этот же день решением Винницкого обкома КП(б)У был мобилизован в действующую армию на фронт в состав «группы ЦК ВКП(б) «3799» и направлен комиссаром 6-й батареи 496 гаубичного полка (командир - подполковник Спасский, комиссар - батальонный комиссар Зань) 130 стрелковой дивизии (командир - генерал-майор Визжилин, комиссар - Дроздов) 55-го стрелкового корпуса (командир - генерал-майор Коротеев) 18-й армии Южного фронта. В легкий артиллерийский полк 130 стрелковой дивизии комиссарами батарей были направлены мои товарищи - халхингольцы Иосиф Гаврилюк и Трофим Лященко.

496-й гаубичный полк занимал боевые порядки на левом берегу Днестра у села Нагоряны, севернее города Могилев-Подольска. Велась разведка, совершенствовалось инженерное оборудование основных и запасных огневых позиций. 18-го июля 130-ая стрелковая дивизия вела ожесточенные бои, но к исходу дня немцам удалось форсировать реку Днестр и переправиться на левый берег Днестра. 19-го июля после упорных боев они овладели г. Могилев-Подольск. 130 стрелковая дивизия и другие войска 18-й армии начали отход с боями на восток, 6-я батарея в составе 2 дивизиона 496-го гаубичного полка поддерживая 528 сп, прикрывала огнем и колесами отход 55 ск, вела бои за город Томашполь, ж.д. станцию Вапнярка, населенные пункты Вербова, Шарапановка, Крыжополь, Кирна-

совка, Ободовка, Александровка, Новая Одесса, Первомайск, у переправы через реки Буг, Ингул, Ингулец, в Херсонских степях; бои по прикрытию переправы на реке Днепр в районе Большая Лепетиха, бои за Каховку, на острове в районе Б.Лепетихи, Большой и Малой Белозерке, в районе Орехово, под Запорожьем, ж.д. станции: Пришиб, Б.Токмак, Волноваха, Должанское, Генеральское, Старо-Бешево. Были тяжелые бои в окружении.

С октября 1941 г. - комиссар штабной батареи командующего артиллерией (полковник Соловьев) 99 краснознаменной стрелковой дивизии (командир - подполковник Владимиров). В конце ноября участие в боях Ростовской наступательной операции войск Южного фронта по разгрому немецко-фашистских войск 1-й танковой армии, в боях по освобождению городов Ростов-на-Дону, Краснодон, у переправы через реку Миас, бои за населенные пункты М. и Б.Крестинское, Куйбышев, Ивановку, Золоторевку, Серебрянку, Красный Дон, ж.д. станцию Яму, Ровеньки и бои 23 марта 1942 г. за город Славянок.

С апреля 1942 г. - слушатель Всеармейских курсов военных комиссаров артиллерийских частей в Горьковском Военно-политическом училище имени М.В. Фрунзе.

С сентября 1942 г. - комиссар гвардии старший политрук, а с декабря 1942 г. по сентябрь 1944 г. гвардии капитан, гвардии майор, командир 388 отдельного гвардейско-минометного дивизиона (огмд) 97 гвардейского минометного полка (командир - гвардии подполковник М.М. Чумак) на Воронежском, Степном, 2-м Украинском фронтах в составе 6-го гвардейского кавалерийского корпуса (командир - генерал-майор С.В. Соколов), 7-й гвардейской (командующий гвардии генерал-полковник М.С. Шумилов) и 4-й гвардейской армий.

Вспоминая о прошедшем есть необходимость рассказать вкратце о боях-сражениях

С 15 сентября 1942 года - участие в боях по освобождению города Воронеж, затем 388 огмд 97 гмп в составе 6-го гвардейского кавалерийского корпуса (командир - генерал-майор Сергей Соколов) участвую с 16 декабря 1942 года в Сталинградской стратегической операции в районе Верхнего Мамона,

войдя в прорыв, участвую в рейде 6-го гв.к.к., по тылам противника и в боях по освобождению ж.д. станции и населенных пунктов Кантемировка, Росошь, Ровеньки, Валуйки, Уразово, Змиев, Соколове, Тарановка, Борки, Подкопай, Мерефа, Новая Водолага, Сергеевка, Ивановка, Охочаи и в оборонительных боях за города Харьков, Рогань, Чугуев.

18 декабря 1942 г. 388 огмд обрушил огонь двух батарей - ракеты ТС-13 по колонне из 12 автомашин с немецкой пехотой, которая только остановилась на западной окраине села Косовка. Около роты немецкой пехоты было уничтожено, многие ранены. Немецкая контратака не состоялась. Наши стрелковые подразделения освободили село Косовку, расширили фронт прорыва обороны немцев.

В этом бою погиб храбрый молодой офицер - командир батареи гвардии старший лейтенант Владислав Владимирович Шишкарев 1923 г.р. (похоронен в центре села Елизаветовка Павловского района. Главная улица села названа его именем).

В селе Соколове огнем реактивных установок БМ-13 388 огмд поддержали Чехословацкий батальон, который вел тяжелые оборонительные бои на рубеже Соколово - Тарановка. Здесь у ж.д. переезда Борки во время бомбежки мною получено осколочное ранение. Остался в строю.

Незабываемый бой по освобождению населенного пункта Новая Водолага. 6-й гвардейский кк освобождал Новую Водолагу атакой в развернутом конном строю и 388 огмд огнем и колесами обеспечивал успех.. Население тепло и радостно встречало кавалеристов гвардейцев. На большинстве домов были вывешены Красные знамена.

С рубежа Новой Водолаги 6 гв.к.к. отражая атаки танков противника начал маневр на восток, особенно тяжелые бои в районе населенного пункта Охочаи. Не стало горючего, на исходе боеприпасы. Боевые машины М-13 388 огмд за жилые строения закатывали при помощи кавалеристов и местного населения. Огонь по немецким танкам и пехоте производился установками БМ-13, выкатывая их с помощью боевых расчетов. Командир 6-го гв. кк генерал-майор С.В.Соколов под расписку отдал приказ: «Боевые машины М-13 - взорвать, уничтожить все автомашины....», но не возражал ждать до последнего автомашину со старшим лейтенантом - начальником химической службы дивизиона Николая Васильевича Свиридова

(В 70-80 г. - министр РСФСР), накануне направленного с четырьмя солдатами на трофейной грузовой автомашине «Фиат» через фронт за горючим. К исходу дня 6 марта 1943 г. обстановка становилась весьма сложной. Уходили на восток последние подразделения кавалерийской дивизии генерал-майора Суржикова. Штаб 6-го гв. кк и генерал-майор С.В. Соколов убыли из населенного пункта Охочаи Ново-Водолажского района. Кавалеристы уходили в разных направлениях по бездорожью, дороги были занесены снегом (вторая половина февраля и март 1943 года).

388 огмд остался один, имея на вооружении один боекомплект ракет. После тщательной разведки дороги до грейдера, по которому двигались немецкие машины в сторону Мерефы, мной было принято необычное решение всем боевым и транспортным машинам через хутор Подкопай с включенными фарами выйти к грейдеру и ночью двигаться на Мерефу, далее к городу Харьков. Перед началом движения был проинструктирован личный состав, командиры и водители боевых машин о готовности к боевым действиям... 388 огмд не останавливаясь, проехал населенный пункт Мерефу и далее до поселка Зеленый Гай, где оборону держали еще советские войска. На рассвете следующего дня дивизион остановился на площади Дзержинского города Харькова опять без горючего, но здесь выручили дети-мальчишки 10-14 лет, которые из дома приносили кто бутылку, кто банку, а некоторые, целые канистры бензина. По-доброму, с благодарностью вспоминаются офицеры дивизиона - гвардейцы капитаны Леонид Снегирев, Михаил Широков, старшие лейтенанты Николай Свиридов, Георгий Кондратов, Аркадий Евдокимов, Иван Минаев, лейтенанты Виктор Соколов, Кузнецов, Виталий Рапцун. В ходе боевых действий по немецким тылам, вне дорог, в условиях зимы и снежных заносов с высоким профессиональным мастерством водили боевые машины БМ-13 гвардейцы Рожнов, Владимир Гук, Сергеев, Кордюков; мастера меткого огня с открытых огневых позиций прямой наводкой - командиры - наводчики БМ-13 Николай Польщиков, Василий Миронов, Василий Хабаров, Конкин, Николай Верзилов, Анатолий Иванов, А. Жуков.

Навечно в памяти остались павшие в боях с немецкими фашистами за свободу нашей Родины начальник штаба диви-

зиона гвардии старший лейтенант Л.А. Махмуся, командиры батарей гвардии старшие лейтенанты В.В. Шишкарев, М.А. Смирнов, заместитель командира батареи по политической части гвардии капитан П.Н. Черевко, старший лейтенант Ромашкин В.И., медсестра Галина, заместитель командира дивизиона гвардии майор И.А. Наточиев.

По приказу командующего гвардейско-минометными частями фронта генерал-лейтенанта Ярового 388 огмд принимал участие в обороне Харькова, освобождении населенного пункта Рогань, Чугуев. В апреле 1943 года, совершив длительный, тяжелый марш по вязким проселочным дорогам 388 огмд сосредоточился в селе Заячье Корочанского района, а затем занял, выжидательную позицию в роще северной окраины села Беловская в полосе обороны 81-й гвардейской стрелковой дивизии (командир - гвардии генерал-майор Н.К.Морозов) 7 гвардейской армии. Личный состав дивизиона приступил к оборудованию выжидательной, основных и запасных огневых позиций, наблюдательных пунктов на фронте от Белгорода до населенного пункта Щебекино. Проводилась их топопривязка.

Для стрельбы прямой наводкой из гвардейских минометов БМ-13 были подготовлены окопы, использовав железнодорожную насыпь, идущую юго-западнее разъезда Крейда.

Передний край 81-й гв.сд проходил по восточному берегу реки Северского Донца. За рекой лежал город Белгород.

388-й огмд поддерживая оборонительные бои 81-й гв.сд. повышал свою боевую выучку.

5 июля в 3 часа 50 минут, по приказу высшего командования, которое разгадало замысел врага и решило упредить его удар, вся наша артиллерия и гвардейские минометы открыли огонь.

Атака немцев и власовцев была сорвана, а гитлеровцы, пытавшиеся южнее, в направлении трудовой колонии, форсировать Северский Донец, были истреблены огнем станковых пулеметов батальонов Завадского, Захарченко и гвардейскими минометами. Не считаясь с большими потерями в живой силе и танков противник упорно продолжал атаки, особенно на левом фланге 81-й гв.сд.

В ходе боевых действий, на армейском наблюдательном пункте в районе совхоза «Батрацкие дачи», командующий 7-й гвардейской армией генерал-полковник М.С.Шумилов лично

мне приказал: 388 огмд выдвинуться на юго-западную окраину села Крутой Лог и прямой наводкой БМ-13 остановить наступление врага, уничтожить его пехоту и танки, которые намеревались лощиной войти в Крутой Лог и далее на Заячье, Короча. Приказ командующего был выполнен. Три танка были сожжены и уничтожено до роты вражеской пехоты. Здесь пригодился опыт стрельбы по немецким танкам во время рейда по тылам врага с 6-м гв.кк. Шли тяжелые бои. Враг, не считаясь с большими потерями, продолжал развивать наступление. В августе 1943 года в боях за Солнцево 388 огмд прямой наводкой уничтожил две батареи шестиствольных минометов, а 10 августа в бою за село Веселое огнем двух батарей дивизиона уничтожено более 100 солдат и офицеров противника, в том числе боевые расчеты двух батарей 75 мм пушек. 388 огмд от Белгорода до Шебекино вел огонь с запасных огневых позиций. В селе Неклюдово личный состав 388 огмд простился 21 июля 1943 года с павшим в бою заместителем командира дивизиона по политической части гвардии майором И.А.Наточием (похоронен в братской могиле у церкви села Неклюдово). В оборонительном сражении 7 гв. армия разгромила врага, перешла в контрнаступление и овладела 5 августа 1943 года городом Белгород. В этот же день освобожден город Орел и в столице нашей Родины городе Москве впервые прогремел артиллерийский салют в честь героических действий советских войск.

За смелые и решительные действия, героизм и мужество, нанесение противнику значительных потер в живой силе и технике командир 388 огмд я был награжден орденом Александра Невского (приказ командующего артиллерией 7 гв.армии 24 августа 1943 г. №010/н) основание: архив МО РФ опись 086044 дело 30 лист 61.

Войска 7-й гвардейской армии продолжали наступления, отражали контратаки, преодолевая оборонительные рубежи немецких войск. 388 огмд огнем и колесами участвовал в боевых действиях 81-й гв сд. В три часа ночи 23 августа полки 81-й гв.сд., усиленные артиллерией, гвардейскими минометами, танками и саперами пошли в наступление через станцию Основа на центр города Харькова. Войска Степного фронта и 57 армия Юго-Западного фронта освободили 23 августа 1943 г. от немецких оккупантов вторую столицу Украины - город Харьков, 5 сентября город Мерефа был полностью освобожден, и

полки 81-й сд шли вперед на Красноград. Разведчики 388 огмд шли вместе с передовыми подразделениями стрелкового полка гвардии майора И.А. Акимова. На подступах к Красноградуу был убит командир взвода разведки 388 огмд гвардии лейтенант Новожилов (похоронен в центре города Красноград). Личный состав тяжело воспринял смерть любимого командира.

388 огмд принял участие в артиллерийской подготовке, и гвардейцы стрелкового полка Ивана Акимова во взаимодействии с воинами дивизии полковника Василевского прорвали вражескую оборону и в 20 часов 18 сентября 1943 года ворвались в Красноград. Следом за полком И.Акимова пробились в город полки майора Степана Титаренко и подполковника Георгия Скуруты. 19 сентября Красноград полностью был освобожден частями 81-й сд, получившей почетное наименование «Красноградская».

Гвардейцы-красноградцы, преследуя противника, громили его отходящие подразделения, продолжали с боями пробиваться на юго-запад к Днепру. 23 сентября 388 огмд с передовым подразделением 81-й гв.сд двигался по направлению к переправе в районе Старый Орлик. На пути нашего движения встретились женщины из села Петровское, но когда мы остановились, чтобы расспросить об обстановке, они испуганно на нас посмотрели, т.к. не знали что в Красной Армии введены погоны. Состоялась радостная встреча. Из сообщений жителей села Петровское стало известно, что в районе переправы Старый Орлик до 500 человек пехоты, до 1000 повозок и машин. В районе переправы западнее Шульговки - до 200 автомашин 8 танков и до полутора тысяч солдат и офицеров. Артиллерия противника переправлена на правый берег Днепра и оттуда ведет пристрелку. 388 огмд с огневой позиции села Петровское у ветряной мельницы произвел залп по переправе у Старого Орлика и на мотоциклах и машинах передовой отряд и личный состав управления огнем 388 огмд двинулся к переправе. Внезапность и помощь местных жителей - партизан, способствовала захвату разрушенной Бородаевской переправы, и в ночь на 24 сентября, используя рыбацкие лодки, бочки, плоты, приступили к форсированию водной преграды и захвату плацдарма на правом берегу Днепра между Бородаевкой и Мишуриным Рогом севернее города Днепродзержинска. 388

огмд был первым из гвардейских минометных частей на правом берегу Днепра.

Только нашим воинам было под силу форсировать такую реку как Днепр без специальных переправочных средств. После пятисуточного, кровопролитного боя на Бородаевском плацдарме гвардейцы прорвались в глубину правобережной Украины. Командующий артиллерией 81 гв.сд гвардии подполковник Михаил Павлович Евсеев и командир 97 гв.мп гвардии подполковник Марк Маркович Чумак уточнили боевую задачу 388 огмд - быть в боевых порядках передовых отрядов стрелковых полков, в готовности к отражению контратаки немецкой пехоты и танков. Гвардии подполковник М.М. Чумак обратил внимание на то, что впереди город Кировоград. Тепло и радостно встречало население Лозоватки, Желтое, Зеленое, Верблюжки, Варваровки. 16 января 1944 г. 388 огмд с передовыми отрядами 81-й сд. занял огневую позицию на северо-восточной окраине Кировограда. 17 января - Кировоград полностью освобожден. 97 гв.мп присвоено звание «Кировоградский».

С боями шло освобождение Правобережной Украины, враг яростно сопротивлялся.

388 огмд выполняя боевой приказ командира 97 гв.мп гвардии подполковника М.М. Чумака обеспечивал боевые действия 62-й гв.сд. (командир гвардии полковник И.Н. Мошляк) в составе 4 гвардейской армии. Населенные пункты Шпола, Звенигородка, Городище, Ольшаны, Моренцы, Почапенцы и др. - Родина великого Кобзаря Украины Тараса Григорьевича Шевченко стала полем битвы. Полного разгрома и уничтожения немецкой группировки войск генерала Штеммермана. Незабываемые бои 184 и 186 полка 17 февраля за город Городище, бои у села Почапенцы по уничтожению многотысячной толпы гитлеровцев, пытавшихся выйти из окружения, но их встречал огонь артиллерии и гвардейских минометов. В Корсунь-Шевченковском котле немцы потеряли убитыми и ранеными 55 тысяч солдат и офицеров, свыше 18 тысяч гитлеровцев было взято в плен.

В тяжелейших условиях весенней распутицы с боями шли на запад, освобождая города и села Украины, памятны были бои при переправе через Южный Буг, за населенные пункты Тальное, Бершадь, ж.д. станцию Кодыма, при форсировании

реки Днестр, бои за Оргеев, Зазуляны, а в конце августа 388 огмд участвует в составе 97 гв.мп в Ясско-Кишиневской операции.

С сентября 1944 года по март 1945 г., я, командир 388 огмд гвардии майор Кравец Николай Дорофеевич и командир 390 огмд гвардии майор Корнеев Алексей Никитич - слушатели гв.ККЗМАУ имени Б.Красина - отделения КУОС командиров гвардейских минометных частей. Вместо меня командиром 388 огмд стал гвардии капитан Г.Кондратов, 390 огмд - гвардии капитан Б.Уткин (до этого оба были начальниками штабов этих дивизионов).

В ноябре 1944 года в Подмосковье - поселок Шемилово прибыл 97-й гвардейский Кировоградский Краснознаменный орденов Богдана Хмельницкого 2 степени, Суворова, 3 степени минометный полк. Гвардии майор Корнеев А.Н. по окончании учебы вернулся в 97 гв мп, который в составе 388-го, 389-го и 390-го огмд принял участие 24 июня 1945 года в Параде Победы на Красной площади в столице Союза ССР - городе-герое Москве.

После учебы я был направлен в формируемые воинские части Войска Польского и с марта 1945 г. - командир 1-го польского отдельного гвардейского минометного дивизиона (ж/д станция Зеленоградская поселок Правда в Подмосковье), затем 1-й польский огмд в середине марта прибыл на 1-й Украинский фронт в составе 1-го польского танкового корпуса (командир - генерал-майор Юзеф Кимбар, бывший начальник Саратовского танкового училища) (место формирования г.Бердичев, Житомир УССР) 2-й польской армии (командующий генерал-лейтенант Кароль Сверчевский).

16 апреля 1-й Польский огмд принимает активное участие на завершающем этапе Великой Отечественной войны в Берлинской и Пражской операциях. За время боевых действий 1-го тк ВП по прорыву обороны противника на р.Нейсе в районе Ротенбург и в последующих боях в оперативной глубине противника (бои за Дрезден, Усьмадорф, Нисски, Бишесферда, Герлиц, Каминице, Мельник, Прага) мощным огнем ракет М-13 отражал многочисленные контратаки танков и пехоты немцев, дав возможность 1-му тк войти в прорыв и выполнить боевые задачи.

25 апреля 1945 противник из района Болбритц, крупными

силами пехоты и танков, при поддержке авиации, предпринял атаку, и, смяв передовые части, создал угрозу окружения и уничтожения штаба корпуса и спецподразделений. Своевременным и точным огнем дивизиона было рассеяно и уничтожено до роты пехоты, подбито три танка и сожжено 8 автомашин. Противник, понеся потери, отошел в исходное положение. Решительные действия дивизиона, особенно командиров и водителей боевых машин обеспечили безопасность 24 и 25 самоходно-артиллерийских полков и штабу корпуса.

После 12 мая 1945 г. - последнего дивизионного залпа по оказывающему сопротивление разрозненных групп противника, 1-й польский огмд совершил марш от предместья Праги - столицы Чехословакии города Мельник, в Польшу, и был расквартирован в городах, сперва Калишь, затем Рыбник, Глейвитц и в мае 1946 года расформирован. Боевые машины М-13, вооружение оставлены ВС ПНР, солдаты и сержанты демобилизованы и отправлены домой в Советский Союз. Офицеры откомандированы в распоряжение Главного управления кадров Красной Армии. Весь личный состав награжден советскими и польскими наградами, каждому была объявлена благодарность польского правительства и вручено благодарственное письмо маршала ПНР Роля Жемерского.

За храбрость и мужество, за смелые и решительные действия, проявленные в боях, за умелое командование дивизионом в Берлинской и Пражской операциях в составе 1-го Дрезденского Краснознаменного ордена Креста Грюнвальда танкового корпуса Войска Польского приказом командующего войскам 1-го УФ М) 108/н от 15.06.1945 г. я был награжден орденом Красного Знамени (основание - архив в МО РФ, опись 11465, лист 231).

После окончания Великой Отечественной войны, по возвращению из Войска Польского, с мая по декабрь 1946 года я - слушатель Высшей офицерской штабной артиллерийской школы (группа начальников штабов, полков, бригад гвардейских минометов) - г.Коломна Московский военный округ - гвардии подполковник.

С декабря 1946 года по апрель 1948г. я - командир дивизиона в 79 гв. минометном полку, в 93 гв.минометном полку в Группе советских оккупационных войск в Германии; с апреля 1948 года по сентябрь 1949 года в 8-м кадрированном гвардей-

ском минометном полку МВО. С сентября 1949 года по сентябрь 1953 - слушатель артиллерийского факультета Военно-политической академии имени В.И.Ленина в г.Москве. С сентября 1953 года по октябрь 1954 года - заместитель командира по политической части 59 зенап. С октября 1954 г. по март 1956 г. зам. начальника политотдела 52 зенад. С марта 1956 г. по май 1958 г. начальник политотдела 52 зенад Московского округа ПВО.

С мая 1958 года по март 1960 я - старший инструктор Главного Политического управления Советской армии и Военно-морского флота.

С марта 1960 года по январь 1964 года я - начальник политотдела 17 зенитно-ракетного корпуса ОН Московского округа ПВО.

С января 1964 года по январь 1967 г. я - первый заместитель начальника политического управления - Член военного совета группы советских войск, заместитель Старшего группы советских военных специалистов по политической части в республике Куба.

С января 1967 года по март 1974 г. я - начальник политотдела 1-го зенитно-ракетного корпуса ОН Московского округа ПВО - генерал-майор. В марте 1974 года уволен в запас в звании генерал-майора. С февраля 1975 года по февраль 1989 года я работал заведующим отделом правления Всероссийского общества любителей книги. Общество до перестройки объединяло в своих рядах многие миллионы любителей книги, способствовало пропаганде лучших книг, воспитывало молодежь в духе патриотизма и любви к Отечеству. Ныне принимаю участие в ветеранской работе - председатель совета ветеранов 1-го Дрезденского танкового корпуса.

Награды:

Советского Союза:

- ордена: Красной Звезды № 94542 приказ Воронеж фр.№ 08/н от 20.01.1943 г.; Отечественной войны II-й степени. Приказ Воронеж фр. №08/н от 17.05.1943 г.; Александра Невского -№ 2379 пр.7 гв А №010/н от 24.08.1943 г.; Отечественной войны I-й степени №21007, пр7 гв А №22/н от 1.11.1943 г.; Красного Знамени № 247448 пр. Командующего войскам 1-го УФ от 15.06.1945 г. №0108/н; Красной Звезды № 3294072 - Указ Пре-

зидиума верховного Совета СССР от 5.11.1954г.; Красной Звезды №3670769 - Указ президиума Верховного совета СССР от 23.02.1972г.; Отечественной войны I-й степени № 1420992 - Указ президиума верховного Совета СССР от 04.03.1985г.

- медали: «За победу над Германией» - Указ.. .от 9.05.1945 г., «За взятие Берлина» Указ... от 9.05.1945 г., «За освобождение Праги» - Указ...от 9.06.1945 г. «За боевые заслуги» - Указ от 26.06.1949г. , «За безупречную службу 1-й степени» - приказ МО СССР от 16.06.1949 г. две Грамоты Президиума верховного совета СССР, два знака «Воину интернационалисту» от 28 декабря 1988 г. (МНР - бои у р.Халхин-Гол и за участие в защите революции в республике тсуба), «XXX лет Советской Армии и флота» - Указ от 22.02.1948г., «40 лет вооруженных сил ССР» - Указ от 18.12.1957г., «50 лет вооруженных сил СССР» - Указ от 26.12.1967г., «60 лет Вооруженных сил СССР» указ от 28.01.1978г., «70 лет вооруженных сил СССР» - Указ от 28.01.1988г., «За воинскую доблесть в ознаменование 100- летия со дня рождения В.И.Ленина» Указ от 09.04.1970г., «двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» Указ от 1 мая 1965 г., «30 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» Указ от 25.04.1975 г. «40 лет победы в ВОВ 1941-1945гг.» Указ от 12.04.1985 г. «За освоение целинных земель» Указ от 20.10.1956 г., «Ветеран Вооруженных сил СССР» - Приказ министра обороны СССР №331 от 21.10.1976 г.

Монгольской народной республики:

- орден: «За боевые заслуги» №190 от 19.08.1969 г.

- медали: «XXX лет Халхин-Гол», «40 лет Халхин-Гол», «50 лет Халхин-Гол», «60 лет Халхин-Гол».

Ордена Польской народной республики:

-ордена: «Виртути милитари» №506 от 05.07.1945 г., «Крест Грюнвальда» №554 от 13.07.1945 г. «Серебряный крест заслуги» № 109154 от 23.02.1946.

- медали «За Одер, Ниссы, Балтику» - №041863 от 26.10.1945 г. «За свободу и независимость» № 59882 от 09.05.1946 г., «Знак Грюнвальда» № 069584 от 22.07.1945 г., «Знак братства по оружию» №323 от 07.10.1963 г.

:

Медаль Республики Куба «Воину-интернационалисту» - 19 октября 1982 г.

- Медаль Украины «Защитнику отечества» Указ президента Украины от 14.10.1999 г. серия МН№ 178229

За время службы в 97 гвардейском Кировоградском краснознаменном орденов Богдана Хмельницкого, Суворова минометном полку я получил благодарности от Верховного главнокомандующего за форсирование реки Дон, за освобождение Кантемировки, города Валуйки, Белгорода, Харькова, за форсирование реки Днепр, за освобождение г. Кировограда, за окружение и уничтожение Корсунь-Шевченковской немецко-фашистской группировки.

На завершающем этапе Великой Отечественной войны за взятие городов Дрезден, Берлин, за освобождение столицы Чехословакии - города Праги я получил благодарность и Почетную грамоту от Главнокомандующего Войском Польским. Ордена Красной звезды, Отечественной войны 2 степени, Александра Невского, Отечественной войны 1-й степени мне вручал командир 97-го Кировоградского Краснознаменного орденов Богдана Хмельницкого, Суворова минометного полка гвардии полковник Марк Маркович Чумак перед строем личного состава 388 огмд. Орден Красного Знамени мне вручил командир 1-го Польского Дрезденского краснознаменного ордена Креста Грюнвальда танкового Корпуса генерал-лейтенант Иосиф Кимбар перед строем 1-го Польского огмд в день первой годовщины танкового корпуса.

Мои родители: отец - Кравец Дорофей Кондратьевич, мама- Кравец (Роха) Варвара Стефановна и моя сестра - Очеретная (Кравец) с дочкой Ириной и сыном Петром оставались на оккупированной немцами территории до марта 1944 года в селе Мазуровка Тульчинского района. Через несколько лет после войны сестра Анна Дорофеевна переехала с детьми Ириной и Петром в город Оренбург (Проспект Победы д. 162 кв.55).

В войне погибли родственники: сестра Дармограй (Кравец) Мария Дорофеевна 1921 года рождения - погибла 15 апреля 1942 года в бою на Южном фронте - работала секретарем, а ее муж Дармограй Семен Деомидович 1917 года рождения - начальник особого отдела 4-сд погиб в мае 1942 года. Место захоронения неизвестно. Неизвестна судьба их дочери Нелли - 1939 года рождения. На фронте, в первые дни войны погиб муж моей сестры Евгении Дорофеевны - Павел Шишков. Сестра пережила блокаду с сыном Валерием в пригороде Ленин-

града ж/д.ст. Волосово.

Война забрала многих близких родственников, друзей и товарищей. Среди них - двоюродная сестра Надежда Трофимовна Кравец - казнена немцами за связь с партизанами в тюрьме г. Тирасполя; погибли в первые дни войны в боях с немцами двоюродные братья Василий Андронович Заболотный; сын тетки Евдокии Стефановны Роха Антон Прокопьевич; сын тетки Афии Стефановны Роха - Антон Никифорович; два сына тетки Писти Кондратьевны Черныш погибли в конце войны; молодыми умерли от полученных тяжелых ранений на войне: Николай Лукич Кравец и Дмитрий Лукич Кравец, Илья Андронович Заболотный, муж родственницы Ольги Ивановны - Николай Ульянович Ковальский 1923 года рождения, друг детства и юных лет Александр Гончарук 1917 г.р.

Из родственников осталась жива одна двоюродная сестра - Мария Андроновна Заболотная 1921 г.р. - жена партизана в селе Крищенцы Тульчинского района, Винницкой области, Украина.

Семья: жена-Кравец (Новикова) Ирина Александровна 1924 г.р., дочь – Голова (Кравец) Елена Николаевна 1946 г.р., сын - Кравец Владимир Николаевич 1951 г.р., внучка - Кротова (Голова) Ирина Александровна 1972 г.р., правнучка - Кротова Ирина Эдуардовна 1993 г.р.

Опубликованные публикации:

- Ганин Н.И., Кривель А.М. «Была такая война», Кравец Н.Д. «О боях товарищах» - 000 ИИА «Евразия» при участии ГЖО «Воскресенье», 1999 г.

- Н.К. Морозов «От Сталинграда до Праги». «Нижневолжское издательство», г.Волгоград, 1976 год.

- И.Н.Мошляк «Вспомним мы пехоту». Воениздат МО СССР, Москва 1978 г.

- Н.Кислицин «Погоны и личности». М.Фирма «Малая медведица», 1994 г.

- И.Шальников «Залпы катюш. Поединок. Под Белгородом. На Бородаевском плацдарме». Газета «Советский патриот» - орган ЦК ДОСААФ СССР от 3 сентября 1986г. №74 (5635)

- Геннадий Серебряков «Фронтовики. Память». «Молодая гвардия», 1975 г., тираж 500000 экз.

- В.П. Телепов «Высокая цель». Издание «Информацион-

ного бюллетеня» - Куба 1964 г.

- Г.Н. Ковтунов «Всей мощью огня» - Воениздат, 1982 г. тираж 65000 экз.

- В.В. Пилинский, А.Ф.Яворский «Шли мы вместе». Политиздат Украины, 1985 г. Тираж 65000 экз.

Закончив некоторые краткие воспоминания о жизни, воинской службе, об участии в боях и сражениях Великой Отечественной войны и Великой Победе советского народа и его Вооруженных Сил над немецко-фашистскими захватчиками накануне 60-летия Победы, хочется сказать доброе слово о боевых друзьях, товарищах, с которыми делил все тяготы, неудачи и радости боевой жизни, прошел по трудным фронтовым дорогам войны. Светлая, добрая память о каждом сохранится до конца моей жизни.

С победой в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов, по итогам Второй Мировой войны воссоединены территории бывшей Российской империи на востоке и на западе.

Маршал, четырежды герой Советского Союза Г.К.Жуков завещал: «...еще я хотел бы сказать молодым людям: охотники до нашей земли и наших завоеваний по-прежнему есть, и думаю, долго еще не переведутся, и потому в любой момент надо быть готовым к суровому часу».

Жизнь, весь ход исторического развития, события последних лет настоятельно требуют не забывать итогов Второй Мировой войны, помнить о том, что у России, как говорили и наши предки, всегда было только два друга - Армия и Военно-морской флот, ныне крайняя необходимость иметь еще современные ракетные противовоздушные, космические войска для надежной защиты нашего Отечества.

Апрель 2005 г.

Краснов Александр Борисович

Взгляд, брошенный с неба

Часть 1

Родился я 4 февраля 1922 года в городе Киеве. До войны окончил среднюю школу в 1940 году, аэроклуб, Чугуевскую военную школу пилотов в 1941 году, военно-воздушную академию им. Ю.А. Гагарина в 1952, адъюнктуру при этой академии в 1956 году.

О начале войны узнал 22 июня 1941 года около 12 часов дня во время учебных полетов на аэродроме г. Чугуев, будучи курсантом.

Начинал участвовать в боевых действиях в звании сержанта в составе 519 иап (командир майор Мурга), который формировался в запасном авиаполку Сибирского военного округа. По прибытии на Центральный фронт 12 мая 1943 вошел в 273 иад под 16 ВА (командующий генерал-лейтенант авиации Руденко С.И.). Потом был назначен в 48 гвардейский полк Главного командования Красной Армии, где и проходил службу до конца войны и позднее.

Боевой путь проходил через города: Щигры (май–июль 1943), Донбасс (сентябрь 1943), Мелитополь (октябрь 1943–апрель 1944), Рауховка (май–август 1944), Констанца (сентябрь 1944), София (сентябрь–ноябрь 1944), Кечкемет (Венгрия, ноябрь 1944–март 1945), Вена (апрель 1945), Братислава (апрель 1945–14 мая 1945).

Освобождал: Крым в составе 4-го Украинского фронта, 8-й Воздушной армии (ВА) под командованием генерал-лейтенанта авиации Т. Хрюкина, командира 48 гвардейского ДРАП (Дальнеразведывательный авиационный полк) полковника П. Лазенко, командира эскадрильи П. Малая.

Молдавию, Бухарест (август 1944), Софию (сентябрь 1944), Будапешт (январь 1945), Вену (апрель 1945), Прагу – все перечисленные населенные пункты в составе 3 Украинского фронта под командованием генерал-полковника Р. Малиновского, 5 ВА генерал-лейтенанта авиации В. Судец, и тех же командиров полка, эскадрильи.

Военные боевые действия закончил в городе Братислава в составе 48 гвардейского ДРАП в должности летчика, в звании лейтенанта.

В ходе военных действий получил ранения:

- 3 июля 1943 г. Характер ранения – тяжелое (ожоги 2 степени, множественные осколки в левой половине тела). Получено на Курской дуге при прикрытии штурмовиков от атак истребителей противника. Горел в самолете, садился на вынужденную посадку, находился на излечении в полевом госпитале №4397, по выздоровлении 17 июня 1943 г. вернулся в полк;

- 7 марта 1944 г. Характер ранения - легкое, осколочное. Получено при фотографировании ж\д узла Джанкой. Из полка не выбывал, лечился в лазарете 514 БАО.

Возвращался с войны по воздуху с тремя промежуточными посадками: Бухарест – Одесса – Кировоград.

После войны продолжал службу в 48 гвардейском ДРАП в должности командира звена, в г. Кировоград, в 1947 году – слушатель ВВА им Ю.А. Гагарина, далее зам командира иап, адъюнкт той же академии, преподаватель, доцент, в настоящее время доктор военных наук профессор кафедры тактика истребительной авиации.

Награды:

Медаль «За отвагу» № 257567, июнь 1943 года, г.Щигры.

Орден Красного Знамени, № 22140, декабрь 1943 года, г. Мелитополь.

Орден Отечественной войны I степени, № 166890, июнь 1944 года, аэродром Рауховка, Одесской области.

Орден Красной Звезды, № 3507329, сентябрь 1944 года, г.

София.

Орден Красного знамени, №269229, август 1945 года, г. Кировоград.

Орден Отечественной войны II степени, №828029, март 1985 года, п. Монино.

Орден Красной Звезды, № 3695431, июнь 1987 – за успехи в обучении и воспитании слушателей академии.

Медаль за взятие и освобождение городов, медали Болгарии, Венгрии; за выслугу лет; юбилейные и другие – всего 19.

Все люди, пережившие в сознательном возрасте войну, помнят ее начало, ее самый первый день и час, где, при каких обстоятельствах, вас застала весть о начале войны, какой была в тот воскресный день погода.

Помню и я... В этот день мы, курсанты 6-й эскадрильи Чугуевской военной авиационной школы пилотов, поднялись с рассветом. Время было горячее. Эскадрилья находилась в лагерях недалеко от Харькова и летала с большим напряжением ежедневно без выходных дней. Взлеты, посадки, полеты по кругу, пилотаж в зоне, стрельбы по конусу, по мишеням – немудреная курсантская учеба. Работы было много, и наши инструкторы даже не уезжали к себе домой в г. Чугуев.

В те последние мирные дни и часы мы не только осваивали трудный в технике пилотирования истребитель И-16, но и совершали бесконечные многокилометровые, многочасовые с бросками марши, да еще занимались строительством служебных помещений и жилья на своем полевом аэродроме. Жить и работать в полевых условиях летом и зимой, как это требуется на войне – таково было требование наркома обороны. Правда, к началу войны много сделать мы не успели, но буквально накануне закончили отрывку котлованов под полуподземные штаб, столовую и жилые землянки-казармы. Может быть, следы этих огромных ям и до сего времени видны на бывшем школьном аэродроме. За всеми этими хлопотами мы не заметили как-то давно уже наступившего лета. Вот такими они были эти последние дни и часы...

До конца летной смены было еще далеко, когда над аэродромом появился зеленый И-16 заместителя начальника школы. А через несколько минут после его посадки на вышке командного пункта взвился сигнал, приказывающий немедленно

прекратить полеты. Было в этом что-то странное, неожиданное. Заруливая на стоянку и собираясь к месту построения недалеко от выкопанных котлованов с ещё не осевшей глиной, мы заметили по беспокойным возбужденным лицам, быстро бегающим глазам наших инструкторов, их порывистым жестам, что и в самом деле произошло что-то из ряда вон выходящее. Так оно и было.

Заместитель начальника школы стройный, подтянутый в туго подпоясанной гимнастерке, в петлицах которой рубинами горели по четыре на каждой красные шпалы, с орденом Красного Знамени на груди встал перед строем, говорил недолго. Сказал только, что фашистская Германия сегодня в четыре часа утра нарушила мирный договор, вероломно напала на СССР и, что отныне мы находимся в состоянии войны с ней. По строю прошло движение, прошелестел негромкий гул голосов. Не так часто бывал в эскадрилье бравый полковник, участник боев в Испании, но мы знали, что многословные рассуждения были его слабостью. Он любил и умел рассуждать о войне, в запасе у него всегда оказывались какие-нибудь случаи, истории, изречения мудрые, способные убедить самых непонятливых курсантов. Сейчас же мы увидели грубоватую усмешку человека, притворяющегося, что скрывает секрет, который ни за что не выдаст, а что еще вероятнее, он его и не знает. Многозначительно поднятые брови, как многоточие, уходили в туманную неизвестность...

Так же многозначительно заместитель начальника школы посмотрел на большие портреты Сталина и наркома обороны Тимошенко, укрепленные на врытых в землю столбах, потом взялся правой рукой за пряжку ремня, подождал, пока утихнут последние возгласы в строю, сказал несколько общих фраз, но к смыслу и содержанию своей короткой речи ничего по существу добавить не смог. В тот утренний час мало кому было известно, что происходит на наших западных границах, какие силы врага обрушились на страну.

Был погожий летний день. Июньское жаркое солнце щедро лило свои лучи на полевой аэродром, на учебно-боевые самолеты и на курсантов, стоящих в плотном строю. Среди зыбкой тишины, окутавшей аэродром после прекращения полетов, не верилось, что где-то уже идет война. Она началась в четыре часа, когда мы и наши командиры еще спали, продолжалась в

пять, а у нас был подъем и обычная физзарядка, и в семь, когда начались полеты, война уже шла. Мы не видели еще горевших под ударами фашистских бомбардировщиков ни городов, ни сел, где матери и жены провожали своих любимых, не видели и первых пожаров, и жертв, не знали, что гитлеровские полчища уже вторглись на территорию Советского Союза и, вклиниваясь в нашу оборону, рвутся в глубь страны.

Настроение было бодрым приподнятым, даже праздничным. Удивительно радостно ощущать себя воздушным бойцом. Нам не терпелось схватиться с врагом по-настоящему, показать всем, что в небе не робкие воробушки, а настоящие ястребки, умеющие накрутить хвост противнику и навсегда отбить охоту соваться в "чужой огород".

Война! Само это слово уже будоражило воображение. Перед нами открывался сияющий мир – мир манящих огневых схваток, драматических коллизий в воздухе, рискованных "игр" с судьбой, горящих жарким пламенем "мессершмиттов" и "юнкерсов". Их силуэты мы уже давно изучили по рисункам и фотографиям в учебных классах, ночью разбуди – узнаем.

Ах, как бьется сердце в предвкушении блистательных побед! Ведь мы знали: враг уже не раз пытался нарушить наши границы и каждый раз – на Хасане, Халхин-Голе, в советско-финляндской войне получал достойный отпор. Пусть теперь фашисты в Германии собрали больше сил, но кончится их поход так же, как и всегда – фашистам не пройти. Какими они были в нашем представлении тогда до войны? Конечно, от этих варваров можно все ожидать, но мы верили, что в Германии рабочий класс сильнее "коричневой чумы", что он не даст Гитлеру развязать серьезную агрессию против первого в мире социалистического государства. Ведь Германия – это Маркс и Энгельс, Роза Люксембург и Карл Либкнехт, это Тельман – вождь рабочего класса. Беспокоило только одно: как бы фашистов не разгромили раньше, чем мы закончим школу. Не опоздать бы на фронт! А уж если бы кто сказал, что война продлится целых 4 года, ему пришлось бы нелегко от ехидных насмешек.

С особой старательностью мы продолжали прерванные полеты. Незамысловатые взлеты, фигуры высшего пилотажа сразу приобрели другой, более значительный смысл. Мы стреляли по конусу, а видели в прицеле фашистскую свастику.

Кресты и круги мишеней на полигоне приобрели явственные очертания фашистских самолетов, автомашин, колонн пехоты.

Запомнилось комсомольское собрание в этот первый день войны с восторженными речами, клятвами в верности Родине, партии. По-разному мечтали мы о грядущих подвигах, единодушны были в одном: Красная Армия нанесет сокрушительный удар фашистам и очень скоро вышвырнет их вон с советской земли.

Вечернее небо первого дня войны было слегка замутнено тучами, плывущими с запада, косые отблески красного солнца вызывали во мне странное, неизъяснимое ощущение беспокойства, как, наверное, и у многих других, но я легко подавил его, не допустив до сознания. День закончился, как и обычно, вечерней прогулкой со строевыми песнями, бодро перекликавшимися между собой в разных концах палаточного городка:

"...И врага разобьем мы на вражьей земле
Малой кровью, железным ударом..."
"...Нас не трогай, мы не тронем,
А затронешь – спуску не дадим..."

Все наизусть знали слова этих песен. И в самом деле: мы никого не трогали. Трогали нас, мы не давали спуску. Были ли мы курсанты с серебряными птичками на голубых петлицах легковернее, наивнее других? Не знаю. Тогда мало кто думал иначе, и если я буду заставлять своих героев мыслить категориями сегодняшнего дня, мне ни один читатель не поверит. Настоящая самая злая война пришла неожиданно. Сейчас и вспомнить смешно, как ждали мы и не дождались ни победы "малой кровью", ни разгрома врага "на вражьей земле". Кто из нас мог поверить, предугадать тогда, что все будет не так, как распевалось в бодрых довоенных песнях, что враг окажется силен и техникой, и разведкой, и даже неожиданным пониманием жизни и обычаев нашего народа, и что война предстоит необычная, война не на жизнь, а на смерть?

Когда-то через долгие месяцы и годы я буду вспоминать, столкнувшись с кровью и смертью, как волшебную детскую сказку с ковром-самолетом свою юношескую восторженность и эти учебные полеты с курсантского аэродрома. Но тогда, в тот памятный день, я не знал и не мог знать, что через какие-

нибудь два месяца нас, большой группы курсантов, досрочно закончивших программу обучения, уже не будет здесь, на полевом аэродроме, а сам аэродром и обширная территория вокруг к этому времени окажутся в прифронтовом районе, а затем – в глубоком тылу врага. Не знал я и того, какие большие испытания ждут наш народ, и что не всем доведется дожить до Победы.

...После окончания летной школы нам не сразу удалось уйти на фронт. Истребители И-16 – "ишаки", как их тогда называли, и которыми не могли нахвалиться наши летчики в Испании и на Халхин-Голе, были уже далеко не новыми по тому времени самолетами. К тому же мы, вчерашние курсанты, еще не умели тактически грамотно вести воздушные бои и эффективно применять оружие. В запасных авиационных полках и бригадах переучивались мы на более совершенные машины, шлифовали тактическое мастерство.

Мне и моим товарищам по душе пришлись устойчивые, послушные в управлении скоростные "яки". Куда уж угнаться за ними кургузым, тупоносым "ишакам"! Немыслимой красотой отсвечивали на взлете длинные с заостренными носами фюзеляжи и широкие крылья, свирепыми тиграми ревели мощные моторы, под ними были упрятаны грозные пушки и крупнокалиберные пулеметы. А эти прекрасные короткие мгновения, когда в прозрачном кружке прицела, перекрещенном двумя черными паутинными линиями, зависала, как большая птица, поджавшая под себя ноги – шасси, цель, хотя обозначает ее пока твой же товарищ. Как и подобает будущим фронтовикам, горячо обсуждали рассказы летчиков, уже побывавших в боях, юношеским умом осмысливали святые для нас понятия воинского долга и воинской чести, учились беспрекословно подчинять свои эмоции законам войскового товарищества. Фронт начался для меня со службы в истребительном, а затем в дальнеразведывательном авиационном полку.

Какое же трудное и интересное было время! Все для меня было внове, все необычайно и ярко, и поэтому каждое событие, даже не очень значительное отпечатывалось в сознании, как объект разведки на фотопленке, на многие годы, а что-то и на всю жизнь. Вглядываюсь в сохранившиеся у меня потертые полетные карты, листаю страницы старой летной книжки, перечитываю собранные вырезки фронтовых газет, выстраиваю

мысленно хронологию событий, восстанавливаю их взаимосвязи.

Пожелтела бумага, выцвели от времени буквы на строках, но они сохранили для меня дорогие сердцу разведывательные маршруты, названия населенных пунктов, где мы искали затаившегося врага. За этими строками встают успехи и неудачи, радости и огорчения, новые по тому времени маневры для скрытного проникновения к объектам, фотографирование под плотным зенитно-артиллерийским огнем врага, приемы военной хитрости разведчиков – как-то неприметно, буднично появлялись они, а ведь это было впервые в разведывательной авиации. Рассматриваю фотографии своих товарищей-однополчан. Сколько же сложных заданий они выполнили, сколько объектов разведали, а сколько героических и драматических эпизодов, увы, известных немногим, стоит за их плечами.

Всякое случалось на войне, многое забылось, но были дни яркие, необычные, что всегда будут помниться. Мне хочется вспомнить не только тот июньский день сорок первого, когда мы стояли в притихшем курсантском строю, и замерла вся страна, но и уплывающие вдаль многих десятилетий последующие события, участником и очевидцем которых мне посчастливилось быть. Очень многое хотелось бы сказать в этой книге, но пусть и предлагаемые заметки станут полезными для тех, кто сегодня идет дальше, достойно продолжает традиции фронтовиков, для молодежи, которой адресована эта книга.

Из истребителей – в ученики

Солнце, солнце... всюду солнце. Оно заливало ярким светом большое и ровное как стол, летное поле аэродрома, ослепительные солнечные зайчики бегали по взлетной полосе, отражались от стоявших поодаль самолетов, искрились в солнечной дымке бесчисленные капли еще не просохшей росы, откуда–то сильно тянуло скошенной привядшей травой. Дышалось свежо и глубоко, шагалось широко и свободно.

Полные превосходного ощущения легкости и прилива сил, мы шли протоптанной в траве тропкой через все это великолепие на командный пункт, который возвышался на краю аэродрома за рулежными дорожками, самолетными стоянками

среди приземистых построек, коробок отдельных зданий и верхушек старых сосен. Мы – это Василий Кононенко, Леонид Кузнецов и я с лейтенантскими погонами на плечах, нежданно–негаданно получившие назначение в разведку. Никто из нас – трех летчиков–истребителей, прибывших в июле сорок третьего из разных истребительных авиаполков на подмосковный аэродром Кубинка, не задумывался над многогранными сторонами профессии воздушного разведчика, не искал ответов на неведомые вопросы и вовсе не стремился стать разведчиком, но какими переменчивыми бывают армейские судьбы!

На аэродроме Кубинка базировался прославленный гвардейский полк дальних разведчиков Главного Командования Красной Армии. Мы уже знали, что полк сформирован еще до войны, ведет боевые действия с первого ее дня, отличился в битве под Москвой, прошел через огненное горнило Сталинграда. Боевой дух наших новых однополчан был очень высок. На самолетах Пе-2, "бостонах" и тяжелых "боингах" они летали на разведку важных стратегических объектов в глубоком тылу врага. Сразу и представить трудно: где Кубинка, а где Кенигсберг и Данциг? Как раз об этих объектах докладывал данные штурман экипажа, только что вернувшегося из разведки, когда мы вошли в большую светлую комнату с высокими окнами и большим столом посередине, на котором лежала огромная карта.

За столом сидел командир полка полковник П. Садов, худощавый с седоватым ежиком волос. В ответ на наш доклад, он молча кивает головой, продолжая слушать штурмана, а я, не стесняясь, рассматриваю своих будущих собратьев по новой профессии, наталкиваюсь на живой открытый взгляд Кононенко, чувствую, что унывать он не умеет, на смеющиеся глаза Кузнецова, незаметно подмигнувшего мне:

– Ну и далеко же летают эти черти–разведчики, – шепнул он мне, – а нам тут что делать?

Как будто ничего ребята, дружные, еще слетаемся.

Но тут командир полка поднялся из-за стола, одернул длинную гимнастерку, туго схваченную широким ремнем, смерил нас оценивающим колючим взглядом. Его темные, холодные, вдавленные в лицо глаза, ничего не выражали – ни радости, ни гнева, ни настороженности. Заложив руки за спину, стал прохаживаться по комнате, роняя слова, как метро-

ном, через равные промежутки времени:

– Вам надлежит вести у нас воздушную разведку так же, как и всем другим экипажам на полный тактический радиус самолетов, изучить и знать демаскирующие признаки типовых объектов разведки, освоить фотографирование больших площадей. Первоочередные объекты для вас – объекты, прикрытые сильной ПВО противника.

Полковник сделал паузу, погрузился в некоторое раздумье, посмотрел на нас еще раз, добавил с иронической полуулыбкой на узком длинном лице:

– Вы, истребители, маленькие, а поэтому зенитчикам вас поразить трудно, уйти от истребителей противника – ваша забота. – Установив, таким образом, очевидные преимущества истребителей, сказал в заключение. – Самолеты для вас уже перегнали, учитесь, тренируйтесь, ума набирайтесь; через полтора месяца – на задания.

Слова командира, произносимые им ровным почти одинаковой тональности голосом, падали на нас, как студеные капли воды за шиворот. С лица его не сходила ироническая усмешка, глаза оставались холодными, взгляд равнодушным, словно перед ним были не живые люди, а неодушевленные предметы, даже выражение лица такое, как будто он постоянным усилием воли сдерживал зевоту.

Больше не посмотрев в нашу сторону, полковник опять подошел к столу с картой, оперся об него широко расставленными руками и начал отчитывать за что-то штурмана экипажа. Ему это даже нравилось чувствовать свою власть, упиваться ею.

После представления командиру полка, выйдя из помещения КП, с облегчением вдыхаем свежий воздух, некоторое время, молча, смотрим друг на друга, осмысливая слова командира полка. Как-то неожиданно в военной судьбе нашей открывалась новая страница – то, с чем мы еще не сталкивались, то, что было словно бы за семью замками. Если бы мне кто-нибудь сказал еще совсем недавно, что быть мне дальним разведчиком, я бы, по меньшей мере, подумал, что человек шутит. Но военная судьба, наверное, тем и интересна, что таит в себе самые непредсказуемые повороты.

И еще после слов полковника оставался какой-то неприятный холодок на душе. Конечно, в армии командиров не выби-

рают и все-таки, пожалуй, нет такого подчиненного, которому безразлично, кто у него командир, не мечтающего служить под руководством пусть строгого, но внимательного, справедливого командира. Мечтали об этом и мы. А пока знакомимся поближе, рассказываем друг другу о себе и вместе рассуждаем о делах разведывательных.

Аэродром Кубинка пылил, гудел и подрагивал от рулящих, взлетающих самолетов-разведчиков и тяжелых бомбардировщиков авиации дальнего действия, которые базировались здесь вместе с полком и наносили удары по объектам глубокого тыла врага. Для нас же это обычный учебный аэродром.

– А вот и ваши товарищи по работе, – говорит один из офицеров штаба, – и чуть заметным кивком показывает на подходящих высокого статного светловолосого летчика с золотой звездой на груди и широкоплечего толстяка с добродушным открытым лицом.

– Лейтенанты Червяков и Терещенко, – представляются они, летали на "пешках", (самолетах Пе-2), теперь будем вместе с вами ходить в разведку на истребителях.

Завязывается вначале неуверенная, а затем непринужденная беседа, нам ведь вместе летать на разведку. Узнаем, что перед нами, если можно так сказать, разведчики-профессионалы с богатым опытом, теперь им предстоит переучиться на самолеты-истребители.

Дружелюбно, но с некоторой долей превосходства разглядывает нас Герой Советского Союза Владимир Червяков. Высокое звание он получил еще под Сталинградом. У Владимира стройная, ладно сбитая фигура, особенно запоминаются глаза, жесткие, целеустремленные. Сейчас он дотошно расспрашивает нас, как же летают истребители.

Добродушный широкоплечий с бритой головой увалень Ваня Терещенко принимает участие в беседе с явным удовольствием. Правда, не столько говорит, сколько слушает и слушает внимательно. Лицо простое, открытое, по-детски доверчивое. На первый взгляд, он производит впечатление человека медлительного, неэнергичного, но скоро мы убедимся, что это не так.

Полная противоположность Терещенко – Кузнецов, среднего роста лейтенант с белокурыми вьющимися волосами, ос-

тер на язык, любит юмор, умеет шуткой снять напряжение и уже видно, что Леонид – хороший товарищ. Несмотря на столь разительные отличия Терещенко и Кузнецов тянутся друг к другу. С ехидной миной на лице Леонид подчеркнуто серьезно уже дает советы Ване, как сбавить вес, иначе истребитель его не поднимет. Да, с Кузнецовым не соскучишься.

Судя по первому впечатлению, слетаемся мы с Василием Кононенко. Невысокий крепыш с выразительным подвижным лицом, уверенный в себе, как говорят – "рубаха–парень", он обладает такими нужными для летчика качествами, как жизнерадостность и житейский оптимизм. Энергичен, резок в движениях, говорит живо, горячо, своим темпераментом заражает окружающих.

Познакомившись, направляемся к нашим самолетам, скромно приткнувшимся к большим многомоторным разведчикам на самом конце самолетной стоянки. Я вижу, что умудренные опытом разведчики, с какой-то опаской поглядывают на эти действительно небольшие самолеты-истребители.

А самолеты хороши, словно с картинки сошли: новенькие – прямо с завода, еще пахнущие свежей краской, светло-серые с дымчатым оттенком истребители-разведчики "Як-9р" почти сливались с серым бетоном стоянки. Носы гордо подняты, винты застыли. Видно мудрому, понимающему толк в воздушной разведке человеку, пришла в голову счастливая мысль воссоединить в этих самолетах свойства дальних разведчиков и истребителей. Внешне они как будто такие же, как и все "яки", но на них дополнительные топливные баки в крыльях, большой тяжелый длиннофокусный фотоаппарат АФА-3С со значительным запасом пленки, а вот из вооружения... только одна пушка калибром 23 мм.

Василий Кононенко, черноволосый и черноглазый, сразу же полез в кабину стоящего с краю "яка". Подвижному, бойкому на язык, ему не терпится приступить к делу. Руки сами потянулись к сектору газа, к стартеру, от нажима на который тяжелые лопасти винта закрутят и отбросят далеко назад тугой поток воздуха и самолет придет в движение. Летчик как будто забыл, что он на стоянке, взялся правой рукой за ручку управления, двинул вперед сектор газа левой рукой и, устремив взгляд вперед, представил, как начинает разбег и отрывается от взлетной полосы истребитель. Ему не хотелось расставаться

с кабиной, но вот он отбросил предохранитель с гашетки пушки и почувствовал острое разочарование.

– Как, только одна пушченка? С таким вооружением в тыл врага? – энергично жестикулируя, Василий выскочил из кабины. – Так ведь съедят "мессершмитты", и вздохнуть не успеешь.

– Съедят, непременно съедят со всеми потрохами, да еще на этом тяжелом "утюге", – вторит ему Леонид Кузнецов, безнадежно махнув рукой, – хотел бы я увидеть твой маневр в воздушном бою.

Василий не стал отвечать, легко выбросил из кабины свою по-юношески тонкую фигуру, быстро отошел лишь на несколько шагов и закурил, не отводя возбужденного взгляда от самолетов. Недолгое общение с Васей поколебало мою веру в справедливость известной пословицы насчет пуда соли. Он не из тех, кто открывается товарищам осторожно, с оглядкой, он, что называется, весь на виду и понять его легко – максималист во всем, что касается духа летчиков-истребителей, воздушного боя.

У давних разведчиков отношение к самолетам другое.

– Вам бы ястребкам только "крючки" вертеть, да "бочки" закладывать, – сердито смотрит Червяков на Кузнецова и Кононенко, – разведчикам ввязываться в бой не положено. У воздушной разведки удивительная способность, – улыбнувшись, продолжает Владимир. – Если к ней отнестись всерьез, то чем глубже проникаешь в суть дела, тем она становится привлекательнее, сами увидите! Вы только посмотрите, какой АФА (аэрофотоаппарат) стоит на самолете – длиннофокусный, а это значит, что мы сможем фотографировать все объекты, даже малоразмерные с большого расстояния, с большой высоты и все это в крупном масштабе.

Червяков тем временем забирается в кабину истребителя, с любопытством пробегает взглядом по приборам, по незнакомой арматуре кабины, обращается к такому же еще неистребителю Терещенко:

– Представляешь себе, Ваня, сколько дел нужно одному выполнять: пилотировать самолет, следить за режимом работы мотора, контролировать расход топлива, вести радиообмен с землей, следить за временем полета и в то же время искать, опознавать объекты, выходить на них, фотографировать... И

все это одному!

Терещенко тем временем тоже садится в кабину, неторопливо осматривается, чешет в затылке:

– Ни штурмана, ни воздушного стрелка-радиста, все делай сам! Вот летчик, – рассуждает Ваня, – его дело выдерживать постоянные курс, скорость и высоту полета, а штурман и на объект разведки выведет, и сфотографирует, и домой приведет. – Фью, – присвистнул Терещенко, глаза разбежались по стрелкам приборов, – Как же без штурмана-лоцмана, да еще под обстрелом зениток, атак истребителей?

И тут мне на память пришел примечательный эпизод, который полковые шутники назвали «большой блудежкой».

Штурманские страсти

…Было это совсем недавно, в мае сорок третьего. Я снова вижу в памяти возбужденно-радостные лица товарищей, готовые к вылету самолеты, строгого командира, прославленного аса Ленинградского фронта майора Мургу. Наш 519 иап, пополнившись летным составом и самолетами, перелетает из тыла на Центральный фронт, туда, где уже изгибалась, накапливая силы, могучая Курская дуга. Оставался последний участок пути: Лебедянь – Курск.

Эскадрилья за эскадрильей взлетали и брали курс на Запад, а тут совсем некстати на моем самолете стал подтекать бензобак. Пока техники подлатали его, на Лебедянском аэродроме оставался только командир полка со своей замыкающей группой. Так я, еще новичок в полку, попал в группу "начальства".

Майор Мурга, с суровым лицом, рослый, крепкого телосложения человек, которому, казалось, была тесна кабина истребителя, не стал долго разглагольствовать, сказал твердым густым голосом:

– Сами все знаете, не рядовые летчики. Сохранять свое место в строю, смотреть за ориентировкой, компасам не верить – курская магнитная аномалия! (Кто-то надоумил командира, что уводит она стрелки компасов). По самолетам, запускай моторы!

С тем и взлетели – семь "яков". Я занял свое место на левом фланге. Настроение приподнятое. Через каких-нибудь 50

минут буду на фронте, где вскоре ожидаются большие события. Наш мужественный командир, уверенный в себе и своих подчиненных, да к тому же немногословный, казался мне непогрешимым.

Все идет хорошо. Высота полета 800 м, для самолетовождения самая удобная, видимость отличная. Внимательно сличаю карту с местностью. Опознаю Ливны – крупный населенный пункт, прикидываю – до Курска 12 минут. Командир переходит на бреющий – понимаю: к аэродрому надо выйти "с форсом" по-истребительски. Замелькали под самолетом деревушки, перелески, овраги – все сливается в бесконечную многоцветную цепь.

Проходит 12, 15, 20 минут, а Курска нет. Что делать? Конечно, обидно признавать, но мужество не всегда сопутствует высокой штурманской подготовке.

Командир, а вместе с ним и мы снова набираем высоту 800 м, земля прекращает свой стремительный бег, но нам от этого не легче. Ни большого города, ни железной дороги, ни речушки, глазу не за что зацепиться. Проходит еще несколько минут, а мы все еще летим на запад. Может быть, уже и немцы под нами?

– Кто знает ориентировку, выходи вперед, – я слышу сердитый голос майора, улавливаю в нем нерешительные нотки, но все молчат, и строй даже не шелохнется.

– Трубников, выходи вперед!

Капитан Трубников был заместителем командира полка по огневой и тактической подготовке. Раньше он служил в ГВФ и не раз похвалялся дальними перелетами. Но теперь я вижу, как его самолет, будто нехотя, выдвигается вперед, занимает место ведущего, и вслед за ним мы разворачиваемся обратно, строго на восток (по компасу), берем курс 90°.

Томительны минуты неизвестности: пять, десять... потом еще столько же, а под нами все те же деревушки, перелески, заросшие высоким бурьяном поля и ни одного характерного ориентира.

Трубников по-прежнему ведет группу на восток, а я тревожно поглядываю на бензомер, вижу, как неумолимо тает запас топлива в баках, почти физически всем своим существом ощущаю последние капли бензина. Видимо, опять подтекает бензобак. Вот так штука! Мне падать раньше всех. Так и есть,

мотор дает перебои и вскоре совсем умолкает. Нужно садиться!

– Я 9-49, иду на вынужденную! – докладываю командиру, но он не ответил на мой отчаянный выкрик. Машина устремилась к невспаханной, заросшей густым бурьяном, не знавшей и прошлым летом ласки человеческих рук земле.

Посадка на незнакомое поле, да еще с неработающим мотором всегда безопаснее с убранным шасси, но тогда самолет будет поврежден и уж не скоро удастся взлететь. А земля-то как будто ровная, да и поле велико. Решаю садиться не на "брюхо", а на колеса, тут же выпускаю шасси, щитки, будь что будет.

В памяти остались свист воздуха, медленно вращающийся винт, мягкое касание земли. Самолет бежит, вздрагивая на рытвинах, с хрустом подминая под себя бурьян, и останавливается, выкатившись на небольшую тропинку. По ней торопливо уходит прочь, семеня маленькими ножками, сгорбленная старушка.

Какая удача! Мой истребитель цел, я невредим, да еще сейчас, наконец, смогу восстановить ориентировку.

– Подожди, бабуля! – я быстро выскакиваю из кабины с планшетом в руках и бегу за ней:

– Не бойся, бабушка!

Бабуля, небольшая круглолицая, испуганно оглянулась, ахнула и перекрестилась:

– Ох, ирод, с неба свалился, аж сердце захолонуло, чего от убогой хочешь?

– Бабуся, скажи только, где тут поблизости город, река, железная дорога?

Старушка замигала подслеповатыми глазками, повела веснушчатой ручкой в ту сторону, куда мы не долетели:

– Да вон оно наше Мастюгино на пригорке!

Тем временем остальные шесть "яков" встали в круг, наблюдая за моей посадкой, а потом один за другим, тоже выпустив шасси, пошли на снижение. Зачем садились они в этом пустынном заброшенном поле? Или не решались бросить меня одного, или просто не знали, куда лететь дальше?

Когда я закончил свой разговор с местной жительницей, все самолеты были на земле и подруливали один к другому. Хорошо, что у них был запас топлива. Мне же оставалось

только созерцать издалека лопасти блестевших на солнце винтов.

Немало прошло времени пока я, наконец, продираясь сквозь густой бурьян, добрался до этого места. Картина открылась редкостная: все летчики столпились у самолета командира. Глаза растерянные и какое-то в них недоумение и еще что-то – то ли обидное, то ли больное, но удивительнее всех выглядел сам наш суровый мужественный командир. Он уже успел сорвать с плеч майорские погоны (мы только-только надели их вместо "кубарей" и "шпал"). Инженер полка, летевший с командиром в одном самолете, поднимал их с земли и подавал командиру, тот снова швырял с неописуемой злостью. Никто не смеялся над этим забавным зрелищем. Все были захвачены спором, каждый имел мнение о месте посадки. В пылу спора никто и не взглянул на меня.

– Разрешите, товарищ майор! Я покажу...

– Иди к такой матери, ты еще тут вертишься!

– Товарищ командир!

– Брысь отсюда, что ты можешь знать, мальчишка?

– Товарищ майор! Я восстановил ориентировку опросом местных жителей.

– Да? Какого же черта ты молчишь? – ко мне протянулось шесть планшетов.

Когда я ткнул пальцем в излучину Дона, все молча с удивлением переглянулись. Командир на какой–то момент потерял дар речи. Посадка у Дона вместо Курска была для него и для всех полной неожиданностью. Все смотрели на меня, и на лицах ярко почти по детски сменялось выражение крайнего недоумения, обиды и, наконец, гнева.

– Да, прилетели… – голос у командира как-то осел, будто что-то внутри надломилось.

…Не скоро удалось подвезти бочки с бензином, доставить автостартеры для запуска моторов, расчистить от бурьяна полоску для взлета. Только через шесть дней небритые, похудевшие, измученные к самому заходу солнца мы перелетели на аэродром Острогожск близ Воронежа. Командир, сдвинув фуражку на затылок, распорядился:

– Заправить бензобаки до пробок, вылет завтра с рассветом, телеграмму в Курск о нашем месте не давать, утром сами там будем.

После всего пережитого слова нашего немногословного, снова уверенного в себе командира кажутся нам музыкой. Воображение услужливо рисует приветливо ровную бетонку курского аэродрома, летную столовую с горячим сытным борщом. Хочется смыть под душем усталость, накопившуюся от долгих бдений и ночлегов под крылом.

...И снова мы летим на Запад. Как и в прошлый раз, видимость нормальная, на блекло-голубом небе ни облачка, солнце за спиной не мешает вести ориентировку, земля как на ладони. Но штурманские страсти на этом не кончились. Как вы думаете, читатель, поступил наш командир? Учел происшедший конфуз, тщательно изучил маршрут, повел группу по компасу на средней высоте? Бьюсь об заклад, все ваши догадки не имеют ничего общего с тем, что произошло. Все повторилось!

Когда до Курска оставалась считанные минуты, самолет майора снова устремился к земле. Пока мы вслед за ним снижались до "бреющего" полета, я успел крамольно усомниться: а почему я и другие его подчиненные должны вместе с товарищем командиром "брить землю", повторяя ту же ошибку, усложнять себе обстановку? Научены уже. Но никто и не попытался ослушаться. Как объяснить этот опрометчивый шаг боевого командира, смелого летчика? Никакой загадки здесь нет – неистребим истребительский дух, такова сила традиции. Конечно, не все истребители страдали такими чертами, как бахвальство и лихачество, но что поделаешь, если так уж было принято в нашей летной среде. Скрывать это – значит, хотим ли того или не хотим – писать не о реальных людях, а о плакатных героях, каких немало появилось в иные времена.

...Итак, я снова до боли в глазах всматриваюсь в бегущую под самолетом местность. В этот раз наша группа выходит на полотно железной дороги. Ура! Все дороги ведут в Курск. Развернувшись вдоль "железки", продолжаем полет. Еще несколько минут и впереди на фоне невысоких меловых гор встали очертания крупного города.

– Курск! – восторженно выкрикнул кто-то в группе, и все еще ниже прижались к земле.

– Это не Курск, не Курск! – кричу я изо всех сил, потому что жил до войны в этом городе, учился в аэроклубе, видел его с воздуха.

Поздно. В плотном строю на малой высоте группа уже над

городом. И тут же густой зенитный огонь со всех сторон закрыл небо. Да, то был Белгород, в нем были фашисты. Этот яростный огонь оказался настолько неожиданным, что группа сразу же рассыпалась. Выйдя из-под обстрела, я остался один, но зато восстановил ориентировку. Я знал: Белгород на южном фасе Курской дуги, восточнее свои войска, железная дорога из Белгорода ведет на север прямо к Курску. Тут уж никак не заблудишься. Вокруг меня в воздухе было пусто, но я уверенно шел на Курск. А вот и знакомый купол Курского монастыря, река Сейм, аэроклубовский аэродром, я зашел на посадку.

Катится, плавно замедляя бег, истребитель по ровной бетонке, приветливо манят к себе самолетные стоянки, и я уже подруливаю к ближайшей – наконец-то свои, но тут как обухом по голове:

– Вот он один из пропавших без вести, где ты был, сукин сын? – Это были первые слова, которые я услышал, открыв фонарь кабины.

Передо мной, успев взобраться на крыло, стоял офицер из Особого отдела.

– Сам ты сын собаки, – взрываюсь от неожиданного "приветствия", нервная дрожь бьет руки, – отсиживаешься здесь за нашими спинами, тебя бы в кабину, да под зенитки!

– Что такое? – в голосе "особняка" звучит явная угроза. Догадываюсь, что мой возглас истолкован, как враждебный выпад против органов НКВД. Мыслимо ли такое было в те годы? Что же это, как не злостный поклеп? Ни о чем больше не спрашивая, меня отправили в отдельную палатку, у входа встал солдат с автоматом. Слов тех горьких и обидных не забыть. Через щели палатки я видел, как еще один, потом еще "Як" из нашей группы заходили на посадку, как сели все, кроме двух истребителей, которые, как выяснилось позже, были подбиты зенитками. Все, кто благополучно долетели, через несколько минут оказались в той же палатке вместе с нашим командиром.

Радость возвращения в родной полк быстро тускнела, постепенно уступая место обиде, а потом гневу. Почему такая вопиющая несправедливость? Понимаю, что трудно проверить, где почти целую неделю были летчики, а потом на исправных самолетах свалились, как снег на голову, но не пони-

маю такой подозрительности. Не надо радостной встречи, но разве хотя бы горячего завтрака мы не заслужили?

Злоключениям не было видно конца. Откинув полог палатки, вошел офицер смерш, сел на табурет, пристально посмотрел на каждого, заскрипел тягучим голосом, помогая себе размеренными жестами:

– Запираться не советую, рассказывайте, где были, зачем прилетели, – после продолжительной паузы добавил: – Вот всего три дня назад две "аэрокобры" из соседней дивизии тоже по ошибке вместо Курска сели к немцам в Орел, но увидели самолеты с крестами, успели развернуться, взлететь. Так они сразу же во всем честно признались.

Сжав зубы, я, как и другие, уставился на пол, а офицер, неумолимо суровый, приступил с вопросами к старшему группы:

– Майор Мурга, отвечайте, где садились, с какой целью?

– Заблудились, сели в поле у реки Дон на вынужденную.

– Навигационная аппаратура была исправна?

– Да.

– Могли бы сесть на аэродром?

– На какой?

– Потрудитесь отвечать на мои вопросы. Могли или нет?

– Да компасам не верили. Курская, магнитная аномалия.

– Повторяю вопрос: вы могли бы сесть на аэродром или умышленно отклонились на территорию врага?

– Не могли.

– Почему? Кто повинен конкретно в Вашем преступлении?

– Да курская аномалия. Ведь первый раз летели, никто не объяснил.

– Аномалия, это не "кто", а "что"…

Я заметил, что чем дальше офицер допрашивал командира, а потом в том же тоне каждого из нас, тем больше из него исходила кипящая внутри самоуверенность, но еще больше незнание предмета. Его вопросы запутывали отвечающих, набегая один на другой, как пузыри пляшущего кипятка, набегающие один на другой и лопающиеся на поверхности.

В таком бессмысленном тоне допрос продолжался долго, а я гадал, чего нам теперь ждать: посадят или в штрафбат? Не иначе как компетентные органы, воспитанные в духе высокой

бдительности, сумели вычислить наше в высшей степени подозрительное отсутствие. Конечно, мы побывали у фашистов и завербованные вернулись, чтобы стать шпионами-диверсантами.

Отдан приказ о пропаже без вести или сдаче в плен группы летчиков 519 иап, – все тем же скрипучим голосом подвел итоги строгий офицер.

– В полк назначен другой командир. А вам все равно придется сказать правду. С вами же, Мурга, разговор будет особый, вот так. – Вид у офицера был неприступный, скрипучий голос – неумолимо суровый, не возразишь.

Дальше было не легче. Офицера смерш сменил штурман дивизии, и потому, как прятал он взгляд, занявшись своим планшетом, я понял сразу: ничего хорошего не будет.

– Чертите на память район полетов, – буркнул штурман, достав из планшета и раздав каждому по чистому листу бумаги. – Что с вами делать, блудежники?

Потом собрал листы, просмотрел и взгляд опять мимо:

– Всем двойки...

Летчики обезоруженно смотрели на своего командира. Увы, таково было время, и никуда от этого не уйти. Потом уже в разведке, да и в мирной жизни еще и еще раз я убеждался, как страшна эта психология недоверия, подозрительности, как калечит она людей – и военных, и штатских...

Но вернемся в лето сорок третьего. Перед нами открывался удивительный чудесный мир – мир воздушной разведки со своими обычаями, традициями и конфликтами. Чужому равнодушному взгляду он не откроется.

Февраль 2005 года

Продолжение в следующих томах

*В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь студентка **Вершинина Наталия Андреевна**, студентка 5-го курса, социологического факультета Московского государственного университета им М. В. Ломоносова*

Кузьмин Виктор Васильевич

Это был мой первый опыт наводчика

Я родился 10 сентября 1926 года в деревне Локотня, Звенигородского района, Московской области. По национальности – русский. Вероисповедание - православно-христианское. В годы войны состоял в комсомоле. После войны - в коммунистической партии.

В 1941 году окончил 7 классов Можайской средней школы.

22 июня 1941 года, будучи подростком, узнал о войне. По радио прозвучал голос диктора и оповестил о начале наступления немецко-фашистских захватчиков.

Со 2-го марта 1942 года по 9 апреля 1943 года в населенном пункте Марфин-Брод дислоцировалась сорок вторая подвижная авторемонтная база Западного фронта, которая входила в состав действующей пятой армии. Мы, юноши, были зачислены на работу в качестве вольнонаемного состава. Занимались ремонтом техники, прибывшей с западного фронта. 13 ноября 1943 года я был призван Можайским военкоматом в армию и направлен в курсантскую школу сержантского состава на станции Покров Орехово-зуевского района в шестнадцатый учебный полк первой Московской Сталинской бригады и зачислен в третий минометный батальон, в качестве минометчика.

В апреле 1944 года мне было присвоено звание младшего

сержанта, и я был направлен в Смоленскую область в формировочный пункт «Красный бор», откуда в том же месяце был направлен на Западный третий Белорусский фронт под Витебск в действующую армию. Таким образом, я начал войну в воинском звании младшего сержанта в составе семнадцатой гвардейской Краснознаменной Духовщинской стрелковой дивизии, сорок восьмой гвардейский стрелковый полк, третий батальон. Командиром дивизии был Квашин. Командир батальона - Сметанин.

Мой боевой путь был пройден от Витебска до Кенигсберга: вначале в составе четыреста семьдесят восьмого гвардейского стрелкового полка, входившего в состав семнадцатой гвардейской Краснознаменной Духовщинской стрелковой дивизии в качестве наводчика 82-миллиметрового миномета, затем, после чуть более месячного пребывания в медсанбате, по случаю осколочного ранения в голову, в составе 47 отдельной истребительной противотанковой артиллерийской бригады резерва Главного Командования, 478-го истребительного противотанкового полка, в звании гвардии младшего сержанта, затем сержанта в качестве замкового, далее заряжающего, наводчика, командира 57-миллиметрового орудия. На таком большом пути было много боев в различных населенных пунктах, название многих по прошествии шестидесяти лет уже трудно вспомнить, а многие отложились в памяти навсегда. Принимал участие в штурме городов: Ангенбург, Мельзак, Инстинбург, Кенингсберг, участвовал в освобождении города Витебска, Вильно, Каунаса.

С октября 1944 года, до окончания войны, 478-ой ИПТАБ лишь однажды отводился на три дня в прифронтовую полосу для санитарной обработки. Все остальное время – непосредственно на передовой, на прямой наводке, на самых ответственных участках фронта (оборона, прорыв, штурм, наступление, уничтожение танков, укреплений, огневых точек и живой силы противника).

Военные боевые действия на Западе закончил четвертым орудием, в городе Кенигсберге (ныне Калининград) в составе сорок седьмой отдельной истребительной противотанковой артиллерийской бригады резерва главнокомандования, четыреста семьдесят восьмого истребительного противотанкового полка, в звании гвардии старшего сержанта под командовани-

ем командира бригады Маргулиса. На счету расчета четыре танка и два «фердинанда», не считая огневых точек и живой силы противника. (Достоверность изложенных мной фактов могут подтвердить архивные данные 47-й ОИПТАБР и в частности 478–го ИПТАБ, четвертого расчета третьей батареи).

В начале июня 1945 года нас подняли по тревоге, погрузили на платформы в полной боевой готовности (т.е. с военной техникой) и отправили на Восток, на Маньчжурскую границу, путь в переброске по времени занял два месяца. Там наша часть приняла участие в боевых действиях против Квантунской армии.

В ноябре 1946 года вышел указ о демобилизации, однако нас, прошедших боевое горнило, временно задержали, так как мы имели большой боевой опыт. К тому времени на границе еще было не совсем спокойно. Службу продолжал в городах Чайбалсан (Монголия), Чита, Улан-Удэ, затем я был направлен в 94-ю стрелковую Краснознаменную дивизию, которая располагалась в городе Сретенск, и лишь в ноябре 1950 года демобилизовался.

Я прибыл в город Можайск 23 ноября 1950 года. Поступил на работу на Медико-инструментальный завод по специальности токарь по металлу.

Мои запомнившиеся эпизоды войны.

В начале марта 1945 года в восточной Пруссии, одна из русских передовых частей, которая вела наступление, оказалась в полном окружении и несла большие потери.

В течение дня данной части оказывалась артиллерийская поддержка, в том числе гвардейскими установками «Катюша». Однако сложившаяся обстановка к концу дня становилась критической и не позволяла не только продолжать наступление, но и удерживаться на занятом рубеже. Единственной возможностью сообщения с обороняющимися являлся образовавшийся «коридор» шириной 500-600 метров, который в дневное время подвергался минометному и стрелковому обстрелу. Нашей третьей батарее, четыреста семьдесят восьмого истребительного противотанкового полка, была поставлена задача – пробиться на плацдарм обороняющихся и вместе с ними удерживать занятые позиции, а на случай появления танков их уничтожение. Было приказано держаться до последнего патрона, до тех пор, пока не прибудет подкрепление. Об-

ратного пути нет!

С наступлением темноты, соблюдая предельную осторожность, с выключенными фарами мы приблизились на студебекерах (грузовой автомобиль, перевозивший орудие) к плацдарму обороняющихся. Противник, пытаясь засечь местоположение нашей части, постоянно отстреливал осветительные ракеты.

Отцепив орудия и разгрузив боекомплект снарядов, мы дождались пока студебекеры удаляться не вызвав обнаружения обратно в безопасное место, но один из водителей неосторожно нажал педаль газа и машина заревела в полуночной тишине, и в ту же минуту на нас обрушился шквальный огонь противника. Выждав время, когда огонь утих, мы, уложив на станины орудия по два ящика снарядов, с условием что за остальными вернемся позже, покатили 57-миллиметровые орудия на руках к указанному месту офицером – наводчиком из обороняющейся части. В течение ночи оборудовали огневые позиции с обеспечением кругового обстрела боковыми ровиками укрытия и маскировки, затем доставили оставшиеся боеприпасы от места высадки.

На рассвете мы увидели, что наши огневые позиции находятся на краю возвышенности, а у подножия оборудованы траншеи, с противоположной стороны, на склоне такой же возвышенности, с лесным массивом траншеи немцев. Нейтральная разделяющая полоса составляла всего 300-400 метров, С рассвета усилился обстрел траншеи, где находилась наша пехота. С нашей огневой позиции было видно, как в переднюю траншею немцев поступает пополнение. Командир взвода, лейтенант Обогрелов, пришедший к нам, объяснил, что возможно немцы готовятся к атаке. Вместе с командным составом пехоты было решено предупредить их планы. Сигналом к обстрелу позиций противника будет выстрел первого орудия.

После условного выстрела батарея открыла беглый огонь осколочными снарядами по переднему краю немцев. Наша пехота предприняла атаку, но шквальный огонь противника вынудил отойти на исходный рубеж. Мы снова из орудий принялись за «обработку» позиции немцев. В это время, с левого фланга, из под леска, незаметно для нас появился вражеский «Фердинанд» (в то время самая современная гусеничная бое-

вая машина) и повел прицельный огонь по нашей батареи, в результате чего вывел из строя первое орудие.

Развернув свое орудие (орудие №2) в сторону «Фердинанда» мы обнаружили, что брустверр (обвалование землей вокруг орудия в целях его маскировки и защиты) нашей огневой по вертикали не обеспечивает наведение ствола на цель, и «Фердинанд» оказывался в мертвой зоне. Попытка лопатами проделать нишу в брустверре из-за плотного стрелкового огня по нашему орудию оказалась невозможной. И тогда к нам пришла идея: мы откатили орудие назад, бронебойными снарядами пробили «окно» в брустверре и возвратили орудие в первоначальное положение. В это время «Фердинанд» повел огонь по нашей позиции, но ее расположение, как оказалось, было труднодоступной для него, так как мы находились на самой возвышенности, а «Фердинанд» - на склоне, мы все же в целях сохранения орудия откатили его и вследствие этого снаряды «Фердинанда» попадали либо в вершину возвышенности, либо выше щита нашего орудия.

Убедившись, что «Фердинанд» перевел огонь на левое крыло возвышенности, мы выкатили орудие из укрытия и прямой наводкой повели прицельный огонь. Я в это время был наводчиком. Первый снаряд попал в гусеницу и «Фердинанд» встал без движения. Вторая наводка, «Огонь!» и точно в башню. Это был мой первый опыт наводчика.

После этого в течение еще длительного времени расчеты батареи совместно с пехотой отбивали попытки немцев овладеть нашей линией обороны.

Во второй половине дня на стороне немцев усилился шум моторов, и слышались голоса немецкой речи. Связной от пехоты сообщил, что за линией немецкой обороны, за лесным массивом, выявлено массовое движение немцев. Выждав немного, мы обрушили шквальный огонь всей тяжелой артиллерии. Через некоторое время появилась наша штурмовая авиация, которая начала обстрел отступающих немцев с воздуха, а прибывшее пополнение без особых потерь смяло переднюю линию, оставленную для прикрытия отступающих. В этом бою мы сдержали наступление вражеских сил во много раз превосходившие нас, отстояли важный рубеж, дождались подкрепления и разгромили противника, а я уничтожил в качестве наводчика самую опасную боевую вражескую машину «Ферди-

нанд».

Встреча с командующим третьего Белорусского фронта генералом армии Черняховским

О бесстрашии командующего на фронте знали все бойцы. Он появлялся на самых сложных и ответственных участках, а иногда и непосредственно на передовой.

Наш четыреста семьдесят восьмой истребительный противотанковый полк, в составе сорок седьмой отдельной истребительной противотанковой артиллерийской бригады РГК принимал участие в штурме городов Ангенбург и Мельзак, за что я имею благодарности ставки Верховного Главного командования – за штурм Ангенбурга, приказ №235 от 25.01.45г. За штурм города Мельзак №282 от 17.02.45г. В одном из них, после его взятия, наши войска продолжали преследование отступающего противника. В городе нам было приказано отцепить орудия, которые транспортировались «студебекерами», оборудовать временные огневые позиции на случай контратаки немцев. Командование выехало на рекогносцировку местности. В это время в небе над нами появились вражеские мессершмидты и на бреющем полете начали обстрел прибывающих в город наших воинских частей. Мы укрылись в подъездах рядом стоящих домов. Вдруг мы услышали: «Черняховский, Черняховский!». Около нас на городской улице остановились четыре «виллиса», из трех поспешно вышли военные, которые образовали живую линию с интервалом 5 –7 метров, в сторону ближайшего дома. Затем появился сам командующий третьего Белорусского фронта генерал армии Черняховский и с ним двое военных. В это время мессеры вновь совершили налет и обстрел городских улиц, где было наибольшее скопление наших войск и техники.

Черняховский, увидев нас, громко сказал: «Что попрятались? Что бездействуете?» Один из бойцов произнес: «А что мы можем сделать?». На что Черняховский ответил: «Стреляйте изо всех видов личного оружия, не жалейте патронов, авось шальная и попадет!» Мы так и сделали. Конечно, подбить нам самолеты не удалось, и покружась еще немного в небе, они исчезли.

Вскоре поступила команда – прицепить орудия! И мы на-

правились за город под впечатлением встречи с главнокомандующим. На окраине мы начали оборудовать огневые позиции.

Тревожную весть о смертельном ранении генерала Черняховского мы узнали, находясь в боях в Восточной Пруссии.

Восточная Пруссия, февраль – март 1945 года

Из 478-го ИПТАП, четвертый расчет третьей батареи был выделен для поддержания штрафной роты, которой была поставлена задача – овладеть позицией немцев. В задачу расчета входило – подавление огневых точек, живой силы, а при вводе танков их уничтожение.

Утром, по сигналу атаки, укрываясь за щитом от шквального обстрела, мы выдвинули 57-миллиметровое орудие на прямую наводку. При выдвижении были ранены командир орудия и наводчик. Во время неоднократных атак, периодически укрывая орудие за рядом стоящих стогов сена, мы вели прямой наводкой огонь по пулеметным точкам и траншее немцев, которые находились на высоте на расстоянии 200 - 250 метров.

К исходу дня высота была взята. Через некоторое время, от правого склона высоты, на расстоянии 300-350 метров противник предпринял контратаку. Немцы шли в полный рост, в несколько рядов и вели огонь по отступающим бойцам штраф роты. К этому времени нас осталось двое (был убит замковый и тяжело ранен ящичный), вскоре подоспел командир взвода лейтенант Обогрелов с тремя бойцами из штрафроты, он сменил меня у прицела. Выделенные бойцы подносили снаряды, я заряжал, Обогрелов вел огонь. В результате прямого огня, цепи немцев были раздроблены на группы, а затем обратились в бегство. Пехота заняла оставленные немцами позиции. Мы продолжали вести беглый огонь по отступающим группам. В это время беглый немец повел прицельный минометный огонь на уничтожение нашего орудия. В последний момент мы с Обогреловым успели укрыться в снарядной воронке. Разорвавшаяся мина между станин вывела из строя наше орудие. До позднего вечера, пока не прибыло пополнение, мы с лейтенантом Обогреловым оставались на передней линии, я - с ручным пулеметом, он - с автоматом и вместе с бойцами штраф-

роты отбивали попытки немцев занять оставленные позиции. По прибытии в полк меня вызвали в штабную машину, поздравили с представлением к ордену «Красной Звезды», распорядились хорошо покормить и дать возможность отдохнуть. Лейтенант Обогрелов также был представлен к ордену «Красной Звезды».

Данный эпизод обсуждался и ставился как пример в других полках.

Наша батарея, после прорыва линии немцев в направлении Кенигсберга, снялась с позиции и последовала за ушедшей в наступление пехотой.

Въехав в лес (орудие возили студебекеры), мы встретились с массовым отступлением пехоты, которые объяснили, что в лесу, на противоположной стороне поляны, немцы большой силой окружили и уничтожают наших и сейчас появятся здесь.

Батарея спешно заняла позицию у кромки леса. Была команда – подготовить картечь и подпустить немцев как можно ближе. Без команды не стрелять. Вскоре появились немцы. Они шли большой массой по всей поляне и вели автоматный огонь по беспорядочно бегущим бойцам. Орудий наших они видеть не могли (опушка леса и маскировочные ветки). Укрываясь за щитом орудий, мы подпустили немцев на расстоянии не более 100 метров, и по команде, прямой наводкой, картечью открыли беглый огонь на их уничтожение. Не многим удалось вернуться с поляны на противоположную сторону леса. Пехота пошла в наступление. В это время со стороны немцев, на опушке, на расстоянии 300 – 350 метров появился «Фердинанд» и повел огонь по кромке леса, где была наша батарея. Снаряды, попадая в деревья, рвались сзади нас, нанося потери в расчетах батареи. Вторым снарядом нашего расчета «Фердинанд» был выведен из строя. За этот бой многие были представлены к наградам, в том числе я к медали «За отвагу».

Был награжден:

- Орденом Отечественной войны I степени №1199972 от 11 марта 1985 года.
- Медалью «За отвагу», №2222314, 1 мая 1945 года
- Медалью «За взятие Кенигсберга», в 1965 году
- Медалью «За победу над Германией в Великой Отечест-

венной войне 1841-1945 годов», 16 октября 1946 года указом и еще пятнадцатью послевоенными юбилейными медалями

За боевые действия в составе сорок седьмой отдельной истребительной противотанковой артиллерийской бригады резерва главнокомандования, четыреста семьдесят восьмого истребительного противотанкового полка отмечен шестью благодарностями Ставки Верховного главнокомандования,

Среди них:

- приказ №235 « За штурм города Ангенбурга» от 25 января 1945 года
- приказ №282 «За штурм города Мельзак» от 17 февраля 1945 года
- приказ №317 « За боевые действия юго-западнее города Кенигсберга» от 29 марта 1945 года.

За боевые действия в составе четыреста семьдесят восьмого истребительного противотанкового полка я представлялся к ордену Красной Звезды и два раза к медалям «За отвагу». Орден Красной Звезды и вторую медаль «За отвагу» по неизвестным причинам не получил до сего дня.

26 июня 1944 года при взятии города Витебска получил осколочное ранение в голову и был направлен в 383 Медсанбат.

Во время войны в декабре 1941 года без вести пропал брат отца – Кузьмин Николай Сергеевич, 1913 года рождения. Последнее письмо домой он написал из Бреста.

Прошли войну и остались живы мой отец – Кузьмин Василий Сергеевич, окончивший войну рядовым солдатом, награжден медалью «За победу над Германией» и брат – Кузьмин Михаил Васильевич, окончивший войну старшим сержантом, командиром минометного расчета, имеет два ордена Славы, орден Красной Звезды, два ордена Отечественной войны, две медали «За отвагу», медаль «За взятие Берлина».

Во время и после войны мною было написано много стихотворений, но особенно мне дороги стихи, написанные под впечатлением военных действий. Вот некоторые из них:

* * *

Фронт. Бои.
Бессонные ночи.
Траншея, грязь,
Идти нет мочи.

Крепись, боец,
Каждый твой шаг
Близит конец
Проклятой фашистской сволочи!
Граница, логово зверя иди!

Выше голову, свободы хранитель!
Там стонут народы - освободи!
Ты их спаситель.
Бей, коли, уничтожай,
Не жалей нечисть господских классов,
Убийц твоих матерей,
Детей носителей «высшей расы»!

1944 г.

* * *

Взорвалась тишина утра,
Раздались залпы громовые,
И с дружным возгласом: «У–рр-аа!!»
Поднялись цепи боевые.
Подобно раскаленной лаве
Блестит на солнце сталь штыков;
Слились сердца в едином сплаве,
В порыве гнева на врагов. . . . . .
Что может быть сильнее воли,
Сильней любви к своей Отчизне,
Где для народов светят зори
Грядущей жизни коммунизма.
Не тот фашист, что был когда-то,
И для него война « Nicht gut »
Лопочат пленные солдаты:
«Гитлер капут, Гитлер капут!»

1944 г.

Память

Мы перешли границу прусскую,
Пусть знает враг, что силу русскую
Нет в мире силы победить!
Вперед, друзья, крепи удар
Во имя Родины любимой.
Трепещет враг, его земля
Ему послужит и могилой!
И не далек тот день, тот час.
Когда сплоченные народы
Водрузят Знамя над Берлином,
Знамя Победы и свободы!
Мы перешли границу прусскую,
Пусть знает враг, что силу русскую
Нет в мире силы победить!
1944 г.

* * *

Сечет проклятый пулемет
Разрывы мин кромсают плато.
Прижат к земле гвардейский взвод
И в нем Можайские ребята.

Река Лучоса. За рекой
Идет на Витебск наступленье.
Свой первый бой, жестокий бой
Ведет ребячье пополненье.

И в день весенний, каждый год,
Победы отмечая дату
Я там, где наш гвардейский взвод,
Где бьет проклятый пулемет,
Где спят Можайские ребята.

Можно многое рассказать о войне нашим сыновьям и внукам о тех страшных минутах, когда мы смотрели смерти в лицо, когда на глазах гибли товарищи, с которыми только недав-

но мы ели из одного котелка и мечтали о победе. Скажу в стихах:

Незабываемое

Рвутся о мерзлую землю снаряды,
Сея вокруг беспощадную смерть.
Помню, как друг, что бежал со мной рядом,
Крикнул. Я крик этот помню теперь.

Грудь развернулась. Смертельная рана.
В страхе глаза повело из орбит.
Я не ослышался, он крикнул – «Мама?!»
Разве могу я об этом забыть.

1945 г.

На смерть командира орудия Варлова

Прощай, дорогой наш товарищ,
Прощай командир боевой.
Теперь уже близко Победа,
А мы расстаемся с тобой.
Тебя с нами больше не стало,
И сердце не бьется твое,
Не скажешь ты больше: «По танку!»,
Командное слово свое.
Мы в жизни тебя не забудем,
И путь твой начатый пройдем,
Тому же, кто жизнь твою отнял,
Клянемся, что мы отомстим.
Прощай, дорогой наш товарищ,
Прощай, командир боевой.
За жизнь твою, Родину нашу
Идем на решительный бой.

Февраль 1945 г.

На фронте, сидя в окопе, в свои неполные девятнадцать лет, мне вдруг стало так страшно, и тогда мне пришли в голову строки, которые я помню всегда и хочу ими поделиться:

Когда я на фронте со смертью встречался,
На грани погибели был,
Я к Господу Богу в душе обращался:
«Спаси, я еще не любил».
Мечта о любимой, еще не известной,
Прошли через пламя и дым,
Поныне обязан той силе небесной
За то, что остался живым.

1945 г.

Многие стихи из фронтового блокнота. Они были написаны в минуты затишья на фронте. Я хорошо понимаю, что они имеют определенные недостатки, которые я мог бы теперь исправить, но не делаю этого, чтобы сохранить память первозданного их рождения.

Март 2003 года

*В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Антонов Сергей Евгеньевич**, студент 5 курса Московского Энергетического Института*

Лилин Анатолий Васильевич

Война живет в воспоминаньях

Родился 18 сентября 1922 года. Русский. Член КПСС.

Мое детство прошло в небольшом городке Опочка. После окончания в 1939 г. средней школы я сдал экзамены в Ленинградский авиационный институт (на Средней Рогатке). Проучился в институте всего лишь месяц. Затем вышел приказ маршала Тимошенко о мобилизации парней моего возраста в армию. Так я сменил студенческую аудиторию на казарму.

Первые два месяца службы провел в артиллерийском полку г. Краснодара. Затем командование, видимо, учитывая мою учебу в авиационном институте, направило меня во вновь формируемую лётную школу штурманов в г. Грозном. Время учебы пролетело незаметно. Мы ждали, что по окончании училища всем выпускникам будут присвоены звания лейтенантов. Уже всем была пошита парадная и повседневная форма, собраны чемоданы с бельём, но я опять «попал» под второй приказ маршала Тимошенко, и выпустили нас сержантами в курсантском обмундировании. Много было недовольства, но приказ есть приказ. До начала войны оставались считанные месяцы. Я был направлен в 58 Краснознамённый бомбардировочный авиационный полк, находящийся в г. Старая Русса. Свою службу в полку я начал с должности штурмана.

О начале войны мы узнали уже утром 22 июня 1941. Наш полк на следующий же день принял участие в боевых действиях.

Первое время основными целями для полка было бомбометание по танковым и моторизованным колоннам противника, двигающимся из Прибалтики в направлении на Ленинград. Летали, в основном, без истребительного прикрытия и ввиду скоротечно меняющейся обстановки ни на одном из аэродромов базирования долго не оставались. Например, полк до 05.07.41 базировался на аэродроме Старая Русса, а далее с 05.07.41 по 20.09.41 полку пришлось воевать поочередно с аэродромов Новоселицы, Сиверская, Лезье, Городея, Переходы, опять Лезье, Сорожа.

В конце лета 1941 г. на аэродроме Сорожа "подсчитали", что в полку, за эти два с небольшим месяца, из 52 самолётов осталось около десятка. Командованием было принято решение сдать оставшиеся самолёты полка другим частям, а полку 20.09.41 убыть в г. Энгельс на переучивание на самолёты Пе-2. Нас, молодое пополнение полка оставили на фронте и перевели в 514 бомбардировочный полк. Тогда, в самом начале войны, мы еще не знали, что впереди долгих 4 года сражений, гибель близких - мой брат погиб в боях на Курской дуге, а отец из 17 месяцев на фронте 13 провел в госпитале из-за ранений.

22 марта 1942 г. 58 бомбардировочный полк после пополнения, переучивания и получения новой материальной части вновь прибыл на Северо-западный фронт в состав 6 Воздушной армии на аэродром Хотилово, а 514 полк был направлен в тыл на переформирование. Лётный состав был передан в 58 бомбардировочный полк. Так мы вновь попали в свой родной полк.

В 1942 г. полк на Северо-Западном фронте был практически единственным полком дневных бомбардировщиков на самолетах Пе-2 . Командовал полком Герой Советского Союза майор Серебряков.

Первые несколько вылетов на Пе-2 я совершил с лётчиком капитаном Белугиным, а затем начал летать с лётчиками Юферовым и Веселковым. Стрелком радистом в экипаже был старшина Алтухов. Больше всего полк в течение 1942 г. действовал по объектам переднего края обороны противника, переправам в районе Рамушево и Кобылкино, аэродромам в районе окружённой 16 Армии противника - Глебовщина, Пески, Хони. Руководящий штурманский состав был отлично подготовлен, а такие ведущие штурманы как Смус, Волков, Любченко и Устинов были мастерами высокого класса. Полк за большинство своих эффективных боевых вылетов удостаивался благодарностей командования

фронта или воздушной армии.

Фашистское командование придавало огромное значение Демьянскому плацдарму, называя его «пистолетом, приставленным к сердцу России». Плацдарм занимал территорию от Старой Руссы до озера Селигер. Вклинившись в оборону наших войск, он создавал угрозу соединениям, как Северо-Западного, так и флангам Калининского и Волховского фронтов. С целью организации непрерывного снабжения окружённой группировки, немецкое командование в районах Рамушево и Кобылкино всё время поддерживало переправы, по которым и производилось пополнение. Образовался как бы коридор, связывающий 16-ю Армию фон Буша с остальными войсками фронта. Ширина его иногда достигала 6,5 - 8 км, временами он простреливался пулемётным огнём с обеих сторон, а иногда и вовсе перекрывался. Неизвестная досель никому деревушка Рамушево на берегу небольшой речки Ловать стала практически центром противоборства значительных масс войск с обеих сторон.

Сложные погодные условия (низкая облачность, сильная дымка, временами сплошные полосы дождя или снега) первой половины года вынуждали наносить удары небольшими группами по 3-5 самолётов, реже девятками Пе-2. Нанесение ударов по переднему краю обороны противника, огневым позициям и скоплениям резервов требовало от ведущих групп чёткого разграничения целей между звеньями, а иногда даже между отдельными самолётами. Высокие результаты бомбометания мы получали очень часто. Например, особенно удачными в мае месяце были удары по уничтожению живой силы и огневых средств на переднем крае обороны противника в районах: Никольское, Большие Роги, Туганово, у деревни Пеньково 1, 2, 12, 20 и 23 числа, когда всему лётному составу, участвовавшему в боевых вылетах, объявлялись благодарности либо от командующего Северо-западного фронта, либо от командования 6-ой воздушной армии. В общем, за апрель и май 1942 года полком было совершено 212 боевых вылетов. Нам, молодёжи, редко давали возможность бомбить самостоятельно. Например, мне в этот период только три раза пришлось выполнять самостоятельные полёты на разведку базирования авиации противника на аэродромах Сольцы, Рельбицы, Гривочки и Дно. Все полёты были удачными, так как выполнял их с высококлассным лётчиком капитаном Белугиным Виктором Павловичем.

С конца мая 1942 г., когда боевые действия наших войск по ликвидации Рамушевского коридора не дали желаемых результатов, противник предпринял всё, чтобы сохранить жизненно важный для него коридор: усилил снабжение окружённой группировки с помощью транспортных самолетов Ю-52. Полёты Ю-52 проходили, как правило, в период плохой погоды на высотах 50-300 м по коридору группами от 15 до 40-45 самолетов.

В период июнь-июль полк практически имел одну задачу: уничтожение транспортной авиации противника на аэродромах Демьянского котла. Как правило, полеты проводились группами по 5-6 самолетов Пе-2 под прикрытием истребителей типа Лагг-3 и Як-1. Вылет производился по команде с КП воздушной армии, которому посты ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения и связи), расположенные в районе Рамушевской переправы, сообщали о пролёте того или иного количества самолётов Ю-52. Экипажи полка, подготовленные для выполнения поставленной задачи, располагались либо у самолётов или в берёзовой рощице у КП полка.

Вопросы взаимодействия с истребителями были отработаны заранее, в качестве целей давались аэродромы, на которые приземлялись самолёты противника. Бомбометание производилось с высот 1500-2500 м. Для подавления огня зенитной артиллерии отдельным экипажам давались задания выходить из строя и самостоятельно наносить удары по зенитным батареям врага. Только за короткий промежуток времени (июнь и начало июля) полком было уничтожено на аэродромах Демьянской группировки 69 Ю-52, повреждено более 40 транспортных самолётов и до десятка истребителей. Но и полк нёс потери, как от зенитной артиллерии прикрытия, так и от атак истребителей противника. Поэтому подбитые самолёты старались дотянуть до ближайшего аэродрома истребителей - Крестцы. Недаром в полку была в ходу поговорка: «Далека ты путь дорога с Глебовщины до Крестцов». Ну, а кто не дотягивал до аэродрома, тому приходилось идти на вынужденную посадку на болота, так как сухого места в этом районе не было.

В октябре 1942 г. погода резко ухудшилась, чаще стали проходить моросящие дожди при 10-бальной облачности и высоте нижней кромке облаков 300-400м. Командующим 6 воздушной армии была поставлена задача: создать группу лётчиков-охотников с отличной техникой пилотирования, летающих в

сложных погодных условиях с целью поиска и уничтожения на перегонах железной дороги ст. Русса, Дно, Псков эшелонов и в первую очередь паровозов. При обнаружении колонн автомашин и другой техники действовать и по ним. За период с 14 по 29 октября экипажами полка было совершено более 30 таких вылетов. Например, 14 октября экипаж майора Свинина, обнаружив на участке Лозницы, Карпове колонну из 20 автомашин с грузом, с высоты 450 м тремя заходами бомбардировал и обстрелял колонну. Результат: по наблюдениям экипажа уничтожено 5 автомашин и несколько повреждено. В этот же день экипаж майора Ф.И. Лях, обнаружив западнее ж.д. станции Взгляды железнодорожный эшелон из 30 вагонов, с пяти заходов и обстрелом из пулемётов уничтожил паровоз и 3 вагона. Мне в экипаже капитана Белугина тоже пришлось принять участие в одном из таких вылетов. 16 октября, не пробившись из-за низкой облачности в район железной дороги, мы приняли решение бомбардировать колонну автомашин на дороге, в районе Кривая Часовня - Старый Брод. Бомбы легли вдоль колонны. Результат: уничтожено 3, повреждено 5 автомашин.

При малейшем улучшении погодных условий полк переключался на оказание помощи наземным войскам, действуя группами. Например, 29 октября девятка Пе-2, составленная из самолётов нашего и соседнего полка (5 самолётов от 58 полка и 4 от 72 полка) под руководством подполковника И.П. Скок с высоты 1500 м в районе деревни Иловка уничтожила две артиллерийские батареи противника. Не встретив над целью противодействия истребителей и зенитной артиллерии врага, группа встала в круг с прицельным бомбометанием и обстрелом целей каждым экипажем в отдельности, держала противника под воздействием почти 30 минут. Мне в составе экипажа А. Веселкова тоже пришлось принять участие в этом вылете.

Результаты боевых действий получили высокую оценку командования 6 ВА и наземных войск.

Зима 1942-43 гг. рано вступила в свои права. Все больше дней с низкой облачностью, снежными заносами и плохой видимостью. Всё чаще в боевых вылетах принимали участие только экипажи охотников. В январе-феврале 1943 г. противник в Демьянском котле, почувствовав угрозу двойного окружения, под ударами наших войск начал поспешное отступление на запад. Этому способствовала и плохая погода. За три дня - 10-12 февра-

ля, что стояла нелётная погода, немцы успели выйти из Демьянского мешка, хотя этот «выход» стоил врагу больших потерь в живой силе и технике. За 8 дней боёв наши войска, неотступно преследуя врага, освободили 302 населённых пункта, в том числе город Демьянск, районные центры Лычково, Залучье. Было захвачено в плен более 3000 солдат и офицеров. Только от действий авиации в районе Демьянска гитлеровцы потеряли 345 самолётов, 1131 автомашин, 807 артиллерийских орудий, 136 различных складов. Недаром немцы называли Демьянский плацдарм «Верденом второй мировой войны».

После ликвидации демьянской группировки полк продолжал действовать в интересах наземных войск и участвовать в операции по уничтожению авиационной группировки на аэродромах Сольцы, Рельбицы, Дно, Гривочки. В один из таких вылетов осколком зенитного снаряда был тяжело ранен в голову наш друг и приятель лётчик младший лейтенант В.В. Сизов. Несмотря на то, что кровь заливала ему глаза, мужественный лётчик не свернул с боевого курса. Превозмогая боль, он вместе со своей группой точно вышел на цель, а штурман М.И. Потапов, точно прицелившись, метко поразил заданную цель. После бомбометания лётчик нашёл в себе достаточно сил, чтобы довести самолёт до своего аэродрома и с помощью штурмана благополучно произвести посадку. За проявленное мужество при выполнении боевого задания, спасение экипажа и самолёта, лётчик В.В. Сизов был награждён орденом Красное Знамя, а штурману предоставлен краткосрочный отпуск с поездкой на Родину.

К марту 1943 года я и несколько человек лётного состава совершили более 50 боевых вылетов. Ранее написанные представления о награждении видимо где-то затерялись в штабах и не были реализованы. Поэтому командир полка И.П. Скок принял решение, пользуясь своим правом, наградить нас медалью «За Отвагу». И вот, 2 марта 1943 года, меня, лётчиков Юферова, Веселкова, Калино и штурманов Артюха и Зарубу вызвали на КП полка, где и были вручены эти медали. Одновременно всем нам, а нас в полку называли «карьеристами» за то, что мы, прибыв в полк сержантами, «сумели» дослужиться до воинского звания «старшина», командиром были вручены только что введённые новенькие погоны со званием «младший лейтенант». Так мы получили первые офицерские звания.

К концу августа, с окончанием боевых действий в районе

Старая Русса полк перелетел на аэродром Сменово, где занялся лётной подготовкой вновь прибывших экипажей и совершенствованием тренировочных полётов звеньями и эскадрильями, бомбометанием с пикирования. Полк к концу августа имел уже 34 самолёта Пе-2 и 24 экипажа, окончивших боевое применение. Было сформировано три полных эскадрильи и одна резервная.

5 октября 1943 г. полк вновь перебазируется на аэродром Макарово, где продолжает совершенствоваться в учебных полётах, используя прекрасные условия учебного полигона.

Прорыв блокады Ленинграда в январе 1943 года, боевые действия советских войск на других стратегических направлениях, временно приостановили наступательные действия Северо-западного фронта, а 20 ноября 1943 года фронт был расформирован, а наш полк был передан в состав 276 бомбардировочной дивизии 13 воздушной армии, действующей на Ленинградском фронте. Полк начал готовиться к перелёту в район, где начинал свои боевые вылеты с начала Великой Отечественной войны 1941 года. Готовилась материальная часть, проходило обучение вновь прибывшего личного состава.

На митинге, посвящённом итогам боевой работы полка на СЗФ с апреля 1942 по конец 1943 г., отмечена эффективность боевой деятельности полка. В воздушных боях было сбито 26 самолётов противника, уничтожено на земле - 133, уничтожено танков - 14, автомашин с живой силой и грузами - 195, автоцистерн с горючим - 12, артиллерийских орудий - 70, зенитных - 23, складов с боеприпасами – 51, с горючим - 14, разрушено дзотов и блиндажей - 90, разрушены переправы, ж.д. мосты и ж.д. пути. Полком совершено 1326 боевых вылетов. Полк потерял 15 Пе-2, десятки самолётов из-за различных повреждений в воздушных боях оказались на вынужденных посадках и восстанавливались силами инженерно-технического состава. 216 раз награждались орденами и медалями воины полка, некоторые из них дважды и трижды.

В декабре месяце, после укомплектования полка боеготовыми экипажами, несмотря на сложные метеоусловия, он перелетел на аэродром Шум, а нас 8 экипажей в тот же день самолётами Ли-2 доставили обратно на аэродром Макарово с тем, чтобы забрать и перегнать оставшиеся самолёты. Но погода была нелетной, и нам пришлось сидеть на аэродроме: ждать более подходящих метеоусловий. Новый 1944 год отмечали в Макарове, а на

4 января экипажем договорились, после облёта самолёта, пойти самостоятельно на аэродром Шум. Об этом мы никому не сообщали (даже техсостав не знал). После взлёта и облёта самолёта прошли над стартом и легли на курс по маршруту: Выползово, Бокситогорск, Тихвин, Волхов, Шум. После отхода от Выползово, погода резко ухудшилась, пошёл снег, видимость уменьшилась до 200-300 м, а так как лётчик Ершов еще плохо летал в сложных условиях (в облаках), то пришлось идти на бреющем полёте, ориентируясь по макушкам деревьев. Вот здесь и пригодилось лётное мастерство Ершова. Прилетели мы на аэродром Шум около 16.00. Командир полка майор Аниськин сначала накричал на нас, хотел посадить на гауптвахту, а потом махнул рукой и сказал: «Ладно, летайте». Так мы сразу же на второй день включились в боевую работу по нанесению удара по орудиям дальнобойной артиллерии в районе Гатчины в группе капитана Жукова. Удар был успешным, орудия были выведены из строя.

С начала боевых действий по снятию блокады с г. Ленинграда 14 января 1944 г. из-за неблагоприятных метеоусловий полк не летал. Только на второй день двумя группами, ведомыми ст. лейтенантом Струенковым и капитаном Жуковым, были нанесены удары по позициям дальнобойной артиллерии в 10-15 км юго-западнее г. Пушкина и артиллерийским батареям северо-восточнее г. Пушкина. Фотоконтроль результатов ударов показал, что дальнобойное орудие сильно повреждено и к дальнейшей стрельбе не пригодно, а батареи артиллерии замолчали. Одновременно с бомбометанием производился и обстрел из крупнокалиберных пулемётов стрелками радистами огневых позиций врага. Кроме того, наиболее опытные экипажи полка, несмотря на плохую погоду, наносили удары по выдвигающимся колоннам противника, помогая наземным войскам.

17 января по заданию командования фронта вылетели на разведку экипажи Сырчина, Салтыкова, Ершова и мы с Веселковым с задачей выявления движения противника из районов Пскова, Новгорода и Нарвы в направлении Пушкина, Гатчины и Ропшы. Кроме того, в течение дня полк группами по 5-7 самолётов трижды совершали бомбометание по стреляющим артиллерийским батареям в районе Ропши и Софии (район г. Пушкин).

В течение 17-26 января экипажи полка в сложных метеоусловиях группами по 2-3, а иногда и одиночными самолётами, выполняли боевые задания по разрушению многоэшелонирован-

ной обороны врага в районах Красное Село, Ропша; бомбили живую силу и технику врага в районе городов Пушкин и Гатчина, уничтожали артиллерийско-минометные позиции в районах Копорье и Высоцкое, действовали по колоннам танков, автомашин, осуществляющих перевозки по дорогам Гатчина - Вырица. Фронт всё больше отдалялся от Ленинграда, уже 20 января были взяты Красное Село и Ропша, 24 января освобождён г. Пушкин и шли бои за овладение г. Гатчины. Ежедневно 5-6 групп полка по два вылета совершали на боевые позиции немцев в районе Гатчины. Наземные войска стрельбой из ракетниц указывали объекты, по которым необходимо было наносить удары.

Хотелось бы отметить подвиг капитана Кнышенко. Экипаж Кнышенко в составе звена капитана Жукова в 14.20 25.01. вылетел на бомбометание объектов в районе Вольстово и Колгано, что южнее 5 км г. Гатчины. Звено отлично выполнило поставленную задачу, но после бомбового удара было атаковано шестью ФВ-190. Лётчик Кнышенко, довернув чуть вправо и вверх, повёл свой самолёт в лобовую атаку двух ФВ-190. Истребители не ожидали этого и стали разворачиваться для атаки сзади. Кнышенко резко давит на правую педаль и со снижением уходит под истребитель. Штурман Бруев при проходе под истребителем, сбивает его, но и сам другим самолётом был ранен. Самолёт загорелся. Штурман Бруев упал и на некоторые доли секунды потерял сознание. Очнувшись и почувствовав боль, провёл рукой по лицу, но левый глаз, повреждённый осколком снаряда, ничего не видел. Застонав, он с неистовой злобой сдавил ручки пулемёта и дал длинную очередь по атакующему истребителю. Новый удар разорвавшегося над фюзеляжем снаряда опрокинул штурмана Бруева на спину. Он не понимал, что с ним произошло. Лётчик Кнышенко, обернувшись к штурману, увидел под верхней губой белевшую раздробленную кость. Бруев, услышав звуки стрельбы немецких пулемётов, вновь поднялся и, навалившись на пулемёт, вновь начал стрелять. В это время серия разрывных пуль отсекла ему кисть левой руки. Мёртвые пальцы повисли на обрывках кожи. Несмотря на боль, он продолжал ловить в прицел атакующий мессер. Раздалась длинная очередь. Отвернувший в сторону истребитель врага вспыхнул и пошёл к земле клубком красного дымного пламени. Бруев еле слышно произнёс: «Сбил гада» и упал без сознания. Самолёт горел. Языки пламени подбирались уже к пилотской кабине. Кнышенко,

видя состояние штурмана, свалил самолёт на крыло, надеясь сбить пламя. Это не удалось. Тогда он посадил самолёт на живот в болото у деревни Месделево, что в 15 км северо-восточнее Гатчины. Сбросив фонарь с кабины, Кнышенко вместе со стрелком-радистом Покутным вытащили из самолёта без сознания штурмана Бруева, едва отбежали от пылающей машины метров на 50, как раздался сильный взрыв. Тяжело раненого штурмана Бруева они оставили в полевом госпитале, а сами 28 января добрались до своего аэродрома, где и рассказали подробно всю эту историю.

Февральская погода у берегов Финского залива не радовала экипажи. 2 февраля утром на разведку погоды и аэродрома Раквере, вылетел экипаж, в составе штурмана Якунина, стрелка-радиста Мурыхина и командира экипажа Юферова. Экипаж передал данные о погоде по маршруту, сфотографировал аэродром и уже лег на обратный курс, когда был атакован 4 истребителями ФВ-190. Во время первой же атаки был убит стрелок-радист Мурыхин. Летчик намеривался бросить самолет в облачность, но ему наперерез уже шли в лобовую атаку 2 истребителя. Не долго думая, Г.С. Юферов пошел им навстречу, ведя огонь из передних пулеметов. Истребители, не ожидавшие таких смелых действий от бомбардировщика, попытались отвернуть. Один попытался уйти вверх, но его настигли пулеметные очереди Юферова и он, объятый пламенем, понесся к земле. На своем пути он задел переднюю кабину бомбардировщика и второй истребитель, который пытался уйти под него. Все три самолета с огромной скоростью понеслись к земле, в болото, которое и стало братской могилой для их экипажей. Этот бой проходил в районе деревни Тура, жители которой были свидетелями этого боя.

В этот же день экипажами лейтенанта Т.Калино (штурман К.Богомяков, стрелок-радист М.Коротков) и Ершова проводилось бомбардирование механизированной колонны противника. Экипаж Калино всегда отличался бесстрашием и хладнокровием, отличным выполнением поставленных задач, но 2 февраля полностью выполнить свое задание экипажу не удалось. Обнаружив колонну, экипажи Калино и Ершова сходу подвергли ее атаке. При очередном заходе на цель самолет Калино был подожжен зенитным огнем. Огонь быстро распространился по самолету, но экипаж не прервал выполнение задания, повторно зашел на цель и сбросил бомбы. Самолет пылал как факел, и уже не было ника-

кой возможности вывести самолет на безопасное расстояние для вынужденной посадки. Тогда экипажем было принято героическое решение: на глазах у своего боевого товарища Миши Ершова Толя Калино направил пылающий ПЕ-2 в центр немецкой колонны. Раздался оглушительный взрыв, за которым последовала ударная волна такой силы, что самолет Ершова был вынужден резко уйти в сторону. Под обломками бомбардировщика нашли гибель десятки танков, машин, ну а, сколько гитлеровских вояк было уничтожено - трудно сказать. Родина не могла оставить незамеченным этот героический поступок - все члены экипажа были посмертно награждены орденами Отечественной войны 1-й степени. Мы же будим помнить их всегда.

В красноармейской газете "Боевая тревога" от 4 февраля 1944 г. была опубликована статья "Подвиг трех", которая заканчивалась словами: "Никогда не забудет народ подвиг Анатолия Калино и его боевых друзей Константина Богомякова и Исмаила Абдуллаева. Их светлые имена вечно будут сиять, как символ величия и чести наших воздушных воинов", а фронтовой поэт Михаил Дудин посвятил их подвигу стихотворение "Героев гордые сердца".

Почти в это же время я, в составе экипажа А.Веселкова, вылетел в тот же район в группе капитана Жукова. Из-за сложных метеоусловий (низкая облачность 100-150м) группа, при подходе к району цели, рассредоточилась. Мой экипаж, в паре с экипажем Перфильева, стал искать объект для удара. У станции Солдина мы обнаружили ж.д. эшелон, перевозивший танки. Высота полета была такова, что можно было различить погоны солдат, сидящих на платформе. Море огня бушевало вокруг самолетов, но, несмотря на это в 10.40 по московскому времени мы произвели бомбометание. После сброса бомб, несмотря на противодействие зениток, мы сделали заход для обстрела врага из пулеметов. В этот день мы задали работу техническому составу: в моем самолете насчитали 18 пробоин от осколков и 2 сквозные пробоины от прямого попадания зенитной артиллерии.

9 февраля нашему экипажу (Веселков, Лилин, Савчук) была поставлена задача провести разведку на маршруте Луга - Псков. Во время выполнения задания мы обнаружили у ж.д. станции Струги Красные эшелон с техникой, и, несмотря на сильнейший огонь зенитных орудий, расположенных на платформах, атаковали его. В течение нескольких заходов мы обездвижили состав

(уничтожили паровоз). Одновременно с атаками на эшелон мы пытались уничтожить транспортный самолет Ю-52, который неожиданно "вывалился" из облаков, но он стал кружить вокруг состава под прикрытием зенитных орудий. Получив изрядное количество пробоин и, так и не уничтожив Ю-52, мы передали на КП данные разведки, вызвали штурмовики, которые довели уничтожение эшелона до логического конца, легли на курс к аэродрому.

Но не всегда мне везло. Обычно на разведку я летал с летчиками Селенным, Веселковым, Ершовым. Стрелком-радистом, почти всегда, со мной летал Н.В.Савчук. 7 марта экипажу, состоящему из меня, Селина и Савчука была поставлена задача: провести разведку аэродромов Тапа-Тарту-Кресты с целью обнаружения и последующего уничтожения самолетов противника. Погода в районе разведки была облачная, причем восточная граница облачности проходила по западному берегу Чудского и Псковского озер, а на востоке было безоблачно. Аэродром Тапа мы сфотографировали с высоты 8000м. Нам на перехват были подняты истребители, но мы ушли в облачность. Летим мы в направлении аэродрома Тарту вслепую. По расчету времени начали "пробивать" облачность: 3000м-2000-1000-600м - облака. Я уже дал команду к набору высоты, как неожиданно, наш самолет "вывалился" прямо над центром аэродрома. Начали вести фотографирование и одновременно обстреливать стоянки самолетов. Выполнив задание, набрали высоту, ушли в облачность и взяли курс на Кресты. Облачность у аэродрома Кресты позволяла произвести фотографирование с большой высоты. Вот тут нас и перехватили 4 мессера, которые, вылетев видимо с Тарту, наводились на нас радиолокацией. Пришлось срочно уйти в облачность и идти домой в облаках. Мы передали данные разведки на КП, и решили попытаться оторваться от истребителей на малой высоте. Но это не удалось: истребители лишь отсекли нас от облачности и начали атаковать. Коле Савчуку все же удалось сбить один мессер, но это не спасло наш самолет: он был подожжен, и нам пришлось покинуть машину. Прыгали все трое одновременно. Нам повезло, т.к. никто не ударился о стабилизатор, что очень часто бывает. Приземлились мы на расстоянии 500-700м друг от друга на болота в районе р. Оредж (недалеко от д. Глубочка). Около двух часов мы выбирались по болоту к деревне. Но нас ждало разочарование: в деревне не было ни души. Пришлось нам

без отдыха, трое суток пробираться к своим. По данным нашей разведки были нанесены очень успешные удары. Нас сразу же направили в Ленинградский санаторий, но через день отозвали обратно, т.к. экипажей не хватало.

Сложные метеоусловия требовали четкого определения экипажей, которые могли выполнять полеты в облаках, за облаками, на малых высотах по методу "охотников". Ими стали экипажи Жукова, Сырчина, Веселкова, Струенкова, Селина, Ершова, Сизова и Клюева. Эти же экипажи выполняли разведку. Продолжая преследовать врага, экипажи полка наносили удары по опорным пунктам, артиллерийским и минометным позициям, огневым точкам в районе Нарвы и Пскова. Так, например, 26 марта в составе 2-й эскадрильи (ведущий - капитан Жуков) в 18.40 бомбардировали ж.д. станцию Иыхвы. Удар был эффективным: уничтожено примерно 30 вагонов с техникой и 2 паровоза, было взорвано 3 склада. Я и Ершов вели первое звено в группе. При подходе к цели мы были атакованы четырьмя истребителями, но дружным огнем стрелков-радистов атаки были отбиты, и враги оставили поле боя. На обратном пути мы были атакованы двенадцатью истребителями, но и их атаки были сообща отбиты: мы сбили 4 вражеских истребителя, правда им удалось поджечь два наших самолета, которые пошли на вынужденную посадку.

Вообще у экипажей было развито чувство ответственности за результат боевой работы. За март было уничтожено: 21 самолет, из них в воздушных боях сбито 8, 46 автомашин, 1 паровоз и 56 вагонов, 1 склад с горючим и 10 с боеприпасами и т.д.

В апреле полку пришлось действовать по объектам в районе Пскова, находящимся на предельном расстоянии действия наших самолетов. В день совершали не более 1-2 вылетов на экипаж. Бомбили переправы на р. Великая, южнее Пскова, действовали по самолетам на аэродромах Кресты, Гривочки и отходящим войскам противника. В свободное от вылетов время экипажи тренировались в совершении бомбометания с пикирования. В конце апреля и мае велась боевая работа по разведке и выполнению спецзаданий. Причем разведка велась в основном на территории Финляндии. Большинство разведывательных полетов выполнял наш экипаж (Ершов, Лилин, Савчук) и экипажи Сизова, Панасова. Особое внимание уделялось разведке аэродромов и наличия ж.д. эшелонов на станциях Выборг, Симола и др.

7 июня в полк, на аэродром Гатчина, прибыл верховный

главнокомандующий ВВС А.А. Новиков. Он встретился с летным составом полка и дал высокую оценку его работе. Лестно было слышать, как и о твоем экипаже отзывается большой начальник.

Май остался в моей памяти, как месяц подготовки личного состава полка к выполнению боевых операций. Летчики совершенствовали свое мастерство управления, штурманы навигацию в сложных метеоусловиях, улучшалась стрелковая подготовка. Был заменен командный состав: командующий 1-й эскадрильи - ст. лейтенант Лепешкин, 2-й - капитан Струенков и 3-й - капитан Сырчин. Миша Ершов был назначен зам. командующего 2-й эскадрильи. Моя ответственность также стала больше - теперь я должен был быть готовым заменить штурмана эскадрильи Сашу Устинова.

В первых числах июня штабом полка было получено ориентирование на предстоящие бои под Выборгом.

9 июня, с началом боевых действий, полк трижды вылетал всем составом на бомбардирование финских позиций. 10 и 11 июня полк наносил удары по переднему краю обороны финнов.

Резкое ухудшение погоды не позволило нам 11 и 12 июня оказать существенную поддержку наземным войскам, но на разведку было направлено несколько экипажей. 11 июня нашему экипажу была поставлена задача: разведать движение войск противника на участке шоссейной дороги Кивеннапа-Барк-Кичи-Териоки, ж.д. транспорта на станциях Кивениеми, Выборг, Симола. Разведчика сопровождали 4 истребителя. Задание мы выполнили, добыв ценные данные. Аналогичное задание экипаж выполнял и 12 июня. При помощи наших разведданных войска овладели узлом обороны финнов Кивеннапа.

В период с 14 по 19 июня полки 276 бомбардировочной дивизии совершали по 3-4 вылета ежедневно, причем большинство целей поражали с пикирования, за что были отмечены в приказе тов. Сталина. 19 июня при нанесении удара по ж.д. станциям Симола и Элисенвара полк потерял одного из лучших командиров эскадрильи капитана П.Т. Сырчина. Он был ведущим полковой группы и после сброса бомб на пикировании был поражен зенитным снарядом.

Только через 14 лет в газете «Красная звезда» №26 от 31 января 1959г. мы узнали о судьбе экипажа (Сыргин, Любченко, Комаров). Останки самолета были обнаружены поисковиками на

одном из островов близ г. Выборга. А личность капитана Сыргина определили по именным часам, врученным ему в 1940 г. за отличное выполнение состязательных полетов.

Гибель экипажа Сыргина была тяжелой утратой для личного состава полка. На вечернем построении мы поклялись отомстить врагу за смерть товарищей. И отомстили уничтожением за один вылет 205 вагонов противника, перевозивших живую силу и технику. Было разбомблено также 38 жилых зданий и пакгаузов, около 600 м железнодорожного пути и 5 выходных стрелок.

Во втором вылете мы не участвовали. Перед нами была поставлена другая задача - возглавляя пятерку самолетов ПЕ-2, уничтожить финскую электростанцию и разрушить шлюзы Сайменского канала в районе Выборга. В полдень мы перелетели на аэродром Пушкин, дозаправились, подвесили на каждый самолет по две бомбы, договорились с истребителями (нас прикрывало 8 Ла-5).

В 20.00 20 июня мы, набрав высоту, взяли курс на Выборг. При приближении к цели нас встретил плотный огонь зенитной артиллерии. Приняли решение обойти район Выборга и выйти на цель с юга через болота, с траверза Куовола со снижением до 4000м. Сбрасывали бомбы в пикировке. Никогда не забуду огненные струи зенитной артиллерии! Казалось, что они пересекаются в наших самолетах! Летчики стараются прижать самолеты к земле, чтобы уйти от зенитной артиллерии. Атака двумя финскими самолетами «Бустер» и одним Ме-109 не помешала нам выполнить боевую задачу.

Фотоконтроль зафиксировал прямые попадания и разрушение электростанции, и частичные разрушения дамбы и шлюза. За эту операцию все экипажи получили благодарность и были представлены к наградам.

Аналогичную задачу нашему экипажу пришлось выполнять в Восточной Пруссии при бомбометании плотины в районе г. Фридленд. Тогда наш экипаж вынужден был уйти на Запад вглубь территории противника, а оттуда на малой высоте выходить в район цели. Перед самой целью мы произвели резкий набор высоты до 2000м., прицелились и резко ушли на малую высоту. Здесь удар был настолько эффективен, что мы сразу увидели результат своей работы. За выполнение этой задачи мы с Ершовым были награждены орденами Красного Знамени, а Савчук-орденом Славы II степени.

До конца июня и июль месяц полк уничтожал группировки противника на переднем крае обороны и промежуточных рубежах. Наша авиация срывала атаки пехоты и танков, уничтожала артиллерийские и минометные батареи, самолеты на аэродромах, подвижной железнодорожный состав на станциях и перегонах.

Наш экипаж, кроме участия в общих боевых порядках, вылетал на разведку, а затем на обнаруженные цели вел боевые группы полка.

Командование 21-й общевойсковой армии, с которой нашей дивизии пришлось взаимодействовать, дало высокую оценку действиям авиации, направив в штаб дивизии похвальный отзыв о боевой работе полков.

В 1944 г. после выхода Финляндии из войны наша 276 дивизия за участие в боях на Карельском полуострове была награждена орденом Суворова 2 степени, а личный состав получил благодарность Верховного главнокомандующего.

Полк перелетел в Прибалтику на аэродром Молосковицы и сразу же приступил к выполнению боевой задачи - уничтожению оборонительных рубежей, укреплений, живой силы и техники противника вдоль р. Нарва, где планировалось форсирование реки нашими войсками и взятие городка Нарва-Иыэсу. Мы должны были лишить фашистов возможности подвозить резервы из тыла, с этой целью 26 полк получил задание нанести удар по железнодорожным станциям Тапа, Выхма, Пыльтсамо и аэродрому в районе Раквере. 26 июля колонна из 9 самолетов Пе-2 вылетела на задание. Ведущей колонны была наша 1-я эскадрилья ст. лейтенанта Лепешкина. Наш экипаж был правым в ведущем звене, и мы могли наблюдать всю картину боя. Противник, видимо думая, что такую большую колонну ведет «большой начальнику», атаковали эскадрилью Лепешкина 18 самолетами Ме-109 и ФВ-190 еще на подходе к цели. Истребителей прикрытия было недостаточно, и они не смогли справиться с истребителями противника. Хотя наша эскадрилья выполнила боевую задачу - потери были страшные! Мы потеряли 6 самолетов с экипажами. За всю войну таких потерь за один вылет у нас не было! С тех пор 26 июля мы считали черным днем нашего полка.

Войска фронта двигались на запад, освобождая Прибалтику. Перелетев на аэродром Рапла (Эстония) полк начал действовать по уничтожению живой силы и техники противника. 30 сентября 1944 г. нами был нанесен удар по аэродрому Курессааре (о.

Эзель) двумя эскадрильями по 9 самолетов. При этой операции уже противник понес огромные потери: было уничтожено 10 самолетов, 10 самолетов повреждено. В этот же день, в результате двух полковылетов, в порту Курессааре был потоплено большое транспортное судно.

15 октября дивизия перебазировалась на аэродромы в районе Вильнюса и Каунаса. Она вошла в состав 1 воздушной армии (командующий генерал Хрюкин) 3-го Белорусского фронта, и уже 16 октября совершила первые боевые вылеты на территории Восточной Пруссии, в район Эндкунен. Полку приходилось делать много вылетов по объектам обороны немцев в районах Гумбинен, Инстенбург, Брауншвейг, Кенигсберг, Иллау, самолетам на аэродромах Инстенбург, Виттенберг, Девау, портам Фишхаузен, Тиллау и кораблям в море. Во время восточно-прусской операции на разведку я почти не летал, т.к. в феврале был назначен штурманом 2-й эскадрильи капитана Крыкова на место раненого капитана П.И Поцыбина. Часто приходилось выполнять боевые задачи ведущей эскадрильи полка, особенно при бомбометании с пикирования. Всего в Восточной Пруссии совершил около 100 боевых вылетов и был награжден за этот период двумя орденами Красного Знамени, орденами Богдана Хмельницкого 3-й степени и Александра Невского. А всего за всю войну совершил 196 боевых вылетов. Последние два вылета были совершены 8 мая 1945 года по окруженной группировке немцев в район Данцыг.

Награжден за период войны:

1. Орденом Отечественной войны I-й степени №12958.
2. Тремя орденами Красного Знамени №83689, 90026, 149929.
3. Орденом Богдана Хмельницкого 3-й степени №2294.
4. Орденом Александра Невского №33531.
5. Медалью "За отвагу" №124227. Была вручена личным приказом командира полка И.П. Скока.

После войны учился в высшей школе штурманов, окончил краснознаменную академию им. Гагарина, был штурманом полка, начальником разведки и штаба дивизии, заместителем начальника штаба Воздушной армии, отдельного авиационного корпуса дальней авиации и оперативной группы в Арктике. По состоянию здоровья ушел в отставку в 1973 году, после чего проработал 17 лет в системе народного хозяйства, в должности

директора филиала института повышения квалификации министерства электротехнической промышленности.

Мои воспоминания вошли в книгу Н.Я. Рыбалко. Повесть. “Старорусцы”. Киев. “Риа Пресс”. 1994 год. Стр. 574.

Ноябрь 2004 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Популях Вадим Валерьевич****, студент 1-го курса группы ВМ1-04 ГОУВПО, Смоленского филиала Московского энергетического института (Технического университета).*

Миронов Иван Семёнович

Мы старались догнать врага хотя бы на его территории

Я родился в 1927 году 10 января в Брянской области, в селе Омозово, недалеко от города Карачева. Я русский, отец и мать были крестьянами, православный.

До войны скот пас, нас было детей много в семье, семь человек. Жили бедно, приходилось зарабатывать на хлеб, ведь мне уже было 14 лет. Закончил четыре класса школы и все, потом бросил, надо было помогать, мать болела. Это сейчас не работают люди, а я с детства работал.

Я уже мало чего помню – годы, болезни. Но я хорошо помню свою семью и свою деревню, друга Ваську. Как я уже говорил, семья наша была большая - семеро детей, отец, мать, бабушка и дедушка. Нас было четверо мальчиков и три девочки. Я был в семье третьим. Еще помню, что родители были очень веселыми людьми, отец играл на гармошке, научил и меня, купил гармошку, она и сейчас у меня есть, да пальцы не работают. Все село было веселым и поющим, утопающим в садах. Село стояло на высоком берегу речки Смородинки, назвали ее так, наверное, из-за зарослей смородины – сладкой и крупной. А еще черемуха весной была белым бела, запах разносился по всей округе, соловьи пели целыми ночами. Девки и

бабы тоже пели, хотя и работы было много. На работу и с работы шли с песнями. Мы ребята, тоже рядом, но у нас другие были интересы. Ты, Оля, смотрела передачу Заволокина «Играй, гармонь»? У нас играли не хуже, были гармонисты, настоящие артисты.

Войну объявили по радио 22 июня в 6 часов. Германия без объявления войны напала на Советский Союз, немцы атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбардировке наши города. Мы не были готовы к войне, многие офицеры находились в отпусках, танки и техника были разобраны, самолеты не заправлены. Немцы знали об этом и перли на нас, почти не встречая сопротивления. Страшно было. Мужиков сразу всех мобилизовали, отец тоже ушел, а братья уже служили в армии. Все плакали. Село замерло.

Потом пришли фашисты, угнали в Германию молодых и здоровых, остались старики да дети, да еще калеки. А мы с моим другом Васькой убежали. За нашим огородом начинался лес, там мы просидели всю ночь. Слышали пальбу, крики, плач. Вернулись под утро, людей не видно. Тишина: ни собак, ни петухов. Своих нашел у сожженного дома, в сараюшке. А у Васьки угнали всех, он остался совсем один. Вася был из семьи сельских учителей. Отец был директором школы, а мать была учителем литературы. Они тоже были Мироновыми. В селе много было Мироновых, и родственников и однофамильцев.

Васька учился хорошо, знал много стихов и хорошо пел. Мы уходили часто на берег Смородинки, и Вася заставлял меня подбирать музыку к своим стихам, и мы пели песни, каких никто не знал и не слышал, мы пели свои песни. Если бы Вася не погиб, он, может быть, стал как Высоцкий. Умный был Васька, и рыбалку мы с ним любили, и раков на Смородинке ловили.

Я никогда не видел, чтобы Васька плакал, а теперь он плакал и говорил, что убежит на фронт и отомстит за всех. Мать все время плакала, я остался за старшего, за кормильца, как мама говорила. Мы с Васькой вырыли землянку, на месте где был наш дом, смастерили маленькую печку и начали совсем другую жизнь: голодную, холодную и было всегда страшно. В первую зиму умерли две младшие сестрички, они были совсем малы, младшей полтора года было, вот и не вынесли они голо-

да и холода. Детство наше кончилось. В нашем селе была красивая, резная, деревянная церковь, со звучным колоколом. Когда уничтожали повсюду храмы, жгли иконы, нашу тоже разорили. Сбросили колокол, который собирал наших матерей и отцов на праздники, и который звучал набатом, когда приходила беда. Но ни одной иконы не сожгли, люди не позволили. Их спрятали по домам. В церкви сделали склад. И вот война. Село почти сожжено, а в оставшихся домах, и в построенных землянках вместо сгоревших домов горят самодельные лампадки перед иконами; и стар, и млад, молят Бога, чтобы изгнал врага, молятся и надеются, что вернется муж, отец, сын, брат, что придет праздник. Люди верили, что победа придет, а фашисты сгинут.

А мы с Васькой все мечтали убежать на фронт, и бегали, да толку,– фронт был далеко, продвигался все дальше по стране. Васька бегал чаще меня, однажды он не возвращался долго, а когда вернулся – это был другой человек, он был радостный. Васька нашел партизан. Так мы стали партизанами. Командира я не помню, может, я и не видел его. Ничего героического мы не совершали, нам не поручали ничего героического. Но мы ходили в разведку, добывали оружие, отбивали у немцев награбленные продукты и раздавали людям. А мать все плакала: не ходи, как одна с Галей буду. А Васька уходил. Когда возвращался, много рассказывал про партизан, про пущенные под откос поезда, про поджоги. Брянщина была партизанским краем. Партизанами стали все, и стар и мал. Ведь не напрасно Брянщину назвали партизанским краем. Фашистам не давали покоя ни ночью, ни днем, и они боялись партизан. Однажды группа немецких мотоциклистов приехали в наше село, всех собрали: где партизаны. Васька знал, где базировался мобильный партизанский отряд и повел немцев лесной дорогой к болоту, где партизаны ждали непрошенных гостей. Дорога бала хорошо знакомой, по ней мы до войны бегали за грибами и ягодами, заготавливали мох для строительства. Дорога не вызвала подозрений у фашистов, и они попали в ловушку. Для партизан лес - дом родной. Немцев уничтожили, а мотоциклы утопили в болоте. После этого случая мы все ушли к партизанам. В лесу построили партизанскую деревню, хорошо укрытую, замаскированную сверху от фашистских самолетов, которые часто кружили над лесом. Тогда все вокруг замирало.

Группы партизан постоянно ходили в боевые рейды, ближние и дальние. Кто послабее, и не мог по состоянию здоровья держать оружие, занимались обеспечением запаса продовольствия. Часто в деревне кроме малой группы охранения и самых маленьких и старых никого не оставалось.

Однажды мы с сестрой Галей отправились на ответственное задание. Надо было добраться до Брянска, а взрослым пройти было сложно. Одели нас, во что попало: отрепья разные, на ногах лапти. Вначале нас везли, сколько можно, на лошади, а потом мы пошли сами. Была глубокая осень, холодно, одну ночь мы ночевали в стоге сена, другую ночь – в заброшенной бане. На счастье немцы нас не остановили, и мы добрались до Брянска. Нашли безногого сапожника, который на самом деле был смелый, отважный партизан - разведчик. Мы забрали сапоги, все в заплатах, разные, чтоб никто не отнял. А в сапоге было донесение. Рано утром мы ушли в обратный путь, нас встретили, и мы неведомыми тропами пришли в отряд с донесением. Наверно, важное было донесение. Повсюду люди передавали друг другу о пущенных под откос эшелонах техники, сожженных складах боеприпасов. Я был горд, что участвовал в этих действиях. А Васька, казалось, ничего не боялся. Он всегда уходил с отрядом в близкий рейд, в дальний, многодневный. Ох, Вася, Вася, друг мой, как я плакал, когда его принесли в отряд тяжело раненым, он умер у меня на руках. Он был герой, без почестей и наград, как и многие мои товарищи, и живые, и мертвые. Руководил нашим отрядом безрукий Петро Гром. Громом его называли за громкий голос, до войны он у нас был председателем колхоза. Он и потом, когда Брянск освободили, стал председателем. Оля, о красоте своего села я тебе говорил. Оно располагалось вдоль реки Смородинки, а река делала крутой поворот, село тоже повернулось, и получилась как бы стрела. Вот и назвали наш колхоз «Красной стрелой».

После войны вернулась мать Васи, нашла Петра Грома, и моего друга Ваську и всех односельчан перезахоронили на самом высоком месте нашей деревни, поставили обелиск. Потом вернулись, кто жив остался, построили новую деревню, посадили сады. Но меня уже не было там, об этом мне рассказали позже.

Но сколько жестокости совершали фашисты! Я никогда не

забуду их злодеяний! Немцы поймали старика и девочку лет четырнадцати. Она была очень худенькой, такой былинкой с длинной светлой косой. На шее у них болталась надпись «партизан». Они были не из нашего села, они ходили по деревням и меняли кое-какие вещи на картошку или еще что-то из продуктов. От страха немцы сделали их партизанами. Нас всех согнали к обрыву над рекой, их поставили над обрывом, дулами автоматов поставили их на колени и расстреляли. Тела скатились с крутого обрыва к реке. Весело гогоча, немцы уехали на мотоциклах. Ночью мы с Васькой спустились к реке, и на ветках вдоль реки выволокли тела в лес, и схоронили около берез, сделали крест и поклялись отомстить за всех. Война шла, мы столько уже видели смертей, пожарищ, виселиц.

Еще помню, прорвался наш танк, хотел проскочить речку, но круты были берега, а тут подоспели немцы. Танкисты бились до последнего патрона, но фашистов было много, танкисты совсем молоденькие ребята погибли, их долго хоронить фрицы не разрешали. А танк и после войны оставался стоять в нашей Смородинке.

А однажды над полем был сбит самолет, летчик был ранен, его спасла бабка Агафья, она спрятала его у себя. Нагрянули немцы, согнали нас всех и выстроили. Я был рядом с Агафьей, она была худая, высокая, с черными потрескавшимися руками. «Где летчик?» - орали немцы, но все молчали, хотя знали, что он у Агафьи. Опустив голову, молчала и Агафья. Начали всех избивать, называть нас всех партизанами. А дед Игнат со своей маленькой внучкой, Ия её звали, но все ласково звали её Ивушка, вышел с девочкой вперед, на худеньких ногах девочки болтались большие лапти. Дед говорит: «Мы что ли партизаны?». И тут же свалился от выстрела фашиста. Но уехать фашисты уже не успели. Партизаны знали, что сбит самолет, и тоже искали летчика. Немцев они всех перебили, а летчика забрали с собой. Страшно все это вспоминать. Мне скоро 80 лет, я старый и больной человек, но мне все вспоминается то страшное время первого года войны. Было голодно, дети страдали от голода. Однажды остановились немцы и расположились на пригорке у села и жрали награбленное. К ним подошли маленькие брат и сестра. Дашенька была худенькая и босая. Жила Дашенька с братиком Гришей с бабушкой и дедушкой. Маму угнали в Германию, отец воевал на фронте.

Даша протянула ручку, прося хлеба. Высокий немец приказал Даше петь песню, опустив голову, она отказалась. Немец щелкнул затвором винтовки. «Пой, – сказал Гриша, – а то убьёт». И девочка запела.

Вижу чудное приволье
Вижу нивы и поля,
Это русская сторонка,
Это Родина моя.
Слышу пенья жаворонка
Слышу трели соловья –
Это русская сторонка,
Это Родина моя.

Дашенька не видела, как целился в нее немец, лежала она среди пожелтевшей травы, босая, в стареньком сарафанчике. Прибежали женщины. «Женщины, за что они меня убили», - шептали губы девочки. Кто-то сунул ей в ручку сухарик. Так и умерла Дашенька, зажав в руке сухарик. Бабы заголосили. Когда девочку хоронили, бабы пели грустные песни, из сердца песни шли. Вот видишь, Оленька, вспоминаю и плачу. Было это давно, а забыть не могу, хотя многое не помню, забываю имена фронтовых друзей. Дашеньку помню, звери они были, звери фашисты эти. Я и внуку своему рассказывал, когда ему тоже было лет семь, он тоже плакал, был добрым мальчиком, а сейчас вырос.

Я был в своей деревне после войны. Это был уже 1950 год. Меня демобилизовали из армии, деревню отстраивали, пожарища исчезли. На месте, где я хоронил своего друга, была братская могила, кругом росли березы. Я стоял и вспоминал нашу дружбу с Васькой, как бегали на фронт, вспомнил ту девочку с длинной косой и плакал.

Брянск освободили в 1944 году 15 сентября. Как мы радовались. Смеялись и плакали. Из лесов вышли партизаны, кто мог - ушел добивать фашистов, а стар и мал начали строить новую жизнь. Многих не досчиталось наше село, да и села-то не было, но уже стучали топоры. Началась мирная жизнь.

Из всей нашей семьи осталось трое: мама, я и сестра Галя, которой уже было 13 лет, остальные умерли. Мне было уже 17 лет, и меня призвали в армию. Направили в Свердловск в зе-

нитное училище. Готовили нас в срочном порядке, жизнь в училище была трудная, голодная, страна была вся в разгроме. Нас готовили на Японию, но потом после окончания училища нас погрузили в эшелон и отправили в Германию. Мы приняли присягу на верность Родине, мне присвоили звание сержанта, я стал зенитчиком, первым номером в зенитной установке. Зенитки были новой конструкции. Если-б были такие в самом начале войны!

Мы старались догнать врага хотя бы на его территории, все мечтали отомстить за разрушение и горе. Эшелон шел по разрушенным городам и селам, все было черным-черно. Останавливались только для заправки и осмотра эшелона. Доехали мы до Румынии, день и ночь охраняли зенитки. Зенитки были мощной конструкции, стреляли на 20 километров из закрытой зоны. Чтобы ты поняла Оля, я пример приведу. Вот стоят наши зенитки в Кардымово, противник за 20 километров, в Смоленске, а на Таборной Горе стоит наш офицер-наблюдатель. Разведка доложит, где и что у немцев, где доты, где скопления фашистов. Мы стреляем, наблюдающий дает коррекцию: перелет, недолет. Все, что давала разведка, сметали наши зенитки. Пехота всегда впереди, а немцы на пехоту с автоматами, но мы сметали их своими зенитками, освобождая пехоте дорогу.

На войне себя забудь, помни честь свою, рвись в бой – грудь на грудь, драка значит драка. Мы со своим эшелоном спешили в драку. Пойдем в огонь любой, выполним любую задачу. Как молоды мы были и с каким нетерпением рвались в бой. Зенитки и снаряды – все было готово.

Были снаряды фугасные, разрывные, авиационные. Летит разрывной снаряд на 20 километров, врезается в землю на два метра, землю взрывает и уничтожает укрепление немцев. Боялись немцы наших зениток. В пехотном полку мы защищали пехотинцев, стреляли из своих зениток осколочными снарядами из закрытой огневой позиции, били немцев, чтобы пехота шла вперед. Не рассказать, не описать, когда за чужим огнем расслышишь огонь своих зениток. Много мы фашистов положили своими зенитками, как ахнет полковая, с воем, с визгом, расчищая пехоте путь. Этот бой не упомянут, не наградят, но Россия почесть отдает всем живым и мертвым.

Раз война – про все забудь и пойдешь в огонь любой, выполнишь любую задачу. Мы забывали о себе, мы рвались в

бой, мы были молодыми, смелыми и не так уже важно, что поздно родились, что орденов нам мало досталось. Россию мы тоже защищали.

Я служил в 130 дивизии 104 полку 184 артиллерийском батальоне. В марте 1945 года служил в 2515 зенитном полку, в 206 истребительном противотанковом гвардейском полку, командир Марушев. Ничего героического не было в моем боевом пути, поздно родился, но свое дело делал я честно. Мы были больше в охране. Охраняли штабы дивизий, технику, боеприпасы. Стояли в дозоре и днем и ночью. А немцы старались застать нас врасплох, подобраться к нашим зениткам. Однажды стою в дозоре, ночь, кругом вырубленные деревья. И вижу: движется в мою сторону пень, потом другой. Думал - мерещится, протер глаза, поднял тревогу. Немцев поймали, а меня наградили часами и отпуском. Немцы по-разному старались подобраться к нашим объектам, но мы честно несли службу. Но все равно, хотя война шла к концу, наши солдаты гибли.

Со своим зенитным истребительным противотанковым полком мы освобождали Румынию: город Арат, город Будапешт, в Германии города: Бранденбург, Магдебург, Потсдам. Больше всего нам пришлось повоевать с эсэсовцами в Бранденбурге, где их было немало, это звери, жестокие, упорные и в смелости им не отказать. Полегло немало там наших солдат. Немцы стремились взорвать склады, подобраться к нашим 100-миллиметровым пушкам с закрытой огневой позиции. А мы стреляли по немцам из своих зениток за 20 километров, а офицер за два километра стоял с биноклем и направлял огонь. Немцев мы разбили. Мы со своими зенитками даже агитацией занимались. Разбирали авиационный снаряд, вынимали боевой заряд и начиняли снаряд листовками «Немцы, сдайтесь по-хорошему, а то мы вас всех уничтожим». И вот пускаем такой снаряд, он разрывается в небе, листовки разлетаются. Их немцы читали, и многие сдавались.

По возрасту я опоздал на героические дела, мне мало чего досталось. Был легко ранен в ногу, лежал в госпитале, закончил войну в своем 206 истребительном гвардейском полку старшим сержантом.

На войне у меня погибли: отец Миронов Семен, рядовой, погиб он в 1941 году в первые месяцы войны: брат Николай, он был призван в армию в 1940 году, был танкистом, погиб в

бою – сгорел в танке. Второй брат Дмитрий- сержант, связист воевал в Болгарии, Венгрии и тоже погиб. Документы отца и братьев, награды были у матери, а после ее смерти я, к сожалению, не знаю, где они. Может быть, у меня и были сведения о них, но я, к сожалению, не помню, я инвалид 1-ой группы, с памятью совсем плохо.

И вот победа! Выиграли войну наши героические солдаты, наши солдаты сделали победу, они грудью защищали и свою Родину, и Европу спасли от фашизма. Все радовались, смеялись и плакали, палили в воздух из всех орудий, пили за погибших и живых. Мечтали о будущем со слезами на глазах. У многих погибли родные, близкие, сожжены дома, города. Ох, как много полегло людей! Царствие им небесное! Мы не хотели войны. Но враг напал на нас, и мы сделали все возможное и невозможное, чтобы пришла победа. Победа! Враг сложил свои знамена на Красной площади. Спасли свою Родину, спасли Европу. Жаль, что об этом забывают.

Началась демобилизация, но молодежь осталась. Надо было охранять. Мы грузили эшелоны и отправляли в Россию. Часовые стояли на посту день и ночь, немцы часто нападали, и еще гибли наши товарищи. Война кончилась, но для нас она еще продолжалась. Мы были еще совсем молоды. В свободное время я играл не гармошке, пели частушки про Гитлера и немцев, даже срамные. Помню совсем немного, отдельные строчки.

Гитлер Сталина спросил
Много ли оружия?
Посмотри-ка, черт косой
Вся Москва загружена.

Что ребята приуныли,
Что носы повесили?
Скоро Гитлеру капут,
Фрицам всем под зад дадут.

Чай хотел попить в Москве
Да не где-нибудь – в Кремле,
Но услышал вой «Катюши»-
Обложился Гитлер по уши.

Пели, плясали, гуляли с девушками, кино нам показывали и даже концерты. Мы были молодые, поэтому часто смеялись, подшучивали друг над другом. Вспоминали и меня, подначивали, когда пни на меня полезли. Я тебе, Оля, об этом рассказывал. В два часа ночи ползут пни на меня, как приведения, я как закричу, даже сигнал тревоги не сразу подал. У немцев были мины, они хотели подорвать склад боеприпасов. Друзья потом долго надо мной подшучивали.

Мы прошли курсы минеров. Немцы все заминировали, они не жалели своих детей и женщин. Заминированы были дома, парки, памятники. Мины были в воде, даже в куклах.

По неопытности многие подрывались, гибли.

Мирное население относилось к нам хорошо, даже помогало. Кому постирать, кому пришить что-нибудь. Девушки приходили слушать нашу игру на гармошке, наши песни. Мы учили их петь «Катюшу», она им нравилась, а мы смеялись, как она у них получалась.

После войны мы прослужили до 1950 года. Некоторые мои товарищи женились там, возвращались в Россию уже с детьми большими. А я женился в Смоленске на медсестре Валюше, и сейчас с ней живу. Дочку вырастили – врачом она сейчас работает, а внук на юриста учится.

Война никогда не забудется, много погибло людей, гибли друзья, товарищи, погибли отец и братья, маленькие сестры. Много было друзей, фотографировались, видишь, Оля, на стене рамки с фотографиями? Там братья, друзья, а вот фотографии отца и матери нет. Много всего было, много утеряно безвозвратно.

Демобилизовался я уже в 1950 году и приехал в Смоленск, где жили родственники. На Брянщине никого не осталось. Меня отправили учиться на шеф-повара, потом - работать в психиатрическую больницу под Смоленск. Там я отработал 40 лет. Сейчас инвалид 1-ой группы, Ветеран труда.

Имею:

- Удостоверение участника войны, серия Ж № 698033 выдано 19.12.1980 г.
- Удостоверение ветерана №219041

Награжден:

- Орденом Отечественной войны II степени (№ 2552372, указ президиума Верховного Совета СССР от 11.03.1980 г.);

- Медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» (15.06.1946 г.);

- Юбилейной медалью «XXX лет Советской Армии и Флота» (вручена 20.03.1949 г.);

- Юбилейной медалью «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» (от 07.09.1966 г.);

- Юбилейной медалью «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» (от 10.03.1976 г.) Смоленский районный военкомат, подполковник Никитин;

- Юбилейной медалью «60 лет Вооруженных сил СССР» (вручена 23.09.1978 г. от имени президиума Верховного Совета СССР);

- Юбилейной медалью «50 лет Вооруженных сил СССР» от 08.01.1981 г.;

- Юбилейной медалью «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» (указ от 22.03.1985 г. № 12467590);

- Юбилейной медалью «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» (от 08.05.1985 г.);

- Юбилейной медалью «70 лет Вооруженных сил СССР» от имени президиума Верховного Совета СССР (от 20.02.1988 г.);

- Медалью Жукова (Г № 0985681, дата выдачи 19.02.1996 г.);

- Знаком «25 лет Победы в Великой Отечественной войне».

Декабрь 2004 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Байдук Ольга Николаевна****, студентка 1 курса факультета экономики управления, кафедры «Менеджмент» ГОУВПО, Смоленского Филиала Московского Энергетического Института (СФМЭИ) (Технического Университета)*

Моргунов Иван Иванович

Это было в 500 метрах

Я 1922 года рождения, д. Зайлище, ныне рабочий посёлок города Клинцы, Брянской области, русский, православный, беспартийный.

В 1939 году окончил аэроклуб и среднюю школу в гор. Клинцах, 10 июня 1941 года Подольское противотанковое училище. В 1956 году Военную Академию имени М.В. Фрунзе. Полковник в/о

О начале войны узнал в лагере на реке Сейма, Рыльского р-на, Курской области в 10:00 строго 729 сп. 145 сд. Куда прибыл 14 июня 1941 года по окончанию училища на приеме присяги тысяч новобранцев, прибывших из запаса.

25 июня 1941 года уже разгружались на станции Бежица Брянской области.

Форсированным маршем в пешей походной колонне через город Рославль и город Смоленск встретились с противником на рубеже 10 км Западнее города Смоленска. Там в Смоленском сражении, которое началось 10 июля 1941 года, получил боевое крещение в звании лейтенант, в должности командира взвода 45 мм орудий в 1 батальоне 729 стр. полка. В сдерживающих ожесточенных боях после сдачи города Смоленска 17 июля 1941 года был ранен 24 июля 1941 года в р-не станции Стадолища – это между городов Смоленском и Рославлем.

В этом бою было уничтожены броневик и две автомашины с грузом и личным составом прапорщика. Лечился в городе Иваново.

В первой половине сентября 1941 года в ОК Московского военного округа получил назначение на должность командира батареи 45-миллимитровых орудий во 2-ю танковую бригаду во второй половине сентября 1941 года на Южный фронт.

В составе этой бригады в должности ком. батареи участвовал в оборонительных боях: Каховка, Синельниково, Славгород.

В ожесточенных сдерживающих боях отходили на Славгород и оказались в окружении, но благодаря грамотному командиру бригады вышли из окружения в р-не м. Куйбышева – недалеко от Матвеева Кургана, Ростовской области.

Потрепанная бригада с 6-ю оставшимися танками сосредоточилась в р-не гор. Сталино (н. Донецк), где бригада влилась в состав 15 тбр, которая формировалась в пос. Рудченково в 7 км от города Сталино.

В составе 15-й танковой бригады в должности командира батареи участвовал в боях в районе: Саур Могилы, Нижний и Верхний Нагольчики, Боково Антрацит и Матвеев Курган.

В этих боях бригада понесла тоже большие потери в танках и личном составе. 10 ноября 1941 года по приказу командующего фронтом бригада была выведена из боя и с 12 ноября формировалась в городе Каменск-Шахтинский Ростовской области.

25 декабря 1941 года бригада в полном составе выступила на фронт в р-не гор. Дебальцева, Купянска, Изюма. Участвовал в зимнем наступлении – конец декабря 1941года, и январь, февраль 1942 года в ожесточенных боях, поддерживая дивизии кав. корпуса, участвовал в освобождении города Лозовая, города Барвенково. Преследуя противника в направлении города Гришина в конце февраля 1942 года, встретил организованное сопротивление группы немецкого генерала Клейста на рубеже Михайловка. В танковом сражении 28 февраля 1942 года я был тяжело ранен в обе ноги, потерял много личного состава убитыми и раненными. В батарее остались из 6 орудий 45 мм – два.

Убит был и комиссар батареи старший политрук Кияшко. В этом бою батарея подбила три немецких танка. Я хорошо

видел, как загорелся один, затем второй танк с разорванной гусеницей кружился, словно волчок и остановился на месте, а третий танк двигался к батарее под углом, и снаряд 6-го орудия (левофлангового) попал в моторный отсек, танк остановился.

Все три танка от батареи были на расстоянии 200-250 м и из танковых пулеметов обстреливали огневую позицию. Эвакуировать с открытой огневой позиции раненых не было возможности. Только с наступлением темноты раненых вывезли в санбат на волокушах санитарные собаки.

Длительное лечение было в госпитале №4639 города Сталинграда, где и застали меня бои в Сталинградской битве.

23 августа 1942 года массированным налетом фашисткой авиации город был разрушен и превращен в пожарище, руины. Угодила бомба и в здание школы № 16, где располагался госпиталь.

Нас раненных с трудом по горящему городу переправляли на левый берег р. Волги в р-не пос. Кр. Слободы – ныне город Краснослободск, где 53 запасный полк формировал части для Сталинградского фронта. Рассортировали и нас раненых, кого куда: в госпитали, в тыл и части.

Я, не залечив раны, попросил направить меня в действующую часть. Так в начале сентября 1942 года я вступил в Сталинградское сражение в должности командира батареи 2-го минометного полка РГК в звании старшего лейтенанта. Огневая позиция была на южной окраине Кр. Слободы, а НП на острове Голодный, а с 15 октября огневая позиция на острове Голодный, а наблюдательный пункт в Сталинграде в разрушенных зданиях. Наш полк поддерживал 13 гв. стр. дивизии 62-ой армии. Там в окопах Сталинграда я вступил в партию.

В Сталинграде воевал до 5 ноября 1942 года. По приказу свыше наш полк был переброшен 70-ю километрами южнее Сталинграда. В районе Светлый Яр в ночь с 6 на 7 ноября полк переправился на баржах на правый берег и сосредоточился в камышах в 3-х км от пос. Цаца. Шла тщательная подготовка войск 51-й армии (командующий генерал Труфанов). 20 ноября войска Сталинградского фронта перешли в контрнаступление после мощной артиллерийской подготовки, в которой я участвовал в должности командира батареи.

В ожесточенных боях, сдерживая деблокирующую груп-

пировку генерала Манштейна, рвущегося на выручку окруженной группировке генерала Паулюса. 29 декабря 1942 года освободили Котельниково во взаимодействии со 2-й гвардейской армией под командованием генерала Малиновского.

8 января освободили районный поселок Зимовники, 14 февраля г. Ростов. 23 марта вышли к реке Миус и заняли оборону. Боевой порядок батарей в районе Красной Поляны – (между г. Ворошиловградом и г. Штеровки).

В конце августа 1943 года войска Южного фронта перешли в наступление.

Прорвав оборону на р. Миус, наши войска перешли в преследование отходящего противника.

Действуя в авангарде в боях на подступах к г. Дебальцево, в районе д. Поповка встретил на марше 6-и орудийную 105 мм батарею на конной тяге и, используя внезапность, я упредил врага открытием огня своей батареей.

Это было в 500 метрах. Я только что выехал на опушку небольшой рощицы и открыл огонь. Враг растерялся и был подавлен.

Подошедшая дивизионная разведка вместе с моим взводом управления пленили личный состав батареи и все орудия противника.

За этот подвиг я и батарейцы награждены орденами и медалями.

Преследуя противника, участвовал в боях за город Горловку, Сталино (Донецк) и город Мелитополь – в должности начальника штаба дивизиона, в звании капитан.

После освобождения города Мелитополь, подвижные войска 4-го Украинского фронта, преследуя противника, вышли на Перекоп, форсировали Сиваш. 8 апреля 1944 года 51-я армия с Сиваша, а 2-я гв. армия с Перекопа прорвали сильно укрепленную оборону противника, овладели г. Армянск, Ишунем, соединились на большой Крымской земле и повели наступление развернутым фронтом.

Освободили Джанкой, 14 апреля 1944 года г. Симферополь, Бахчисарай и вышли на Микензиевы горы и Инкерманскую долину – на подступы к Севастополю. В боях за освобождение Крыма 24 апреля 1944 года командуя дивизионом был тяжело ранен на Сахарной Головке и контужен. Лечился в городе Клинцах в госпитале 3262.

По выздоровлению в первой половине августа, получая орден в Москве за бои в Крыму, узнал от товарищей, где находится 51 армия после Крыма. Мне сказали в Прибалтике.

В разгар боев за г. Елгава (Митава), я прибыл 17 августа 1944 года в родной полк, принял свой дивизион и закончил войну в Прибалтике. Участвовал в освобождении г. Елгава, Добеле, Салантая, Прискуле.

23 февраля 1945 года после тяжелых боев за город Прискуле войска 51 армии устремились к Балтийскому морю к городу Лиепая (Либава), но на рубеже Бунка, р. Варта противник на подготовленном рубеже остановил наступление наших войск и на этом рубеже части 51 армии перешли к обороне. Здесь на этом рубеже в 40 км восточнее города Лиепая я встретил своего командира–воспитателя Александра Васильевича Чапаева. Он командовал тяжелой артиллерийской бригадой в звании полковника, а я командовал дивизионом 125 минометного полка в звании – майор. Эта была незабываемая встреча… За бои в Прибалтике я награжден орденом боевого Красного Знамени.

8-го мая 1945 года в 15: 15 на рубеже – последнем в ВОВ: оз. Бунка, р. Варта – встретил победу. После войны полк остался в Прибалтике, пришлось сменить много дислокации: г.г. Алитус, Кальвария, Таураге, Клайпеда (Мемель), Либава (Лиепая), Вентспил, Каунас, Калининград (Кенигсберг).

В 1956 году окончил Военную Академию им. М.В. Фрунзе.

В 1962 году по болезни уволился в отставку. Поселился в городе Жуковский, Московской области. 35 лет работал в строительстве молодого города авиации, 3 года был главным архитектором города.

Я из большой семьи. На фронте воевали 4 брата. 2 старших погибли, я и младший брат (ныне покойный) инвалиды Великой Отечественной войны.

Пишу статьи в редакции газет городов, которые освобождал – в газеты: “Волгоградская Правда”, “Молот” город Ростов-на-Дону, “Приданские вести” пос. Октябрьский, Волгоградской обл., “ Искра” – Котельниково, “Степная ночь” Зимовники, Ростовской обл., “Труд” – Клинцы, “Слава Севастополя” – Севастополь, “Мелитопольские ведомости” – Мелитополь.

Газеты с публикацией статей – получаю. Почетный гражданин: р./п. Октябрьский Волгоградской обл., р./п. Зимовники Ростовской обл. и города Мелитополь.

Четырежды ранен в боях Великой Отечественной войны, награжден многими орденами и медалями.

Имею двух дочерей, 4-х внуков, 2-х правнуков.

Март 2003 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Боткин Павел Сергеевич****, студент профессионального училища № 5, города Москвы*

Мясницин Виктор Александрович

На войне мне, можно сказать, повезло

Я коренной тамбовчанин. Родился в 1924 году в селе Лаврове Мордовского района в простой крестьянской семье. Закончил семилетку, а затем и училище, трудился на конезаводе, стараясь помочь родителям. Когда началась война, совсем еще мальчишкой, вместе с другими сверстниками выполнял важное государственное задание - перегонял из районов, которым грозила немецкая оккупация, эвакуированный скот подальше от войны. Это была трудная и ответственная работа - сохранить в большом пути драгоценный скот. Зима была суровая, ребята гнали скот сотни километров, надо было находить корм, воду, места для постоя. И мальчишки выполнили важное задание. Жилось тяжело. Семья большая, кроме меня ещё трое детей, отец на фронте, вот и приходилось быть за старшего. Работать начал рано, ещё до войны, а уж потом все силы отдавали. Сами себя подбадривали: одно дело с фронтовиками делаем, помогаем им искоренять фашистскую заразу.

Время было нелёгкое. Немцы находились в Воронеже. Фронт оказался совсем рядом: Мордовский район граничит с Воронежской областью. Отсюда и довелось мне уйти на фронт.

Это было в августе 1942 года. Я работал в тракторно-

полеводческой бригаде Лавровского конезавода. Сперва был заправщиком. Я любил технику, присматривался, как работают машины: очень хотел стать трактористом. А механизаторов не хватало: люди ушли на фронт. И мне повезло: назначили трактористом.

В те дни произошло много важных событий и в нашей семье. Отец - участник первой мировой и гражданской войн - уже успел побывать в боях с немецкими захватчиками, был ранен и после лечения отдыхал дома. Долго, конечно, он не задержался. Через неделю снова уехал, а я и мои сверстники со дня на день с нетерпением ждали вызова в военный комиссариат. У нас давно была примета, причем очень точная: если наш бригадир Юдин появится в поле на белой лошади, значит, везет кому-то из нас повестку из военкомата. И вот, 16 августа, показался на белой лошади. За кем? - гадали мы. На этот раз жребий пал на меня. Сборы, как говорится, были недолги. Мать из последней муки напекла пышек, как два дня назад пекла для отца. Из военкомата вместе с другими такими же молодыми призывниками мы выехали в Пензу. Там нас обмундировали, разместили в воинском эшелоне, и мы поехали по направлению к Горькому. Ехали быстро, почти нигде не останавливались. Я сидел в углу вагона и думал о матери, о своих младших братиках и сестренках, об отце, о бригаде, которую покинул неизвестно на какой срок, а, может быть, навсегда. На станции Ройка Горьковской области наш эшелон был поставлен на запасный путь. Началась разгрузка. Выпрыгнул я из вагона и наткнулся на отца. Оказывается, он ехал в том же вагоне. Где и как он садился, я не заметил. Радости не было конца. Мы наперебой угощали друг друга теми пышками, которые напекли нам дома. Отцу предстоял путь прямо на Ленинградский фронт, в свою часть. Он очень хотел, чтобы вместе с ним поехал и я. Но командование не разрешило, так как призывники не приняли еще воинскую присягу. Отец согласился, что, может быть, это к лучшему.

Как и полагалось, я попал в запасный полк. Молодые солдаты приобретали здесь навыки овладения противотанковым орудием, готовились стать истребителями фашистских танков. Ребята подобрались смелые, рвались скорее попасть на фронт. Для каждого было обидно, если по какой-либо причине отправка на фронт задерживалась. Поэтому старались учиться

лучше и быстрее овладеть воинским делом.

Однако воевать с танками мне не пришлось: я попал в формирующийся гвардейский миномётный полк «Катюш» - грозных реактивных миномётов - и стал там разведчиком. Получив «Катюши», полк убыл на фронт под Сталинград. Здесь я принял боевое крещение, участвовал во многих боях, здесь получил первые боевые награды - медали «За отвагу» и «За оборону Сталинграда». Потом был Брянский фронт, бои за освобождение Орла, Брянска, Киева, Житомира, Каменец-Подольска, Львова, форсирование Вислы. Воевал храбро, за спины товарищей не прятался.

На войне мне, можно сказать, повезло. С самого начала попал в войска, в которых была, пожалуй, самая низкая смертность, хотя, конечно, много погибало и у нас. Во-вторых, у меня был самый лучший командир - Никита Скирда (награждён орденом Ленина). Были и ранения, да всё несерьёзные, и там мне повезло.

Первый раз меня зацепило ещё в сорок втором под Курском, на Морковном Поле. Миномётный осколок угодил мне точно в голову. По лицу и шее побежали ручейки тёплой крови, и я подумал: «Всё, отвоевался!» Но нет, осколок лишь пробил каску и поцарапал кожу на макушке.

Второе ранение было посерьезнее. Дело было под Мценском. Наш расчет готовил боевую позицию, решили немного отдохнуть, покурить. Двое моих товарищей сели на край неглубокого окопа, а я, облокотившись на лопату, встал напротив них. В этот момент-то и упала рядом с нами шальная немецкая мина. Товарищей моих наповал, а мне осколок попал в бедро, попутно перерубив черенок лопаты, на которую я опирался. Несколько дней полкового госпиталя и я вернулся в родную часть здоровее здорового. Так что смерть обходила меня стороной. Не только меня, но и моего отца.

Он был военный со стажем: отвоевал и Первую мировую, и Гражданскую, участвовал в Финской, от первого до последнего дня прошёл Отечественную. Домой в 1947 году мы пришли почти вместе...

После Сталинграда поползли слухи, что наш 312 гвардейский пятиорденоносный миномётный полк собираются перебросить на Дальний Восток, но слухами это так и осталось. А мы начали вести постоянные ожесточённые бои с отступав-

шими дивизиями отборных немецких солдат. И к началу 1945 года, освободив от коричневой чумы пол-Европы, наш полк в составе четвёртой танковой армии вплотную приблизился к последнему оплоту немецкого командования - реке Одер. Вот где был настоящий ад! С огромными потерями и просто нечеловеческим трудом мы захватили плацдарм для дальнейшего наступления. Немец, видимо, не желавший мириться с таким положением дел, бил нас всем, чем только можно: почти не прекращались артиллерийские обстрелы, с неба непрерывно сыпались авиабомбы, а ружейный огонь шквалом сметал всё на пути. Вот в такой переплёт мы попали той зимой...

Январь 1945 года. Войска 1-го Украинского фронта, освободив в стремительном наступлении многие города и тысячи сел Польши, вышли к Одеру - последнему крупному водному рубежу по пути к Берлину. До него оставалось километров сто. Немцы пытались здесь создать мощный рубеж обороны и не допустить форсирования реки войсками Красной Армии.

В этот район для участия в предстоящем наступлении вышли и соединения 4-й гвардейской танковой армии. Совместно с другими соединениями и частями им предстояло захватить плацдармы на западном берегу Одера, чтобы начать отту-да переправу наших войск через реку. А для этого была необходима тщательная разведка.

В представлении меня к присвоению звания Героя Советского Союза кратко, по-военному, изложена суть моего подвига в нескольких строках:

«В бою 25 января 1945 года при форсировании реки Одер в районе Кебен требовалось немедленно открыть огонь по врагу. Радиосвязь отсутствовала. Товарищу Мясницыну поставлена задача немедленно переправиться на восточный берег реки Одер и дать проволочную связь на западный берег. Переправы в это время не было. Товарищ Мясницын, презирая смерть, под ружейно-пулеметным огнем противника, авиаобстрелом и бомбежкой с воздуха, на подручных средствах переправился через реку, взяв с собой связь и двух связистов, и обратно переправился на правый берег. Связь была восстановлена, благодаря чему дивизион открыл огонь по врагу, что дало возможность удержать плацдарм, контрударами расширить его.

За мужество и героизм, проявленные при форсировании

реки Одер, т. Мясницын достоин присвоения звания Героя Советского Союза. Командир 312-го гвардейского минометного Львовского Краснознаменного полка гвардии майор Кучеров. 6.2.45 г.»

В ночь накануне форсирования Одера наш полк занял позиции на берегу реки. На противоположном западном берегу начиналась земля врага. Вечером начальника полковой разведки капитана Халявина, радиста Бабкина и меня вызвали в штаб полка. Разговор был коротким. Нам было приказано ночью переправиться на западный берег Одера и корректировать огонь наших батарей. Задача была нелегкая.

Вернувшись из штаба, мы хорошо подкрепились на полковой кухне. Захватив по два автоматных диска, побольше ручных гранат, рацию, мы пошли к берегу. Ночь была темная, моросил дождь. Под ногами хлюпала грязная жижа, перемешанная со снегом. Правда, это было нам на руку: так мы могли подойти к реке, незамеченными немцами. Вот и Одер, Он обжег нас холодом. Река бурлила, шуршали льдины, налезали друг на друга. Хотя ледяной путь был не слишком удобным, но другого у нас не было. Мы соединились с выделенной для прикрытия нас группой солдат, погрузились в лодки и отчали-

ли от берега. Не успели мы добраться до середины реки, как над нами повисли осветительные ракеты. Стало светло, как днем. Немцы нас обнаружили и открыли беглый минометный огонь. Однако мы продолжали плыть. Добрались до берега. Автоматчики открыли огонь, стали бросать гранаты. Отбив у фашистов одну траншею, мы захватили в плен семь немцев. Они рассказали, что их командование ждет большое подкрепление. Это означало, что вот-вот немцы начнут контратаковать. В захваченной траншее мы попытались развернуть рацию, но во время переправы пулеметной очередью в ней были перебиты все линии. Что делать?

«Ефрейтор Мясницын! Немедленно отправьтесь в штаб, протяните сюда линейную связь» - приказал капитан Халявин.

«Есть протянуть связь», - ответил я и бегом бросился к берегу. Река бурлила, лед разорвало во многих местах. Как переправиться? Нужна лодка, без нее не обойтись. Лодки-то были, но на них перевозили раненых. Вода ледяная, сводит ноги. Вплавь реку не преодолеть. А в голове у меня, одна мысль: «Если я не проведу телефонную связь, мои товарищи на плац-

дарме погибнут. Я не выполню приказ».

Я бросился к лодкам и вскочил в одну из них; Плыли под ураганным обстрелом. На середине реки разорвался снаряд, лодку перевернуло. Я успел выпрыгнуть на льдину. Кругом рвались снаряды, била артиллерия, сбрасывали бомбы самолеты, поднимались огромные фонтаны воды вместе со льдом. Я прыгаю с одной льдины на другую, третью. Вроде берег уже близко. Спрыгнул с последней льдины и очутился в воде. Последние метры добирался вплавь. Вот и берег. Я бегу в штаб, доложил все, как надо. Быстро собрали связистов, выделили мне в помощь двух человек, принесли катушку с проводом. Теперь нас стало трое. Погрузили все на машину, и опять к берегу. Опять ищем, на чем переправиться. На льдины рассчитывать нельзя: их становилось все меньше, да у нас еще и тяжелые катушки с кабелем. Вместе с льдинами на реке наши плоты, лодки, плывут убитые и раненые. На реке разгорелся большой бой. Немцы взбесились. С воздуха огонь. То и дело поднимаются столбы взрывов мин и снарядов. Молчали только наши «катюши»: они ждали нашего сигнала. Мы нашли лодку, погрузили катушку, сели сами, отчалили. Над рекой стоял дым: наши жгли дымовые шашки, чтобы немцы не могли точно ориентироваться. Это нам помогло, и мы добрались до западного берега. Связисты быстро наладили связь, и капитан Халявин передал нужные сведения. Раздались залпы наших «Катюш». Капитан Халявин по протянутому нами кабелю корректировал их огонь. Удар «Катюш» подавил немцев. Началась переправа стрелковых подразделений на плацдарм.

Потом была ещё и четвёртая переправа через Одер в ту ночь. Уже под утро переохлаждённого и в бессознательном состоянии меня переправляли на плоту в госпиталь, развёрнутый на восточном берегу.

За этот подвиг я был удостоен 16 апреля 1945 года звания Героя Советского Союза

А затем были бои уже на немецкой земле и при штурме Берлина. О славном боевом опыте напоминают орден Ленина и медаль «За отвагу». Золотая Звезда Героя и медали «За взятие Берлина» и «За освобождение Праги».

Окончилась война. При увольнении в запас Военный Совет 2-й гвардейской танковой армии вручил мне письмо. В нем говорилось:

«Гвардеец! Ты честно служил в рядах нашей армии в годы Великой Отечественной войны. Правительственные награды, украшающие твою грудь, говорят о твоих боевых подвигах. Армия, соединения и воинские части, в которых ты служил, имеют гвардейские и боевые наименования и награждены многими орденами. Увольняя тебя в запас, мы твердо уверены, что ты, как и в боях, отдашь все свои силы и способности на дальнейшее процветание нашей любимой великой Родины».

И хотя здоровье было неважное, и после купания в ледяной купели я заболел, на второй день по приезду домой я пошел на работу. Работал заведующим складом запасных частей для техники в совхозе «Новолядинский» под Тамбовом.

Январь 2005 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Чертыковцев Кирилл Алексеевич****, студент 3курса факультета журналистики Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина*

Нестеров Павел Иванович

Немецкий пулеметчик ударил по мне целой очередью

Родился я 10 февраля 1918 года. Село Хвощевка Горьковской области. Национальность: русский.

Великая Отечественная война застала меня на втором курсе военного училища. Всем потоком мы были направлены для формирования дивизии, которая должна была направиться на фронт. Дивизия формировалась в Ульяновской области в городе Меликет. На тот момент я был командиром минометного батальона.

Материальной части не было. Всю теорию приходилось объяснять солдатам «на пальцах»: как подавать снаряд, как заряжать, как подготовить данные. Не было даже возможности показать практически, как производится выстрел из миномета.

В Горьком мы получили материальную базу. И только пока нас дислоцировали под Москву для принятия участия в боевых действиях, нам удалось провести с солдатами практические занятия.

Будучи в звании лейтенанта, я принял первое боевое крещение под Москвой, близ города Руза. В этом первом бою в батальоне разрываются один за другим два миномета – видимо, неопытные бойцы опустили в стволы по второй мине, не дав вылететь первой. Были убитые и раненые. Перепуганные

солдаты стрелять отказывались. Я скомандовал всем занять позиции в укрытии, а сам зарядил один из оставленных минометов и начал стрелять…

Затем после освобождения Москвы я участвовал в освобождении Смоленска. Однако, не доходя до Смоленска, перед городом Юхнов (районный центр Смоленской области) я был ранен.

Я должен был выбрать наблюдательный пункт, чтобы корректировать минометный огонь. Выбирал наблюдательный пункт таким образом, чтобы местность хорошо просматривалась, меня ранило в ногу. К счастью, пуля прошла сквозь мягкие ткани бедра, не тронув кость. Санитары вывезли меня с поля боя, и затем я был отправлен в госпиталь на излечение.

За принятие участия в освобождении Юхнова меня наградили орденом Красной Звезды. После излечения, в отделе кадров министерства обороны в Москве, я получил назначение в новую дивизию, формировавшуюся близ Рязани в селе Дашки, став командиром минометного дивизиона. Времена были тяжелые. Мы буквально выживали. Давали солдатам около 400 г пшена и 400 г хлеба.

Замечу, что мой дивизион был дивизионом тяжелых минометов. В дивизионе было 24 120-миллиметровых миномета. Ребят в этот дивизион подбирали покрепче, и такого ежедневного пайка им явно не хватало.

Как-то раз ночью мне докладывают: «Пропал солдат». Оговорюсь, что за каждого дезертира командира мало разжаловали, иногда дело доходило вплоть до расстрела. Никого не волновало, как ушел и почему. Был важен сам факт. Командир нес ответ.

Докладываю командиру батальона, мол, так и так, ушел солдат, надо найти. Подняли весь дивизион. Солдата искали долго. Нашли его в поле. Видимо, на учении солдат подглядел, как там сажали картошку. Ночью он нашел это место, раскопал посаженную картошку и стал ее печь. Я доложил командиру дивизии Исакову, тот отнесся к инциденту снисходительно.

Формирование этого дивизиона не было завершено, а дивизия была в срочном порядке отправлена на фронт. Я же был отправлен обратно в отдел кадров. Там я получил назначение командиром противотанкового истребительного батальона 21

Армии (21 Армия до Сталинградской битвы была 9-й).

В составе этого батальона я участвовал в бою под Сталинградом, будучи в звании капитана. Наша Армия была дислоцирована туда в середине июня 1942 года. Бои были очень тяжелыми. За время беспрерывных шестимесячных боев было уничтожено множество вражеской техники, живых единиц противника, пленено много вражеских солдат и офицеров, захвачено множество самоходной техники.

После Сталинградской битвы нас направили под Воронеж на формирование, которое происходило в селе Парижская Коммуна. Там 21 армия стала 4-й Гвардейской армией. Оттуда нас отправили на Курскую дугу. На тот момент я был командиром стрелкового батальона 202 Гвардейского стрелкового полка 68 Гвардейской дивизии.

По окончанию формирования наша армия была направлена на фронт. Маршем мы отправились к г. Тула, а оттуда – на Харьков. В конце августа 1943 года наша Армия прибыла на фронт, где мы должны были принять участие в боях на Курской дуге.

Бои были кровопролитными и очень тяжелыми. Нам противостояли отборные танковые дивизии немцев – Мертвая Голова, Великая Германия, Адольф Гитлер и другие. Пройти было не возможно – сплошной стрелковый огонь. Помимо этого вокруг был пожар, все горело.

Наша дивизия стояла на берегу реки Прохоровка. Помню, на противоположном берегу был лес. Этот лес как косой скосило всевозможными снарядами, пулями... Головы поднять было невозможно. Пули буквально траву косили.

Переднего края немцев не существовало – только отдельные огневые точки. Вразброс стояла техника: танки, самоходные установки. Помню, там, где мы дислоцировались, у немцев было высокое укрытие. Как только мы шли в атаку, из-за него выходила самоходная техника, открывая сплошной артиллерийский огонь.

Командир дивизии Кулик отдал приказание провести разведку боем с целью установления переднего края противника и расположения его огневых точек. Было решено на выполнение данного задания отправить мой батальон. Все понимали, что это задание смертельно опасно, и наверняка многие не вернутся. Помню, командир первого батальона Богатырев мне

сказал: «Желаю успехов, на том свете встретимся».

Я начал вести бой. Как только мой батальон вышел вперед, сразу, как и ожидалось, из-за укрытия вышли танки, самоходные установки…

При выполнении этого задания, я помню, немецкий пулеметчик ударил по мне целой очередью. Попал в бок. Пистолет и ремень разбило вдребезги. Мне бок лишь поцарапало, но я остался целым. После завершения выполнения задания, я пришел на командный пункт с этим ремнем и пистолетом. На командном пункте на меня посмотрели – а я стою, в руках держу портупею. «Ну, ничего?», – спрашивают. «Ничего», – говорю.

Начертание переднего края мы не выявили, его просто не было. В результате выполнения задания наш батальон не продвинулся ни на метр вперед. К счастью, потерь почти не было. Надо сказать, что в итоге противник сам покинул свое укрытие, и мы беспрепятственно продвинулись вперед.

За выполнение данного задания я был награжден орденом боевого Красного Знамени.

Командир нашего полка, подполковник, погиб на Курской дуге.

После Курской Дуги мы принимали участие в форсировании Днепра. На берег Днепра наша дивизия вышла в районе Белой Церкви. Переправочных средств не было. Авиация противника наносила мощные удары с воздуха. Наши солдаты переправлялись на мешках с соломой, рыбацких лодках, – словом на всевозможных подручных плавучих средствах. Мы понесли большие потери. В течение сорока дней наш полк вел ожесточенные бои по завоеванию и расширению плацдарма на правом берегу.

В этих боях весь личный состав проявил исключительный героизм. Было уничтожено много вражеской силы. За форсирование Днепра я был награжден орденом Суворова за отвагу, и меня назначили командиром 202 Гвардейского стрелкового полка 68 Гвардейской дивизии.

Потом мы принимали участие в освобождении Украины (Винницкая, Львовская области и Западная Украина).

Помню, в середине зимы 1944 года мы участвовали в освобождении г. Казятин (Украина). Противник сосредоточил крупные силы пехоты и танков, оказав яростное сопротивле-

ние. Январским утром при поддержке авиации вражеские формирования прорвали нашу оборону, к ночи окружив полк и всю нашу дивизию. По приказу командования наш полк отошел и занял оборону в районе села Байраковка Винницкой области. Оттуда мы были дислоцированы в район населенного пункта Струженка-Жубовское близ Липовца, где мы в течение двух недель удерживали оборону.

В конце января противник перешел в наступление, прорвал линию обороны и занял населенные пункты Напоровка и Россош. Таким образом, неприятель создал угрозу нашей дивизии справа и с тыла. Находясь в полуокружении, полк занял круговую оборону и вел огневой бой с противником. 28 января противник замкнул кольцо окружения. Я принял решение прорвать кольцо окружения с наступлением темноты. Ночью, несмотря на сложность боя, мы прорвались, имея небольшие потери.

В период весенней распутицы 1944 года наш полк прошел около пятисот километров маршем, ведя наступательные бои. Было освобождено 22 населенных пункта, в числе которых г. Староконстантинов. Совершив обходной маневр с тыла противника, мы зашли в г. Проскуров, который впоследствии был освобожден. За успешное выполнение задачи по освобождению Проскурова наша дивизия получила наименование «Проскуровская».

Летом 1944 года наш полк принимал непосредственное участие в разгроме и окружении Бродской группировки немцев. В составе дивизии мы одними из первых ворвались во Львов. Дивизия, в состав которой входил наш полк, за выполнение боевого задания по освобождению Львова была награждена орденом Красного Знамени.

За бои на Украине я был награжден орденом Кутузова и орденом Отечественной войны.

Далее я принимал участие в освобождении Польши. В Польше у меня было легкое ранение. После этого я принимал участие в освобождении Венгрии, Румынии, Югославии…

В Румынии мы вели непрерывные бои на ближних подступах к Будапешту. Они длились около двух месяцев. У меня в полку был военный журналист – Георгий Кубанский. Впоследствии он написал книгу «Дорога в Пешт» об этих боях. Издана она была в 1948 году издательством Министерства

Обороны. Уже после войны он прислал мне эту книгу, но она, к сожалению, затерялась. Писал в письме, помню, что она документальная и посвящается нашему полку…

В Венгрии, помню, был такой случай: зашел я как-то к командиру соседнего полка. А он пригласил меня остаться на обед. Почувствовал я, что мне как-то не по себе. Предложил по позициям пройти лучше. Он согласился. Стоило нам на сотню метров отойти от блиндажа, как в него прямой наводкой угодил артиллерийский снаряд. Блиндаж разнесло в щепки вместе с горячим обедом…

В Австрии я закончил свой боевой путь. В боях за рубежом я был награжден орденом Александра Невского, орденом Отечественной войны. За время нахождения моего полка на фронте из числа личного состава больше десяти бойцов были удостоены звания Героя Советского Союза и очень много бойцов (более 4000) награждены медалями и орденами.

Знамя моего полка находится в архиве музея Вооруженных Сил Российской Федерации, который располагается в Москве. Правда, я сам никогда в этом музее не был.

Демобилизовался я из рядов ВС СССР спустя двадцать четыре года в звании полковника, в должности командира полка. После демобилизации я, моя жена Нестерова Александра Ивановна и две дочери – Ирина и Маргарита, переехали с Дальнего Востока в Волгоград. Там я был трудоустроен на должности секретаря ОБЛТОРГа.

Ноябрь 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Мелихов Александр Евгеньевич****, студент 4-го курса Московского Энергетического Института*

Орлов Николай Николаевич

Отважный танкист

Великая Отечественная война - самая тяжелая событие прошлого века – внесла свои коррективы в жизнь не одного государства, а почти всей Европы. И, конечно же, она не обошла стороной ни одну семью.

В моей семье я был единственным мужчиной, а жили мы с матерью и двумя сестрами в селе Носачево, Ротмисторовского района, Черкасской области на Украине. Одновременно с учебой в школе я учился в Ротмистровской МТС. Получив специальность механика сельхозмашин, в 1939 г. я пошёл работать в колхоз, где трудился трактористом, штурвальным на комбайне, комбайнером.

13 ноября 1940 года приказом наркома обороны Красной Армии меня призвали в армию в танковую часть, где сразу же определили на учебу в полковую школу города Таллина. В ней я детально изучил танк КВ (Клим Ворошилов), который раньше видел только в кино. В полковой школе нас воспитывали, что войны никогда не будет, что мы “должны держать порох сухим”. Была даже такая доктрина – бить врага на его территории. Запрещалось даже говорить о войне, а за нарушение налагали наказание или взыскание.

Во время службы я часто видел, как проходили учения немецко-фашистских войск на границе Прибалтики. Никто не

придавал этому никакого значения. Но когда нам выдали шлемы, комбинезоны и наганы, стало ясно, что надвигается что-то невероятное. Служил я в то время в 123-м отдельном танковом батальоне 34-й армии 65-го стрелкового корпуса. Батальон имел на вооружение танки Т-26, БТ-7, КВ и Т-34. Учился я с большим интересом и очень легко, во многом помогала работа, до этого на сельскохозяйственных машинах. Особенно хорошо мне давалось вождение мотоциклов, танков и автомобилей.

22 июня 1941 года я встретил в Эстонском городе Пярну, где в то время располагался наш 66 армейский противотанковый дивизион. Когда началась первая бомбардировка, все солдаты спали, но через 40 минут по нашему дивизиону дали залпы с артиллерии, взрывной волной выбило окна и двери. Тогда все окончательно поняли, что началась именно война. В тот момент мне было очень страшно и жутко. Вокруг лежали убитые и раненные. Многие из них были моими друзьями.

После бомбардировки немцы не вошли в город, а только обстреляли его. В срочном порядке объявили военную тревогу. Офицерский состав с помощью связных был вызван в подразделение для получения боевой задачи – выйти навстречу немецким войскам, которые стремились войти в Прибалтику. Сила и средства фашистской армии имели превосходство над нами в два раза. Немецко-фашистскими войсками, нападавшими на Северо-Западный фронт, командовал граф Фон Либ. Он планировал взять Ленинград, затопить его и уничтожить тем самым его население. Наша армия сдерживала их наступление и одновременно отходила на укрепленный район – железнодорожную станцию Лычково под городом Луга (150 км от Ленинграда), где была сосредоточена большая группа войск по защите Ленинграда. Здесь я получил первое ранение. Когда мы однажды, лишились машин, таскали в штаб немцев – языков, один из них прострелил мне плечо. Пробыв в госпитале всего неделю, я снова вернулся на свой танк.

8 сентября 1941 года наши войска вошли в Лугу, где стали на оборону станции Мга. В этот день немецко-фашистские войска и Финская армия закрыли вход в Ленинград: город оказался в блокаде. За те страшные 900 дней фашисты разгромили и сожгли его, в результате бомбежки были взорваны бодаевские склады с продовольствием. Северо-Западный фронт был

переименован в Ленинградский. Основной задачей наших войск было защитить город от прорыва немцев.

Небольшое облегчение настало, когда в 1942 году на Ладоге была построена "дорога жизни". Зимой на озере нарастили древесину и сделали автомобильную дорогу, по которой в Ленинград из Советского Союза ввозили продовольствие. Обратно по ней эвакуировали детей и стариков.

Управляя своим танком, я отражал немецкие нападения, стреляя по ним осколочно-фугасными и бронебойными снарядами, выполняя главную задачу, поставленную нам командованием, - громить врага любой ценой.

В эти трудные дни блокады в солдат вселяла силы и звала на подвиги Моршанска махорка. Она была двух сортов: темно-коричневая (крепкая) и коричневая. Мы их перемешивали и курили "козьи ножки". Милые женщины со всего Союза присылали на фронт теплые вещи, красивые кисеты, платочки с вышитыми надписями: "Мы вас любим, возвращайтесь с победой! Мы вас ждем!". В госпиталях они по своей воле, по своему желанию приблизить час победы, стирали окровавленные бинты, белье и одежду без порошка в холодной воде.

Частичная блокада Ленинграда была снята 27 января 1943 года. Сразу же после этого события меня пригласил к себе командир Ф.А. Фондарат и предложил поехать учится в танково-техническое училище в Челябинск. Я попросился в лётное, но там не было набора. Так я попал на Урал. Сначала нас послали в Челябинск двоих из батальона, но мой товарищ отказался ехать. Из Ленинграда вывозили на самолетах, а затем поездом прибыли в Челябинск. Когда я туда приехал, сразу было очень непривычно: в городе было тихо и мирно, на окнах не было крестовых лент, горел свет. Здесь намного легче жить, чем в блокадном Ленинграде.

Казармы, в которых жили 400 курсантов, находились на улице Переселенка. Там мне сменили старую, оборванную фронтовую одежду на новую и чистую и немедленно отправили на танкодром водить машины. Когда у меня проверили умение управлять танком, сразу же назначили инструктором по вождению и присвоили звание старшины.

Командиром нашего батальона был полковник Крюков. Я всей душой рвался на фронт и просил его, чтобы он отправил меня защищать Родину. В это время с Западного фронта в

училище приехал командир взвода Еремеев. Он помог мне попасть на фронт в августе 1944-го. Перед отъездом мне дали звание младшего лейтенанта.

На фронт меня отправили с 33-го формировочного пункта, куда попадали все после окончания училища. Здесь формировали экипажи на каждый танк. Танки составляли полки по 21 машине. В машине было по 4 человека: командир машины, механик-водитель, наводчик и заряжающий. Командиром моего танка была моя жена, с которой мы познакомились в танковом училище. Там же и поженились.

После того, как я получил танк, полк отправили в Подмосковье, в Загорск. Там находился полигон для стрельб, на котором отрабатывалась слаженность работы механика- водителя, наводчика и заряжающего. Целью Министерства Обороны по формированию полков было - выявить, что представляет собой люди непосредственно в бою. Формировались новые тяжелые полки прорыва, решались вопросы боевых стрельб. Меня, как механика-водителя, проверяли, как я буду водить машину на этих боевых стрельбищах, как будут вести себя остальные члены экипажа.

По окончании подготовки нам вручили гвардейские знамена, и мы стали гвардейцами. Ближайшей и основной нашей задачей было – освобождение Прибалтики и 2-го Прибалтийского фронта. Последующая задача – изгнать противника из Восточной Пруссии и направить главный удар на Берлин.

На фронт я отправился в 326-м полку, который воевал в составе 10-го танкового Днепропетровского ордена Суворова корпуса. Часто моя машина находилась в передовых отрядах, в разведке. Всего за годы войны я сменил несколько машин.

При разгрузке машин на одной из станций в Загорске я попал под «горячую руку» командира полка В.Г. Соколова, самостоятельно разгрузив танк с платформы, что разрешалось делать только специально назначенным механикам-водителям. За это я получил пять суток ареста. Через несколько дней командир, увидев как я помогал соседнему подразделению, был очень удивлен моему мастерству и отменил арест.

В 1944 году я принимал участие в боях по освобождению городов Волшера, Цесис, Экабпиле, Лудза, Рига. Однажды несколько наших танков застряли в торфяном болоте. Наш экипаж поспешил на выручку, вызволив под огнем из болотного

плена целую роту солдат. За этот поступок я был награжден орденом Красной Звезды.

В бою под Ригой немецкий снаряд разбил гусеницу моего танка. Я вместе с Николаем Красниковым вылез из танка, чтобы заменить несколько траков. Над головой свистели пули, щелкая о броню. Командир танка – моя жена Вера и наводчик Юрий Алексеев отстреливались по врагу из пулеметов и пушки. Благодаря им мы смогли заменить траки и рвануть вперед на очередное сражение.

В городе Экабпилее мой сослуживец Федор Власенко таранил на своем танке немецкого «Тигра» и свернул ему пушку. Немцы испугались и разбежались, бросив танк. Наши солдаты его забрали и оставили в качестве трофейного.

Здесь в Прибалтике в одном из сражений я получил осколочное ранение в ногу.

В октябре 1944-го наша армия вышла на границу Восточной Пруссии, где занимали города Найденбург, Эльбинг, Татаберг, Кенинсберг, Мюнхен. Здесь мы понесли самые большие потери, и я был еще раз ранен от разрыва мины в ногу.

Очень страшным зрелищем для меня был пожар в Кенинсберге – город был объят пламенем, но мы шли по приказу на-

катом. Разговаривать по связи запрещалось. Когда я на танке вошел в самое пекло, то увидел много горящих машин, в которых заживо погибли люди. Но я остался жив, и в начале 1945 года меня наградили медалью «За героический штурм Кенинсберга».

В ночь со 2 на 3 мая 1945 года я в составе 5-й гвардейской армии 326-го тяжелого гвардейского танкосамоходного полка подошел к Зееловским высотам – предместью Берлина. Берлин был взят. Немцы сдались. Война закончилась. В то время я уже получил звание старшего лейтенанта.

В Москву я приехал 15 мая. Очень долго мы тренировались и готовились к участию в параде Победы 24 июня. Многие не выдерживали 4 часа строевой подготовки в день и убегали.

В конце мая я получил еще два ордена Отечественной войны 2-ой степени, которые мне вручал в Кремле председатель президиума верховного совета СССР Н.М. Шверник. Всего за годы войны и в последующем, я был награжден пятью орденами Славы и медалями “За оборону Ленинграда”, “За

победу над Германией в ВОВ 1941-1945 годов", "За взятие Берлина", "За взятие Кенинсберга", "За боевые заслуги" и другие.

После победы 24 июня 1945 года мне дали отпуск, а затем командование направило меня в Высшую бронетанковую школу в Казань. Затем я работал в промышленности на танковом заводе в Челябинске и на заводе в Нижнем Тагиле, служил в Свердловске, в 176 дивизии разведывательного подразделения мотоциклистов. В 1970 году я ушел в отставку и в этом же году с семьей приехал в Тамбов. Через два года меня назначили директором кинотеатра "Звезда" (сегодня "Модерн"), где я проработал двенадцать лет. Также я работал четыре года на инженерской базе военизированного автомобильного предприятия.

9 мая 2000 года на юбилейном параде в Москве нас, кто принимал участие в ВОВ, было уже совсем мало. Годы берут свое. Время летит и время лечит, но то, что пришлось пережить мне с 1941 по 1945 годы, не забудется никогда.

Июнь 2005 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Куркленко Ольга Викторовна***

Орлов Яков Никифорович

С зоркостью орла

Я родился 25 ноября 1917 года в Новосибирской области, Карасурского района, Нестеровского сельсовета в селе Нестеровка. Национальность: украинец. Состоял в комсомольской организации 3-го строительного участка станции Караганда-Сортировочная Казахской ССР с 1937 по 1943 гг. В 1944 г. принят в ряды КПСС партийной организацией 11 отдельного разведывательного авиационного полка. Подполковник, герой Советского Союза. В годы ВОВ – лётчик-разведчик.

Отец мой батрачил на кулака; от непосильного труда он заболел чахоткой и скончался, когда мне не было и года. Мать тоже была батрачкой. Спустя некоторое время после смерти отца, она вышла замуж за Семёна Сергеевича Хворостяна, работавшего конюхом в колхозе.

Нашей семье из девяти человек приходилось нелегко. Я состоял на иждивении родителей, учился в школе, а летом помогал семье работать в колхозе. Школу я окончил в 1931 г., а через четыре года отправился на заработки в город Омск, где с сентября по ноябрь 1935 г. я на пароходе «Урал» состоял в должности матроса при Нижне-Иртышском пароходстве. Там же мне приходилось работать и грузчиком при выгрузке барж.

С 1 ноября 1935 г. по август 1937 г. трудился я в роли каменщика при 3-ем строительном участке Караганда-

Сортировочная Казахской ССР. Одним словом, с этих лет началась моя самостоятельная трудовая деятельность.

Но в душе своей я чувствовал стремленье к учёбе. И чтобы продолжить образование, в сентябре 1937 г. я поступил в горнопромышленный техникум имени Костенко города Караганда, который окончил в октябре 1939 г. Но, наверное, не в этой сфере было моё призвание. Я с замиранием сердца смотрел на проносившиеся в голубом небе самолёты; и ещё в 1938 г. - без отрыва от учёбы в техникуме - окончил Карагандинский аэроклуб по подготовке пилотов на самолёты По-2. С октября 1939 г. по февраль 1940 г. на основании приобретённой профессии работал в угольной шахте № 18 г. Караганда электрослесарем.

16 февраля 1940 г. Карагандинским городским военкоматом я был призван в ряды Красной Армии. И до февраля 1941 г. служил в городе Ташкенте при 217 авиабазе рядовым солдатом, работал на различных работах. Был также и трактористом, но, управляя трактором, не переставал мечтать о небе, поэтому подал рапорт о желании учиться в авиационной школе.По ходатайству и личной просьбе старших командиров в феврале 1941 г. меня направили для обучения в Тамбовскую авиационную школу военных лётчиков (ТАШВЛ), которую окончил в июне 1942 г. Сразу же по окончании школы я был оставлен при ней в должности инструктора-лётчика для обучения курсантов на самолёте «СБ» (скоростной бомбардировщик).

В октябре 1942 г. меня перевели из ТАШВЛ в 18-й запасной бомбардировочный авиационный полк в город Чистополь на должность инструктора-лётчика на самолёте Пе-2.

О начале Великой Отечественной войны узнал 22 июня 1941 г., когда был курсантом Тамбовской авиационной школы. И когда в школе этой заканчивал обучение, и когда инструктором работал, - рвался на войну (ведь братья мои уже защищали Родину), но руководство не пускало: Советскому Союзу нужны были специалисты, способные подготовить лётчиков-профессионалов, в то время необходимых для борьбы с фашизмом. Я продолжал всё с большим и большим усердием обучать ребят. И сам, наконец, в 1943 г. отправился добровольно на войну - в феврале из 18 запасного бомбардировочного полка я был переведён в 34-й штурмовой запасной авиационный полк города Ижевска на должность слушателя пере-

менного состава по переучиванию на самолёт-штурмовик Ил-2. А в мае сорок третьего меня перевели в 5-ый отдельный смешанный учебно-тренировочный авиационный полк (ОСУТАП) на Калининском фронте. Ведь меня самого теперь нужно было учить: наука и техника постоянно совершенствовались; Ил-2 и Пе-2 были в то время совершенно новыми машинами.

После этого я попал в 11-й разведывательный авиационный полк. Это было 29 июля 1943 г. Именно с этой даты началась моя фронтовая биография, биография двадцатипятилетнего рядового лётчика, желавшего хоть как-то помочь освобождению Родины.

Мой боевой путь был длинен и насыщен различными ситуациями. Ниже я представляю, уважаемый читатель, названия географических мест, встречавшихся на моём пути и наиболее укоренившихся в моей биографии.

Город Ржев (август 1943). Железнодорожная станция Орша (29.09.1943). Город Витебск (16.12.1943). Город Полоцк (декабрь 1943). Район города Улла (24.01.1944). Река Западная Двина (конец января 1944). Город Бешенковичи (22.05.1944). Города Резекне, Двинск, Вильнюс, Шауляй, Каунас, Рига (середина июля 1944). Река Березина, город Борисов (25.07.1944). Порт Мемель (21.08.1944). Город Ауце (конец августа 1944). Река Лиелупа, город Митава (3-10.09.1944).

Увидел я эти многие города и места, защищая Родину на трёх фронтах:

1. На Калининском фронте в составе 11-го отдельного разведывательного авиационного полка в должности лётчика (14.09.1943 – октябрь 1943).

2. На 1-ом Прибалтийском фронте в составе 11-го отдельного разведывательного авиационного полка вначале в должности лётчика (октябрь 1943 – август 1944), а затем – в должности командира звена (август 1944 – февраль 1945).

3. На 3-м Белорусском фронте в составе 11-го отдельного разведывательного авиационного полка в должности командира звена (февраль 1945 – 9.05.1945).

За годы Великой Отечественной войны мной было сделано 184 вылета. Некоторые из разведывательных вылетов были сопряжены с различными трудностями и опасностью потерять жизнь, но наша команда работала слаженно. И поэтому сего-

дня можно с воодушевлением рассказывать о ярких и значимых полётах.

Ведя боевую разведку 21.08.1943 в сложных метеоусловиях, я обнаружил на железнодорожной станции Дретунь два ж/д эшелона и два отдельных паровоза, также засёк в движении на город Невель 40 автофургонов.

11.09.1943 мной было установлено: на ж/д ст. Городок – 1 ж/д эшелон; на ж/д узле Орша – до 15 эшелонов и до 20 составов; на аэродроме Балбасово – до 150 самолётов разного типа. Результаты визуальной разведки я подтвердил фотоматериалами.

18.10.1943 я установил разведкой, что по шоссе Орша – Витебск движется автоколонна, состоящая из 100 автомашин и 10 танков.

Вышеперечисленные вылеты были мной совершены, когда я имел звание младшего лейтенанта.

26.03.1944 в ходе разведки в районе Полоцка мной было установлено, что на ж/д узле Полоцк находится до 15 составов – всего 700 вагонов разного типа; 46 паровозов под парами.

29.03.1944 на ж/д участке Полоцк – Будослав я обнаружил в движении и на станциях 8 эшелонов, 17 ж/д составов, 12 поездов под парами. Возможно, из района Полоцка надвигалось соединение противника.

5.05.1944 передал командованию сведения о том, что на аэродроме Большая Ситце – 20 немецких самолётов; на станции же Парафьяново – 4 ж/д состава – всего до 100 вагонов.

29.05.1944 отлично (так оценило мои действия командование) заснял 6 аэродромов противника за один боевой вылет.

Эти задания я выполнял, когда уже был лейтенантом. А нижеприведённый перечень полётов я совершил будучи старшим лейтенантом.

9.06.1944 я сфотографировал на ж/д узле Резекне до 15 составов – всего 600 вагонов и 5 паровозов под парами.

14.06.1944 наш экипаж фотографировал край обороны противника между Витебском и Полоцком. Приятно осознавать, что по представленным планшетам начался прорыв наших войск.

21.06.1944 я установил, что по автостраде на город Борисов направляется 700 автомашин, а на город Березино – 1000 автомашин.

1.07.1944 нашим экипажем было засечено до 400 машин и повозок, двигавшихся по дороге от Докшицы на Глубокое. В этот же раз мы установили, что аэродром Б. Ситце выведен из строя – взорван и вспахан.

19.07.1944 с нашего самолёта было произведено фотографирование площади переднего края обороны района: ст. Полота (20 км северо-восточнее Полоцка) – Старое село (20 км западнее Витебска). В общем, за этот день было обследовано и сфотографировано 2000 км^2 территории. При этом были вскрыты оборонительные рубежи и укрепления противника. Тем самым наш полёт способствовал прорыву и дальнейшему продвижению советских войск на указанном участке фронта.

Попутно с разведкой мне приходилось шестнадцать раз бомбардировать места сосредоточения войск и техники немцев. Также я несколько раз во время заданий штурмовал с бреющего полёта живую силу и машины фрицев.

Орден Красного Знамени. Приказ № 0299 3-ей Воздушной армии от ноября 1943 г.

Получил я свою начальную награду за разведывательные операции моих первых военных месяцев, июля – ноября 1943 г., о которых вы уже успели прочесть. Во избежание упрёков в самопрославлении своего имени привожу выдержку из характеристики, отражающей взгляды командования: «...Как наиболее подготовленному лётчику всегда поручалось выполнение самых сложных и ответственных задач по разведке. Несмотря на противодействие, оказываемое противником, экипаж всегда полностью выполнял боевые задания».

Орден Отечественной войны I степени. Приказ № 0189 3 ВА от 8.06.1944 г.

Эта награда мне была вручена за успешно выполненные с 6 декабря 1943 г. по июнь 1944 г. разведзадания.

16.12.1943 перед моим экипажем была поставлена задача разведать дороги, идущие от Витебска на Лепель – Полоцк – Оршу. Метеорологические условия были неблагоприятными, однако все дороги этого направления мы сумели разведать с высоты в 100 – 200 м.

24.01.1944 мной были разведаны оборонительные рубежи противника на реке Западная Двина и вокруг города Улла.

22. 05. 1944 наш экипаж вылетал на разведку войск и техники врага на участке переднего края обороны немцев в рай-

оне Полоцк – Бешенковичи – Витебск. И, несмотря на низкую облачность и сильный зенитный огонь, затруднявшие выполнение операции, мы получили ценные сведения.

Орден Красного Знамени. Приказ № 0254 3 ВА от июля 1944 г.

Орден этот получил я, главным образом, за две июльские операции.

Речь идёт о рассказанной выше разведывательной операции 19.07.1944. Вторая операция была проведена 30 июля того же года, когда мною на аэродроме в Ликенах было обнаружено 20 самолётов гитлеровцев; на аэродроме Двинск Восточный ещё 20 самолётов «Юнкерс-88» и на станции до 50 ж/д составов, в которых насчитывалось до 1100 вагонов и 4 паровоза.

Медаль «Золотая Звезда». Указ Президиума Воздушных Сил от 23.02.1945.

Неоспорима мысль, что вклад каждого солдата в освобожденье Родины велик. Я рад, я счастлив душой, что мой военный труд оказался полезен нашему государству для приближения к Великой Победе. По итогам моих выполненных заданий и заслуг за два с половиной месяца до окончания войны мне и было присвоено звание Героя Советского Союза.

Орден Ленина. Указ Президиума ВС от февраля 1945 г.

Медаль «За победу над Германией». Указ Президиума ВС от 9.05.1945.

Медаль «За взятие Кенигсберга». Указ Президиума ВС от 9.06.1945.

Медаль «30 лет Советской Армии и Флота». Указ Президиума ВС от 22.02.1948.

Медаль «За боевые заслуги» (за выслугу лет в Советской Армии). Указ Президиума ВС от 15.11.1950.

Орден Красной Звезды (за выслугу лет). Указ Президиума ВС от 26.10.55.

На войне побывали все четверо моих братьев. Василий Семёнович (1920 года рождения) и Григорий Семёнович (1922 г.р.) Хворостян так и не вернулись домой. Матвей Семенович и Леонид Семёнович Хворостян в добром здравии завершили службу и продолжили трудиться на благо Отечества, Матвей - трактористом, Леонид - бухгалтером.

Память о воинах, о их жизни, моя и наша общая история, наше стремление к победе всегда будут главными в моих вос-

поминаниях.

* * *

Давно минули годы тяжёлого противостояния СССР фашистской Германии. Но все эти 60 с лишним лет ни на секунду не исчезала память об ужасе пережитой войны.

Моя военная жизнь соткана из темных и светлых лоскутков-ситуаций. Воспоминания об одних случаях то всплывают, то вновь уходят из головы. Но есть такие события, память о которых всегда будет жить в моём сердце и, хотелось бы верить, дорогой читатель, в сердце вашем.

С августа 1943 г. я приступил к боевой работе как лётчик-разведчик. Мы вели разведку войск противника в районе Ржева. Летал я достаточно много; ярче всего запомнился первый вылет. Он был настолько впечатляющим, что даже трудно словами передать. Ведь на меня возложено такое важное боевое задание (а поручено было установить, по какой дороге отступают немцы и сфотографировать скопления ж/д составов). Летишь, а внизу всё горит – ничего не видно. Нужно стремиться выполнить задание, что наш экипаж и сделал.

16.12.1943 в районе Витебска мы выполняли очередную задачу. Машину нашу начали обстреливать зенитным огнём. Нужно было быстрее выводить самолёт из-под обстрела. Вот когда я мысленно от всего сердца сказал спасибо моему инструктору Александру Васильевичу Лазареву, прекрасно обучившему меня мастерству лётного пилотажа. Мы ушли от огня. Но тут два фашистских истребителя «Фокке-Вульф-190» стали нас преследовать. Спастись можно было только благодаря слаженной работе нашего экипажа. Противник начал стрелять, шесть раз он атаковал нашу машину…

А ведь здорово, что у нас тогда всё получилось: получилось отбить атаки немцев, получилось с мизерным количеством горючего точно установить сосредоточение войск недруга – одним словом, выполнить запомнившееся на всю жизнь задание. Кстати, когда мы возвратились «домой», на аэродром, то оказалось, что в баке осталось всего 100 литров горючего.

Обстрелу мой самолёт подвергался и спустя месяц и несколько дней – 24.01.1944 в районе города Улла. Но наш экипаж решил: будем отбивать атаки врага и не возвратимся на

аэродром, пока не выполним полностью поручения. На случай, если нас подобьют и, соответственно, фотопланшеты с разведданными из наших никто не увидит, информацию я передавал вначале в устной форме прямо с борта корабля.

Наш экипаж в этом полёте первым разведал оборонительные рубежи противника на реке Западная Двина и вокруг г. Улла.

В период подготовки Витебской операции перед полком была поставлена задача – вскрыть все оборонительные рубежи немцев перед фронтом путём фотографирования переднего края обороны. Выполнение этой сложной задачи было возложено на мой экипаж, так как его (что радостно было слышать) оценили как лучший.

Мы отправились в разведку. Всё нормально не бывает никогда. В этот раз работу усложнила низкая облачность; а сильный зенитный огонь артиллерии немцев заставлял нас быть сверхбдительными.

Неприятность не приходит одна. Действия наши были осложнены непредвиденным обстоятельством – упало давление в левом двигателе. В таком случае остаётся только одно – нужно прекратить полёт и возвратиться на базу. Но можно ли было на это согласиться, когда каждая упущенная минута могла быть решающей и каждое упущенное сведение могло замедлить продвижение фронта. И я решил продолжить полёт. Мы фотографировали с высоты 3 тыс. м. Потом по данным дешифровки были получены ценные сведения о расположении наземных войск противника.

Иногда мы работали и под прикрытием. Например, в конце лета 1944 г. у города Ауце в Латвии нас во время работы прикрывало двенадцать истребителей. Наш самолёт уж так был вреден фрицу – ведь мы успели получить много интересной информации. Чтобы избавиться от советских разведчиков, на нас направили шестнадцать истребителей, которые быстро приступили к атаке. Все атаки фашистов мы отбивали благодаря взаимодействию с нашим прикрытием. Развернувшийся несколько минут назад воздушный бой продолжался. Удача была на нашей стороне: во время баталии были уничтожены две неприятельские машины. Мы, экипаж Пе-2, находясь в гуще событий, помогали своим огнём нашим лётчикам. Вернулись мы с израсходованным боекомплектом и с большим

количеством необходимых нашему фронту данных.

После этой операции меня назначили командиром звена.

Чтобы добиться результата, нужно постоянно повышать свой уровень. А для этого нужно постоянно сравнивать себя с идеалом. И я не согласен с людьми, говорящими, что человек боится себя представить на фоне чего-то идеального. В истинности своих убеждений я удостоверился на собственном опыте. Мой идеал – это пилот неутомимый и бесстрашный в выполнении любых боевых задач; и даже невозможное для него возможно.

Если кто-то спросит: неужели не было в истории этого лётчика замысловатых ситуаций и случаев, когда его самолёт был на волоске от катастрофы?

Отвечу: один из таких полетов был 14.09.1944 года. Вылетели мы в 4 часа утра. Прямо при взлете нас подкарауливали немецкие истребители. Это были два «Фокке-Вульфа-190». На высоте 800-900 метров они атаковали нас, попали в мотор, и самолет загорелся. У штурмана была обнаружена неисправность парашюта. Нельзя же было бросать боевого друга - и я быстро развернул горящий самолет и сумел посадить его на своем аэродроме. Конечно, это было сделать непросто. Но все-таки сели. Оказавшись на земле, мы быстро выпрыгнули из горящей машины и бросились в кустарник, чтобы не быть расстрелянными немецкими истребителями: они низко пронеслись над нами и выпустили несколько очередей по горящему самолету. Спасти его было невозможно, и мы вернулись на аэродром, чтобы выполнить задание на другом самолете. Через два часа мы вновь вылетели на выполнение задания. Всё сделали, как полагается. Возвращаясь на базу, увидели, что прямо над нашим аэродромом идет воздушный бой, и все наши самолеты в воздухе. Немецких было тоже достаточно много. Ввязываться в бой нам было нельзя. Почему? Во-первых, потому, что нам необходимо было доставить разведданные - это наша главная задача, во-вторых, потому, что горючее у нас было на исходе. Мы уже начали приземляться, выпустив шасси, и в это время немецкий истребитель появился у нас на хвосте и дал пулеметную очередь, пробив шасси. Садиться нельзя, но и в воздухе болтаться мы не можем. Тогда я принял решение - хоть и жалко машину - садиться на «брюхо». Приземлились удачно. Такой выдался день - два раза подбили, а эки-

паж жив и выполнил боевое задание. Знаете, каждый командир, если он действительно командир, обязан выполнить любой приказ несмотря ни на что, даже если это грозит ему неминуемой гибелью.

Чтобы выполнить боевое задание, приходилось придумывать различные способы и хитрости. Особенно трудно было перелетать линию фронта. Обычно мы летали за облаками; если над лесом, то, чуть не касаясь верхушек деревьев. Иногда пролетали передовую очень низко, почти над головами немецких солдат, которые были в окопах. Увидев советский самолет, немцы, как правило, вылезали из окопов и стреляли из автоматов и пулеметов. Чтобы нас не сбили, мы применяли такую хитрость: штурман стрелял из пулемета в воздух: в солдат ему трудно было попасть, а немцы, видя, что их обстреливают, падали на землю и скатывались в окопы; мы же тем временем перелетали передовую и углублялись в немецкий тыл.

Однажды нашему экипажу предстояло сфотографировать немецкий аэродром. Мы летели за облаками, и, достигнув цели, стали быстро снижаться. Чтобы самолет не обстреливали, мы выпустили шасси, как бы показывая этим самым, что хотим совершить посадку и сдаться в плен. Немцы вышли встречать наш самолет, а мы и не собирались приземляться. Сделав необходимые снимки, облетев еще один круг, наша машина резко взмыла вверх и скрылась за облаками. Немцы подняли тревогу, но было уже поздно, нам удалось благополучно уйти. Нередко, делая подобные опасные полеты, мы возвращались домой со многими пробоинами в машине, а иногда просто изрешеченные.

На вопрос, почему задания, несмотря на препятствия, всегда удавалось выполнить, у меня всегда готов ответ. Заслуга здесь не только моя: 50% успеха зависели от других членов экипажа, от штурмана Фёдора Лежнюка и стрелка-радиста Ивана Круподёрова. Мы трое стали единым целым, понимали друг друга с полуслова. Экипаж ждал от меня нужного приказания, а я всегда знал, как поступят в соответствии с моей командой боевые товарищи. А поступали они всегда безупречно.

После войны я не оставил своего любимого дела: ещё двенадцать лет отдал службе в авиации. Летал на новейших машинах, обучал молодёжь.

После увольнения в запас вернулся в Тамбов. Меня посто-

янно тянуло к общественной деятельности: я хотел каждым своим действием помогать прекрасному городу Тамбову, давшему тогда, много лет назад, мне путёвку в небо. Для меня было большой честью получить признание тамбовчан, да какое! В 1980 году я выполнил ответственное поручение – доставил из Москвы от Памятника неизвестному солдату в Александровском саду огонь для открывшегося в Тамбове на Октябрьской площади мемориала погибшим в годы ВОВ солдатам.

Часто приходя к мемориалу, я думаю вот о чём. Языки пламени едины, слиты. Их сплотила единая горящая, неиссякаемая основа. Так и нас, весь советский народ, сплотила 65 лет назад идея, что мы сражались за правду, за справедливость; что сражались не только за Кремль или не только за родную семью. Нет! Мы сражались за Родину. Государством для нас были и родное село, и златоглавая Москва; и родная улица, и Кремль, и родители, и Сталин; морозные ветра северных морей и жгучее тепло южных городов – ибо всё это было одно и то же, носящее величайшее название Отчизна.

Мы ждали и верили в победу, которая пришла к нам, как лучший праздник в жизни. Праздник под названием Путь, великий путь для новых поколений народов СССР, Дорога, по которой пройдёт осыпанная звёздами счастия Россия; звёздами, отливающими ярчайшим огнём, вечным огнём памяти о подвиге своих предков.

Январь 2005 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Ушаков Роман Александрович****, студент 2 курса факультета журналистики Тамбовского Государственного университета им. Г.Р. Державина*

Пинтелин Алексей Павлович

Герои возвращаются даже с того света!

Я русский, коммунист, родился 22 сентября 1925 года в Рязанской области, Милославского района. Мои отец и мать были крестьянами. В 1932 году моя семья переехала в Москву. Я окончил школу №271 в городе Москве в 1941году. После окончания школы поступил в электромеханический техникум. Но началась война и занятия в техникуме прекратились, поэтому, проучившись в техникуме два месяца, я вынужден был пойти работать.

Начало войны я встретил в Москве, услышал первое сообщение о начале боевых действий по радио. В первые дни войны немецкие самолеты еще не так интенсивно совершали налеты на город. Однако уже в июле бомбежки стали регулярными. Каждый вечер в 21.00 по московскому радио передавали предупреждение о предстоящем налете авиации. Всем жителям предписывалось после объявления немедленно спуститься в бомбоубежище. На каждой крыше дома стояли ящики с песком.

Однажды зажигательная бомба попала в дом, где я жил, и я, не раздумывая, принялся забрасывать бомбу песком. Благодаря умелым действиям удалось предотвратить трагедию.

Дни середины августа 1941 года выдались наиболее трудными, была введена карточная система, питания не хватало, а

ведь надо было много физически работать.

Я вместе с товарищами ставил противотанковые ежи, таскал мешки с песком, сооружал препятствия на Даниловской площади в Москве, тушил зажигательные бомбы.

В 1942 году я пошел работать на Трехгорный мануфактурный комбинат имени Ф.Э. Дзержинского учеником. Получив специальность, работал токарем. Проработав один год, был призван в армию.

Я получил повестку из Краснопресненского военкомата 28 декабря 1942 года. Был отправлен во Владимирскую область в город Суздаль, в Винницкое военно-пехотное училище, в котором проучился до мая 1943 года. Ввиду обострившегося положения на фронте, это училище было расформировано, и я был направлен в 27-й Гвардейский воздушно-десантный полк 8-й Гвардейской воздушно-десантной дивизии в звании сержанта.

Дивизия вела ожесточенные бои на Воронежском фронте (в последствии 1-й Украинский фронт). В составе 27 полка я принимал участие во взятии городов Купянска, Чугуева, Водолага.

23 августа 1943 года принимал участие во взятии Харькова. В этом ожесточенном бою был тяжело ранен мой непосредственный начальник – командир взвода лейтенант Тимофеев А.К. Я оказал ему медицинскую помощь и отправил в медсанбат. И больше его не видел. Впоследствии предпринимал попытки его найти, но безуспешно.

За взятие города Харькова я был награжден орденом Красной звезды (приказ от 24 августа 1943 года).

После Харькова полк был переброшен в район Полтавы.

На войне все может случиться. Вот такой уникальный случай и произошел со мной…

Стоит на Украине, у поселка Котельва, памятник: солдат с автоматом на груди, склонивший голову над братской могилой, на мраморных плитах которой высечены имена воинов, погибших при освобождении этого населенного пункта. Их семьдесят девять. Но не все они закончили здесь свой жизненный путь. Был конец августа сорок третьего. Третий батальон 27-го Гвардейского воздушно-десантного полка 8-й Гвардейской воздушно-десантной дивизии ведет наступательные бои на Полтавщине, близ поселка Котельва. Оснащенный мощны-

ми «тиграми» и «фердинандами» враг сопротивляется жестоко и фанатично. Я, восемнадцатилетний наводчик противотанкового ружья (ПТР), с моим напарником короткими перебежками продвигаемся вперед, занимаем огневую позицию в складках местности, ведем огонь и вновь меняем место, приближаемся к позициям врага. Громыхают выстрелы, взлетают груды земли от взрывов снарядов, свистят осколки и пули, глухо ухают мины, падают сраженные воины. Но атака продолжается. Уже остаются десятки метров… и вдруг ослепительная вспышка, оглушительный взрыв преградил путь мне. Я упал и потерял сознание.

После взятия Котельвы, специальное подразделение собрало погибших, вырыло братскую могилу, и на окраине поселка, возле небольшого парка, вырос невысокий холм у дороги.

На утро следующего дня командир дивизии, проезжая по дороге, обнаружил невзрачную могилу и приказал перезахоронить погибших в парке среди берез.

Перенося трупы, бойцы в одном из них обнаружили признаки жизни и доставили в медсанбат. Так я гвардии сержант 27-го Гвардейского воздушно-десантного полка оказался вторично рожденным.

Я получил контузию средней тяжести с потерей памяти. Пролежал в госпитале во Владимире 3 месяца. В госпиталь приходили представители военных училищ, которые набирали для пополнения училищ выздоравливающих. После выписки из госпиталя в декабре 1943 года я поехал в 4-ую Гвардейскую армию на курсы младших лейтенантов. После окончания курсов был отправлен в Харьковский военный округ на должность командира взвода в 6-й запасной стрелковой дивизии.

В 1945 году мне было присвоено звание лейтенанта.

Радостная весть о Победе застала меня в 6-й запасной стрелковой дивизии.

После войны я посвятил себя военной службе. Был переведен в 216-ю Краснознаменную ордена Суворова, ордена Красной Звезды, ордена Богдана Хмельницкого дивизию. Мой полк стоял в Миргороде. В конце 1945 года дивизию перебросили в Азербайджан. Я прошел все должности от командира взвода до командира полка.

Служил в городе Баку, Кировабаде, Степанакерте. В Ле-

нинграде окончил Военную академию тыла и транспорта и до1980 года продолжал службу в Азербайджане. В 1980 году был уволен в запас по состоянию здоровья.

В 2000 году перенес операцию. Из правой руки вытащили осколок, оставшийся с войны. Комиссией ВТЭК был признан инвалидом 2-й группы.

Давно окончилась война. Благодарные соотечественники воздвигли памятники воинам, не вернувшимся с войны, на гранитных и на мраморных плитах высекли их имена. На одной из них, что стоит в парке поселка Котельва, среди других фамилий погибших, значится А.П. Пинтелин.

В дни празднеств на плиты ложатся живые цветы: люди помнят о тех, кто отдал свои жизни во имя Победы. Приходят сюда и ветераны, и молодые. Побывал однажды здесь и я. Поклонился своим боевым друзьям, с которыми пролил кровь, с которыми лежал в общей могиле.

Список воинов Советской армии, павших смертью храбрых в боях за Родину с немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., похороненных в братской могиле в поселке городского типа Кательва Кателевского поселкового совета, Кателевского района Полтавской области на территории колхоза имени Ленина заверен районным военным комиссаром (капитан Сибирцев). В этом списке значится 79 воинов, в том числе и я, Пинтелин А.П.

Справка в «Книге памяти» города Москвы в числе погибших на фронте в томе 10 на странице 286 параграф 8 значится:

«Пинтелин Алексей Павлович, 1925 года рождения в Милославском районе Рязанской области. Призван Московским ГВК. Рядовой 27 гв. Воздушно-десантного полка 8 гв. ВДД погиб 2.9.1943 года. Похоронен с Кательва Полтавской области Украина. Справка о смерти подписана начальником 4 отделения Объединенного Комиссариата Тверского района города Москвы (подполковник А. Гейвондов)».

В газете «Ветеран» города Москвы спецвыпуск газеты района №2, «В советах» Военные судьбы. В статье «Герои возвращаются даже с того света» где говорится о боевой судьбе полковника в отставке Пинтелина А.П.

Центральный Архив Министерства обороны СССР 1 февраля 1983 г. № 304628 142100 г. Подольск Московской области. Командир воинской части №71471 г. Баку №245 от

28.12.82 г.

Подтверждается смерть Пинтелина А.П.
Зам. Ком. Отдела Алексеев.

Награжден двумя орденами и 23 медалями:

- Орден Отечественной войны I степени (указ Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 года);
- Орден Красной Звезды;
- Медаль «За отвагу» (вручал военный комиссар за взятие Колетвы 28 августа 1943 года);
- Медаль «За боевые заслуги» (за Багадухов);
- Медаль «Ветеран вооруженных сил» (за 25 лет службы в СА);
- Медаль «За победу в Великой Отечественной войне»;
- Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне»;
- Медаль «Ветеран труда»;
- Медаль «За выслугу 15 лет»;
- Медаль «За выслугу 20 лет»;
- Медаль «Вооруженным силам 40 лет»;
- Медаль «Вооруженным силам 60 лет»;
- Медаль «Вооруженным силам 70 лет» и др.

Ноябрь 2002 года

*В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Львов Александр Владимирович**, студент 3 курса Московского авиационного института (Технического университета)*

Потаскаев Павел Леонтьевич

Пойдешь сегодня со мной в разведку?

Родился я в Москве 14 декабря 1919 года. Национальность: русский. Вероисповедание: православный. Беспартийный.

Жили мы на Большой Полянке, там я и в школу ходил, окончил ее в 1937 году. После школы учился в ФЗУ до 1939 года. Я тогда еще ходил в аэроклуб, учился на летчика. И когда уже выучился, за день до окончания – меня вдруг отчислили из аэроклуба, потому что там узнали, что у меня отец был репрессирован. Я очень сильно переживал тогда из-за этого, потому что с детства мечтал стать летчиком.

А потом меня призвали в армию 1 декабря 1939 года (а 1 декабря началась война с Финляндией – о ней тогда молчали). Вначале нас направили в 168-й запасной полуполк. А потом, в январе 1940 года, числа десятого, вызвали из нас восемнадцать человек, что называется с вещами на выход, ну мы с разных батальонов и друг друга никого никто не знает. И зачем нас вызвали – тоже неизвестно. Ну, я спрашиваю: «А чего это нас сюда вызвали?» Тут входит лейтенант – дела наши забирает и прям мне: «На, отвечать будешь головой», ну, на всех 18 человек.

И нас отправили в Павловск, это под Ленинградом. Ну,

Луцк его ещё называли. Там нас определили во 2-й запасной танковый батальон. И, значит, я попал в роту радистов. Просился на водителя, но там рота была заполнена. И я начал служить. Нас готовили морзистами. К августу месяцу переводят нас в Порхов (город в Псковской области, недалеко от Пскова). Там был первый мотострелковый корпус. У нас там был 1-ый, 5-ый и 6-ой танковый полк. Наш 6-ой танковый полк состоял из тяжёлых танков. Там были Т-28 – на бензиновом двигателе авиационном, они загорались даже от крупнокалиберного пулемёта. А оттуда нас направили в Финляндию.

А в Финляндии у нас были 3 танка КВ, и они очень здорово помогли взять линию Маннергейма. Очень много танков там наших сначала загубили. Тогда на остальных машинах были 37-мм пушки – они финские доты не пробивали: их подвозишь к доту, а там толщина метров шесть, бомбили их, бомбили, но ничего не могли сделать. И когда вот эти три машины пришли, предложили финнам: «выходите, иначе мы вас взорвём». Ну, они в ответ только по-русски обзывают нас. Танки оставляют подвезённые санки, сами отъезжают, и начали их бить. Через пять дней от дотов ничего не осталось. Так мы прорвали линию Маннергейма, но раньше все это держали в секрете, ничего нельзя было рассказывать, нигде нельзя было писать номер своей дивизии (а если кто этим интересуется, того считали врагом народа) - настолько все было засекречено.

Нас готовили экипажи (в Порхове). Мы там начинали служить на Т-28, а пока мы, восемнадцать человек, прорывали линию Маннергейма, экипажи наши уже расформировали. На Т-28 экипаж - шесть человек, а КВ – пять человек. И нас уже в другие экипажи переформировали. У нас пять человек должно было быть в экипаже, а мы их не видели, не знаем, кто, где сидит. Знаем, что имеется 76-мм пушка, а больше ничего не знаем, нам не сообщали, хотя мы должны знать. Потом прислали нам несколько машин, и (в этот состав я не попал) отослали во Львов, на Западную Украину.

Раньше, числа третьего - четвертого мая, еще в Порхове была подписка на займ, государственные облигации. И вот выступает командир полка и говорит: «Я вношу двухмесячный оклад для того, чтобы нам разбить фашистских гадин и освободить братскую Чехословакию! Мы должны осенью пойти освобождать братскую Чехословакию!». Это после стали гово-

рить, что было неожиданное нападение – а на самом деле тогда мы знали, что будет война, готовились к ней. И самое главное, что в это время начали погибать, пропадать командиры крупных соединений. Командование нашей армии было обезглавлено. Я уверен, что многие наши беды в начале войны были именно из-за этого.

Восьмого мая весь наш полк (там кроме нашего был 5-й полк) послали на Т-28, и вот десятого числа мы поехали на полигон под Ленинградом, и там вели земляные работы на большой территории, жили в палатках, копали эскарпы и контрэскарпы, это такие противотанковые заграждения, чтобы после учиться их преодолевать. Работать было очень тяжело, стояла изнурительная жара, работали без праздников и выходных весь май и июнь. Собирают нас вечером 21 июня, а 22 воскресенье было, и объявляют, что наши работы окончены, и завтра мы поедем на речку, возьмем туда кухню, и целые сутки там будем отдыхать. Мы ложимся спать, и вдруг – тревога! Все ворчали: ну, вот, в кои-то веки выходной дали – и опять по учебной тревоге поднимают. И когда мы побежали в парк к своим машинам, - нас вначале часовой не пропускал никого. Приезжает кто-то из штаба, говорит: «Давайте!»; разрешение дал. Мы выводим танки, смотрим – заправляется полный боевой комплект. Это часам, наверное, к четырем утра.

У нас часто бывали учебные тревоги, вот и сейчас мы собрались как на ученье – а тут полный боевой комплект: танковые снаряды (76 мм, для тяжелого танка); и на исходную позицию. А до этого заранее каждому было известно, кому какое место в лесочке занимать. Мы приходим к штабу, и тут самолет По-2 летит (это наш учебный самолет, кукурузник), и над штабом бросает пакет. Там было сообщение, что началась война, нам его зачитали. Понятно, что это известие всех нас очень взволновало, тем более что мы находились близко к границе. Командир полка у нас был очень хороший, он был буквально отцом всем нам, лучшего не найдешь – он нас всегда поддерживал, подбадривал. Служить с ним было одно удовольствие. Ну, он зачитал нам сообщение о начале войны; ждем распоряжений. И вдруг нам дают распоряжение собраться в Гудергоф – это недалеко от Ленинграда, там, рядом Павловск, Царское Село, Красное Село и Гудергоф. Там находились Ленинградские бронетанковые курсы усовершенствова-

ния командного состава. Место там было очень красивое, Воронья гора.

Мы приехали, там полигон хороший. Один день мы там постояли, и вдруг нас шесть человек, в том числе и меня, направляют с инструктором по подготовке комсостава. Эта подготовка и усовершенствование были необходимы для тех, которые мобилизованы были из запаса, они служили раньше и не знали последних видов вооружений, пушки там были другие, танки. Наш полк весь уехал под Псков, а мы, шесть человек, остались здесь. И был у нас там майор Беспрозванов, я его хорошо запомнил. Мы ложились поздно, вставали рано, и весь день были занятия: теория, практика, все это тогда секретно было. Было много и старых машин. БТ-2 уже были списаны, не участвовали, а БТ-5 и БТ-7 участвовали. Потом, к июлю месяцу, по тревоге подняли наши экипажи (один КВ, один Т-34 – появились тогда Т-34, в Финской войне их еще не было, а тут уже они появились, и мы слышали, что есть такие, существуют). Тогда немец уже прошел группировку в районе Пскова, и всю Прибалтику отрезал. И вот, нас направляют в тот район.

Вот мы подъезжаем в район станции Пэйма, там нам организовали нашу ремонтную базу. На второй день нас направили в село Ястребиное. Нам сказали: проедете по шоссе, там речушка есть, село Ивановское. А там на той стороне – немцы. Там пехота наша лежит. И нас направили две машины. Ну, мы едем, до речки еще далеко. Вдруг смотрим – бегут наши солдаты, потом какая-то маленькая машина (танк, я такой в первый раз видел). Командир у них, видно, опытный был, и они вели навесной огонь, пристреливались. Мы подъезжаем, и в это время – это было 18 июля – вдруг снаряд как нам в бок заедет. Люк у нас над головой сорвало, и крышкой меня сильно ударило по голове, я контужен был; тогда мы выползли через десантный люк, потому что там уже появились автоматчики, мы думали наши, а оказалось – немцы. Мой товарищ мне говорит: «Я тебя прикрою, беги к лесу». Ну, я, значит, бегу, до лесочка добежал, голова закружилась сильно, и я сразу в кусты упал. Вокруг автоматчики стреляют. И значит, ползу-ползу, пить охота. Потом меня наши подобрали. Попросил пить, но сказали, что мне пить нельзя ни в коем случае. Ну, и хотели меня в госпиталь отправить. А командир сказал мне: «На кой тебе в госпиталь, там пролежишь дней пять, а потом в другой

полк определят – а так останешься с нами».

А там рембригада была, вытащили нашу машину ночью оттуда другим танком, а к утру она была уже у нас здесь. Мы поехали в Ленинград на Кировский завод, на ремонт. Это была машина КВ. Ну а так как у нас башня была погнута, установка, ствол пушки – все согнулось, - начали ремонт. А нам сказали: «За каждым экипажем закрепляется машина, будете помогать слесарям, будете собирать вместе новые танки, подготовите – и на юг». Это числа 25–27 июля было, мы ходили на Кировский завод, один раз в самоволку убежали через забор. Часовой увидел: «Стрелять буду! Что вы делаете, с ума сошли?!» - но стрелять, конечно, не стал, и даже начальству не донес, и все обошлось.

Потом, уже 1 августа мы поступили в 86-й отдельный танковый батальон. Люди все чужие, мы никого не знаем. У нас был водитель, хороший парень, и с другого экипажа артиллерист попросился. Командира на машину прислали из приписников, который обучал нас, инструктировал. Он пожилой был, а мы все молодые. Нас готовили на юг, на следующий день должны были погружать, пристреливали пушки. И в это время немец занимает станцию Тосно, отрезает нам путь – это числа, наверное, пятого, начало сентября. И мы подъезжаем к крупному селу, по мосту через Ижору. Мы подъехали, немцев там еще не видно, мы готовимся к удару. И нам привезли машину со снарядами, потому что нам нужно было заправиться, мы приехали сразу, как восстановились, и у нас не было снарядов. А снарядов много было, нам бы там долго возиться, но, хорошо, нам помогли пехотинцы. Там была прислана какая-то часть из Сибири, пехотинцы, молоденькие ребята. И мы их попросили: «Ребята, помогите нам снаряды загрузить!» - потому что нам тяжеловато все же было. «Пожалуйста, с удовольствием!». Так мы с ними поговорили, говорили часа два-три и поехали через мост.

Ну, и вот тут получилось, что мы уже подъезжаем к селу, и у нас бортовой фракцион заклинило. Ну, она крутится в одну эту сторону. Водитель у нас хороший был. Он что сделал? Мы в лес как въехали, - а уже немцы начали стрелять по нас пушкой, - те танки, другие танки. Там было примерно машин 10 у нас, из двух батальонов, они не были подчинены одному командованию. Ну, мы подняли броню (а там броня тяжелая),

срубили болты, потому что ее захватило как-то, и он на месте стал крутиться. Ну, он фракцион выправил, и обратно едем к себе. Дело уже к вечеру, там другие машины были.

Подъезжаем к этому мосту через Ижору. Смотрим: останавливается какой-то генерал: «Радист, выходи отсюда!». У генерала радист был тяжело ранен, а я на нашем танке как раз радистом был, и поэтому он меня забрал. Ну, я распрощался с ребятами. Мы были из 86-го отдельного танкового батальона, а генерал был из 84-го. Дело было к вечеру, погода тоскливая, дождик. В экипаже, в который я попал, не было такой теплой дружественной атмосферы, как в моем. У нас шутили, разговаривали, а здесь – напряженно. Надо было два часа дежурить, вокруг машин, чтоб не подбили. Нас остановили на опушке леса, и до утра. А утром, когда мы мост перешли, его должны были взорвать. Мост перешли – а там свои ребята, одному из наших снарядом голову оторвало. Тогда с любым, с кем поговоришь – уже другом становишься.

Потом нас поставили на левую сторону, наблюдать, как немцы выйдут. А дальше там церковь, на колокольне наблюдатель. И нас поставили, а командир машины говорит: «Пойдем в деревню! Там никого нет, мы там можем курочку пой-

мать». Ну, мы с ним пошли. Вошли в сарай, поймали курицу. Он отрубил голову, ощипали, сварили, и направились к танку – это метров 50 – 100, близко. И вдруг летит снаряд! Я падаю, и он падает. Когда снаряд летит к тебе – ты его чувствуешь, и не хочешь, а сам упадешь, мгновенно, такой звук нарастающий. И потом смотрю, - командир тяжело ранен. Я кричу: «Ребята, идите сюда!». Потом смотрим – моряки на полуторке. Мы просим: «отвезите его». И они повезли его в Ленинград. И мы остались без командира машины. Что делать? Никого нету, ни других машин нету. Кто кому будет подчиняться? Заместителя у него не было. Экипаж состоял только из командира, артиллериста и заряжающего, водителя и радиста – всего 5 человек. И значит, день проходит, мы безо всего. Наблюдать за немцами было опасно, потому что отблеск от перископа был далеко виден. Немцы увидят отблеск – и сразу снайпер стреляет. На второй день мы увидели, что через мост идет какая-то большая часть, мы не знаем, кто это. И я заметил знакомого человека, а он, когда мы служили в Порхове, был заместитель командира полка по техчасти – крупная величина. Я его уви-

дел: «Товарищ майор!». И он мне обрадовался: «Сынок!». Я спрашиваю: «Откуда вы идете?». Он отвечает: «Из-под Гатчины». Он ничего не стал рассказывать, но из отрывков я понял, что они там, все что можно, уничтожили, чтобы немцам ничего не досталось. Я ему говорю: «Товарищ майор, идете к нам командиром! У нас командира машины вчера убило, и мы остались без командира». «Хорошо, я приду, но я сейчас должен явиться в штаб». Ну, мы третью ночь остались одни. Потом он пришел. И так он и стал нашим командиром.

И вот однажды он мне говорит: «Пойдешь сегодня со мной в разведку?». Я отвечаю: «Конечно!». И пошли. Дали нам особняка – особняк – это особый отдел, лейтенант и десять автоматчиков. И он меня с собой взял, потому что вместе служили долго в танковом полку. Поднимаемся в деревню, и они прямо в какой-то дом идут, у них было такое задание. И вот когда мы уже начали отходить, уже рассветало, - немцы обнаружили нас, начали стрелять. Мы потихонечку отступаем, отстреливаемся. У меня пистолет, а у них автоматы. И вот когда уже Ижору обратно переходили, ранило лейтенанта, командира разведки, некоторых ранило; меня же тогда даже не зацепило, меня Бог хранил всю войну. Много раз я на волосок от смерти был, и каждый раз чудом в живых оставался.

И нас перебрасывают в район Пушкина. Себастьянов уже командиром взвода был. Там еще два танка было. А командира того батальона, 84-го, его убили, и там кто-то еще был назначен. Утром на рассвете нам задание: там идет какая-то немецкая часть – вот нам нужно выйти, 3 танка, и уничтожить эту колонну (танки, машины). Мы остановились, и я залег в кювете с другом. Смотрю – 5 монет двугривенных, и все они орлом. А он говорит: «Ух, ты! Никуда их не расходуй, это значит, тебе удача будет!». Я их положил в карман. А нам на горку подниматься. Мы поднимаемся, и вот в это время нам 152-мм снаряд в лоб как даст! Все приборы у нас вылетели, такой удар был сильный. Мне плохо стало, до тошноты. Себастьянов выходит из машины, останавливает ту машину, нам дает командира с той машины, а сам он садится на ту машину, и поехал. И вот они там наделали дел – ужас! Здорово всех покорежили. Много машин побили, у немцев были легкие танки, они с КВ тягаться не могли, «Фердинанды», «Тигры» появились уже позже. А тот снаряд, который в наш танк попал, 152-мм, он

был из нашей же пушки, захваченной немцами, у них такой не было. Захваченной все по той же причине; вот если бы все разумно было, этого бы не было. И мы ждем. Потом возвращается этот танк. А Севастьянову оторвало ноги. А это второй танк нас подцепил и повез на рембазу. Ну, там нас отремонтировали, швы поналожили, где поломки у нас были. И вот переводят нас в Пушкино.

Поставили нас рядом с огромным вековым дубом. Стоим мы там – вдруг приходит политрук и говорит: «Нам нужен один из вас – в разведку». Ну, я-то у них новый (весь экипаж был – водитель, заряжающий, артиллерист – давно вместе) – и все молчат. Я и говорю: «Ну, давайте я пойду – чего ж». Вот, лейтенант подходит: «Мы пойдём знаешь куда – у нас пропал танк один, но подозрительно: как он мог пропасть? Пойдём сейчас с тобой узнаем». - «Пойдём». А там с Гатчины идёт дорога (прямое шоссе). «Вот мы сейчас выйдем на эту трассу – там вроде пехотинцы видели танк». -«Ну, пойдём». Ну, мы, значит, идём, идём – вдруг видим: у деревенского домика мотоцикл стоит. «О, – говорит лейтенант, – мотоцикл!». «Он же, вроде, немецкий» - замечаю я. А женщина из домика нам рукой машет, мол, пригнитесь. Только мы присели – очередь. Ну, мы тут по картошке там – уползли, живы остались. Приходим – так мы и не узнали.

Вдруг видим: наши пехотинцы бегут в свою же деревню. Там уже немец её занял, и наши атакуют. Я посмотрел и подумал: «Как же можно так атаковать?! Немцам с занятой высоты (они всегда старались высоты занимать) всё как на ладони видно». А мы вернулись, пришли в штаб, говорим: «Ну, ребята, чуть-чуть нас немцы не подкосили».

Потом сидим мы в машине, а тут подвозят две 152-мм пушки – мощнейшие артиллерийские пушки. Они не стреляют. Они замаскированы. И полковник-артиллерист нам говорит: «Танкист! Командир машины!» А у нас командира не было, поэтому я и говорю: «Я слушаю вас, товарищ полковник». «Цепляй танком артиллерию и туда». Я говорю: «Товарищ полковник, я не имею права, меня тут же командир батальона расстреляет. Мы - боевая машина, а не трактор». А он держит в руках «Парабеллум» и говорит: «Что?!» «Не могу,– говорю, – вот боевое задание – пожалуйста». Пушки возить – это же дезертирство (хорошо, что я всё это быстро сообразил). «Ну

ладно, - говорит, – берегите пушки, и чтобы никуда не уезжали: отвечаешь головой!». «Буду отвечать»,- говорю. Он через полчаса приезжает с молодым симпатичным полковником – высоким, красивым. «Ребята, помогите вон туда пушки отвести». А около пушек никого нет – ни одного человека. А этот полковник с людьми приехал. Тут интересная картина была: полковник говорит какому-то молоденькому мальчишке: «Снять затворы с пушек!» А парень побежал, но не знает, как их снимать – это же тоже надо уметь. И в это время летит снаряд. И этому полковнику отрывает ногу. Командира машины рядом убило. Я очень долго переживал это событие.

Мы помогли погрузить его на рейсовую машину, и к нам подъезжает мотоциклист из нашего батальона, и говорит, что надо ехать в парк, потому что взрывают мост – это был приказ от командира батальона. И мы переезжаем в парк.

Насколько же всё секретно было, доходило до преступного идиотизма. Идёт пехота – ополченцы Кировского завода (это на котором танк нам ремонтировали). Мы их спрашиваем: «Ребят, вы куда идёте-то?». «Как куда, – отвечают они, - в Гатчину». «Как в Гатчину?! Да немец ведь там!». А они не верят: «Хватит тебе панику разводить!». А у них ни оружия, ни винтовок – ничего нет. Один автоматчик выйдет и всех их перестреляет. Потом нашёлся среди них один сообразительный, он говорит: «Слушай, нет у тебя пулемёта?». «Есть, – говорю, - у меня пулемёт запасной, пожалуйста, только он танковый». Ну а какая разница-то? Можно и так стрелять. Кладёшь его сюда, он на шаровой установке. А пехотинский он - с треногой. Я ему дал несколько дисков – заряженных уже, с патронами. «Ой, спасибо, спасибо!», - у них ведь ничего не было.

Приезжает к вечеру мотоциклист. Нашёл он нас – это наш связной. И говорит, чтобы мы приехали в Московскую Славянку. Ну, мы поехали туда. Пока мы ехали, я увидел своего водителя. А он один: машина подбитая, гусеницы поломаны. И он остановился, мы встали. «Федя!». - «Павлуша!» Я говорю: «Ты что?» А он: «Да вот, подбили нас». - «А где ж экипаж?» -«Ушли». -«И ты один?». -«Один». И вот мы его танк подцепили и отвезли его подальше от передовой, в г. Пушкино.

Когда мы возвращались в Московскую Славянку, нас послали в другое место (забыл название). Там у Невы, у лощины,

был милицейский лагерь. И вот мы туда поставили свой танк, замаскировали деревьями – чтоб было не видно. И на второй день приезжают крупный комсостав (а тогда ромбы ещё носили – погон не было), с ромбами один был, потом со шпалами: принимают нас в партию. А у нас считался комсомольский экипаж – все комсомольцы были, а тут, значит, надо в партию вступать. Не пришлось мне в партию вступить. Я уже говорил, что немцы высотку занимали, и вот они видят – машина легковая идёт: крупное начальство едет, наверное. Как открыли огонь артиллерийский! Снаряды вокруг нас ложатся. А начальство приехало из штаба, чтобы в полевых условиях принимать нас в партию. И как начался обстрел – они удрали. Бог меня спас от партии.

Однажды нам надо было сходить помыться на станцию Тосно – там пешком идти. Всё это было в сентябре 41-ого года. И мы пришли в баню, а пока шли – немцы открыли по нам (нас было трое) огонь шрапнелью. Пришли, а нам банщик говорит, что воды очень-очень мало. Там кто-то уже есть, идите быстро вместе с ними мойтесь. Ну, мы быстро разделись, влетаем – а там женщины. Как они на нас завопят, мол, вы, советские солдаты…! Я им: «Слушайте, вы в ту сторону, мы в эту. Ну что мы, знали, что тут вы?» Там одежда лежит, но она у них тоже военная: мужская, женская – не разберёшь. Мы помылись и оттуда ушли. Нам ещё пива предложили – выпили по кружечке. Пришли, а у милицейского лагеря раньше лошади стояли милицейские (пока их не съели). И один пехотинец нам говорит: «Ребята, а не хотите посмотреть новое наше оружие - сверхсекретное?» Пошли мы с ним, и часовой нам говорит: «Стой! Ни шагу вперёд – стрелять буду!». «Да мы посмотреть». «Не подходи!» - говорит. Видим – стоит машина с рельсами (непонятная). И мы ждём. «А скоро будет стрелять?» - спрашиваем. «Не разговаривать!» И тут я впервые увидел «Катюшу» в действии: сход с рельс ракет, нарастающий вой. И слышим: «Ребят, уходите скорее отсюда! Сейчас на этом месте ничего не останется!» Немцы же знают, с какого места вёлся огонь. И вот мы оттуда бегом убежали, до места, где кони стояли, и тут как немец начал крыть! Снаряды летят один за одним, деревья падают… Мы еле оттуда выбрались. Но зато увидели нашу «Катюшу». И вот из места, где мы стояли, нас направили на станцию Тосно – чуть в сторону от неё. Стали

двигаться. Это днём было. Смотрим – в лесу немцы, а тут ещё поле. Смотрим – пушка на нас выравнивается. А это далеко было. Я туда весь диск выпустил. Пушка исчезла.

Наш экипаж переводили из дивизии в дивизию. Где опасно – туда нас на нашем КВ и посылают. А нам хорошо – мы от этого сыты были: вот мы пришли в новую дивизию – они обязаны нам дать сухого пайка на десять дней (сухари, сахар, табак). Мы всё это в ящик складывали. На один ствол давали по пять снарядов на день. Ну, что такое пять снарядов? Выпустишь их, и всё. И вот мы ходили, за сахар, за табак покупали снаряды с разных пушек. Нам чем больше, тем лучше.

А вот ещё был случай. Две машины из нашего батальона были в бою. Их подбили. Пехотинцы видели, что танкисты выпрыгивали. Немцы сильно стреляли, но вроде один там живой. Приходит политуправляющий работник – чеченец - и говорит: «Мне нужен один человек в разведку». Все молчат. Я говорю: «Давайте я пойду». И вот мы пошли. Там – немцы. Но он знает пароль, отзыв. И вот он мне говорит: «Прошу тебя, делай всё как я». Он, оказывается, уже два раза ходил, а те, кто с ним ходил – два человека – не вернулись. У нашего командования возникло подозрение, и меня предупредили: «Будь на чеку. Если что – стреляй». И вот мы с ним идём, и он меня спрашивает: «А тебе не говорили убить меня?». «Да ты что?!». «Ничего тебе не говорили?». «Нет». «Ты знаешь, будешь делать как я – не убьют тебя. Я уже третий раз хожу». Немножко мы не дошли до того места. Нам пехотинцы сказали, что тот танкист живой ещё. Мы передвигались перебежками. Немцы пускали в воздух ракеты, чтобы освещать всё – светло-светло становится. А потом темнота – ничего не видно. Вот в это время мы и делали перебежки. И один раз я его потерял из вида. Он побежал, упал, а я ещё дальше. Так он меня за ногу схватил: «Куда ты бежишь?!» И мы доползли. Он лежал метрах в 50-100 от танка. Чеченец мне говорит: «Ты здесь его тащи на себе – ты помоложе. Он стонет – не обращай внимания». Когда он выпрыгивал, ему пулемётная очередь попала выше колен. Я ему: «А где у вас документы все, связь, коды?» «Всё уничтожил, сжёг». И с нами пошли санитары, но они остались нас ждать на безопасном расстоянии. И вот когда мы уже пошли обратно, в каком-то месте он мне сказал: «Давай я его дальше потащу, а ты ползи сзади». Там уже был необхо-

дим его опыт. В итоге мы вышли куда надо – я бы в полной темноте никогда не нашёл это место. Подошёл я к своему экипажу, а они мне: «Больше мы тебя никуда не пустим! Хватит! Три раза ходишь в разведку». Больше я в разведку не ходил, и не требовалось.

А вот ещё хочу рассказать. Были мы в Московской Славянке. Загнали мы машину в сад – с Севастьяновым ещё. Вдруг, непонятно откуда – шум, стреляют. А там метрах в трехстах – поле, там ещё речушка. Мне: «Павлуша, ну-ка сбегай, узнай, что там такое!» А там густо росли кусты сирени. Выскочил я сквозь них, смотрю – солдаты бегут. Я выхватил пистолет, попытался их остановить. Мне потом рассказывали, что я так кричал – ужас! Все бегут от реки, а я к речке. Смотрю – там пулемёт стреляет. А там немцев-то и немного. Насколько же страшна паника! 10-20 немцев напугали человек 400 наших солдат. И вот один побежал – и все за ним! Так и продолжалось у нас, пока не приехал к нам Жуков. А ведь мы Ленинград хотели сдавать! Мы уже сами решили, что танк загоняем в Неву, чтобы не достался немцам. И вот приехал Жуков – спаситель наш. Это я хотел сказать, какое немцы имели перед нами моральное преимущество. Один автоматчик мог страху навести на целый батальон. Не умело командование управлять людьми. Это было действительно стадо.

А вот уже, наверное, в октябре месяце немец где-то там прорывается, нас посылают на подмогу. А окружён Ленинград был ещё в сентябре. 5 сентября была уже массовая бомбёжка – всю ночь летели бомбы – до утра. Надо было нам через речушку перебраться – метров десять в ширину. Западня для мышей: танк как раз встанет, берега высокие, и он оттуда не выйдет. И пехотинцы соорудили хлипкий мостик. Я говорю: «По этому мосту не поедем». «Трусы!!!» – кричит заместитель командира дивизии по сапёрной части. А они из булыжника навалили широкий проезд. Ну, приказали, так приказали. И мы поехали. И пока мы ехали, всё под нами расползлось, и мы провалились. Всё. 2 танка. Цепляет нас обратно вытащить – а как вытащить: прямые берега, и мы там. Надо рыть берег, чтобы он пологий был. Попали в засаду. Много пехотинцев там было. А тогда вышел приказ, что если кто использует поглупому технику (а командир понял, что он глупо сделал), то расстрел, как предателя. И он дал нам пехотинцев, и они роют,

роют, мы с ними роем. А немец шрапнелью: раз, два, раз, два. Три - четыре паренька погибли. И уже к вечеру, когда темно стало, мы вытащили танк. Вот пример бездарного командования.

Ведь с этими танками можно делать большие дела. Вот как Беспрозванов. Это в районе Ястребиного. Там немцы должны были идти по шоссе. Что он сделал (а он преподавал тактику в ЛБТКУКСе (Ленинградские бронетанковые курсы усовершенствования командного состава) – тоже интересный дядька, никогда не кипятился, самое главное, что трезвый был): говорит: «Вот первый танк будет там идти, последний там – по ним стреляй. А остальные потом перебьём». Ну, так и получилось. Или вот ещё мой полк, что под Псковом почти весь погиб, пока я был в ЛБТКУКСе. Я случайно встретился с раненным из того полка, и он рассказал, что командир полка застрелился. Там так вышло: в бой послали 5-й полк, а он приходит к командиру соединения и говорит: «Что ты делаешь?» Там у немцев было очень много машин. Они мелкие, но их много. Может, полка два - три. Намного больше, чем наших. А он погнал один 5-й полк. «Что ж ты делаешь?» - не послушал. А наш командир, он в финскую войну получил героя Советского Союза – хороший был мужик. В итоге полк перестал существовать.

Вытащили наш танк из этой реки, мы там остановились, и дня через три (это было 6-ого ноября, а у нас ведь тогда как было: к празднику – подарок Родине!) нам дали задание: взять мост железнодорожный через Ижору. И нас – две машины – ночью туда направили. Смотрим: левая машина загорелась. А немцы уже стали тогда употреблять снаряды коммулятивного действия. Обычные снаряды КВ не брали, а коммулятивного действия – они делают отверстие сначала, и потом машина загорается. И нам поэтому сказали, что борт нельзя подставлять. Если этот снаряд под углом попадал – не страшно, а если по прямой – то он пробивал броню. А у нас машина мощная: 125 мм лобовая броня, 70 мм бортовая. Машина весит 70 тонн. 500 лошадиных сил двигатель. Как подбили вторую нашу машину, мы сразу отвернулись. И вдруг – удар. Пробили. Артиллерист и командир машины вылезли через люк. Остались мы вдвоём с Серёгой. Потом оказалось, что этот снаряд пробил нам броню и вывернул цилиндр двигателя. Хотели вылезти через десантный люк, который внизу. Открыли его, а там плотный снег. Я

говорю: «Где у нас сапёрная лопатка?» А он мне: «А я её на борту оставил». Это было часов в 8 вечера – а в ноябре это уже темно. Пушку у нас заклинило. Серёга был заряжающим, но он мог заменить и артиллериста – хорошо стрелял. Он говорит: «Паш, ты знаешь, не двигается пушка». Тогда я ему сказал стрелять в одно место, чтобы немцы видели, что мы живы. Пока было светло, мы не могли вылезти через верхний люк, потому что работал автоматчик. Дотянули мы с ним часов до 12 и решили вылезать. Серёга был оглушён, у меня пропало зрение, ноги меня не держали. Он говорит: «Давай, разденься, я тебя перевяжу». Я говорю: «Я же замёрзну здесь». Тогда он мне ногу перевязал прямо поверх ватных штанов. Я ему говорю: «Иди за санитарами». «Нет, я тебя не брошу!». «Я приказываю!» Он уполз, а я полежал, не знаю сколько, а шапки-то у меня нет, а морозу градусов 15-20. Холодно. Я уже начал замерзать. «Ладно, думаю, буду ползти». Ползу, ползу, потом смотрю – идут. А я был одет в чёрную одежду (танкист). Я пистолет вытаскиваю: «Ребята, вы русские или нет?». «Русские». Я говорю: «Помогите мне». «Мы на задание идём». Ползу я к окопу, а немцы трассирующими пулями стреляют. Их видно, и думаешь, что каждая летит к тебе. Свалился я в этот окоп побыстрее, упал и заснул – наверное, в обморок упал. Потом почувствовал боль – по мне шли люди. Я застонал: «Что ж вы делаете, сволочи!». «Не ругайся, мы на задание идём!». «Помогите!». «Мы на задание идём, сейчас мы кого-нибудь тебе пришлём». Потом я снова заснул. И вдруг слышу: «…Вот он, наверное, танкист». «Да, это я». «Феоктистов за тобой пошёл». «Кричите, что я здесь». Ну, они кричат: «Серёга, Феоктистов, вернись!». А он двух санитаров взял с собой и привёл ко мне. Но я тогда ранен легко был, быстро выздоровел и на свой танк вернулся.

А дальше меня положили на носилки, когда Серега привел санитаров, санитары разрезали брюки. А Серега был контужен, оглушен. Меня кладут в тележку, там уже трое лежат, на двух колесах и две лошади – тачанка называется. Меня туда положили, а я дрожу весь – уже мороз, холодно, Серега нашел какое-то одеяло и накрыл меня. Попрощались, поцеловались; он спрыгивает, и в это время летит снаряд, и взрывается. Сережу в ногу ранило, меня сбросило с тележки, и я упал на вилы. Боль страшная, я кричу: «Вытащите у меня вилы из ноги».

Потом я потерял сознание, когда очнулся – меня нашли, погрузили на грузовую машину (так как лошадей подбили). Бог спасал меня везде, и здесь тоже: те раненые погибли, и только я чудом выжил. Привезли меня на станцию, врач очень долго из меня осколки вытаскивал. Врач говорит: «Больно тебе будет, выпей полстаканчика водки» - «Давай целый стакан, чего мне полстакана!». Выпил, и он начал раны обрабатывать. Я спрашиваю: «А что у меня с глазом?». – «Все нормально! Ты где живешь?». – «В Москве, на Большой Полянке». – «Ну, а я на улице Кирова». Потом врач начал осколки извлекать: собрал 34 осколка. В истории болезни написано: множественные осколочные ранения. Он говорит: «Тебе с собой дать?». Я говорю: «На кой они мне нужны?» - «А то многие забирают с собой осколки, не знаю уж зачем, на память что ли».

И меня отправляют со станции Дно в одну больницу, другую, третью – нигде не принимают. В итоге привезли меня в военно-медицинскую Академию, самая лучшая академия у нас. И вот 7 ноября приходит ко мне врач. Закрывает мне один глаз и говорит: «Видишь чего-нибудь?». – «Вижу». – «А что ты видишь?». – «А вот, когда куют железо, искры такие летят». – «Ясно. Короче, глаз удалять нужно». – «Доктор, ну кому я без глаза нужен. Может, можно оставить его?». – «Нельзя». – «Ну, пожалуйста!». Тут заходит старший лейтенант из пограничников и говорит: «Я же вот тоже без глаза, и вижу нормально. Чего ты не соглашаешься? Не переживай, все отлично сделают». Ну, пришлось согласиться.

Ну, повезли меня на операцию. Врачи о чем-то между собой поговорили, потом мне говорят: «Сейчас тебе будет немножко больно, а потом ничего». Сделали какой-то укол – такая страшная боль, через позвоночник прошла. Потом прооперировали меня. И в это время затряслось здание, стекла посыпались, и они убежали. А стекла-то выбили, холодно. Потом приходит женщина и говорит: «Сынок, какой же ты счастливый! Я прошла через все отделения - там никого в живых не осталось». Если бы врач не настоял на немедленной операции, или отложил ее – я бы тоже погиб.

После этого меня переводят в хирургическое отделение. На третий день повезли меня на операцию. После операции я ничего есть не мог несколько дней. А там нам давали сухари и шоколад, и еще желудевый «кофе», я это все складывал на

тумбочке, и там это все хранилось. Несмотря на голод, никто это не брал, за такие дела расстрелять могли. Медсестра у нас хорошая была, Елена Николаевна, Царствие ей небесное, она меня спрашивает: «Что ж ты, милый, не ешь?». А я ей говорю: «Хочу лимон». Соседи раненые усмехаются: «Ну, дворянская душа! Лимон захотел в такой голод!». А я действительно почему-то не мог ничего другого есть. Уж не знаю где, но дольку лимона медсестра мне нашла; я ее съел с этим желудевым кофе, и после этого стал нормально есть.

Ходить только я не мог. Однажды медсестра мне говорит: «Сынок, иди-ка ты сам на перевязку, я тебя очень прошу. У нас есть возможность сейчас тебя эвакуировать. Не известно, будет ли еще такая возможность потом». А дело в том, что эвакуировали только ходячих больных. До этого еще она меня перевела из общей палаты в бокс. Она обо мне так заботилась, потому что у нее на войну сын ушел, мой ровесник, и тоже танкистом только на южном фронте. И она ко мне как к сыну своему относилась, как любящая мать. Она ушла, я беру костыли, на правую ногу вообще еще не могу наступать, только одна левая действует. Но кое-как дошел. Потом меня за Урал эвакуировали, там долго лечили, нога не заживала, ее даже ампутировать хотели, но, ничего, обошлось. Я оттуда постоянно письма маме писал, а ответов не приходило. Я даже думал, что забыли меня. Только потом уже выяснилось, что это почтовое сообщение было так плохо налажено.

Март 2003 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Матвеев Иван Владимирович****, студент 3 курса Московского энергетического института*

Рубанов Геннадий Андреевич

Вещевые мешки весили тридцать два килограмма

Я родился 2 апреля 1923 года в городе Горки Могилевской области. В прошлом комсомолец, член КПСС. Атеист. Образование – высшее.

В апреле 1941 года окончил школу и поступил в Орловское танковое училище, которое в июле объединилось с Тамбовским артиллерийским училищем.

О войне узнал 22 июня 1941 года, находясь вместе с друзьями в увольнении.

Воевал с декабря 1941 по июль 1942 на Западном фронте, с июля по декабрь 1942 на Сталинградском фронте, с января 1943 по 9 мая 1945 года на Центральном, Белорусском, Белорусском 1, Белорусском 2 фронтах. Отправлен на фронт в составе 115 отдельной стрелковой бригады в середине декабря 1941 года. Начал участвовать в боевых действиях в звании младшего лейтенанта, командиром огневого взвода под командованием командира бригады полковника Андрусенко.

Мой боевой путь проходил через множество городов, сёл и рек. Город Калуга (Декабрь 1941). Районный центр Брынь Калужской области (конец февраля – начало марта 1942).Город Салинград (октябрь – декабрь 1942). Река Десна (февраль 1943). Река Днепр (начало октября 1943). Город Бобруйск (29 июня 1944). Город Брест (29 июля 1944). Река Бух

(конец июля 1944). Город Вышков (август 1944). Город Варшава(17 января 1945). Река Висла (февраль 1945). Река Одр (середина апреля 1945). Город Росток (начало мая 1945).

За всё время военных действий меня ранило только три раза. Впервые это случилось 16 октября 1942 в районном центре Городище, под Сталинградом. От разрыва снаряда меня контузило. Около 30 минут пролежал на поле боя, засыпанный землёй. А после ещё три дня находился в медсанроте.

В 1943 году поленился обойти поляну по лесу и побежал напрямик. Результат – осколочное ранение в живот. Лечили меня 18 дней. А потом отправили в отпуск.

В 1944 году меня осколком ранили в колено. Лечился 8 дней. А оперировал меня хирург Ходжаев, известный в будущем человек.

Боевые действия я закончил в городе Росток, будучи капитаном, помощником начальника штаба противотанкового дивизиона.

Домой добрался за 4 дня через Брест, Смоленск, Малоярославец, Москву.

Я награждён 2 орденами Красной Звезды (август 1943 и сентябрь 1944).

Медаль «За оборону Сталинграда» Д №27397 вручил 26 августа 1943 года полковник Лещенко.

Медаль «За освобождение Варшавы» А №006172 вручил генерал-лейтенант Одинцов.

Демобилизовали меня из города Будапешт в конце августа 1962 года по негодности к службе, наступившей после тяжёлой операции.

Из родственников на войне никто не погиб. Отец, Рубанов Андрей Семёнович, который был ефрейтором, в 1942 получил ранение в лёгкое и после этого уже не воевал, а служил в госпитале.

Собственные публикации:

1. Поле солдатское – хлебное поле./ «Тамбовская правда», 26 мая 1975 г.
2. Молодость моя – Белоруссия./ «Тамбовская жизнь», 30 августа 1994 г.

3. Пусть и сегодня в армии будут сыновья полков./ «Красная звезда», 10 декабря 1997 г.
4. Закон, который вселяет надежду./ «Красная звезда», 8 июля 1998 г.
5. Ветеранское «спасибо»./ «Бабруйскае жыццё» №118, 17 сентября 2004 г.
6. Внуки хранят славу победителей./ «Тамбовская жизнь», 25 декабря 2004 г.

Другие публикации:

7. Л. Катайз. По местам бывалых сражений./ «Междуречье», 8 октября 2002 г.
8. А. Светкин. Последний подвиг сталинградца./ «Ветеран Тамбова», 14 апреля 2003 г.

Служа Советскому Союзу

В 1941 я был восемнадцатилетним школьником. Тогда уже пахло войной. В классах проходили встречи с командирами авиационных, артиллерийских, танковых, пехотных, кавалерийских училищ, которые приглашали нас к себе. Из нашей школы ушли в различные училища восемь человек. В апреле без выпускных и вступительных экзаменов я был зачислен в Орловское танковое училище. До мая мы проходили курс молодого бойца, а потом начали заниматься по восемь часов в день.

Двадцать второго июня был выходной, и мы, довольные и счастливые, собрались в увольнение в город. Вышли в одиннадцать утра, а уже в двенадцать, затаив дыхание, слушали обращение Молотова. Когда прибежали в училище, там уже был митинг. С юношеским задором и наивностью мы были уверены, что разобьём врага на его же собственной территории. Тогда никто из нас и не предполагал, что всего через месяц этой «собственной» территорией окажется оккупированный Орёл.

Мы с упорством занимались по двенадцать часов в сутки. В июле нас эвакуировали и влили в Тамбовское артиллерийское училище. Правда, через месяц пришлось эвакуироваться снова. Наши вещевые мешки весили тридцать два килограмма, потому что несли с собой всё: начиная одеялами и заканчивая учебниками. Пешком мы дошли

до Каменки, а оттуда отправились в Саратов. В ноябре разрешили отрезать от одеяла пятнадцать сантиметров и пришить к фуражке, чтобы не простудить уши. Тёплое обмундирование ждало нас в Саратове.

В конце ноября я, новоиспечённый младший лейтенант, прибыл на станцию Сороктаж в формирующуюся стрелковую бригаду. Оттуда поехал учиться на механика-водителя в Ошь. Это на сто километров южнее Сороктажа. Прибыл туда в первых числах декабря. Мороз был за тридцать градусов, поэтому танки всё время стояли с работающими двигателями. Из одиннадцати отведённых нам дней первые два мы изучали материальную часть машины, а остальное время провели за рычагами. Вождение у меня сразу пошло. Одно было плохо – в танке четыре аккумулятора по девяносто килограмм, которые по такому морозу надо отнести в лабораторию на подзарядку, а на их место поставить другие.

Когда я вернулся в стрелковую бригаду, начальник штаба подполковник Мищенко, посмотрев на моё водительское удостоверение, только развёл руками: «Голубчик, у нас теперь другие штаты. Никаких танков нету». И действительно, танки по штату не полагались. Для взвода пешей разведки было предназначено аж десять автоматов (во взводе пятнадцать человек вместе с командиром). Даже у командира батальона не было автомата. Какие уж тут танки… Да и откуда они могли взяться? Ленинград – отрезан, а там выпускался тяжёлый танк. Харьков – тоже. А на Урале только-только начинали развёртываться. Там не то, что тяжёлых, средних ещё не было.

Стало понятно, что водить танк в ближайшее время мне не доведётся.

Попал командиром взвода в миномётный дивизион 120-миллиметровых миномётов. Грозное оружие. У меня в подчинении было семнадцать человек и двенадцать маленьких, но выносливых лошадей-монголок. Через три дня нас погрузили в эшелон. Оружия так и не получили. Лично я отправлялся воевать с одним наганом.

Вот так мы и выехали на фронт. Высадились в Малоярославце спокойно – погода была плохая, облака низкие, поэтому авиация противника не работала. Но место высад-

ки было совершенно не подготовлено, даже лошадей с машины свести не могли. Потом кто-то неподалёку нашёл шпалы, и мы свели лошадей по ним. В Малоярославце нас ждало три батареи по четыре миномёта, но ни одной мины к этому грозному оружию не прилагалось. Артиллеристы получили пушки и по два снаряда к ним.

На второй день после выгрузки нам определили выйти на Фёдоровку. Это был опорный пункт немцев. Виднелись только русские печи, а дома были или сожжены, или разобраны немцами для укрепления своих блиндажей. Люди жили в погребах. Нам, практически безоружным, было приказано взять этот опорный пункт. И вот восемьсот человек поднялись с криком: «За Родину! За Сталина!». Больше я такого уже нигде не услышу.

Немец открыл такой ураганный огонь! Они засыпали нас из миномётов. И сразу же многих убили пулемётчики. Атака захлебнулась. Двадцатилетние девчушки вывозили раненых на «волокушах». Это такое корыто с ремнём. Смотрю – наш санинструктор Нина тащит раненого. С неё такой пар валит… Выдохлась вся и кричит мне: «Что смотришь? Помоги!». Я взвалил его на себя и пошёл. Наст снега был с человеческий рост, но такой плотный, что мы нигде не провалились.

В тёплую, двойную операционную палатку прошёл без очереди. Внутри стоял длинный металлический стол. Вокруг него - хирург, медсестра, два медбрата и старшая сестра, дававшая наркоз. А рядом на столике для инструментов лежит обычная никелированная двуручная пила. И по обе стороны стола набросаны небольшие кучки отрезанных рук, ног, каких-то мышц… Потом это всё зарывалось сзади палатки. «Вот это врачевание, - подумал я, нервно глотая воздух. – Лучше сюда не попадать…» Но попадать пришлось. К этому же хирургу Ходжаеву, человеку железной воли. При форсировании Днепра в 43-ем у его сорвёт палатку, но он продолжит операцию прямо под открытым небом, будто ничего и не произошло. Впоследствии Ходжаев станет министром здравоохранения Дагестана.

Санинструктор Нина погибнет в Сталинградских боях.

Около четырёхсот человек полегло в тот день под Фёдоровкой. Но опорный пункт надо было взять. Поэтому к

нам на подмогу прислали сапёров (я их называю «сапёрики»). Они ночью вырыли траншею к Фёдоровке, заложили взрывчатки и в четыре часа утра рванули. Сколько было взрывчатки я не знаю, но этот опорный пункт взлетел весь.

После этого отправились на юго-западную окраину Калуги. Времени на дорогу было два дня. Поэтому шли и днём, и ночью, проваливаясь с лошадьми в снег. Через каждый километр валялись немецкие двухмоторные самолёты с оледеневшим экипажем внутри. Дополнительного оружия мы так и не получили.

Этой же зимой, на пути к Калуге, состоялась моя первая встреча с танками. За Обнинском на нас выскочило четыре машины. Две из них оказались прямо передо мной. Расстояние уже двести метров. Мы залегли, зарылись в снег. Когда танки подошли на сто метров ближе, показалось, что моя шапка поднялась над головой на добрые сорок сантиметров. От страха мне хотелось бежать, куда угодно, только бежать. Удерживало только то, что свои же расстреляют как паникёра. А танки всё идут, продавливая гусеницами снег и потому чуть покачиваясь. Осталось семьдесят метров. У нас, лежащих, из оружия – только гранаты. И вдруг один выстрел, второй… И машины разваливаются прямо на глазах. Это артиллеристы выручили. Выгорели машины быстро. А когда мы подошли, то оказалось, что у такого грозного с виду оружия лобовая броня толщиной в девять миллиметров, а боковая - шесть. Это в то время, когда у наших танков Т-34 броня была шесть и четыре сантиметров. Только к 43 году у немцев появятся танки, значительно превосходившие наши по мощности.

Всё-таки успели и добрались до Калуги за два дня. Вошли в город почти без боя – немец убежал, оставив в наше распоряжение множество орудий и самолётов. Там же находились километровые линии складов Н.З. Красной армии. Мы прихватили оттуда концентраты горохового супа и гречневой каши. Впоследствии они нас здорово выручали.

Но не всегда всё складывалось так удачно. Осенью сорок второго на подступах к Сталинграду я попал в окружение на пятачке 1300 на 1000 метров. Немцы в мегафон объявили, что не желают тратить на нас силы и боеприпа-

сы, так как мы обречены и всё равно сдадимся в плен. А потом пустили авиацию. Нас бомбили двое суток. В шесть утра начинался их «рабочий день», а в шесть вечера заканчивался. Мы, как говорится, без лопатки в землю зарывались. Казалось, что бомба летит прямо тебе в шею.

В первый день 4-ый батальон попытался прорваться к нам. Хотели вывести из окружения. Ни один из них на нашу сторону так и не перешёл – все погибли.

По ночам сапёрики из Сталинграда потихоньку привозили противотанковые мины – деревянные ящики, наполненные тротилом. К рассвету мы расставляли их в шахматном порядке вокруг нашего пятачка. «Рабочий день» немецких танкистов начинался в восемь утра и заканчивался, как только потеряют одну - две машины. Танки у них были лёгкие, работали на авиационном топливе, поэтому горели хорошо. Только кроме этих мин огрызнуться нам было нечем. А вечерами, когда немцы оставляли нас в покое, стояла такая тишина, будто и войны нет.

На шестые сутки старший лейтенант Кульбит получил приказ выходить из окружения, правда, помощи было ждать неоткуда. Командир батальона принял решение, что сначала идём пару - тройку километров на север, а потом сворачиваем вправо, к тракторному заводу. Меньше километра прошли, вдруг справа загораются четыре фары. Немцы, наверное, услышали шум, но мы пригнулись, и они нас не заметили. Потом по пересохшему руслу реки Мечетки (вода в ней бывает только весной и поздней осенью) пошли к тракторному заводу. На пути к нему нас и подобрала группа полковника Горохова. От моего взвода к тому моменту останется семь человек. А в августе 43-го получу медаль «За оборону Сталинграда».

Война – коварная штука. Сперва кажется, будто держишь синицу в руках, а потом оказывается, что смотришь на журавля в небе.

Людиново (Смоленская область) мы взяли без боя. Там находился большой чугунно-литейный завод, почему-то совсем не разбитый, даже стёкла в окнах целы были. А внутри стояло много бочек со спиртом. Чтобы согреться, ребята выпили и, конечно же, сразу уснули. Проснулись от крика: «Немцы!» Наверняка эти бочки фрицы оставили

специально. Хотели нас ночью голыми руками взять. И взяли бы, ведь их заметили совершенно случайно… Людиново нам пришлось оставить и отступать на Брынь.

Война – жестокая игра. Любое отступление от правил может стоить тебе головы.

Март 1942 года. Река, станция и населённый пункт Жиздра. Много снега и сильные туманы, уже в пятнадцати метрах ничего не видно. Проснулись мы однажды утром, а в трёхстах сорока метрах от нас немцы. И уже траншеи вырыли, проволочное заграждение поставили. А у нас даже путанки впереди нет. Проведи немцы разведку боем, то языков забрали бы, сколько захотели – боеприпасов к оружию у нас почти не было. А тут ещё командир вычислительного отделения предложил: «Давай я на простыне углём карикатуру Гитлера нарисую, и ночью поставим её перед немцами». Я сначала не хотел, но, в конце концов, согласился.

Рассвело. Сперва со стороны немцев послышались одиночные выстрелы, потом – автоматные очереди. Потом – пулемёты. Потом – миномёты. Потом артиллерия заработала… И тут до меня дошло: «Вот это я устроил…». Конечно же, начальству сразу стало известно, кто всю кашу заварил. Отчитали меня: «Ты что наделал? Чем ты будешь отбиваться-то? У тебя ж ничего нету!..» - и к председателю трибунала. Тот долго думать не стал: «Снимай с себя все знаки, сдавай документы. Мы тебя расстреляем. Иди вон там рой себе могилу». Приставили ко мне двоих, чтобы не сбежал. Уже по грудь выкопал себе яму, и тут меня позвали. Оказывается, приехал комбриг полковник Санковский. Выслушал меня и говорит: «Да, это необдуманный поступок. Ну, ладно. Забирай из трибунала документы, иди, командуй». И я пошёл.

К октябрю 1943 года дошёл до города Лоев. Там мы форсировали Днепр. Высадили десант на другой берег. А связь с ними установить не можем. Немцы бьют во всю мощь, вода кипит от снарядов. Радиосвязь у нас маломощная, заглушается так, что ничего не поймёшь. Проводную попытались протянуть – порвали. Второй раз пробуем – опять порвали. Связь надо установить, во что бы то ни стало. И тут за дело взялся сержант Тургул Мутмусаев. Не

обращая внимания на рвущиеся вокруг снаряды, он лихорадочно мотал провод, чтобы тот лёг на дно. Никто кроме него не сообразил, что связь рвут потому, что провод натянут и поэтому его перебивает. Добрался до другого берега и сразу же, по грудь в воде пошёл вправо (десант был слева), так же лихорадочно мотая провод. Потом вышел на берег и под обрывом протянул провод к плацдарму. Вот немцы бесились!!! Ведь ещё бы чуть-чуть и они бы сбросили наш десант. Тургул получит за это орден Отечественной войны I-й степени. Потом его заберут в батальон связи в качестве командира отделения.

Весь свой воинский путь (от Фёдоровки и до города Росток, где нас застала весть о победе), я проделал с сознанием того, что всё сделанное необходимо моей Родине. Получая награды, мы говорили: «Служу Советскому Союзу». Каждый из нас вкладывал в них свой глубокий смысл. И как бы хотелось, чтобы нынешняя молодёжь служила России с той же безграничной любовью и преданностью, с какой это делали мы.

Июнь 2005 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Угарова Наталия Сергеевна****, студентка 4 курса факультета журналистики Тамбовского Государственного Университета*

Сафонов Серафим Георгиевич

В дуэли с танками противника

Я появился на свет 7 января 1914 года. Мать посчитала это добрым знаком, рождественское чудо вошло в её дом.

Семья наша жила в Мичуринске, в то время Козлове. Мой отец, Георгий Васильевич, работал служащим, кормил всю семью, а мама хлопотала по дому, воспитывала детей. Всего нас было шестеро: старший Серёжа, потом Тоня, я, Саша и Лиза помоложе, Володя был самым младшим. Мы мало, чем отличались от тысяч других русских семей: жили бедно, но счастливо, любили, уважали своих родителей.

В 1917 году голод, прокатившийся по стране, не обошёл и нашу семью. В девятнадцатом отец заболел тифом и вскоре умер. Мне было всего пять лет, я плохо помню похороны, но в памяти отчётливо стоят слезы и отчаяние в глазах матери. Каково, остаться одной с шестью детьми! Всё, что у нас было, она обменивала на хлеб, лишь бы мы выжили. Вскоре в доме остались только голые стены, но от голодной смерти мама спасла всех до единого. Не перестаю восхищаться ею и теперь.

В двадцать четвёртом я пошёл в школу, что на Тамбовской улице, счастливый от сознания, что стал взрослым. Четыре класса пролетели незаметно, в пятый уже не попал: надо было зарабатывать деньги, чтобы как-то жить. Я устроился на предприятие Союзплодовощ, ныне Консервный Комбинат. Как я

радовался первой зарплате! Когда подрос, перешёл на паровозоремонтный завод фрезеровщиком. Здесь же на заводе окончил техническую школу и начал работать слесарем. Жизнь понемногу стала налаживаться.

В 22 года получил повестку из военкомата, надел форму и пошёл служить Родине в рядах рабоче-крестьянской армии. Службу проходил в Ленинградской области, в Царском селе, заведующим складом горюче-смазочных материалов сотого авиапарка. Через два года был демобилизован, вернулся в родной Мичуринск на завод.

Тридцать пятый год стал особенным в моей жизни: ещё до армии я встретил свою любовь. Маша работала здесь же на заводе в одном из цехов. После возвращения я сделал ей предложение. Мы сыграли свадьбу, и в сороковом жена подарила мне сына - Вячеслава... Маша и я строили планы на будущее, но внезапная война разбила все мечты.

Нас не нужно было звать на защиту Родины. Каждый и умом, и сердцем понимал, что опять настало время защищать свой дом. Цель в то суровое время была одна: выстоять и победить врага.

Двадцать пятого июня сорок первого года я подал заявление в парторганизацию завода с просьбой отправить меня добровольцем на фронт, но мне отказали: требовались рабочие для постройки бронепоездов. Осенью 22 октября, я всё же был направлен на фронт. Меня зачислили в состав 113 отдельного артиллерийского истребительного противотанкового дивизиона командиром орудия. Наш дивизион был придан 47 стрелковой дивизии и поставлен для обороны Москвы на Нарофоминском направлении.

Первые три недели из-за явного превосходства противника в военной мощи нам пришлось отступать. В декабре я принял боевое крещение. Почти у самой Москвы мы остановили гитлеровцев, дали серьёзный отпор. Мощным контрнаступлением наши войска сломали оборону противника и устремились вперёд. Фашисты в панике отступали, бросая технику, оружие и боеприпасы. За это сражение я был награждён медалью «За оборону Москвы».

Наша 47 стрелковая дивизия прошла с боями 20 км, но внезапно была отозвана и направлена под Осташков для участия в новом прорыве обороны противника. Здесь началась

моя фронтовая дорога от Москвы до Кенигсберга.

За освобождение г. Невеля Псковской области и последующие смелые и решительные действия дивизиона на Витебском направлении я получил медаль «За отвагу».

Случилось это так. По пояс в снегу под фашистскими пулями мы, артиллеристы, на руках тащили противотанковую пушку, стараясь не отстать от пехоты. Перед небольшой деревушкой к нам, уже падавшим от бессилия, подбежал командир батальона.

- «Выручай, брат! - задыхаясь, прохрипел он. - Видишь бугорок между окраиной деревни и опушкой леса? Это фашистский дзот. Его надо уничтожить».

Я, оценив обстановку, поднял свой расчёт: нужно было подтянуть орудие поближе, чтобы бить наверняка. Из последних сил артиллеристы выкатили пушку на открытое поле. Гитлеровцы обрушили на нас шквал огня. Укрываясь от пуль за щитом орудия, я тщательно прицелился и первым же снарядом разворотил блиндаж с крупнокалиберным пулемётом.

Не раз моему расчёту приходилось участвовать в дуэли с танками противника. Благодаря слаженности, быстроте действий и точности наводки орудия мы всегда выходили победителями. Как-то в марте сорок четвёртого, наша стрелковая дивизия оказалась в районе белорусской деревни Матысово: штурмовали хорошо укреплённые позиции врага. Бой сопровождался яростными контратаками немцев. Десятого марта мой орудийный расчёт уничтожил миномёт, три пулемёта, проделал огневым способом проход в проволочном заграждении противника и вывел из боя более двух десятков гитлеровских солдат, а на следующий день - два миномёта, четыре пулемёта и около 30 фашистов. К концу вторых суток противник отступил. Так на моей гимнастёрке появился орден Славы третьей степени. Его мне вручил лично командир дивизии.

Один эпизод запомнился мне особенно. Мы атаковали господствующую над местностью высоту у деревни Жеребичи. Она имела очень большое значение - с неё открывался круговой обзор на целых 20 км. Лишь с пятой попытки нашим пехотинцам удалось взять её. Артиллеристы получили приказ занять позиции на самой вершине и быть готовыми к отражению фашистских танков. Мокрый снег по пояс, тягачи буксовали, лошади не могли помочь. Всю ночь мы на руках тащили

на высоту свои орудия. К утру она была укреплена двумя батареями 76 мм орудий 113 истребительного дивизиона, батареей 122 мм орудий 149 артиллерийского полка и 148 пехотным полком 47 дивизии. В ночь на 26 марта фашисты провели двухчасовую артподготовку из всех видов орудий, и пошли в атаку. А на высоте после шквала огня осталось всего три солдата, младший лейтенант Лизинов из 148 пехотного полка и я единственный из артиллеристов; из техники - моё орудие, хоть и побитое, но ещё боеспособное. Мы яростно оборонялись и не раз отбрасывали врага. Фашисты несли большие потери. Утром нас окружили, и мы вынуждены были вызвать огонь своих батарей на себя. Только благодаря этому немцы в замешательстве отступили.

На рассвете фашисты снова начали атаку. К нам приблизились на 100 м два немецких танка. Один обстреливал высоту, а на второй немцы грузили раненых. Чтобы не обнаружить себя, я дождался, когда гружёный танк ушёл, и направил орудие на стрелявший. Он загорелся быстро. Через некоторое время вернулся второй, он не заметил моё орудие. Это и решило исход боя. На развороте, я ударил ему в бок, он беспомощно завертелся на месте и затих.

Гитлеровцы, не смотря на потери, продолжали атаковать. Меня легко ранило, потом контузило, но высоту мы им так и не отдали.

В следующую ночь к нам прибыла легковая машина. До этого мы набрали целый портфель документов убитых немцев. Капитан отвез нас к генералу, а наше место занял взвод пехоты. Нам всем объявили благодарность и предоставили по пять суток отдыха.

После боёв местного значения началась подготовка к большому наступлению. Минули апрель, май, перевалило на вторую половину июня. Двадцать первого числа в батарее прошло короткое собрание, на котором я произнёс речь: «Ровно три года назад фашисты нарушили наш мирный труд. Они принесли на нашу землю страдания и слезы. Мы понесли неисчислимые жертвы, но настал час возмездия. Мы отомстим фашистам за все их злодеяния. В предстоящем наступлении мы, артиллеристы, будем беспощадно уничтожать фашистскую нечисть!»

Наступление началось рано утром 22 июня. Расчёт 76-

миллиметрового противотанкового орудия действовал в составе передового батальона. В районе деревни Ямбар, взаимодействуя с пехотой, мною было уничтожено вражеское орудие, два пулемёта и более десятка гитлеровцев.

В течение нескольких дней, отражая яростные атаки противника, подразделения дивизии продвигались на запад. Третьего июля в боях за город Полоцк наш расчёт вновь отличился. Под градом пуль артиллеристы на руках выкатили орудие на открытую позицию и прямой наводкой уничтожили два пулемёта с прислугой и около десяти гитлеровцев. За этот подвиг приказом по войскам шестой гвардейской армии все мы были награждены орденами и медалями. Я был удостоен ордена Славы II степени.

В августе развернулись тяжёлые бои в Литве, в районе Шауляя. Противник мощными контрударами пытался любой ценой сдержать продвижение советских войск и вернуть оставленный им Шауляй. В этих боях мой расчёт проявил исключительный героизм. Артиллеристы, оставшись без пехотного прикрытия, вступили в единоборство с вражескими танками. Два танка удалось подбить, остальные попытались обойти нас с фланга, но были встречены огнём соседней батареи. За этот бой я был награждён орденом Красной Звезды.

В одном из боёв, 26 декабря сорок четвёртого года, я получил ранение, меня отправили на лечение в госпиталь, и после выздоровления я попал в другую дивизию – 315-ую в 110-ый стрелковый полк.

В сорок пятом Советские войска вступили на территорию Восточной Пруссии. Враг ожесточённо сопротивлялся. На заключительном этапе войны наш артиллерийский расчёт особенно отличился в боях за населённые пункты: Пфаррхов, Грюнвальд, Оброттен, Родинен. С 13 по 16 апреля 1945 года мы уничтожили три орудия, более десятка пулемётов, шесть гранатомётов, тридцать автомашин с боеприпасами и большое количество гитлеровцев. За это сражение я был награждён орденом Славы I-й степени. Так я стал полным кавалером солдатского ордена Славы. Об орденах и медалях я тогда и не думал. Для меня, как и для всех фронтовиков, самая большая награда была победа над врагами. Сейчас каждая медаль или орден дороги как знаки оценки моего вклада в Победу в этой страшной войне и как память о тех тяжёлых годах. Особенно

тяжело вспоминать первую увиденную смерть - смерть друга. К ней сложно привыкнуть, душа должна зачерстветь.

Пришла Великая Победа.... Не верилось, что я дожил до этого священного дня. Выжить и победить мне помогли мысли о жене, матери и сынишке. Теперь я стремился к ним, к сестрам и братьям. Александра мне так и не довелось больше увидеть. Старшим сержантом он сражался в блокадном Ленинграде в должности командира миномётного расчёта и погиб при прорыве блокады. Сергей окончил войну сержантом, пять раз был ранен, контужен и награждён орденами Красной Звезды и Славы 3-й степени. После войны жил в Мичуринске, умер в восемьдесят девятом году. Младший из нас, Владимир, начал войну рядовым, а закончил майором. Тоже имеет боевые награды. Сейчас живёт в Иркутске. Сестре Антонине скоро будет 94, а вот Елизаветы давно уже нет на свете.

Вернувшись с фронты в Мичуринск, я сразу оформился на работу во 2-е пассажирское отделение проводником вагонов. Через год меня сократили, и я устроился в третий отряд военизированной охраны стрелком, где проработал двадцать лет.

Мы с женой воспитывали сына, делили всё пополам: и радость, и горе. Сын Вячеслав окончил школу, потом Тамбовское артиллерийское техническое училище, отслужил в армии и уволился в запас подполковником. Сейчас живёт в Липецке, женат. Его дочери Лена и Лариса, подарили ему внука и внучку, а мне соответственно правнука и правнучку. Для меня нет большего счастья видеть их в моём доме. Моя семья - это всё моё богатство.

Жена и моя мать - самые лучшие женщины в мире. Я обязан им всем. Они главные героини романа под названием «Жизнь Серафима Сафонова». С Машей мы прожили в дружбе и согласии почти семьдесят лет, даст Бог, отметим и рубиновую свадьбу. Много повидали на своём веку радостей и печалей, за плечами хоть и нелёгкая, но счастливая жизнь.

Мамы не стало в 1951-ом. Это главная потеря в моей жизни. Мне уже 93, а я всё ещё не могу без слез вспоминать о ней.

В 1967 г. я заболел. У меня обнаружили рак гортани. Честно говоря, после такого диагноза я уже и не думал, что выживу. Страшно и больно было медленно угасать, как свеча. Но жена с сыном вселяли в меня надежду. Я лёг во 2-ю железнодорожную больницу. Через некоторое время меня, как полного

кавалера ордена Славы, через воинский госпиталь по инициативе военного корреспондента Прохорова отправили в Московский онкологический научно-исследовательский институт им. Герцена. Там я лечился около двух лет. За это время перенёс двадцать хирургических операций и с уверенностью могу сказать: «Меня спас Бог». В результате я лишился речи и с тех пор не могу сказать ни слова, но остался жив.

Сразу после установления диагноза меня уволили с переходом на пенсию по инвалидности. Сейчас я инвалид 1-й группы. Иной раз думаю, что в рубашке родился, а может ангел-хранитель защищает. Наверное, мама была права, когда верила в счастливый рождественский знак. Всё прошёл: огонь, воду и медные трубы - и честь свою не запятнал, и в грязь лицом не ударил.

Публикации

Газеты:

1. А.Кобзев, член Союза журналистов России: Солдат Победы Серафим Сафонов. «Мичуринская жизнь» №2 (190), 6 января 2004г., 3 стр.

2. Л.Логинов, член президиума областного совета ветеранов: Патриарх фронтовиков. «Тамбовская жизнь» №1 (22945), 6 января2004 г., 1 стр.

3. Л.Логинов, член президиума областного совета ветеранов: Серафим и Мария. «Наедине», 3-9 ноября 2004г., 3стр.

Книги:

1. Книга-сборник: Э.Н.Кузнецова, Л. Г. Дьячков, Т. М. Нащокина: «Поколение, опаленное войной», издательство государственной типографии «Пролетарский светоч», Тамбов, 1995 г., стр. 152-155

Июнь 2005 года

*В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Маташкова Анастасия Сергеевна**, студентка 2курса факультета журналистики ТГУ им. Г.Р.Державина*

Стародворцев Павел Сергеевич

Об огнях-пожарищах, о друзьях-товарищах…

Часть 1

Я родился 20 января 1926 года в деревне Сивково, Монастырщинского района, Смоленской области. Русский. Православный. Состоял в КПСС с 1960 по 1991 год. Был членом комсомола, Осавиахима, МОПРа (Международное общество помощи революционерам).

До войны окончил в 1941 г. первый курс Соболевского педагогического училища Смоленской области.

Узнал о начале войны 22 июня 1941 г. в селе Соболево Монастырщинского района Смоленской области, где проживала семья. Отдыхал дома после ночных военизированных учений студентов педучилища, которые проходили в ночь с 21 на 22 июня. Примерно в час дня в комнату, где я находился, пришла мать и сказала, что началась война с Германией. Она слышала по радио в 12.00 выступление Молотова.

В боевых действиях начал участвовать по призыву. С марта по август 1944 г. проходил службу в учебной бригаде в Бершетских лагерях на Урале. Обучался на минометчика. В августе 1944 г. с маршевой ротой прибыл на станцию Жабинка в Белоруссии на пополнение 28-й армии. Попал в 221-й стрелковый полк 61-й стрелковой дивизии в батарею полковых минометов на должность наводчика миномета в звании рядового. Командиром батареи был, если не ошибаюсь,

Командиром батареи был, если не ошибаюсь, старший лейтенант Чеботарев.

После пополнения личным составом 28-я армия, находившаяся, как я понимаю, во втором эшелоне, была переброшена на 3-й Белорусский фронт. На 3-м Белорусском фронте боевой путь проходил через города Гумбинен (январь 1945 г.), Прейсиш-Эйлау (февраль 1945 г.), Цинтен (март 1945 г.).

3-м Белорусским фронтом до 18 февраля 1945 г., то есть до дня своей гибели, командовал генерал армии И.Д.Черняховский. 21 февраля фронт принял маршал А.М.Василевский.

С декабря 1944 г. я служил во взводе автоматчиков 116-й отдельной роты охраны штаба 28-й армии. Армией командовал генерал А.А.Лучинский. Командиром 116-й отдельной роты охраны был капитан Кононов. Взводом автоматчиков командовал лейтенант Цветков.

В апреле 1945 г. 28-я армия была выведена из состава 3-го Белорусского фронта и передана в состав 1-го Украинского фронта, которым командовал маршал И.С.Конев.

Боевой путь в составе 1-го Украинского фронта проходил через Верхнюю Силезию (апрель 1945 г.), пригороды Берлина (апрель-май 1945 г.), г. Циттау (май 1945 г.)

Боевые действия закончил 9 мая 1945 г. в городе Циттау в составе 116 отдельной роты охраны штаба в звании рядового, в должности автоматчика.

Ранен осколком мины в конце октября 1944 г. при обстреле противником расположения батареи полковых минометов 221-го стрелкового полка 61-й стрелковой дивизии, в которой в то время проходил службу. Осколок пробил сапог и застрял в мякоти правой ноги в нижней части голени. Ранение было легким. Находился на излечении в армейском полевом госпитале 28-й армии приблизительно в течение месяца. После излечения в свою часть не попал, а был направлен в 197-й запасной полк 28-й армии.

Возвращался с войны через города Люблин (Польша, сентябрь 1945 г.), Слуцк (сентябрь 1945 г.). Затем с 1945 по 1950г. служил в городе Гродно. Демобилизовался из г. Гродно весной 1950 г., когда увольнялись в запас солдаты и сержанты моего года рождения (т.е. 1926-го).

Награжден:

Медаль «За боевые заслуги» № 2432161. Где вручалась – не помню. Удостоверение к медали утрачено.

- Медаль «За взятие Кенигсберга».
- Медаль «За взятие Берлина».
- Медаль «За победу над Германией».
- Орден Отечественной войны I степени № 1434024. Указ Президиума Верховного Совета от 11 марта 1985г. Вручен в 1985 г. в райвоенкомате Починковского района Смоленской области военкомом майором Науменковым. Награжден, как сказано в Указе, за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, и в ознаменование 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.

В послевоенное время награжден семью медалями, посвященными юбилеям Великой Победы и Вооруженных Сил СССР.

В 1976 г. награжден орденом Знак Почет» № 1358173 (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 декабря 1976 г.).

На войне погиб мой дядя, брат матери, Никанор Михеевич Дубенков. В начале войны часть, в которой он служил, попала в окружение. Он сумел с оружием пробраться домой в деревню Сивково Монастырщинского района Смоленской области. Установил связь с партизанами. Осенью 1941 г. он и его товарищ – однодеревенец Стефан Рыжиков – вступили в вооруженную стычку с полицаями, во время которой Стефан был убит. На следующий день хата Никанора была окружена немцами и полицаями, приехавшими на грузовой автомашине. Они предложили Никанору сдаться без сопротивления, угрожая в противном случае сжечь хату вместе с ним, его женой и четырьмя детьми. Никанор сдался. Его посадили в кузов автомашины и повезли в райцентр. В нескольких километрах от Сивкова машина спустилась в овраг, заросший кустарником. Никанор выбросился из машины через борт и бросился бежать. Немцы и полицаи открыли стрельбу по нему и убили метрах в ста от машины.

Другие родственники остались живы. Отец, Стародворцев Сергей Петрович, 1898 г. рождения, был мобилизован в первые дни войны. Сначала служил в тыловых частях, а в 1943 г.

попал на фронт. Получил тяжелое ранение в боях на Украине. После нескольких месяцев лечения был признан негодным к воинской службе и в январе 1944 г. вернулся домой.

Брат отца Петр Петрович, 1985 г. рождения, служил при госпитале на Урале. На фронте не был.

Братья отца Иван Петрович, 1903 г. рождения, и Фома Петрович, 1907 г. рождения, к началу войны жили в Ленинграде, работали шоферами. Во время блокады Ленинграда водили машины по «Дороге жизни» через Ладожское озеро. До конца войны служили в автомобильных частях.

Мой двоюродный брат Евгений, сын дяди Петра, 1926 г. рождения, был призван в армию одновременно со мной. Был дважды ранен.

Собственные публикации

Более тридцати лет работал в районных газетах, в том числе 21 год был редактором Починковской районной газеты «Сельская новь» (Смоленская область). Печатался в районках и областной газете «Рабочий путь». Учет этих публикаций не вел.

В последние годы опубликовал в областном ежемесячном журнале «Смоленск»:

- «Боевые действия группы Качалова» («Смоленск» №9(29), сентябрь 2001г., с. 18-20). В статье говорится о действиях группы войск генерал-лейтенанта В.Я. Качалова в июле-августе 1941 г. на территории Рославльского, Стодолищенского и Починковского районов Смоленской области.

- «Учитель милостью божьей» («Смоленск» №5(37), май 2002 г., с. 15). О В.А. Станкевич, заслуженном учителе Российской Федерации.

- «Соболево» («Смоленск» №6(38), июнь 2002 г., с.36-37). Очерк об одном из примечательных мест Смоленщины – бывшем имении видного земского деятеля, депутата I Государственной Думы А.Н. Попова.

Неопубликованные материалы.

- «Командарм. Страницы жизни генерал-лейтенанта В.Я. Качалова». Это документальный очерк о командующем 28-й армией генерале В.Я. Качалове, погибшем в Смоленском сражении 4 августа 1941 г. Примерный объем очерка – 6 печатных листов (128 страниц машинописи). Рукопись готова к пе-

чати, но нет средств для ее публикации.

Публикации обо мне:

- Станкевич В.Н. Воин, журналист, краевед // «Смоленск». №5(25), май 2001. - С. 26-27.
- Беляев И.Н. Подвижники земли Смоленской. Биобиблиографический справочник об исследователях родного края. Смоленск: «Смядынь», 2003. - С.381-383.
- Смоленская область. Энциклопедия. Т.2. - СГПУ, 2003.- С.616.

В оккупации

В 1941 г. я учился на первом курсе Соболевского педагогического училища Смоленской области. Помню, в мае или начале июня 1941 г. в педучилище приехал военный, видимо, политработник Красной Армии. Нас, студентов, собрали в клубе педучилища, где военный прочел лекцию о международном положении.

Все мы знали о пакте о ненападении, заключенном между СССР и Германией в августе 1939г. Поэтому многих из нас удивил резкий тон, с каким наш лектор характеризовал политику фашистской Германии и отзывался о ее руководителях. Видать, в армии без особого доверия относились к заключенному пакту и не ждали от Гитлера ничего хорошего. Мне в память врезались несколько фраз лектора, направленных против гитлеровской расовой теории. Он говорил примерно так: «Гитлер относит немцев и себя лично к высшей расе. Одним из признаков человека высшей расы он называет мягкие белокурые волосы. Но посмотрите на самого Гитлера. Волосы у него черные как вороново крыло и жесткие как кобылий хвост». Из-за хлесткого выражения «кобылий хвост» мне и запомнилось это высказывание лектора.

В предвоенные годы в педучилище серьезное внимание уделялось физкультурной и военной подготовке. Здесь был оборудован отличный спортивный городок с вертикальными и наклонными лестницами, кольцами, трапецией, шестом, канатом, перекладиной, местами для прыжков в длину и высоту. На военной подготовке мы учились стрелять из малокалиберной винтовки, метать гранату, пользоваться противогазом,

разбирать и собирать винтовку Мосина. Военной подготовкой руководил имевший специальное образование командир запаса Гавриил Мартынович Царев.

В ночь с 21 на 22 июня 1941 г. в педучилище были назначены военные учения. По плану учений студенты педучилища должны были наступать на районный центр Монастырщину, который находился в десяти километрах от Соболева. Нас, вооруженных деревянными макетами винтовок, построили в двенадцатом часу ночи, объявили задачу и повели проселочными дорогами на Монастырщину. По пути пришлось форсировать небольшую речку Вихру. Еще затемно мы сосредоточились на подступах к районному центру. Против нас «оборонялись» 200-250 человек монастырщинской молодежи, призванной на учения райвоенкоматом. На рассвете мы с криком «ура» и имитацией стрельбы припасенными трещотками пошли в атаку на Монастырщину. В некоторых местах дело доходило до рукопашных схваток, ибо каждая из сторон стремилась захватить «пленных».

Там же, на околице Монастырщины, состоялся разбор учений, который провели военрук училища Г.М.Царев и работники райвоенкомата.

После бессонной ночи мы, не торопясь, вернулись в Соболево, где жила наша семья. Часов в 9 утра 22 июня я лег спать, а в первом часу дня меня разбудила мать и, плача, сказала, что началась война. Сообщение об этом она услышала по радио. Таким образом, по стечению обстоятельств, в первые же часы войны, еще не зная о ее начале, мы, студенты педучилища, ходили в свою первую «атаку».

Началась мобилизация. Был призван в армию и мой отец Стародворцев Сергей Петрович, 1898 года рождения, работавший делопроизводителем в Соболевском педучилище. Мне с матерью и младшей сестрой пришлось пережить годы немецкой оккупации, длившейся с июля 1941 г. по сентябрь 1943 г.

В первые дни войны недалеко от Соболева началось рытье противотанкового рва. На эту работу мобилизовали тысячи людей гражданского населения, в основном молодежи. В течение нескольких дней они копали ров лопатами под палящим летним солнцем. Как выяснилось впоследствии, это была пустая затея. Нигде во время войны противотанковые рвы не по-

служили серьезным препятствием для немецких танков.

В начале второй декады июля мы впервые увидели немецкую танковую колонну. Она прошла по большаку от Монастырщины на Смоленск примерно в километре от Соболева.

А вечером того же дня в Соболево въехали несколько наших грузовых автомашин с красноармейцами. Они расположились на ночевку в обширном саду педучилища. У них была полевая кухня. Они приготовили себе на ужин хорошо заправленную гречневую кашу и щедро угостили ею бегавшую тут же соболевскую ребятню. Настроение у красноармейцев было удрученное, но не паническое. Командиры расспрашивали местных жителей, где они видели немцев, какие проселочные дороги ведут в восточном направлении, не скрывая, что, пользуясь отсутствием у немцев сплошного фронта, будут пытаться выйти к своим глухими проселками, через лесные массивы. На рассвете эта небольшая часть покинула место ночевки.

А на следующий день в Соболево с запада вкатилась рота немецких саперов-самокатчиков, которая начала сооружать переправу через речку Вихру. Тут был небольшой мостик, по которому переезжали на телегах и полуторках. Немцы посчитали его слабым для своей тяжелой техники. Они сноровисто разобрали стоявший поблизости сельский магазин, перетащили на плечах бревна к речке и соорудили более прочный мост. А попутно разграбили находившийся неподалеку сырзавод. Проезжая снова через Соболево, везли головки сыра в перевернутых и укрепленных на багажниках велосипедов касках.

Вслед за этим в Соболево вошел какой-то немецкий штаб. Жителей из домов не выселяли. Учреждения штаба разместились в пустующих летом помещениях учебного корпуса и двух студенческих общежитий – мужского и женского. Немецкий генерал поселился в помещении почты на первом этаже дома, в котором мы жили на втором этаже.

Вообще надо сказать, что немцы в это время вели себя довольно беспечно. Мы, ребятня, нередко заходили в коридоры общежитий, где размещались отделы штаба. Наблюдали, как из комнаты в комнату, громко стуча сапогами, ходили немецкие офицеры. На нас они не обращали никакого внимания.

При хозяйственной службе штаба работало до десятка наших военнопленных. Они пилили дрова, подносили воду для полевой кухни, оборудовали отхожие места. Среди них выде-

лялся один наш боец, по виду уроженец Средней Азии. Несмотря на жару, он всегда ходил в подпоясанной ремнем шинели и в нашей армейской фуражке. На поясе у него всегда была фляга. Время от времени кто-нибудь из немецких офицеров громко кричал ему: «Иван! Ком хер! Шнеллер!» Боец опрометью бросался к офицеру, становился перед ним по стойке «смирно», громко, на немецкий манер, щелкал каблуками. Офицер указывал на фляжку. Боец отстегивал ее от пояса, что-то наливал в крышку и подавал офицеру. По выражению лица офицера можно было предположить, что в фляжке всегда находилось что-то спиртное.

Раза три-четыре к нам подходили работавшие при кухне военнопленные и осторожно выспрашивали, не могли бы мы достать для них старую цивильную одежду. Мы договаривались, куда принесем что-нибудь из одежды – ботинки, брюки, пиджак, кепку. Укромных мест в большом саду было немало. Бойцы тут же, при нас переодевались в штатское, указанными нами путями выбирались из Соболева и направлялись в близлежащие деревни уже под видом местных жителей.

Мы были свидетелями, как в одной из комнат общежития подгонял под себя немецкое обмундирование наш военнопленный. Немцы называли его Густавом. Он свободно говорил по-немецки. Иногда вступал в разговор и с нами. Сказал, что он – из немцев Поволжья и что ему предложили работать переводчиком.

В эти дни я имел полную возможность наблюдать и за немецким генералом. Это был высокий и худощавый человек с короткой седой прической. Прибывших к нему офицеров он зачастую принимал не в комнате бывшей почты, а на примыкавшей к ней обширной террасе. Ночью спал также не в комнате, а в поставленной метрах в тридцати от дома палатке.

Пока в Соболеве стоял штаб, немцы жителей не грабили. Иногда заходили к ним за молоком, предлагая при этом деньги. Грабиловка началась позже. Внезапно появлялись на машине или на мотоцикле 3-5 солдат, заходили в квартиры, потрошили шкафы и сундуки, забирая приглянувшиеся вещи. Нас, ребятню, заставляли собирать для них на огородах огурцы и помидоры, не скупясь при этом на затрещины и подзатыльники.

Когда наступила зима 1941-1942 гг., жителей Соболева, в

основном подростков и молодых женщин, выгоняли на расчистку большака Монастырщина - Смоленск. Снегу в тот год было очень много. Дорога после расчистки представляла собой траншею со стенами высотой до полутора метров.

Во время работ на дороге несколько раз видел начальника районной полиции Лапицкого. Говорили, что до войны он был не то учителем, не то директором школы. Сам пошел в услужение к немцам и отличался незаурядной жестокостью. Никогда не расставался с плеткой. Однажды довелось испробовать этой плетки и мне. Лапицкому показалось, что я недостаточно старательно работаю (у меня в тот день сильно болела нога). Сдвинув черные густые брови, он подошел ко мне и несколько раз огрел плеткой по голове. Хорошо, что удары несколько смягчала зимняя шапка.

Вскоре после оккупации района немцы стали создавать на его территории местную администрацию и полицию, назначать деревенских и волостных старшин. В Соболеве был ими создан центр волости, в которую входило до десятка деревень. Должность волостного старшины немцы предложили бывшему завхозу педучилища Цареву Василию Савельевичу (в просторечии – Савке). Человек недалекий и изрядный выпивоха, он с готовностью принял это предложение и весьма гордился доверием немцев.

Запомнилось одно его выступление перед жителями.

- Кто я был при коммунистах? – вопрошал Савка. – Никто! Мне тогда не давали ходу. Но вот пришли немцы, откопали меня из-под снега и сразу увидели, что я за человек…

Этот эпизод тоже, вероятно, сохранился в памяти потому, что в нем была необычная фраза: немцы, пришедшие к нам в разгар лета, откопали Савку из-под снега!

Месяца через три после прихода немцев мы услышали о трагедии в деревне Скреплёво, находящейся километрах в семи от Соболева. Там на деревенскую вечеринку пришли два немецких солдата. После вечеринки они бесследно исчезли. На следующий день в деревню прибыли каратели. Допрошенные жители отрицали свое участие в убийстве солдат, делали предположения, что это могли сделать окруженцы, прижившиеся в соседних деревнях. Но каратели не намерены были долго заниматься следствием. Они повыгоняли из хат всех мужчин, от подростков до стариков, вывели их за околицу и

постреляли из пулеметов. Погибло 57 мирных жителей. Спастись удалось лишь одному подростку, который, когда началась стрельба, бросился за ближайший сарай и, прикрываясь им, сумел добежать до кустов.

А затем последовала трагедия евреев, живших в районном центре. Монастырщина когда-то входила в черту оседлости, поэтому евреи составляли в ней значительную часть населения. Сначала их всех согнали в гетто – квартал, оцепленный колючей проволокой. Затем сюда прибыла специальная зондеркоманда, которая приступила к поголовному уничтожению евреев. В течение двух дней их выводили большими группами к противотанковому рву, отрытому на окраине поселка, и расстреливали из пистолетов и автоматов. При этом каратели позаботились об определенных удобствах для себя: на месте расстрела поставили стулья и табуретки, чтобы не стоять долгие часы на ногах. Тут же находился стол с бутылками шнапса и закуской. Палачи время от времени взбадривали себя спиртным. За два дня во рву было расстреляно более 800 мужчин, женщин, стариков и детей.

В самом Соболеве жила одна полуеврейская семья. Евреем был преподаватель русского языка и литературы Юрий Самойлович Дубовицкий. Его жена Любовь Александровна была русской. У них было двое детей – мальчик лет шести и девочка трех лет. С ними же жили и старики – родители мужа.

При приближении немцев Дубовицкие некоторое время колебались, покидать им Соболево или нет. Наконец решили, что уедут сам Ю.С. Дубовицкий и его старики родители, а Любовь Александровна с детьми останутся на месте. За два-три дня до прихода немцев Дубовицкий взял в учебном хозяйстве педучилища подводу, посадил на нее стариков и отправился в путь. С тех пор о них никаких определенных сведений в Соболево не доходило. Были слухи, что им не удалось уйти от стремительно наступавших немецких войск, и они были уничтожены где-то в районе города Ельни.

Вскоре после того, как были расстреляны евреи в Монастырщине, волостному старшине Цареву поступил приказ доставить в районный центр Л.А. Дубовицкую с детьми. К этому времени в Соболеве два человека уже служили в полиции. Один из них – парень лет двадцати, сын мельника Володька Малахов, а другой – Мефодий Сидоренков по прозвищу «Ка-

дет». Состоял ли он когда-либо в партии кадетов, я не знаю. Но слышал от него иногда неприязненные высказывания о советской власти.

Эти двое полицейских и доставили Л.А. Дубовицкую с детьми в райцентр. Там ей удалось доказать, что лично она – русская. Говорили, что ей помогла какая-то справка, свидетельствующая, что она - дочь православного священника. А двух ее малолетних детей расстреляли, чуть ли не на ее глазах. Вернулась она в Соболево совершенно больным человеком.

Дальнейшая судьба двух соболевских полицейских сложилась по-разному. Володька Малахов отступил вместе с немцами и пропал без вести. А Мефод Сидоренков после прихода наших войск был призван в армию и, как человек мастеровой, сразу же пристроился в оружейных мастерских. Там и провел оставшуюся часть войны. После демобилизации никаким репрессиям не подвергался.

Волостной старшина Царев, дорвавшись до власти, в первую очередь стал всеми способами обогащаться. К нему перекочевало много имущества расстрелянных в Монастырщине евреев. Наезжавшие к нему деревенские старосты всякий раз привозили сало, муку, яйца. К нему часто заглядывали военные и гражданские чины из районной администрации. Встречи с ними всякий раз заканчивались попойкой, благо самогон у волостного никогда не выводился, регулярно поставляемый старостами из деревень.

Мне хорошо запомнился последний визит к Цареву заместителя начальника районной полиции Антоненкова. С ним был полицейский из Монастырщины Грачев. На этот раз оба были в необычном обмундировании. На Антоненкове ладно сидела форма командира Красной Армии. Грачев был одет в синий комбинезон. Считалось, что в таких комбинезонах сбрасывают наших парашютистов. В их рессорную тележку была впряжена великолепная белая кобылица.

Наша квартира, в которой мы жили с матерью и сестрой, находилась на втором этаже, как раз над квартирой волостного. Если я выходил на лестничную площадку, то видел дверь квартиры Царева. В тот день стояла жара, и дверь в квартиру волостного была открыта настежь. Из квартиры доносился звон стаканов и громкие голоса. Подвыпивший Антоненков говорил, что они с Грачевым едут на опасное задание, на гра-

ницу Монастырщинского и Краснинского районов. Где-то там базируется партизанский отряд Серегина. Их задача – точно установить место базирования. В форме полицейских туда соваться опасно, поэтому они будут выдавать себя за советских десантников. Кроме того, Царев должен дать им в тележку свою гнедую лошадь, ибо белая кобылица, на которой они приехали в Соболево, слишком уж примелькалась в районе и может их выдать.

Под конец, уже окончательно захмелев, Антоненков стал объяснять Цареву, почему он ненавидит большевиков.

- Никогда не прощу, что они погубили отца, - по временам срываясь на рыдания, почти кричал Антоненков, - Его раскулачили ни за что, ни про что. Сослали на север… Там он и погиб!

В ответ слышалось бормотание Царева, который, видимо, пытался как-то утешить Антоненкова.

Переменив лошадь в тележке, полицейские уехали из Соболева.

Дня через два стало известно, что Антоненков и Грачев, приехав в одну из деревень, находившихся в зоне действий партизанского отряда, остановились на ночевку в доме старосты. А ночью на дом напали партизаны. В завязавшейся перестрелке Антоненков был убит. Раненый в ногу Грачев сумел вскочить на распряженную лошадь и прискакал на ней в районный центр.

В деревню, где был убит Антоненков, сразу же отправились немцы из районной комендатуры и отряд полицейских. Они арестовали старосту и привезли его в Монастырщину.

Через несколько дней в райцентре было объявлено, что состоится публичная казнь старосты как пособника партизан. Рассказывали, что в качестве палача вызвался выступить младший брат Антоненкова, которому было лет 16-17. Свою миссию он начал довольно бодро, накинул петлю на шею старосты и вышиб из-под него табуретку. Но когда увидел предсмертные конвульсии повешенного, брякнулся на землю и разразился рвотой.

Партизанский отряд Серегина, действовавший на границе Монастырщинского и Краснинского районов, в начале не доставлял немцам особых хлопот. В нем было несколько десятков человек. Как говорили связанные с отрядом люди, его главной

задачей была организация агентурной и разведывательной сети в интересах известного на Смоленщине партизанского отряда «Тринадцать», которым командовал Сергей Гришин. Тем не менее, отряд, имевший хорошие связи с населением, частенько расправлялся с наиболее рьяными прислужниками оккупантов из числа полицейских и старост, громил сыроваренные заводы, продукция которых шла на нужды немецкой армии.

Недалеко от Соболева, за речкой Вихрой, находился один из таких заводов. Будто бы для его охраны летом 1942 г. в Соболеве был установлен немецкий сторожевой пост. В его составе было с десяток солдат во главе с унтер-офицером Фрицем. Днем солдаты ничего не делали, случалось, стреляли из винтовок голубей, которых здесь было множество. А ночью по очереди стояли на посту.

Как и везде, это были разные люди. Один из них, коротышка в очках, всеми способами подчеркивал свое пренебрежение к жителям Соболева и вообще ко всему русскому. Мог, например, прийти на крылечко, где сидели женщины, схватить за руку одну из них, рывком сдернуть со скамейки и с самодовольным видом усесться на ее место. Постоянно повторял: «Их бин приват-капиталист». Другой, настреляв голубей, заставлял нас ощипывать их. Третий пытался любезничать с местными девчатами.

Установив в Соболеве сторожевой пост, немцы заставили местных подростков по ночам дежурить вместе с их часовыми: ходить туда-сюда, если солдат ходил, или сидеть на скамейке, если сам солдат на нее садился. Во время одного такого дежурства я уснул, сидя на скамейке. Проснулся от непонятного грохота и с перепугу упал со скамейки. Когда опомнился, увидел ржущего во весь голос часового. Оказывается, он выстрелил из винтовки возле моей головы. Через считанные секунды из комнаты, где спали немцы, выскочил полуодетый унтер-офицер Фриц и двое солдат из бодрствующей смены с винтовками в руках. Узнав, что случилось, унтер-офицер резко отчитал часового – молодого рыжего солдата – за неуместную пальбу. Пост в Соболеве стоял в течение нескольких летних месяцев, а затем был снят.

Во время оккупации немцы разрешали кое-где возобновить занятия в школах. Но мне хотелось бы рассказать о рабо-

те в Соболеве в течение одного учебного года так называемой учительской семинарии. Об учебном заведении подобного рода, действовавшем на оккупированной территории, мне не доводилось ни слышать, ни читать.

На втором году войны людям, перешедшим на службу к оккупантам и занимавшим видные посты в областной администрации, удалось убедить немецкие власти в целесообразности возобновления работы бывшего Соболевского педучилища, несколько изменив его название. Аргумент у этих чиновников был такой: мол, окончившие семинарию парни и девчата, работая в начальных школах, будут хорошими проводниками немецкой политики среди сельского населения оккупированных территорий.

В сентябре 1942 г. учительская семинария приступила к работе. Директором ее стал присланный немцами военнопленный, географ из Московского государственного университета Николай Николаевич Гулидов. Он энергично взялся за дело, проявил себя хорошим хозяйственником, наладил работу учебного хозяйства, где еще оставалось несколько лошадей, коров, огород и обширный сад. Большинство учебных дисциплин вели прежние преподаватели педучилища. В начале войны они были мобилизованы в армию. Их направили в город Рославль. Но там, еще не получив ни обмундирования, ни оружия, они оказались отрезанными наступавшими немецкими частями из танковой группы Гудериана и вернулись домой в Соболево. Не вернулись лишь два-три преподавателя более молодого возраста, которых призвали на два-три дня раньше и успели отправить на восток до прорыва немцев в районе Рославля.

Из числа военнопленных был направлен в семинарию бывший преподаватель Тимирязевской сельхозакадемии Малышкин. Ходил он с палочкой, потому что у него были отморожены пальцы на ногах. Он преподавал биологию и имел среди учащихся прозвище «Шпинат». Физику и математику преподавали два человека из окруженцев, «приженившихся» в близлежащих деревнях (в народе их называли «зятьки»). Одного из них мы звали «Митька Рыжий», а как другого – уже не помню.

Преподаватели получали за работу какое-то количество оккупационных марок, за которые почти ничего нельзя было

купить. Кроме того, и это было самым главным в оплате, каждому ежемесячно выдавали по пуду муки с работавшей в Соболеве водяной мельницы.

Через какое-то время работа Н.Н. Гулидова в качестве директора семинарии перестала удовлетворять местные власти, и был прислан новый директор, тоже из числа военнопленных. Это был Леопольд Адамович Безлюдов, работавший до войны в пединституте имени Герцена в Ленинграде. Получилось так, что Безлюдов, только что приехавший в Соболево, сразу же попал в нашу квартиру. Возможно потому, что она, квартира, находилась в самом первом доме при въезде в педучилище. На вид это был сугубо штатский интеллигентный человек. Запомнился его рассказ о службе в нашей армии. С легкой иронией он говорил, что после мобилизации был направлен в кавалерийскую часть.

- Ну какой же из меня кавалерист? – разводил он руками.

После войны он снова работал в пединституте имени Герцена. О дальнейшей судьбе первого директора семинарии – Гулидова мне ничего не известно.

Преподавание в семинарии велось по старым, довоенным учебникам, в том числе и по истории. Велено было лишь выдрать из книжек портреты Ленина, Сталина да замарать их фамилии в тексте.

Учащиеся семинарии процентов на восемьдесят были довоенные студенты педучилища. Ими двигало, во-первых, желание получить хоть какие-то знания. А во-вторых, было объявлено, что те, кто учится в семинарии, не будут угоняться в Германию. Что касается настроений новоявленных семинаристов, то оно было в основном патриотическим. Да иным оно и быть не могло. Почти у каждого из учащихся отцы, братья воевали в Красной Армии. Из месяца в месяц крепла уверенность, что немцам не удастся победить Россию. В семинарию нередко попадали листовки и газеты, сбрасываемые с наших самолетов. Нам было известно о разгроме немцев под Москвой, о сокрушительном поражении под Сталинградом.

Где-то в середине учебного года трое учащихся – Иван Чистяков, Михаил Мирошников и я – начали выпускать рукописные листовки патриотического содержания, написанные печатными буквами. Мы их тайком расклеивали в мужском туалете, вкладывали в учебники других семинаристов.

Через некоторое время о листовках стало известно районной полиции. В одну из ночей она нагрянула в мужское общежитие и провела там обыски. У двух учащихся – Червонцева и Костаненкова – нашли тетрадочки с текстами патриотических стихов и песенок, во множестве ходивших по рукам молодежи на оккупированных землях. Этих учащихся увезли в районный центр. Там ими занялось гестапо. Под угрозой расстрела их заставили подписать обязательство сотрудничать с немцами. Однако после этого ребята никого не выдали, хотя однажды Червонцев зашел в мужской туалет как раз в тот момент, когда Иван Чистяков и я наклеивали там очередную рукописную листовку.

После освобождения Смоленщины в руки наших органов попали обязательства Червонцева и Костаненкова о сотрудничестве с немцами. Их арестовал. Пока велось следствие, Костаненков умер от туберкулеза, а Червонцев отделался сравнительно легким наказанием – несколькими годами заключения. Впоследствии он пошел по научной стезе.

В 60-е годы минувшего века КГБ провело дополнительное расследование о том, как Червонцев вел себя в оккупации. При допросах он, видимо, сослался на меня и еще на двух ребят, которые вместе с ним учились в учительской семинарии. Сужу так потому, что нас вызывали в областное управление КГБ и расспрашивали о Червонцеве. В беседе со мной работник КГБ прямо сказал, что эта дополнительная проверка проводится в связи с тем, что Червонцев собирается защищать кандидатскую диссертацию.

Говоря о семинарии, следует отметить, что особой опеки немцев над ее работой не было. В течение учебного года сюда раза три приезжали немецкие пропагандисты. Один из них сносно говорил по-русски, другие прибегали к помощи переводчика.

Мне особенно запомнилось последнее по времени посещение семинарии представителями немецких властей. Это было весной 1943 г. Один из них был в немецкой военной форме, по званию, кажется, оберлейтенант. Другой – высокий седовласый мужчина с большой лысиной и окладистой бородой. Себя он называл профессором Сошальским, а немца – доктором Цигестом. Стояла жаркая погода, поэтому встречу с учащимися и преподавателями прибывшие решили провести на

свежем воздухе, в саду.

Я сидел на траве в задних рядах собравшихся. Доктор Цигест излагал по-немецки свои педагогические взгляды, а профессор переводил его речь. Я сразу же заметил, что доктор Цигест пришел в сад без ремня и висевшей на нем кобуры. Мелькнула мысль: неужели он оставил ремень с пистолетом в той комнате женского общежития, где гости ночевали? Решил проверить. Незаметно удалиться с этого собрания было нетрудно, так как сзади вплотную подступал густой малинник. Пробравшись через малинник, скрытно направился к общежитию. Я знал, в какой комнате первого этажа остановились приехавшие. Подойдя к окошку этой комнаты, увидел, что створки закрыты. Я заглянул в комнату сквозь стекло и рассмотрел на столе ремень с кобурой. Осталось проверить, закрыта ли створка окна на шпингалет. Потянул ее на себя, и она… открылась.

Тут мной овладело величайшее волнение: залезать или не залезать в комнату? С одной стороны, я знал, что если попадусь, последствия будут самые тяжелые, вплоть до расстрела. А с другой стороны, как не воспользоваться такой возможностью стащить пистолет. Последнюю точку в моих мысленных метаниях поставило воспоминание о Павке Корчагине: «Вот он же смог это сделать… Неужели я не смогу?»

Еще раз оглянувшись по сторонам, и не заметив нигде ни души, открыл окно и быстро залез в комнату, не забыв при этом снова прикрыть створку. И здесь почувствовал, что совершенно успокоился. Подошел к столу, вынул «парабеллум» из кобуры и опустил его в карман брюк. Затем вытащил из кармашка кобуры запасную обойму с патронами. Открыв створку окна, выглянул наружу. Метрах в ста пятидесяти от общежития заметил женщину. Она удалялась, и я видел ее со спины. Решив не ждать, когда женщина скроется из виду, вылез из комнаты и прикрыл створку окна. Вся эта операция вряд ли заняла больше минуты.

К тому времени я уже знал, где спрячу пистолет. Это было дупло старой ракиты, стоящей на берегу Вихры. Спрятав пистолет, я, не мешкая, вернулся в сад и опять же сквозь малинник пробрался на свое прежнее место. В это время доктор Цигест отвечал на вопросы учащихся и преподавателей. Помню, один из вопросов был о том, как доктор относится к физиче-

ским наказаниям школьников. Цигест отвечал, что, если исчерпаны все возможности морального воздействия, то можно применять и физическое наказание и тут же показал, как это можно сделать: сделал вид, что зажимает голову ребенка между ног и отшлепывает его по заднице.

Минут через тридцать после лекции я снова увидел доктора Цигеста и профессора Сошальского у входа в женское общежитие. Цигест был мрачнее тучи. Он обращался к Сошальскому с какими-то короткими фразами. А Сошальский растолковывал их для стоявших рядом трех или четырех преподавателей.

- «Доктор Цигест считает, - говорил Сошальский, - что похищение пистолета – не дело рук какого-нибудь местного подростка, ничего не смыслящего в военном деле. Подросток, стащивший пистолет из хулиганских побуждений, не догадался бы прихватить и запасную обойму. По мнению доктора Цигеста, здесь действовал опытный партизан. Поэтому преподавателям и всем жителям Соболева надо повысить бдительность и сразу же доносить властям о появлении на территории семинарии партизанских лазутчиков…».

Не скрою, что я слушал эти высказывания доктора Цигеста с большим удовлетворением.

Последующие несколько дней все Соболево жило в большой тревоге – ждали репрессий немецких властей. Но их так и не последовало. Надо полагать, доктор Цигест посчитал, что поднимать шум из-за украденного пистолета – себе дороже. Его вряд ли погладили бы по головке за то, что он допустил вопиющее разгильдяйство: оставил личное оружие в неохраняемом помещении. А достать другой пистолет во время войны для офицера не составляло большого труда.

Хочу добавить еще несколько слов о профессоре Сошальском. Перед отъездом он зашел к одному из преподавателей педучилища, не призванному в нашу армию по возрасту, Никольскому Александру Александровичу. Это был высокообразованный человек, в свое время окончивший Варшавский императорский университет, знавший европейские языки. Надеясь, вероятно, найти в Никольском родственную душу, Сошальский разоткровенничался с ним и рассказал, что написал и послал пространное письмо самому Гитлеру. В этом письме он будто бы указывал на ошибки в политике германских окку-

пационных властей по отношению к местному населению. Писал, в частности, об излишней и неоправданной жестокости немецких карательных органов, которая дает результат, обратный ожидаемому. Она не устрашает, а ожесточает население, приводит к расширению партизанской борьбы на оккупированных территориях.

Об этом разговоре с Сошальским мне рассказал сам А.А. Никольский. Мы жили в соседних квартирах и очень дружили. Во время оккупации обе наши семьи выручала имевшаяся у нас корова. Мы с Никольским заготавливали для нее сено, совместно обрабатывали наши огороды, запасались на зиму дровами. Так и жили одним натуральным хозяйством.

Уже после войны я узнал от смоленского историка Л.В. Котова, который занимался исследованиями о подпольной борьбе на Смоленщине в годы войны, о том, как московский профессор Сошальский оказался у немцев. Лето 1941 г. он жил на даче где-то в районе Гжатска (ныне город Гагарин). При приближении немцев не поспешил вернуться в Москву, а дождался их прихода. А затем предложил свои услуги немецким властям.

Летом 1943 г. значительно возросла деятельность партизанского отряда Серегина. Партизаны громили полицейские участки, ликвидировали немецких прихвостней. Дело дошло до того, что районные власти решили сосредоточить полицейских со всего района в двух-трех местах. Волостным старшинам тоже было предложено временно оставить свои волости и перейти под охрану немецких и крупных полицейских гарнизонов.

Встревожился и Соболевский волостной старшина Царев. В доверительных разговорах с некоторыми односельчанами говорил, что со дня на день переберется в Монастырщину, ибо в Соболеве ему оставаться опасно. В эти дни он несколько раз выходил с женой Семеновной за пределы села и обучал ее стрельбе из выданного ему нагана.

Но с отъездом в райцентр Савка просчитался буквально на один день. На рассвете наш дом окружили приехавшие на двух повозках партизаны. Их было человек двенадцать. Сам Серегин, в синем полувоенном костюме, стучал рукояткой пистолета в наружную дверь дома. Разбуженный стуком, я все это видел через окно нашей квартиры. Убедившись, что открывать

никто не собирается, Серегин приказал ломать дверь. Двое дюжих партизан сорвали ее с крюка. Вслед за тем с первого этажа донесся треск еще одной сорванной двери, а потом два или три выстрела.

Через полминуты опять послышались выстрелы, и поднялась какая-то суматоха. Кто-то кричал: «Давай повозку к крыльцу!» Из квартиры волостного партизаны вынесли и положили на повозку перину и подушку. Затем вывели под руки раненого Серегина и уложили его на перину.

Тут я услышал, что кто-то из партизан быстро взбегает по лестнице на второй этаж. Видя и слыша перед этим, как легко партизаны срывали двери, я заранее откинул крючок на нашей двери. Рывком отворив дверь, разгоряченный стрельбой и ранением командира партизан закричал: «А ты где служишь?»

Сильно оробевший при виде разъяренного партизана, я пролепетал, что нигде не служу. Более находчивой оказалась мать.

- Здесь живет семья красноармейца, - сказала она.

Партизан несколько секунд переводил взгляд с меня на плачущую мать и, ничего не сказав, повернулся и загрохотал сапогами по лестнице. К этому времени совсем рассвело. Партизаны, не мешкая, покинули Соболево.

Когда они уехали, я первым делом пошел к живущему рядом Никольскому. Он тоже, конечно, не спал. Мы стали спускаться в квартиру волостного. Навстречу нам из квартиры выбежала девочка лет шести или семи – приемная дочка Царевых. Они были бездетные и во время войны взяли к себе осиротевшую девочку.

- Папку с мамкой убили! – сквозь слезы сказала она.

Мы отвели ее в нашу квартиру и снова пошли вниз. Царев и его жена Семеновна лежали на полу в первой комнате один на другом. Он – снизу, она, поперек, сверху. Оба были полностью одеты, видимо, не раздевались в эту ночь. Голова Царева лежала в луже крови. Он был явно мертв. Семеновна еще дышала. Мы перенесли ее во вторую комнату, положили на кровать. На какой-то миг она открыла глаза и, задыхаясь, сказала:

- Не оставьте… девочку…

Примерно через полчаса она умерла.

Как мне потом стало известно от двоюродного брата, жившего в деревне Сивково в пяти километрах от Соболева и

имевшего связь с отрядом, партизаны были намерены ликвидировать лишь самого Царева. Взломав последнюю дверь, они ворвались в квартиру и увидели стоявшего посреди комнаты волостного.

Серегин спросил:

- Ты Царев?

- Да.

Ни о чем больше не спрашивая, Серегин выстрелил в волостного два или три раза. В это время из второй комнаты выбежала жена Царева. Она с плачем бросилась на лежавшего на полу мужа. Никто из партизан не придал этому особого значения: мол, вполне понятная реакция женщины на смерть мужа. А Семеновна тем временем незаметно вытащила из брючного кармана Царева лежавший там наган и выстрелила в Серегина. Тогда партизаны открыли огонь по ней.

Днем тела Царева и его жены, а также их приемную дочку полиция увезла в районный центр.

В середине сентября 1943 г. Соболево заполнилось немцами, на этот раз отступавшими. Здесь разместились полевой госпиталь и некоторые другие тыловые учреждения немецкой армии. Всем жителям было приказано срочно покинуть Соболево. Они приютились в соседних деревнях – Романовском, Березняках, Пяцком и других.

Мы с матерью и сестрой, а также семья Никольских перебрались в деревню Сивково к нашим родственникам. Поскольку выселение проходило в спешном порядке, мы смогли захватить с собой лишь самые необходимые носильные вещи да увести с собой корову. Кое-что из имущества успели закопать в сенном сарае. Пришлось оставить в Соболеве полугодовалого поросенка.

На другой день после «эвакуации» мы с двоюродным братом Женькой, заручившись согласием взрослых, решили попытаться выручить оставшегося поросенка, если его еще не съели немцы. Заложили лошадку и полевыми дорогами отправились в Соболево. В километре от нас по более бойкой дороге почти сплошной колонной двигались немцы на повозках и машинах. На нашу одинокую подводу они не обращали внимания, и мы беспрепятственно добрались до Соболева.

К нашей радости, поросенок был цел, находился в своем

сарайчике, лишь верещал от голода. Солдаты тыловых немецких частей, разместившихся в Соболеве, были настроены довольно благодушно. Они не препятствовали нам забрать поросенка, а один из них даже помог погрузить его на телегу. Мы благополучно вернулись в Сивково.

Последующие два-три дня прошли спокойно. Через Сивково не было движения немецких войск. Их маршрут пролегал километрах в двух от деревни. В одну из ночей в стороне Соболева мы увидели огромное зарево. Решили, что немцы спалили его полностью, и нам некуда будет возвращаться после их ухода.

Хорошо запомнился день освобождения. С утра в деревне вдруг появился немецкий офицер верхом на лошади. Он ехал по улице, озираясь по сторонам. Доехав до середины деревни, повернул лошадь и поскакал обратно. Спустя два часа после этого мы увидели человек пятнадцать немецких солдат и несколько повозок, двигавшихся полем в сторону деревни. Жители стали прятаться, кто, где мог. Но немцы прошли мимо деревни. Было видно, что на повозках сидели раненые. На них белели бинты.

А примерно в полдень жителей вновь охватила тревога. С востока широкой цепью на деревню скакали всадники. Едва мы с Женькой успели укрыться в сенном сарае, как они уже были в деревне. Наблюдая за всадниками сквозь щели в сарае, мы увидели, что на них не немецкие каски, а на плечах – зеленые плащ-палатки. Значит, наши!

Жители стали вылезать из укрытий, высыпали на улицу. Плача от радости, бросились к всадникам. Выносили из домов молоко, яблоки, вареную картошку. Две женщины из числа оказавшихся в деревне беженцев бились в истерике.

Среди молодых кавалеристов выделялся осанкой и поведением их командир, мужчина средних лет в командирской фуражке. К нему торопливо направился местный старик по прозвищу Жук. В руках у него была бутылка и стакан. Командир принял у него стакан с самогонкой и, не сходя с лошади, залпом опустошил его. Закусил поданным кем-то яблоком. Затем подозвал одного из конников, приказал:

- Скачи к командиру полка, доложи: капитан Ворон занял деревню… Как называется деревня? – уточнил он, обращаясь к жителям. – Деревня Сивково. Иду дальше, - он взглянул на

карту в планшетке, - на деревню Мякшино.

Такой радости и ликования людей, как при освобождении из фашистской неволи, мне не приходилось видеть никогда в жизни.

На следующий день я побывал в Соболеве и обнаружил, что оно в основном осталось целым. Сгорел лишь двухэтажный учебный корпус, в котором у немцев будто бы была полевая пекарня. Все другие строения – мужское и женское общежития, жилой учительский дом, столовая, клуб, базовая школа – сохранились. В классах базовой школы валялись окровавленные бинты, склянки с лекарствами. Было ясно, что здесь лежали раненые. А на площадке недалеко от школы появилось солдатское кладбище с полутора десятками крестов. Здесь хоронили умерших от ран солдат и офицеров.

Наш домашний скарб, наспех закопанный в сенном сарае, немцы нашли, кое-что забрали с собой. Так, в общем-то, благополучно, мы пережили отступление немцев из наших мест.

Март 2005 года

Продолжение в следующих томах

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Степанова Мария Константиновна****, студентка 3-го курса филиала ГОУВПО «МЭИ(ТУ)»*

Старостин Валентин Фёдорович

Через тернии войны к мощной державе
Часть 1. Бои на границе, борьба в плену

Я родился 20 июля 1921 года в городе Юхнов Калужской области, русский, православный, в КПСС с 1959 года по 1991 год. Родители - коренные москвичи.

В 1939 году окончил среднюю школу №122 в Москве и поступил в Московский авиационный институт, где проучился до декабря 1939 года. Мобилизован в РККА. Окончил в 1940 году Киевскую окружную школу младших авиаспециалистов в звании младший командир взвода, направлен в город Дубно обслуживать 46 авиационный истребительный полк 14 авиадивизии на должность авиаспециалиста метеослужбы в звании младший командир взвода. Командиром 46 ИАП был майор Подгорный Н.М. в конце войны генерал полковник авиации, командир гвардейского истребительного ордена Суворова Яского корпуса.

22 июня 1941 года война застала меня в 4 часа на полевом аэродроме в местечке Млынов в 20 км от авиагородка города Дубно, где я дежурил сутки на летном поле. В этот же день участвовал в жестоком бою с немецкими десантниками, пытавшимися захватить аэродром.

Среди первых поднявшихся по тревоге самолетов было

звено старшего лейтенанта Иванова Ивана Ивановича. Вот он уже отогнал от аэродрома шестерку "Хе-III" и бомбы летят мимо цели. Самолеты - И-16 уже сорок минут в воздухе, кончается горючее, израсходованы боеприпасы. Но вот еще три "Хе-III" появились на малой высоте. Ведомый сбил один самолет. Иванов зашел в хвост головному "Хейнкелю" и врубился пропеллером в самолет врага. Это все произошло на моих глазах в 4 часа 25 минут на рассвете 22 июня 1941 года. То был первый воздушный таран в Великую Отечественную войну. Малая высота не позволила воспользоваться парашютом и Герой погиб.

Указом от 2 августа 1941 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза /посмертно/. Выдающееся мастерство и героизм проявили наши соколы, сражаясь на истребителях Н.Н. Поликарпова И–15, И–16, И-153, скорость которых уступала скорости немецких бомбардировщиков и истребителей. Преимуществом наших истребителей, воевавших еще в 1938 году в Испании, оставалась маневренность, и летчики пользовались этим виртуозно. Из всех самолетов нашего полка только четыре были уничтожены на земле. Летчики смело вступали в бой и часто выходили победителями, несмотря на численное преимущество врага.

К концу дня приказ техническому составу и службам прибыть в авиагородок города Дубно, так как обслуживать стало некого, а восстанавливать аэродром из-за непрерывных налетов вражеской авиации стало невозможно. По прибытии в город Дубно я был делегирован от 295 БАО в штаб обороны города. Немцы подошли к городу и 23 июня по приказу технический состав авиаполка и БАО передислоцировался на аэродром города Новгород-Волынского. 24 июня вечером комиссар БАО Коханов забрал меня и поставил первым номером на пулеметную установку со скорострельными четырехствольными пулеметами, так как нам предстояло с боем прорываться из окруженного города Дубно в город Ровно и далее на Новгород-Волынский аэродром, где сосредоточены и действовали оставшиеся в строю истребители 14 АД. Прорыв осуществляли тремя машинами со стационарными пулеметными установками. Солидная боевая мощь в твоих руках, но стоять во весь рост открыто без щита было под огнем врага "неуютно", но одна только задача – подавить огонь врага и проскочить. На-

пряжение колоссальное и ты весь подчинен выполнению этой задачи. Прорвались к городу Ровно, потеряв двух бойцов и одну машину с установкой. В городе Новгород-Волынском получил приказ: вывести с запасной площадки на машинах со склада авиационные снаряды и бомбы, а немецкие самолеты периодически бомбят. Через десять дней приказ: на площадку рядом с городом Нежином. Прибыв на аэродром, начали оборудовать взлетно-посадочные полосы и обслуживать авиаполк 14АД 5 армии Юго-Западного фронта уже с новыми типами самолетов МиГ-3. Находясь на аэродроме у села Красные партизаны, вблизи города Нежина, все мы были уверены, что наступил конец нашему отходу, т. к. большие водные преграды реки Днепр, Десна остановят немецкие войска, к тому же и наши войска уже имеют опыт боев. В подтверждение этого стали рыть капониры для самолетов. В августе и сентябре я писал родителям в Москву с полной уверенностью о победе в войне над фашистами. Напряженная работа, круглосуточные дежурства характеризовали работу служб и технического персонала обслуживающего полеты наших самолетов. Казалось, ничто не предвещало дальнейшего отхода на восток... Но 10 сентября, вопреки нашей логике, приказ немедленно передислоцироваться в город Гадяч, т.к. враг от нас в 20 км в поселке - Кобыжча и перерезал железнодорожные пути Киев-Нежин. Мост через реку Днепр не был взорван нашими частями, либо по халатности, либо по приказу "мостов не взрывать без приказа". Меня опять поставили за четырех ствольный, скорострельный пулемет на автомашине. В кабину командиром сел капитан Крупицкий - начальник строевой службы БАО. Вместе с личным составом БАО прибыли в город Пирятин, где увидели много воинских подразделений, не придерживающихся воинской дисциплины (толпа, а не строй). Распространялись слухи в частях, что войска Юго-Западного фронта находятся под угрозой окружения, так как немецкая танковая группа генерала Гудериана с севера заняла г. Ромны, находящийся в нашем тылу, а с юга группа генерала Клейста без активного сопротивления наших войск устремилась на север для соединения с группой генерала Гудериана. Продуктов питания в частях и городе нет. Скопление неуправляемых групп войск возрастает и приобретает хаотическое движение в поисках пищи. Дошли слухи, что в городе сконцентрировалось все ко-

мандование Юго-Западным фронтом и командование армий, входящих в него и что "мы в котле", "у поселка Лохвица пока еще можно прорваться". 16 сентября, захватив поселок Лохвица, немцы замкнули кольцо окружения Юго-Западного фронта. Отдельные генералы и полковники начали организовывать из групп и командиров частей колонны прорыва. Нашу машину с пулеметной установкой, как мощную подвижную огневую точку, руководители стали использовать в колоннах прорыва, ставя ее во главе колонны или в ее прекрытие. Раза три пытались так выскочить из окружения, но тщетно. Во время второй попытки был убит мой напарник – пулеметчик. Сохранилась в памяти фамилия одного из организаторов колонны прорыва кольца окружения наших войск авиационного генерала Тхора, очень энергичного, собравшего мощную колонну с хорошей огневой техникой, нашей машиной с пулеметной установкой и направившего колонну на восток от Пирятина. Однако немцы обнаружили ее, и их танковые части организовали плотный заслон. Колонна вынуждена была свернуть на юг к реке Удай. Юнкерсы утюжили каждый метр междуречья рек Удая и Сулы. Танки врага гонялись за каждой группой окруженных красноармейцев и командиров из этой колонны, которая была рассеяна. Кругом много убитых, раненых, которым медики оказывали помощь. Досталось, конечно, и мне: я дважды был сброшен с машины взрывной волной от разрыва снарядов. Мой напарник Сергей убит, а также тяжело ранен капитан Крупицкий. В этой обстановке Юго-Западного фронта бойцы и командиры не сдавались врагу, а отчаянно сражались, нанося врагу большой урон.

Недалеко от нас в небе появились группа немецких пикирующих бомбардировщиков "Ю-88", которые, обнаружив цель – батарею, пошли в пеке. С земли по ним ударила зенитная батарея, и этим залпом было сбито три самолета врага. Я сам видел это. При четвертой попытке вырваться из окружения, снаряд из немецкого миномета попал в мотор машины, и она сгорела. Теперь мое оружие - карабин, и с ним несколько ночей подряд в составе групп по сто - двести бойцов и командиров я ходил на прорыв уже плотных позиций немецких войск. Назад возвращалось меньше половины, остальные погибали.

"Как для командования фронтом, так и для сотен тысяч бойцов, пробиравшихся в те ночи и дни сквозь болота, леса на

ощупь, искавших выхода под градом бомб, под огнем гранатометов, минометов и танковых пушек – для этих людей случившиеся было огромной и необъяснимой трагедией". Юго-Западный фронт (5, 21, 26, 37 армии) в том числе и наша часть оказались в окружении и несколько сотен тысяч бойцов и командиров попали в плен. В последнюю, как оказалось, попытку прорыва пошел в группе с 50 бойцами. Шли по болоту вдоль низких берегов реки Удай к впадению ее в реку Саула. Немцы из засады открыли ураганный огонь из пулеметов, минометов – головы поднять было невозможно. Лишь девять бойцов вернулись в незанятую немцами деревню. Поочередно, по двое со сменой через час охраняли дом, где свалились мертвецким сном остальные, измученные кровавым побоищем на болоте. Разбудили меня удары автоматом в грудь эсэсовца с эмблемой "Мертвая голова"... Это произошло 23 сентября 1941 г в Полтавской области в 20 километрах западнее поселка Лохвица.

Это была не только моя трагедия, а, как выяснилось позже, гибель сотен тысяч бойцов и командиров Юго–Западного фронта и всей техники четырех армий. В истории Второй Мировой войны немецкий генерал Типпельскирих напишет: "Большое окружение русских войск восточнее Киева сковало крупные немецкие силы и тем самым сорвало наступление на Москву".

Три месяца я воевал на этой страшно жестокой войне. Было тяжело, порой страшно, когда пули, осколки бомб летят в нескольких сантиметрах от тела. Но все это время не было упаднического настроения, а был юношеский задор, и появилось безразличие к смерти, желание бороться с врагом и побеждать в этой Великой Отечественной войне.

Все ли я сделал, что зависело от меня? Да! Я честно и до конца выполнял свой долг.

Без вести пропавшие

К 25 сентября 1941 года немцы согнали в с. Ковали более 10 тысяч пленных и произвели «чистку»: несколько сотен коммунистов, евреев, комиссаров здесь же, на площади расстреляли в устрашение оставшимся в живых. Процесс и обстановка этой акции произвела ужасное впечатление – в резуль-

тате подавлена, растоптана воля огромной массы людей. Десять тысяч пленных, подавленных происходящим, не могли ничего сделать с несколькими десятками варваров в немецких мундирах и их прислужниками, предателями своего народа – полицаями, пропитанными духом слежки и доносов, которые ловко орудовали среди пленных. Тысячи людей безропотно ждали своей участи. Фашисты расстреливали пленных даже по ничтожному поводу. Все мы были подавлены переживаемой трагедией в первые дни плена не столько физически, сколь морально, ибо для русского (советского) человека роль раба была невыносима. Враги, особенно СС-овцы, всё делали, чтобы отнять у пленных человеческое достоинство: били палками и плетьми, садистски расстреливали, издевались, как только могли, морили голодом. Это была обдуманная жестокость, направленная на подавление психологической и духовной жизни человека. С этим невозможно было ужиться. Первые пройденные мною лагеря: Пески, Лохвица, Чернухи. А затем я прошел еще через десяток других. Условия нахождения в них пленных были жуткие: без крыши под холодным дождем, обилие вшей, черпак баланды – вода с плавающим листом капусты или свеклы, порой отсутствие даже воды. Этапы, этапы… по 30-40 километров в день, часто под дождем. А какие издевательства на этапах фашисты только ни придумывали! Например, – бросали в колонну буханку хлеба и наблюдали, посмеиваясь, как голодные люди бросаются к ней, в свалке затаптывая её в грязь. Вслед за этим следовал возглас немца «свиньи» и сразу же наказание – автоматные очереди, – и десяток убитых пленных.

Пример жестокости показали нам фашисты в лагере г. Хорол на территории кирпичного завода, где целую ночь под дождем, замерзая от холода, сидели десятки сотен пленных. Утром эссесовец безо всякой причины поставил пленного лицом к забору, запретив ему оглядываться назад, и на виду у всего лагеря стал методично, с интервалом 5-10 минут стрелять из пистолета вокруг головы пленного. Через пару часов он прекратил эту «игру», пустив пулю в затылок несчастного. Таковы были забавы фашистов и цена жизни пленного. А для убедительности в это же время над нашими головами грохотали автоматные очереди. Так забавлялись фашисты... Измученные, голодные, вшивые, обросшие, грязные, больные шли те, кто

смог выдержать невыносимое… Слабые оставались лежать пристреленными на дорогах. Этап обреченных, но пока еще не сломленных духом, продолжал свой путь, а куда мы ещё не знали. Все попытки к бегству сразу же жестоко пресекались. Так, в железнодорожном депо г. Лубны, окруженном высокой каменной стеной, группа пленных в сотню человек, в числе которой был и я, решила устроить побег, для чего стали рыть по ночам подкоп под стену. Однако нашелся предатель, который, надеясь этим спасти свою жизнь, донес немцам. Фашисты оцепили это место. Нас, полторы сотни пленных, вывели на плац перед остальными несколькими тысячами пленных; приказали нам рассчитаться на 1, 2. Каждый третий – шаг вперед! Автоматные очереди, и более полусотни пленных расстались с жизнью. Мне опять повезло, я не в яме, а остался зарывать убитых и влачить жизнь в плену.

У многих пленных от истощения сил для перехода от лагеря к лагерю не хватало, и они умирали сотнями. Окружающее население первое время пыталось как-то помочь нам, но каждый сухарь или овощ, переданные нам селянами, приводили к гибели сразу нескольких пленных. Любой шаг в сторону вызывал очередь из автомата. Были жертвы и среди населения, помощь которого нам была так нужна. Жизнь заставляла придерживаться правил: если хочешь жить, выходи из лагеря первым и иди во главе колонны – так значительно легче и меньше шансов схватить пулю; придерживайся друзей – они в случае необходимости могут оказать помощь. Рядом со мной шли Алексей Панов, с которым вместе призывались, учились в КОШМАС и служили в одной части, а также друг Виктор Муравьев – сержант-артиллерист, окончивший среднее артиллерийское училище, родом из Костромы. С Виктором мы с первого дня плена были как братья: во всем помогали друг другу, – он прекрасный друг в тяжелый час жизни. Взаимопомощь была жизненно необходима, так как мы оба заболели кровавой дизентерией, он сильнее, чем я. А у меня кроме дизентерии и дистрофии уже после первых этапов возникла проблема с ногами, так как новые кирзовые сапоги, выданные ещё в июне, оказались не по ноге. Я содрал кожу задних частей пяток на обеих ногах. Портянки пропитались кровью, ибо раны были до кости. Из-за страшной боли снимать сапоги приходилось только тогда, когда появлялся гнилостный запах. Для этого

портянки приходилось размачивать водой из луж, но, как ни удивительно, заражения не произошло, только несколько недель раны не затягивались. А идти было надо, единственная альтернатива – смерть. Мы слабели с каждым километром, но добрели до железнодорожной станции Кременчуг – лагеря, где холод загнал нас в норы под землей, которые были вырыты предыдущей партией пленных. Нас накормили похлебкой из нелущённой гречки. В результате долго мучались от запора. Когда, после нескольких дней пребывания в лагере, нас погрузили в вагоны, чтобы везти на Запад, Виктора уже еле ввели в вагон.

Четверо суток мы ехали без пищи, вода – раз в сутки. Маршрут был такой: Кременчуг - Белая Церковь – Фастов – Казатин - Бердичев. Кто не смог выйти из вагона, того пристрелили. Виктора еле довели до ворот лагеря, расположенного в бывшем танковом училище. Три трёхэтажных корпуса с деревянными нарами, сплошь усыпанными вшами; стёкла в окнах выбиты. Каждое утро тяжелая работа по разнарядке. Из корпусов десятками вытаскивали умерших от голода, болезней, холода. Были случаи каннибализма, хотя они наказывались расстрелом. Для поддержания жизни пленных, утром и вечером – сухарь, баланда. Виктор, естественно, на работу ходить не мог. Дважды грозили расстрелом, перевели в «госпиталь» – подвал для умирающих. Света там не было, воздуха тоже, свирепствовали заразные болезни, говорили, что тиф. Лежавших там ничем не кормили. Зачем? – они не жильцы на этом свете! Картина жуткая… Каждый вечер я навещал Виктора, приносил сухарь и слова сочувствия. Думал, гладя на него, и о своей судьбе. Что-то необходимо было предпринимать. Бежать из лагеря невозможно: сильная охрана, собаки, колючая проволока под током. Выходя на работу, предпринимал одну за другой попытки убежать, но то собаки находили, то охрана ловила. После этого полицейские и немцы обрабатывали спину и бока коваными сапогами. Однажды попал на работу в саду больницы для немцев: благоустраивали дорожки в саду. Таскали кирпичи и камни, кувалдами разбивали и утрамбовывали. Нам, дистрофикам, это было не под силу, мы едва держались на ногах. За немощь я был исхлёстан плетью надсмотрщика-эссесовца, который затем направил на меня, висевший у него на шее автомат и орал: «Не хочешь работать –

саботаж!», но выстрела не последовало.

Я убедился, что спасение – дело только собственных рук и сообразительности. Вечером отнес Виктору свой сухарь и воду. Долго говорили, вспоминали жизнь до войны – его в Костроме, мою – в Москве. Сосед Виктора сообщил, что две недели назад из этого «лазарета» врач в форме Красной Армии (очевидно из военнопленных) вместе с немецким комендантом забирали ходячих пленных и часть из них освобождали из лагеря, но только украинцев. Мысль засела в мозгу.

На другой день побег опять не удался и снова избиение. Следующим вечером обошёл весь «лазарет», но Виктора не нашёл, и, когда уже собирался уходить, заметил его кожушок. Человек, лежавший на нем, сообщил о вчерашней смерти Виктора и о том, что, по слухам, на днях опять будет проведена акция освобождения. Убитый горем от потери друга, я пошёл в корпус. А по дороге встретился и разговорился со здоровым парнем Виталием Скоробогатовым, схваченным сегодня полицейскими и отправленным сюда в лагерь. Почти всю ночь он рассказывал о том, что происходит на оккупированной территории Украины. После того, как его часть была разбита, он вынужден был остаться у тётки под Черниговом. Передохнув, решил отправиться в Винницу, где жил с родителями. Виталий рассказал много интересного о немцах, полиции и жандармерии, в частности о том, что можно осторожно идти от села до села, минуя города и поселки, полицейские управы. Информация очень полезная, окажись я на воле... Виталий поделился со мной хлебом, который у него не отобрали. Это для меня было очень ценно. Утром я принял решение: пошёл в подвал «лазарета» и лёг среди живых рядом со знакомым. На моих глазах вытащили более десятка трупов, среди которых один умер, как говорили, от тифа. Прошло несколько дней. Настроение подавленное. Дизентерия измучила вконец, и удручает неподвижность. Правильный ли я сделал выбор? Наконец появились полицейские и погнали всех ходячих на плац. Построили на плацу человек пятьдесят. Появилась группа немцев во главе с комендантом, полицейские и военврач в советской форме. Двигаясь вдоль строя, они уже вывели с десяток военнопленных, подошли ко мне, и…о счастье, – ткнули пальцем в мою грудь и вывели из строя. Таких, как я, было всего около двадцати человек. В конторе тщательно расспрашивали, откуда и

кто я – украинец ли? Сообразил указать село, где был аэродром под Нежином. Сказал, что мать – украинка, отец – русский, жили в городе, поэтому не полностью владею украинским языком. Последний вопрос на засыпку:

– Село «Червоные партизаны», как называлось до революции?

Допрашивавший меня полицейский, оказался родом из Нежина и знал это. Когда мы стояли более месяца в селе, я слышал, как однажды девчата называли село «Володькова Девица». Это и спасло меня. Мне выписали пропуск в эти самые Червоные партизаны (то есть «Красные партизаны» Черниговской области в 17 километрах южнее Нежина). Экстравагантный случай – фашисты, определяя судьбу пленного, направили его в партизаны! И не ошиблись...

Когда меня вместе с другими пленными везли в эшелоне, я никак не мог понять, почему нас не повезли в Германию и даже некоторых отпускали. И только через 20 лет нашёл в печати объяснение. Эти 17 тыс. пленных предназначались для строительства совершенно секретного сооружения – бункера «Вервольф» для Гитлера около Винницы и для прокладки прямого кабеля в Берлин. По завершении этих работ все пленные и даже привлечённые к строительству украинские этнические немцы-«фольксдойче» были расстреляны. Но в первые 3 – 4 месяца войны немцы ещё не испытали на себе активности партизан, по просьбам матерей или по непригодности для работ пленных, из числа живших до войны на Украине, отпускали, но, когда появились партизанские отряды, совершавшие диверсии на железных дорогах, поступил запрет. Я также нашёл в книге описание работы патриотической легальной группы пленных врачей, действовавших по освобождению украинцев-военнопленных в районе Бердичева – Винницы. Возглавлял группу военврач II ранга Першин Сергей Иосифович, который владел немецким языком. Он вошёл в доверие к немцам и убедил их в полезности акций освобождения для немецкой пропаганды. Группа, руководимая подпольным обкомом партии, просуществовала до 1943 года, освободила несколько сотен военнопленных, но была разоблачена фашистами и расстреляна.

Итак, пропуск с фашистской свастикой у меня на руках. Радость освобождения… да! Но по информации, полученной

в лагере от Виталия, если я попадусь на глаза полиции или немцам, они могут сразу же опять упрятать меня в лагерь, несмотря на пропуск, поскольку не смогу доказать кто я такой и что пропуск действительно мой – фотографии на пропуске нет. Поэтому необходима крайняя осторожность в выборе пути по областям, сёлам и весям. Находясь на грани жизни и смерти, я обрел свободу от плена, но не выходило из головы, что, достигнув конечного пункта, я не буду иметь никакого прикрытия и не исключен опять лагерь. Но это как повезёт. А сейчас главное, как сохранить жизнь, находясь в плачевном физическом состоянии: кровавая дизентерия, гнилостные раны на ногах и дистрофия.

В тот день 20 октября 1941 года удалось пройти 2–3 километра и заночевать. После долгих расспросов и проверок, жители дали хлеб и лавку для сна. В 20 лет роль нищего – мучительная перестройка психики. От тюрьмы да от сумы не зарекайся! Чувство нищеты, сама нищета... Это положение нищего крайне тяжело, унизительно для психики молодого человека даже во время военных бедствий. Путь в 45 километров от Бердичева до Житомира с большим трудом удалось преодолеть за неделю, и это стоило остатка всех моих сил. Я знал, что в г. Житомире существует большой лагерь военнопленных с жестоким режимом, убийствами, каннибализмом и, следовательно, через город необходимо было быстро проскочить краем, но когда подошел к окраине Житомира, меня подкосил сильнейший приступ дизентерии. Наступило такое состояние, когда стало совершенно безразлично, что будет со мной в следующий момент: расстрел, смерть, лагерь... Я находился на грани потери сознания, сил не было. Какие-то добрые люди довели меня до бывшей инфекционной больницы, где было что-то вроде небольшого стационара для местного населения, так как немцы, боясь заразы, отказались от помещения. Меня приняли только благодаря пропуску.

Сбросить вшивое обмундирование, вымыться, и, впервые после четырех месяцев, лечь на чистую простынь, на кровать с сеткой и матрацем… Как мало надо было человеку в тех бесчеловечных условиях войны, чтобы быть счастливым! А ведь несколько часов назад я мог распрощаться с жизнью, так как наступило почти полное безразличие к ней. Больница, состоявшая из одной палаты, вмещала всего 20 – 25 коек. Все нахо-

дившиеся в палате люди были крайне истощены, многие уже не могли подниматься с кровати, хотя, вроде бы, и не были больны. Через пару дней понял, что происходит в больнице – голод, и, вследствие этого, страшное истощение и угасание лежащих там. Врачи же – сердечные, самоотверженные люди – с большим трудом доставали необходимые лекарства, лечили болезни, но поднять людей с коек не могли, так как немецкое командование никаких продовольственных продуктов для стационара не отпускало. В городе все жители были на голодном пайке. Население испытывало острый недостаток продовольствия. Врачи отрывали от своих семей часть пищи для больных, но эти их жертвы не могли серьезно повлиять на состояние подопечных. Я выглядел среди этих больных-полумумий человеком, получившим глоток живительного воздуха свободы.

Лечившая меня врач Ольга Захаровна, душевный человек, сделала всё возможное, чтобы в кратчайшее время снять лекарствами острый приступ дизентерии, и это ей удалось. Но подниматься с кровати из-за слабости и голода я почти не мог. Ольга Захаровна, отрывая от своих дочерей, приносила мне кусок хлеба или яйцо, но и это делать становилось всё труднее. Откровенные разговоры о войне, лагерях, жизни до войны, Москве и дальнейшей судьбе, благодаря уму и сердцу этой добрейшей женщины, лили елей на мою душу. Я посоветовался с ней и решил, а она одобрила моё решение: пока могу еще двигаться, надо тронуться в путь немедля, ибо в противном случае останусь в больнице до неизбежной смерти. Перед уходом побеседовал со многими военнопленными, а они составляли большинство больных, и выяснил, что на соседней койке лежит и умирает похожий на скелет бывший старшина-пограничник, который не дошёл до родного дома 150 километров. Почти рядом были жена, дети, родители в хуторе Буда, а он даже не мог подняться с кровати. Никакая связь не работала, ее просто не было. Я взял его адрес и пустился в тяжёлый путь, но с надеждой и благородной целью.

Когда народ голодает, а здесь прошли сильные бои, путнику еще голоднее. Но щедрость простого, великого душой народа, не дала мне погибнуть от голода. В день ухода из больницы Житомира – 7 ноября 1941 года, как это не удивительно, благодаря сердечности врача, празднику и нахлынув-

шим обильным воспоминаниями о родных, Москве и торжествах в этот день до войны, настроение было приподнятое. Ольга Захаровна организовала, чтобы мне в дорогу дали чистое белье, продезинфицированное обмундирование, а от себя лекарства и немецкие марки. В первые дни, из-за слабости, проходил от одного до 15 километров. С питанием трудно – не всё можно есть и почти нечего. В одном из сёл узнал, что недавно мимо прошёл на север сильно потрёпанный партизанский отряд шахтеров. Скорее бы добраться в Буду для спасения такого же, как я, военнопленного... И я таки преодолел эти 150 километров, и, наконец, попал в хутор Буда.

Не поддаётся описанию с каким восторгом и слезами родители пограничника Ивана встретили меня с известием, что их сын жив и находится близко. Немедленно запрягли лошадь, взяли матрацы и поехали в Житомир. Мёд, сало, мясо – всё мне... Но есть много, и особенно жирного, нельзя. Вскоре привезли Ивана. Все в радости, что он дома, в семье. Я начал собираться в дорогу, но Иван настоял, чтобы еще побыл у них несколько дней. Друзья снабдили хлебом, салом, чесноком. Хорошие люди, доброе отношение согрели мою душу, подняли настроение. Пребывание в селе более недели требовало явки в комендатуру, а там всякое может быть. Пошёл дальше по самым глухим местам, к северной границе Украины с Белоруссией, пытаясь выйти на связных партизан. Уже начиналась зима... Брёл я, путник, от села к селу по заснеженным, глухим просторам Полесья. Попадались хутора и сёла старообрядцев, где вечерами жгли лучину, так как ни керосина, ни масла не было. На Рождество остановился в селе Замошня. Познакомился, – народ хороший, у каждой семьи своя банька и моются все сразу, взяли и меня. Нашёл связного партизан. Целый месяц ждали – бесполезно – связи нет. Вероятно отряд, ушёл в Брянские леса.

Появился полицай и повёл меня в жандармерию Новошепеличей, что на границе с Белоруссией. В жандармерии строжайший допрос, но спас пропуск моя роспись на нём и чрезвычайная пунктуальность немцев в проверке, мои точные ответы по Бердичевскому лагерю: где, кто и прочие подробности. Всё закончилось благополучно. А связи с партизанами всё нет... Снова отправляюсь в путь, минуя дороги, по льду через Припять, Днепр. Покрутился еще в междуречье – кругом пус-

тынные места, селений мало. На дороги и селения выходить нельзя – там посты полиции. Немцы охотятся за партизанами, и никакие пропуска не помогают. Партизан! – расстрел. И вот, наконец-то, к чему стремился и так долго шел, а именно, Носовский район, райцентр – посёлок Носовка, расположенный в 17-ти километрах южнее г. Нежина, где по слухам существует, хорошо законспирированное подполье коммунистов и комсомольцев, а впереди в 2-х километрах – конечный пункт, указанный в пропуске: село «Красные партизаны». Раньше я ещё мог маневрировать, а теперь приходилось решать срочно и наверняка. Посёлок расположен рядом с железной дорогой, в нём районная управа полиции, немецкая жандармерия. Люди на разговоры не идут, отвечают: «Иди с Богом...». Наконец, зашёл в дом, где, как выяснилось, проживал полицай с женой. К моему счастью, его дома не было, – дежурил. Жена у него оказалась хорошим человеком – угостила меня обедом, во время которого сообщила, что сама она родом из Червонных партизан, и её отец партизанил в Гражданскую войну. Она безапелляционно заявила, что идти туда мне ни в коем случае нельзя, ибо только вчера при переходе через железнодорожные пути были остановлены и убиты два военнопленных с пропусками. Уже начались активные действия партизан Федорова и Ковпака. Немцы и полиция озлобились. Эта добрая, хорошая женщина, активистка при советской власти, посоветовала, не вставая на учёт в жандармерии, идти в бывший совхоз «Малая Носовка», что в полутора километрах от посёлка Носовка. Она сказала, что там уже живут и работают полтора десятка военнопленных и пришлых людей. Она же, со слов мужа, сказала, что «там пока не тронут», и рекомендовала, не раздумывая, идти туда – это единственный вариант.

Шел февраль 1942 года. Я пришёл и остался в бывшем советском совхозе или, вернее, в том, что от него осталось: всего несколько построек барачного типа, три лошади, повозки, конюшня. По другую сторону железной дороги находился сахарный завод, совершенно не пострадавший при отступлении наших войск. Через месяц он уже отправлял сахар в Германию. Рядом с заводом располагался посёлок рабочих этого завода. В бывшем совхозе техники не было, работало всего 15 человек по разнарядке на разных работах. Немецкой сельхозкомендатуре импонировали совхозы, и они стремились их со-

хранить, да к тому же сахарному заводу требовалось много сырья – сахарной свёклы. Комендатура не трогала работников совхоза и до поры не очень-то интересовалась тем, кто были рабочие совхоза и откуда. В совхозе был установлен круглосуточный пост полиции. Контингент работающих в совхозе был очень разнообразен: были военнопленные солдаты, сержанты и даже батальонный комиссар, лагерники и окруженцы, партийные, торговые работники и даже совслужащие, бежавшие из г. Киева. Строжайшая конспирация была хорошо продумана и строго соблюдалась всеми работавшими в совхозе. Люди были различных национальностей: русские, украинцы, грузины, несколько хорошо замаскировавшихся евреев – возраст от 20 до 50 лет. Директором был, бежавший из г. Киева, бывший директор сельскохозяйственного техникума, который жил теперь в совхозе вместе с семьей.

Меня поселили в комнату барака (железная кровать, домотканое рядно), и моими соседями стали: Коба Шота Семёнович – импозантный грузин, интеллигент, бывший директор цитрусового комбината, батальонный комиссар, Семён Шахновский – 23-летний студент Киевского университета, сержант (в лагере был переводчиком), Никита Ревуцкий – партработник, украинец. Я стал четвёртым. В других помещениях жили Герасим Павлович Литвак – ведущий работник спецслужбы в Киеве, Конон – начальник торговли Черниговской области и другие. В комнате жили дружной семьей – маленькой коммуной, хотя различия возрастные и по здоровью сказывались. Работали по разнарядке. Меня определили на работу к огороднику. Работа была тяжелая, но всё же это не каторжный труд в лагерях. При совхозе конечно ни столовой, ни магазина не было. А ходить в Носовку запрещалось. Платили нам за труд не деньгами, а патокой с сахарного завода по 2 пуда на человека в месяц, но есть нечего. Поэтому, договорившись, организованно всей коммуной, получаемую за работу патоку меняли на муку или же печёный хлеб. Многие поселковые жители гнали самогон, а из патоки самогон получался хороший. Хлеба давали мало, так как у самих селян муки было немного, но самогонщики всё же брали патоку. Хотя мы были относительно на свободе – не в лагерях, с питанием было очень плохо. Все члены коммуны по очереди готовили баланду, так как крупу очень редко удавалось приобрести. В «обед» на целый день

приходилась норма хлеба по 100-150 грамм на человека. Хлеб лежал на тумбочке неприкасаемый, – дежурный в присутствии всех обитателей комнаты делил его на равные доли и выдавал каждому паёк. Весной и летом рацион улучшался за счёт зелени. Трудно было мне прийти в норму, но всё же при таком пайке удалось избавиться от дизентерии и в какой-то мере наладить работу желудка.

Для нас, переживших фашистский ад в концлагерях, начальный период кровавой и голодной войны с ее колоссальными жертвами и душевными потрясениями, уже уход от всех этих ужасов казался раем. Директор бывшего совхоза - Жуковский Михаил Андреевич. Его семья: жена Агнесса Дмитриевна – педагог Университета, сын Андрей – студент, и 18-летняя дочь Наташа.

Семейство Жуковских любило Родину и не выслуживалось у немцев. Доказательством этому было то, что ни один из евреев, коммунистов, находившихся в совхозе, не пострадал и не был выдан фашистам, хотя директор знал о них. Уже после войны Агнесса Дмитриевна писала мне, что некоторые из них разыскали семью Жуковских и от всего сердца благодарили за это, вспоминая то время.

Все мы, работавшие в «совхозе», составляли патриотическую группу, связанную с мощной подпольной организацией в Носовском районе, которой руководил секретарь Райкома партии Михаил Иванович Стратилат. Связь с ним осуществлялась через подпольщика Емельяна Петровича Хахуду.

Четыре месяца я работал под началом у строгого огородника деда Федора, который по работе относился ко мне снисходительно, так как видел, что я - ходячий скелет, ещё только начинающий обрастать мышцами. Два раза меня посылали в Киев на базар купить гвоздей, проволоки и других материалов для ремонта помещений. После второй поездки, возвращаясь из Киева, вышел из поезда в Носовке и… был арестован нарядом полиции. Два полицая повели меня в комендатуру. Круты повороты судьбы! А ведь накануне поездки я считал себя свободным, хотя бы на территории бывшего совхоза. В комендатуре меня привели к офицеру – главе сельхозкомендатуры: значит причина задержания не политическая! Стало немного легче, но не мог догадаться, за что меня взяли... Немецкий офицер не говорит по-русски, а переводчик отсутствует: поли-

цай побежал его искать и долго не появляется. Немец начинает нервничать и сердиться. Тогда я на ломаном немецком (что «проходил» в школе) языке и жестами даю понять, что знаю, где переводчик и сейчас приведу его, под этим предлогом выскакиваю из комнаты. В этот момент ни в коридоре, ни у входа (где пост) никого не было. Я воспользовался этим и, выскочив из комендатуры, просёлком меж домов убежал в посадки хвойного леса, где затаился до вечера. А вечером решил тайком пробраться в совхоз и узнать, что же произошло. Но осуществить это не удалось, так как полиция, в связи с моим побегом, выставила посты у дома, где жили Жуковские, и дома-барака, где жил я с друзьями.

День опять провел в посадках, но ночью во время короткого свидания с другом из нашей группы узнал, что директора совхоза арестовали, а за что – неизвестно, но политический вариант вроде бы пока отпадает. Меня ищут, и появляться у дома Жуковских нельзя. Друзья обещали найти мне «крышу», но пока не знают где. Положение становилось всё серьезнее не только для меня, но и для подпольной группы в совхозе. Мне пришлось опять скрываться в посадках у села Кобыжча. При следующий встрече друг информировал меня, что в соседнем, Новобасанском районе есть особый партизанский отряд, но туда никого не берут, к тому же его сейчас преследует немецкая жандармерия и полиция, – везде облавы. На севере области немцы всюду ведут бои, жгут села. Поэтому меня устроили в поселке сахарного завода, в сарае у бывшей княжны Белозерской, которая была у немцев на хорошем счету, так как преследовалась при советской власти. Но на самом деле, она много помогала партизанам и бывшим военнопленным. При той голодной жизни, для меня это могло быть укрытием только на короткое время. В одну из ночей мне удалось через форточку окна дома Жуковских обмолвиться несколькими фразами с Агнессой Дмитриевной. Она успела только сказать, что мужа взяли по недоразумению за экономические, якобы, просчёты и отпустят, но мой побег из комендатуры расценивают, как указание на «связь» мужа с партизанами. В Новобасанском районе был прецедент. Там директора за связь с партизанским отрядом расстреляли немцы. Агнесса Дмитриевна умоляла отмести эту версию, так как убеждена, что экономическая версия отпадёт сама собой. Сейчас её муж в тюрьме города Нежина;

она просит ради его спасения, спасения всей семьи и меня самого явиться с повинной…, но в чём? Весь день я обдумывал ею сказанное, взвешивая все возможности. Шла повальная акция против партизан – поблизости ни одного отряда. Отчаяние женщин Жуковских, возможность отплатить добром за добро и остаться человеком с чистой совестью, в конце концов, привели меня к решению: выручай, иначе получается безнравственно, да и подпольную группу необходимо освободить от подозрения немцев и ареста всей группы. Какая-то надежда оставалась: вдруг за благородный поступок повезёт в судьбе, и жизнь не оборвётся. Решение принял единолично. Пошёл в комендатуру. Не били, но тщательно допросили и затем отправили в тюремную избу в поселке Носовка с усиленной охраной. Там к этому времени находилось 15 человек заключенных, посаженных за спекуляцию, драку, пьянство и т.п. Все были местные; их родственники, подкупая самогонкой полицаев, не плохо подкармливали своих передачами.

Допросов больше не было, что дальше - неизвестно... Через несколько дней пятерых арестованных и меня, в том числе, вызвали на выход «с вещами», связали руки и под усиленной охраной этапировали в Нежинскую тюрьму. По прибытии сразу же повели на допрос как бы в «приёмный покой», завели папку, куда вложили первые листы допроса. Допрос производился немецким офицером жестко, но без костоломства. Машинистка скрупулёзно фиксировала каждое слово. После допроса приказ полицаю – отвести в камеру. Не ожидал я встречи с М.А. Жуковским в Нежинской тюрьме, но это сразу же произошло. В камере, куда меня привели, вместе с ним находилось ещё около 15 человек, главным образом мошенники, спекулянты, саботажники. Нар не было, но камера большая. Черпак баланды, правда, на бульоне, благодаря тому, что в Нежине был забойный пункт скота. Когда я немного пришёл в себя, Михаил Андреевич подтвердил, что подоплека его ареста – нечёткая экономическая деятельность и навет. Стали вместе разрабатывать для меня легенду: «киевлянин, в армии не служил, жил на улице такой-то, дом такой-то. Никакой связи с подпольщиками Киева не имел, и так далее…» Начались допросы. Пунктуальность немецкая: вопрос, ответ… Что? Где? Когда?… Всё записывается на машинке... Вызывали неоднократно: не били, но наводили допросами страх, – во множестве

вопросов легко запутаться.

Поневоле пришлось познакомиться с буднями тюремной жизни и особыми событиями. В нашей камере политических не было. Но однажды к нам в камеру попал боец Новобасанского партизанского отряда, располагавшегося юго-восточнее Киева. Во время преследования отряда полицией и немцами парень попал в руки фашистов. У него на месте пытались узнать всё об отряде, но ничего не добившись, отправили в Нежинскую тюрьму. Десять дней его зверски пытали на допросах, поломали кости рук, ног, выбили глаза. От него остался фактически мешок из кожи с поломанными костями. Так он и умер, не сказав ничего. Страшная была картина, когда после допросов его втаскивали в камеру и бросали на пол…а затем смерть. Заключенные в камере все десять дней, потрясенные последствиями зверств фашистов-палачей над парнишкой-партизаном, как могли, помогали ему принимать баланду и воду. Мы были поражены жестокостью палачей над семнадцатилетним парнем. Я до этого видел много смертей бойцов в бою, при бомбежке, пленных в лагерях, друзей при выполнении боевых заданий, но это был особый случай стойкости, чести и достоинства, любви к Родине. Так стоять до конца, но не предать друзей в отряде, своей Родины и родных. Своим поведением он показал, каким надо быть патриотом, чтобы перенести все доставшиеся ему мучения и выстоять. Невольно подумал, что какую необходимо иметь силу воли и духа и вот с кого надо брать пример, окажись в его положении. Последние его слова были: “Прощайте товарищи!” Герой!! А он даже не сказал нам ни фамилии, ни откуда он родом, спасая от преледования своих родных, а только сказал, что звали его Сережа.

Через несколько дней немцы начали готовить этап заключенных в Черниговскую областную тюрьму, включив в него и заключённых из нашей камеры. Под ночь выгнали во двор тюрьмы более тысячи заключенных, окружили их солдатами, жандармами с собаками. Построив колонну, спереди и сзади нее поставили несколько машин с прожекторами, а с боков колонны ехали автоматчики на мотоциклах. Путь от тюрьмы до вокзала сопровождался треском автоматных очередей, свистом пуль. На дороге осталось лежать несколько десятков трупов заключенных, так как огонь из автоматов открывался при

всякой попытке сделать хотя бы шаг в сторону. На вокзале всех затолкали в товарные вагоны. Эшелон двигался долго, хотя расстояние до Чернигова всего-то 70 километров.

В Черниговской тюрьме нас натолкали в камеру, как сельдей в бочку, – даже невозможно было сесть на пол. Так, стоя, и проспали несколько ночей. Дышать было очень тяжело, не хватало воздуха, тогда выбили стёкла в окнах. Кто находился под окнами, мерзли от холода, а у двери душно и жарко, как в тропиках... Когда заключенных начали рассортировывать по камерам, людей стало меньше, смогли сидеть и спать на полу. Но к этому времени один умер, другой утонул в параше. Кормили очень плохо: кружка воды и баланды с капустным листом. Посуды, во что взять баланду не давали, – как хочешь.... Опять начались допросы, еще коварнее и изощрённее. Допросы по хозяйственной деятельности, но с большим подвохом: куда, зачем, адреса, связи, связи в Киеве и т.д. Опыт допросов к этому времени у меня уже был, и удавалось отвергать подозрения в причастности к подпольщикам и партизанам. Через несколько дней по тюрьме из камеры в камеру поползли слухи, что из Берлина выезжает какой-то большой начальник с ревизией положения дел в тюрьме в связи с ее перегрузкой. Ну, а немецкая пунктуальность, педантичность и порядок всем известны. Местное начальство начало наводить «порядок» в тюрьме. Усиленно заработали душегубки для уничтожения заключенных. Экстренно затребованы дополнительные машины. Спекулянты, мошенники, самогонщики, нарушители порядка срочно вывозились в близлежащие лагеря для военнопленных. Каждую ночь были слышны выстрелы: фашисты расстреливали политзаключённых. Все гадали, кого, куда судьба определит?

Я пытаюсь выяснить, за что сидим. Жуковский сказал, что немцы требуют быстрее восстановить хозяйство и провести подготовку весенних работ по высевке свеклы. Сахарный завод работает, а сырья не хватает, поэтому требуют взять свеклу у крестьян по домам. Также комендант требует гусей и другую птицу им для стола по праздникам. Жуковский отвечает, что у крестьян немцы уже всё отобрали, а в бывшем совхозе есть только две лошади, мол, ешьте конину... Такие ответы немцам не по вкусу: «достаньте, где хотите, не то – тюрьма... Трактора, машины и другая уборочная техника должны быть

приготовлены...».

Через день открывается дверь камеры, и вызывают:

– Жуковский, Старостин в канцелярию! – выдали документы и – в хозяйство, исправлять ошибки... Наше освобождение ускорил приезд высокого немецкого начальства. Надо работать, а то у немцев не будет свеклы... Итак, более месяца в тюрьмах Нежина и Чернигова в условиях голода и неизвестности. Ещё один этап жизни пройден, если можно так выразиться, удачно... Живой! Шел 21-й год жизни. На следующий день уже были в Носовке. Я опять занял в общежитии свое место. Мой рассказ был выслушан спокойно, без недоверия, и в дальнейшем настороженности по поводу моего освобождения пожилые партийцы не проявляли.

Общее положение к этому времени резко обострилось, – в депо Нежина и Дарницы начались диверсионные акты, которые принимали широкие масштабы. Немцы приняли меры для обеспечения безопасности движения по железной дороге, и с этой целью стали отправлять в лагеря всех неместных. Мы знали, что в Носовке у родственников и знакомых скрывается нелегально от немцев много людей. Мы внимательно следили за действиями полиции, жандармерии и в случае опасности для кого-либо сразу извещали. Хотя и с ограничениями, мы всё же могли общаться с населением, рабочими завода и получать информацию о жизни страны, положении на фронтах, распространять листовки, сброшенные советскими самолетами. Сборы нашей патриотической группы происходили со всеми предосторожностями, принимались серьёзные решения. Так как обстановка продолжала обостряться, подпольный райком отдал приказ об организации нами партизанского отряда. Надо было собрать силы: объединить, вооружить людей – всё скрытно. Оперативно была выполнена большая работа в этом направлении. Налажена связь с подпольщиками при строжайшей тайне. Среди работавших в бывшем совхозе соблюдалась строжайшая конспирация членов подпольной организации, и каждый выполнял порученную руководителем работу: распространение листовок, сброшенных нашими самолетами, составление листовок для населения поселка и Носовки, доведение сводок Совинформбюро о положении на фронтах. К счастью никто из нашей организации не нарвался на провокатора. Задания руководства выполнялись точно, но работать станови-

лось всё сложнее и опаснее.

Партизанская война
Носовский партизанский отряд

В конце апреля 1942 года мы получили приказ уходить в лес и собирать партизанский отряд. Нам сообщили, что завтра за нами должна прийти полиция, чтобы арестовать и направить в лагерь. Ночью наша группа обезоружила двух полицейских, стоявших на постах в бывшем совхозе. Запрягли лошадей, телеги загрузили продуктами со склада, и – в лес. Через час, мы – двенадцать человек, теперь уже партизан, были в домике лесника на окраине маленького лесочка между райцентром Носовкой и Нежиным. Подошли несколько подпольщиков из Носовки с оружием: автомат, винтовки, гранаты. Среди пришедших были и опытные товарищи: участник партизанского движения в годы гражданской войны Емельян Петрович Хахуда, а также председатель Носовского Осоавиахима Николай Симоненко и другие опытные работники, а также поселковые жители. Конечно, мы понимали, что такому маленькому отряду в окружении врага не устоять против 60 полицаев, жандармерии и немецкой комендатуры. Лесочек уж очень был мал, хотя и заболочен. Необходимо подкрепление... Поэтому четыре партизана ушли искать помощь населения или же другого отряда. Командиром избрали Николая Симоненко, комиссаром – Емельяна Петровича Хахуду.

По предложению комиссара, решено было сразу 1 мая 1942 года начать активные действия, пока жандармерия и полиция не пришли в себя от просчёта с нашей группой. Поскольку мы находились всего в полутора километрах от железной дороги, было решено, что четыре партизана во главе с командиром отряда совершат диверсию на железной дороге. В этой группе был и я. Связь, хорошие отношения с рабочими на путях и обходчиками мы установили заранее. Они сообщали о прохождении поездов с живой силой и техникой немцев. На железной дороге до этого времени диверсий на участке Носовка - Нежин не было. Ночью мы вышли из леса к железнодорожному полотну и по просьбе обходчика связали его и заперли в будке. А сами, взяв «лапы» для выдергивания костылей, так как взрывчатки у нас не было, направились к месту, где

протекала маленькая речка. Перед железнодорожным мостом мы стали выдёргивать костыли, крепящие рельс к шпалам. Не успели ещё выдернуть последние два костыля, как вдруг показался паровоз с вагонами. Рельс, не освобожденный до конца, под влиянием вибрации стал на место, и это хорошо, так как шёл имевший три вагона рабочий поезд. Сразу после его прохода мы продолжили работу: вынули все костыли и сдвинули рельс в сторону от колеи. В этот момент со стороны Киева показалось на путях много огней. Это шесть паровозов, сцепленных вместе, с полной скоростью летели на наш участок. Мы залегли в кюветах. Все паровозы полетели под откос и в речку, налезая один на другой, разрушая пути и мост. Эти паровозы, как стало известно, немцы срочно перегоняли в Харьков, так как там наша авиация разбомбила эшелоны с техникой и тащившие их паровозы. Паровозы, пущенные нами под откос, немцы срочно гнали для перевозок на фронт. Чтобы восстановить разрушенный мост и пути основной магистрали, ведущей на фронт, им потребовалось трое суток. По утверждению, содержащемуся в книге воспоминаний легендарного партизанского командира А.Ф. Фёдорова, уничтожение одного паровоза эквивалентно уничтожению трёх танков на фронте. Следовательно, уже этой первой диверсией мы нанесли фашистам урон, равный уничтожению 18-и танков.

В ту же ночь вторая группа, более многочисленная, во главе с комиссаром Е.П. Хахудой также успешно и без потерь разгромила полицейский участок в Носовке, захватила продовольственные склады немцев и вывезла в лес всё, что могла увезти: муку, крупу и другие продукты. Эти две удачные и крупные по результатам операции в одну ночь создали у полиции, да и у немцев впечатление, что осуществил их большой отряд, а не маленькая группа. Они и представить себе не могли, чтобы такие удачные операции провела группка партизан всего из 12-и человек. Это так сильно повлияло на психику носовских полицаев, что наиболее мыслящие из них пришли к выводу: переход к партизанам для них последний шанс спасти свою жизнь и искупить их огромную вину перед народом за сотворённые ими деяния. Когда мы через два дня после ночевки на хуторе в доме лесника возвращались утром на стоянку в лес, наша повозка лоб в лоб столкнулась с двумя повозками, на которых сидели полицаи, полностью и отлично вооружен-

ные. Во главе группы из двенадцати полицаев был начальник носовской полиции Бувайлик, студент второго курса Киевского университета, а также старший следователь полиции. Можете себе представить, что стоило такой очень хорошо вооруженной группе захватить и уничтожить нашу малочисленную, плохо вооруженную группу партизан. Но благодаря умной тактике ведения переговоров нашему командиру и комиссару удалось убедить полицаев в существовании большого партизанского отряда, и они перешли на нашу сторону, сдали нам своё оружие, включая два станковых пулемета, автомат, три ящика патронов, 20 винтовок и гранаты, а также тёплые вещи, одеяла. Если бы полицаи знали, что действует не большой отряд, а группа из 12-и человек, они ни за что не пришли бы к нам. Для них установили в лесу «карантин». У двоих полицаев нервы не выдержали, и они ночью ушли назад в Носовку. Утром этих двоих, а также родственников других перебежчиков, ушедших к партизанам, немцы зверски расстреляли. Наше командование в той обстановке приняло в отряд полицаев-перебежчиков с условием, что они кровью искупят свою вину перед народом за те злодеяния, которые они совершили. Им гарантировали жизнь на время пребывания в отряде, а в дальнейшем, мол, с ними будет разбираться советская судебная власть. Они участвовали в боях, многие погибли.

Считаю необходимым подробнее осветить судьбу упомянутых и других полицаев, добровольно пришедших к нам в отряд. Представьте, что рядом вместе с вами воюет человек, погубивший самых близких тебе людей – жену, мать, отца, детей, даже если он покаялся и хочет искупить вину... Были случаи, когда после боя с немцами находили на трупе полицая-перебежчика дырку в затылке или в спине. Бывший начальник полиции Бувайлик в боях не участвовал, – командование использовало его обширные связи для дальней разведки в Киеве и в Черниговской области. Когда вернулась советская власть, в компетентные органы на него сразу же поступило более трех сотен заявлений. Его посадили в тюрьму. Командир и комиссар нашего отряда сдержали свое слово и представили реабилитирующие бумаги. В результате Буйвалика не казнили, а направили в штрафной батальон. Двое других полицаев, оставшихся в живых, были реабилитированы, призваны в армию и отправлены на фронт. Драматична судьба старшего следова-

теля полиции. Он участвовал в боях, ходил в разведку, зашёл к «подруге» в Носовке, задержался до рассвета и решил остаться на день, но просмотрел уход из дома сына хозяйки в полицию. Полицаи окружили и обстреливали дом, а он отстреливался из автомата... По просьбе «подруги» её дом подожгли. Следователь, отстреливаясь, побежал к лесу, но прибывшие немцы спустили собак, которые догнали его и разорвали.

После очень активных и результативных действий нашей партизанской группы, к нам ежедневно приходили из соседних сел и городов люди, пополняя численный состав. Отряд рос и креп. Наконец-таки сбылась моя мечта – с оружием в руках отомстить фашистам за всё, что пришлось пережить, за поругание Родины, за надругательства над народом и уничтожение людей. Живя в подполье, мы были во власти немцев. В партизанском отряде совсем другое дело: есть оружие, боевые товарищи... А со временем мы вошли в партизанское соединение, установилась регулярная связь с "Большой землёй".

Лес у Носовки, где мы располагались, хотя частично был заболочен протекавшей небольшой речкой, что служило некоторой защитой, но был очень уж мал. Землянок у отряда не было: спали, ели, готовились к боям – всё у костра. Бывали сильные морозы. Иногда, во время сна у костра, у кого-нибудь прогорали сапоги. Хлеб пекли в первое время у селян и с риском доставляли в лес, а затем, когда стало невозможно, то сами в лесу выпекали коржи на железных листах. Пищу варили в больших котлах, но редко она бывала калорийной. Одежда изнашивалась и приходилось одевать немецкую, румынскую, венгерскую, захваченную в боях. Вооружение также добывали в боях у врага. Связи с Большой землёй ещё не было. Помощь оказывали подпольщики депо железной дороги в Дарнице (под Киевом). Они собирали, ремонтировали и передавали в наш отряд винтовки, пистолеты. По приказу штаба партизанского движения соединения А.Ф. Федорова и С.А. Ковпака (2.000 партизан), располагавшиеся севернее города Чернигова, 11 марта 1943 года до вскрытия Днепра ушли в рейд на запад в Прикарпатье. Областной отряд насчитывал 300 партизан под командованием Н.Н. Попудренко.

Мы нашли в лесу подбитые 45-миллиметровые пушки без колёс и лафета, штабели снарядов, оставленные нашими войсками при отступлении. Умельцы привели в порядок стволы,

поставили пушки на самодельные лафеты и использовали колеса от телег. Так в отряде появились две пушки. Они использовались при нападении на немецкие бронепоезда и воинские эшелоны. Наш отряд находился недалеко от железной дороги – основной магистрали с запада на восток и северо-восток, обеспечивавшей направления на Новгород-Волынский, Житомир, Киев, Нежин, Бахмач, Конотоп и Харьков, т.е. основные маршруты доставки немцами на фронт живой силы и техники. За год с 1 мая 1942 года до весны 1943 года (до слияния в большой партизанский отряд) на этой важнейшей и единственной в этой части Украины крупной железнодорожной магистрали нашим отрядом под командованием Николая Симоненко было пущено под откос и уничтожено20 эшелонов с живой силой и техникой врага. Кроме того, отрядом было также разгромлено несколько комендатур жандармерии, полицейских управ, немецких постов и т.п. Вся эта боевая работа выполнялась отрядом в безлесном районе всего в 70-ти километрах от Киева. Так как взрывных устройств и взрывчатки отряд ни от кого не получал, нашим взрывникам Чопу, Иванову, Якименко для подрыва вражеских эшелонов пришлось изготавливать самодельные взрывные устройства.

На перегоне Нежин – Носовка в одну из ночей появилась группа минеров во главе с Н. Симоненко. После прохождения немецкого патруля, авиабомбу, у которой была отвинчена головка и отрублены стабилизаторы, а в хвостовой части сделаны гнезда, в которые были вставлены тротиловые шашки с запалом гранаты Ф–1, положили у рельс на высоком десятиметровом мосту. К кольцам гранат привязали шнур длиной 100 метров и из укрытия взрывали мост и эшелон с танками. Движение поездов на трое суток прекратилось. Использовав все бомбы, стали применять для взрыва снаряды, упакованные в ящиках с прикрепленным обрезом винтовки, стреляющим по капсюлю снаряда при помощи шнура из укрытия. Я помогал взрывникам затаскивать взрывные устройства на мост. Мост и эшелон уничтожили. Не выходят из памяти бои при разгроме полицейских управ, крупное сражение с немецкими частями под Нежином, железнодорожными станциями Куликовка, Вертиевка, Бобровица - это не полный перечень жарких боев, в которых я принимал участие; бои с мадьярами в Казарах, где их много уничтожили, оставшиеся в живых бежали. Жизнь в

партизанском отряде закаляла волю, делала молодых мужественными.

Отряд быстро рос. Трудно было разместить много партизан в лесу. Только тесная и бесперебойная связь с населением, его самоотверженная поддержка, единение в борьбе с ненавистным врагом обеспечивали наше существование и активную боевую деятельность отряда. Командир отряда Николай Симоненко дал задание встретиться со связным Украинского Штаба партизанского движения Яковым Бытюком на окраине Нежина, на конспиративной квартире подельщика. Яков Батюк от рождения слепой, но успешно окончил Киевский университет до войны. Из-за слепоты его не задерживали, и он мог перемещаться по занятым немцами областям беспрепятственно, выполняя задания УШПД. В целях строгой конспирации он не должен был появляться в партизанских отрядах. Придя на явочную квартиру, я познакомился с Яковом и долго беседовал с ним. Он произвел очень хорошее впечатление своей эрудированностью, блестящей памятью, патриотизмом, знанием хода событий партизанской войны на Черниговщине, Киевщине. Яков сообщил указания УШПД командиру отряда. Несколько раз он заставлял меня повторять и, убедившись, что я все точно запомнил, не упустив ничего, просил все сказанное передать Николаю Симоненко лично. Командир отряда в свою очередь приказал передать в Штаб сводку о действиях отряда.

Я был восхищен красотой души, смелостью, преданностью Родине этого человека, все время находящегося на краю пропасти, выполняя свою опаснейшую миссию.

Командование отряда организовало группу разведчиков, осуществлявшую также связь с патриотами среди населения и через них получало порой очень важные сведения, на которые необходимо было немедленно реагировать, чтобы в случае необходимости уклониться от ударов превосходящих сил врага, ведь за спиной у нас не было густых брянских лесов, где можно было бы надолго укрыться. Во время разведки мне стало известно, что по Черниговской области с директивой для жандармерии и управ полиции по борьбе с партизанами разъезжает большой чин жандармерии с небольшой охраной. Я доложил командиру отряда, и он приказал установить маршрут следования этой группы и день приезда в город Нежин. Через нашу

агентуру в Басани мне удалось узнать, что жандармский начальник с сопровождением проследует через поселок Кобыжчу в Нежин. Послан был в Кобыжчу разведчик с заданием немедленно сообщить в отряд о дате прибытия группы жандармерии в Кобыжчу. Отделение партизан, переданное мне, укрылось в лесу у дороги в засаде. Через несколько часов прискакал разведчик – партизан на Кобыжги с вестью, что группа жандармов едет. Мы, внезапно и быстро уничтожив охрану, захватили жандармского чиновника с бумагами. Доставили его к командиру отряда. После тщательного допроса командованием жандармский офицер-организатор акции против партизанских отрядов был расстрелян.

Жители передавали нам сведения, нередко рискуя жизнью. Разведка проводила свои рейды, в первую очередь для сбора такой информации, часто «на острие ножа». Руководил разведкой Сергей Павлович Покиньборода – очень опытный и умный человек пятидесяти лет от роду – охотник, исходивший вдоль и поперёк Черниговскую область, бывший начальник управления милиции г. Чернигова. Этот высокий, немного сутуловатый, спортивный человек партизанил ещё в Гражданскую войну. Своим напарником в трудные, опасные разведывательные операции в селах и городах, где полно немцев, жандармерии, полиции, он выбрал меня. Нам иногда приходилось сильно рисковать, оставаясь на «днёвку», то есть день пережидать на чердаке хозяина дома-явки. Риск большой, так как в селах обычно было немало немецких холуёв, готовых за деньги продать нас. Очень ответственной и опасной была у партизан роль разведчика. Сотни километров прошли мы по полям, лесам, сёлам, железнодорожным путям, где немцы, мадьяры, румыны – патрули, охранявшие основную железнодорожную магистраль, постоянно устраивали засады. Мы побывали во многих сёлах, посёлках, нередко встречались с врагом. Много раз, переходя через железнодорожное полотно, чудом уходили от верной смерти только благодаря чутью и опытности старшего, отличному знанию им местности – каждого овражка, ручейка и т.п. Ценные сведения в кратчайшие сроки попадали в руки командования. И нашу работу командование очень ценило, а по ответственности ставило её на второе место после подрывников. Сергей Павлович своими беседами с сельскими жителями умел заслужить их уважение и любовь, поэтому нас

принимали с радостью, как желанных гостей. Меня с ним объединяла большая мужская дружба, от которой зависели успех и даже жизнь каждого из нас. Конечно же, мы гордились своей работой и тем, что нам её поручили. К выполнению заданий относились с высочайшей ответственностью и серьезностью.

Партизанское соединение «За Родину»

Весной 1943 года наш отряд объединился с пришедшим к нам в лес отрядом во главе с командиром Михаилом Ивановичем Бовкуном (воинское звание – капитан, родом из Нежина) и комиссаром Михаилом Ивановичем Стратилатом – секретарём Носовского РК партии. На общем совете решили объединить два отряда в партизанское соединение «За Родину» («За Батьківщину»). Командиром соединения был избран М.И. Бовкун, а комиссаром – М.И. Стратилат. Командиром 1-го полка утверждён Шеверов Александр Иванович. Командиром 2-го полка утверждён Н.Д. Симоненко, комиссаром – Е.П. Хахуда После объединения, за весну и лето подрывники нашего 2-го полка Иванов, Чоп, Якименко пустили под откос еще 28 эшелонов фашистов, в том числе 2 бронепоезда врага. Неоднократно и мне приходилось участвовать в операциях по уничтожению эшелонов с живой силой и техникой немцев.

Работе минеров очень мешали бронепоезда врага, курсировавшие от Киева до Нежина с целью выявления взрывных устройств, поставленных под рельсы партизанами. Каждый бронепоезд имел впереди паровоза две платформы, груженные тяжелыми рельсами или блоками, а затем шёл состав, состоящий из товарных вагонов и платформ, защищенных мешками с песком, между которыми имелись амбразуры для стрельбы из пушек и пулемётов. Бронепоезда были полностью укомплектованы командами немцев с автоматами. Два таких бронепоезда каждое утро немцы пускали по путям для проверки отсутствия взрывных устройств и обезвреживания их перед началом интенсивного движения по железной дороге поездов с военной техникой, солдатами и офицерами. Командование нашего полка приняло решение захватить и уничтожить хотя бы один из бронепоездов. Я участвовал в подготовке и нападении на бронепоезд. Подготовка была проведена хорошая: минеры провели тщательный расчет, установили сильные,

взрывные устройства под рельсами для взрывов перед бронепоездом и в его конце. Так как после взрывов предполагался штурм и захват бронепоезда, мы расположились на откосах вдоль пути, надеясь, что ничего непредвиденного не произойдет, так как всё тщательно продумано и просчитано. Две 45-миллиметровые пушки, собранные партизанами, были установлены на боевые позиции. Всё тщательно проверено. Но бронепоезд, появившийся со стороны г. Нежина, не доезжая несколько метров до взрывного устройства, остановился и открыл ураганный огонь по откосам и посадкам, так что нам, лежащим на откосах, и головы поднять было невозможно, а немцы стали забрасывать нас гранатами. Штурмовать бронепоезд – наверняка потерять отряд... Взрыва позади бронепоезда не последовало, так как провода были перебиты снарядами. Наши 45-миллиметровые пушки открыли огонь по паровозу, что заставило его пятиться назад. Воспользовавшись ослаблением огня, партизаны отошли в лес, но, к сожалению, потери были большие: погибло 25 партизан. До этой операции у нас таких потерь не было. Среди погибших партизан были два моих закадычных друга Петро Дьячук и Никита Борщев. Во время этой операции Петро и я лежали на откосе железнодорожного полотна в пяти метрах друг от друга, находясь в мертвой зоне при обстреле немцами из бронепоезда. Огонь из автоматов не достигал нас. Немцы тогда начали забрасывать гранатами откосы. Одна из них упала около Петра. Он сразу же среагировал, схватил ее и хотел отбросить, но не успел. В последнюю секунду он своим телом накрыл ее и тем, вероятно, спас жизни другим партизанам и мне. Операция провалилась. Почему? Поскольку я принимал активное участие в подготовке этой операции, командование полка поручило мне и еще двум партизанам выяснить возможность засылки в соединение шпиона и выявить его. Я связался с разведкой партизанского отряда имени Щорса, где командиром был Збанацкий Ю.О., который внедрил в комендатуру города Остера Ивана Петенко, который имел доступ к секретным документам, в частности, к списку выпускников Черниговской школы шпионов - местных жителей. Только через Петенко можно получить фамилии шпионов, направленных в наше соединение. Мы втроем направились в город Остер на явочную квартиру, но Петенко не явился. Остались на “дневку” на другой квартире. Вечером

я получил от Петенко список с фамилиями четырех шпионов, направленных к нам. При выходе из Остера увидели полицейский патруль. Но удалось избежать встречи с ним. Список передал командованию соединения, которое приказало расследовать их связи, действия в соединении в течение пребывания. Провал операции с бронепоездом был делом рук одного из них, он сумел войти в группу подрывников. Все подтвердилось, всем вынесен смертный приговор. Поскольку это разоблачение произведено командованием тайно, оно не подняло волны шпиономании.

Вскоре последовала повторная операция против бронепоезда, в которой я также участвовал. Проведена она была успешно, и нам достались большие трофеи. На этот раз совершенно внезапно для немцев прогремели взрывы одновременно и спереди и в середине и сзади бронепоезда. Они явились сигналом к штурму. Немцы не сумели отбить нашу стремительную атаку и поплатились жизнями. Захваченные четыре 45-миллиметровых пушки на колесах, снаряды к ним, пулеметы, автоматы, винтовки, ящики патронов были мгновенно спущены с платформ и отправлены в лес. Вагоны взорваны, часть из них полетела под откос: бронепоезд перестал существовать. Железнодорожные пути разрушены. Не прошло и получаса, как из Нежинского депо прибыл на подмогу первому второй бронепоезд, который открыл ураганный огонь, но было уже поздно: партизаны в лесу – вне зоны огня. После этой успешной операции я в составе групп партизан участвовал еще в нескольких операциях на железной дороге по уничтожению эшелонов врага с техникой и живой силой. Мы оказали очень большую помощь фронту, так как было уничтожено много техники: танков, орудий и живой силы врага.

В операциях на железной дороге бывали неординарные случаи. Один из них трагический, показывающий трудности партизанской жизни, ее проблемы, постараюсь довести до читателя этих записок. В начале лета, получив приказ от командования соединения, группа партизан ночью опять вышла на уничтожение бронепоезда немцев, который своими действиями затруднял работу наших подрывников по уничтожению вражеских эшелонов. Подрывники заложили мину под рельс, а мы, человек двадцать партизан, расположились на откосах железнодорожного полотна. Место выбрано было не около леса,

а открытое, чтобы усыпить бдительность немцев. К этому времени все посадки были по приказу немцев вырублены на 200-300 метров от путей. Среди оставшихся отдельных кустиков в десяти метрах от меня была установлена наша 45-миллиметровая пушка. Ждём… светает,– бронепоезд не появляется. Вместо бронепоезда идёт товарный состав. Решили взрывать, поскольку становилось уже светло. Как изредка случалось, взрыв произошел под тяжелым маховым колесом паровоза, – заряд оказался мал, и разрушения рельс или опрокидывания паровоза не произошло. Паровоз, почти остановившийся, начал набирать скорость. Пушка должна была стрелять по паровозу, но у пушкарей какая-то задержка… выстрела нет. Через несколько секунд взрыв рядом, и что-то пролетело со свистом около моих пяток (я лежал на откосе). Донесся крик. А поезд, набирая скорость, удалился. Провал операции, что редко бывало... На этот раз оплошали подрывники. Но «беда не ходит одна...». Заряжающий пушку хотел дослать снаряд в ствол пушки, но гильза снаряда оказалась деформированной (оплошность расчёта пушки), и он не входил в ствол... Тогда заряжающий, пытаясь дослать снаряд, ударил его затыльником винтовки, но попал по капсюлю, и снаряд разорвался. Когда я подбежал к кустам, то увидел страшную картину: у заряжающего оторвало руки, лицо было сплошное кровавое месиво – ни глаз, ни носа, ни рта, но человек ещё жил... Второй заряжающий пострадал меньше, но тоже очень сильно... Погрузили их на телегу, привезли в лагерь. Заряжающий, сильный физически и психологически парень, застонал только утром следующего дня. Положение его было безнадёжным: ни врача, ни связи с Большой землей тогда ещё не было. Ведь это могло и может произойти с каждым из партизан, ибо нет медикаментов, врача, медицинского инструмента, – нет связи с “Большой землей”. Нередко приходилось в случае тяжелого ранения, если еще можно было спасти жизнь человеку, отпиливать поврежденные руки, ноги обычной пилой без наркоза и антисептиков. Приходилось, не впадая в панику, смиряться с этим... Шла война, жестокая война... Да и писать об ужасах войны, ужасах смерти, которые я видел на каждом шагу, трудно. Это невозможно пересказать – это надо пережить, чтобы навсегда возненавидеть тех, кто сделал войну своей доктриной.

Апрель 2006 года

(Продолжение в следующих томах)

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Дементьев Владимир Александрович****, учащийся 2-го курса Колледжа предпринимательства № 11, города Москвы.*

Субачев Алексей Филиппович

Предвоенные годы и начало войны

Родился 20 июля 1921 года в Алтайском крае, Колманский район, с. Шилово в семье крестьянина.

До 1939 года я учился в средней школе, по окончании которой в сентябре 1939 г. поступил в Томское артиллерийское училище, а в декабре этого года большая группа курсантов была переведена в Ростовское артиллерийское училище. В мае 1941 года, закончив артучилище и получив звание «лейтенант», был направлен в г. Житомир в формировавшуюся там стрелковую дивизию командиром взвода противотанковых пушек.

18 июня дивизия по тревоге начала двигаться на запад и в ночь на 22 июня мы находились в 15 км от границы в Западной Украине. 22 июня в 12 часов дня наша дивизия уже столкнулась с прорвавшимися фашистами.

Так началась для меня Великая Отечественная война.

В первые дни войны линии фронта не было, поэтому перешедшие в наступление сами выбирали позиции. Самое опасное для нас это попасть в окружение и эта опасность заставляла нас отступать на Восток.

26 июня в одном из боев я был ранен. Медсанбат организовал колонну машин для отправки раненных в Шепетовку. Однако дорога на Шепетовку уже была перерезана немцами, и машины попали к немцам. Фашисты открыли огонь по маши-

нам, многие машины загорелись. Тяжело раненые попали в безвыходное положение. Это событие происходило в Западной Украине, где крестьяне занимались индивидуальным сельским хозяйством, имели свои наделы. Наши машины двигались по дороге, по бокам которой были крестьянские делянки, где росли злаки. Некоторым раненным удалось выбраться из машины и спрятаться во ржи. Это удалось сделать и мне. Я с трудом отполз метров 200 от машины, замаскировался во ржи, а фашисты хотя и прочесывали делянки, но меня не нашли.

Я пролежал во ржи до самого вечера. Был жаркий день, повязки с раны соскочили, началось загнивание раны, порой я терял сознание.

Вечером меня нашли красноармейцы из одного артиллерийского полка, от которого остался один дивизион. Несколько дней я отступал с этим дивизионом, пока случайно не попалась санитарная машина, которая шла в Новгород-Волынск. Она и подобрала и меня.

Нас раненных из Новгород-Волынска в спешном порядке эвакуировали в Житомир, а затем в Харьков, где я находился на излечении около 2-х месяцев.

После выписки из госпиталя Харьковский военный округ меня направил в Чугуев, где формировались воинские части для фронта. Из Чугуева я попал в 253 СД, которая начала военные шествия на Южном фронте. Это был ноябрь 1941 года, когда наши войска вели наступление на Южном фронте. В боях под Ворошиловградом я был вторично ранен. С этим ранением вначале я попал в Сталинградский госпиталь, а затем нас эвакуировали в г. Ташкент, где я находился около трех месяцев.

Формирование 120 СД. Участие в Сталинградском сражении.

После госпиталя Среднеазиатский военный округ меня направил командиром батареи противотанкового дивизиона 120 СД, который формировался вблизи Алма-Аты в городе Каскилене.

В мае 1942 года дивизия передислоцировалась под Саратов, где окончательно закончила формирование.

Там было проведено боевое учение, на котором присутствовал маршал Ворошилов. Ему понравилась боевая выучка дивизии, и он пожелал ей стать гвардейской.

В начале сентября дивизия была направлена на Сталинградский фронт, где в то время решалась судьба Родины.

На Сталинградском фронте, а затем на Донском фронте мне пришлось участвовать до конца разгрома армии Паулюса. Наша дивизия участвовала на разных направлениях фронта, порой в тяжелейших условиях отбивала две, а то и три атаки немцев в день.

Сильно нас донимала фашистская авиация, которая безнаказанно бомбила несколько раз в день наши боевые порядки.

Особенно нагло вел себя разведывательный самолет Фокевульф-189 или, как его называли наши солдаты, «Рама». Он с утра и до вечера летал над нашим расположением, а когда улетал, то вскоре прилетали бомбардировщики для бомбардировки нашего переднего края.

Превосходство немцев было и в танках. Свои танки мы редко видели, и поэтому вся тяжесть борьбы с танками легла на артиллерию. За время боев под Сталинградом, батарея, которой я командовал, подбила 4 танка, уничтожила много огневых точек и пехоты.

Контрнаступления наша дивизия начала под хутором Гниловским 19 ноября в направлении на город Калюч. После окружения немецких войск, 120 СД в составе Донского фронта действовала до конца разгрома окруженной южной группы войск, т.е. до 31 декабря.

Надо отметить, что немцы, несмотря на свое безвыходное положение, упорно сопротивлялись. Помню бой за высоту 150.2, которая занимала господствующее положение на подступах к Сталинграду. Фашисты из-за отсутствия горючего свои танки закопали в землю, превратив их в Доты. Вся высота была изрыта траншеями, окопами, ходами перехода. Вся артиллерия, минометы, пулеметы были укрыты в окопах.

Наше командование подтянуло значительные силы для наступления на высоту. Я никогда не видел такого количества артиллерии, минометов, «Катюш», которое было сосредоточено на подступах к высоте. Наша дивизия была задействована на эту операцию, поэтому пушки нашего дивизиона были нацелены на высоту.

И вот наступило утро. Началась артподготовка. Вначале прогремели залпы «Катюш», после чего сотни орудий открыли ураганный огонь по высоте.

Артподготовка длилась целый час, затем волна за волной пошли самолеты, и, наконец, под музыку духового оркестра, который исполнил Гимн Советского Союза - «интернациональная» пошла пехота в наступление, сопровождаемая музыкой марша духового оркестра.

Надо сказать, что уцелевшие немцы открыли сильный огонь по нашим наступающим. Правда, артиллерия и танки, сопровождавшие пехоту, подавили узлы сопротивления немцев, и к полудню высота была взята. Когда мы вошли на вершину высоты, то перед нами открылась такая картина: сразу за высотой начиналась Царицынская балка, вся она была забита немецкой техникой, а балки тянулись до самого г. Сталинграда. Складывалось впечатление, что немцы под Сталинград стянули всю технику Европы.

Хорошо помню последний день сражения – 31 декабря 1942 г. Наша дивизия наступала на железнодорожный вокзал, и вдруг дается команда: «Прекратить огонь!», так как противник капитулирует. Недалеко от вокзала находился универмаг, в подвале которого находился штаб Паулюса, который полностью сдался в плен. В этот день, то есть 31 декабря, капитулировала южная группа войск немцев, а 2 января и Северная группировка войск.

Трудно себе представить, что «непобедимая» немецкая армия превратилась в жалкое зрелище. Десятки тысяч немцев, оборванные, измученные шли в качестве пленных по дорогам Сталинграда, наверное, проклиная Гитлера.

Так закончилось мое участие в этом героическом сражении Великой Отечественной войны. Наша дивизия за успешные действия в Сталинградском сражении была переименована в 69 Гвардейскую дивизию. Я за отличное выполнение приказа командования был награжден орденом «Красной звезды» № 131253, медалью «За оборону Сталинграда», а в честь 60-летия победы в Сталинградском сражении я награжден медалью «Победа в Сталинградской битве».

Участие в битве на Курской дуге и форсирование Днепра.

После Сталинградской битвы наша дивизия вошла в состав 4-й Гвардейской армии.

Дивизия переформировалась, получила пополнение, снаряжение, новую технику. Наш дивизион получил новые пушки - ЗИС-3.

В мае 1943 года дивизия стала передвигаться ближе к фронту в направлении Курской дуги. Дивизия входила в Степной фронт, участвовала в битве на Курской дуге. Особенно крупное сражение произошло под Ахтыркой, где дивизии пришлось воевать с дивизией «СС». На этом направлении развернулись тяжелые кровопролитные бои. С большими потерями удалось прорвать оборону противника. Нашей дивизии пришлось освобождать легендарное село Деканьку, воспетую Гоголем.

Освобождая Левобережную Украину, дивизия подошла к Днепру в направлении Кременчуга. В начале сентября дивизия с ходу начала форсировать Днепр. Наш дивизион поддерживал первые подразделения, которые форсировали Днепр. Это были очень тяжелые бои. Фашисты неоднократно предпринимали атаки, чтобы сбросить нас в Днепр, при этом они орали: «Рус буль, буль, буль, сдавайс».

Наш плацдарм не был главным, но он отвлекал войска противника от основного, который был в районе Пятихатки.

Наша дивизия была активным участником в Корсунь-Шевченковской операции, где были окружены 10 немецких дивизий.

После разгрома этой группировки началось освобождение Правобережной Украины, где дивизия в трудных условиях весенней распутицы успешно выполнила свой долг.

За активное участие в Курском сражении и форсировании Днепра я был награжден орденом Отечественной войны 1-ой степени, № 21130.

Освобождение Молдавии, Румынии, Югославии и Венгрии.

Закончив освобождение Украины, наша дивизия была переброшена на 3-й Украинский фронт, который готовился к Ясско-Кишеневской операции. Эта операция началась в августе 1944 года и завершилась окружением и разгромом 20 немецких и румынских дивизий. В одну из ночей немцы предприняли попытки вырваться из окружения. В это время батарея, которой я командовал, занимала огневую позицию на гребне одной балки, по которой немцы предприняли прорыв. Когда мне стало известно, что по балке идут немецкие войска, я открыл огонь по противнику. Внезапный огонь для противника оказался, очевидно, неожиданным и вызвал переполох и панику.

Огонь батареи был как бы набатом для других частей. В результате ночного боя огнем батареи было уничтожено большое количество противника. Батарея потерь не имела.

К уничтожению противника были подключены другие войска, с помощью которых прорвавшиеся немцы были уничтожены.

За эту операцию я был награжден орденом «Красного Знамени» № 72409. В результате Ясско-Кишеневской операции была освобождена Молдавия. Наши войска вступили в Румынию.

3-му Украинскому фронту пришлось освобождать Румынию, Болгарию, Югославию, Венгрию и Австрию. Наша дивизия внесла большой вклад в эту освободительную миссию.

В октябре 1944 года в моей фронтовой жизни произошли изменения. Дивизион, в котором мне пришлось воевать более двух лет, был переформирован в дивизионы самоходной артиллерии.

Я привык командовать батареей полевой артиллерии и не захотел стать самоходчиком. Вскоре я был назначен командиром батареи 150 артполка 5-го гвардейского Донского кавалерийского корпуса, с которым я воевал до конца войны.

5-й Донской кавалерийский корпус участвовал в освобождении Югославии и Венгрии, в том числе в окружении и уничтожении Будапештской группировки немцев. Нам, артиллеристам, пришлось вести огонь в Будапеште иногда по самым красивым зданиям города, уничтожая в них засевших фашистов. После уничтожения группировки, корпус участвовал в освобождении территории Венгрии (последнего союзника Германии).

За отличное выполнение приказов командования по уничтожению Будапештской группировки и в освобождении Венгрии, я был награжден орденом «Александра Невского» № 37432. В Венгрии для меня была закончена Великая Отечественная война. В августе 1946 г. я демобилизовался из армии.

Работа на гражданке

После демобилизации работал в комсомольских и партийных органах, а затем после окончания Московского педагогического института в 1956 году, я был назначен директором

Лобненской средней школы, в которой проработал 42 года, с 1956 по 1998 год. Школа – старейшая в городе. В 2002 году она отметила свой вековой юбилей. Школа с производственным обучением, где учащиеся старших классов изучают автодело. Вместе с окончанием средней школы они получают права водителя категории «Б и С». Школа расположена вблизи Савеловской железной дороги. Во время Московского сражения школа оказалась на переднем крае. Немцы, захватив значительную часть Лобни, стремились перерезать железную дорогу. На чердаке 2-х этажного здания школы находился наблюдательный пункт командира артполка 331 СД. Вокруг школы располагались огневые позиции многих батарей полка. Московское сражение закончилось разгромом немецких войск и освобождением Московской области.

Шли годы, но в сердцах людей война еще не была оконченной. В 60-е годы началась более активная работа по военно-патриотическому воспитанию молодежи под лозунгом: «Никто не забыт и ничто не забыто».

Наша школа одной из первых школ города включилась в эту работу. Был создан штаб следопытов под руководством учителя истории Дриц А.А., который проделал огромную работу.

Штабом было разведано, что освобождение Лобни и других населенных пунктов принадлежит 331 Брянской пролетарской стрелковой дивизии. Следопыты через архив Министерства охраны установили фамилии воинов, захороненных в братской могиле в селе Киово. Учащимися на собранные и заработанные средства были установлены мемориальные доски с фамилиями погибших воинов. С ветеранами 331 СД завязалась активная связь. Следопыты нашли бывшего начальника штаба 331 СД полковника Марамзини В.А., командира 896 артполка полковника Лопух А.И.. Кстати, он оказался преподавателем по правилам стрельбы в Ростовском артучилище, когда я в нем учился. Десятки других ветеранов дивизии были найдены. К нам в школу приезжало до 100 человек ветеранов на праздник Победы, проводили уроки мужества, «Зарницу», смотр военно-спортивной подготовки учащихся и другие мероприятия. С помощью ветеранов в школе был создан музей Боевой Славы 331 СД и 31 армии, куда входила дивизия. В школу приезжали родственники погибших и захороненных в

братской могиле в селе Киово, фамилии которых были установлены следопытами школы.

Военно-патриотическая работа проводится и теперь. Совет ветеранов 331 СД во главе с председателем совета полковником Шляпниковым Н.В. и секретарем Совета Мазуром Г.М. умело планируют свою работу по оказанию помощи школе в проведении военно-патриотической работы в школе.

В 1998 году я ушел на пенсию, но военно-патриотическую работу провожу как в городе Лобня, так и в городе Долгопрудном, где я живу. Особенно часто мне приходилось выступать в дни подготовки к 60-летию Сталинградской битвы и битвы на Курской дуге, как участнику этих сражений. Я хорошо понимаю, что судьба Родины зависит от поколения, которое будет жить после нас.

Только патриоты, стоящие на передовых позициях научного прогресса, не позволят нашей Родине стать сырьевым придатком Запада.

Декабрь 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Кузютина Евгения Сергеевна*** *студентка 2-го курса, Профессионального училища №5, города Москвы*

Татаринцев Николай Петрович

Дружба, испытанная войной.

Родился я 11 декабря 1924 года в селе Трескино, Инжавинского района, Тамбовской области. Русский. Православный христианин.

До войны в 1938 году я окончил шесть классов школы. Больше так нигде и не учился.

И вот летом 1941 года я работал в поле у себя в селе, бороновал. Возвращаюсь домой, а там шум, гам, кричат: «Война началась». Паника. Все напуганы. Тут же повестки пришли. Забирали и взрослых и, можно сказать, детей, ведь мне тогда и восемнадцати не было.

По повестке я, как и многие другие, прибыл в районный военкомат. После чего всех отправили под Москву, там и формировалась наша 252-я дивизия, 928-й стрелковый полк, саперный взвод, в котором мне и довелось служить на благо Родине. Начались учения – нелегка работа сапера. Длилась наша учеба около четырех месяцев. Как только освоились в своем деле, так нас сразу по вагонам и под Сталинград. Прибыли мы на место, в село Песковатка, под командованием командира полка подполковника Павлюка и командира дивизии А.А. Забалуева.

Вот и начался мой опасный и нелегкий труд сапера. Всю войну я был в составе саперного взвода, 928-го полка, 252-й стрелковой дивизии. Командиры постоянно менялись: то погиб,

то ранен. Прошли мы через город Сталинград. Город Белгород. Город Харьков. Полтаву. Город Кировоград. Реку Днепр. Реку Днестр. Пересекли Венгрию. Реку Дунай. Дошли до Чехословакии.

После непродолжительной передышки и доукомплектовки мы двинулись к Днепру. Форсировали его в районе Кременчуга. Также приняли активное участие в разгроме Корсунь-Шевченковской группировки противника.

В начале декабря 1944 г. на территории Венгрии, в районе Надь-Дорог и Цеце мы встретили сильное сопротивление врага.

В ночь на 30 марта 1945 года мы подошли к Дунаю, в районе города Комарно. Снова операция прошла успешно, конечно, не без упорного труда.

6 апреля мы подошли к реке Морава. Это уже было в Чехословакии. К тому времени командиром полка был Веселков. Он дал нам команду форсировать Мораву по опыту Дуная.

Последним моим заданием стало обезвреживание минного поля в апреле 1945 года у города Моравска-Острава. Всю войну прошел я сапером в звании ефрейтора. Командовал нашей дивизией в то время генерал-майор И.А. Горбачев.

В апреле 1945 года на последнем задании я и получил свое одно единственное ранение. Оно, слава Богу, оказалось легким. Одно плохо – ранило в глаз. Я тогда потерял сознание. Когда очнулся, понял, что в госпитале уже нахожусь. Он располагался в городе Брно, в глубоком тылу. Стала мне медсестра делать перевязку и вдруг шум, выстрелы. Испугалась моя медсестра, выбежала на улицу. А я сижу и не знаю, что делать: глаза-то мои ничего не видят. Слышу, возвращается. Подошла ко мне и говорит, а сама дух перевести не может: «Война кончилась, Татаринцев!». Тут и радость, и слезы нахлынули – мы не могли в это поверить. До сентября я находился на лечении все в этом же госпитале. Как только меня выписали, я тут же поспешил домой. Обратный путь оказался не таким быстрым, как хотелось бы. Трудно мне сейчас вспомнить в точности путь домой. Одно помню: добрались до Москвы, а тут уже рукой подать до родной земли.

Домой я вернулся в конце декабря 1945 года. Сначала работал, как и прежде в колхозе, а потом с 1957 по 1985 заведовал сельским магазином райпотребкооперации в своем селе.

Медаль «За боевые заслуги» - это моя первая награда. Фа-

шистские полчища находились тогда уже в окружении под Сталинградом и с помощью своих танков пытались вырваться из кольца. В сильный декабрьский мороз мне и моим товарищам-саперам пришлось, лежа в снегу около вражеских позиций, ставить заграждения на пути окруженного врага. Немало фашистских танков подорвалось на этих минах, когда пытались разорвать кольцо. А когда началось наше наступление, нам пришлось снимать эти мины. У нас не было права на ошибку. Тогда я получил звание лучшего минера подразделения.

«Медаль за отвагу» получил за освобождение Белгорода и за бои на Курской дуге. Здесь также немало было взорванных вражеских объектов. После поражения под Сталинградом немецко-фашистское командование решило взять реванш под Курском, где линия фронта сложилась в форме дуги с вершиной у города Рыльска, а концы ее упирались в города Орел и Белгород. Немецкое командование сосредоточило здесь огромное количество танков и авиации, перебазировав в этот район крупные соединения из Германии и Франции. Фашисты к наступлению готовились тщательно. Мы тоже вели подготовку. Нам, саперам, приходилось работать, в основном, по ночам в «нейтральной зоне», расчищая от мин путь нашим войскам для наступления. Ставили мины на предполагаемом направлении ударов противника. Бои были жаркими. Враг бросил в рассчитанном нами направлении свои полчища танков и артиллерии. Однако многие из них замерли, подорвавшись на наших минах. Тогда мы не только сдержали натиск, но и перешли в активное наступление.

Орден Славы III степени; № ордена - 162577; третья награда; приказ 252 – стрелковой дивизии № 035/ н от 18.09.44г. Награда была вручена на фронте.

Орден Славы II степени; № ордена – 31505; четвертая награда; приказ 4 гл. Армии № 075/ н от 13.03.45г. Награда была вручена на фронте. Эти награды я получил за форсирование рек: Днепр, Днестр, Дунай. Самым памятным преодолением водной преграды это было форсирование Дуная.

Ночью 30 марта 1945 года мы подошли к Дунаю. Захватить переправы не успели – они были взорваны. Чтобы не дать врагу опомниться, дивизии было приказано до рассвета передовыми отрядами двух полков форсировать Дунай и захватить плацдарм. В дивизии создалось трудное положение. Табельные переправочные средства отстали. Их ожидали только к утру. Чтобы сде-

лать своими силами хотя бы элементарные плотики, требовался материал, а главное время. Командир дивизии генерал-майор Горбачев, как обычно, приехал посоветоваться с нами – саперами. Вперед выступил наш командир саперного взвода сержант Исайченков. Он доложил о том, что у берега обнаружили пять хороших рыбацких лодок. Если их использовать, можно до утра две роты переправить. Через час, в точно назначенное командиром дивизии время, четыре лодки с разместившимся в них взводом автоматчиков тихо отчалили от восточного берега. Туман прикрывал десант, а плеск воды заглушал удары весел. Противник вел беспорядочную стрельбу. Изредка над Дунаем тускло вспыхивали и падали в воду ракеты. Когда до берега оставалось около 30-ти метров, над лодками повисла ракета, почти одновременно справа застрочил пулемет.

Пули неслись над головами. Но лодки были уже в мертвой зоне. Когда автоматчики вступили на вражеский берег и завязали бой за плацдарм, мы с товарищами-саперами, с силой оттолкнув лодки, устремились к восточному берегу. Посадив очередную группу автоматчиков, успешно переправили и ее. Десять рейсов сделали мы в ту ночь. Плацдарм на Дунае был захвачен. Тогда нашему полку за массовый героизм Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено почетное наименование Дунайского.

Орден Славы I степени. Это была моя последняя и самая высшая награда. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1946 г. № ордена 1240, №502570. Подписали Указ Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. Подгорный и Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. Георгадзе. Москва, Кремль 6 сентября 1946 г. Получил я эту награду за проявленную храбрость и мужество при освобождении Чехословакии. Вручали мне награду уже после войны. Вызвали меня в районный военкомат и наградили. Так я стал Полным Кавалером ордена Славы.

На войне у меня погиб родственник. Мой двоюродный брат Татаринцев Сергей Семенович. Он был родом из города Рассказово Тамбовской области. Пропал без вести. Мы до сих пор не знаем, при каких обстоятельствах он погиб.

О нашей 252-й стрелковой дивизии, обо мне и о моих товарищах много писали:

1) Селезнева В.И. Впереди подразделений / Кавалеры Орде-

на Славы. Центрально- черноземное книжное издательство. Воронеж. 1969. С. 364–367;

2) Исайченков В. А. Войска 53-й армии после освобождения Белгорода…/ Солдатская слава. Военное издательство Министерства Обороны СССР, Москва, 1976, С. 68 – 75;

3) Исайченков В.А. Мои побратимы / Наша стрелковая. Пермское книжное издательство, Пермь, 1987, С. 192 – 195;

4) Дьячков Л.Г., Логинов Л.Н. Опасная работа / Солдаты победы. Тамбовский Государственный университет имени Г. Р. Державина, Тамбовский областной Совет ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов, Тамбов, 1995, С. 25–26;

5) Баранов В. Впереди шли ветераны / Инжавинская Правда. Май, 1989;

6) Томашов Н. Саперы шли первыми / Инжавинский Вестник, 10 июля 2000;

7) Пьянов Г. Это был самый трудный фронт / Инжавинский Вестник, 31 января 2002;

8) Логинов Л. Опасная работа / Инжавинский Вестник, 20 января 2002; и многие другие публикации.

Мне хочется рассказать о дорогих моему сердцу друзьях, с которыми прошел нелегкий путь войны. Наша боевая дружба закалена в огне, скреплена совместно пролитой кровью. К счастью, после ранений мои друзья возвращались в свой родной саперный взвод 928-го стрелкового полка. Трое – Алексей Павлович Голиков, Василий Андреевич Исайченков и я – стали полными кавалерами ордена Славы.

Помню, как знакомились мы с командиром нашей дивизии. Это было накануне одной из самых сложных операций. Командир тогда сам пришел к нам в саперный взвод. Дело было серьезным, и он должен был знать, кто будет выполнять задание. Ведь от результата зависело очень многое. Тогда возникла проблема с прорывом обороны противника. Гитлеровское командование, придавая важное значение Харькову – стратегическому пункту всей Левобережной Украины, в течение длительного времени готовило вокруг него ряд оборонительных рубежей с долговременными сооружениями и развитой системой траншей. Тщательно продуманная система заграждений (завалы, надолбы, противотанковые рвы, сплошные минные противотанковые и

противопехотные поля и проволочные заграждения) надежно прикрывала передний край вражеской обороны.

Вот и решил наш командир дивизии лично с нами познакомиться и заодно проверить, как мы уяснили поставленную задачу.

Первым докладывал о себе Василий Исайченков:

- Работая электромонтером в городе Сталино, без отрыва от производства окончил аэроклуб. В 1939 году горвоенкоматом был направлен в Вольскую школу летчиков. Но закончить ее не удалось, был демобилизован. В 1940 году снова призван в армию и зачислен в саперное подразделение...

- Рабочий. Родом из-под Сталинграда, - доложил Алексей Голиков. – Участвовал в обороне Сталинграда...

- Работал в колхозе под Тамбовом, - сообщил я. – В восемнадцать лет стал солдатом. И вот с того времени служу, воюю...

Полковник улыбнулся. Видно, мы ему по душе пришлись.

- Прорыв обороны во многом будет зависеть от вас, - сказал он. Сделаете проходы во вражеских заграждениях - тогда пойдут танки и пехота. Так что вы будете первыми. Нелегко придется вам. Готовы выполнить эту ответственную и почетную задачу?

- Готовы! – ответили мы.

Августовская ночь выдалась теплой. Мы вышли на выполнение боевого задания. Сержант Исайченков полз первым. За ним Голиков и я. Сзади, уступом, для контроля промежутков и, при необходимости, для прикрытия, ползли рядовые Филиппов, Печеневский и Синицын. Замыкали группу еще двое саперов со связками красных флажков на спине для обозначения границы полосы разграждения.

Противник вел себя неспокойно, освещая местность ракетами, вел пулеметный огонь. Откуда-то издалека били гаубицы и тяжелые минометы, вероятно, по нашим артиллерийским и минометным огневым позициям.

Методически вела огонь и наша артиллерия. Первую половину нейтрального поля мы проползли быстро. Потом почти одновременно Исайченков и Голиков услышали в наушниках зловещий писк.

- Стой! Мина! – предупредил Исайченков.

Голиков передал предупреждение мне, я Филиппову... Мы приступили к разграждению. Действовали осторожно. Саперу, как известно, ошибаться нельзя.

Когда обезвредили шестой ряд, слева раздался сильный взрыв, а затем послышался стон. Через несколько минут гитлеровцы по всей нейтральной полосе открыли огонь из легких минометов. Осколки, словно разыскивая нас, с воем проносились над головами.

Исайченков решил проверить, вся ли группа на месте. Он дал знак мне остановиться. Вскоре к нему подползли все саперы группы.

- Нас обнаружили. Нужно отходить, - сказал кто-то из нас.

- Нет! – твердо произнес Исайченков. – Отходить рано. По моим расчетам, еще два - три ряда мин впереди, а главное, проволоку нужно резать. От нас зависит прорыв обороны. Так что, надо доводить дело до конца, продолжать работу …Это приказ...

Только на заре, до конца выполнив задание, усталые и измученные, мы возвратились в полк.

Вскоре по проходу, проделанному нами, вперед двинулись танки и пехота. Оборона противника была прорвана. А через два дня, утопая по пояс в тине и грязи, наш взвод под руководством Исайченкова делал гать через болото, которое встретилось на пути наступающих стрелковых подразделений.

На дорогу Плосская – Харьков первыми вышли разведчики и я со своими друзьями-саперами. Со стороны опушки леса послышался шум моторов.

- Танки, - первым высказал свое мнение Исайченков и добавил: «Надо наших предупредить, а танки во что бы то ни стало задержать!»

- Ты что надумал? – спросил я его.

Исайченков коротко изложил свой замысел. Я и рядовой Филиппов вышли вперед дозорными. Разведчики расположились в кювете, приготовили гранаты. Исайченков и Голиков на изгибе дороги попытались установить мину, но неудачно, грунт оказался крепким. Оставить мину открыто на дороге бесполезно – гитлеровцы заметят. Оставалось одно: подтянуть мину под головной танк из кювета. Но где взять шнур?..

- Снимай белье! – приказал сержант Исайченков. Мы сняли белье. Разорвав его на куски, Голиков быстро сделал веревку, вымазал ее грязью, к одному концу прикрепил мину.

Печеневский и Синицын, расположившись в кювете, приготовили бутылки с горючей смесью.

Вскоре на дороге показались четыре танка. Они шли на ма-

лой скорости, с открытыми люками.

Когда головной танк вышел к изгибу дороги, Голиков потянул за веревку и вытащил мину прямо под правую гусеницу. Раздался взрыв. Головной танк с сильным скрежетом развернулся на одной гусенице и встал поперек дороги, загородив путь другим. Тотчас в открытые люки полетели гранаты, бутылки с горючей смесью, затрещали автоматы. Два танка вспыхнуло. Разведчики в упор расстреливали выскакивающих из танков гитлеровцев, четырех танкистов взяли в плен.

На рассвете 23 августа 1944 года Исайченков, Голиков и я в числе первых вступили в Харьков. Город горел. Тысячи людей прятались в подвалах. В бешеной злобе гитлеровцы, отступая, взорвали почти все предприятия и здания, многие заминировали. Мы, извлекая вражеские мины, старались спасти то, что еще не было разрушено. В тот день на многих домах освобожденного Харькова, можно было прочесть слова, написанные мелом: “Мин нет. Исайченков”. “Разминировано. Голиков”. “Мины извлечены. Татаринцев”.

Указом Президиума Верховного Совета СССР 252-й Краснознаменной стрелковой дивизии было присвоено почетное наименование Харьковской.

Помнится мне еще такой случай. Это связано с боями у реки Морава. После того, как наши войска перешли в контрнаступление, и враг бежал, в штаб пришел пожилой чех. Он сообщил нам, что в замке, расположенном в двух километрах от нас, находятся старики и дети. Их согнали туда немцы. Начальник штаба приказал произвести разведку. Мы выяснили, что под замком установлены минно-сюрпризные устройства. Мы приступили к разминированию. Через несколько часов 150 человек были освобождены из минного плена.

Самым трогательным моментом в общении с моими друзьями-саперами для меня стал случай моего ранения.

В канун 1 мая командование, разгадав замысел противника о нанесении контрудара во фланг нашей группировке, приняло решение встретить врага огнем с места и переломить его наступающие части, после чего перейти в решительное наступление. На отдельных направлениях предусматривалось создать противотанковые и противопехотные минные поля. В нашем 928-м полку задачу по заминированию снова возложили на взвод моего друга Исайченкова. Мы работали всю ночь. Все шло благопо-

лучно. Задание было уже выполнено, когда раздался сильный взрыв. Как раз там, где работал я. Я после взрыва потерял сознание. Меня контузило и осколком ранило в глаз. Потом уже мне рассказали мои друзья, что происходило дальше. Исайченков и Голиков бросились к месту взрыва. В лощине, метрах в тридцати от воронки они увидели мое безжизненное окровавленное тело. Осторожно положили меня на плащ-палатку, на руках донесли до расположения взвода. Там мне оказали первую медицинскую помощь. Я не подавал признаков жизни.

Гитлеровцы тем временем усилили артиллерийский огонь.

- Надо отправлять в медсанбат, - распорядился Исайченков. Меня уложили на повозку и отправили в тыл.

- Надо же такому случится, - горевали мои друзья. – Перед самым концом войны!

Вскоре закончилась Великая Отечественная война. На письма, направленные Исайченковым и Голиковым в эвакогоспиталь с просьбой сообщить о моем состоянии здоровья и месте нахождения, поступил ответ: «В начале мая ефрейтор Татаринцев эвакуирован в глубокий тыл страны. Другими данными эвакогоспиталь не располагает».

Перед демобилизацией в полк пришла радостная весть: за мужество, отвагу и умелые боевые действия на заключительном этапе Великой Отечественной войны А.П. Голиков, В.А. Исайченков и Н.П. Татаринцев Указом Президиума Верховного Совета СССР награждены орденом Славы I степени.

Как говорят, настоящие друзья познаются в беде. Так вот судите сами, что значат для меня В.А. Исайченков и А.П. Голиков.

Январь 2005 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Кирьянова Марина Сергеевна****, студентка 4 курса, факультета журналистики, Тамбовского Государственного университета им. Г.Р. Державина*

Ткачёв Александр Сергеевич

Расстрел солдата

Мой отец вместе с матерью в 1921 г. был направлен в командировку из Москвы с автоотрядом в г. Ташкент (город Хлебный). Автоотряд размещался в товарном железнодорожном эшелоне.

Где-то между Самарой и Оренбургом холодной зимой в товарном вагоне 26 ноября 1921 г. родился я - Ткачёв Александр Сергеевич. Был крещен в единственном тогда в Ташкенте православном храме. Русский. Командир автоотряда был моим крестным отцом. В мае 1922 г. возвратились в Москву.

В мае 1937 г. первичной организацией № 76 Октябрьского района Москвы принят в член ВЛКСМ. Ведя общественную работу, был пионервожатым, членом бюро, редактором стенной газеты. Летом 1938, 1939 годов работал в пионерлагерях школы № 253 и завода № 33 инструктором авиамодельного кружка. В августе 1939 г. был направлен РК ВЛКСМ Октябрьского района в пионерский лагерь издательства "Правда" вожатым. Летом 1940 г. работал коллектором геологической экспедиции по Европейской равнине Академии Наук СССР.

Членом коммунистической партии был 44 года с июля 1947 г. по октябрь 1991 г. Многократно избирался секретарем первичной парторганизации кафедры военно-инженерной ака-

демии имени В. В. Куйбышева. Несколько лет руководил семинарскими занятиями по марксистско-ленинской подготовке преподавателей академии.

В 1940 г. окончил 10 классов школы № 204 имени Горького в Москве. Проявил способность к дисциплинам физико-математического цикла.

По решению Верховного Совета СССР окончившие школу в 1939 и 1940 г. не имели право поступать в Вузы, а призывались на службу в КА. Однако, медицинской комиссией в 1940 г. я был освобожден от службы в КА по состоянию здоровья (близорукость - 5Д). Поэтому я поступил в ВУЗ и до войны успел окончить лишь только первый курс.

После войны в 1947 г. окончил с золотой медалью военную академию и был занесен на мраморную доску военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева с присвоением квалификации военный инженер-электрик.

В 1950 г. окончил философский факультет вечернего университета марксизма-ленинизма при Центральном Доме Совета Армии имени М. В. Фрунзе.

В 1953 г. окончил адъюнктуру по кафедре радиотехники, автоматики и телемеханики и успешно защитил кандидатскую диссертацию. После окончания адъюнктуры в течение 15 лет вырос от младшего преподавателя до начальника кафедры. Решением ВАК в 1960 г. утвержден в ученом звании - доцент.

В 12 часов 15 минут 22 июня 1941 г., находясь в Москве, слушал по радио выступление Молотова, речь которого заканчивалась словами - "Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами".

Через неделю мой отец Сергей Иванович 1893 года рождения был мобилизован и после одного месяца подготовки отправлен с Белорусского вокзала на фронт. Участвовал в Смоленском сражении (10.07-10.09.1941 г.). В декабре 1941 года пришло извещение "находясь на фронте, пропал без вести" (Книга памяти 1941-1945 гг., том 12, стр. 673).

22 июля 1941 г. состоялся первый налет немецких самолетов на Москву; сбрасывались зажигательные бомбы. Мне пришлось по ночам дежурить на крыше дома и выполнять работу нашей ПВО. Радиолокаторов в начале войны еще не было; использовались звукопеленгаторы и прожектора, которыми освещались летящие немецкие самолеты, по которым откры-

вала огонь защитная артиллерия.

После ночных налетов на Москву я с крыши дома видел, что вся Москва пылает, горит... Было очень горько. Однако уже через нескольких часов все возгорания потушены, а Москва вновь в светомаскировке.

Начало войны у меня также связано с участием в строительстве оборонительных рубежей - противотанковых рвов и экспертов. Отряды формировались из студентов. В период с июля по сентябрь 1941 года отряды студентов многих московских институтов работали на строительстве оборонительных рубежей под руководством Главгидростроя НКВД СССР. Работали под Вязьмой, Дорогобушем и в Подмосковье. Это были дни тяжелых земельных работ, обстрелов с немецких самолетов. Это были первые горькие месяцы войны - июль, август, сентябрь.

Идет война, а у меня документы, освобождающие от службы в армии. Пропал в сентябре 1941 года мой отец в Смоленском сражении.

Поразмыслил я и решил добровольно попроситься на службу в армию. Это было в феврале-марте 1942 года. Был принят на службу в Красную Армию, которая и продолжалась целых 34 года.

Прошел оборонительную комиссию и был 8-го апреля 1942 года зачислен слушателем военно-электротехнической академии связи имени С.М. Буденко (ВЭТА).

Академия в это время заканчивала переезд из г. Ленинграда в г. Томск. Слушательский совет академии формировался только из студентов гражданских вузов.

В условиях войны ВЭТА в начале 1942 года вела ускоренную подготовку инженеров для нужд фронта со сроком обучения - один год. Учебные занятия состояли из восьми часов аудиторных занятий (лекции, упражнения) и четырех часов обязательной самоподготовки.

В августе 1944 года электротехнический университет ВЭТА был переведен в военно-инженерную академию имени В. В. Куйбышева (ВИА), которая к этому времени вернулась из города Фрунзе в Москву, а я в звании младшего техник лейтенанта был направлен на войсковую стажировку в части III украинского фронта.

Начальником инженерных войск фронта генерал-

полковником Цирланым Д.А. был направлен в 214 отдельный отряд разминирования, который с 20.05.1944 года по 9.05.1945 года входил в состав действующей армии (архив МО перечень №23, л. 78). Руководил войсковой стажировкой преподаватель ВИА майор Кеселев.

Первое, что я увидел по прибытии в воинскую часть - расстрел солдата. Расстрел солдата перед строем воинской части за самострел, который он осуществил следующим образом: лег на живот головой у сосны, одну руку с тротиловым зарядом (75 грамм) положил на сосну (обнимая ее); взорвал заряд; лишился кисти руки; надеялся на демобилизацию.

Очевидно, в этом была необходимость поддерживать дисциплину и высокий моральный уровень в составе воинской части.

Во время стажировки принимал участие в боевой работе отряда, выполняя обязанности командира взвода, в районе населенного пункта Талмаз в Молдавии.

В моем взводе служил запомнившийся мне солдат, который всегда носил две медали. На одной из них была вмятина от пули, что спасло его от серьезного ранения.

При разминировании были обнаружены не похороненные трупы двух наших солдат, в карманах которых находились партийные билеты. Было горько это видеть. А неподалеку отступающие немецкие войска успели захоронить двух своих погибших, на могилах которых были установлены стандартные деревянные кресты с выжженными именами.

Войсковая стажировка закончилась для меня к октябрю 1944 года с положительным отзывом и возвращением в ВИА с III Украинского фронта для продолжения обучения.

Так уж случилось, что через 26 лет в звании полковника я проходил четырех месячную войсковую стажировку, в/ч 75265 на Дальнем Востоке. А несколько позже приказом начальника инженерных войск МО СССР мне была присвоена классная квалификация по ВУС 0507 II класса.

За участие в обороне Москвы указом Президиума Верховного Совета СССР от 1-го мая 1944 года награжден медалью "За оборону Москвы" У №033686. Медаль вручена 7-го июля 1945 года начальником академии (ВИА) генерал-майором инженерных войск Оливетским А.Б.

Все остальные награды: орден Отечественной войны II

степени и медали были вручены после окончания войны. В том числе "За боевые заслуги", "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.", "За безупречную службу", "В память 800-летия Москвы", "В память 850-летия Москвы", "Ветеран вооруженных сил СССР" и 12 юбилейных медалей.

Медаль "За боевые заслуги" вручил мне С.М. Буденский.

Заполнился Парад Победы 24.06.1945 г. в Москве. В момент прохождения по Красной площади пошел дождь. Я шел в батальоне правофланговым по водяному встречному потоку, когда наш полк начал движение от исторического музея. Шел мимо брошенных немецких знамен, мимо входа в мавзолей, где стояли иностранные атташе.

В этот день демонстрация из-за дождя была отменена.

В 2000 году был создан "Союз" участников парада 24.06.1945 года в Москве, который формировал подразделения, проходивших в строю по Красной площади в дни праздников. В этот "Союз" входил и я (удостоверение № 1886 25.04.2001).

Собственные опубликованные и неопубликованные работы состоят из 22 авторских листов, напечатанных в период 1950 - 1974 гг. издательством ВИА и опубликованы статьи в "Сборнике докладов Академии Артиллерийских Наук" (том 8, 1950 г.) и рукописных работ 25, 7 авторских листов.

Список научных трудов

№ пп.	Наименование трудов	Рукопись или печатные (если печатные, то когда изданы)	Название издательства или журнал
1	Отчет по НИР. Электрические методы измерения больших скоростей. (Колич. авт. л.-1)	Рукопись 1948 г.	НИИИ им. Карбышева
2	Отчет по НИР. Специальная рентгеновская установка	Рукопись 1949 г.	НИИИ им. Карбышева
3	Статья. Искровая и рент-	Печатное изд.	“Сбор-

	геновская установка (Колич. авт. л.-1)	1950 г.	ник докладов ААН" т.8,1950 г.
4	Кандидатская диссертация (Колич. авт. л.-7)	Рукопись 1953 г.	ВИА
5	Автореферат диссертации (Колич. авт. л.-0.9)	Рукопись 1953 г.	ВИА
6	Тезисы доклада по IX итоговой научно-технич. конференции акад. (Колич. авт. л.-02)	Печатное изд. 1954 г.	ВИА 1954 г.
7	Статья. Изменение цели (Колич. авт. л.-1.6)	Печатное изд. 1955 г.	"Вестник ВИКА" №2 ВИА 1955 г.
8	Отчет по НИР (спец. тема) (Колич. авт. л.-1.2)	Рукопись 1955 г.	ВИА
9	Учебные диафильмы (спец. замыкатели) (И 106 кадров) (Колич. авт. л.-1)	Диафильмы отпечатаны ВИА, 1956 г.	
10	Автоматизация оружия (Колич. авт. л.-0.9)	Печатное изд. 1957 г.	ВИА 1957 г.
11	Лекция (спец. замыктель) (Колич. авт. л.-1.1)	Рукопись 1958 г.	ВИА
12	Лекция. Телеуправление энергетическими объектами (Колич. авт. л.-2.5)	Рукопись 1958 г.	ВИА
13	Руководство по лабораторным работам "Элементы и узлы телемеханических устройств" (Колич. авт. л.-0.8)	Рукопись 1958 г.	ВИА
14	Учебник. "Основы радиотехники и телемеханики" (Колич. авт. л.-2)	Печатное изд. 1959 г.	ВИА 1959 г.

15	Авторское свидетельство на изобретение №20792 от 15.03.60 г. (Колич. авт. л.-2.5)	Печатное изд. 1960 г.	ВИА 1960 г.
16	Отчет по НИР (спец. тема)	1960 г.	
17	“Сущность программированного метода обучения” (Колич. авт. л.-3.2)	Рукопись 1961 г.	ВИА
18	“Датчики систем автоматического контроля и регулирования” (Колич. авт. л.-2)	Печатное изд. 1965 г.	ВИА 1963 г.
19	“Магнитные усилители” (Колич. авт. л.-2)	Печатное изд. 1947 г.	ВИА 1963 г.
20	Учебник «Радиоэлектроника и автоматика в средствах инженерного и топогеодезического вооружения» Часть I. (Колич. авт. л.-1.8)	Рукопись 1973 г.	ВИА 1965 г.
21	Учебное пособие. “Элементы и узлы радиоэлектронных средств” (Колич. авт. л.-6.2)		ВИА 1969 г.

Апрель 2004 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Афанасьева Светлана Николаевна,*** *студентка 2-го курса, Профессионального училища № 5, города Москвы*

Тромлаков Михаил Павлович

Был переодет в немецкую форму

Я родился 7 ноября 1925 года в г. Ртищево Саратовской области. Русский. Атеист. До развала КПСС был её членом с мая 1951 г. В настоящее время являюсь ее сторонником.

До войны в 1942 г. окончил 8 классов средней школы №13 в г. Ртищево. После войны окончил в 1955 г. 10 классов вечерней школы рабочей молодежи в г. Кинель Куйбышевской области.

О войне узнал 21 июня 1941 г. на ст. Летяжевка Аркадакского района Саратовской области, где находился на каникулах как ученик.

Был призван 13 апреля 1943 г. со школьной парты из 10 класса и направлен в Саратовское пехотное училище, где служил курсантом с мая по август 1943 г. Оттуда направлен в Военный институт иностранных языков в г. Ставрополь на Волге (ныне г. Тольятти), который в сентябре этого же года был переведен в г. Москва. Являлся слушателем одногодичных курсов военных переводчиков немецкого языка с 9 сентября 1943 г. по 20 сентября 1944 г. Приказом Главного управления кадров Советской армии №0312 от 15 сентября 1944 г. мне было присвоено воинское звание «младший лейтенант» и 21 сентября 1944 г. я был отправлен в 6-й Гвардейский танковый корпус (ТК) 3-й Гвардейской танковой армии (ТА) на

должность военного переводчика в разведотдел штаба корпуса, которым руководил гвардии полковник Кривицкий. 6-м гвард. ТК командовал в тот момент гвардии генерал-майор Новиков, а позже гвардии генерал-майор Митрофанов.

Мой боевой путь проходил в должности военного переводчика разведотдела 6-го Гвард.ТК 3-ей Гвард.ТА с октября 1944 г. по 12 мая 1945 г. (корпус вел бои до 12 мая 1945 г. в Чехословакии) в Висловско-Одерской операции 1-ого Украинского фронта через г. Ченстохов (январь 1945 г. Польша), г. Радомско (январь 1945 г. Польша), г. Оппельн (январь 1945 г. Германия) и в Нижне-Силезской операции через г. Бунцлау (февраль 1945 г. Германия), г. Герлиц (февраль 1945 г. Германия), в Берлинской операции: форсирование рек Нейсе и Шпрее (апрель 1945 г. Германия), форсирование Тельтов-канала, г. Тельтов (апрель 1945 г. Германия), г. Барут (60км от Берлина), Берлин (конец апреля по 2 мая 1945 г.), в Пражской операции г. Мейсен, г. Дрезден (6 мая 1945 г.), г. Теплице-Шанов (7 мая 1945 г. Чехословакия), г. Прага (9 мая 1945 г.).

Военные действия закончил 13 мая 1945 г. в г. Мельник (12 мая 1945 г. Чехословакия) в составе 6-го Гв.ТК 3-ей Гв.ТА в должности военного переводчика разведотдела штаба корпуса в звании гвардии Младшего лейтенанта. Разведотделом руководил гвардии полковник Кривицкий. Корпусом командовал гвардии генерал-майор Митрофанов.

По окончании войны продолжал служить в прежнем корпусе в своей должности в звании гвардии лейтенанта (Приказ №0110 3 Гв.ТА от 16.06.45 г.) до декабря 1946 г. С декабря 1946 г. по январь 1952 г. служил в должности референта РП-2 в звании старшего лейтенанта (Приказ №0897 Группы Советских войск в Германии от 16.04.49 г.), с января 1952 г. по декабрь 1952 г. являлся слушателем отделения Высших академических курсов офицеров разведки при ГРУ ГШ СА. С декабря 1952 г. по май 1955 г. – офицер РП-2, капитан (Приказ №0105 НГШСА от 20.02.53 г.).

Демобилизован 31.12.60 г. по Указу ВС СССР о сокращении СА на 1млн.200тыс. человек в г. Анадырь (Чукотка). Оттуда отбыл 3 января 1961 г. в г. Йошкар-Ола Марийской АССР, прибыл 15 января 1961 г. Военкомат предложил мне должность директора магазина или ресторана, а также годич-

ные курсы управляющего совхоза. Я отказался и в сентябре 1961 г. поступил в Московский государственный педагогический институт им. Мориса Тореза на переводческий факультет, который окончил в июне 1966 г. по квалификации переводчика-референта по немецкому и английскому языку.

Ходил четыре раза в разведку в составе разведгруппы 3 гв. Отдельного мотоциклетного батальона 6-ой гв. ТК, который подчинялся разведотделу штаба 6-го гв. ТК.

Первая моя разведка была неудачной. Войдя в тыл к немцам, ночью по лесу мы сбились с маршрута, отказали компасы из-за сильного дождя. К концу ночи мы наткнулись на немецкий танк, сидевшие в нем танкисты, испугавшись, начали стрелять из пушки. На стрельбу ответили наши войска, на звук наших, мы, угрюмые, вернулись в свой корпус, ожидая неприятного разговора. Но вместо неприятности, командование приняло с радостью наше досрочное возвращение, так как корпус днем перебрасывали на новое направление далеко от данного места, и мы могли бы вернуться из разведки в неизвестную часть и подвергнуться длительной проверке в органах «Смерш», поскольку никаких документов при нас не было, а я был переодет в немецкую форму.

Моя третья разведка проходила под командованием гвардии полковника Кривицкого, которая коротко описана в документальной повести Якова Липковича «Форма на мне сейчас немецкая» по рассказам полковника Г. И. Кривицкого. Последний не назвал фамилии переводчиков в разведгруппе, хотя я был там. Повесть была опубликована в журнале «Аврора» №2 в 1985 г. Эпизод моего участия описан на стр. 60-61. Там во время схватки с немцами я использовал гранату и пистолет при отходе разведгруппы от соприкосновения с немецким дозором, охранявшим заминированные завалы дороги.

Четвертая разведка проходила по рудным горам в Чехословакии в районе Теплице-Шанов. Там наша разведгруппа освободили несколько сот советских пленных, которых немецкая охрана вела с работы на складах в лагерь на ночлег. Военнопленные не сразу поверили нам, что мы советские солдаты и офицеры, так как на нас были погоны, а освобожденные попали в плен, когда наши военные носили петлицы, а не погоны. Они приняли нас за власовцев. Один из освобожденных достал из своей обуви спрятанную медаль «За боевые за-

слуги», которой он был награжден до пленения.

По дороге от Теплице-Шанов до Праги нас с большой радостью встречали чехи, забрасывали цветами сирени. Не помню, в каком месте был освобожден концлагерь, находившийся недалеко от дороги нашего маршрута. Пленники, похожие на скелеты, просили еды. Мы отдали им все, что было у нас, но они голодом были доведены до такого состояния, что дрались за кусок хлеба, который кто-то получил от нас. Приходилось разнимать их и давать драчуну другой кусок.

В Праге нашим танкистам чехи перегораживали дорогу, приглашая к себе в гости, но танкисты спешили в центр, где шел бой с немцами. Водитель танка, высунувшись из люка, просил пропустить танк, но оказался в руках чехов и через минуту у него, не умывавшегося несколько дней из-за непрерывного марша, были чистые щеки от поцелуев чехов.

Награжден тремя орденами, 17 медалями и двумя знаками.

Ордена:

- Красной звезды №1280826 и Отечественной войны II степени № 574081, за разведку в период январь-май 1945 г.

- Отечественной войны II степени, в ознаменование 40-летия победы Советского народа в Великой отечественной войне, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14.3.85 г.

Медали:

- «За безупречную службу в вооруженных силах СССР II степени».

- «За победу над Германией в ВОВ 1941-45 гг.», вручал начштаба 6-го гвард. ТК гвардии полковник Лебедев.

- Серия юбилейных медалей за 20, 30, 40, 50 лет победы в ВОВ 1941-45 гг.

- Польская медаль «За независимость и свободу», вручил командир в/ч П.П. 70718 генерал-лейтенант Евстигнеев 21.12.49 г.

- Юбилейные медали 30, 40, 50, 60, 70 лет Советской Армии и Флота ВС СССР.

- Медаль Жукова Г. К.

- «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина»

- Медалью «Эрнст Мориц Арндт» награжден правительством ГДР в 1969 г. за укрепление дружбы с народом Германии.

Знаки:

- знак за 25 лет Победы в Великой Отечественной Войне,
- знак «Фронтовик» в честь 55-летия Победы в Великой Отечественной Войне.

Все медали вручались в военкоматах по месту работы или проживания.

Принимал участие в освобождении тех городов, которые указаны ранее при описании боевого пути в составе 6-й Гвардейского танкового корпуса 3-й Гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта.

Ранение в правое плечо не зафиксировал, поскольку в госпитале не находился. Осколок в легком был обнаружен при прохождении ежегодной диспансеризации офицеров осенью 1947 года.

В Великую Отечественную войну погиб двоюродный брат, солдат Евгений Федорович Капленков (1923 г.р.) летом 1943 года. Точную дату и место гибели не помню. Второй двоюродный брат, солдат Юрий Васильевич Бесчеревных (1923 г.р.) после второго ранения вернулся инвалидом в 1944 г. домой и в 1957 г. умер дома от ран.

Летом 1946 г вернулся с фронта мой отец, Тромлаков Павел Алексеевич, солдат. Он награжден медалью «За боевые заслуги», «За победу над Германией в ВОВ 1941-45 гг.».

Собственных публикаций не имею. Небольшой эпизод о моем участии в разведке указан в повести Якова Липковича «Форма на мне сейчас немецкая», журнал «Аврора» №2 в 1985 г. на стр. 60-61.

Ноябрь 2002 года

Уланов Рем Иванович

Путь миномётчика

Я родился в 1924 году в г. Москве. Состою в Коммунистической партии Российской Федерации. По вероисповеданию - атеист, но был крещен. После окончания 10-летней школы, получил повестку из военкомата и отправился на фронт, летом в августе 1942 года. Узнал о войне в разгар летних каникул, в 4 часа утра, 1941 года в городе Москве. Бомбили город Киев. Нам, жителям, объявили, что началась война. Воинского звания на тот момент не имел. После призыва на фронт я попал в 20-й запасной артиллерийский полк, в минометный дивизион, в батарею тяжелых 120-мм полковых минометов. Располагался полк на окраине верхней части города на Арзамасском шоссе.

После ускоренных 3-х месячных курсов мне дали специальность минометчик 120-мм полкового минометного, и зачислили в 81 минометный полк, располагавшийся тогда в городе Горький, в августе 1942 года. Командиром взвода у нас был лейтенант Заичковский, был еще старшина Кононов и сержант Никишин. Командиром батальона был тогда капитан Скоба.

Воевал с1942 по 1945 года. Летом 1942 года командование германской армией, попыталось взять реванш за проваленную операцию «Блицкриг». Немцы тогда захватили Харьков, Донбасс, Ростов-на-Дону и на северном Кавказе вышли в Дарья-

ловское ущелье. Но главная операция планировалась по городу Сталинграду. Параллельно с этим немцы бомбили Москву и крупнейший город Поволжья, город-гигант Горький. Наш эшелон, как и другие, был подан на Армаданский вокзал. Вглядываясь в лица, я заметил, что всем защитникам Родины не было и 20 лет, но это была её гордость и спасение. Посередине подъема, на середине проезжей части стоял черный лимузин ЗиЛ-101. Вглядываясь в приоткрытое окно, можно было заметить человека в сером костюме и дорогих желтых ботинках. Черный галстук-бабочка на шее. Пройдя несколько шагов, я понял: это был тот самый человек, автор «Гиперболоида инженера Гарина». Это был Толстой Алексей Николаевич.

Шесть человек нашего учебного взвода были назначены ездовыми на тягу к 120-мм полковым минометам, в их числе был и я. Раз в месяц проводились полковые выездки на своих кобылах, с целью осмотра ветеринарными врачами. После месяца занятий, наш расчет научился настолько слажено ставить, перемещать и выполнять команды, что стал образцовым в батарее. Каждому из нас было присвоено звание ефрейтора. Наградой нам были билеты на оперу «Риголетто», в которой, поочередно, в первом и втором действии заснули мои ребята. В конце концов, и я не утерпел и уснул в третьем действии. Так пролетели мои три месяца обучения.

20 ноября 1942 года, после объявления победы под Сталинградом и окружения трехсоттысячной армии Паулюса, в казарме царили радость и всеобщее возбуждение. В Гороховецких лагерях при формировании нашего 81 артиллерийского полка конную тягу заменили на автомобильную. Впереди нашей батареи было танкоопасное открытое направление. Атаку 8 немецких танков отбили ПТРовцы из пехоты и артиллеристы из 85-мм пушек. Было подбито 3 танка Т-3, остальным пришлось отступить.

Участвовал в Висло-Одерской операции с августа 1944 по январь 1945 годов, брал Сандельмейский плацдарм в январе 1945. В январе 1943 года получил ранение осколком немецкого снаряда по затылку.

18 марта 1943 года после выписки из госпиталя был отправлен на курсы офицеров бронетанкового училища в город Казань. После обучения получил звание младшего лейтенанта и был отправлен на фронт в составе уже бронетанковых войск

в качестве командира батареи самоходных установок и прошел с ними до конца войны.

В составе бронетанковых войск служил я на самоходной установке Су-76, впоследствии заменённой на Су-77 со сдвинутым стволом орудия. Закончил воевать в июне 1945 года в Германии.

После окончания войны служил в Кубинке на испытательном полигоне НИИ танкостроения.

Демобилизовался в августе 1950 года по собственному желанию

Имею награды.

Медаль «За отвагу» - вручена в 1942 году начальником штаба полка.

Орден Красной Звезды - вручен в 1945 году за операцию на реке Висла генералом армии.

Орден Отечественной войны I степени.

Орден Отечественной войны II степени.

В годы войны погибли три родных брата, все были участниками Великой Отечественной войны.

Двое двоюродных братьев являются ветеранами Великой Отечественной войны.

Писал статьи для ряда журналов, в их числе «Техника и вооружение», «Танки».

Декабрь 2003г

*В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Ситников Виталий Юрьевич,** студент Московского государственного строительного университета (МГСУ)*

Уткин Борис Павлович

Дивизион «Катюш» в Корсунь - Шевченковской операции

Родился 23 февраля 1923 г. в селе Петровское, Раменского района, Московской области. В июне 1941 г. окончил среднюю школу и поступил добровольно (17 июня 1941 г.) в Первое Московское Краснознаменное Артиллерийское училище им. Л.Б. Красина (после парада 7.11.1941г. - Первое Гвардейское минометно-артиллерийское училище). 17 апреля 1942 г. присвоено звание лейтенант. Участвовал в Московской битве. С 15 июля 1942 г. на Воронежском фронте. С тех пор воевал в составе 390 отдельного гвардейского минометного дивизиона в должностях командира взвода (1942 г.), командира батареи, начальника штаба (1943 г.), командира дивизиона (1944-1945 гг.). Участвовал в Сталинградской, Курской битвах, в битве за Днепр, Кировоградской, Корсунь-Шевченковской, Уманьско-Ботошанской, Ясско-Кишиневской, Карпатской, Дебреценской, Будапештской и Венской операциях. Дивизион поддерживал боевые действия 7 гвардейской, 40 армий, 5 гвардейской танковой армии, 6 гвардейского кавалерийского корпуса на Воронежском, Сталинградском, Степном, 2-м Украинском фронтах.

После войны на командно-политической работе в тактическом, оперативном и стратегическом звене управления. На-

гражден орденами: Ленина, Красного Знамени (дважды), Отечественной войны I степени, Красной Звезды (трижды), За службу Родине в вооруженных Силах III степени, медалями, а также иностранными орденами Тудора Владимилеску, Крест Грюнвальда, За заслуги (ГДР), За боевую службу (РССР).

В феврале 1944 г. мне было присвоено воинское звание капитан, и я был назначен командиром 390 отдельного гвардейского минометного дивизиона («Катюш»), по нынешней терминологии – полевой реактивной артиллерии (реактивных систем залпового огня). Поскольку с июля 1942 г. в этом дивизионе я служил на должностях командира взвода, батареи, начальника штаба дивизиона, вступление в новую должность, освоение более сложных и ответственных обязанностей значительно облегчалось. Начальник штаба – первый заместитель командира. Вся его служба связана с подготовкой замыслов и решений командира, а после его приказа практическое выполнение и контроль. Я благодарен своему командиру - майору Алексею Никитичу Корнееву (он убыл на учебу в Москву) за то, что он мне доверял во всем, особенно в подготовке и ведении огня.

За плечами были Сталинградская и Курская битвы, Харьковская и Кировоградская операции, форсирование Днепра. Однако становление в должности командира дивизиона совпало по времени с одной из блистательных операций Красной Армии – Корсунь-Шевченковской, отличавшейся большими трудностями. К тому же дивизионом предстояло управлять в ходе боевых действий 5-й гвардейской танковой армии, что представляло особую сложность. Зимой 1942-1943 гг. дивизион поддерживал 3-ю танковую армию в Средне-Донской операции, в боях за Кантимировку, Валуйки. Но моя должность тогда не представляла возможности освоить особенности поддержки боя танковых частей. Главное в них было очевидно – маневренность. Теперь мне пришлось в полном объеме освоить взаимодействие с танками, обеспечить огнем и маневром дивизиона эффективные действия танковых корпусов и бригад 5 гвардейской танковой армии. Об этом опыте мне представляется полезным рассказать более подробно. Из многих вопросов, взаимодействуя, освещается только один вопрос - управление в бою из орудий радийного танка.

В результате битвы за Днепр 1, 2 и 3 Украинские фронты к середине января 1944 г. продвинулись от Днепра на запад на 50-100 км и продолжали боевые действия по освобождению правобережной Украины. Однако в среднем течении Днепра в районе Канева гитлеровцам удалось удержаться. В результате сложившейся на фронте обстановки на стыке 1 и 2 Украинских фронтов, образовался так называемый Корсунь-Шевченковский выступ. Немцы нависали над смежными флангами фронтов, сковывали свободу их маневра. Выступ мог быть использован в качестве плацдарма для авантюристических планов противника по восстановлению своего «Восточного вала» по западному берегу Днепра. В выступе были сосредоточены значительные силы немцев: соединения 1-й танковой и 8-й полевой армий в составе 1 пехотной, 2 танковых дивизий, моторизованные бригады и четыре дивизиона штурмовых орудий. В самом выступе противник не имел крупных резервов, однако за его пределами в резерве находились восемь танковых дивизий, которые могли быть использованы в боях за удержание выступа.

С целью ликвидации выступа 1 и 2 Украинские фронты провели в период с 22 января по17 февраля Корсунь-Шевченковскую стратегическую операцию. Для её проведения были сосредоточены крупные силы фронтов. Во втором Украинском Фронте главный удар наносили 4 гвардейская и 52 армия. 5 гвардейская танковая армия (гв ТА) (18, 20, 29 танковые корпуса, имевшие 218 танков и 18 самоходных артиллерийских орудий) вводилась в прорыв в полосе 53 армии. 5 и 7 гвардейские армии наносили вспомогательные удары с целью воспрещения маневра противника для ослабления нашей ударной группировки.

С марта 1943 г. наш дивизион поддерживал боевые действия 7 гвардейской армии. Мы тесно взаимодействовали с 72,73,81 гвардейскими дивизиями 25 гвардейского стрелкового корпуса.

После Кировоградской операции 7 гв. армия получила задачу обеспечить левый фланг 2 Украинского фронта. Наш 97-й гвардейский минометный полк (гмп) передавался в распоряжение командующего 4 гв. армии, которая получила активную задачу – вместе с 52 и 27 армиями ликвидировать котел окруженных войск и обеспечить удержание внутреннего фронта

окружения. Наш 390 отдельный гвардейский минометный дивизион (огмд) получил особую задачу – поддерживать боевые действия 5 гв. ТА, которая срочно выдвигалась в район юго-западнее котла окружения для создания и удержания внешнего фронта окружения и отражения попыток деблокирования окруженных войск.

390 огмд – небольшая по численности часть. В нем в 1944 году насчитывалось около 250 человек, в том числе 25 офицеров. На вооружении трех огневых батарей находилось двенадцать установок залпового огня БМ – 13. Каждая боевая машина имела восемь направляющих и заряжалась шестнадцатью реактивными снарядами улучшенной кучности (М-13 ук). За 7-10 секунд дивизион мог произвести залп и поразить 192 снарядами цели на площади 15-20 гектаров с плотностью действительного поражения 8-9 снарядов на 1га. Транспорт дивизиона (кроме залпа на боевых машинах) был способен поднять до 5 залпов снарядов, 2-3 заправки топлива, 10 суточных дач продовольствия. Пусковые установки были смонтированы на машинах «Студебеккер», транспорт – трофейные трехосные автомобили «Опель-Блитц». Маневренные возможности дивизиона – обеспечивали совершение маршей с большими скоростями и на большие расстояния. Автономность дивизиона позволяла вести боевые действия длительное время.

Штаб 5 гвардейской ТА находился севернее Кировограда в поселке Красноселье. Командующий армией генерал П.А. Ротмистров, выслушав мой доклад, немедленно направил меня к командиру 20 такового корпуса генералу А.Г. Лазареву. Затем стремительная 100 километровая ночная перегруппировка. А утром ожесточенный бой. Дивизион шел по окольным дорогам в полосе корпуса в направлении Колмаковка - Красноселье - Шпола - Звенигородка. Связь не прерывалась, но во время марша огня я не вел.

На рассвете 24 января после нескольких огневых налетов – внезапная атака передовых батальонов 4 и 52 армий. Во второй половине дня в сражении были введены 18 и 20 тк 5 гв. ТА. Пришло наше время. К исходу дня глубина продвижения составила в 20 тк 18 -20 км. Дивизион произвел два залпа батареями. Но противник вел непрерывные контратаки. 18,20,29 танковые корпуса непрерывно маневрировали. Центральное положение 20 тк позволяло из радиопереговоров черпать опе-

ративную ориентировку. 28 января корпус овладел Звенигородкой. Во время боя я был в танке командира передовой бригады корпуса – 155 тбр (командир И.И. Прошин). Из 1 Украинского фронта в тот же день вошла в Звенигородку 233 тбр. 5 ТА вместе с частями 27А образовала надежный внешний фронт окружения и отбила все атаки 3 тк противника, стремившегося пробиться на Лисянку – ближайший пункт на пути к котлу окружения. Командующий армией вынужден был рокировать 20 тк в сторону Лисянки для надежного прикрытия котла. Естественно, я в радийном танке все это время анализировал обстановку и вел огонь. Все атаки противника были отбиты. Окруженная группировка 17 февраля была окончательна разгромлена.

... Участники операции никогда не забудут ночи с 16 на 17 и с 17 на 18 февраля. Мела метель, было темно и холодно. Дивизион стоял на прямой наводке севернее деревни Почапинцы. Немцы из котла пошли на прорыв, навстречу им на выручку шла танковая дивизия. Двигалась плотная масса – люди, танки, машины, лошади. Обреченные, они не имели шанса пробиться, соединиться. Огонь нашей артиллерии, танков в полном смысле слова сметал колонны немцев с лица земли. Казаки с шашками наголо довершали разгром. Наступивший рассвет позволил увидеть подлинное поле боя. Все, что двигалось, бесформенными грудами осталось лежать там, где бушевал огненный смерч артиллерии и танков.

Дивизион – небольшая часть, но у него, как в любом воинском организме, организуется управление, наличествуют все для этого необходимое: командир, штаб, связь, органы обучения и воспитания. Дивизион эшелонирует боевой порядок. В соответствии с этим развертываются пункты управления: командный, наблюдательный, временный, подвижный, а для особых видов стрельб – пункт сопряженного наблюдения дивизиона (система нескольких пунктов). Личный состав подразделений управления располагается на пунктах управления с таким расчетом, чтобы эффективно выполнить свои задачи, быть в готовности дублировать работу другого пункта или даже взять управление на себя. Главное условие боевой готовности системы управления – способность в любое время, в любых условиях открывать огонь по врагу или выполнить другую задачу. Мы свято верили в это правило.

При занятии боевого порядка, при перемещениях в ходе боя, на маршрутах, в любых случаях, связанных с ведением боевых действий, командир дивизиона с постоянной группой управления, сложившейся в процессе боев, передвигался на двух вездеходах (трофейные). В первой машине – командир дивизиона с ординарцем, начальник разведки с двумя разведчиками и буссолью, артиллерийские вычислители с прибором управления огнем, два радиста с радиостанцией РБ. Во второй машине – командир подручной батареи, командир отделения разведки с двумя разведчиками (буссоль), начальник связи с двумя радистами и отделением телефонистов (3 человека). Как видно, в благоприятных условиях такой состав командирского разъезда обеспечивал подготовку и ведение огня или с пункта управления или с любой точки марша. Имелась возможность развернуть сопряженное наблюдение дивизиона (на короткой базе). При этом варианте командир подручной батареи в любой момент мог заменить вышедшего из строя командира дивизиона. Если же выезд совершался на одной машине, огнем в особых случаях мог управлять начальник разведки дивизиона.

Старшим на огневых позициях (если дивизион располагался на общей для всех батарей позиции) был начальник штаба. В случае необходимости его обязан был заменить командир одной из батарей (как правило, второй). Начальник штаба дивизиона имел возможность открывать огонь по решению командира, а также по команде из штаба полка (сообщались координаты). Но он обязан был принять все меры для доклада командиру дивизиона о полученной задаче. Помню, такой случай был всего один раз в Румынии. После моего доклада командир полка отменил свое решение: оно не позволяло обеспечить безопасности своих войск.

Из многих примененных мною в годы войны способов руководства боевыми действиями дивизиона, пожалуй, наиболее трудным было осуществление управления огнем дивизиона из радийного танка. И это, не смотря на неоднократные тренировки и боевое обеспечение действий танковых соединений, начиная со Среднедонской операции. Смысл управления из радийного танка состоит в том, что командир дивизиона находится в составе экипажа танка и лишен какой - либо поддержки со стороны своих подчиненных – разведки, связи, вычислителей. Командир дивизиона в движущемся танке (как правило,

командирском) вместе с командиром бригады или батальона ведет наблюдение, определяет цель, готовит данные и управляет огнем. Связь – неустойчивая, сопряжение радиостанций Р-125 и РБ – конструктивно не проработано. Передача команд затруднена, требует неоднократного повторения и подтверждения. Но для достижения эффективности управления это единственная возможность, потому что никаких других средств передвижения в этих условиях нет – полнейшее бездорожье.

Для меня бои в районе котла окружения в составе танкового корпуса имели особо важное значение: танки ведут боевые действия, непрерывно маневрируя, меняя направления движения, меняя формы боя – наступление, оборона, огневой удар, марш. Надежное артиллерийское обеспечение, немедленный, внезапный и точный огонь может дать только гвардейский минометный дивизион. При одном условии: самая простая форма взаимодействия – командир-танкист и командир-артиллерист рядом, в одном месте, в одном танке. Танкисты пошли мне навстречу: разрешили разместить на тягаче двоих моих радистов и начальника разведки. Это было весьма целесообразно: связь стала безупречной, начальник разведки Ш. Шакиров помогал ориентироваться в сложной обстановке держал связь с полком.

Боевые маневренные возможности дивизиона в Корсунь-Шевченковской операции значительно затруднялись климатическими условиями. Внезапно наступившая оттепель, ежедневные дожди, мокрый снег, распутица, колебания температур воздуха от -5 до +5 градусов создавали неимоверные трудности. Стояли машины, танки. Боеприпасы войскам везли на лошадях, несли на себе не только солдаты, но и местные жители. Всю войну погода не радовала воинов, но под Корсунь-Шевченковским она была особенно неблагоприятной, но задачи были выполнены!

Мы старались использовать любую возможность для того, чтобы не отстать от танков. Помню, в районе Городище дивизион перемещался по железнодорожной насыпи. Немцы, отступая, сцепкой из нескольких паровозов с огромным плугом-клином на буксире буквально согнули рельсы в бесформенные спирали, разрушили шпалы, оставили на дороге глубокие борозды-канавы. Но для нас и это было находкой, машины мед-

ленно, но продвигались. Иногда впереди шли танки, они гусеницами уплотняли грунт.

С начала Великой Отечественной войны после Сталинградской битвы Корсунь-Шевчековская операция была второй операцией на окружение. В последующем враг еще не раз испытал на себе эту формулу ратного искусства. В результате успешного завершения операции противник был окончательно отброшен от Днепра. Верховное Главное Командование Красной Армии высоко оценило итоги операции. 18 февраля 1944 г. Москва от имени Родины салютовала войскам 2-го Украинского фронта двадцатью залпами из двухсот двадцати четырех артиллерийских орудий. И.С. Коневу было присвоено звание Маршала Советского Союза, П.А. Ротмистров стал маршалом бронетанковых войск.

Нахождение непосредственно в боевых порядках танковых частей на всю жизнь сохранило во мне чувство глубочайшего восхищения подвижническим (рождающим подвиг) ратным трудом танкистов. Это в кино и книгах горят танки. В бою горят люди в танках. Часто им никто не может помочь. Именно они отдают жизнь во славу Отечества.

Февраль 2005 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Науменко Антон Андреевич****, студент 3-го курса, Профессионального училища № 5, города Москвы*

Фомин Сергей Петрович

Поступок моей матери иначе как подвигом назвать не могу

Родился 2 января 1924 года, деревня Писляковщина, Максимовского сельского совета, Хиславичского района, Смоленской области. Русский. Православный. Член КПСС (Коммунистическая Партия Советского Союза) с 1961 года.

До войны в мае 1941 года окончил 7 классов Жанвильской неполной средней школы Хиславичского района Смоленской области.

О начале войны узнал 22 июня 1941 года. День был воскресный. Я и мои товарищи пошли на базар в г. Мстиславль Могилевской области полакомиться мороженым и лимонадом. Жил я тогда в поселке Бахаревка. Отец работал секретарем партийной организации на фосфоритном предприятии. Весть о начавшейся войне застала нас в пути. До Мстиславля мы, конечно же, не дошли, вернулись назад. Очень переживали мы, вчерашние школьники, что война к вечеру закончится без нас. Отца на второй день войны призвали в армию, а я с матерью переехал в деревню Писляковщина к своим родным. Вскоре Хиславичский район был оккупирован фашистами. С октября 1942 года по октябрь 1943 года был связан с партизанским отрядом «Смоленцы» под командованием Мятлева. Справка,

удостоверяющая подпись Мятлева, выдана Хиславичским райисполкомом 04.12.1947 года.

После освобождения Смоленской области 6 октября 1943 года был призван Хиславичским РВК (Районный военный комиссариат) и отправлен в 18 запасной полк (полк располагался в деревне Сапрыновичи, 3 километра от города Мстиславля Могилевской области) там и принял воинскую присягу. В декабре 1943 года направлен в 329 стрелковый полк в воинском звании рядовой, на должность ручной пулеметчик (пулемет РПД - ручной пулемет Дегтярева) первым номером.

Боевой путь проходил через: деревня Курганья Могилевской области (декабрь 1943 года – февраль 1944 года). Город Минск (июль 1944 года). Ружанский плацдарм (сентябрь 1944 года – январь 1945 года). Город Артельсбург (23 января 1945 года). Город Кенигсберг (февраль, март 1945 года). Город Франкфурт-на-Одере (апрель 1945 года). Город Берлин (21 апреля 1945 года). Город Бург (4 мая 1945 года). Западный берег р. Эльба, северо-западнее от города Бург (7 мая 1945 года)

Освобождал:

г. Минск Операция «Багратион». 03 июля 1944 года. В составе 1-го Белорусского фронта под командованием генерала К.К.Рокоссовского, 199 дивизии 617 стрелкового полка.

г. Артельсбург. Восточно-Прусская операция 14 января 1945 года в составе 2-го Белорусского фронта под командованием маршала К.К. Рокоссовского 129 Орловской дивизии 518 стрелкового полка под командованием полковника К. Самойленко.

г. Кенигсберг. Восточно-Прусская операция ликвидация Кенигсбергской группировки 10 февраля 1945 года в составе 3-го Белорусского фронта под командованием генерала армии Черняховского И.Д. (погиб 18 февраля) с 21 февраля под командованием маршала А.М. Василевского, 129 Орловской дивизии, 518 стрелкового полка под командованием полковника Самойленко.

г. Берлин. Берлинская операция 16 апреля – 8 мая 1945 года. В составе 1-го Белорусского фронта под командованием маршала Г.К. Жукова, 129 Орловской дивизии, 518 стрелкового полка под командованием полковника Самойленко.

г. Бург. Завершение Берлинской операции. 4 мая 1945 г. В составе 1-го Белорусского фронта под командованием марша-

ла Г.К. Жукова, 129 Орловской дивизии, 518 стрелкового полка под командованием полковника Самойленко.

Военные боевые действия закончил 7 мая 1945 года северо-западнее г. Бург западный берег реки Эльба. На должности командира расчета 82 мм миномета. В звании старший сержант 518 стрелкового полка под командованием полковника Самойленко 129-й Орловской ордена Кутузова II степени дивизии 3-й армии 1-го Белорусского фронта.

Был ранен 10 февраля 1944 года: тяжелое ранение перебита берцовая кость правой голени. Находился на излечении в г. Подольск, в эвакуационном госпитале №2661 по май 1944 года, вернулся в воинскую часть 617 стрелковый полк 199 дивизии.

Был ранен 26 июля 1944 года: легкое ранение левой голени. Находился на излечении в госпитале г. Рославль п/п (полевая почта) 40309 по 22 августа 1944 года. Вернулся в 518 с.п. 129 Орловской дивизии.

Возвращался с войны через: станция Жабинка (июнь 1945). Город Полоцк (июнь 1945). Город Белогард (декабрь 1945).

Демобилизовался: северная группа войск город Белогард 15 марта 1947 года по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 04.02.1947 года запись в солдатской книжке за подписью начальника штаба полка Романова. Прибыл в деревню Писляковщина Смоленской области в марте 1947 года. В 1948 году с родителями переехал на станцию Понятовка.

Награжден:

Временные удостоверения к наградам заменены на «Орденскую книжку» Б №510406 7 августа 1948 года за подписью секретаря президиума Верховного Совета СССР Горкина.

Медаль «За Отвагу» № 1791386. Я входил в состав группы обеспечения подразделения разведчиков. Задача ставилась такая: при обнаружении нашей разведгруппы фашистами вступить в бой и отвлечь на себя огонь противника, задача была выполнена.

Медаль «За Отвагу» № 2570683.

Медаль «За Отвагу» № 3019266.

Орден Красной Звезды № 1916239.

Во время операции по освобождению Восточной Пруссии в составе 3-го Белорусского фронта наш 518 стрелковый полк

прижал фашистов к Балтийскому морю. Сопротивление с их стороны сравнимо с агонией раненого, затравленного зверя. Шла ликвидация этих «недобитков». Было это, пожалуй, в марте 1945 года. Наш взвод в предрассветной мгле натолкнулся на прорыв дивизии гитлеровцев «SS Мертвая голова». Завязался бой, командир взвода был убит, заместитель командира взвода был ранен. Дал красную ракету и вызвал огонь на себя. Наш тыл прикрывали артиллеристы. Они перевели орудия на прямую наводку. Нам осталось только вжаться в землю и попытаться выжить в этом море огня и металла. После боестолкновения из взвода нас осталось живых 15 человек, половина.

Орден мне вручил командир 518 с.п. полковник Самойленко. Имею благодарность от Верховного главнокомандующего И.В. Сталина за взятие г. Альтерсбурга.

Медаль «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», медаль «За взятие Берлина», медаль «За взятие Кенигсберга», орден Отечественной войны I степени, № 1556118, медаль «20 лет победы в Великой Отечественной войне 1941- 1945 гг.», медаль «50 лет Вооруженных сил СССР», знак «25 лет Победы в Великой Отечественной войне», медаль «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», медаль «30 лет Победы в Великой Отечественной войне, медаль «60 лет Вооруженных сил СССР», орден «Трудового Красного Знамени»№ 1213697, медаль «40 лет Победы в Великой Отечественной войне», медаль «70 лет Вооруженных сил СССР», медаль «50 лет Победы в Великой Отечественной войне», медаль «Жукова».

Присвоено звание «Почетный гражданин г. Десногорска». Удостоверение № 6.

Остались живы: Мать – Фомина Евдокия Владимировна и отец Фомин Петр Давыдович 1896 г.р. Ушел на войну 23.06.1941 года. Всю войну провоевал на бронепоезде. Демобилизовался в 1945 году в звании старшины.

Публикации о ветеране:

Составитель сборника Р.П. Волочкова. Сергей Петрович Фомин к 80-летию со дня рождения. Десногорск календарь знаменательных и памятных дат. «Годы», Смоленск, 2004, Стр. 87-88.

Подборка. Почетные граждане Десногорска. Газета

«Авось-ка» №36(47). 19 сентября 1992 г. Стр. 3.

Г.Правдин. Газета «Авось-ка». №18(373). 11 мая 1999 г. Страница. Фотография на первой странице (С.П. Фомин несет знамя). Газета «Авось-ка». №19(425). 11 мая 2000 г.

Старший сержант ее величества Пехоты.

Много лет минуло со времени той страшной ВОЙНЫ. Войны, которую историки потом назовут Великой Отечественной по аналогии с войной 1812 года. Я не могу сейчас подробно и в деталях, с поминутной точностью вспомнить ту жестокую войну, все то, что принесло столько горя и страданий нашему народу, весь тот ужас, который нам всем пришлось пережить, но что-то я, Фомин Сергей Петрович, - гвардии старший сержант ее величества Пехоты постараюсь рассказать в своих воспоминаниях.

Войну начал пулеметчиком в 329 стрелковом полку ,занимали оборону в трех километрах от деревни Курганья на реке Проня (Белоруссия, Могилевская область), передний край фронта остановился здесь надолго, шли бои местного назначения. Жили мы в землянках, отопление у нас было «буржуйское». «Буржуйка» - самодельная печка, сделанная обычно из бочки. У нас была именно такая, прозвана так за неэкономичность. Пока топишь – тепло, перестал – замерзаешь. Мало того, что отопление было «буржуйское», оно еще было и «ночное», чтобы не демаскировать себя днем и не стать легкой добычей для противника. Испытывали недостаток в дровах. В воде недостатка не было. Всегда можно было натопить снег. В январе 1944 года откомандировали в распоряжение начальника штаба полка капитана Хлыстунова в Полковую школу на краткосрочные курсы младших командиров. По окончании этих курсов мне было присвоено воинское звание – старший сержант. И стал я командиром расчета станкового пулемета «максим» в укрепленном районе. Командир взвода был асом-пулеметчиком; из «максима» он виртуозно выбивал «чечетку», порой даже фашисты прекращали огонь, - слушали. Передний край нашей обороны или (как его по-простому называют) «передок» находилась в двухстах метрах от линии фронта, укрепрайон выдавался вперед еще на 50 метров и находился на небольшой возвышенности. Линия обороны левее от нас прерывалась болотом, и до наших соседей было метров 800. Не-

мецкие окопы находились на правом берегу реки и были в зоне визуального наблюдения. Постреливали и мы, и противник. Шла охота снайперов, и всегда приходилось быть начеку, работали разведчики противника. Зима была очень снежной. Нам оказывали помощь, так называемые «нестроевые формирования», то есть ребята, не достигшие 18-летнего возраста, и мужчины не годные к строевой службе в военное время. Они занимались чисткой окопов от снега, снабжением. В январе встретил своего земляка, Алексея, он был младше меня и поэтому не воевал на тот момент и через него передал привет своей матери. Накануне первого ранения 9 февраля 1944 года со своим подразделением находился во втором эшелоне. Это у нас назывался чайный день: баня, вечером были даже танцы и даже с девушками.

Утром 10 февраля, после завтрака, на нас натолкнулась немецкая разведка, возвращающаяся из нашего тыла. Завязался бой. Был ранен. Немцев-разведчиков уничтожили. Сергей Гибадуллин на волокуше дотащил меня до санчасти, там меня перевязали, положили в конверт, и на лошади вывезли в полевой госпиталь, находившийся в деревне Осиновка, где мне была сделана операция. Перед операцией мне показалось, что я вижу свою мать, потом впал в забытье. Очнулся после операции и наяву увидел свою мать. Она, получив мой устный привет, пешком пришла проведать своего единственного сына. Встреча была недолгой, но для меня очень приятной. Сейчас, по прошествии стольких лет, поступок моей матери иначе как подвигом назвать не могу. Пройти пешком сотню километров не только по освобожденной территории, но и по прифронтовой полосе, рискуя собственной жизнью. На это способно только сердце Матери.

Потом была дорога в г. Подольск (эвакуационный госпиталь №2661), лечение и возвращение назад на фронт. В свою часть попасть не удалось, приказ есть приказ. Служба моя продолжилась в 617 стрелковом полку 199 стрелковой дивизии на должности командира расчета 82-мм миномета. Достоинством этого вида оружия является простота устройства и относительно небольшая масса. Недостатком считается низкая точность стрельбы, но этот факт может быть оспорен. В умелых руках этот вид оружия может творить чудеса. Радиус поражения разрывающейся мины по залегшему противнику 16

метров, по противнику, идущему в атаку, радиус увеличивается до 30 метров. Кроме того, дальность регулируется дополнительными зарядами. Мне удавалось повесить в воздух одновременно 10-12 мин, это значит, что последняя мина (двенадцатая) только вылетает из ствола, а в это время первая достигает земли и взрывается. Получался заградительный огонь по неприятелю, идущему в атаку или контратакующему. Боекомплект на один расчет порядка 300 мин. В бою этого иногда и не хватало, приходилось экономить, стреляли и немецкими минами, калибр у них меньше нашего, приходилось приспосабливаться, меняя угол возвышения ствола. Техника надежная - одно слово миномет. Но был и такой случай. Во время одного из боев в Западной Белоруссии звонок по полевому телефону и соответственно приказ: экономить боеприпасы, в расположении противника замечена передислокация, приготовиться к отражению атаки. В суматохе одна из мин оказалась на боевом взводе, и, попав в ствол при заряжении, она взорвалась. Ранило командира роты, с тех пор боеприпасы мы больше не экономили.

Летом 1944 года Советским Вооруженным Силам предстояло решать сложные задачи. Цели дальнейшего ведения войны были определены в первомайском приказе Верховного главнокомандующего. Они состояли в том, чтобы очистить от фашистских захватчиков всю нашу землю, восстановить государственные границы Советского Союза по всей линии от Баренцева моря до Черного и вызволить народы Европы из фашистского рабства. В соответствии с этими целями начались планирование и подготовка наступления.

На переднем крае в это время шла позиционная война. Велась разведка боем, работали наши и фашистские разведчики, и у нас, минометчиков, шла подготовка к наступлению. Работали в режиме «кочующий миномет». Суть работы заключалась в следующем: занимаем позицию, делаем 2-3 выстрела и быстро меняем позицию на другую, чтобы не попасть под ответный огонь. Со следующей позиции 2-3 выстрела и бегом дальше. Нравилось мне работать в два «кочующих миномета» - это требовало особой слаженности и натренированности двух расчетов. Так и дразнили мы немцев; не выдерживали у них нервы, и они начинали по нам ответный огонь.

Конечно, крупнокалиберная артиллерия из их тыла по нам

не работала, а полевая артиллерия, минометчики, пулеметчики открывали по нам огонь. В это время наша артиллерийская разведка и арткорректировщики засекали эти цели в расположении противника и наносили на карты. Все готовилось к наступлению – к прорыву обороны противника.

И вот наступило 24 июня 1944 года. Мощная артподготовка, отработали и мы минометами. Саперы проделали проходы в минных полях и – вперед за Родину. Должен заметить, что наступление развивалось успешно: врезались мы в оборону фашистов как нож в масло. Здорово помогали партизаны в тылу противника; мы немцев в лоб, партизаны с тыла – и он в «клещах».

На фронте было в ходу такое выражение – «принадлежность к хозяйству» такого-то, что означало принадлежность к определенному командиру. После прорыва обороны противника пришлось мне догонять свое «хозяйство» на танке. Было это перед рекой Березиной. Из второго эшелона догоняли своих. Попутно шла колонна танков Т-34. Заскочили на броню. Едем. Все не пешком! Форсировали Березину, впереди бой. Был минометчик – стал пехотинец-десантник. С танка попрыгали – и вперед, в бой. Противника мы сбили с ходу; во время боя почувствовал все преимущества пехотинца за башней танка – совсем не страшно, потому что не слышно свиста пуль. Великое дело!

Так с боями и дошли до Минска, который предстал перед нами в развалинах.

Когда форсировали реку Неман, немец был в километре от переправы. Неман – река полноводная с быстрым течением. Переправа узкая. Поэтому переходили реку, взявшись за руки. Со стороны это было похоже на танец маленьких лебедей, только в балете их всего четыре, а нас целый полк. Со стороны посмотреть – не по уставу. А по-другому как?

Во время переправы у нас с повозки смыло плиту от миномета, а она весит 16 килограммом – вот это течение! Плита номерная. Что делать? И получилось почти как в фильме «Чапаев», только что не ныряли. В том месте было не так глубоко, нащупали, вытащили. Но самое интересное было потом, когда мы посмотрели на номер – плита оказалась не нашей. Выяснилось, что плиту смыло у наших соседей, а они позаимствовали нашу. Таким образом, получилось, что мы нашли то, чего не

теряли.

В пылу боев некогда было обращать внимание на природу. Но в Белоруссии она очень красива – это мы оценили в редкие минуты отдыха.

Прозвали меня в подразделении «Смыслов» за характер и любовь к юмору. У нас в подразделении был минометчик Усманов, родом из Узбекистана, годами гораздо старше нас. Медалей у него на груди было много, но к чужим наградам относился он как-то ревностно. Медали, они ведь как: ворвался первым в траншею, заметили – медаль, а не заметили – считай: остался жив – уже награда. Усманов любил задавать вопрос командиру полка: «Товарищ полковник, почему такой? Молодой, совсем ничего воюет – ему медаль, Усманову – нет?» Обычно следовал ответ: «Усманов, я тебе дам орден Богдана Хмельницкого». На войне без шутки тяжело, пришлось объяснять, что это очень тяжелый орден, весит 16 килограммов и к нему прилагается тачка, чтобы всегда и везде орден был при себе. Орден остался невостребованным.

Второй раз меня ранило в Западной Белоруссии в конце июля 1944 года. Шли в наступление (название населенного пункта за давностью не помню). Помню массивное добротное здание с кованой металлической оградой, возможно костел, за ним небольшая речушка, водная преграда по-военному, шириной несколько метров. Форсировали ее вброд. Выскочили на другой берег, наступаем дальше. Разрыв снаряда слева от меня, взрывной волной бросило на землю, пришел в себя, почувствовал, ранен в левую ногу, задело осколком. Отвоевался в другой раз и начал выбираться в тыл. Перебрался через речушку второй раз, но в обратном направлении. Потихоньку отползаю мимо здания к картофельному полю. На краю поля оперся на колышек, вбитый в землю, передохнул, чтобы восстановить силы лег в борозду и осмотрелся. Слева заметил, отступают наши. Когда присмотрелся – немцы заходят нам в тыл. Чтобы привлечь внимание к прорыву неприятеля, открыл огонь из автомата в их сторону. На мое счастье у меня за спиной метрах в 80 оказалось разведподразделение соседнего полка. Прорыв удалось ликвидировать. Фашисты были частью уничтожены, частью рассеяны. Потихоньку добрался к своим разведчикам. Старшим у них был полковник. Я доложил: «Старший сержант Фомин». Он тоже представился. Поблаго-

дарил, записал мою фамилию, номер части. Сказал, что будет писать на меня представление к медали «За боевые заслуги», но видно бумаги где-то затерялись или в суматохе боев не были оформлены. Но мы воевали не за медали и ордена, а за свободу нашей Родины!

Извлечение из положения о медали «За боевые заслуги»: «Награждаются военнослужащие, которые в борьбе с врагами Советского государства своими умелыми, инициативными и смелыми действиями, сопряженными с риском для их жизней, содействовали успеху боевых действий на фронте».

В этом же бою был ранен командир моего взвода. Нас вместе на лошади отвезли до станции Дубня, там же выдали паек и поездом отправили в госпиталь г. Рославля, полевая почта 40309 (Район города Рославля, где находился госпиталь и в наши дни называется Юргора), улица Пушкина, дом 110.

После излечения от второго ранения, я попадаю в 518 стрелковый полк знаменитой 129 Орловской дивизии. Это ей первой салютовала Москва в 1943 году за взятие города Орла. С тех пор ее называют дивизией первого салюта. Это про нее написана песня:

Рыбам – речка, хатам – печка,
Нам – поход.
До победы недалечко
Марш вперед!
Как орел, крылатая
Бурею прошла
Эх, сто двадцать девятая
Имени Орла!

И опять потекло время в позиционной обороне. Наш полк находился на Ружанском плацдарме за рекой Нарев севернее Варшавы. Это практически граница Восточной Пруссии – цитадели гитлеровского рейха. Началась подготовка к новому наступлению. Разведывали оборону противника, несли боевую службу. Так и пролетели четыре месяца; наступил новый 1945 год.

И вот утро 14 января. Погода стояла ненастная. Уже рассвело, но все было скрыто пеленой тумана и мокрого снега. Началась артиллерийская подготовка. Огонь был шквальный,

стоял неимоверный грохот. Наш «бог войны» (артиллерия) накрыл фашистов валом из огня и металла. Наступил и наш черед – снова началась боевая работа. Хорошо укрепленную оборону гитлеровцев прорывали тяжело. К середине дня 16 января наш 518 полк продвинулся в глубину обороны немцев не более чем на 7 километров. За эти два дня наступления мы отразили до 20 атак пехоты и танков противника, а может быть и больше – кто их считал. Контратаки гитлеровцев носили ожесточенный характер – противник все еще был силен. К этому дню погода улучшилась, начала работать штурмовая авиация, наше командование ввело в прорыв до трех танковых армий. При такой поддержке у нас, на переднем крае, дела стали продвигаться лучше. 20 января мы, наконец, перешли границу Восточной Пруссии.

23 января после ожесточенного боя мы штурмом овладели городом Артельсбург. За взятие этого города получил благодарность от Верховного главнокомандующего И.В.Сталина (в настоящий момент она находится в музее школы №1 города Десногорска).

Бои в Восточной Пруссии были кровопролитными, упорными, носили затяжной характер. Погода стояла ужасная: началась оттепель, снегопады сменились дождями, грунтовые дороги испортились, площадки аэродромов размокли. Все это требовало от нас огромного напряжения моральных и физических сил.

С боями пришел опыт. Продвигаемся вперед по дороге. Слева неподалеку 2-3 сарая. Из-за них-то и обстреляли нас фашисты из миномета: первую мину «положили» левее нас, вторую – правее. Но я же и сам минометчик, знаю, что третья будет точно по нам. Мы бегом покинули то место, и, само собой разумеется, в считанные секунды там раздался третий взрыв.

Или тот бой, за который получил орден «Красной Звезды». Счет тоже шел на секунды. Все произошло очень быстро: схватил ракетницу, переломил, увидел, что в стволе красная ракета, и нажал спуск. Не заметь нас в тот момент артиллеристы и не переведи они огонь на прямую наводку, положили бы они всех нас там, или почти всех. Самым страшным, пожалуй, в той ситуации было погибнуть от огня своих.

Несмотря на ожесточенное сопротивление противника, мы

продолжали движение вперед и 2 февраля овладели городом Гутентад, выйдя, таким образом, к заливу Фриш-Гаф и Хельсинбергскому укрепленному району.

В этом районе фашистами была создана мощная система укреплений, включавшая прочные железобетонные сооружения. Здесь находилось свыше 900 долговременных оборонительных сооружений. Все они прикрывались противотанковыми рвами, деревянными, металлическими и железобетонными надолбами.

Мы штурмовали один из 15 крепостных фортов Кенигсберга - пятый. Бои были жуткие: масса искореженного металла. Подбитые танки (и наши, и немецкие). Все это оставляло тяжелое впечатление. Артиллерия часто работала лишь на то, чтобы специальными снарядами поставить дымовую завесу и обеспечить коридоры продвижения саперам для минирования стен укреплений противника. Саперов погибло очень много.

Когда вышли к Балтийскому морю, было своеобразное крещение: все мы испили соленой морской воды. После этого нам вручили маленькие красные треугольнички, которые напоминали звездочки октябрят. В это же время мы отметили радостное событие – за образцовое выполнение боевых заданий во время прорыва вражеской обороны на Ружанском плацдарме наша 129-я Орловская дивизия была награждена орденом Кутузова II степени.

Кенигсберг был взят, и мне предстояло воевать в составе 1-го Белорусского фронта. Впереди был 550 километровый марш. Шли по ночам, отдыхали днями. Заняли мы позиции восточнее города Франкфурт-на-Одере. На марше все мы знали, что дорога на Родину ведет через Берлин. Интересная деталь врезалась мне в память. По началу встречали указатели: до Берлина столько-то километров, дальше пошли надписи с геббельсовской пропагандой, что Берлин никогда не сдастся. И по одной из таких надписей рукой нашего советского солдата была сделана резолюция. Текст не могу привести по соображениям этики, досталось и Гитлеру и фашистам не в одном колене, но концовка – «Берлин будет наш!». По ночам «бостоны» союзников бомбили франкфуртскую группировку противника.

Накануне наступления, мы были предупреждены – ни в коем случае не оглядываться назад. В начале пятого утра 16

апреля началась артиллерийская подготовка. Сплошной грохот и рев наших реактивных установок «катюш», сплошной вал огня, нестерпимый грохот разрывов взрывающихся снарядов, это был апогей войны, ее наивысшая точка. Чтобы не оглохнуть я разговаривал сам с собой. Артиллерия расчищала путь танкистам и нам – пехоте. И вдруг оглушительный грохот смолк также внезапно, как и возник. В эту же секунду вспыхнули сотни прожекторов, осветив позиции врага, стало ярко, как днем.

Тишину нарушили наши танки ревом своих моторов и жутким воем включенных сирен, следом за танками пошли и мы – пехота. С рассветом усилило удары по врагу наша бомбардировочная и штурмовая авиация, земля содрогалась от разрыва бомб и снарядов. Вся неделя от начала наступления пролетела как один миг. Остались позади группы искореженного железа, сотни подбитых танков и наших и вражеских.

И вот мы уже бьемся в пригороде Берлина. Заскочили в многоэтажный дом. Фашисты от нас на второй этаж и ведут плотный огонь. У кого-то под рукой оказалась ракетница. Секунды на размышление, нажат спуск и огненный шипящий и рикошетящий от препятствий шар мечется по второму этажу. Дальше команда «руки вверх», на немецком, и спускающиеся со второго этажа фрицы. В их глазах плохо скрываемый ужас. Бормотание не стреляйте, Гитлер капут, Гитлер капут.... Так ракетница показала себя незаменимым оружием ближнего боя, и мы старались ее себе добыть.

С боями мы продвигались к центру города и оказались чуть левее Рейхстага. 1 мая своими глазами в бинокль увидел наше Знамя Победы, развевающееся над его куполом.

2 мая в величественный день нашей победы в Берлине было пасмурно, и моросил мелкий, холодный дождь. После десятидневного грохота беспрерывных ожесточенных боев стало тихо. После обеда, часам к трем нас посадили в машины с вооружением и мы «пошли» на г. Бург. 4 мая 1945 г. мы с боями вышли на восточный берег Эльбы и овладели г. Бург. Здесь мы и встретились с передовыми частями 102 дивизии американцев. Так и я стал участником знаменитой встречи на Эльбе.

6 мая 1945 года в составе подразделения участвовал в ликвидации группировки между реками Эльба и Шпрее и соединяющих их каналов. Ночью с 6-го на 7-е мая форсировали

один из каналов, захваченные на канале баржи развернули по диагонали и закрепили, получились временные наплавные мосты. По нам, а особенно по нашим саперам, фашисты вели яростный огонь из всех видов стрелкового и артиллерийского оружия. Но вскоре огонь стал постепенно стихать, что навело на мысль – гитлеровцы бегут. Благополучно форсировав канал, продолжили наступление на западном берегу.

По договоренности с союзниками, во избежание случайного кровопролития наш отряд обменивался с американцами условными сигналами. Красная ракета от нас, зеленая – от них. И вот при подходе к берегу Эльбы в ночное небо взвились три красные ракеты, в ответ взлетело несколько зеленых ракет. На берегу нас ждала радостная весть – фашистская Германия капитулировала! В рассветной мгле было хорошо видно, как удирали за Эльбой остатки разбитых гитлеровских войск, они предпочли сдаться в плен нашим союзникам.

Вот и Победа, никогда не забуду того счастья, которое переполнило мою душу.

9 мая 1945 года солдаты 102 с.д. (стрелковой дивизии) США по случаю дня Победы встречались с солдатами 129-й дивизии в г. Бург. 10 мая 1945 года наша 129 Орловская стрелковая дивизия нанесла ответный визит американцам. В нашей группе было 256 человек. Выпала честь и мне участвовать в этом событии. Но была небольшая накладка. Прибыли мы к американцам вовремя, на машинах. И тут заминка, они нас ждут часом позже. Мы жили по разному времени; у нас московское, у них гринвичское. Все уладилось, сели за столы. Обслуживали нас официантки, наши же русские девчонки, оказавшиеся в зоне оккупации американских войск. Соколов (он до войны работал в городе Вязьма на железной дороге) нашел среди них знакомых еще по довоенной поре. Поднимали тосты: за нашу Победу, за Родину, за Сталина.

И снова был город Берлин. Большой концерт наших артистов на одной из площадей города. Из выступавших запомнилась певица Лидия Русланова и ансамбль песни и пляски под руководством Александрова.

Победное возвращение на Родину прошло в пешем строю, походной колонной через города и села Германии и Польши мы добрались до Белоруссии. Нас погрузили в вагоны на станции Жабинка, километрах в 60 к северо-западу от Бреста, и

отправили в город Полоцк. Жили в «зеленом» лагере в палатках, несли службу и ждали отправки на новую войну, войну с Японией. Там обошлось без нас, и третьего сентября 1945 года война закончилась.

22 декабря 1945 года был направлен для дальнейшего прохождения службы в Северную группу войск в Польшу. Служил в городе Белогард, стоящем на реке Парсента, недалеко от бухты Колобжег Балтийского моря. Должность моя была – командир расчета 82-мм миномета в первом батальоне 84 гвардейского механизированного полка. Так второй раз в своей жизни попал на Балтику и стал гвардейцем. Вскоре был направлен в 5-й танковый полк на курсы шоферов. В 1946 году в этот полк приезжал маршал К.К. Рокоссовский. 27 сентября 1946 года окончил курсы шоферов и был направлен в 1-й батальон 84 механизированного полка во взвод обеспечения на должность старшего бригадира взвода обеспечения.

На учении Северной группы войск в ноябре 1946 года вновь увидел маршала К.К. Рокоссовского.

Был уволен в запас 15 марта 1947 года. Убыл на родину, где и встретился со своими родными и близкими. Война для меня закончилась окончательно.

Вот уже почти 60 лет прошло с той поры, как закончилась та страшная война. В заключение своего рассказа о тех далеких днях хочу привести слова поэта Р. Рождественского:

Встречайте трепетную весну,
Люди Земли.
Убейте войну,
Прокляните войну,
Люди Земли!

Ноябрь 2004 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Шестериков Антон Викторович,*** *студент 3 курса факультета экономики и управления Смоленского филиала Московского энергетического института (СФ МЭИ)*

Хлынина Александра Петровна

У войны не женское лицо

«Ты пришла уверенно и просто
В круг солдатской жизни фронтовой,
Девушка в шинели не по росту,
Боевой товарищ дорогой»

1942 год. Горький.
Строевая песня 62-го
Отдельного запасного радиополка

Родилась 12 января 1922 года; по национальности русская. Атеистка.

Говорят, «у войны - не женское лицо». В годы Великой Отечественной войны почти миллион женщин взяли в руки оружие. Эти женщины стали солдатами. Ведь даже на войне женщина остается женщиной. Сердце ее сжимается от горя при виде ран и плачет кровавыми слезами, провожая в последний путь боевого друга или подругу. И чем глубже были кровавые рубцы на женском сердце, тем сильнее было желание вырвать победу из когтистых немецких лап.

Тяжело в учении - легко в бою

Красивая бабочка сложила крылышки и приземлилась на розовый цветок клевера. Методичное жужжание пчелы, стре-

котание кузнечика и отдаленные крики рабочих на поле сливались в единый гул. Зной дышал мне в лицо с самого утра. В этот жаркий июньский день я, распустив на каникулы сельских школьников, находилась в отпуске. Шел 1941 год. Июнь. Воскресенье. Всего лишь год назад я закончила Педучилище им. К.Д. Ушинского и теперь работала в Новопоселенной начальной двухкомплектной школе. Это была скромная маленькая сельская школа, где учили детей два педагога на четыре класса. В это воскресное утро всех неожиданно собрали в Сельсовете у председателя. В нашем деревне не было радио. Приемник стоял в кабинете у председателя и включался только по особым случаям. Я хорошо помню тот момент, когда нам сказали, что началась война. Тот день можно с уверенностью назвать самым страшным. Мы еще не знали, сколько боли и горя принесет нам война, но само это слово заставляло женщин плакать навзрыд, с причитаниями, как это водится в селах. Запомнилась картина: женщина плачет, убивается, рядом с ней трехлетний малыш держит ее за юбку. Маленький, удивленными глазенками, смотрит на опухшую от слез маму. Это были проводы на войну, а с войны не все возвращаются.

Для меня это было большое горе. В моей семье не было отца (он умер в 1938 году), а нас детей пятеро - четыре сестры и младший братик. Маме трудно было воспитывать одной всех нас. Мне кое-как удавалось отсылать деньги родным в село Малая Талинка (там я родилась), чтобы семья сводила концы с концами. В те годы я была комсомолкой, и известие о начале войны всколыхнуло в моей душе желание пойти на фронт защищать Родину.

1942 год. К этому времени в селе практически не стало мужчин (их мобилизовали на фронт), и вся трудовая жизнь деревни легла на плечи женщин, стариков и пятнадцатилетних подростков.

1942 год был очень тяжелый для нашей страны. Немцы почти дошли до Москвы. Наша армия задыхалась под натиском кожаных сапог немецких солдат. На Гитлера работала вся Европа. Предводитель фашистского логова объявил «Блиц Криг» (быструю войну). Он сказал, что возьмет Москву за полтора месяца. Седьмого ноября 1941 года на Красной площади был проведен парад военных, который начался в 8 утра. В полном вооружении русские солдаты сразу с парада отпра-

вились на фронт: надо отбросить неприятеля от стен столицы. ЦК комитет комсомола объявил массовый призыв женщин в Красную Армию. В это время открывается второй фронт. Советское командование объявило массовый призыв женщин в армейские ряды.

Апрель 1942 года. В Тамбове в это время формировался 733-ий Зенитно-артиллерийский полк ПВО (противовоздушной обороны) и полк Связи 60-ой армии ПВО. В августе 1942 года я получаю повестку. О боевых действиях на войне я имела смутное представление, но многое умела (перевязывать раненных, стрелять, хорошо плавала). Оказалось, что этих знаний не достаточно и меня отправили учиться на радистку в Горький в 62-ой отдельный запасной радиополк. И потекли 4 месяца тяжелейшего учения. Время было суровое и тревожное. Страна, напрягая все силы, вела кровопролитную войну. Мы это хорошо понимали и стойко переносили многочасовые занятия по изучению боевой техники, уставов, наставлений, строевую подготовку. Учились добросовестно и старательно, превозмогая усталость, свалившуюся на наши неокрепшие плечи.

В 6 утра наш девичий взвод поднимался, и целый час нам давался на зарядку. С 7-ми утра до 8-ми мы учили морзянку. В восемь утра строем шли завтракать. Затем с девяти и до обеда строевые занятия, вновь изучали морзянку, как починить радиостанцию. Обед был словно глоток воды для измученного жаждой человека. После принятия пищи мы с полчасика отдыхали и до 19:00 вновь занимались. Потом ужин и свободное время. За весь день не разрешалось присесть на кровать. Постель убиралась с утра, и до отбоя к ней никто не подходил. После ужина мы стирали воротнички, писали письма, читали газеты. В 22:00 сбор всего полка. Строились на площади перед училищем и с песнями и оркестром шли по городу - это у нас называлось вечерней прогулкой. Шли в любую погоду. После поверки давался сигнал отбоя. На кровати падали, как подкошенные. Девчонки проваливались в сон так, что я и не помню, чтобы среди ночи кто-то вставал. Звук вечернего горна, объявляющего отбой, был для нас самым желанным! Несмотря на то, что нас хорошо кормили, постоянно хотелось есть, а самое главное спать. Но человек привыкает ко всему - привыкли и мы. Новый год встретили в Горьком. Помнится мне, как жела-

ли девчонки друг другу здоровья, дарили открытки - чувствовали женские сердца скорую разлуку.

Пришли радисты - значит будет обстрел!

И вот в январе 1943 года я получаю направление на Волховский фронт (на реке Волхов под Ленинградом). Задача этого: вместе с Ленинградским фронтом снять блокаду под Ленинградом. Наш 80-й полк связи обслуживал штаб фронта в 10-15 км от передовой полосы. Мы жили в лесисто-болотистой местности в землянках, построенных над водой. В металлических бочках прорезали отверстие, и получалась печка. Мы сами пилили деревья, разжигали огонь и грелись.

Наш взвод работал на радиостанции «Север». Всего нас было 15 пар, работали подвое. Обслуживали радиостанцию мы круглые сутки, менялись каждые два часа. Используя азбуку Морзе, мы передавали и получали шифрованные сообщения. Я до сих пор не знаю, что именно я передавала, для меня это были сплошные цифры, которые уже в отделе шифрования преобразовывали в тексты. Это была трудная работа, потому что немцы старались сбить мою волну или начинали бомбить нашу радиостанцию. Пехотинцы даже поговорку придумали: «Пришли радисты, значит будет обстрел!».

Командиры нашего взвода менялись не один раз. Самый первый был лейтенант Коган, потом назначили лейтенанта Ваховского. Взвод подчинялся радиобатальону, батальон в свою очередь подчинялся полку связи, полковнику Никитенко, а полк был в подчинении у генерал-лейтенанта Добыкина (начальника связи фронта).

Воевать я пришла рядовой радисткой, потом сдала на классность. Любое свободное время я использовала, чтобы учиться, совершенствовать свою технику приема и передачи, свой радистский «подчерк». Сначала сдала на радиста 3-го класса.

В 1944 году стала радисткой 2-го класса и получила звание сержанта. С этим званием я демобилизовалась из армии.

Мои «Волховские» воспоминания были неполными, если бы я не рассказала о лесе. Как только мы въехали в лес, я была поражена страшной картиной: деревья все израненные, стволы изрешечены пулями и минами, ветки переломаны.

Ехали мы по дороге, как по рубелю. На снег плотными рядами были положены бревна. После двенадцати часов такой поездки затекло все тело. А по-другому нельзя, ведь под снегом вода!

Только приехали на место, как я схватила котелок и побежала к болоту, чтобы умыться. Слышу, по воде вокруг меня тихое такое шлепанье раздается.

Все вдруг как закричат: «Уходи!!!» А я стою, не пойму, в чем дело, а уж когда к моим ногам минный осколок упал, я поняла, что это обстрел. Пулей понеслась в землянку. Так вот и познакомилась первый раз с этим «шлепаньем».

В июне 1943 года началось наступление наших войск подо Мгой. На Синявинских высотах расположились немцы. В это время очень серьезные операции по наступлению проходили на Курской дуге, поэтому наше командование приняло решение, чтобы и на нашем фронте шли бои. И тогда бы немцы не смогли снять с этого фронта своих солдат. Нужно сказать, что воевали немцы отчаянно. Вот пошлют роту в 200 человек, а возвращается двадцать, а то и меньше. Остальные или раненные или убитые. И все-таки нам удавалось оттягивать силы немцев с Курской дуги. Здесь же получила свою первую награду медаль «За отвагу».

Война это сложная, изнурительная работа. Мы все хотели своим трудом добыть победу. Теряем ли друзей, близких, родных, сжимали кулаки и вновь идем на немца.

Новый 1944 год мы встретили в лесу. Помнится, шел мелкий пушистый снег.

Мы поздравляли друг друга с праздником и желали только одного - победы.

13 января меня и моего напарника отправили на передовую. Но куда нас пошлют, мы еще не знали, сказали собираться, а там как судьба распорядится. Вот я беру радиостанцию (она весила 8 кг), а мой напарник берет питание (оно тоже 8 кг), затем собираю вещь-мешок, в который положила котелок, полотенце, мыло. Беру с собой винтовку, карабин с пятью патронами и идем с напарником лесом к передовой. Мы находились в постоянном напряжении, ведь за каждым поворотом нас мог поджидать вражеский снайпер.

Моего напарника звали Жора Миносян. По национальности он армянин. Мой ровесник 22 года, среднего роста, хоро-

ший паренек. Волосы черные, как смоль. После войны он в Ереване жил.

В это время мы были в распоряжении капитана Быкова. Бывалый мужчина, дальневосточник.

Идти нам было далеко, послали в 59-ю армию, где командовал генерал Коровников. Его армия наступала на немцев с юга, чтобы освободить Новгород. Пешком шли по реке Мете очень долго, пока капитан не договорился, чтобы нас подвезли на аэросанях до самого озера Ильмень. А от озера Ильмень мы вновь шли пешком до какой-то деревни. Расположились в «северном доме», где все надворные постройки (сараи, коровники) под одной крышей с домом. Ведь там же сильные метели, которые запросто могут занести сарай с крышей. С нами рядом расположились пехотинцы. Мы отделились ото всех плащ-палаткой и развернули радиостанцию. Грелись у русской печки, протягивали к огню озябшие руки. Смотрю, капитан встал, накинул свой офицерский полушубок и подошел к окну. Я за ним, подошла тихонько и встала с другой стороны. На расстоянии километра от нас, вдалеке ухало дальнобойное орудие. Мне было видно, как летели снаряды по снегу, оставляя за собой черные от копоти борозды. И эти полосы все приближались и приближались к нам...

В пяти-шести метрах от нашего дома стоял грузовик, доля секунды... и он взорвался - снаряд угодил точно в машину. А с левой стороны от нас стояла лошадь и снаряд, минуя наш дом, убил ее, разорвав на куски несчастное животное. Проследив взглядом за движением еще несколько черных полос, уходивших влево, мы с капитаном вернулись на свое место. Ни один мускул не дрогнул на лице капитана. Не умерли - значит еще повоюем, поживем. У нас задача более важная, наладить связь со штабом и получить радиограмму. Потом, спустя годы, я рассказывала эту историю девушке-студентке, она широко раскрыла глаза и потрясенно смотрела на меня. Потом спросила:

- А почему же вы не убежали?

- А куда бы мы из дома убежали? Да и зачем? Мы были готовы умереть в любую минуту. С войны не убежишь, дорогая моя! - отвечала я ей. Пехотинцы, поселившиеся с нами в одном доме, вели себя очень шумно: спорили, ругались, курили махорку. Вдруг, все смолкло. Прямо-таки гробовая тишина

воцарилась. В «грудку» русской печи бесшумно врезался осколок от мины или снаряда. Мы, не отрываясь от своей работы, стали спорить с капитаном:

- Осколок, надо думать, залетел - неспешно говорил он.

- Да нет, пуля! - возразил ему Жора.

- И я думаю, что осколок - согласилась я с капитаном Быковым. Так мы продолжали возражать друг другу, пока не сошлись на общем мнении, что это был минный осколок. Вот так армейские будни притупляли страх потерять свою жизнь.

Самый солдатский орден

Как я уже говорила, начало 1944 года ознаменовалось операцией по наступлению на немцев с целью снять блокаду Ленинграда. Эту операцию проводили несколько фронтов. Волховский фронт должен был освободить Новгород - это очень важный стратегический центр. Наступление началось 14 января. Новгород освобождали две армии 8-я и наша 59-я. Мы наступали с юга со стороны озера Ильмень. Зима в этот год была очень теплой, был дождик. Лед на озере застыл сантиметров на 30-40 не больше. Немцы даже и подумать не могли, что русские будут наступать со стороны озера. Но наше командование решило именно так. Когда мы шли по озеру Ильмень, то наше построение напоминало развернутый фланг. Шли на расстоянии 1-2 метра друг от друга, чтобы не провалиться. Все были в маскировочных белых халатах, даже лошади были в белых попонах. Пулеметы везли на волокушах, легкие пушки на лошадях. И все это под белым покрывалом. Солдатам не разрешалось даже курить, чтобы огоньком не выдать наше приближение. Мы почти не разговаривали.

В пять утра, тихо, без артподготовки русские пехотинцы начали наступление. Солдаты дрались отчаянно. Пленные немцы после рассказывали, что русские, как черти врывались в окопы фрицев.

У меня же была своя работа. Самое главное найти удачное место, где можно развернуть радиостанцию. Связь - это нерв армии, - поняла я тогда. Возможно, я делала в тот момент больше, чем любой пехотинец. Боялась ли я? Нет, не было такого чувства, Я была на войне, а здесь стреляют и убивают на каждом шагу. В минуты передачи и получения шифрованных

радиограмм решалась жизнь ни одного десятка русских солдат. Вовремя уйти на другую волну, отличить свою радиостанцию, свой звук среди тысячи других - задача не из легких. Каждая минута была на счету. Нужно было быть всегда на связи, потому что главная станция могла в любой момент нас вызвать. В каждом полку были три больших радиостанции и три передатчика. Из комнаты «руководящих» передавались радиограммы. За приемником сидел радист. Он принимал наши радиограммы, а потом относил в шифровальный отдел.

Наступление на озере Ильмень продолжалось до 20 января. Двадцать километров с тяжелейшими боями прошли пехотинцы к Новгороду. С севера билась 8-я армия. 20 января 1944 года был освобожден Новгород. Это была великая победа! За эту операцию многие командиры, офицеры были награждены медалями и орденами. Меня наградили Орденом Славы III степени, это был самый солдатский орден и не всякий мужчина имел эту награду. В честь освобождения Новгорода Москва салютовала из 224 орудий. А как мы ликовали, как радовались, словно дети малые. На наших глазах выступали слезы радости.

Наша часть не остановилась на этой победе, мы шли дальше. И только 27 января 1944 года Ленинградский и Волховский фронт соединились, и это значило, что блокада с Ленинграда снята полностью! После этого мой фронт перестал существовать, потому что выполнил свою задачу.

С Волховского фронта на Карельский

Солдаты Волховского фронта были переведены на Ленинградский фронт. Наш штаб послали на Карельский фронт. Главнокомандующий Волховским фронтом теперь руководил Карельском - это генерал армии К.А. Мерецков. На поезде эшелоном перевозили нас в Беломорск. Задача Карельского фронта была такая: освободить Финляндию, крайний север СССР от немцев. Конечно, в те времена я и понятия не имела, зачем мы едем, куда, а уж, тем более, какая задача была у Карельского фронта. Все эти сведения я почерпнула после из книг.

Впервые мы стали передвигаться на машинах. Ездили на «Виллисе» - это легковые машины цвета хаки. Помню, нам выдали красивые шубы с белыми воротниками, очень теплые.

Наступление началось 20 июня 1944 года. Я попала в ту часть, где солдаты форсировали реку Свирь.

Это были серьезные бои. Три с половиной часа артиллерия и гвардейские реактивные минометы наносили удары по финнам на северном берегу реки. Я двое суток практически не спала, каждые два часа передавала сообщения в штаб Карельского фронта о ходе сражения. Потом под командованием генерала армии Крутикова вместе с оперативной группой я принимала участие в штурме укреплений немецких траншей вблизи города Олонец.

Но самый важный город на нашем пути был Петрозаводск. И этот город мы освободили.

14 октября 1944 года началась новая операция. Всех наших радистов отправили по разным частям. Я попала в 7-ю армию. Двадцать восьмого октября освободили города Никель и вышли на границу с Норвегией. Промерзшая почва, карликовые деревья, пронизывающий ветер. Мы все измученные.

Помню, случайно встретилась со своим бывшим однополчанином Толей Тимошенко. Попытались с ним костер развести. Да куда там! Дым поглотали и все тут - не горят сырые ветки.

Никель был полностью разбит немцами. Когда мы вошли в него одни печные трубы и остались целыми. На протяжении тридцати лет я потом не могла отделаться от специфического запаха гари, стоявшего в Никеле. Это была особая смесь химического состава, и мы кашляли, надышавшись этим воздухом.

Рядом с городом протекала река Лица. Мы садились вечером на берегу реки и смотрели. А на той стороне Норвегия вся в огнях! Мы ведь все 4 года такого света не видели, и так нам туда хотелось, где тепло, где свет. Но желание наше сбылось, ой, как, не скоро...

У нас есть еще один враг – Япония

После того, как Карельский фронт выполнил свою задачу, нас отправили отдыхать в Ярославль. За сражения на Карельском фронте я получила медаль «За оборону Советского Заполярья». Попали мы в этот город в январе 1945 года. Но уже к середине апреля 45-го нам приказали подготовиться к переез-

ду. Я, правда, подумала, что нас в Берлин везут, чтобы мы оставили свои росписи на стенах Рейхстага. Но не тут-то было. Нам предстояло освободить Курилы и Сахалин.

Долго мы тряслись в товарном поезде, путь наш лежал на Дальний Восток.

На станции «Зима» мы узнали, что наступил День Победы! Мы смеялись и плакали. На каждой станции выходили с начищенными орденами и медалями.

Но порадоваться долго и не пришлось. У России остался еще один враг - Япония. Вскоре мы доехали до Урала. Во время этой войны мне пришлось летать самолетом на Курильские острова. Когда мы приземлялись, высаживалась группа автоматчиков и брала остров в окружение. И так продолжалось до тех пор, пока остров не сдает свое командование советскому начальству. Второго сентября закончилась война. Япония подписала акт о капитуляции.

Десятого сентября нашего командира вызвали в штаб и приказали готовить радистов. На следующий день мы отправились в Корею на машинах. Впереди всех ехал генерал Малецкий на машине со своей женой. Когда подъезжали к селениям, жители радостно встречали нас. На ярме у волов страивали красные флажки. «Сталин! Ура!» - кричали они. Наверное, больше ничего не знали на русском, но и эти слова были нам очень приятны. В городах офицерам было дано задание описывать каждую отрасль хозяйства корейцев. Я же ежедневно выходила на связь и докладывала обстановку. Каждый день офицеры уходили, а мы оставались дома с женой генерала Малецкого. Генеральша была очень красивой женщиной, в ней было что-то цыганское: длинные черные локоны спадали ниже плеч, а лукавая улыбка придавала ей особенный шарм. Мы с ней подружились. Частенько она говорила мне: «Пойдем-ка на рынок сходим!» Восточный базар поразил меня, чего только не было там! Помню, она купила красивое сукно черное с бордовой искоркой, а я смотрела на эту ткань и дивилась, ведь таких вещей в годы войны никто в руках-то и не держал. Эта командировка продлилась два месяца.

Седьмого ноября 1945 года в городе Ворошилове был невиданный парад. Везли технику, на которой воевали на Западе и Востоке. На парад я ушла с утра и пришла только в 6 вечера. Больше в своей жизни я никогда не видела праздничного па-

рада такого размаха!

В конце ноября 1945 года я демобилизовалась и только в декабре попала домой. Новый 1946 год встречала в кругу родных и друзей. Это был самый счастливый Новый Год за последние четыре года...

А память уносит меня...

За все время Великой Отечественной войны я не была ранена. Не помню, чтобы кто-то из моих близких друзей умирал на моих глазах. В этом я счастливый человек.

Правда, нелепо погиб капитан Быков. Он прошел всю войну, и только в 1944 году его машина подорвалась на мине. Осколок попал в сонную артерию, и капитан скончался, не прожив и дня.

За время войны у меня погибли два двоюродных брата. Но ведь каждая советская семья в те времена несла потери. Не было такого дома, где бы не рыдали матери и жены.

Живы у меня остались мама, три моих сестры и братик. Моя младшая сестра Анна была награждена медалью «За победу над фашистской Германией». Все эти годы Аня трудилась в тылу, в госпитале в Тамбове.

Вспоминаю случай на севере, на Карельском фронте. Со мной был Жора Миносян, капитан Быков и еще один офицер. Мы вчетвером оказались в окружении финнов. Решили идти на прорыв - винтовки у нас были. Но нужно было использовать последний шанс - передать радиограмму в штаб о том, что нам срочно требуется подкрепление. Первые несколько секунд руки не слушались меня. Это был один из немногих моментов, когда я по-настоящему испугалась. Еще доля секунды мне понадобилась, чтобы овладеть собой. Затем я открытым текстом передала радиограмму. Начальство сразу получило наше сообщение, и мы сумели продержаться до того, как пехота сняла окружение.

Один из самых запоминающихся случаев был под Новгородом. Солдаты окружили женщину, сидящую в санях с ребенком. Женщина лет тридцати судорожно прижимала к себе мальчика. На ее лице застыл отпечаток скорби. Русские солдаты ругали ее, на чем свет стоит, и если бы не охрана вокруг этой бабы, они бы разорвали ее на части. Оказалось, что эта

русская женщина родила ребенка от немца. Теперь ее везли в особый отдел (СМЕРШ) для выяснения обстоятельств. Меня поразила реакция солдат на происшествие.

Впрочем, я и сама презирала эту женщину! Разве можно из-за куска хлеба разменивать себя и жить с фрицем? Нам этого было не понять.

Послесловие

Мирная жизнь моя протекала в городе Тамбове. Летом в 1947 году в пионерские лагеря посылали студентов из Пединститута и учителей начальных классов. Здесь я впервые познакомилась с моим будущим мужем Марком Гуревич. Он в то время учился на факультете географии. Он никогда не врал, был очень умным и добрым. Невысокого роста, кудрявый паренек с ярко-голубыми глазами. И только в 1954 году мы сыграли свадьбу.

Умер мой муж в 1990 году. Вот уже 14 лет, как его нет со мной.

С 1993 года я возглавляю клуб женщин - участниц Великой Отечественной войны «Фронтовичка». В феврале этого года мы будем отмечать 30 лет нашему клубу.

Наши женщины - солдаты прошли всю войну. Наши глаза видели весь этот ад, мы надышались запахом минной гари и пота, смешанного с запекшейся кровью, но никто и никогда не думал повернуть назад, ведь за нашей грудью была Россия.

Июнь 2005 года

*В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Загороднова Дарья Павловна**, студентка Тамбовского Государственного университета им. Г.Р. Державина; факультета журналистики*

Швебиг Анатолий Петрович

О ратной доблести, мужестве и отваге инженерно-технического состава и воинов ремонтников

Родился 30 октября 1914 г. в Петербурге. Русский. В Вооруженных Силах с 1932-1972 гг. Участник Великой Отечественной Войны с 7 октября 1941 г. по 9 мая 1945 г.

До войны окончил: в 1930 г. семилетку, в 1932 г. школу фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). В 1936 г. Военную школу танковых техников.

В 1938 г. поступил учиться в Военную Академию механизации и моторизации рабоче-крестьянской Красной Армии.

5 декабря 1932 г. добровольно пошел служить красноармейцем в Красную Армию. Полгода служил в пехоте (Цугуловский Децан), далее танкистом (станция Даурья Забайкальский военный округ). С сентября 1933 г. по декабрь 1936 г. - курсант Военной школы танковых техников.

После окончания военной школы в звании военный техник 2-го ранга командир ремонтного взвода учебного танкового батальона 5-й отдельной тяжелой танковой бригады. Батальоном командовал майор С.М. Штеменко. На вооружение были тяжелые танки Т-35. 5 августа 1938 г. был направлен на учебу в военную академию.

Узнал о начале войны 22 июня 1941 г., будучи слушателем Военной академии. В звании военный техник 1 ранга.

Шла война. Фашистские войска 3 декабря заняли Орел и устремились на Москву и Тулу.

В эти дни в академии досрочно начались государственные экзамены. При этом обошлось без дипломных работ и торжественного выпуска. Получил звание инженер 3-го ранга и назначение - заместитель командира танкового полка по технической части 28 отдельной танковой бригады.

Утром 7 октября автобус отвез нас к линии фронта в бригаду, которая формировалась в пионерском лагере под Нарофоминском. Командовал бригадой подполковник К.А. Малыгин.

Вечером 12 октября бригада совершает марш в район Костерево, где получает боевую технику, вооружение и транспорт. 24 октября сосредотачивается северо-восточнее Кубинки, в 60 км от Москвы и поступает в распоряжение западного фронта, а на следующее утро была придана 16-й армии генерал-лейтенанту К.К. Рокосовскому. Армия вела тяжелые бои в районе Волоколамска.

После захвата Рузы и Скирманово гитлеровцы создали полукруглый выступ в нашу сторону. Он был трамплином для прыжка противника, на Волоколамское шоссе в районе Новопетровское, куда 25 октября прибыла наша бригада.

Обстановка для нас складывалась крайне неблагоприятно.

Первое боевое крещение 27 октября 1941г. в битве под Москвой, деревня Скирманово. На Волоколамском направлении в 100 км. от Москвы.

В этот день в 9 часов 45 мин, после 30-ти минутной артиллерийской подготовки, танковый батальон вместе с ополченцами из Ново-Петровского пошел в атаку на противника в Скирманово. Навсегда мне запомнился бегущий от загоревшейся машины командир роты герой Советского Союза А. Васильев с оторванной осколком рукой. Он героя получил на реке Халхин-Гол. Смелостью и мужеством Васильев воодушевлял бойцов на боевые подвиги; будучи раненым, не покинул поле боя.

Танкисты батальона уничтожили 18 танков противника, 4 противотанковые минометные батареи и до двух рот мотопехоты, нанесли врагу большой урон.

Приостановили наступление фашистов на Ново-Петровское. Это была главная наша задача.

В этом бою погибли: командир танкового батальона майор Саратьяни и батальонный комиссар Гришин. Оба погибли смертью храбрых защитников Родины. Посмертно награждены орденами Ленина. С ноября 1941 г. я стал заместитель командира бригады по технической части.

В дальнейшем бригада вела упорные кровопролитные бои: Скирманово, Андрейково, Бели, Козлово, Верхнее Слядово, Кореньки, Рождественко и Новопетровское.

На рубеж, обороняемый экипажем младшего политрука Ильи Бармина, наступало 40 гитлеровских танков различных систем. Замаскировав машину, экипаж подпустил танки противника на близкое расстояние и открыл точный огонь. С первых же выстрелов было подбито 5 танков, а затем еще 5 гитлеровских машин запылали смрадными факелами. В одном бою сжечь десять танков!

В дальнейшем Бармин стал командовать ротой. Первый в бригаде получил высокое звание Героя Советского Союза.

В течение месяца мы сдерживали натиск 10-й и 5-й танковых дивизий гитлеровцев, не дали врагу возможности на нашем участке обойти и окружить соединения 16-й армии, выйти на шоссе Волоколамск - Москва. Бригада уничтожила 82 вражеских танка, а также значительное количество противотанковых орудий, минометов и другой техники, большое количество солдат и офицеров. Наши потери - 26 машин.

Далее, в составе 30-й армии (Калининский фронт) бригада вела упорные тяжелые наступательные и оборонительные бои на плацдарме на правом берегу реки Волга западнее Ржева - Олененская петля, потом в районе Ржева.

В феврале 1943 г. я был назначен заместителем командующего бронетанковыми и механизированными войсками 39-й армии по эксплуатации, снабжению и ремонту.

В начале апреля месяца 1943 г. вызывают в Москву к заместителю народного комиссара обороны генерал-лейтенанту танковых войск Я.Н. Федоренко.

Получил назначение на должность заместителя командира 16-го танкового корпуса по технической части, в звании инженер-подполковник. Штаб корпуса находился в деревне Сотниково, не далеко от города Фатеж, под Курском. Командир кор-

пуса генерал-майор танковых войск В. Е. Григорьев. Корпус входил в состав 2-й танковой армии, командующий генерал-лейтенант Родин. Вскоре армией стал командовать генерал-лейтенант танковых войск С.И. Богданов.

Участвовал: в битве под Москвой, Западный фронт, в битве под Курском, Центральный фронт.

В операциях: Корсунь-Шевченковской, 1-й украинский фронт, командир корпуса генерал-майор танковых войск И.В. Дубовой. Уманско-Боташанской, 2-й украинский фронт. Магнушевский плацдарм в составе 8-й гвардейской армии, командующий армии Герой Советского Союза, генерал-лейтенант В.И. Чуйков, корпусом командовал Герой Советского Союза генерал-майор танковых войск Н.М. Телеков, Висло-Одерской, 1-й Белорусский фронт, Восточно-Померанской, 1-й Белорусский фронт, Берлинской. Корпусом командовал генерал-майор танковых войск М.Ф. Салминов.

20 ноября 1944 г. корпусу было присвоено звание Гвардейского. Он стал именоваться 12-м Гвардейским танковым корпусом.

Военные боевые действия закончил 2 мая 1945 г. в городе Берлине, около Брандербургских ворот, в должности заместителя командира 12-го Гвардейского Уманского ордена Ленина Краснознаменного ордена Суворова 2-й степени корпуса по технической части. В звании инженер-полковник. Корпусом командовал генерал-майор танковых войск М.Ф. Салминов.

23.07.1944 при налете фашисткой авиации, около железнодорожного моста через реку Висла в городе Демблин, получил осколочное ранение правой ноги и мягких тканей шеи. Лечился в терапевтическом полевом госпитале № 2893 до 28.07.1944 и возвратился в корпус на свою должность.

В мои обязанности входила организация технического обеспечения, постоянная поддержка безопасности бронетанковой и автотракторной техники и её своевременное восстановление.

За успешное выполнение боевых заданий командования и умелую организацию восстановления, эвакуации и эксплуатации автобронетанковой техники был награжден орденами: двумя «Красное Знамя», тремя «Отечественная война 1-й степени», тремя «Красная Звезда», медалью за отвагу и за боевые заслуги, и еще 27-ю медалями. Первую награду, медаль «За

отвагу» и орден «Красной Звезды» получил в битве под Москвой.

Из наградного листа о награждении орденом «Красного знамени»:

«Инженер-полковник Швебиг А.П. показал образцы умения в организованности по обслуживанию, эвакуации танков выведенных из строя во время боя.

Под непосредственном руководством т. Швебига было восстановлено за период боя г. Берклин текущем и средним ремонтом 274 танков, самоходных установок. Лично руководил эвакуацией танков и самоходных установок, подбитых на поле боя под огнем противника, особенно этим вопросом занимался, когда части вели уличные бои в городе Берлине. За этот период эвакуировано 74 танка и самоходных устройств.

Швебиг в боях ведет себя мужественно, своевременно выполняет все приказы командира корпуса, способствует выполнению всех задач.

За успешное выполнение боевых заданий командования по ремонту боевой техники, за мужество и отвагу, проявленную в боях с немецкими захватчиками, удостоен правительственной награды ордена «Красное Знамя». Подпись: «командир корпуса».

Второй орден «Красное Знамя» под номером «2» получил за умелую организацию технического обеспечения в боевых и послевоенных условиях, безупречную и доблестную службу в вооруженных силах.

Все бои были упорными, тяжелыми и кровопролитными. Особенно запомнились бои: оборона Москвы, Курская битва, на подступах к Берлину и взятие его.

Восстановление потерь в боевой технике, что давало возможность частям во время боя пополнять подразделение боевой техникой и выполнить постановленные боевые задачи.

Мы вернули в боевой строй в битве под Москвой за 24 дня непрерывных боев 42 танка и 90 транспортных машин, эвакуировано из-под огня противника 10 танков.

В районе Ржева мы сумели отремонтировать 180 танков и эвакуировать 24 машины.

От Воронежа, Сталинграда до Берлина вернули в боевой строй 3450 танков и самоходно-артиллерийских установок,

9550 автомобилей, эвакуировали с поля боя под огнем с противника 310 бронеединиц.

Эти цифры лучше иных слов говорят о ратной доблести, мужестве и отваге инженерно-технического состава и воинов-ремонтников.

После войны корпус переименовали в 12-ю гвардейскую танковую дивизию. Она дислоцируется на территории Германии, город Нойрупин, и я остаюсь в ней служить до января 1948 г. Потом, Москва - начальник 4-го отдела технической подготовки Управления боевой подготовки бронетанковых и механизированных войск вооруженных сил.

В 1951 г. вновь поступаю на третий курс в Академию бронетанковых войск им. Сталина и после ее окончания в апреле 1954 г. получил назначение на должность заместителя начальника управления танкового вооружения Прикарпатского военного округа. С июня 1956 г. заместитель командующего 38-й армии по танковому вооружению, он же начальник отдела танкового вооружения. С армией участвую в Венгерских событиях, а затем в 1958 г. она уходит из Венгрии в места старой дислокации - город Станислав, Украина.

16 июня 1965 г. мне присвоили воинское звание генерал-майор инженерно-технической службы.

В 1965-1967 гг. выполняю интернациональный долг в качестве старшего советника по танковым войскам на Кубе.

После службы на Кубе, меня назначают на должность начальника бронетанковой службы Северо-Кавказского военного округа, где прослужил до апреля 1972г. и уволен в запас.

После этого более 9-ти лет работаю преподавателем военной истории на военной кафедре в Ростовском институте сельхозмашиностроения, а в 1983 г. переезжаю в город Домодедово. Здесь занимаюсь военно-патриотическим воспитанием молодежи. Около 10 лет был председателем комитета содействия при военкомате. Одним из организаторов районного совета ветеранов войны, будучи длительное время в нем заместителем председателя.

Активно участвую в работе ветеранов: 2-й гвардейской танковой армии, 12-го гвардейского танкового корпуса, 28-й гвардейской танковой бригады. Выступаю в школах и на встречах с ветеранами войны.

Сегодня я вспоминаю горячие апрельские и майские дни 1945 г. Прошло уже 55 лет, но они живы в сердцах ветеранов. Эти дни с любовью и преклонением будут вспоминать наши потомки.

12-й гвардейский танковый корпус, где я был заместителем командира корпуса по технической части, с 16 апреля по 8 мая 1945 г. участвовал в Берлинской операции в составе 2-й гвардейской танковой армии 1-го Белорусского фронта.

Нам была поставлена задача - войти в прорыв, образованный частями 5-й ударной армии, решительными действиями в двадцать четыре часа достичь северной окраины Берлина и за шесть суток овладеть северной и северо-западной частью города. А выполнили эту задачу по-иному. За пять суток мы достигли окраины Берлина и десять суток штурмовали город.

16 апреля соединения 5-й ударной армии перешли в наступление с Кюстринского плацдарма и к утру продвинулись на полтора-два км, встретив сильное сопротивление врага, темп наступления резко снизился. Вместо ввода в прорыв в этот же день мы повели наступательный бой вместе с пехотой на глубоко эшелонированную оборону гитлеровцев. Танкисты беспрерывно ночью атаковали позиции гитлеровцев, немцы контратаковали нас. К утру на следующий день, обойдя укрепленный район противника в районе Зелова, вышли к реке Альте-Одер, 18 апреля корпус форсировал ее, устремился к рубежам Райхенберга, а 19 апреля, взаимодействуя с войсками 3-й ударной армии, овладел городом Грунов. В этих боях тяжело ранен был командир корпуса, Герой Советского Союза, генерал-майор Н.М. Теляков. Вскоре стало известно о гибели командира 48-й гвардейской танковой бригады, Героя Советского Союза, полковника В. М. Макарова. Танкисты тяжело переживали гибель любимых командиров и многих боевых товарищей. Во временное командование корпусом вступил полковник А.И. Шевченко.

Район боевых действий был достаточно сложным. Заболоченность отдельных участков местности, частая сеть ручьев и каналов с крупными берегами, наличие больших лесных массивов, а также населенных пунктов с городским типом построек, затрудняли действия танков, они застревали, и их надо было вытаскивать. Все это облегчало противнику оборону отдельных рубежей не большим количеством танков и артилле-

рии, а в городах, крупных населенных пунктах и лесах, и фаустником. Дороги были все заминированы. Танкисты рвались вперед, несли тяжелые потери в боевой технике и вооружении. И их могли восполнить только ремонтные подразделения и части. Передо мной стояла совершенно конкретная задача: не оставлять ни одного поврежденного танка, самоходно-артиллерийскую установку на поле боя.

Враг часто вел огонь специально по стволу орудий с тем, чтобы парализовать огневую мощь танка. Запасные стволы отсутствовали. Передо мной стоял вопрос использования орудия с поврежденным стволом для последующих боев. Нашли выход. Обрезали ствол не более 70-ти см. Рискуя жизнью, делали несколько выстрелов из обрезанного ствола и пришли к выводу, что для восстановления уравновешивания орудия необходимо снимать часть груза, подвешенного к кронштейну люльки в башне танка.

Подобных нововведений можно назвать много. Они свидетельствуют о талантливости наших воинов, умении мастерски обращаться с техникой, горячим стремлением взять от нее все, на что она способна. На этом этапе выведено из строя 167 бронеединиц, из них сгорело 70. Ремонтные средства произвели 134 ремонта танков. Мы несли тяжелые потери в боевой технике и вооружении, и их могли восполнить только ремонтные подразделения и части. Моя задача была активизировать их работу.

Бои шли днем и ночью.

Танкисты уже пять суток не покидали своих машин. Чем ближе был Берлин, тем яростнее и ожесточеннее сопротивлялись гитлеровцы. Они шли на все, лишь бы задержать хоть на немного нашу могучую богатырскую поступь.

Памятной для танкистов остается ночь в Прецельском лесу. Здесь гитлеровцы разбросали кругом свои боеприпасы, заминировали и прикрыли группами фаустников дороги. И как только наши передовые подразделения достигли леса, открыли по ним огонь зажигательными минами и снарядами, зажгли деревья. Вскоре лес горел на большом пространстве, все заволокло дымом. Трудно было дышать, кругом ничего не было видно. Танки двигались не по дорогам, а ломали деревья, пробивали себе просеки через лес. Ориентировались только по

компасу. Кругом стоял оглушительный грохот, рвались разбросанные немцами снаряды, машины, патроны.

Ничто не могло сломить наступательного прорыва танкистов. Они смело шли вперед, через эту стену огня и дыма.

Ранним утром танкисты увидели просветы в лесной чаще и вскоре вышли на западную окраину леса и, не задерживаясь, стремительно пошли вперед к Берлину, и к исходу 21 апреля появились на улицах пригородных поселков Вейсензее.

24 апреля 1945 г. в газете «Красная звезда» писалось: «Нелегок был путь наших танков от берегов Одера к хмурым окраинам Берлина. Немецкая линия обороны у озер Истраусзее и Тилинзее упорно держалась, и гитлеровцам уже казалось, что наступил какой-то перелом в операции и самое страшное уже позади.

Правда где-то севернее, в лесах, линия была смята, и советские войска начали просачиваться в лесные массивы. Это немцам не показалось слишком опасным. Но тем временем танки Героя Советского Союза полковника А.И. Шевченко передали свой участок подошедшей пехоте, а сами, совершив сложный маневр в густом лесу, вышли в тыл всей немецкой группировки».

На окраине Берлина на домах и заборах пестрели огромные лозунги: «Берлин был и остается немецким». Высились баррикады, путь преграждали завалы. Геббельс по радио продолжал уверять немцев, что никогда войска советской армии не возьмут Берлин, что немцы будут защищать свою столицу, как русские защищали Сталинград.

Сразу была поставлена задача, продолжать наступление в западном направлении с целью окружения города. Всю ночь командиры подразделений уясняли план штурма Берлина. Создавались усиленные батальоны, роты, штурмовые отряды. Каждый отряд имел пехоту, артиллерию, танки, самоходные артиллерийские установки, саперов и огнеметчиков.

Рассвет 22 апреля. В воздух взвилось множество ракет. Мощный залп гвардейских минометов оповещает начало штурма. Артиллерийская канонада длится несколько часов. Потом огонь артиллерии переносится в глубину обороны противника. «На Берлин!» - коротко прозвучала команда. Неудержимым потоком устремляются гвардейцы-танкисты, пехота штурмует здание за зданием. Оборона прорвана. Танки-

сты врываются на товарную станцию Хоэшенхаузен. Первый объект атаки взят. Вскоре вся страна салютовала доблестным воинам, которые добились величайшей чести первыми ворваться в Берлин (3-я ударная, 47-я армии и 2-я танковая армия). Одним из первых пришел в Берлин заместитель командира 1-го танкового батальона 48-й гвардейской танковой бригады, капитан Богоцкий Егор Петрович - гроза «тигров». Штурмовой отряд гвардии майора Бийма в ночь на 24 апреля занимает станцию «Платформа» и железнодорожный мост. Пути отхода противнику отрезаны. Враг бросил эшелоны с боевой техникой и оборудованием.

34-я гвардейская мотострелковая бригада 24 апреля, очистив четырехкилометровую магистральную улицу Зеештрассе, вышла на северный берег канала Берлин-Шпандауэр-Шнеффорте в районах гавани Вестхафен. Бригада в ожесточенных боях форсировала канал, захватила плацдарм на противоположном берегу и обеспечила постройку моста и переправу артиллерии и танков.

25 апреля войска 2-й гвардейской танковой армии соединились с войсками 4-й гвардейской танковой армии и тем самым закончили окружение логова фашистов. В этот день корпус стал наступать в сторону центра города. На подходе к центру города 26 апреля 66-я гвардейская танковая бригада ворвалась на Мохомильонштрассе и наскочила на засаду. Поворачивать было поздно. Решение было краткое: принять бой. Схватка была жестокой. Около часа шел бой. Враг был полностью разгромлен. Догорали фашистские танки, пылали 35 автомашин, свыше двухсот немецких трупов. Пятнадцать фашистов во главе с офицером подняли руки и сложили оружие. 49-я гвардейская танковая бригада с боями занимала квартал за кварталом, штурмуя вражеские засады. Автоматчики пробирались осторожно впереди танков. Дома и чердаки прочесывались автоматчиками. Бригада все глубже и глубже врезалась в «трущобы» Берлина. С помощью мотострелкового батальона и саперов лавина стальных машин успешно переправляется через канал Берлин-Шпандауэр.

Части и соединения корпуса овладели предместьем Берлина Сименсштадт и вышли к реке Шпрее. Артиллерия и танки, бившие прямой наводкой с дистанции 1500-2000 метров, сумели настолько подавить огневые точки противника, что пехо-

та переправилась без потерь. Саперы в ночь на 28 апреля восстановили разрушенный мост через реку.

Форсировав реку, наши боевые машины ворвались в район Шарлоттенбург. Опасность в уличных боях подстерегала воинов на каждом шагу. Стреляли в спину, стреляли из-за угла.

Центр города стоял весь в пламени и клубах черного дыма. По нему били тысячи орудий, его бомбила авиация. К вечеру 30 апреля со стороны запада части и соединения корпуса вышли на главную магистраль Унтерден Линден, а ночью выдвинулись к парку Тиргартен, тяжелый самоходный полк - к Бранденбургским воротам. До имперской канцелярии и рейхстага было рукой подать, на темном куполе которого уже пламенело Знамя Победы.

Тем временем накал уличных боев не ослабевал. Густой дым застилал окрестности, в горле першило от пороховой гари. Не было слышно отдельных взрывов снарядов, мин, автоматных очередей. Ремонтные подразделения все время находились вместе с танками. Но главным для нас в этих трудных условиях оставалась эвакуация поврежденных машин. Это позволяло быстро вводить подбитые машины в строй. Малейшая задержка в эвакуации подбитого танка - гитлеровцы его добивали. Над городом стоял беспрерывный гул, содрогаясь, стонала земля. Неестественно зеленым пятном выделялся в море обугленных развалин мокрый старинный парк Тиргартен, обнесенный двухметровым железобетонным забором. Это был последний узел обороны гитлеровцев на нашем пути. Многотысячный вражеский гарнизон засел в бункерах и разрушенных зданиях. Против него и начались в ночь с первого на второе мая боевые действия трех армий. Части корпуса к утру второго мая штурмом овладели станцией Тиргартен - ключом к центру города, и к полудню второго мая вышли на восточную окраину парка, где соединились с частями 8-й гвардейской армии.

Сколько радости принесла нам эта встреча! Через несколько часов салютом из всех видов оружия гвардейцы встретили долгожданную весть о безоговорочной капитуляции гарнизона фашистской столицы. В эту ночь с 1 на 2 мая был отремонтирован последний танк "Т-34". Всего за Берлинскую операцию ремонтными средствами было возвращено в строй 274 танка.

За десять дней в берлинском сражении была разгромлена последняя крупная группировка фашистских войск.

Берлин капитулировал. Берлин пал! Отличившимся соединениям при овладении Берлином присвоено наименование берлинских.

На рассвете четвертого мая 12-й гвардейский танковый корпус уходил из поверженного Берлина. Части и соединения корпуса двигались на запад, где слышались отдельные выстрелы, а иногда завязывалась перестрелка. Это недобитые гитлеровцы в одиночку или группами пытались пробраться за реку Эльбу в сторону англо-американских войск.

Наступило 9 мая. Утром мы узнали радостную весть: представители фашистской Германии подписали акт о безоговорочной капитуляции. Долгожданная победа!

Январь 2004 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Почечуева Ксения Игоревна****, студентка 2-го курса, Профессионального училища №5, города Москвы.*

Шипилов Владимир Федотович

Налетели сразу восемьдесят самолётов

Я родился 16 января 1926 года в селе Никольское-на-Еманче Хохольского района, Воронежской области. Мой отец - Федот Васильевич - занимался сельским хозяйством. После Октябрьской революции служил в Красной Армии, затем был председателем сельской коммуны имени Парижской Коммуны в родном селе, председателем райпотребсоюза, директором магазина в городе Воронеже. Русский по национальности, я являюсь убеждённым атеистом, но не потому, что не верю в высшие силы, а потому, что жизнь мне доказала: самое всемогущее провидение - это сам человек. Он может и должен строить свою жизнь так, как считает нужным.

Маму звали Анна Александровна, она всю жизнь прожила в деревне, работала в колхозе, но занималась в основном домом и хозяйством. В 1941 году она тяжело заболела, а в 1942 - умерла. С 1943 года являюсь секретарём комсомольской организации, а с 1953 года - член КПСС (Коммунистическая Партия Советского Союза).

После окончания восьми классов в селе Хохол, в 1940 году поступил в ремесленное училище №4 города Воронежа на химика-лаборанта СК (синтетического каучука), выходные проводил дома с семьёй.

Как я помню начало войны

Июньским воскресным днём 1941 года я, как обычно, приехал домой, и здесь на меня обрушилось страшное известие - на нашу Родину напали немецко-фашистские войска. Беда обрушилась на Советский Союз ранним утром, когда все ещё спали. Немцы напали на беззащитных людей, не жалея при этом ни женщин, ни стариков, ни детей.

Мой отец сразу после начала войны отправился на фронт, а старший брат в это время служил на Дальнем Востоке, и поэтому для него война началась там. В конце 41-го, после того, как моих товарищей по училищу эвакуировали на восток, я из-за тяжёлой болезни матери вернулся домой, к ней и младшей сестре. Так как мама болела, вся домашняя работа лежала на наших плечах. Пока война не дошла до деревни, я работал в колхозе. Несмотря на то, что был ещё подростком, работать приходилось наравне со взрослыми.

Мы работали в поле: бороновали и пахали землю, косили хлеб, таскали зерно на себе. Было нелегко, но мне придавала сил мысль о том, что я тоже вношу свою лепту в победу над врагом.

Война в тылу и на линии огня

В Мае 1943 года меня призвали в армию. Вместе с призывниками нас собрали в Воронежском военкомате, уже сформировали взводы, роты, батальоны, дали номер эшелона и ночью мы должны были отправиться защищать Родину, но, проснувшись утром, узнали, что поступил приказ распустить 26 год. До сих пор помню разочарование, постигшее нас. Молодая, разгоряченная кровь рвалась на войну, хотелось собственными руками расправиться с проклятыми фашистами, но мы были не в силах что-то изменить, пришлось отправиться обратно домой. В селе я по-прежнему работал в колхозе.

3 декабря пошёл в райвоенсовет, получил повестку, и вместе с другими призывниками тронулись в Воронеж: 15 км с песнями. Посадили нас в воинский эшелон и привезли в Брянск, который только освободили. Конечно, слышать о войне и видеть её воочию - это две совершенно разные вещи. Перед моими глазами предстала ужасная картина разгромленного города: полуразрушенные дома, разбитые дороги, сожженные улицы.

Начал я свою службу в звании красноармейца. Из Брянска был направлен в войсковую часть ОЗАД (отдельный зенитно-артиллерийский дивизион). Попал в зенитно-артиллерийскую батарею в огневой взвод под командование старшего лейтенанта Ведерникова, являющегося командиром огневого взвода армии. Наша батарея стояла в 10-12 км от города Новозыбково. Охраняли склады, мосты, прикрывали от воздушного противника железнодорожную станцию, которая снабжала военную группировку в районе города Гомеля. Задача нашей артиллерии состояла в том, чтобы не допустить или ослабить последствия налёта фашистской авиации.

Вначале я стоял на должности трубочного - занимался установкой разрывателя для подрыва снаряда на заданной высоте, а потом меня перевели на должность заряжающего 85-миллиметрового зенитного орудия, я должен был заряжать разрывной снаряд в зенитную установку.

Воевал под командованием командира дивизии майора Судника и командира взвода старшего лейтенанта Ведерникова.

Боевой путь проходил через города Гомель (лето 1944г.), Бобруйск (лето 1944г.), Минск (лето 1944г.), Барановичи (лето 1944г.), Волковыск (Октябрь 1944г.). Из Волковыска я попал в госпиталь с ранением, а оттуда в санитарном эшелоне меня увезли на Волгу в Сызранский район посёлок Старая Рачейка. После ранения больше на фронт не возвращался. Военные боевые действия закончил на воинской должности заряжающего 85-миллиметрового орудия в звании рядового. Лечился полтора месяца и в конце ноября 1944 года попал в пересыльный пункт в город Сызрань, оттуда нас отобрали 25 человек и отправили в Сызранское танковое училище.

Учёба в танковом училище

Моя учёба в танковом училище должна была продлиться 6 месяцев по ускоренному курсу, но потом нас перевели на годовое обучение. Кода комиссия приехала выпускать наш курс, пришел приказ «Младшие возраста: 24-ый, 25-ый, и 26-ой года перевести на 3-х годичный срок обучения, а остальным присвоить звание младший лейтенант и уволить в запас». Так я проучился в танковом училище с 1945 по 1947 год. Оттуда в июне 1947-го меня направили в Таврический военный округ

города Симферополя, оттуда в город Феодосию в ОСБ (Отдельный Стрелковый Батальон) на должность командира взвода СУ-76 (Самоходная Установка), где в дальнейшем был назначен на должность командира батареи СУ-76.

Здесь в 1948 году я познакомился со своей женой, причём совершенно случайно. Прибыли мы как-то с учений, а дело было в сентябре, заходим в квартиру все грязные, в комбинезонах, а там девица - высокая, стройная стоит. Оказалось это родственница бабушки, у которой мы квартиру снимали. Понравилась она мне сильно. Познакомились, гуляли по ночной Феодосии, в июне 1949-го года поженились. С этих пор она всегда шла за мной.

В конце 1952 года по замене был направлен в Румынию в ОМА (Отдельная Механизированная Армия) в Тяжелый Танко-Самоходный полк, дислоцирующийся в городе Липово на должность командира роты САУ-КЮ (Самоходная Артиллерийская Установка). В 1954 году был переведён на должность командира учебно-танковой роты в город Тимишара. Мечтал учиться в Бронетанковой академии на командном факультете, но мой командир подполковник Курилов лишал меня этой возможности. Он брал направления, на какие угодно факультеты, но только не на тот, который хочу я. Я же понял это и теперь уже на зло ему решил поступить на командный.

Как-то субботним вечером я шёл в свою часть и случайно встретил начальника кадров дивизии. Спросил у него, в какой академии я могу поступить на командный факультет, он мне ответил, что можно попробовать поступить в Московскую академию Химической Защиты. Я очень обрадовался и поспешил воспользоваться его советом. Проработав в Липово до июня 1955 года, я убыл оттуда в Москву в академию Химической защиты имени Тимошенко для сдачи вступительного экзамена.

Военная Академия Химической защиты

В 1955 году после сдачи экзаменов меня зачислили на командный факультет ВАХЗ (Военная Академия Химической Защиты), где я проучился пять лет. Учёба проходила тяжело, так как после войны я закончил только вечернюю школу, зато с химией был знаком ещё с ремесленного училища, ведь уже почти получил специальность. Тяжело давалась физика и ма-

тематика, но усилия, усидчивость, помощь товарищей помогли мне закончить академию в 1960 году с общей оценкой хорошо.

Флорищи и дом князя Галицина

По окончании академии в 1960 году приказом Министра обороны СССР был назначен на должность командира отдельного учебно-опытного батальона, ВАХЗ. В этом же году меня направили в город Флорищи, находившийся в 18-ти км от Москвы, в лесу. Я привёз туда свою жену, со мной также поехал заместитель по технической части Хотюн И.И.

О, господи, что же там творилось. Вначале нас поселили в общежитие, там было столько клопов, ужас! Но я объявил им войну, и через две недели они исчезли. Немного погодя и я переехал на другое место жительства.

После общежития я поселился в доме князя Галицина, и познал, как жили люди в старину. До меня здесь жил другой генерал со своей семьёй, но потом его перевели в другой город. Дом был отличный, с метровыми стенами, и находился рядом с монастырём. Он стоял сто лет и простоял бы еще, если бы в нём сейчас жили люди.

Кинешма - город на берегу Волги

В 1964 году переведён на должность заместителя командира бригады химической защиты в городе Кинешма Ивановской области, где проходил службу. Кинешма – город, расположенный на Волге, старинной русской реке. Ширина Волги в районе города 1100 метров. Очень красивый зелёный город. Много лесов богатых грибами, ягодами, а главное - замечательный русский народ: добрый, вежливый. Поддерживал крепкую связь с советскими партийными органами. Дружил с директорами заводов. В Кинешме были крупные заводы: домостроительный, машиностроительный. Сильнейшая фабрика - трикотажная, и ряд других предприятий.

Был назначен командиром бригады химической защиты, где прослужил до декабря 1969 года.

Новосибирск

В конце декабря был назначен на должность начальника химических войск Сибирского военного округа города Ново-

сибирска, где прослужил до июля 1974 года. Я отвечал за подготовку войск по защите от оружия массового поражения и за боевую подготовку химических войск, частей и подразделений округа. Очень хорошие воспоминания о городе Новосибирске. Его разделяет река Обь на две части. Большой город, где много зеленых лесов. Огромные улицы поражали своей красотой. Множество памятников архитектуры. Я любил ездить в Академический городок, находившийся в лесу. Какой же там воздух, особенно весной, когда в садах распускаются вишни, черёмуха и сирень.

«Причал моей жизни»

В 1974 году был переведён в Тамбов. По мне, так лучше этого города и нет на свете. Здесь я чувствую себя по настоящему дома, такое чувство, что я родился на тамбовской земле. Все мне тут родное: и речка Цна, и парк на Набережной, где я очень любил гулять, и лес за городом, богатый грибами и ягодами. Я вообще очень люблю лес, там спокойно, чистый воздух, птицы поют. Стоит только зайти на опушку, и все печали и тревоги забываются, на душе становится так тепло и хорошо.

С 1974 года я назначен начальником Тамбовского военного училища химической защиты, а в 1976 году мне присвоено звание генерал-майора технических войск. В июне 1988 года уволен из рядов вооружённых сил в запас в звании генерал-майора.

Награды:

За заслуги на фронте в боях с немецко-фашистскими захватчиками и укрепление вооружённых сил страны в послевоенное время я был награждён:

- медалью «За боевые заслуги».
- орденом Красной Звезды I-й степени.
- орденом Отечественной войны I-й степени.
- орденом «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» 3-й степени.
- медалью ЧССР «К 40-летней годовщине завершения национально-освободительной борьбы чехословатского народа и освобождения Чехословакии Советской Армией».
- медалью Венгерской Народной Республики «За боевое содружество. За заслуги в укреплении боевого и военного со-

трудничества». (1984).

- медалью Монгольской Народной Республики «Победа на Халхин-Голе». (1979).

А так же 23 различные медали, 7 из которых за хорошую подготовку иностранных кадров.

Орден Отечественной войны I степени, орден Красной Звезды и орден За службу Родине в Вооружённых Силах СССР III степени мне вручал генерал-полковник Пикалов В.К.

Они прошли войну до конца

В отличие от меня, мои отец и брат прошли войну до конца. Отец был тяжело ранен на фронте в 1941 году, но его вытащили из цепких рук смерти, и уже в 1942-м он продолжил защищать Родину. Закончил войну старшим лейтенантом. Получил орден Красной Звезды. К сожалению, после войны он прожил совсем недолго и умер в родном селе Никольское-на-Еманче в 1954 году. Брат закончил войну в звании лейтенанта. В 1945 году его привезли с Дальнего Востока в тяжёлом состоянии. Сейчас он живет в Воронеже, ему уже 86 лет, глядя на него, ни за что не подумаешь, что ему так много лет. Он всегда весёлый, бодрый, жизнерадостный, совсем не такой, какими люди бывают в его возрасте.

Моя младшая сестра Аня живет сейчас в Москве, на войне она не была, но знает о её горестях лучше, чем кто-либо другой. Сейчас ей 77 лет, а когда грянула война, было всего лишь 15, на два года младше меня. Но малый возраст отнюдь не мешал Ане помогать в доме по хозяйству, а когда была свободная минутка бежала ко мне в поле и так же, как и все, помогала сеять пшеницу, пахать землю, убирать выращенный хлеб и отправлять на фронт солдатам Красной Армии.

Страницы обо мне:

Дьячков Л.Г. «Владимир Федотович Шипилов». Сборник «Солдаты Победы». Под издательством Тамбовского областного Совета ветеранов войны и труда Вооружённых Сил и правоохранительных органов, Тамбов, 1995, с. 270.

Жуков Г.А. «Воспоминания военного химика». Военные мемуары. Московское военное издательство, Москва, 1994, с. 271.

Алексеев А.Д., Токарев К.Ф., Скоблов Е.М. «Начальник

Тамбовского ВВКУХЗ генерал-майор Шипилов Владимир Федотович». Книга славы войск радиационной химической защиты и биологической защиты вооруженных сил Российской Федерации». Управление начальника войск радиационной, химической и биологической защиты Российской Федерации. Москва, 2003, с. 72.

Мои воспоминания о войне

Какие могут быть воспоминания у красноармейца о войне. Везде пыль, грязь, бесчисленное количество человеческих трупов.

Обычно, немецкие самолёты летали на высоте 9 тысяч метров, там мы их доставали, впредь они больше не летали днём, стали бояться, мы их хорошо припугнули.

Под Гомелем был просто кошмар. Июньской ночью шли бои, немцы хотели вывести из строя железную дорогу, чтобы солдатам не могли поставлять продовольствие. Налетели сразу восемьдесят самолётов, ребята, сидевшие на водонапорной башне с автоматами, оборонялись, как могли, но по ним первым началась стрельба с самолётов, и никто не смог спастись, они погибли все до одного. Мы сразу подскочили, началась перестрелка, а ночь на дворе, практически ничего не видно. Немцы летают, бомбят, мы отстреливаемся. Так продлилось всю ночь. Наутро были уничтожены все вражеские летательные объекты, но, к сожалению, мы победили их, не избежав потерь и со своей стороны. В этой ужасной ночной битве погибло сорок наших ребят. Это было просто ужасно.

Спать не давали совершенно, только приляжешь, и начинается: командуют «Воздух!», все подскакивают и начинают бегать, каждый к своему орудию. Подают, заряжают, нацеливают, стреляют, и так всю ночь. Дошло до того, что один мой товарищ, как-то ночью выбежал с подушкой в руках в одном нижнем белье, стоящие на посту солдаты спрашивают его: «Что ты вскочил?», а он и сам не знает зачем, привиделось что-то, вот вскочил и побежал.

Между боями мечтали только об одном - поспать. Это было самой заветной мечтой каждого из нас. Даже поесть толком не давали, только сядешь ужинать, и начинается стрельба.

Вот такие тяжёлые времена были на фронте. А кому тогда было легко? Брат рассказывал, что у них на Дальнем Востоке,

тоже было не легче: везде немцы стреляют, невозможно укрыться, причём убивали даже женщин и детей, не щадили и стариков. Все плачут, просят пощады, а фашисты, как будто и не слышат их вовсе.

Я дожил уже до 79-ти лет, но до сих пор не могу понять, как можно заставить человека убивать себе подобного. Ведь он в первую очередь человек, не какая-то машина, которой можно управлять, задавая определённую программу. Как можно убивать маленьких детей, беззащитных женщин и стариков, просто так, ни за что, только потому, что они живут в России, на территории, на которой хотят жить немцы.

Январь 2005 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Усачёва Анна Юрьевна****, студентка факультета журналистики ТГУ им. Г.Р. Державина.*

Шиян Иван Сильвестрович

И на Малой земле…

Родился я 20 января 1915 года в селе Березовая Лука, Гадячского района, Полтавской области (прежде Миргородского уезда Полтавской губернии). Москвич с 1950 года.

По национальности - украинец. Вероисповедание - православный. В свое время был пионером, комсомольцем, членом КПСС. В настоящее время ни в каких партиях и общественных организациях не состою.

Окончил Березово-Луцкую семилетнюю школу в 1930 г., Будянский керамический техникум (поселок Буды Харьковской области) в 1934 г., инженерный факультет Военно-хозяйственной академии (г. Харьков) в 1941 г., основной факультет Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил СССР в 1953 г.

После окончания Будянского керамического техникума в 1934-1937 гг. работал помощником начальника формовочного цеха Будянского фаянсового завода, затем директором школы ФЗУ при этом заводе и одновременно директором Будянского рабфака.

На военную службу призван 31 августа 1937 года Харьковским городским военным комиссариатом добровольно.

После окончания Военно-хозяйственной академии 5 мая 1941 года был на приеме выпускников военных академий Пра-

вительством СССР в Кремле. Был назначен и с 15 мая 1941 года приступил к работе старшим помощником начальника мобилизационно-планового отдела штаба Харьковского военного округа.

Для меня Великая Отечественная война началась со стука в дверь комнаты в общежитии академии, где я продолжал жить, посыльного со штаба Харьковского военного округа с вызовом в штаб округа в 6 часов утра 22 июня 1941 года.

Прибыл к начальнику отдела подполковнику Савченко, нервно шагающеу по своему кабинету. Он мне сообщил, что фашистская Германия напала на нашу страну и что я еду на фронт в составе полевого управления 18-й армии, сформированного на базе управления Харьковского военного округа.

Командующим 18-й армии стал генерал-лейтенант А.К. Смирнов - командующий Харьковским военным округом, членом военного совета армии - член военного совета округа корпусной комиссар Т.Л. Николаев, начальником штаба армии - начальник штаба округа генерал-майор В.Я. Колпакчи.

23 июня полевое управление 18-й армии убыло на фронт. Командование армии на ее командный пункт, оборудованный в лесу, в 10 км северо-восточнее Каменец-Подольского, прибыло на рассвете 26 июня.

Первоначально в состав 18-й армии были включены 17-й стрелковый и 16-й механизированный корпуса, 64-я авиационная и 45-я смешанная авиационная дивизии.

25 июня 18-я армия была включена в состав Южного фронта, а к 30 июня в ее состав дополнительно включены 55-й стрелковый корпус, 10-й Каменец-Подольский и 12-й Могилев-Подольский укрепленные районы.

Все эти войска с 4 часов 22 июня 1941 года разрозненно уже втянулись в бои, уже отступали под натиском немецко-фашистских войск по дорогам, которые контролировала фашистская авиация, нарушая связь и снабжение. Уже вклинились в нескольких местах немецкие танки, мотоциклисты, действовали вражеские диверсионные группы, высаживались парашютисты, часто переодетые в форму красноармейцев и милиционеров.

В это время 18-я армия вела оборонительные бои в Буковине и северной части Молдавской ССР.

Справа вела бои 12-я армия, слева 9-я армия.

Наступление на южном участке советско-германского фронта, начиная от Полесья и до устья реки Дунай, вела немецко-фашистская группа армий «Юг».

Будучи непрерывно в действующей армии в годы Великой Отечественной войны с ее начала и до ее завершения, прошел с отступающими войсками от государственной границы в районе Каменец-Подольского, через Украину, Дон, Кубань до Туапсе, Новороссийска и при наступлении - от Новороссийска до Тамани и Керченского пролива, а с переброской 18-й армии в ноябре-декабре 1943 года под Киев - от Житомира до Праги, где и встретил День Победы. Был дважды тяжело контужен, не считая мелких осколочных ранений. Стал инвалидом войны 2-й группы.

Мои воинские звания. Убыл на фронт воентехником 1-го ранга. В январе 1942 г. мне было присвоено воинское звание военинженер 3-го ранга, но в связи с заменой этих воинских званий другими, мне 26 марта 1942 г. было присвоено воинское звание - капитан, затем 18 февраля 1943 г. - майор, 28 декабря 1944 г. - подполковник в мирное время; 7 октября 1949 г. - полковник, 25 мая 1959 г. - генерал-майор, 16 июня 1965 г. - генерал-лейтенант.

Занимаемые мной должности в действующей армии. В полевом управлении 18-й армии до июня 1942 г. работал на штабных должностях, таких как начальник 3-го, а затем 1-го отделения оргпланового отдела штаба армии (начальник отдела - полковник А.Г. Михеев, после него - подполковник К.Н. Лещинский).

С созданием в июне 1942 г. штаба тыла армии, был назначен начальником организационного отдела - заместителем начальника штаба тыла 18-й армии (начальники штабов часто менялись, а чаще всего эти должности оставались вакантными).

На Северном Кавказе в связи с проводимыми организационными мероприятиями и созданием 22 августа 1942 г. Туапсинского оборонительного района (ТОР) был назначен начальником организационного отдела - заместителем начальника штаба тыла района, а так как должности начальника тыла и начальника штаба тыла были вакантными, то мне приходилось одновременно исполнять и эти должности.

С декабря 1942 года по февраль 1943 года был исполняющим обязанности начальника штаба тыла Резервного полевого управления 12-й армии. В некоторых документах оно именовалось как Резервное полевое управление армии Черноморской группы войск. В этой же должности, но уже как представитель тыла Черноморской группы войск, принимал участие в высадке морского десанта юго-западнее Новороссийска в ночь с 3 на 4 февраля 1943 года. Перед этим с другими должностными лицами был на совещании у командующего Черноморской группой войск генерала И.Е. Петрова.

На созданном плацдарме юго-западнее Новороссийска, впоследствии названным Малой землей, более семи месяцев, с 4 февраля до освобождения города и порта Новороссийска 16 сентября 1943 г., исполнял обязанности заместителя командующего Группы десантных войск по тылу (командующие Группой десантных войск: до 15 июня 1943 г. генерал-майор А.А. Гречкин, в последующем генерал-лейтенант, командующий 9-й армией, с 15 июня генерал-майор Н.А. Шварев).

С 24 сентября до 22 октября 1943 года числился в резерве военного совета 18-й армии, участвуя в высадке тактических морских десантов при освобождении Таманского полуострова.

22 октября 1943 года был назначен заместителем командира 414 стрелковой дивизии по тылу (командир дивизии полковник Г.Г. Курашвили), но вскоре был снова назначен начальником организационного отдела – заместителем начальника штаба тыла 18-й армии (начальник тыла армии генерал-майор А.М. Баранов). Должность начальника штаба тыла армии была вакантной и мне пришлось ее исполнять, когда армия перебрасывалась с Таманского полуострова под Киев в состав 1-го Украинского фронта.

В октябре 1944 года я был назначен начальником организационного отдела - заместителем начальника штаба тыла 4-го Украинского фронта (начальник штаба тыла фронта - полковник, в последующем генерал-майор С.Ф. Кузьмичев).

Теперь о своих действиях на фронте. По прибытии полевого управления армии на фронт, его офицеры и генералы немедленно выехали в войска. Некоторые из них, в том числе начальники отделов, не успев осмотреться и повоевать, при исполнении своих обязанностей погибли в первые дни пребывания на фронте.

Я получил задание командования армии: организовать эвакуацию фондового военного имущества из г. Каменец-Подольского, для выполнения которого, мне был выдан мандат военного совета армии с большими полномочиями. Но к этому времени этот мандат в городе некому было предъявлять. В нем уже никого не было из органов местной власти. Не удалось разыскать и военного коменданта города. Вокруг города высаживались вражеские парашютисты, некоторые из них висели убитыми на деревьях, зацепившись своими парашютами за их ветви.

Сам город подвергался непрерывной и жестокой бомбардировке вражеской авиацией, не убирались убитые люди и лошади, были разрушены многие здания, повалены телефонные и телеграфные столбы с повисшими проводами. Население города было деморализовано и на его помощь рассчитывать не приходилось. У меня до сих пор перед глазами женщина, идущая с отрешенным лицом с убитым ребенком на руках.

В городе не осталось никакого транспорта. На его железнодорожную станцию порожняк уже не подавался. Не было никакого транспорта и в армии. Армейский автомобильный батальон еще только формировался.

Пришлось обращаться за помощью к отходившим через город частям. С такой просьбой, будучи на командном пункте 17-го стрелкового корпуса (командир корпуса генерал-майор К.А. Коротеев, в последующем генерал-полковник, Герой Советского Союза), впервые увидел немецкого военнопленного, которого допрашивал командир корпуса.

Только с помощью воинских частей после изнурительных мытарств удалось эвакуировать часть фондового военного имущества.

3 июля в лесу под Каменец-Подольском слушал напрямую выступление И.В. Сталина по радио. Это было в 6 часов утра. С репродуктора сначала слышались многократно повторяемые призывы: «Слушайте важное правительственное сообщение». Затем послышалось бульканье наливаемой в стакан воды и фраза Сталина с характерным для него акцентом: «Это сделаете вы» и он начал свою известную и теперь речь. Она была нерадостной, но после нее как-то стало легче на душе.

К середине июля обстановка на южном участке советско-германского фронта резко обострилась. Войска противника вышли к Умани. Здесь вели тяжелые оборонительные бои войска левого крыла Юго-Западного и правого крыла Южного фронта, стремясь отразить наступление немецко-фашистских войск на Уманском направлении. Здесь оборонялись 6-я и 12-я армии Юго-Западного фронта (командующий фронтом генерал-полковник М.П. Кирпонос) и 18-я армия Южного фронта (командующий фронтом генерал армии И.В. Тюленев). Создалась угроза захвата важного железнодорожного узла станции Христиновки с базой управления государственных резервов. Здесь же скопилось много боеприпасов, горючего и продовольствия на складах и в железнодорожных поездах, много раненых в военно-санитарных поездах. Станцию непрерывно бомбили и обстреливали самолеты противника.

Командованием 18-й армии мне была поставлена задача, выехать на станцию Христиновка и организовать эвакуацию всего скопившегося на ней в тыл страны.

Прибыв на станцию, мне сходу пришлось тут же подключиться к созданию круговой ее обороны, которую уже создавал военный комендант станции, очень расторопный и энергичный майор (его фамилию, к сожалению, не помню).

С каждым часом обстановка здесь все более и более осложнялась. Противник захватил станцию Яроватка и этим прервал железнодорожное сообщение с тылом страны, сама станция Христиновка оказалась в полуокружении противником.

На станцию стекались сотни раненых, многие добирались ползком с остановившихся на перегонах военно-санитарных поездов, паровозы которых были расстреляны прорвавшимися в тыл наших войск танками противника. Переполненные ранеными военно-санитарные поезда стояли вперемешку с поездами с боеприпасами и горючим.

Для оказания медицинской помощи такому количеству раненых на станции не было необходимых сил и средств. Видя такое положение, я на попутных машинах ночью под проливным дождем добрался до штаба армии и доложил обо всем этом командованию армии, которое тут же выделило в мое распоряжение автохирургический отряд, сопровождаемый заместителем начальника военно-санитарного отдела армии (так

тогда назывались военно-медицинские отделы) бригврачем Рейзиным.

С этим отрядом, этой же темной и дождливой июльской ночью, через еще не занятый противником участок в полуокруженной Христиновке, возвратился на станцию.

Энергичными действиями личного состава автохирургического отряда и благодаря распорядительности бригврача Рейзина быстро и оперативно была оказана неотложная медицинская помощь раненым, скопившимся на станции.

Выполнив свою задачу, автохирургический отряд и бригврач Рейзин, убыли к месту своего расположения, а я остался на станции, хотя она к этому времени уже не входила в разгранлинии 18-й армии.

Офицеру штаба нередко приходится выполнять задания в одиночку, порой с риском для жизни, самостоятельно принимать решения по внезапно возникающим вопросам, беря на себя всю ответственность за них. В этом случае так пришлось поступить и мне.

Положение на станции не только оставалось по-прежнему тревожным и тяжелым, но с каждым днем все больше и больше ухудшалось. Противник ее часто и жестоко бомбил.

При одной из таких бомбардировок взорвалось несколько железнодорожных транспортов с горючим и боеприпасами, стоявших рядом с военно-санитарными поездами, перегруженными ранеными.

Вокруг все горело, взрывались цистерны с горючим, рвались боеприпасы. Их осколки со скрежетом и свистом проносились далеко за пределы станции, всё сметая на своем пути. Так продолжалось около семи часов.

Были разрушены станция и все близлежащие строения вокруг. Погибло много людей и еще больше увеличилось количество раненых. От военного коменданта станции, майора, нашли только лоскуток рукава гимнастерки с нашивкой галуна, указывающего на его звание.

Железнодорожный узел был парализован. Положение казалось безвыходным. И все же мы, уцелевшие в этом аду, не пали духом. Самым энергичным образом, под продолжавшимися бомбардировками вражеской авиации, взялись за ликвидацию последствий этих бомбардировок. Расчищали образовавшиеся завалы, ремонтировали железнодорожные пути, сор-

тировали и приводили в порядок военно-санитарные поезда и железнодорожные транспорты с различными грузами.

Из-за отсутствия свободных вагонов, мы выгружали из уцелевших вагонов менее ценные грузы и загружали их более ценными, надеясь на их отправку в тыл страны. Наши надежды сбылись.

Когда создалась угроза правому флангу и тылам 18-й армии, для ее ликвидации командующий Южным фронтом из района Христиновки нанес 22 июля контрудар по уманской группировке противника силами 2-го механизированного корпуса, переброшенного сюда из Котовска. В результате противник с большими потерями был отброшен в северном направлении на 40 км, была освобождена станция Яроватка и восстановлено железнодорожное направление Христиновка - Смела.

Стоящие в готовности военно-санитарные поезда и поезда с различными грузами ушли в направлении Киева, но угроза захвата противником Христиновки не миновала.

За выполнение заданий по эвакуации различных видов имущества военным советом 18-й армии приказом от 31 июля 1941 г. № 1 мне была объявлена благодарность со следующей формулировкой: «За проявление рвения в работе, разумную инициативу и большевистское упорство, проявленное при эвакуации в глубокий тыл страны фондового имущества». Это первый приказ такого рода после начала войны.

Судя по тому, что приказ был размножен типографским способом, он, вероятно, был разослан и в войска. И это в той, невероятно сложной и быстро меняющейся обстановке на фронте.

На большом пространстве юго-западнее Киева, фронта фактически не было. Под палящим солнцем отходили остатки разбитых соединений и частей. Над дорогами, заполненными войсками, обозами, беженцами, гуртами скота, безнаказанно летали немецкие самолеты, сея смерть, ужас, панику.

Дивизии 18-й армии, принявшие на себя основной удар противника на юге Украины не в состоянии были остановить его механизированные лавины.

В районе Христиновки боевые действия 2-го механизированного корпуса продолжались до конца июля 1941 г.

17-я немецкая армия, прорвавшись южнее Умани, охватила наши войска с юга. Значительная часть войск 6-й и 12-й ар-

мий оказалась окруженной. Остальные их части 2-ого и 3-го августа с боями отошли в район Первомайска. Оставшиеся в окружении войска армий сражались до 7 августа, а отдельные отряды - до 13 августа. Но силы сторон были слишком неравными. Многие бойцы и командиры в этих боях погибли или попали в плен. Мне удалось миновать эту участь, выйдя из окружения с войсками, отходящими в район Первомайска. Так закончилась моя командировка на станцию Христиновка.

Очень важной задачей оргпланового отделов, а затем штабов тыла армий и фронтов было ежедневное составление сводок по тылу, отражающих обеспеченность войск и наличие в них раненых. Только по их данным командование армий, фронтов могло принимать обоснованные решения по обеспечению войск всем необходимым и эвакуации из них раненых. Однако добывать эти данные в тех условиях было непросто.

Телефонная и телеграфная связь с соединениями и частями часто прерывалась. Временами не было известно не только их состояние, но и место их нахождения, в таких случаях мне и другим офицерам штаба приходилось, как правило, на попутном транспорте разыскивать их и получать данные об их материально-техническом обеспечении и наличии в них раненых.

Выполнение этих задач осложнялось тем, что сплошного фронта временами не было, в воздухе господствовала вражеская авиация, самолеты которой гонялись не только за каждой машиной, повозкой, но и отдельным человеком. Нередко в тыл наших войск прорывались мотоциклисты, бронемашины и танки противника, высаживались его парашютисты, засылались диверсионные группы.

Временами не было точных данных и о самом противнике, о том, где именно он находится, каковы его силы. В таких случаях мне и другим офицерам штаба приходилось по заданию командования выезжать (именно выезжать) на разведку противника. Однажды с такой задачей я с группой солдат на грузовой автомашине вел разведку в направлении станции Апостолово. При этом проехал несколько десятков километров, но, к моему счастью, на этом направлении противника не оказалось. На самой станции Апостолово горели резервуары с горючим, местное население спешно разбирало зерно с пристанционных амбаров. Сказали, что немцы на станции были, при-

грозили расправиться с теми, кто поджег резервуары с горючим и уехали.

Рискованно вести разведку противника, находящегося перед тобой, более рискованно проникнуть в его тыл, но еще более рискованно разведывать противника так, как мной описано. Не имея никаких данных о противнике, находясь в полном неведении, что тебя ожидает впереди, рискуя столкнуться с ним в любую минуту, в любом месте и за любым поворотом дороги.

К концу августа 1941 года завершились оборонительные бои войск Южного фронта, в которых в междуречьях Прута, Днестра, Южного Буга и Днепра активно действовала 18-я армия. Она сумела сохранить свою боеспособность.

Стремясь захватить Донбасс, враг продолжал наступление на восток и юго-восток, вклиниваясь между отходящими частями 18-й и 9-й армий.

В ходе этих боев я получил задание разведать, занята ли противником станция Бельманка. Прибыв на станцию, убедился, что противника на станции нет, но сама станция была разрушена и пылает в огне. С такой же задачей я разведывал и станцию Алексеевка.

Возвратившись со станции Бельманки на командный пункт армии, только отпустил машину, как на нем все пришло в лихорадочное движение. Оглянувшись вокруг, я увидел мчавшиеся на командный пункт армии (он стоял в лощине) танки противника, веером охватывая его. Срываясь с места, машины командного пункта мчались на восток. Схватившись за борт одной из них, я перемахнул через него в кузов машины и этим спасся от вражеских танков.

Крупные мотоколонны врага к утру 7 октября прорвались в глубокий тыл 18-й армии.

Командующий армией генерал-лейтенант А.К. Смирнов объединил остатки отходящих частей в оперативную группу. Армия в течение семи суток вела напряженные бои с моторизованными и танковыми дивизиями противника.

Командный пункт армии в районе Поповки (50 км севернее Осипенко) рано утром 8 октября несколько раз был обстрелян сильным артиллерийским, минометным и пулеметным огнем противника.

Генерал-лейтенант А.К. Смирнов разделил генералов, офицеров и рядовых на группы, поставив каждой конкретную задачу. Он находился рядом с ними. В этих тяжелых боях генерал-лейтенант А.К. Смирнов геройски погиб. Погибли также член военного совета армии бригадный комиссар А.М. Миронов, начальник артиллерии армии генерал-майор А.С. Титов, начальник политотдела армии полковой комиссар П.П. Миркин. Часть личного состава штаба армии, в числе которой был и я, ночью с 9 на 10 октября, во главе с его начальником генерал-майором В.Я. Колпакчи вышла с отходящими частями через разрывы в боевых порядках вражеских войск и к утру 10 октября начали сосредотачиваться в районе Новой Корани (80 км южнее Сталино, ныне Донецк).

Штаб армии разместился в Харцызске. Командование 18-й армией принял на себя начальник штаба армии генерал-майор В.Я. Колпакчи, впоследствии генерал армии, командовавший ею в октябре-ноябре 1941 г.

Уцелевшие войска армии, выйдя из окружения, совместно с войсками 9-й армии, заняли оборону на рубеже Красноармейское (60 км западнее Горловки), Волноваха (30 км юго-западнее Мариуполя).

Стояла холодная и дождливая осенняя погода. Слякоть. Выходившие из окружения бойцы и командиры были не только в изорванном обмундировании, но в ряде случаев, в гражданской одежде. Требовалось безотлагательно одеть, обеспечить их вооружением и боеприпасами, наладить нормальное и регулярное питание.

Второй эшелон полевого управления армии также только сосредотачивался после выхода из окружения. Находясь на командном пункте армии в Харцызске, мне было сподручнее заниматься обеспечением различным имуществом и материальными средствами выходивших из окружения войск, большинство которых поступало на станцию Харцызск.

Стрелковые дивизии укомплектовывались в районе Харцызск, Зугрес, Иловайск.

Поддерживая тесную связь с довольствующими отделами и службами армии, с их помощью, удалось в сжатые сроки получить и доставить из армейских и фронтовых складов все необходимое войскам. В ряде случаев, все положенное им отпускалось прямо с колес на железнодорожных станциях.

18-я армия занимала оборону в центре Южного фронта на одном из важных направлений - Сталино, Красный луч.

21 ноября противник занял Ростов-на-Дону, обороняемый 56-й отдельной армией.

Подготовленным и проведенным контрнаступлением войск Южного фронта, в котором 18-я армия наносила второй удар фронта, 29 ноября Ростов был освобожден. Был сорван на этот раз план гитлеровского командования прорыва немецко-фашистских войск на Кавказ.

В разгар сражения за Ростов, в командование 18-й армией 25 ноября вступил генерал-майор Ф.В. Камков, командовавший ею до февраля 1942 г.

Непосредственно участвуя в подготовке войск 18-й армии к контрнаступлению в составе Южного фронта, мне приходилось не только проверять их обеспеченность всем необходимым для жизни и боя, но и практически днем и ночью водить автоколонны, доставляющие в части переднего края боеприпасы, продовольствие, другие грузы.

Погода стояла плохая: заморозки сменялись оттепелью, снег переходил в дождь и наоборот, или то и другое вместе.

Дороги были труднопроезжаемые - в дождь непролазная грязь, в метель - снежные заносы, сугробы. Автомобили часто в них застревали. Иногда их приходилось тащить чуть - ли не на руках. Бомбила авиация противника, вблизи переднего края автомобильные колонны подвергались артиллерийскому обстрелу.

В начале декабря 18-я армия, находясь в центре оперативного построения войск Южного фронта, обороняла важные промышленные районы Восточного Донбасса, прикрывая направления Красный Луч, Каменск-Шахтинский.

От устойчивости войск 18-й армии зависела прочность обороны Южного фронта и, следовательно, удержание Восточного Донбасса.

В связи с неблагоприятной обстановкой, сложившейся в начале июля 1942 года на южном крыле советско-германского фронта и глубокого охвата войсками противника правого крыла Юго-Западного фронта, а также в связи с сосредоточением сильной группировки противника в Донбассе против правого крыла Южного фронта, Ставка Верховного Главнокомандования 6 июля приказала отвести войска Юго-Западного и право-

го крыла Южного фронтов на восток и закрепиться на рубеже: Новая Калитва, Чупринин, Нов. Астрахань, Попасная.

На указанный рубеж отход наших войск начался в ночь на 7 июля.

10 июля командующий фронтом приказал 18-й армии, прочно обороняясь левым флангом, в ночь на 11 июля отвести свой правый фланг и центр на рубеж Никитовка, Петровское, Ново-Павловка. На организацию отхода оставалось менее суток. Командованием армии были отданы соответствующие распоряжения.

На меня, как начальника организационного отдела-заместителя начальника штаба тыла армии, военным советом армии была возложена персональная ответственность за своевременную передислокацию армейских тыловых частей и учреждений (всего их было 129) с таким расчетом, чтобы ни одна часть, ни одно учреждение не были потеряны. Одновременно ставилась задача не допустить никаких перебоев в обеспечении войск армии всем необходимым, особенно боеприпасами и обеспечить своевременную эвакуацию раненых.

Чтобы выполнить эти непростые задачи, было решено - каждой дивизии придать по одной гужтранспортной роте, предельно загруженной боеприпасами, с тем, чтобы они, отходя вместе с войсками, обеспечивали их боеприпасами, а высвобождаясь от боеприпасов, забирали и везли раненых. Кроме того, на рубежах отхода войск армии, заблаговременно выкладывались необходимые боеприпасы. На некотором удалении от них группировались облегченные армейские госпитали, усиленные автотранспортом.

В соответствии с разработанным планом, в ночь на 11 июля войска армии начали отход.

Отходили войска армии по открытой местности, при безоблачном небе, поднимая над степью пыльные облака. Авиация противника, господствуя в воздухе, безнаказанно бомбила и обстреливала отходящие войска, особенно на переправах через реку Дон в станице Аксайской и Ростове-на-Дону.

Переправы противником часто разрушались, гибли люди, боевая техника, автомашины, повозки и все, что скапливалось у переправ и на самих переправах. Организованный отход армии был нарушен.

В режиме отвода войск армии, отводились и армейские тыловые части и учреждения. Проводной и радиосвязи с ними не было, а обстановка на фронте часто и резко менялась, следовательно, часто и резко менялись задачи тыловых частей и учреждений,

Мне надо было согласно принимаемым командованием армии решениям, своевременно подавать команды на их перемещение с указанием новых пунктов их дислокации, сроков прибытия в эти пункты, контролировать выполнение отданных распоряжений и в любой момент знать, где они находятся. Для этого было установлено постоянное дежурство офицеров родов войск и служб при штабе тыла армии (офицеров связи); через них передавались необходимые команды и распоряжения в соответствии со складывающейся боевой обстановкой.

Чтобы справиться с этими задачами мне, офицерам штаба тыла, родов войск и служб армии, приходилось день и ночь буквально метаться в полосе отступления войск армии, разыскивая подчиненные тыловые части и учреждения, направляя их в намеченные новые пункты размещения.

На переправах через реку Дон в станице Аксайская и Ростове их постигла та же участь, что и остальные войска армии.

Я находился на переправе в станице Аксайская. Здесь рядом с железнодорожным мостом был деревянный мост, но он уже не действовал. Его разрушенные фермы зигзагообразно по вертикали были погружены в воду. По нему могли переправляться по-обезьяньи только одиночки. И когда вражеской авиацией был окончательно разрушен железнодорожный мост, пропускавший и колесный транспорт, мне, чтобы убедиться, не остались ли какие-либо части и учреждения армии не переправленными, удалось по этому разрушенному деревянному мосту снова перебраться на правый берег Дона. Но там я уже никого не нашел.

В станице стояла зловещая тишина, характерная для такой обстановки, когда одни войска ушли, а другие (противника) еще не пришли. Я же, цепляясь за фермы деревянного моста, обрушенные в воду, возвратился на левый берег Дона.

В ночь на 24 июля противником вновь был оккупирован Ростов-на-Дону.

25 июля 1942 года на рубеже реки Дон в полосе от Верхнекурмоярской до устья Дона началось оборонительное сражение на Северном Кавказе.

Особенно упорные бои 18-я армия вела в августе-ноябре на майкопском и туапсинском направлениях.

Противник превосходил войска армии не только в численности личного состава и вооружения, но и в подвижности и маневренности, стремясь их окружить и уничтожить.

В районе Хадыженской, на второй эшелон полевого управления армии противник выбросил воздушный десант. Увидев его, первой моей мыслью было спасти узел связи. Мне удалось это сделать - узел связи сумел в считанные минуты свернуться и уйти из-под удара противника. Вслед за ним, на замешкавшейся автомашине, удалось уйти и мне. Многие офицеры, среди них и начальники отделов и служб, другие сотрудники управления, при этом погибли.

В ходе боевых действий армии в этот период мне приходилось организовывать эвакуацию раненых и доставку войскам различных грузов через Главный Кавказский хребет на направлении Лазаревская, перевал Хакуч и далее Верхние и Нижние Тубы. Мне приходилось заниматься организацией перевалочных пунктов с автотранспорта на гужевой, с гужевого транспорта на вьючный, прокладывать через хребет вьючные тропы, по которым потом прокладывались дороги.

Для усиления обороны на новороссийском и туапсинском направлениях были созданы: 18 августа - Новороссийский оборонительный район (НОР) и 22 августа - Туапсинский оборонительный район (ТОР).

Исполняя обязанности начальника штаба тыла Туапсинского оборонительного района в сентябре-декабре 1942 года, мне приходилось заниматься обеспечением частей, которые вели тяжелые оборонительные бои на горных хребтах и перевалах северо-восточнее Туапсе. Погода стояла дождливая. Горные реки и ручьи стали полноводными и бурными. Вода в них, бурля и пенясь, грохотала камнями, неся с собой ил и вырванные с корнями деревья и кусты. Тропы от подножья гор и до их вершин становились труднопроходимыми. По ним с трудом продвигались люди, лошади и даже ослики. Но надо было доставлять воинам все им необходимое для жизни и боя и эвакуировать раненых, чем и приходилось мне заниматься,

участвуя во всем этом. Нередко для этих целей привлекалось местное население.

Снабжение войск 18-й армии и Туапсинского оборонительного района, как и всей Черноморской группы войск, осуществлялось морским транспортом через порты Поти, Сухуми, Сочи, Туапсе, Геленджик и автомобильным транспортом по единственной военно-автомобильной дороге Поти, Туапсе, Новороссийск.

В Туапсе приходили большегрузные транспорты, отсюда, доставляемые ими войска и материальные средства на сейнерах, шхунах, баркасах и других малых судах направлялись в Джубгу и Геленджик.

Понимая значение города и порта Туапсе, противник 456 раз бомбил его, совершая "звездные налеты" десятками самолетов.

В период с 25 сентября по конец ноября 1942 г., противник трижды пытался преодолеть оборону наших войск и прорваться к Туапсе.

Контрударами войск 18-й армии, Туапсинского оборонительного района, при поддержке кораблей Черноморского флота в период с 27 ноября по 20 декабря 1942 г. противник был отброшен за реку Пшиш.

Этим была ликвидирована угроза не только захвата противником города и порта Туапсе, но и рассечения Черноморской группы войск, изоляции 56-й и 47-й армий от сообщения по Сухумскому шоссе с Закавказьем.

О важности боев на туапсинском направлении говорит и то, что Совинформбюро, передавая ежедневно о тяжелых боях под Сталинградом, передавало еще и о тяжелых боях северо-восточнее Туапсе с такой же тревогой.

В декабре 1942 г. Туапсинский оборонительный район был расформирован. На его базе было сформировано Резервное полевое управление 12-й армии (в некоторых документах оно именовалось, как Резервное полевое управление армии Черноморской группы войск), просуществовавшее до февраля 1943 года.

В это же время 18-я армия начала подготовку к широким наступательным действиям, начавшимся в середине января 1943 г.

Ставка Верховного Главнокомандования уделяла много внимания боевым действиям на новороссийском направлении. 11 февраля она утвердила план разгрома вражеской группировки и освобождения Новороссийска, разработанный штабом Черноморской группы войск. Предусматривалось значительно усилить действующие под Новороссийском войска, перебросить на это направление полевое управление 18-й армии с армейскими частями, присвоив армии наименование Десантной. Перед этим 18-я армия участвовала в освобождении Краснодара.

Этому предшествовали следующие события в районе Новороссийска. Одновременно с боями на туапсинском направлении, шли ожесточенные бои в районе Новороссийска, откуда противник стремился прорваться вдоль черноморского побережья по Сухумскому шоссе к Туапсе и далее до Сочи.

47-я армия Черноморской группы войск вела безуспешные бои за освобождение Новороссийска. Ей противостояли дивизии 44-го и 5-го армейских корпусов 17-й немецкой армии, занимавшие сильный, глубокоэшелонированный оборонительный рубеж, получивший название Голубой линии, примыкавший флангами к Азовскому и Черному морям.

На Новороссийском направлении он начинался от Крымской, далее Набердjаевская, гора Долгая, гора Сахарная Голова, Новороссийск, по западному берегу Цемесской бухты до горы Мысхако.

Новороссийск, с окружающими его горами являлся важнейшим узлом обороны противника, ключом ко всей Голубой линии и Таманскому полуострову.

Убедившись, что 47-я армия не в состоянии своими силами прорвать оборону противника, командующий Черноморской группой войск генерал И.Е. Петров решил высадить морской десант юго-западнее Новороссийска в районе Южной Озерейки и этим помочь 47-й армии прорвать оборону противника и освободить Новороссийск.

Морской десант был высажен в ночь с 3 на 4 февраля 1943 г., но по ряду причин поставленные цели не были достигнуты.

На отвоеванном плацдарме, наименованным в последующем Малой землей, ожесточенные бои затянулись более чем на семь месяцев, вплоть до освобождения Новороссийска 16 сентября 1943 года.

"Новороссийская заноза", как называли немцы Малую землю, постоянно угрожала крупной группировке противника, вызывала у него неуверенность в удержании Таманского полуострова, преграждала проход судов, в том числе подводных лодок противника в Цемесскую бухту. Это не позволяло ему использовать Новороссийский порт не только для вывоза богатств Кубани, но и как трамплин для захвата Закавказья.

Противник не мог использовать город и порт Новороссийск как базу для базирования своего морского флота.

Малая земля - это плацдарм около 30 квадратных километров, глубиной до 5 километров, шириной по урезу моря - около 7 километров. Именно эта Малая земля, наряду с городами-героями, нанесена на обелиске Памятника Победы в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. на Поклонной горе в г. Москве.

Плацдарм простреливался из всех видов наземного оружия, подвергался жестоким бомбардировкам вражеского авиации, а его берег - торпедным ударам с моря и обстрелам морскими катерами противника. И все же защитники Малой земли выстояли, удержали плацдарм и в сентябре содействовали освобождению города Новороссийска.

При этом потери в личном составе и технике были большими.

Через горнило боев на Малой земле прошло около 80 тысяч бойцов и офицеров. Был заведен порядок: одиночные лица имели право отправиться с плацдарма на Большую землю, только имея пропуск на это за моей подписью.

Без такого пропуска прибывший в Геленджик задерживался комендатурой порта, и после проверки обстоятельств прибытия, в случае отсутствия его необходимости, виновный снова возвращался на Малую землю. А каждый переход морем в этой обстановке - риск для жизни.

Исполняя обязанности заместителя командующего Группы десантных войск по тылу на плацдарме юго-западнее Новороссийска (на Малой земле) в феврале-сентябре 1943 года, помимо обычных обязанностей по этой должности, мне приходилось лично каждую ночь обеспечивать на берегу плацдарма (в "порту Мысхако") разгрузку прибывающих к нему плавсредств и погрузку на них, обратным рейсом, раненых. Все это осуществлялось под сильным огнем артиллерии, шес-

тиствольных минометов, ударами авиации, подводных лодок и торпедных катеров противника. У берега часто вспыхивали морские бои между советскими и вражескими катерами. При этом были большие потери в разгрузочно-погрузочных командах и плавсредствах. И все же надо было, не укрываясь от огня противника, за 3-4 часа темного времени суток выгрузить плавсредства и погрузить на них раненых. От этого зависела судьба десантных войск. Вот почему мне самому надо было быть в гуще команд, работающих на берегу и на плавсредствах. Ввиду кромешной темноты ("порт Мысхако" не освещался, чтобы меньше демаскировать его) требовалось переходя с берега на плавсредства и с плавсредств на берег голосом непрерывно подбадривать работающих людей, самому не кланяться каждому разорвавшемуся снаряду и мине, торпеде и трассирующим пулям морских катеров противника и не позволять это делать другим. Благодаря этому, как правило, удавалось выгрузить из плавсредств все с таким риском доставленное на плацдарм и погрузить на них, ожидающих на берегу эвакуации раненых. И не получалось так тогда, когда я выходил из строя по причине полученных контузий. Поэтому начали практиковать в этих случаях подмену меня офицером штаба тыла Группы войск, примерно моего роста и в схожей со мной экипировкой капитаном Горобец Григорием Васильевичем. Однако, такая подмена, несмотря на темень и шум работающих моторов сейнеров, мотоботов и людей, скоро обнаруживалась и капитан Горобец приходил ко мне и говорил, что он разоблачен, и что теперь у него ничего не получается.

Часто бывая на переднем крае, добираясь до боевых охранений с целью проверки фактического положения с обеспечением солдат и офицеров всем положенным, при огневых налетах противника от них, уже побывавших в разгрузочно-погрузочных командах на берегу, приходилось слышать: "Что здесь?! Вот на берегу! Там действительно настоящий ад!..." Эти офицеры и солдаты говорили, что на берегу значительно труднее и опаснее, чем на передовой, что риск на берегу тот же, что и в атакующей цепи. И это действительно так. Вот как описывал эту обстановку бывший корреспондент армейской газеты 18-й армии "Знамя Родины" на Малой земле С.А. Борзенко, впоследствии корреспондент газеты "Правда", полковник, Герой Советского Союза в своей статье "Люди войны" в

сборнике статей в книге "На левом фланге фронта" (Краснодарское книжное издательство, 1971 г.):

Мы часто встречались с Харламовым (политрук, комсорг батальона - прим. И.Ш.). С ним было интересно разговаривать. Он знал многих людей и каждому давал верную характеристику. Как-то Костя сказал мне: «Хочешь посмотреть настоящую войну?» - и по стежке, стекающей с кручи, повел меня вниз, на берег, на котором выгружали боеприпасы и продовольствие, и в обратный рейс на Большую землю отправляли раненых. Это поистине было самое смертельное место на Малой земле. Залпами из нескольких батарей, с перерывами в пять минут били гитлеровцы по пристани... На растерзанном снарядами берегу, где распоряжался начальник тыла Иван Сильвестрович Шиян, война шла круглосуточно".

Вице-адмирал Г.Н. Холостяков, Герой Советского Союза, командовавший в то время Новороссийской военно-морской базой, в своей книге "Вечный огонь" (М., Воениздат, 1976 г.) на стр. 286 о тех днях и ночах пишет: "В те дни мы испытывали особые трудности с доставкой на Мысхако текущего снабжения - разыгрался затяжной шторм. Для "тюлькина флота" он был опаснее и мин, и артиллерийского огня. Об этом очень точно сказал в своей недавно вышедшей книге генерал И.С. Шиян, который в то время был майором и в качестве начальника тыла десантной группы войск принимал от моряков доставляемые на плацдарм грузы. "Суда не могли пробиться к берегу Малой земли, - свидетельствует он, - только тогда, когда сильно штормило море. Через огонь противника они, как правило, пробивались". О разрушительной силе новороссийских штормов и ветров теперь из средств массовой информации известно всему населению Российской Федерации и даже за ее пределами. Мы же, защитники Малой земли, не только жили в таких условиях, но и вели непрерывные бои с жестоким и коварным противником. Мы находились в траншеях и землянках, он в укрепленных подвалах городских кирпичных и каменных зданий. Мы плохо прикрывались с воздуха. Вражеские самолеты летали над нами на такой высоте, что было видно летчиков в фонарях самолетов. Нередко лежа в траншее при налетах самолетов противника, мне самому приходилось угрожать кулаком вражескому летчику, а он из своего фонаря своим кулаком угрожал мне.

Во время апрельских боев на Малой земле командующий 18-й армией генерал-лейтенант К.Н. Леселидзе, следя со своего наблюдательного пункта на 9-м км Сухумского шоссе за ходом сражения на плацдарме, объятом облаками дыма и огня, воскликнул: "Остался ли там кто-либо живой!".

Противник многократно стремился любой ценой разгромить и сбросить в море десантников.

225 дней и ночей воины 18-й армии удерживали плацдарм, сыгравший важную роль при освобождении Новороссийска.

В сентябре-октябре 1943 г. армия участвовала в Новороссийско-Таманской операции.

После семидневных ожесточенных боев 18-я армия во взаимодействии с десантом Черноморского флота, высаженным непосредственно в порт города 16 сентября 1943 г. освободила от немецко-фашистских войск Новороссийск и прорвала Голубую линию обороны противника.

Разгром немецко-фашистских войск в районе Новороссийска сыграл важнейшую роль в крушении всей обороны противника на Таманском полуострове.

Во взаимодействии с 56-й и 9-й армиями, войска 18-й армии сломали сопротивление врага, и, наступая вдоль побережья Черного моря, освободили Анапу, 3 октября - г. Тамань и очистили от вражеских войск Таманский полуостров.

Освобождением Таманского полуострова закончилась Новороссийско-Таманская операция войск Северо-Кавказского фронта, продолжавшаяся с 9 сентября по 9 октября 1943 г., закончилась битва за Кавказ.

Был ликвидирован оперативно важный плацдарм противника на Кубани, который обеспечивал ему оборону Крыма. В результате создались благоприятные условия для освобождения Крыма от немецко-фашистских захватчиков.

Командующий Северо-Кавказским фронтом 9 октября 1943 г. особо отметил заслуги 18-й армии: "Славен и знаменит боевой путь войск 18-й армии, - писал он. Героическими боями на Малой земле, Мысхако, в горах под Новороссийском, смелым и дерзким штурмом города и порта Новороссийск проложен путь славы 18-й армии.

Войска 18-й армии, овладев городами: Анапа, Тамань, первыми выполнили боевую задачу по разгрому врага на Тамани".

После взятия Новороссийска и расформирования Группы десантных войск, я некоторое время был заместителем командира 414-й Анапской стрелковой дивизии по тылу. А затем вновь возвратился в 18-ю армию на должность начальника организационного отдела - заместителя начальника штаба тыла армии, но так как начальника штаба тыла армии не было, мне пришлось исполнять его обязанности. Именно в это время (в ноябре-декабре 1943 г.) на мою долю выпала вся ответственность за организацию переброски, вместе с войсками армии, армейских тыловых частей и учреждений с Таманского полуострова на Киевско-Житомирское направление, в состав войск 1-го Украинского фронта в район Киева.

В середине ноября 1943 г. резко изменилась обстановка на Киевском направлении. Немецкому командованию удалось сосредоточить в районе Житомира 15 дивизий, в том числе 7 танковых и моторизованных, с целью нанести 15 ноября удар в общем направлении Житомир, Киев. Он стремился разгромить советские войска, отбросить их за Днепр и вновь захватить Киев. Лишь ценой больших потерь, врагу удалось 20 ноября вновь овладеть Житомиром и к 25 ноября продвинуться до 40 км, продолжая рваться к Киеву, до которого оставалось 60 км.

Верховный Главнокомандующий распорядился перебросить под Киев часть стратегических резервов, в том числе 18-ю армию, отличившуюся в боях на Кавказе с включением ее в состав 1-го Украинского фронта.

Первые эшелоны 18-й армии в район Киева начали прибывать 29 ноября. Штаб армии 1 декабря выгрузился на станции Святошино и сразу же развернул командный пункт в районе Гостомеля (25 км северо-западнее Киева).

7 декабря в состав армии прибыли из резерва Ставки 276-я и 24-я стрелковые дивизии.

Тем временем обстановка в полосе 1-го Украинского фронта продолжала обостряться.

Форсированным маршем по бездорожью, на ледяном ветру, одетые по-летнему, войска своевременно вышли на намеченные рубежи обороны и остановили противника.

Наряду с выполнением таких задач, войска армии готовились к наступательным действиям. Предстояло, по замыслу командующего 1-го Украинского фронта, им наступать на на-

правлении главного удара фронта в общем направлении Житомир, Бердичев, Жмеринка.

Перейдя в наступление 24 декабря 1943 г. на острие главного удара фронта, 18-я армия в тесном взаимодействии с соединениями и частями 3-й гвардейской танковой и 1-й гвардейской общевойсковой армий накануне нового, 1944 года, в 19 часов освободили город Житомир, в ночь с 4 на 5 января - город Бердичев.

Мне запомнилось это время резким изменением погоды. Когда прибыла армия в район Киева, стояли крепкие морозы. Войска армии были одеты в летнюю форму одежды. Прибыли с юга. С большим трудом переодели их в зимнюю форму одежды. Выдали даже полушубки и валенки. А в дни наступления войск началась внезапная и сильная оттепель. Образовалась трудно проходимая грязь, все в ней тонуло. Раненых вынуждены были оставлять в населенных пунктах в полосе наступления армии, а для их лечения и медицинского обслуживания медицинский персонал добирался верхом на лошадях, продвигаясь от одного населенного пункта к другому.

Зимой 1943-1944 гг., весной и летом 1944 г. 18-я армия помимо участия в Житомирско-Бердичевской операции, активно участвовала в Проскурово-Черновицкой и Львовско-Сандомирской операциях.

30 июля 1944 г. 18-я армия была передана 4-му Украинскому фронту.

Армия была трижды разгромлена: в августе сорок первого, еще при А.К. Смирнове, затем осенью того же года в Донбассе и еще почти полностью - летом сорок второго, когда отходила от Дона до Туапсе. Каждый раз из остатков возрождалась она, пополнялась новыми соединениями. Этой армии суждено было пройти невероятно длинный путь отступления от Буковины, от Каменец-Подольского и до Кавказских гор. В наступлении она прошла еще больший путь.

Войскам 4-го Украинского фронта предстояло, в соответствии с директивой Ставки, очистить от противника Дрогобычский промышленный район и, тем самым, завершить освобождение Украины, затем, продолжая наступление в юго-западном направлении, захватить перевалы через Карпаты, чтобы в дальнейшем выйти в Чехословакию.

Работая с октября 1944 года начальником организационного отдела - заместителем начальника штаба тыла 4-го Украинского фронта принимал непосредственное участие в организации тылового обеспечения его наступательных операций.

Во всех этих операциях, осуществляемых фронтом на большом пространстве, мне приходилось осуществлять организацию и устройство фронтового тыла. Своевременно перемещать его тыловые части и учреждения в условиях бездорожья горно-лесистой местности и больших разрушений противником на автомобильных и железных дорогах, руководить фронтовыми распорядительными станциями, базами, рабочими батальонами, отдельными ротами обслуживания, организовывать охрану и оборону фронтовых тыловых частей и учреждений и часто выполнять отдельные задания командования.

Для примера приведу такое задание. Накануне наступления войск фронта весной 1945 года (в ходе Моравско-Остравской наступательной операции) в полосе его наступления в районе польского города Бельско-Бяла, выпал снег. Для уменьшения потерь личного состава, командованием фронта было принято решение выдать наступающим войскам белые маскировочные халаты, но их надо было доставить из фронтовых складов, находящихся на удалении многих километров от переднего края, на фронтовой перевалочной базе в Ясло. Времени на это отводилось одна ночь - с задачей доставить маскировочные халаты к месту назначения не позднее 4-х часов утра. Свободных автотранспортных средств не оказалось. Пришлось привлечь автобат, только что возвратившийся из подвоза войскам боеприпасов, с шоферами, уже не спавшими несколько суток. К тому же дорога предстояла гористая, с крутыми и глубокими обрывами с обеих сторон и покрытая льдом. Ночь выдалась темная, и шел снег. Малейшая оплошность - и машина могла загреметь в пропасть. Чтобы этого не случилось, пришлось в кабину каждой машины рядом с шофером посадить офицера из резерва при управлении кадров фронта, с задачей не давать ни на секунду вздремнуть в движении за рулем шоферам. На привалы, где шоферы могли бы отдохнуть, времени не оставалось. Войска ждали белые маскировочные халаты. На передней машине автомобильной колонны такую роль офицера пришлось выполнить мне самому

и, как ведущему колонну, следя за шофером, правильно вести ее по заданному маршруту.

Выполнение таких и подобных им задач, неизбежно и неминуемо возникающих в ходе войны, естественно, не исчерпывались основные обязанности начальника организационного отдела - заместителя начальника штаба тыла армии, фронта.

Его главной обязанностью была - подготовка и выработка решений командования по организации и устройству тыла армии, фронта, личное оформление этих решений с разработкой в армии - приказов по тылу, во фронте - директив по тылу.

Если позволяла обстановка и время предварительного исполнения этих документов, проводились рекогносцировки намеченных районов размещения объектов, железных и автомобильных дорог и др.

Мне доверялось самостоятельно докладывать на подпись командованию армии - приказов по тылу, командованию фронта - директив по тылу.

Вспоминается такой случай. В ходе боев в Карпатах в сентябре 1944 г. я прибыл докладывать командующему 18-й армией генерал-лейтенанту Е.П. Журавлеву на его командный пункт на подпись приказ по тылу армии. Читая его, он начал упрекать нас, что слишком близко к переднему краю выдвигаем армейские тыловые части и учреждения. Бои шли очень упорные в сложных условиях горно-лесистой местности и часто меняющихся погодных условиях. Наступала осень.

Выслушав мои доводы предложенных решений в приказе, он сказал мне: "Подпишу, когда преодолеем горы". И я вместе с ним пошел за наступающими войсками (подчеркиваю - пошли и никаким другим способом) преодолевать Восточные Карпаты. Это был сложный и опасный переход. На нашем маршруте передвижения при его разминировании погиб сапер. Е.П. Журавлев посмертно тут же наградил его Орденом Ленина.

И только когда командный пункт армии переместился с Карпат в район Мукачево Закарпатской Украины, командующий армией подписал приказ по тылу с учетом изменившейся обстановки на фронте боевых действий войск армии к этому времени.

Однажды командующий 4-м Украинским фронтом генерал армии И.Е. Петров, подписав доложенную ему мной директи-

ву по тылу, сказал, что военный совет 18-й армии ходатайствует о назначении Вас начальником штаба тыла армии и спросил: "Как Вы на это смотрите?" Я тут же ему доложил: "На Ваше решение". На что он ответил: "Тогда оставайтесь у нас". На этом все и завершилось.

Все это происходило в присутствии члена военного совета фронта генерал-полковника Л.З. Мехлиса и начальника штаба фронта генерал-лейтенанта Ф.К. Коржиневича.

Значит в 18-й армии меня помнили.

Встретил День Победы в Праге. Полевое управление 4-го Украинского фронта было переформировано в управление Прикарпатского военного округа с размещением в 1945 г. в г. Черновицы (теперь Черновцы), а в 1946 г. переведено в г. Львов.

В округе был назначен начальником оргинспекторского отдела - заместителем начальника штаба тыла округа, но должность последнего, была вакантной, и я исполнял его обязанности до убытия в мае 1947 г. военным советником в Югославскую Народную армию. За этот короткий период (1945-1947 гг.) сменились три начальника тыла округа. Округом командовали генерал армии А.И. Еременко, впоследствии Маршал Советского Союза, а затем генерал армии К.Н. Галицкий. Округ оказался проходными воротами для массы войск, возвращавшихся из Европы, многие из которых оставались на территории округа. Их надо было размещать и обустраивать, создавать учебные центры. Под руководством генерала армии К.Н. Галицкого я участвовал во главе группы офицеров округа в создании окружного учебного центра в Яворуве под Львовом, на котором в настоящее время появляются, наряду с воинскими частями Украины, и части НАТО.

С мая 1947 г. до марта 1948 г. будучи военным советником в Югославии (старший военный советник генерал-майор Барсков), по поручению нашего посольства я выступал перед эмигрантами первой волны в Югославии с докладом "О 30-летии Великой Октябрьской социалистической революции" и видел, как горели их глаза и как гордились нашей страной, победившей гитлеровскую Германию. Многие из них к этому времени успели получить советские паспорта. Это были радость и восторг.

После Югославии, около года (апрель 1948 г. - май 1949 г.) работал начальником мобилизационного отдела штаба тыла Туркестанского военного округа, и получилось так, что в отсутствии начальника тыла и начальника штаба тыла округа мне пришлось вплотную участвовать в ликвидации последствий землетрясения в г. Ашхабаде, от которого остались одни развалины. Округом командовал генерал армии И.Е. Петров. Он же был в Правительственной тройке по ликвидации последствий землетрясения в Ашхабаде. Здесь-же погиб его сын, офицер, от рук мародера.

Вся тяжесть тыла округа по ликвидации последствий этой катастрофы легла на плечи заместителя начальника тыла Туркестанского военного округа генерал-майора С.И. Ширяева и меня.

Судя по тому, что Сергей Иванович при моем убытии к новому месту службы в г. Баку сказал мне: «Я хотел бы, чтобы в подобных случаях, рядом со мной были вы», мы с ним с труднейшими задачами того времени справились.

С мая 1949 г. по сентябрь 1950 г. работал начальником штаба тыла и врио начальника тыла Бакинского района (в последующем округа) ПВО. Командовал районом генерал-полковник авиации Т.Т. Хрюкин, после его смерти, временно - генерал-лейтенант артиллерии Н.В. Марков. Это было трудное время становления района (округа) на территории, охватывающей Среднюю Азию и три республики Закавказья: Грузинскую, Азербайджанскую и Армянскую, двух военных округов: Туркестанского и Закавказского.

В сентябре 1950 г., был назначен заместителем начальника тыла Московского военного округа (командующий округом генерал-полковник П.А. Артемьев, начальник тыла округа генерал-майор П.С. Антонов).

С ноября 1951 г. до ноября 1953 г. - слушатель основного факультета Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. С ноября 1953 г. по март 1955 г. - старший преподаватель кафедры тыла при этой академии (начальник академии генерал армии В.В. Курасов, начальник кафедры - генерал-майор П.Н. Калиновский).

С марта 1955 г. по май 1959 г. - заместитель командующего 4-й гвардейской механизированной (в последующем 20-й гвардейской общевойсковой) армии по тылу - начальник тыла

армии Группы Советских войск в Германии (командующий армией генерал-лейтенант, позже генерал-полковник В.Ф. Чиж).

С мая 1959 г. по август 1960 г. - заместитель начальника тыла Московского военного округа (командующий войсками округа Маршал Советского Союза К.С. Москаленко, начальник тыла округа генерал-лейтенант П.С. Антонов).

С августа 1960 г. по январь 1968 г. - заместитель командующего войсками Московского военного округа по тылу - начальник тыла округа и член военного совета округа. В этот промежуток времени командовали округом Маршалы Советского Союза К.С. Москаленко, Н.И. Крылов, генералы армии А.П. Белобородов и Е.Ф. Ивановский.

Работая в Московском военном округе, я участвовал в подготовке и проведении 20-ти военных парадов на Красной площади в Москве.

В округе часто проводились мероприятия на уровне Правительства СССР, Политбюро ЦК КПСС, руководителей стран Варшавского Договора, чаще всего на базе Таманской и Кантемировской дивизий, авиационной и танковой Кубинки. В подготовке и проведении их, тыл округа принимал самое непосредственное и активное участие.

С января 1968 г. по апрель 1974 г., свыше шести дет, работал заместителем Главнокомандующего войсками Группы Советских войск в Германии по тылу - начальником тыла Группы и членом военного совета Группы.

При моей в ней службе Группой командовали генералы армии, впоследствии Маршалы Советского Союза П.К. Кошевой, В.Г. Куликов, С.К. Куркоткин и генерал армии Е.Ф. Ивановский.

Приказом министра обороны СССР № 0755 от 31 июня 1974 г. был назначен консультантом Военной академии Генерального штаба ВС СССР со следующими обязанностями: ведение научно-исследовательской и научно-редакционной работы; руководство некоторыми диссертациями; чтение отдельных лекций; дача консультаций преподавателям и слушателям.

30 июня 1976 г. был уволен в запас по статье 59"Б" (по болезни) с выслугой 46 лет. Инвалид Великой Отечественной войны 2-й группы.

В академии продолжил работать старшим научным сотрудником ее научно-исследовательской лаборатории.

Начальниками академии были генералы армии И.Е. Шавров и М.М. Козлов.

Мной написаны книги:

На Малой земле. М. Воениздат, 1971 г. тиражом 60000 экземпляров. Книга Л.И. Брежнева "Малая земля" издана в 1978 г., то есть через семь лет после выхода моей книги;

На Малой земле, второе издание. М. Воениздат, 1974 г., тираж 100000 экземпляров;

Ратный подвиг Новороссийска. М. Воениздат, 1977 г., тираж 50000 экземпляров;

Новороссийск - Город-герой. М. Воениздат, 1982 г., тираж 65000 экземпляров;

Генерал армии Хрулев. М. Воениздат, 1980 г., тираж 75000 экземпляров.

К 50-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., к 80-летию со дня моего рождения и созданию в Российском государственном военном архиве (РГВА) в Москве моего личного архивного фонда в 1991 г. составлен Алфавитный библиографический указатель моих печатных трудов и рукописей, как участника Великой Отечественной войны, включавший тогда 47 работ. К настоящему времени указатель пополнился 14-ью работами.

Указатель также дополнен перечнем книг, журналов, газет, в которых упоминается моя фамилия. Всего их выявлено 79, в том числе,"Солдаты XX века".

Мой личный фонд в Российском государственном военном архиве (РГВА) № 41106, и в Геленджикском историко-краеведческом музее ф.10, Д-161 ВОВ.

Много лет являюсь членом военно-научного общества при Центральном Доме Российской армии имени М.В. Фрунзе, ныне при Культурном центре Вооруженных Сил Российской Федерации.

Младший инструктор альпинизма. Занятия альпинизмом в предвоенные годы много мне помогали и выручали в боевых действиях на Кавказе и в Карпатах.

Имею правительственные награды: орден Красного Знамени, 2 ордена Отечественной войны I-й степени, орден Отечественной войны II степени, два ордена Красной Звезды, ор-

ден "За службу Родине в Вооруженных Силах СССР 3-й степени", «Орден Почета», «Боевой крест Чехословацкой республики» 1939 г., «Крест храбрых» Польской Народной республики, медали – «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа» и много других. Награжден знаком “Фронтовик 1941-1945”.

Мне особенно запомнилось вручение участникам боев на Кавказе медали "За оборону Кавказа". Это было уже в 1944 году на Украине.

Участники этих боев были выстроены на поляне (шеренга оказалась длинной), и командующий 18-й армией генерал-лейтенант Е.П. Журавлев вручил медали каждом из нас. Вся процедура вручения медалей выглядела торжественно и почетно для награжденных.

За свою долгую жизнь и службу в Вооруженных Силах я изнутри познал всю важность и сложность выполнения задач дивизионного армейского и фронтового тыла в военное время, всю важность и сложность выполнения задач тылового обеспечения войск в мирное время.

Именно тыл Вооруженных Сил прежде всего востребует все достижения современной науки и техники. И поэтому от его тружеников требуется высокий профессионализм, незаурядный ум, постоянный поиск способов выполнения возникающих задач, порой кажущихся невыполнимыми, а выполнение или не выполнение их граничит с победой или поражением, с жизнью или смертью.

Ноябрь 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Крылова Анна Викторовна****, студентка 2-го курса, Профессионального училища №5, города Москвы.*

Эпштейн Владимир Львович

И везде страшный запах гари

Часть 1

Я родился 21 января 1925 года в Москве. Родители мои - выходцы из Белоруссии, в начале двадцатых годов приехали из города Рогачева (на Днепре); мать поступила учиться в фармацевтический техникум, отец – на рабфак. Еще до революции отца призвали в армию, один год он прослужил рядовым, принимал участие в Гражданской войне, был членом РКП(б) (потом –ВКП(б)) с 1918 года. После окончания рабфака отца послали на работу сначала в Иркутск, а потом в Калугу. В Калуге я окончил второй класс. Как раз в это время, в 1933 году, по всей стране проходила «чистка» партийных рядов. Мне, восьмилетнему, вместе с матерью довелось присутствовать на «чистке» собственного отца; порядки тогда были такие. Собрания, где все это происходило, мог посетить, а если желал, и выступить там, любой гражданин. Отца критиковали за недостаточную требовательность, объявили какое-то взыскание и вскоре отпустили обратно в Москву.

После приезда из Калуги я два года учился в неполной средней школе №39, а с пятого по девятый класс - в школе-новостройке №70. Жили мы тогда в доме № 33 по Гагаринскому переулку (бывшая улица Рылеева). Семидесятая школа

тоже была построена в конце Гагаринского переулка, очень близко от того дома, где мы жили. С этой школой связаны очень дорогие для меня воспоминания. Нас учили замечательные учителя. Более шестидесяти лет прошло, а я все еще храню в своем сердце огромную благодарность учителям: русского языка и литературы - Николаю Владимировичу Дроздовскому, математики - Варваре Федоровне Кашпуровой, истории - Александру Федоровичу Строганову, физики - Сергею Макаровичу Алексееву. Были у меня в классе и товарищи, о некоторых из них я еще упомяну. В четырнадцать лет я влюбился в одноклассницу Лилю С., в следующем году она ответила мне взаимностью…

В первых числах июня сорок первого года окончились занятия в средних школах. Я окончил девять классов и в сентябре должен был пойти в десятый класс. Отец, через отраслевой профсоюз, достал для меня путевку в молодежный туристический дом отдыха. Там и довелось мне узнать о том, что началась война. Дом отдыха находился в шестнадцати километрах от города Можайска, рядом со знаменитым Бородино. Еще на вокзале в Москве, перед отъездом в Можайск, я встретил несколько ребят и девушек - детей сослуживцев отца, с которыми был немного знаком по каким-то детским утренникам, елкам и т.п. Была среди них умопомрачительной красоты девушка, моя сверстница по возрасту, Галя Катина. Где бы она ни была, вокруг нее, как бы само собой, организовывалась некая компания ребят и девушек. Так получилось и в молодежном доме отдыха.

От Можайска до дома отдыха нас довезли на специально присланном грузовике, покормили завтраком, ознакомили с домом отдыха. Все помещения - барачного типа, спальни большие, человек на двадцать, столовая на веранде.

Программа второго дня пребывания оказалась очень напряженной: осмотр Бородинского поля, посещение музея, в котором мы осмотрели мундиры и головные уборы русских и французских воинов, оружие, портреты, карету Наполеона. Мы побывали на Багратионовых флешах, на могилах погибших в Бородинском сражении русских и французов. Все содержалось в очень большом порядке.

Вечером был небольшой самодеятельный концерт и, конечно, танцы. В местном сельпо ребята «сообразили» несколь-

ко бутылок популярной тогда наливки «Сливянки». Это было очень кстати, даже девушки не отказались от пары глотков. Часов в двенадцать танцы окончились. Но человек десять, возбужденные вольными порядками молодежного дома отдыха, новыми и возобновленными знакомствами, не угомонились и отправились гулять по соседним окрестностям. Возвращались после прогулки уже под утро. Нас догнал человек в темном пиджаке, брюки-галифе заправлены в сапоги, сбоку на узком ремне - разбухшая полевая командирская сумка. Он спросил, как пройти к сельсовету. Ему ответили, что, мол, нездешние, и потому не знаем. Не дослушав, человек пошел быстрым шагом к ближайшему дому. Уже отойдя на десяток шагов, вдруг крикнул: «Мобилизация!» и похлопал рукой по сумке, наверное, имея в виду, что несет мобилизационные повестки.

До сих пор не знаю, как объяснить этот эпизод. Война-то уже, наверное, началась, немецкая армия пересекла границу, вторглась в пределы СССР, но официально Правительственное заявление сделает Молотов только в двенадцать часов дня.

И не удивительно, что в спальне, несмотря на усталость, возник спор о том, насколько вероятна война с Германией, и если вероятна, то когда начнется. На завтрак не пошли, сморил-таки сон, но не успели спорщики отоспаться. Нас резким голосом разбудила какая-то женщина. Кто-то пытался возражать, доказывая, что отдыхающие имеют право сами распоряжаться своим временем. Однако женщина сурово сказала, что началась война с Германией, дома отдыха больше нет, а на его территории будет развернут военно-полевой госпиталь.

Обратно от Бородино до Можайска пришлось идти пешком. Большая пристанционная площадь и все прилегающие улицы и переулки были заполнены народом. Мобилизованные жители города и окрестных деревень ждали прибытия эшелонов, которые должны были их доставить к месту дислокации их воинских подразделений. Тут же находились провожающие: матери, отцы, братья, сестры, жены. Многие женщины плакали, мужчины старались их успокоить; слышались звуки гармоники, где-то плясали, пытались петь. С большим трудом, кажется не без помощи военного коменданта, мы достали билеты и утром, на второй день после начала войны, приехали в Москву.

Через день, другой, меня, как комсорга группы, вызвали в райком ВЛКСМ и дали поручение о сборе теплых вещей и перевязочных материалов в семьях одноклассников. К вечеру, обойдя многих, я и двое помощников оказались в квартире Лили С. Дома были ее родители, отец и мать и еще одна родственница. Нам предложили выпить чаю, за столом взрослые невесело заговорили о множестве слухов, вероятных и самых нелепых, быстро распространяющихся по городу. Легко было опровергнуть самые невероятные предположения, что я и сделал. Казалось, что родители Лили С. немного успокоились, они услышали то, что хотели услышать. После окончания чаепития Лиля С. пошла меня проводить. На темной, безлюдной лестнице, едва захлопнув дверь, она начала просто неистово обнимать меня и целовать. Только спустя какое-то время, волевым усилием мы оторвались друг от друга, и наконец-то расстались.

Вечером следующего дня я достал из почтового ящика повестку - полоску папиросной бумаги, на которой под копирку был напечатан текст. По видимому, при рассылке так торопились, что не успели даже вписать фамилию, имя и отчество. Но из напечатанного следовало, что получатель мобилизуется на строительство оборонного объекта. Явиться следовало завтра к десяти утра в райком комсомола, иметь при себе мыло, зубной порошок, полотенце и однодневный запас продуктов.

Рано утром я вышел из дому. Следуя не вполне осознанному желанию, я решил побродить по родному Арбату, помахать рукой матери через стеклянное окно аптеки, где она готовила лекарства, и просто постоять у соседнего дома, на верхнем этаже которого жила Лиля. Около театра им. Вахтангова я увидел колонну шедших строем молодых ребят. Это были студенты театрального училища им. Б.В. Щукина. Они были одеты в военную форму защитного цвета, но без знаков различия, на ногах добротные сапоги; все это добро из костюмерных театра. Идут они в тот же райком ВЛКСМ. Уже известно, что на оборонные работы посылаются школьники из всех районов Москвы, окончившие девять или десять классов, а также студенты первого и второго курса высших учебных заведений, но только юноши, девушек пока не берут.

Райком ВЛКСМ находился в прекрасном особняке на Садовом кольце между Зубовской и Смоленской площадью. Там

же, кстати, и райком партии и райисполком. К особняку примыкает очень большой двор с развесистыми деревьями и цветочными клумбами. Всех собравшихся направляют во двор; часа через три там, что называется, «яблоку некуда упасть», причем, каким-то образом умудряются пройти через пост у калитки и девушки.

Прибежала и Лиля, и сразу, как бы укоряя, спросила: «Вова, почему у тебя такое печальное выражение лица?»

Я и сам знаю, что она права, по крайней мере, нужно уметь держаться, не выставлять свои чувства напоказ. Но ничего не могу с собой поделать. Получив повестку, я понял: юность с ее надеждами на будущее, кончилась. Ее просто больше нет, впереди война долгая и изнурительная. Кое-как успокоив Лилю, я попросил ее уйти домой. Прощаясь, она мимоходом сообщила, что, как и другие девочки из нашего класса, она записалась на курсы медсестер.

После полудня собравшихся на райкомовском дворе распределяют по взводам, человек по сорок в каждом. От нашей 70-й школы как раз и набирается один взвод. Нам назначают командира взвода, сравнительно молодого человека лет двадцати пяти или двадцати семи. На нем стиранная хлопчатобумажная гимнастерка, такие же брюки-галифе, добротные яловые сапоги. Он - рабочий высокой квалификации, принимал участие в военных действиях против Финляндии, демобилизован, последнее воинское звание - старший сержант.

Командир взвода просит всех собраться. Сразу же обнаруживается поголовное отсутствие, казалось бы, наиболее сознательных товарищей, можно сказать, вожаков: секретаря комитета ВЛКСМ Виктора Р., председателя учкома Игоря З., нет так же сыновей ряда высокопоставленных родителей. Из моих одноклассников только двое: Леня Липман и Сережа Попов.

Томительно тянется время на райкомовском дворе, наконец, часов в пять вечера, собравшиеся вливаются в общую колонну, двигающуюся по проезжей части Садового кольца по направлению к вокзалам. С тротуаров к ребятам пытаются прорваться матери, сестры, родные, любимые. В замечательном фильме «Летят журавли» есть сцена массовых проводов добровольцев, записавшихся в Народное ополчение. Примерно то же самое, но не в художественном фильме, а в жизни,

было в тот день, когда провожали ребят на «оборонные» работы.

На подходе к вокзалу провожающих оттесняют. Состав уже подан, ехать предстоит в наскоро переоборудованных товарных вагонах-теплушках. Почему-то эшелон очень долго не отправляют. Но когда все, сморенные усталостью и духотой летней ночи, засыпают, поезд, наконец, трогается. Едем долго, около суток, однодневный запас продуктов, о котором упоминалось в повестке, оказался как нельзя более кстати. Только на исходе дня прибываем на станцию назначения, примерно в шестидесяти километрах от Смоленска. От места выгрузки часов пять шли пешком, наконец-то ночью объявили привал, раздали по паре ломтей черного хлеба. Я опустил на землю рюкзак, положил рядом хлеб и прилег на траву. Рядом расположился Леня, не спеша съел свой хлеб и мечтательно произнес: «Как хочется есть!». Я приподнялся и молча протянул ему свою порцию. Дальше произошел примерно следующий диалог.

- Вова, какой ты хороший человек.
- Я так устал, что есть не хочется.
- Нет, все равно, хороший.

Леня Липман был моим одноклассником и закадычным другом. Мать и отец Лени были английскими подданными, членами компартии. Когда-то Советское правительство обменяло их на англичан, подозреваемых в шпионаже на территории РСФСР. Но в 37-ом году отца Лени расстреляли, как врага народа. И, тем не менее, Леня как-то обрел жизненные силы, даже в 39-ом году вступил в комсомол. Внешне он был чем-то похож на Чарли Чаплина, только, пожалуй, покрасивее.

Леня Липман, сын английского коммуниста, расстрелянного в советских застенках, погибнет в боях за Советскую Родину в сорок втором году…

Утром следующего дня нас разводят по деревенским домам, и, не дав отдохнуть, ведут к месту работы. Сначала мы роем огромные, глубокие и широкие канавы, которые называются эскарпами. По идее, они должны предотвратить, или хотя бы замедлить продвижение танковых соединений. Вокруг уже работают сотни людей, в основном, молодые девушки и женщины из соседних с Москвой областей.

Через несколько дней начинаем привыкать, как-то приспосабливаться к необычным условиям. По введенному кем-то свыше распорядку, рабочий день должен длиться шестнадцать часов. Но ведь даже профессиональный землекоп не сможет работать лопатой так долго. Кстати, труд наш оплачивается, производится обмер дневной выемки и учитывается индивидуальный вклад. Очень скоро выясняется, что быть неплохим спортсменом, то есть играть в футбол, волейбол или заниматься легкоатлеткой, это совсем не то, что целый день работать лопатой. У многих ребят ухудшается настроение, тем более что питание неважное: хлеб да каша. Больше всех ноют те, кто имел спортивные достижения, они более избалованы. Легче всех приспосабливаются середнячки, не такие уж первоклассные спортсмены, но, конечно, и не слабаки. Через пару недель каждому присваивают рабочие разряды.

Бывало и так. Утром, после завтрака приходим на работу, копаемся каждый на отведенном месте. Потом где-то собираемся, что-то вспоминаем, безнадежно вздыхаем. Наконец-то мы поняли, что не так уж мало мы имели в прошлой жизни и, кажется, безвозвратно потеряли.

Однажды наши школьные артистические знаменитости Котов и Гапеев устраивают импровизированный концерт. Года полтора назад в школе стихийно возник настоящий драматический коллектив. Появился молодой режиссер и сумел поставить спектакль по пьесе «Винтовка номер…». Хотя спектакль показывали в широком школьном коридоре, все остальное было как в настоящем театре: реквизит, декорации, костюмы, занавес, антракты. Котов и Гапеев - главные артисты и, вообще, - опора режиссера. Котов - высокий, красивый, правда, мрачноватый. Гапеев - пониже ростом, худощавый; лицо неудачника, обидчивое, мстительное. Теперь они стояли рядом, прислонившись к холодной земле выкопанного котлована, и исполняли песенки из репертуара Петра Лещенко. Среди слушателей были свои ребята из 70-й школы и несколько студентов из театрального, Щукинского училища. Зашёл разговор о том, что нет хорошей советской музыки. Я решился возразить, тогда мне очень нравилась музыка Хренникова к вахтанговскому спектаклю «Много шума из ничего». Среди участвующих в разговоре был сын поэта Антокольского, студент театрального училища Володя Антокольский. Он рассказал, что стихи, пес-

ни и музыка к спектаклю были созданы у них дома, чуть ли не за один вечер во время чаепития.

Увидев маленькую карточку Лили С., которую она мне подарила в райкомовском дворе, Володя Антокольский сказал: «Знаю ее, видел на Арбате».

Я уже упоминал о фильме «Летят журавли», там тоже есть похожий эпизод. Может быть, эти эпизоды и им подобные и есть то, что называют «Высшей правдой жизни» в произведениях искусства.

Впоследствии, призванный в армию Владимир Антокольский погибнет где-то на фронтах Великой Отечественной войны.

Не отличаясь особенной физической силой, я все-таки старался работать добросовестно. По этой причине командир нашего взвода решил, что я должен работать вместе с Севой Зуевым, скромным, молчаливым, атлетически сложенным десятиклассником из нашей же школы. Работал Сева лучше всех. Через некоторое время у меня порвались брюки, да так порвались, что починить их было уже нельзя. Выручил Сева, предложив свои брюки, которые положила в рюкзак его мать, как «выходные». После приезда в Москву, я пошел возвращать эти брюки, тщательно выстиранные и выглаженные моей матерью. Жили Зуевы в Чистом переулке, дома была только мать Севы. Она сказала, что Сева призван в армию, будет воевать, как и его отец, моряк, капитан. Оба они, отец и сын, с войны не вернулись, погибли, как писали в похоронках «смертью храбрых».

А война шла уже десять дней. Всеобщее недоумение вызывает молчание И.В. Сталина. Наконец, в первых числах июля по радио передают его речь. Облегчения, на которое многие надеялись, она не принесла. Необычные слова обращения к соотечественникам, которые он употребил впервые за годы своего властвования, только усугубили тревогу.

Как известно, в июле, августе сорок первого года немецкая армия стремительно продвигалась вглубь страны. Поэтому все ближе к Москве переносились линии земляных укреплений, которые сооружались в Смоленской области. Ночевали мы группами, человек по пять, в деревенских домах. Но названия деревень стали меняться все чаще и чаще. Не было никакой возможности понять, что происходит, оценить положение: га-

зеты и почта доставлялись нерегулярно, дома не радиофицированы. Не прибавляла настроения и погода, начались дожди.

Через несколько недель та часть Смоленской области, где мы находились, была занята немецкой армией. Но нас успели спасти от плена. Это случилось в конце июля или в самых первых числах августа. Уже пару недель мы рыли только окопы, ходы сообщения, окапывали будущие огневые точки. Говорили, что это вторая или третья линия обороны. Утром мы пришли к месту работы и увидели красноармейцев с винтовками и бронебойными ружьями. Я подошел к одной ячейке, где находились трое бойцов и немолодой командир в новеньком, не обмятом еще обмундировании, он явно был только что призван из запаса. Командир что-то вразумлял своим подчиненным. Я спросил: «Это что, учения?».

Командир окинул меня добрым, каким-то всепонимающим взглядом и после некоторого молчания, сказал: «Да, сынок, учения. Ты только отойди к своим, не положено тут находиться посторонним».

Я поспешно отошёл. Внезапно появился командир нашего взвода и крикнул, что нужно бежать в деревню за вещами. Из деревни уходили повзводно; было уже известно, что предстоит большой пеший переход. Шли очень быстрым шагом, отставшие то и дело бегом догоняли ушедших вперед. День был жаркий, мучила жажда. Часа через два многие совершенно выбились из сил. Командиры каждого взвода шли позади. Были еще две телеги, на которые положили вещи и лопаты. Иногда кое-кому разрешали немного проехать на одной из подвод. Стало известно, что прошли около тридцати километров, но предстояло пройти еще семьдесят. Положение казалось безвыходным. Но в это время подошла колонна пустых грузовиков. Нам приказали забираться в кузова этих трехтоннок. Ехать нужно стоя, тесно прижавшись друг к другу, только так машины могут забрать всех. На предельной скорости промчались семьдесят километров. На железнодорожной станции без промедления погрузились в эшелон.

Прибыли почему-то на Киевский вокзал. Через Москву гнали скот, движение наземного транспорта было временно приостановлено. Трое одноклассников, Леня Липман, Сережа Попов и я решили не ждать, пошли пешком. Когда проходили

по Арбату, увидели разрушенный театр им Евг. Вахтангова, в здание которого недавно попала мощная бомба.

За полтора месяца, пока мы отсутствовали, Москва изменилась. Многие семьи эвакуировались. Введена карточная система, но много хороших продуктов можно купить и без карточек, по повышенным ценам в коммерческих магазинах. Население обязали сдать радиоприемники. Москву бомбят. Повсюду на стеклах окон наклеены узкие полоски бумаги для уменьшения разлетов осколков. Во дворах выкопаны узкие «щели», на стенах домов белилами намалеваны стрелы, указывающие направление прохода в бомбоубежище.

На центральных улицах поражает множество временных прилавков, с которых продаются книги. Но их никто не покупает, скорее наоборот, пытаются продать, большей частью безуспешно. В кинотеатрах демонстрируется американский фильм «Большой вальс» с очаровательной Милицей Корюз в главной роли. Не мог я тогда, конечно, знать, что через несколько дней после официального объявления о конце войны, доведется провести ночь в том самом Венском лесу, где когда-то в киноверсии-сказке встречали рассвет легкомысленный композитор Штраус, красавица-певица Венской оперы и веселый извозчик.

Через день, другой после приезда я иду в райком ВЛКСМ для того, чтобы получить заработанные на строительстве «Оборонных сооружений» деньги. Да, в это трудно поверить, но было именно так. Несмотря на то, что наше возвращение, мягко говоря, происходило в опасной обстановке, все ведомости оказались в порядке, были оформлены в срок. В одной такой ведомости я и расписался.

Сразу после приезда мать передала мне письмо от Лили С, которое она принесла перед отъездом в эвакуацию вместе со своей семьей. Написано много, чуть ли не вся тетрадь, но нет там пары фраз, которых хотелось бы увидеть. Все письмо, по существу, посвящено одной мысли: «Почему так получилось, где же Ворошилов со своими «Пядями земли», когда у немцев, кажется, полстраны?»

Ну, написала бы хоть, что скучает, хотела бы повидаться, да вот уезжает… Но, нет этого в письме. Поэтому и я ответил сдержанно и только на заданный вопрос.

Осенью сорок первого года учебный год в московских школах начался в октябре. Однако вскоре занятия прекратились, а меня снова мобилизовали, на этот раз - во вспомогательную пожарную охрану. Небольшой отряд, человек двадцать, располагался в детском саду, в Филях, рядом с известным на всю Москву «Хладокомбинатом». Вспоминаю, как числа шестнадцатого или семнадцатого октября я ехал вечером на троллейбусе в Фили. За городом на фоне черных туч пылали зловещие красные сполохи, отчетливо доносился гул артиллерийской канонады. Немцы стояли почти у городской черты.

Девятнадцатого октября, рано утром в здании детского сада, где нашла прибежище пожарная охрана, появилась моя мать. Она принесла бумажку из райкома, которая освобождала меня от службы в связи с отъездом семьи в эвакуацию. Мне же она сказала, что отец на службе, якобы, получил распоряжение об обязательной эвакуации семьи; причем сам он никуда уезжать не собирался. Что-то тревожное происходило в городе. Утром мать приехала ко мне на трамвае. Когда же мы отправились обратно, наземный транспорт уже не работал, так что весь путь от Филей до дома на Гагаринском пришлось пройти пешком. У проходных крупных предприятий толпились люди, сами предприятия по чьему-то распоряжению были закрыты, что, само по себе, увеличивало панику. У одной из проходных ждали выдачи зарплаты на три месяца вперед, говорили, что вот-вот привезут деньги из банка. Кое-где начали взламывать магазины и склады, растаскивать продовольствие, мешки с мукой, сахаром, крупами.

Пока мы ждали машину, которая должна была отвезти семьи эвакуированных в Орехово-Зуево, где формировался железнодорожный эшелон, мать послала меня в коммерческий магазин на Арбате за хлебом. Магазин, к немалому моему удивлению, функционировал. Стоя в длинной очереди под моросящим дождем, я увидел странное шествие, от которого невольно защемило сердце. По направлению к Смоленской площади шло подразделение московской милиции, примерно полк. На фоне темных, промокших шинелей резко выделялись изготовленные из белых простыней, явно в спешке, на скорую руку, вещевые мешки. Показалось, что на хмурых лицах милиционеров была печать какой-то обреченности.

В те дни множество людей пыталось покинуть Москву. Не имея транспорта, шли пешком семьи, нередко с маленькими детьми или престарелыми родителями. На самодельных тележках или детских колясках везли самые необходимые вещи, одежду, продукты. На проносившиеся мимо грузовые машины с отъезжающими, двигающийся пешком людской поток, да и не собирающиеся никуда уезжать жители, стоящие на тротуарах, смотрели с чувством едва сдерживаемой злобы. А некоторые и сдерживаться не считали нужным, выкрикивали проклятья.

В эвакуации мне, моей матери и ее старшей сестре, то есть моей тете, предстояло жить в довольно большом уральском поселке на станции «Монетная», в сорока километрах от Свердловска (теперь - Екатеринбург). В этом поселке было большое торфопредприятие, которое построили выселенные из своих родных мест зажиточные крестьяне, попавшие в списки комитетов бедноты, как подлежащие раскулачиванию и лишению избирательных прав. Они построили на Монетной служебные помещения, жилье, мастерские, столовую, школу-десятилетку. Эту школу я и окончил весной 1943 года. По существующим тогда временным правилам можно было одновременно послать заявления с просьбой о приеме в то или иное высшее учебное заведение, приложив копию аттестата об окончании средней школы.

Осенью этого же года я был принят на первый курс Уральского индустриального института, уехал в Свердловск, получил место в общежитии и приступил к учебе. Кроме того, я послал заявления с просьбой о приеме в МГУ, МВТУ им. Баумана и МАИ.

Лекции по общеобразовательным предметам на первом курсе УИИ читали приезжие московские профессора, все мне это очень нравилось, но я вдруг понял, что не сдам экзамены в конце семестра. Я не умел вести конспекты, а в учебниках написано слишком много, да иногда и нужный учебник в читальном зале кто-то успел взять раньше. В общежитии заниматься нельзя, слишком шумно: в комнате с двухъярусными кроватями живет сорок человек. Кроме того, у меня, как и у большинства первокурсников, моментально образовалась задолженность по черчению, я абсолютно не воспринимал на-

чертательную геометрию, не успевал сделать в срок лабораторные работы по химии, ну и так далее.

Тем временем приближались ноябрьские праздники. Свердловск был тыловым городом и, несмотря на то, что идет война, предполагалось, что будет демонстрация. В связи с этим на многих зданиях размещаются плакаты, лозунги, портреты вождей, руководителей государства, накануне вывешиваются флаги. Однако, шестого ноября сорок второго года, часов в шесть вечера, в здании Уральского индустриального института вспыхивает пожар. Сначала огонь появляется в нижних этажах правого крыла здания, где расположены учебно-производственные мастерские. Но затем огонь по вентиляционным каналам распространяется до верхних этажей и даже до крыши.

В той части здания, где расположено общежитие, огня нет. Прибегают какие-то люди и зовут студентов оказать помощь. Некоторые ребята и я в том числе, вместе с пожарными вступают в противоборство с огнем. Утром, промокшие с головы до ног, совершенно обессиленные, валимся в постель. На демонстрацию, естественно, не попадаем. Конечно, пошли слухи, что пожар - результат диверсии. До сих пор не знаю, так ли это было на самом деле или просто несчастный случай. После праздника я узнаю, что комсорг нашей студенческой группы, неприятная чем-то девушка по имени Юля, одетая в гимнастерку, перехваченную широким ремнем, и темную юбку, «шьет» дело по поводу неявки на демонстрацию.

Но все это становится неважным, незначительным, после того как числа десятого декабря я получаю повестку из военкомата о призыве в армию. Передо мной возникла проблема выбора. Недавно из Московского авиационного института была получена справка о том, что я принят на первый курс и освобождаюсь от призыва. Но этой возможностью я не воспользовался, подумав, что, может быть, до Москвы-то и доберусь с великими трудностями, но потом все равно меня призовут. Ведь положение на всех фронтах все еще оставалось очень напряженным. «Так стоит ли овчинка выделки?» - подумал я и отправился в военкомат, где мне предложили поехать учиться в Смоленское артиллерийское училище, которое находилось в это время в городе Ирбите. В канун нового, сорок третьего го-

да, пошёл на новогодний концерт, а утром следующего дня поехал в Ирбит.

Смоленское артиллерийское училище

Решение о переводе Смоленского артучилища в город Ирбит было принято в конце сорок первого года. Когда-то в Ирбите устраивали знаменитые ярмарки, продавалось зерно, золото, пушнина. Для торгов было построено специальное здание, по своей архитектуре напоминающее храм. Внутри располагался большой, с высоким, в два этажа, потолком зал, в котором совершались сделки, а по праздникам устраивались балы, концерты. По бокам зала, на антресолях - кабинеты для богатых купцов-магнатов. Теперь это здание отведено под штаб, здесь кабинет и канцелярия начальника училища. В центре зала на постаменте - знамя училища, которое круглосуточно охраняют двое часовых из курсантов. Бывшие кабинеты используются как классные комнаты для таких дисциплин, как саперное дело, топография, автодело. Но живут курсанты в других зданиях, отведенных под учебные дивизионы.

Дивизион, в который я попал, занимает довольно большой двухэтажный дом. В дивизионе - две батареи, каждой из которых отведено по этажу. В батарее две комнаты отведены под спальни, где устроены двухъярусные нары. Другая, большая комната предназначена для проведения занятий, а после их окончания – для самоподготовки. Есть еще небольшая комната, формально предназначенная для командира батареи, но фактически в ней денно и нощно обитает старшина батареи, между прочим, тоже из курсантов. В коридоре около бачка с водой, как заведено сыздавна, стоит дневальный. Есть еще каморка каптенармуса, весьма пожилого красноармейца-сверхсрочника. Забот у него хватает, так как курсанты одеты, если говорить откровенно, просто убого: хлопчатобумажные гимнастерки и шаровары «б.у.», что означает «бывшие в употреблении», стиранные и латанные, обмотки, ботинки. Он же выдает белье и мыло, когда курсантов отправляют в баню. Во дворе, примыкающем к зданию, находится артпарк, состоящий из разнокалиберных орудий; некоторые из них изготовлены еще в годы Первой мировой войны. Орудия служат при изучении предмета, который называется «Матчасть». За состоянием

пушек тщательно следят, чистят стволы, моют, смазывают. Двор дивизиона обнесен забором, на входе - часовой, как и около артпарка. Столовая для всего училища общая, где-то в центре города; курсантов туда водят, естественно, строем. В Ирбите было еще одно Ростовское училище, то ли пехотное, то ли военно-политическое. Для всех военных был общий клуб, в котором демонстрировали кинофильмы или устраивали концерты.

Порядки в училище не для слабых людей. Подъем в шесть часов утра. Вместо зарядки получасовый бег. Затем туалет, построение, завтрак. Снабжение курсантов было по военному времени выше всяких похвал. На завтрак кусочек сливочного масла, две чайных ложечки сахарного песка, изрядный ломоть белого хлеба, черпак каши. Но курсанты всегда и неизменно испытывали чувство голода, все-таки пищи не хватало из-за большого расхода мускульной энергии, холодного климата. О том, чтобы купить продукты на черном рынке, не могло быть и речи, цены были просто немыслимые. Кроме того, курсантам все время хочется спать, причем они могут спать в любом положении: сидя, стоя, чуть ли не на ходу.

Всех вновь приехавших остригли наголо, отправили в баню и переодели. Затем мы писали заявления с просьбой о добровольном зачислении в училище. В действительности добровольцев немного и все они побывали на фронте и направлены из действующих воинских частей. Большинство - вчерашние школьники, студенты, несколько человек гражданских профессий - направлены в училище из военкоматов. Потом был недельный карантин, принятие присяги и вот, мы - курсанты.

Одна из главных дисциплин называется «Артиллерия - стрельба», ведет ее подполковник Колодочкин. Ему, наверное, около пятидесяти лет, но военную выправку он сохранил. Это очень образованный и интеллигентный преподаватель. Впрочем, в этом отношении он не исключение, в Смоленском артучилище почти все преподаватели были культурными, образованными профессионалами.

Одна из основных дисциплин - «Тактика», преподает ее майор Лихтайнен, финн по национальности, человек суровый, жесткий, немногословный, угрюмый. Азы науки, которые он пытается вложить в наши головы, а это извлечения из различных уставов, кажутся неимоверно скучными, а практические

занятия в поле с полной выкладкой рядового пехотинца в условиях холодной и ветренной ирбитской зимы были очень тяжелыми.

Поддержание внутреннего распорядка возлагается на самих курсантов. Из их числа назначается старшина батареи, помощники командиров взводов, как правило, все они уже успели повоевать. Командир батареи и командиры взводов - штатные, строевые преподаватели. Они не очень балуют подопечных своим присутствием. Бог и царь в батарее - старшина.

Нам со старшиной не повезло. Он был моим земляком, почти соседом по довоенному месту жительства в Москве. Человек бывалый и хитрый, он использовал свое служебное положение. Например, когда приезжали родители, кто-то им услужливо сообщал, что старшине нужно дать щедрое подношение и тогда он «отпустит» курсанта на свидание. Наш старшина в науках не преуспевал, но щеголял безупречной строевой подготовкой, надеясь хоть этим привлечь к себе внимание, так как он очень хотел остаться в училище. Но надежды его не оправдались: из осеннего выпуска сорок третьего года никого в тылу не оставляют. После окончания училища бывший старшина, как и все, должен ехать к месту своего назначения. По дороге бывшие подчиненные припоминают старые обиды. Выждав, пока движение эшелона замедляется, новоиспеченные офицеры выталкивают его из теплушки, вслед за ним летит вещмешок. Ребята знают, впрочем, что ничего страшного с ним не случиться, помыкавшись по военным комендатурам, он догонит эшелон на попутных поездах.

Но так будет после выпуска, а пока старшина распоряжается. Вечером всегда находятся несколько курсантов, которые получили внеочередные наряды, чаще всего за «длинный язык», неопрятность, оторванную пуговицу, неуспехи в строевой подготовке. Старшина собирает проштрафившихся и распределяет задания, это, в основном, мытье полов и санитарно-гигиеническая обработка уборных. Делается это после напряженного дня, после отбоя и отнимает несколько часов столь желанного сна. Приходится старшине заботиться о дровах, ведь отопление печное. В принципе должна быть налажена доставка дров. Это вроде бы и сделано, во дворе лежат превосходные бревна, распилить, наколоть - вот и дрова. Но

старшина знает, эти бревна трогать нельзя, от кого исходит это приказание, он не говорит. А решение принимает простое: посылает отделение курсантов в город с приказанием добыть все, что пригодно для топки: доски, жерди, изгороди. Если подумать, то ведь это разбой, наглость на грани уголовщины. Но все сходит с рук, хозяевам страшно даже выйти ночью на улицу, а если что и увидят, то ничего не добьются, людей в военных шинелях в городе много, на кого и кому жаловаться, неизвестно.

Командир батареи старший лейтенант Пикин, бывший беспризорник, наверное, поэтому к нему прилипла кличка «Пикин-жиган». Он невысокого роста, стройный, по-офицерски подтянут, немногословен. У курсантов пользуется непререкаемым авторитетом. В повседневную жизнь своих подчиненных почти не вмешивается, считая, что все должно идти «само собой». Курсантам известно, что Пикин при каждом удобном и неудобном случае подает рапорты с просьбой об откомандировании в действующую армию, и что начальник училища, старик - генерал-майор столь же методично ему отказывает. Вместе с тем, старший лейтенант привязан к училищу. Он иногда вспоминает довоенные годы, когда профессию военного выбирали по призванию. Среди курсантов военного времени таких считанные единицы, остальные попали в училище по стечению обстоятельств. Но и к этим ребятам комбат относится с нескрываемой симпатией.

Сначала предполагалось, что обучать новый набор будут пять месяцев, после чего большинству присвоят звание «лейтенант» и только некоторым, уж очень не преуспевшим в учении - «младший лейтенант». Однако, в связи с безусловным улучшением военной ситуации после победы в Сталинграде, к середине сорок третьего года, срок пребывания в училище продлили до девяти месяцев. С этим вопросом проблем не было, в училище решили начать все заново и даже использовать старое расписание.

Примерно в это же время во всей армии проходит самая настоящая реформа, хотя тогда это слово почему-то не употребляли. Все начиналось с того, что Красная Армия переименовывалась в Советскую армию. Затем все командиры, начиная от младшего лейтенанта и выше, теперь должны именоваться офицерами, предусматриваются звания для рядовых и

младших командиров. И, наконец, кардинально меняется форма одежды. Новая форма в большой степени воспроизводит ту, которая была принята для русской армии периода Первой мировой войны. Но самое главное, вводятся погоны, причем не только полевые, зеленого цвета, но и парадные, золотые или серебряные. Все эти изменения были приняты не на «ура», особенно это касалось погон и офицеров. Ведь совсем недавно показывали фильмы или шли спектакли, где «пролетариат» беспощадно расправлялся с «белопогонной сволочью». Происходила какая-то смена мировоззрения, советская государственность вытеснила романтику революции. Но это было решение Верховного главнокомандующего, а в армии подобные решения не обсуждаются, а неукоснительно выполняются.

В середине лета сорок третьего года учебные дивизионы получили приказание погрузиться в эшелон. Везут на учебные стрельбы, которые должны проводиться на полигоне вблизи сибирского города Салда. Едем пару суток. Артполигон в тайге, занимает огромную территорию. Было известно, что здесь формировались артиллерийские части, направленные впоследствии в Сталинград. Теперь ряды огромных землянок, человек на пятьсот каждая, были безлюдны.

Сами стрельбы длились два дня. За отделением закреплялось одно орудие, это могла быть семидесятишести миллиметровая пушка «ЗИС» или стодвадцатидвух миллиметровая гаубица. Кому-то доводилось выполнять обязанности командира орудия, наводчика, заряжающего. Но на каждое орудие расходовалось не более четырех-пяти снарядов. Это была чья-то преступная экономия, чье-то преступное недомыслие. Стоило ли затевать всю эту кампанию, везти в теплушках несколько сот человек ради этих четырех-пяти выстрелов. Тем более, что при возвращении в Ирбит, при выгрузке с несколькими курсантами случился голодный обморок. Ходили слухи, что при отъезде похитили чуть ли не половину положенного «сухого» пайка.

После приезда со стрельб становится известным, что училище направляется на сельскохозяйственные работы в пригородные колхозы и совхозы. По установившимся тогда порядкам курсантов разместили по деревенским домам. Сначала была пора сенокоса, кто умел - косили, остальные ворошили сено, метали стога, перевозили в места зимнего хранения. За-

тем настала пора уборки урожая - кончалось короткое сибирское лето. Очень часто курсантов в поле застигала непогода, холодный ветер, дождь. Иногда промокали до нитки, плащ-палаток не было ни у кого. Своих офицеров курсанты почти не видели, нехитрые дела вершили помощники командиров взводов, командиры отделений. Формально полагалось работать двенадцать часов в сутки. Работали, конечно, гораздо меньше, да и то в пол силы. К тому же резко ухудшилось снабжение; значительная часть причитающегося пайка исчезала где-то по дороге из города. Ночевали иногда под открытым небом, если шёл дождь, согревались у костра, зарывались в копны сена. Несмотря на угрозу суровой кары за хищение колхозной или совхозной собственности, курсанты, не в силах совладать с муками голода, прикапывали молодую картошку. Обнаружив в поле огромную, высотой с двухэтажный деревенский дом, копну свежесжатого гороха, несколько раз набивали мешки этим лакомством.

В последний вечер, перед отбытием в город, пятеро курсантов, в числе которых был и я, сидели за столом, в отведенном нам для ночлега доме. День выдался тяжелый, мы промокли, что называется, «до костей», и были голодны. Командир отделения выложил на стол кусок хлеба, не больше полкилограмма. Это было все, что мы сумели сберечь для ужина. У русской печи возилась хозяйка избы. Бросив на нас беглый взгляд, она зажгла керосиновую лампу-трехлинейку, поставила на стол чугун с горячей картошкой, глиняный кувшин с молоком. По тем суровым и голодным временам это была неслыханная щедрость. Испытывая чувство неловкости, я сказал ей, что мы бы хотели хоть немного заплатить за такой ужин, но у нас ни у кого нет денег. В ответ хозяйка только махнула рукой, добавив, что вот, мол, она нас покормит, так может быть, и ее мужиков, - сына и мужа, призванных в армию в первые месяцы войны, кто-нибудь так же приветит. Простая русская женщина, жена и мать из далекой сибирской глубинки.

Вскоре после возвращения в Ирбит нам сообщают, что принято решение о том, что наше обучение окончено. Перед строем зачитывается приказ о присвоении звания младших лейтенантов, кое-кому объявляется благодарность с занесением в личное дело. Кстати, это личное дело будет сопровождать нас всю жизнь. Выдается новое обмундирование: гимнастерка

и брюки из зеленого, тонкого, необычно прочного, превосходного английского сукна, шинель ядовито-зеленого цвета, тоже английская, солдатского покроя, тонкий свитер из чистейшей индийской шерсти, два комплекта зимнего нательного белья и один комплект летнего, сапоги, к сожалению, кирзовые, брезентовый ремень, зимняя солдатская шапка-ушанка.

Вскоре становится известным, что меньшая часть выпускников будет направлена в Восточную Пруссию, а остальные - на Украинские фронты. Моему товарищу и земляку, Лене Мостовому выпадает ехать в Восточную Пруссию, где он вскоре и погибнет в боях за нашу Родину. Мне же и другому моему товарищу, сибиряку Петру Клементьеву повезло: нас направляют на Украину и ехать предстоит через Москву.

На фронт

Утром без командира, но все-таки строем, сказалась все-таки благоприобретенная в училище привычка, отправляемся на вокзал. Несколько человек выделяются из общей массы, на них офицерские шинели, фуражки, хромовые сапоги, кожаные ремни, портупеи, полевые сумки. Это сыновья армейских чинов. Как только трогается поезд, в теплушках начинается азартная карточная игра в «очко». Я пытаюсь оторвать от игры Пахомова, с которым мы были в одном учебном взводе. Он уже проиграл все деньги, которые у него были, кожаную полевую сумку, сапоги, шинель. Пахомов - сын крупного армейского начальника, но сам он какой-то слабовольный, ненадежный парень.

На одной из станций к составу подцепляют вагон, в котором едет священник со своей семьей. Узнав об этом, на остановке идем посмотреть - действительно, священник, или как некоторые говорят «поп», даже в рясе и с крестом. Но больше всего удивляет множество вещей, мебели, есть даже пианино.

По мере приближения к Москве эшелон почему-то подолгу простаивает. Несколько ребят начинают петь хором. Поют все, что только могут вспомнить, строевые песни, марши, популярные романсы. Вдруг выясняется, что в теплушке с нами едет мать одного из ребят. Слушая слова бесшабашных песен, вроде таких как «Таня, Танюша, Татьяна моя, помнишь ли

знойное лето, это?», она все время рыдает, бесшумно роняя слезы в пуховой платок.

Страшноватую игру затевает бывший старший сержант Куняев. По возрасту он немного старше большинства ребят, в училище попал после того, как побывал на фронте. Куняев вызывается предсказать судьбу и предлагает сделать то же самое всем желающим. Словно опасаясь чего-то, собравшиеся около него офицеры ненадолго замолкают. Но потом волнение проходит, бессознательно все давно стали фаталистами. Но ничего страшного сказано не было. Скорее, наоборот, ведь в молодости так хочется надеяться, что все будет хорошо. Впрочем, один или два раза Куняев свои пророчества прерывал, не желая, по видимому, озвучивать то, что ему привиделось.

Мне он предсказал тяжелое ранение и кое-какие успехи на жизненном поприще. То же самое подтвердил Борис Уланов, которому к моменту окончания училища было лет сорок; до войны он уже работал профессиональным художником. В сорок шестом году Борис пришел к нам домой с единственной целью, он хотел убедиться, что не ошибся в своем пророчестве.

Часа в три утра, не доезжая километров сто до Москвы, эшелон надолго остановился. Я и Петя Клементьев, да и почти все остальные пересаживаемся на пригородную электричку. К пятнадцати часам собираемся на построение в сквере за Политехническим музеем, около памятника героям Плевны. Перед строем появляется военный, кажется, полковник, артиллерист. Произносит короткую речь, поздравляет с окончанием училища, присвоением первого офицерского звания, выражает надежду…, ну и так далее. Одним словом, за Сталина, за Родину, за Победу.

Затем мы узнаем, что нам дается двое суток, которые мы можем провести по своему усмотрению. А далее, неожиданная новость: нас отправляют не на фронт, а в офицерский резерв, который находится в Горьковской области - это знаменитые Гороховецкие лагеря.

Офицерский резерв находится в нескольких километрах от железнодорожной станции Гороховец. Это огромные землянки, внутри - двухъярусные нары, вместо матрасов - мешки, набитые прелым сеном; простыней, подушек, наволочек - не полагается. Четыреста грамм хлеба, жидкое картофельное пюре -

на завтрак, в обед - суп рассольник с несколькими жалкими ломтиками огурцов и крупинками перловки, то же самое пюре, на ужин - кашица, чай. И еще одной примечательной чертой Гороховецких лагерей было то, что, попав в резерв, все офицерские звания, начиная от капитана и кончая младшим лейтенантом, уравнивались. Все, независимо от званий, должны ходить в наряды, дневалить, нести караульную службу. А вообще, в лагере холодно, голодно и неимоверно скучно, по целым дням не знаешь, чем себя занять.

В конце августа сорок третьего года из четырех выпускников Смоленского артучилища в офицерском резерве формируется команда, которая направляется в город Пятихатки. В составе команды Клементьев, Давыденко и Пахомов, а старшим назначили меня. Позднее, по прибытии в конечный пункт назначения, мы узнаем, что нас направили в 787-й артполк, который входит в состав 252-ой стрелковой дивизии.

Ехать нужно снова через Москву, но в Москве мы узнаем, что для следования на Украину пока только формируется специальный состав со сроком отправления через три дня.

Накануне отъезда я сказал матери, что хочу пригласить несколько одноклассников, попросил приготовить какое-нибудь угощение. Встретиться решили в четыре часа вечера. Чтобы пригласить Лилю С., я отправился утром к ней домой. Открыла мне мать Лили, пригласила войти в квартиру, сказала, что Лиля ушла на работу, будет только к шести вечера. Огорченный неудачей я сказал ей:

- Когда-то я был сильно влюблен в Вашу дочь, а теперь пришел попрощаться, уезжаю на фронт.

- Смотрите, как бы Вам теперь еще больше не влюбиться, - ответила мне мать Лили. И была права. На низеньком столике, покрытым кружевной скатеркой, стоял большой фотографический портрет Лили, сделанный уже после возвращения из эвакуации. Мне она показалась ослепительно красивой.

Одноклассники пришли, как и договаривались, в четыре часа. Все говорят хорошие, искрение слова. Особенно подруга Лили, Шура Чурляева, она меня обнимает, целует. Когда все уже собрались уходить, прибежала Лиля. Мы пошли с ней на Пречистенский бульвар, потом, когда стемнело, стали бродить по знакомым до боли, родным переулкам. Лиля рассказала, что у нее появился новый знакомый. Это многообещающий

военный врач, сравнительно молодой, он старше ее лет на шесть, на семь. Кажется, дело идет к свадьбе. Особенно радеет врачу мать Лили. Лиля спрашивает, как ей поступить. Я понимаю, что все уже решено, да и что я могу ей сказать? Во-первых, я могу и не вернуться. А если и вернусь, то семью содержать не смогу, ведь у меня нет никакой профессии, и мне нужно будет учиться. Поэтому я сказал ей: «Выходи замуж!»

Так окончился этот школьный роман. Но какие-то незримые нити не порвались до конца. После возвращения из армии в 1946 году я совершенно случайно встретил Лилю в огромной Москве еще четыре раза. При первой встрече на Арбате она рассказала мне о судьбе двух наших одноклассниц, Лены Беловой и Лены Сидоренко. Они добровольно вступили в молодежные диверсионные отряды, которые забрасывали в тыл к немцам. Сидоренко была ранена, но оправилась, выжила, демобилизовалась. Белова погибла в тяжелом и страшном бою.

Наступил день отъезда из Москвы. Я явился на вокзал в сопровождении матери и отца. Состав из пассажирских вагонов должен скоро отправляться в путь. Но войти в свой вагон я не могу: нет свободного пространства. Пассажиры, в подавляющем большинстве военные, заполнили все проходы, тамбуры, набились сверх меры в купе. Я высмотрел своих спутников, жестами показал, что не могу попасть в вагон. Но они и сами все поняли, с трудом открыли оконную раму и за руки втянули меня в купе.

Через сутки прибыли в Харьков. Здесь остановка на два дня. Пошли на рынок. Я был поражен, несмотря на то, что город был освобожден пару недель назад, многие из заведенных при немцах порядков, изменять не спешат. На рынке очень много немецких товаров и продуктов, в основном, суррогаты или эрзацы. И, конечно, бешеные цены. Открыты и функционируют, как и при оккупантах, нечто вроде частных чайных и закусочных и не где-нибудь на задворках, а на центральных улицах. Там можно получить не только съестное, но и под видом чая, самогон в чашках, из-под полы, конечно.

Следующий пункт следования - город Днепропетровск. При переезде через Днепр нам приказывают перейти из вагонов на открытые платформы, подцепленные к составу. Эта мера вызвана отчасти для того, чтобы избежать последствий возможной бомбежки с воздуха. Но главным образом потому,

что при наведении моста в очень короткие сроки использована идея, так называемой, упругой конструкции. Проезжая, мы явственно ощущали, как качается мост то вверх, то вниз. Ехали мы ночью, далеко внизу перекатывает свои воды могучая река, огромное небо осыпано звездами. Что и говорить, картина, конечно, величественная и впечатляющая, но чувство тревоги о грозящих опасностях мешает воспринять все должным образом.

После приезда обращаемся в военную комендатуру, и патруль отводит нас на ночлег. Это квартира мелкого железнодорожного служащего, кажется, руководителя бригады составителей поездов. Он, его жена и двое малолетних детей, занимают отдельную двухкомнатную квартиру. Хозяева предлагают нам перекусить, извиняются за то, что спать придется на полу. Сокрушаются, что угощать приходится варениками с картошкой, а не с творогом или с вишнями и о том, что нет сметаны. А мы думаем о том, какой все-таки щедрый край эта Украина. Ведь через город несколько раз прошли и наши и немцы, опустошили, кажется, все. Так откуда же вареники, да еще политые подсолнечным маслом?

Очень осторожно, выбирая выражения, хозяин спрашивает нас о том, что по нашему мнению, ему будет за сотрудничество с немцами, да не где-нибудь, а на железной дороге, то есть стратегически важном объекте. Но что мы можем ему сказать?

Понять его можно: ведь жить, прокормить детей как-то надо было. Но за сотрудничество с оккупантами карают очень строго. Поэтому и остается в ответ бормотать что-то утешительное и малоправдоподобное.

Последний участок от Днепродзержинска до Пятихаток преодолеваем самостоятельно от одного КПП (контрольно-пропускного пункта) до другого на попутных машинах «Студебеккерах», «Доджах», «Интернационалах».

Наконец, длинный путь в часть назначения преодолен. Я и Петя Клементьев сначала попадаем в одну пушечную батарею. Вечером нас пригласили на ужин. В довольно большой горнице собрались влиятельные люди. Во главе восседал старший на батарее, так по установившейся традиции называют командира первого огневого взвода, младший лейтенант Василий Иванович Лебедев. Рядом разместился старшина батареи, казанский татарин Бородулин. Приглашены также командиры

орудий, их четверо. На столе жареная картошка, квашеная капуста, хлеб. Старшина бережно, словно священнодействуя, разливает водку в небольшие граненые стаканчики. Лебедев поднимается, говорит что-то вроде тоста. Впечатление он производит неприятное: у него грубое, словно вытесанное неискусным деревенским плотником лицо, пронизанное красными прожилками.

Я и Петя наваливаемся на еду, в последние дни питались плохо, намаялись и намерзлись в дороге. Сотрапезники же сидят за столом степенно, выпьют, закусят не торопясь, снова выпьют. Глядя на наши раскрасневшиеся лица, кто-то говорит: «Ешь - потей, работай - зябни!»

С непривычки к обильной еде, да и, если откровенно говорить, к спиртному, меня и Петю начинает неудержимо клонить в сон. Сознавая, что в одночасье рискуем потерять авторитет, все же залезаем на деревенскую печь и мгновенно засыпаем.

На следующий день с раннего утра батарея растягивается в походную колонну. В орудийной упряжке российские, низкорослые, косматые лошади, с виду они, конечно, неказисты, но выносливы и неприхотливы. Люди идут пешком, каждый расчет за своим орудием. Так в марше проходит несколько суток. Петра Клементьева направляют в гаубичную батарею.

А со мной случается несколько неприятных историй. Старшина Бородулин осчастливил - выдал прекрасные новые меховые воинские рукавицы. Но попользовался я ими пол дня, или того меньше. Зашёл погреться в переполненную солдатами избу, снял рукавицы, положил на стол, стал расстегивать шинель. Отвернулся только на секунду и…рукавицы пропали.

В тот же самый день я ухитрился промочить ноги. Неосторожно ступил на какой-то ледок и вот, пожалуйста, в сапогах полно воды. А холодно, мороз не очень сильный, но ветрено, пронизывает до костей. У меня в вещевом мешке лежало трофейное немецкое одеяло. Пришлось отрезать от него пару кусков на портянки. Все это не укрылось от глаз Василия Ивановича. Вечером, на привале я получил от него выволочку. По его словам, я нанес ему лично имущественный урон, и он в виде наказания отделил меня от «теплой компании», с которой предпочитал обычно устраиваться на ночлег. Теперь я ночую вместе со своим, вторым огневым взводом.

Взвод полностью укомплектован, людей хватит на два орудийных расчета, но что в действительности происходит, непонятно. Нет ни одной пушки. Покорежены ли они в прошлых боях, свезены в артмастерскую или просто переданы в другую батарею - никто ничего не знает. Расспросы не помогают, большинство солдат только недавно прибыли в часть. Но это еще не все. Почему в батарее распоряжается Лебедев, а где, собственно, командир батареи? Почему они плетутся в полковом тылу, вместе со старшиной и кухней? На все эти вопросы пока у меня нет ответов.

Неожиданно меня вызвали в штаб полка. Там находились начальник штаба и заместитель комполка по политчасти. В несколько торжественной тональности они сообщают, что мне поручается выполнение ответственного задания. Оказывается, нужно доставить в полк пушку, оставленную где-то из-за внезапной распутицы и последующей оттепели. До деревни, где оставили пушку, километров тридцать, ехать нужно верхом, на второй лошади меня будет сопровождать специально выделенный солдат.

Начальник штаба, с сомнением оглядев меня с ног до головы, то ли спрашивая, то ли утверждая, говорит: «На лошади, верхом, конечно, ни разу в жизни не сподобились?»

Пришлось подтвердить, что это, безусловно, так и есть.

- Ну, ничего, с вами поедет мой ординарец, он вам поможет, - добавил начальник штаба.

Только выйдя на улицу и увидев двух прекрасных, заседланных верховых лошадей с нарядными попонами, добротными седлами, я понял, какое доверие мне оказали. Ведь от себя отрывали, но что было делать, за оставленную в тылу пушку тоже не похвалят.

Трудно сказать, кто намучился больше: несчастный коняга, который не желал тащить неопытного всадника, ординарец, помогавший мне взгромоздиться в седло после очередного падения, или я сам. Но так или иначе, обляпанные с ног до головы грязью, промокшие и продрогшие, примерно через сутки постучались мы в дом, около которого целехонькой стояла наша пушка.

Сержант, командир орудия, оставленный за старшего, был очень раздосадован нашим приездом. Похоже, он рассчитывал прокантоваться в деревне еще недельки две. Но нам было не

до выяснения отношений. Хозяйка дала нам поесть и немного выпить. Еще не совсем обогревшись, мы провалились в блаженный сон. Утром мы обнаружили, что шинели наши вычищены, брюки, гимнастерки, портянки постираны, тщательно выглажены, развешаны на дверцах печи. Рядом сапоги, вымытые, высушенные и смазанные жиром. Может быть, не такой уж это подвиг, но забота украинской крестьянки, даже фамилию и имя которой я не удосужился узнать, до сих пор греет мне сердце, хотя с тех пор прошло свыше шести десятков лет.

Сентябрь 2003 года

Продолжение в следующих томах

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Богомазов Алексей Михайлович****, курсант 3-курса, кафедры военного обучения Московского Государственного Строительного Университета*

Оргкомитет по изданию 8-го тома мемуаров
«От солдата до генерала. Воспоминания о войне»
в составе:

Руководителя Оргкомитета – Президента Академии исторических наук Шоля Евгения Ивановича;
членов Оргкомитета от Академии исторических наук – Вураки Андрея Фёдоровича, Дементьева Василия Дмитриевича, Луценко Виктора Николаевича, Кирсанова Виктора Николаевича, Красногорского Василия Ивановича, Пакина Евгения Михайловича, Пархоменко Владимира Ивановича, Шиманкина Владимира Васильевича, Шишкина Николая Константиновича;
членов Оргкомитета от Ассоциации Героев России – Брайко Петра Евсеевича, Кравцова Бориса Васильевича, Рунова Бориса Александровича;
членов Оргкомитета от Всероссийской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов – Балагурова Алексея Кузьмича, Черкасова Николая Павловича, Азарова Виктора Яковлевича;
членов Оргкомитета от Московской общественной организации ветеранов войны – Слухая Ивана Андреевича, Наливалкина Дмитрия Алексеевича, Абламонова Петра Фёдоровича

выражает благодарность за участие в организации подготовки рукописей воспоминаний:

преподавателям институтов: Московского государственного университета им М. В. Ломоносова – полковнику Саврасову Дмитрию Анатольевичу; Московского авиационного института (государственного технического университета) – полковнику Пустовалову Геннадию Ивановичу, старшему преподавателю Юрченко Ивану Юрьевичу; «МАТИ» - Российского государственного технологического университета имени К. Э. Циолковского – полковнику Фросину Юрию Николаевичу; Московского государственного строительного университета – подполковникам: Дроботу Юрию Николаевичу, Мурзину Ан-

дрею Юрьевичу, Шамшетдинову Рашиду Хайдаровичу; Московского энергетического института (технического университета) – подполковнику Симошенко Владимиру Николаевичу; Московского энергетического института (филиал в городе Смоленске) – доценту Стародворцевой Наталье Павловне; Московского областного педагогического университета; Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина; Колледжа предпринимательства № 11 города Москвы; Профессионального училища №5 города Москвы - мастеру Миловой Ольге Владимировне.

Мемуары

От солдата до генерала
Воспоминания о войне

Том 8

Редакторы: Карева В.П., Лидяева Н.И., Федулова Т.М.
Компьютерная вёрстка Кирсанова В.Н.

ИБ№424

Подписано в печать 14.10.07. Формат 60x84/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Печ. л. 42,75. Тираж 1000 экз. Заказ № 7124.
Академия исторических наук
125080, г. Москва, ул. Панфилова, д. 20, корп. 2.
Отпечатано с готового оригинал-макета в ФГУП
«Производственно-издательский комбинат ВИНИТИ»,
140010, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.
Тел.554-21-86

ISBN 978-5-903076-06-2 ISSN 1818-6688

681